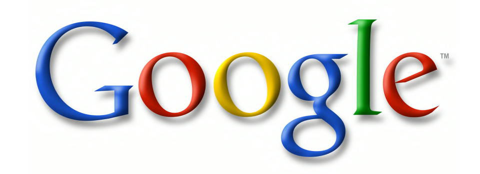
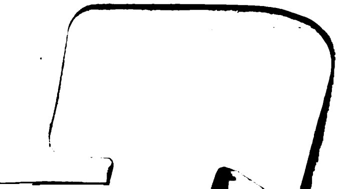




Библіотека
Пріюта
Цесаревны Маріи

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

От Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Января 15 дня 1865 года.

Цензоръ, *Архимандритъ Фотій.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.

Христіанскій Востокъ и Западъ въ III-мъ вѣкѣ. Оригенъ и Кипріанъ.

Восточная и западная Церковь, раздѣляющія въ настоящее время христіанскій міръ, составляли въ первые вѣка христіанства одну Церковь. Но въ восточной или греческой части этой Церкви замѣтно неоспоримое превосходство передъ частію западною или латинскою. Западная Церковь въ началѣ была, можно сказать, только частію восточной Церкви, или лучше—это была та же восточная Церковь, только перенесенная съ Востока на Западъ. Многіе изъ лучшихъ ея учителей писали по-гречески, какъ напримѣръ Ипполитъ, епископъ римской области во время Оригена, Ириней, епископъ Ліонскій и другіе. Вообще греческая Церковь есть самая древняя изъ двухъ. И потому, когда она увидѣла, что дочь ея, римская Церковь ищетъ величія и стремится подчинить ее себѣ, преобладать и господствовать надъ нею, и во многомъ отступила отъ истины; то она предпочла лучше разорвать союзъ съ нею, нежели подчиниться ей и принять ея заблужденія.

Но уже съ первыхъ вѣковъ христіанства замѣтны черты, отличающія одну Церковь отъ другой, Востокъ отъ Запада. Есть различіе между человѣкомъ идеи и дѣла, мысли и практики. Мы часто говоримъ объ одномъ человѣкѣ—это человѣкъ мысли; о другомъ—это человѣкъ практическій. Третій вѣкъ, съ христіанской

точки зрѣнія, характеризуется именно тѣмъ, что на Востокѣ полагали христіанство преимущественно въ мысли, на Западѣ—въ дѣйствіи. Здѣсь развились преимущественно практическія стремленія; на Востокѣ, напротивъ, стремленія идеальныя, умозрительныя. И вообще эти два направленія составляютъ какбы два полюса, вокругъ которыхъ обращается христіанскій міръ. Но они развиваются не всегда гармонически у различныхъ народовъ. Уже съ самыхъ первыхъ вѣковъ не было правильнаго равновѣсія въ Церкви между элементомъ практическимъ и умозрительнымъ. Въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ одинъ изъ нихъ почти всегда увеличивается и растетъ на счетъ другаго. Но легко понять, что основаніе того и другаго заключается какъ въ свойствѣ религіи, такъ и въ свойствахъ самой человѣческой природы.

Вѣра имѣетъ свое ближайшее начало и свое непосредственное основаніе въ чувствѣ, въ совѣсти, въ сердцѣ. И это очень естественно, потому что изъ чувства возникаютъ во всей своей полнотѣ всѣ прочія отправленія духовной жизни. Пророкъ, возвѣстившій Израилю пришествіе Евангелія, сказалъ отъ лица Божія: я дамъ вамъ новыя сердца. Исторія одного III вѣка дастъ намъ множество доказательствъ на это. Постараемся обозрѣть различныя части Римской имперіи въ III вѣкѣ, чтобы видѣть, какъ язычники обращались тогда къ христіанству и какими путями христіанская вѣра проникала въ сердца людей.

Посмотримъ сперва на этихъ серьозныхъ людей. Вотъ язычникъ, въ душѣ котораго пробуждается чувство его недостатковъ, сначала слабое, потомъ болѣе и болѣе сильное. Плутархъ, жившій въ эти первые вѣка, зна-

менитый біографъ славныхъ мужей языческой древности, въ своей книгѣ о суевѣріи и невѣріи описываетъ внутреннюю тяготу людей, о которыхъ мы говоримъ. Ни днемъ, ни ночью они не могутъ освободиться отъ внутренняго безпокойства. Страхъ преслѣдуетъ ихъ непрестанно, даже во снѣ. Нигдѣ нѣтъ для нихъ убѣжища. Но Плутархъ ошибается. Для нихъ было убѣжище, котораго, къ несчастію, не зналъ славный исторіографъ знаменитыхъ мужей древности. Это было Евангеліе Спасителя рода человѣческаго, Который сказалъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы.* Если спасительное слово проникало въ эти удрученныя сердца, то оно несомнѣнно приносило, вмѣсто печали, радость, и язычникъ дѣлался христіаниномъ. Такимъ образомъ сердечныя чувствованія печали и радости побуждали ихъ къ принятію благодати Евангелія.

Для другихъ путеводною звѣздою къ христіанству было чувство страха. Землетрясеніе разрушило городъ Ситизисъ въ Нумидіи. Объятые смертнымъ страхомъ язычники бросились къ христіанамъ и спрашивали: что̀ намъ дѣлать? Христіане указываютъ имъ источникъ утѣшенія въ своей вѣрѣ. Очень рѣдко, или почти никогда не случается, говоритъ по этому случаю славный историкъ церковной древности, чтобы кто-нибудь сдѣлался христіаниномъ нерасположенный къ тому страхомъ гнѣва Божія.

Чувство удивленія къ подвигамъ христіанскаго самоотверженія и въ особенности къ подвигамъ исповѣдничества и мученичества также многихъ расположило и обратило къ христіанству.

Вотъ открывается гоненіе. Христіанъ подвергаютъ

разнымъ истязаніямъ и предаютъ на смерть. Язычники видятъ ихъ мужество, ихъ терпѣніе. Деспотизмъ римскихъ правителей, рабство подданныхъ, оскудѣніе гражданской доблести, потеря чувства личнаго достоинства составляютъ общій характеръ эпохи распаденія языческаго міра. Тираннія грубой силы и всепоглощающаго матеріализма угнетаетъ всѣхъ безъ исключенія. Среди этого всеобщаго одряхленія одни только христіане сохраняютъ энергію, силу, чувство нравственнаго достоинства. Воздавая кесарю принадлежащее ему, они въ тоже время воздаютъ Богу то, что Ему принадлежитъ, и отказываются преклонять колѣна передъ статуями цезарей. Что это значитъ?—говоритъ языческая толпа. Что даетъ этимъ людямъ такое мужество? Что даетъ имъ силу, съ которою они готовы рѣшиться скорѣе на смерть, нежели отказаться отъ своей вѣры? Тотъ, кто видитъ этотъ героизмъ, говоритъ Тертулліанъ, хочетъ знать, какая его причина; ему говорятъ, что эти люди умираютъ ради Евангелія, и, одинъ разъ услышавши истину, онъ принимаетъ ее (¹). Святый Іустинъ, самъ бывшій мученикомъ, говоритъ намъ: „когда я былъ еще ученикомъ Платона и видѣлъ, какъ безстрашно и съ какою радостію христіане встрѣчаютъ смерть и все, что считается невыносимымъ, то подумалъ: невозможно, чтобы такіе люди проводили жизнь въ порокахъ и удовольствіяхъ; потому что, если бы они любили нечестіе и порокъ, они всѣми мѣрами старались бы о продолженіи своей настоящей жизни, чтобы не лишиться ея удовольствій“ (²). Это зрѣлище преобразовало ученика Платона въ ученика Іисуса Христа.

(¹) Тертулліана посланіе къ Скапулѣ.
(²) Евсевія, Церк. Истор. IV, 8.

Взаимная любовь, одушевлявшая христіанъ, также многихъ расположила къ принятію христіанства. Во всемъ языческомъ мірѣ царствовалъ тогда самый безотрадный эгоизмъ.

Но съ другой стороны предъ нашимъ взоромъ открываются картины самой преданной любви, самаго безкорыстнаго участія. Вотъ люди, которые другъ другу помогаютъ, другъ друга утѣшаютъ, которые жертвуютъ другъ для друга своимъ имуществомъ и даже жизнію. Что это такое? говорятъ язычники, привыкшіе только ненавидѣть другъ друга. „Посмотрите, какъ они любятъ другъ друга! Взгляните, какъ они готовы умереть другъ за друга" (1)! Да, отвѣчають христіане, мы научены этому нашимъ Спасителемъ, Который сказалъ намъ: любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.

Наконецъ зрѣлище славы древняго міра, который склонялся къ концу, и движеніе новой жизни, которая всюду давала себя чувствовать, привлекло къ вѣрѣ много людей, сознавшихъ нужду въ обновленіи міра. Труждающіеся и обремененные, утомленные борьбой съ вѣкомъ и измученные безплодными усиліями къ его исправленію, охотно обращались къ новому дыханію свѣжей жизни, къ вѣрѣ Евангелія, подобно тому, какъ задыхающіеся въ зараженной атмосферѣ стремительно склоняются къ теченію свѣжаго воздуха. «Свѣточь древняго міра помрачался, говоритъ одинъ изъ учителей христіанской древности, огонь человѣчества погасалъ. Въ то время, когда всякій цвѣтъ опадалъ, когда всякая слава преходила, когда все выдыхалось и вывѣтривалось, явился Христосъ, чтобы дать человѣку новую

(1) Тертулліана, Апологія, 39.

жизнь, полную юности и славы». Такимъ же образомъ говорилъ Тертулліанъ: «вы находите у насъ людей необразованныхъ, ремесленниковъ, женщинъ. Они не могутъ доказать вамъ умствованіями спасительность своей вѣры, но доказываютъ ее дѣлами. У нихъ нѣтъ словъ въ памяти, но есть добрые плоды въ жизни. Когда ихъ безъ вины гонятъ, они терпѣливо переносятъ; когда ихъ преслѣдуютъ, они своимъ врагамъ не платятъ тѣмъ же и не жалуются на нихъ въ судахъ; они подаютъ тѣмъ, кто у нихъ проситъ и любятъ ближнихъ, какъ самихъ себя». Вотъ какими путями христіанство входило въ сердца людей въ разсматриваемомъ вѣкѣ. Такъ и до сихъ поръ, «христіанами не рождаются, говоритъ Тертулліанъ, а дѣлаются».

Но проникая въ душу человѣка преимущественно чрезъ сердце, вѣра не останавливается на сердцѣ. Укоренившись тамъ, она переходитъ въ мысль и сообщаетъ уму здравое и ясное понятіе о Богѣ и тайнахъ Божіихъ, истинное познаніе о всѣхъ сотворенныхъ вещахъ, и о путяхъ міроправительнаго Промысла, о преходящей славѣ земнаго величія и о будущей славѣ добродѣтели и христіанскаго знанія. Если есть религіозное чувство, то также есть религіозное знаніе; потому что какъ человѣкъ есть существо, имѣющее сердце, такъ равно онъ есть существо, имѣющее разумъ. Христіанство обращается ко всему человѣку: только человѣческія умозрѣнія и системы обращаются къ какой-нибудь одной способности нашего духа — къ уму, воображенію или практическимъ стремленіямъ. Если религія принята чувствомъ въ ущербъ разуму, то она потеряетъ свою полноту и можетъ перейдти въ мистицизмъ; если она принята разумомъ въ ущербъ серд-

цу, то можетъ перейдти въ невѣріе или сухой, мертвящій формализмъ; если она принята однимъ воображеніемъ, то можетъ превратиться въ суевѣріе или фанатизмъ. Но Богъ, сотворившій всецѣлаго человѣка, хочетъ также обладать имъ вполнѣ. Религія требуетъ знанія; но это знаніе хорошо только въ такой мѣрѣ, въ какой оно внутренно связано съ религіознымъ чувствомъ и ищетъ своего свѣта наипаче въ общеніи съ Богомъ. Но и этого не довольно; мало того, чтобы наше сердце, нашъ разумъ были преданы Богу; необходимо, чтобы религіозное чувство и знаніе дѣйствовали на нашу волю. Благочестіе дѣйствительно только тогда, когда оно переходитъ изъ ума и сердца въ волю, обнаруживается въ дѣйствіи, выражается въ жизни.

Такимъ образомъ нѣтъ ни одной способности въ нашемъ духѣ, нѣтъ ни одной потребности въ нашей природѣ, которыя бы не были удовлетворены христіанствомъ. Христіанская религія не есть только лучшая изъ религій; она есть религія безусловно совершенная. Если же она есть религія безусловная, то она должна необходимо сдѣлаться всемірною религіею. Въ III вѣкѣ она обнимала уже внѣшнимъ образомъ весь почти міръ, внутреннимъ—всѣ направленія, всѣ стороны жизни человѣка.

1. Оригенъ и его опытъ системы христіанскаго міросозерцанія.

Въ Римской имперіи, въ началѣ III вѣка, одинъ городъ пріобрѣлъ такое значеніе и могущество, что его называли вторымъ Римомъ. Все, что было знаменитаго въ древнемъ мірѣ, въ области литературы, науки, фи-

лософіи, религіи—все это соединялось въ Александріи, величайшемъ центрѣ сообщенія между Востокомъ и Западомъ. Расположенная въ Египтѣ, между Средиземнымъ моремъ и древнимъ озеромъ Мареотидскимъ, простая деревенька (Ракудагъ) при Фараонахъ, Александрія превратилась въ огромный городъ при Александрѣ великомъ, который угадалъ выгоды ея счастливаго положенія. Съ тѣхъ поръ она дѣлается первымъ городомъ въ мірѣ послѣ Рима. Во время своего блестящаго состоянія она имѣла до милліона жителей. Ни въ одномъ городѣ, не исключая и Рима, не было столько умственнаго свѣта, такого широкаго разлива ума.

Войдемъ въ улицы этого славнаго города. Мы оставимъ въ сторонѣ его широкій гипподромъ, его мраморныя колонны, его великолѣпные обелиски; мы не остановимся ни на колоннѣ Помпея, ни на двухъ обелискахъ Клеопатры; но пойдемъ къ одному скромному и уютному домику. Хозяинъ дома—риторъ, учитель греческой литературы, который однакожъ обрѣлъ во Христѣ всѣ сокровища мудрости и знанія. Онъ бѣденъ и живетъ только уроками, которые онъ даетъ сыновьямъ богатыхъ согражданъ. У него добродѣтельная жена и семь юныхъ сыновей. Старшій, мальчикъ около десяти лѣтъ, особенно поражаетъ сердце отца. Ночь. Дитя спитъ; но любящій отецъ тихо подходитъ къ постелькѣ, гдѣ спитъ его сынъ; склоняется на колѣна, чтобы полюбоваться его прекраснымъ лицомъ въ тишинѣ сна; онъ открываетъ грудь младенца, наклоняется къ ней и цѣлуетъ съ уваженіемъ. Зачѣмъ ты дѣлаешь это, зачѣмъ ты поцѣловалъ грудь ребенка? Затѣмъ, отвѣчаетъ онъ, что это храмъ, въ которомъ Духъ Святый приго-

товляеть себѣ жилище (1). Этоть мальчикъ назывался Оригеномъ.

Леонидъ, нѣжный отецъ, образованный человѣкъ и вѣрный христіанинъ, могъ дать своему сыну воспитаніе въ одно и тоже время религіозное и литературное. Библія была тогда настольною книгою христіанскихъ семействъ. Юный Оригенъ, каждый день, раскрывая священные листы, читалъ ихъ съ радостію, которая наполняла всю его жизнь и сердцемъ принималъ каждое слово Писанія. Въ отрокѣ оказывался глубокій умъ, жаждущій знанія. Онъ не довольствовался простымъ и легкимъ чтеніемъ мѣстъ священнаго Писанія, но желалъ чего-то большего и еще въ то время пускался въ глубокія созерцанія и причинялъ отцу не мало хлопоть, спрашивая его, какой смыслъ заключаетъ въ себѣ внѣшнее выраженіе богодухновенныхъ книгъ. Отецъ хотя по наружности и выговаривалъ сыну, внушая ему не быть пытливымъ выше своего возраста и не искать въ Писаніи ничего, кромѣ простаго и очевиднаго смысла, однако внутренно, самъ въ себѣ очень радовался и Виновнику всѣхъ благъ Богу возносилъ величайшее благодареніе за то, что Онъ удостоилъ его быть отцомъ такого сына.

Отрокъ достигъ возраста пятнадцати лѣтъ. Въ немъ все больше и больше возрастала жажда знанія и онъ все чаще обращался къ отцу, чтобы утолить ее. Сынъ мой, говорилъ ему Леонидъ, я—риторъ и обучаю тебя только человѣческимъ наукамъ; но нужно, чтобы ты изучилъ науки божественныя. Ты знаешь, что въ нашемъ городѣ есть училище, гдѣ даютъ правильное обученіе христіанское. Его посѣщаютъ не только дѣти хри-

(1) Евсев. Церк. Истор. VI, 2.

стіанскихъ родителей и молодые люди, желающіе научиться Божественному слову, чтобы впослѣдствіи послужить ему, но и многіе образованные язычники, ученые, философы, оставившіе идолослуженіе или гностическія заблужденія и имѣющіе нужду въ твердомъ наученіи, чтобы просвѣтить свой умъ свѣтомъ жизни, отвергнуть заблужденія философіи и разрѣшить трудности писаній. Иди и слушай эти высокія наставленія.

Оригенъ этого только и желалъ. Александрія наполнена была тогда славою одного великаго учителя: его имя было Климентъ, — онъ тоже былъ александріецъ. Этотъ наставникъ поставилъ себѣ правиломъ внимательно испытывать молодыхъ людей, которые приходили къ нему, чтобы лучше узнать ихъ и судить, способны-ли они принять высокія истины. Для этого онъ внимательно наблюдалъ за ихъ словами, нравами, дѣйствіями, за всѣми внѣшними выраженіями ихъ души. Онъ тотчасъ понялъ, что́ такое былъ Оригенъ. Онъ открылъ ему исторію своего обращенія къ христіанству и собственнымъ примѣромъ научалъ его, какъ легче найти спасительный путь въ жизни. „Я сдѣлался христіаниномъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, говорилъ онъ; до того времени я оставался въ язычествѣ, въ рабствѣ грѣха. Я изучалъ всѣ роды знанія, всѣ системы, всѣ философіи. Наставниками моими были самые образованные люди. Изъ нихъ одинъ былъ въ Элладѣ—Іоніецъ, другой въ великой Греціи (нижней Италіи). Первый родился въ Целесиріи, послѣдній въ Египтѣ. Иные же находились на Востокѣ и изъ восточныхъ одинъ былъ Ассиріянинъ, другой палестинскій Іудей. Но они не могли удовлетворить жаждѣ знанія, которая меня снѣдала. Наконецъ я возвратился въ Египетъ, мое отечество, и встрѣ-

тилъ здѣсь послѣдняго наставника, который впрочемъ по достоинству былъ первый. Это былъ скромный, сокровенный человѣкъ, пришедшій съ того острова отъ горы Гиблы, гдѣ пчелы даютъ такой отличный медъ. Когда я послушалъ его, я не хотѣлъ больше слушать другихъ. Эта истинная пчела Сициліи съ радостію облетала всѣ священныя книги, съ заботливостію собрала всѣ цвѣты съ писаній Пророковъ и Апостоловъ и образовала въ душѣ тѣхъ, которые слушали ее, какъ въ священномъ ульѣ, самые чистые соты, не меда, но свѣта и знанія. Его примѣръ научилъ и меня. Я понялъ, что нужно искать, испытывать, но искать съ желаніемъ найти, достигнуть истиннаго свѣта. Тотъ, кто все испытываетъ, не желая найти спасительную истину, не найдетъ ничего. Но есть Божественное слово, которое говоритъ: Ищите и найдете, потому что вы ищете отъ всего сердца. Пантенъ (это было его имя) научилъ меня вникать въ духъ Писаній. Слѣдуя за этою пчелою горы Гиблы, я перешолъ отъ смерти къ жизни; я почувствовалъ жало духовной болѣзни; я вкусилъ меда Искупителя, и подлѣ Христа нашелъ миръ, успокоившій мою возмущенную душу. Я сдѣлался христіаниномъ". Тотъ же совѣтъ Климентъ далъ Оригену. „Ищи, изслѣдуй, испытывай, какъ дѣлалъ я (1). Углубляйся въ тайны Писанія и найдешь неоцѣненное сокровище. Кто ищетъ — найдетъ и Богъ отверзаетъ дверь тому, кто стучитъ".

Съ тѣхъ поръ Оригенъ возсѣлъ у ногъ Климента и никогда не оставлялъ этого почтеннаго наставника. „Если вы не повѣрите, говорилъ Климентъ, вы не пріобрѣтете знанія. Вѣра необходима для жизни духа, какъ

(1) Евсев. Цер. Ист. V, 11.

дыханіе для жизни тѣла. Христіанское знаніе есть свѣтъ, который Богъ возжигаетъ въ нашихъ душахъ". Онъ часто присовокуплялъ къ этому слова, приписываемыя Спасителю: „сдѣлайтесь добрыми мѣновщиками", — т. е. научитесь отличать настоящую монету отъ поддѣльной, истину отъ заблужденія.

Оригенъ имѣлъ сердце горячее, душу энергическую, рѣшимость непреклонную. Его умъ былъ корабль, быстро несущійся по морю, но онъ имѣлъ нужду въ балластѣ. Живой, энтузіастъ, способный къ великимъ дѣйствіямъ, но способный также къ великимъ увлеченіямъ, онъ нашелъ у ногъ Климента благодѣтельную опору, которая должна была сдерживать этотъ корабль среди бурей жизни или по крайней мѣрѣ препятствовать ему погружаться въ волнахъ.

Внезапный ударъ грозы разразился надъ Египтомъ. Началось кровавое гоненіе. Императоръ Септимій Северъ не былъ золъ; но его совѣтники проникнуты были фанатическою ненавистію къ христіанству. Первые удары обрушились на великаго учителя Александріи. Спасайся бѣгствомъ, совѣтовали Клименту его друзья; воины ищутъ тебя. Спаситель сказалъ: „если васъ гонятъ въ городѣ, бѣгите въ другой". Климентъ уступилъ и удалился въ Палестину. Слушатели его разсѣялись. Но Оригенъ потерялъ больше всѣхъ. Въ одинъ день воины окружили домъ его отца, схватили его и заключили въ тюрьму. Никто уже не сомнѣвался въ его близкой смерти. Гоненіе сдѣлалось столь насильственнымъ, что христіане говорили во всемъ нижнемъ Египтѣ: настали послѣдніе дни; скоро явится антихристъ (1). Какое трогательное зрѣлище представляетъ намъ въ

(1) Евсев. Цер. Ист. VI, 7.

это время домъ Леонида! Жена, почти уже вдова, въ слезахъ; шесть малыхъ дѣтей плачутъ; но старшій сынъ его, семнадцати лѣтъ, испытываетъ борьбу не по лѣтамъ. Взглядъ его неподвиженъ. Увы, онъ потерялъ все: наставникъ въ ссылкѣ; отецъ въ темницѣ. Кто успокоитъ его сердце? Вѣра и несчастія воспламеняютъ его душу; его египетскіе глаза испускаютъ пламень. „Отецъ мой, говоритъ онъ, умретъ не одинъ; я пойду вмѣстѣ съ нимъ. Отецъ мой не одинъ будетъ исповѣдывать Іисуса Христа; я иду къ его мучителямъ, и скажу имъ, что Христосъ есть мой Спаситель и мой Богъ и я подставлю имъ мою голову“. Нѣжная мать сперва умоляла его словами, убѣждала пощадить материнскую любовь ея; но потомъ видя, что не смотря на ея увѣщанія и мольбы, въ немъ больше и больше воспламеняется желаніе мученичества, стала скрывать отъ него всякую одежду и тѣмъ по неволѣ удерживала его дома. Когда такимъ образомъ ему ничего не оставалось дѣлать, онъ, возбуждаясь не по лѣтамъ духомъ ревности, и не могши остаться въ покоѣ, написалъ и послалъ къ отцу письмо, съ самымъ трогательнымъ увѣщаніемъ къ мученичеству. „Имѣй осторожность, прибавилъ онъ, чтобы изъ любви къ намъ не измѣнить вѣрѣ“. На землѣ одно только христіанство можетъ совершать подобныя дѣла.

Голова Леонида пала и вдова, мать семи малыхъ дѣтей, осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни; потому что имущество ихъ взято было въ царскую казну. Одна богатая и по всему знаменитая александрійская женщина, увлеченная гностическими заблужденіями, имѣла у себя наставника одной изъ этихъ сектъ, который жилъ въ ея домѣ и держалъ въ немъ собранія съ цѣлью

пріобрѣсть приверженцевъ. Онъ слылъ ученымъ человѣкомъ и къ нему стекалось безчисленное множество не только еретиковъ, но и христіанъ. Этотъ гностикъ, по мѣсту родины Антіохіецъ, по имени Павелъ, желалъ наложить руку на Оригена и пріобрѣсть молодаго, столько обѣщающаго человѣка. Гностическая женщина предложила Оригену переселиться въ ея домъ; дала ему столъ и помѣщеніе. Юный христіанинъ встрѣчался съ гностикомъ и разговаривалъ съ нимъ. Его благодѣтельница выразила ему свое желаніе видѣть его въ своихъ собраніяхъ, на которыхъ предсѣдательствовалъ ея наставникъ; но Оригенъ поднялъ голову и противопоставилъ заблужденію чело, твердое, какъ алмазъ. Я готовъ, сказалъ онъ своей благодѣтельницѣ, показать человѣку всѣ роды уваженія; но что касается до ученія, я его отвергаю. Полный благодарности къ вашему гостепріимству, я смотрю однакожъ на все, какъ на потерю, въ сравненіи съ познаніемъ Іисуса Христа. Я не буду въ собраніяхъ гностика и не буду молиться вмѣстѣ съ нимъ. Эти чувства заставили Іеронима сказать объ Оригенѣ: великій мужъ отъ юности. Съ тѣхъ поръ Оригенъ старался возстановить свою независимость. Мать его и молодыя сироты были призрѣваемы Церковію; а онъ, пользуясь свѣдѣніями, которыя пріобрѣлъ въ греческой литературѣ, сталъ давать уроки и такимъ образомъ обезпечилъ свою жизнь. Но вскорѣ отъ него потребовали другаго учительства. Такъ-какъ Климента больше не было въ Александріи, то многіе язычники, обратившіеся во время гоненія къ христіанству, пришли къ его ученику и изъявили желаніе слышать слово Божіе. Первымъ изъ нихъ былъ Плутархъ, украсившій свою доброхвальную жизнь священнымъ вѣнцомъ мученичества; вмѣстѣ съ нимъ слушалъ на-

ставленія Оригена братъ его Иракль, бывшій потомъ наставникомъ александрійскаго училища и наконецъ епископомъ Александрійскимъ. Оригену было только осмнадцать лѣтъ. Но Димитрій, епископъ александрійскій, узнавши о неслыханныхъ успѣхахъ молодаго наставника, предложилъ ему въ управленіе огласительное училище, осиротѣвшее послѣ учителя его Климента. Такимъ образомъ Оригенъ дѣлается первымъ учителемъ перваго въ мірѣ христіанскаго училища. Видя, что число учениковъ его болѣе и болѣе умножается, Оригенъ оставилъ занятіе греческой литературой, чтобы посвятить себя исключительно божественной наукѣ Евангелія; а чтобы обезпечить себя въ средствахъ жизни, онъ продалъ всѣ бывшіе у него и съ такою любовію изученные имъ списки древнихъ сочиненій, съ условіемъ, чтобы купившій у него эти книги уплачивалъ ему по четыре овола въ день.

Между тѣмъ, сдѣлавшись учителемъ, онъ не переставалъ быть пламеннымъ вѣрующимъ. Гоненіе обуревало Церковь и между тѣми, которыхъ оно коснулось, нашлось много вѣрныхъ изъ его учениковъ, новообращенныхъ и оглашенныхъ обоихъ половъ. Оригенъ не только посѣщалъ ихъ въ темницѣ, и сопровождалъ въ судъ для выслушанія послѣдняго приговора, но послѣ того сопутствовалъ имъ на мѣсто казни, выказывая при этомъ великое мужество и идя на встрѣчу опасностямъ, такъ что когда подходилъ онъ къ святымъ мученикамъ и съ совершеннымъ безстрашіемъ напутствовалъ ихъ лобзаніемъ, то неистовствовавшая чернь часто едва не убивала его камнями, и только при помощи всегда простертой надъ нимъ десницы Божіей дивнымъ образомъ избѣгалъ онъ смерти.

Между его оглашенными была одна дѣвица неописанной красоты, Потаміена. Она была спокойна и тверда въ присутствіи своихъ судей. Отрекись отъ Іисуса Христа, сказалъ ей префектъ Акила. Она отказалась. Тогда подвергли ее ужасной пыткѣ, но она осталась непоколебима. Если ты не отречешься, вскричалъ въ гнѣвѣ судья, я предамъ тебя гладіаторамъ на посрамленіе. Потаміена не много подумала, и потомъ, когда спросили ее, на что она рѣшается, дала, говорятъ, такой отвѣтъ, который язычникамъ показался нечестивымъ. На смерть, сказалъ Акила и приказалъ вести ее на казнь воину, по имени Василиду. Толпа язычниковъ тѣснится вокругъ дѣвы, оскорбляетъ ее и говоритъ ей непристойныя слова; но Василидъ, который былъ человѣкъ справедливый, поступаетъ съ нею очень вѣжливо и заставляетъ замолчать ея поносителей. Тронутая этимъ участіемъ Потаміена сказала: я прошу и на небѣ буду просить Бога о твоемъ спасеніи. Сказавъ эти слова, она мужественно подвергла себя казни. Пусть снимутъ съ нея одежды, закричалъ жестокій гонитель. Юная дѣвственница бросилась на колѣна: оставь ихъ мнѣ, сказала она вся въ слезахъ, и ты увидишь, что Іисусъ Христосъ дастъ мнѣ терпѣніе, какого ты не имѣешь счастія знать. Эта милость была оказана ей. На тяжелыхъ плечахъ подняли ее надъ пылающимъ костромъ и опускали въ кипящую смолу сперва ноги, потомъ мало по малу все тѣло, пока наконецъ огонь не коснулся головы и душа ея не возлетѣла къ Спасителю. Воинъ Василидъ удалился съ смущеннымъ сердцемъ; его воображеніе безпрестанно представляло ему смерть этой искупленницы Христовой. Нѣсколько дней спустя онъ открыто объявилъ себя христіаниномъ. Я видѣлъ,

говорилъ онъ, Потаміену во снѣ, она возлагала мнѣ на голову вѣнецъ и сказала мнѣ, что Богъ услышалъ ея молитву. На другой день онъ былъ обезглавленъ. Говорятъ, что эта дивная мученица обратила и много другихъ къ ученію Христову, являясь имъ во снѣ и призывая ихъ къ Божественному Слову.

Твердость, съ которою Оригенъ сопровождалъ мучениковъ на смерть, воспламенила гнѣвъ язычниковъ. Они составляли сборища и домъ, въ которомъ жилъ онъ, окружали войскомъ, потому что у него собиралось множество оглашаемыхъ святою вѣрою. Гоненіе противъ него возрастало со дня на день до того, что, наконецъ, ему не было мѣста въ цѣлой Александріи; онъ переходилъ изъ дома въ домъ и отвсюду былъ прогоняемъ именно за то, что чрезъ него приходило къ божественному ученію множество язычниковъ,—тѣмъ болѣе, что и самая жизнь его представляла удивительный образецъ истиннаго любомудрія. У него чтó было на языкѣ, то и на дѣлѣ, а чтó на дѣлѣ, то и на языкѣ. Наконецъ толпа язычниковъ схватила его и одинъ жестокій начальникъ изобрѣлъ пытку особагó рода. Воздай честь Серапису, говоритъ ему этотъ жалкій язычникъ. Сераписъ былъ главнымъ богомъ Египтянъ, который давалъ, по ихъ понятію, здоровье и жизнь. Въ храмъ, въ храмъ, кричала толпа. Оригена повлекли въ храмъ и поставили предъ великолѣпной статуей идола. Это была статуя египетскаго божества, покрытая широкими и длинными одеждами, окруженная змѣями, съ подушкой на головѣ, съ суровымъ видомъ, державшая звѣзды въ своей правой рукѣ. Оригенъ отказался почтить его. Тогда язычники повлекли его въ одну изъ пристроекъ, прилегающихъ къ храму; одѣли его въ великолѣпныя одежды

жрецовъ Сераписа и повели его по ступенямъ храма къ статуѣ идола; дали ему въ руки пальмовыя вѣтви и заставили раздавать ихъ тѣмъ, которые, по обычаю, пришли для поклоненія. Оригенъ взялъ то, что ему дали и въ то время, какъ толпа поклонниковъ приблизилась, онъ началъ раздавать имъ пальмовыя вѣтви, говоря: примите, но не вѣтви идольскія, а вѣтви Іисуса Христа ([1]).

Между тѣмъ этотъ юный и удивительный христіанинъ не былъ совершенно изъятъ отъ недостатковъ своего времени. Между заблужденіями первыхъ вѣковъ было одно, увлекшее многихъ. Въ первые вѣка христіанства было много людей, которые не высоко ставили обыкновенныя обязанности христіанской жизни, какъ будто это вещь слишкомъ общая, и которые поставляли добродѣтель въ особенныхъ, чрезвычайныхъ подвигахъ самоумерщвленія. Преувеличенія, экстазъ всегда показываютъ внутреннюю слабость; потому что живое благочестіе сердца всегда изливается ровнымъ и спокойнымъ потокомъ ясной, тихой и чистой добродѣтели, между тѣмъ какъ крайности, выходящія даже изъ добрыхъ побужденій, всегда обнаруживаютъ недостатокъ самообладанія въ душѣ. Уже въ самое первое время христіанства многія души увлеклись въ эти крайности: но апостолъ Павелъ предостерегалъ отъ нихъ вѣрныхъ, внушая имъ слѣдовать чистому ученію Евангелія, а не совѣтамъ лицемѣрной мудрости и обольстительнаго благочестія людей, требующихъ болѣе того, что́ заповѣдано самимъ Творцемъ человѣческаго сердца (1 Тим. IV, 1—7). Молодой и пламенный Оригенъ былъ тогда аскетомъ. Снисходительный къ другимъ, онъ былъ строгъ

([1]) Epiph. Haeres. 64, 1.—

къ самому себѣ. Отвергая всѣ обольщенія юношескихъ страстей, онъ днемъ безпрерывно несъ не легкое бремя преподаванія, а большую часть ночи посвящалъ упражненію въ священномъ Писаніи и такимъ образомъ велъ жизнь строжайше любомудрую, то упражняя себя въ подвигахъ науки, то сокращая время сна, да и спать старался не на ложѣ, а на землѣ. Необходимѣе всего считалъ онъ соблюденіе словъ Спасителя, которыми заповѣдуется не имѣть двухъ одеждъ или сапоговъ и не сокрушаться заботами о будущемъ. Движимый ревностію, превышавшею его возрастъ, онъ переносилъ холодъ и наготу и достигъ высшей степени бѣдности, такъ что чрезвычайно изумлялъ окружавшихъ его. Хотя весьма многіе изъ тѣхъ, для которыхъ онъ трудился въ божественномъ ученіи, наконецъ и просили его пользоваться ихъ имуществомъ: однако онъ нисколько не ослабилъ строгихъ своихъ правилъ. Говорятъ, что многіе годы онъ ходилъ босой, не употребляя никакой обуви; многіе также годы отказывался отъ вина и отъ всего, кромѣ необходимой пищи, до того, что крайне разстроилъ и повредилъ свою грудь. Наконецъ простерши свою ревность далѣе предѣловъ, указываемыхъ словомъ Божіимъ и природой, онъ рѣшился на такой поступокъ, который обнаруживалъ въ немъ незрѣлый юношескій умъ, хотя служилъ также великимъ доказательствомъ его вѣры и воздержанія. Принявъ слова: суть скопцы, иже исказиша себе царствія ради небеснаго (Мат. XIX, 12), юношески, въ смыслѣ буквальномъ, онъ дерзнулъ выполнить это изреченіе Спасителя самымъ дѣломъ, частію потому, что исполненіе его считалъ дѣйствительно спасительнымъ, а частію и потому, что, находясь еще въ юномъ возрастѣ, обязанъ былъ

бесѣдовать о предметахъ божественныхъ не только съ мужчинами, но и съ женщинами и потому хотѣлъ отнять у невѣрныхъ всякій поводъ къ гнусной клеветѣ, стараясь впрочемъ скрыть этотъ поступокъ отъ безчисленныхъ своихъ учениковъ. Предстоятель александрійской Церкви Димитрій, узнавши объ этомъ, крайне удивился отважности Оригена, и сперва одобривъ его ревность и искреннюю вѣру, располагалъ его къ благодушію и возбуждалъ тѣмъ усерднѣе заниматься обязанностію огласителя, но вскорѣ послѣ того видя, что Оригенъ необыкновенно успѣваетъ и что всѣ превозносятъ его, какъ мужа великаго и славнаго, воспламенился завистію и старался описывать его поступокъ съ самой дурной стороны. Но мы по порядку будемъ описывать событія.

Занимаясь оглашеніемъ, Оригенъ считалъ необходимымъ соединять съ вѣрою знаніе. Присоединяющіеся къ Церкви оглашенные были частію изъ Іудеевъ, частію изъ язычниковъ. Одни приносили съ собою вѣру въ древній законъ; другіе—любовь къ философіи и знанію, которыя были доселѣ ихъ руководителями въ жизни.— Тѣ и другіе, Іудеи и Греки—представители двухъ важнѣйшихъ сторонъ жизни древняго міра, были глубоко различны между собою. Послѣ явленія Евангелія эта раздѣльность не могла болѣе существовать и различныя культуры того и другаго народа должны были уступить мѣсто новой всеобщей цивилизаціи въ духѣ новаго ученія. Съ тѣхъ поръ два элемента, прежде раздѣленные, должны были соединиться. Но это не могло совершиться вдругъ. Въ первомъ и во второмъ вѣкѣ, они были еще разъединены, и Оригенъ и Александрійская школа поставили своей задачей соединить вѣру и

знаніе въ одну систему дѣятельнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Въ первое время послѣ апостольскаго вѣка христіанская наука держалась нѣсколько времени исключительно на почвѣ совѣсти и жизни. Но непрерывная борьба, которую христіане должны были вести, сперва съ Іудеями и язычниками, потомъ съ еретиками, давала болѣе образованнымъ вѣрнымъ чувствовать необходимость въ живомъ размышленіи о вѣрѣ и давать въ ней себѣ разумный отчетъ. Такимъ образомъ разсужденіе о вѣрѣ и изслѣдованіе ея основаній породило богословскую науку. Это движеніе христіанской мысли было вполнѣ естественно и законно. Дитя, живущее сначала только чувствованіями и сердечными движеніями, приходя въ возрастъ, чувствуетъ нужду въ размышленіи, въ знаніи, въ мысли. Тоже было и въ Церкви. Но соединеніе тѣхъ и другихъ элементовъ въ одну жизнь соединено съ нѣкоторыми затрудненіями. Нужно, чтобы изслѣдованіе не погашало чувствованій, чтобы разумъ не вредилъ сердцу, чтобы знаніе не разрушало дѣятельнаго и живаго благочестія.

Наставленія Оригена проникнуты были этимъ стремленіемъ соединить вѣру съ знаніемъ. Онъ не имѣлъ того высокаго мнѣнія о себѣ самомъ, которымъ увлекаются иногда молодые наставники. Онъ хорошо оправдалъ поговорку, что хорошо и много знаютъ тѣ, которые думаютъ, что знаютъ мало. Пойдемъ на уроки этого великаго учителя Востока. Мы не пойдемъ въ публичную аудиторію. Язычество не позволяло такихъ открытыхъ собраній, на которыя наводитъ мысль о теперешнихъ училищахъ христіанскаго Богословія. Мы войдемъ въ скромное жилище, которое по своей малости не имѣетъ ничего похожаго на училище.

Вотъ толпа мужчинъ, молодыхъ людей, даже женъ собирается съ утра до вечера и остается иногда до глубокой ночи, наполняя комнаты, прилегающія мѣста и даже лѣстницу. Полное молчаніе. Входитъ наставникъ, міранинъ, потому что онъ не имѣлъ еще рукоположенія въ церковную степень.

Вотъ молодой Египтянинъ, бѣдно одѣтый, съ блѣднымъ лицомъ, безъ улыбки, но съ огненными глазами, приковываетъ къ себѣ вниманіе этой многочисленной толпы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Наставленія его не связаны никакой научной формой. То онъ излагаетъ ученіе послѣдовательнымъ образомъ; то между нимъ и его слушателями происходитъ одушевленный обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ. Подойдемъ къ нему. О чемъ говоритъ онъ сегодня? Объ источникѣ религіи,— любимый предметъ его и наставника его Климента. Послушаемъ.

„Большая часть, говоритъ онъ, держится преданій своихъ отцовъ; стараются изучить религію въ урокахъ школы, въ наставленіяхъ учителей; вѣрятъ тому, во что имъ сказано вѣрить; такимъ образомъ ихъ вѣра лишена свободы, лишена жизни. Не такъ поступаетъ христіанинъ свободный и просвѣщенный. Стремясь принять божественную истину въ ея внутренней жизни, онъ хочетъ почерпнуть ее самъ изъ источника божественнаго Писанія. Я не навязываю вамъ просто вѣру, которая не знаетъ основаній, на которыхъ покоится истина; но я приглашаю васъ также къ знанію, которое дастъ вамъ возможность созерцать, изслѣдовать и понять самую истину, а для этого нужно изучать Писаніе. Все Писаніе есть органъ, есть гармоническое орудіе божественное, котораго различныя части совершенно согласны между

собою, какъ струны лиры. Нѣтъ ни одной части въ Писаніи съ фальшивымъ звукомъ, съ заблужденіемъ, противорѣчіемъ; нѣтъ въ немъ ничего незначительнаго или излишняго; все написано подъ непосредственнымъ управленіемъ святаго Духа. Если тебѣ случится, читая Писаніе, встрѣтить въ немъ мысль, которая покажется тебѣ камнемъ претыкновенія, вини самого себя; и не теряй надежды, что скала откроется и дастъ источникъ живой воды. Нѣтъ черты, нѣтъ іоты въ Библіи, въ которой мы не могли бы найти божественной мудрости. Богъ, сказавшій человѣку: не являйся ко мнѣ съ пустыми руками, не является къ намъ и Самъ съ пустыми руками. Въ его святыхъ пророчествахъ заключена полнота неба. Читая ихъ, не будемъ довольствоваться осязаемымъ смысломъ, который находится на поверхности и который можетъ видѣть всякій; есть смыслъ болѣе глубокій, сокровенный, такъ сказать сзади смысла видимаго: его-то нужно искать" (¹).

Такъ говоритъ Оригенъ. Но обозначивши своимъ слушателямъ глубокія основанія Богословія, онъ показалъ и крайнія его вершины. Христіане первыхъ вѣковъ живо чувствовали, что они имѣютъ нужду въ Богѣ не только какъ въ Творцѣ, но и какъ въ Искупителѣ, по причинѣ своихъ грѣховъ, и какъ въ Освятителѣ, по причинѣ слабостей, снѣдавшихъ ихъ сердце. Богъ, который не былъ бы признаваемъ Творцемъ, Искупителемъ и Освятителемъ, другими словами: который не былъ бы Отцемъ, Сыномъ и святымъ Духомъ, не былъ бы для нихъ Богомъ живымъ, но мертвымъ предметомъ отвлеченнаго умствованія. Оригенъ училъ о Богѣ живомъ. „Есть одинъ источникъ, говорилъ онъ, но изъ

(¹) Epistola ad Gregor. Neocaesar.; Commentar. in Ezechiel. et in Levit.

этого источника истекають три ручья, чтобы оживить насъ и спасти". Онъ вѣровалъ и училъ, что Богъ явился какъ человѣкъ въ лицѣ Іисуса Христа. „Кто другой, какъ не Слово, которое было вначалѣ съ Богомъ и которое было Богомъ, могло искупить человѣческую душу?" Потомъ, обращаясь къ язычникамъ говорилъ: „въ исторіи есть герои, которые, добровольно жертвуя собою, спасали города, цѣлые народы, пораженные ужасными бѣдствіями. Но есть дѣло болѣе важное, котораго простой человѣкъ не могъ совершить. Нужно было существо святое, которое бы взяло на себя недостатки не одного народа, но цѣлаго міра. Да, міръ долженъ-бы погибнуть, если бы Христосъ, безгрѣшный не принесъ Себя въ жертву и не вознесъ на крестъ бремя грѣховъ цѣлой вселенной".

Къ Оригену приходили многіе ученые мужи, привлекаемые повсюду разносившеюся славою его имени, и желали удостовѣриться въ богатствѣ духовныхъ его познаній. Ревностно внимало ему безчисленное множество еретиковъ и не малое число знаменитѣйшихъ философовъ, учась у него не только божественной, но и внѣшней мудрости. Тѣхъ своихъ слушателей, въ которыхъ замѣтны были хорошія дарованія, Оригенъ вводилъ въ кругъ наукъ философскихъ, преподавалъ имъ геометрію, ариѳметику и другіе приуготовительные предметы, знакомилъ ихъ съ различными системами философовъ и объяснялъ написанныя ими сочиненія, дѣлая на каждое изъ нихъ свои замѣчанія и взгляды, такъ что у самыхъ язычниковъ прослылъ философомъ. Напротивъ слушателей простыхъ и менѣе образованныхъ заставлялъ онъ изучать науки, входившія въ кругъ обыкновеннаго воспитанія, говоря, что эти знанія до-

ставитъ имъ не малое облегченіе въ уразумѣніи и изъясненіи божественныхъ писаній. Для сей-то особенно цѣли, познанія свѣтскія и философскія онъ почиталъ нужными и самому себѣ. Онъ выслушалъ курсъ знаменитаго александрійскаго философа Аммонія Саккоса. Но чрезвычайная важность, которую онъ придалъ философіи, ввела его въ нѣкоторыя заблужденія и навела на его ученіе тѣни, которымъ самая смерть его не положила конца и которыя волновали Церковь въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Въ 215 году императоръ Каракалла сталъ угрожать жителямъ Александріи страшнымъ гоненіемъ. Оригенъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, какъ нѣкогда Климентъ, и удалился въ Кесарію Палестинскую, приморскій городъ, между горою Кармиломъ и Іерусалимомъ. Друзья его, Александръ, епископъ Іерусалимскій и Ѳеоктистъ, епископъ Кесарійскій, приняли его съ распростертыми объятіями и каждый съ восторгомъ привѣтствовалъ его прибытіе, потому что слава его имени уже наполняла христіанскій міръ. Димитрій, епископъ Александрійскій, также не прерывалъ съ нимъ дружественныхъ сношеній. Ревность его возрастала все больше и больше; слава его простиралась далеко; пламенная любовь его обнимала самыя различныя лица. Около 218 года эмиръ Аравіи пригласилъ его къ себѣ для собесѣдованія. Оригенъ отправился къ нему и наставилъ этого главу пустыни въ христіанскомъ законѣ. Но вскорѣ представился ему весьма важный случай къ благовѣстію слова. Юлія Маммея, мать императора Александра Севера, живя въ Антіохіи, пригласила къ себѣ великаго учителя Востока, отправивъ для охраненія его почетную стражу. Онъ поспѣшилъ воз-

вѣстить ей Евангеліе и эта скромная женщина, съ заботою слѣдившая за воспитаніемъ своего сына, доставила ему также способъ дѣйствовать на душу императора. Хотя онъ не сдѣлался христіаниномъ, однакожъ помѣстилъ въ своей молельнѣ образъ Христа и заставилъ начертать на стѣнахъ своего дворца слова Спасителя: что хотите, чтобъ дѣлали вамъ другіе, дѣлайте имъ то сами. „Христіанинъ болѣе полезенъ государству, нежели могущественная армія," говаривалъ часто Оригенъ. Какъ велико было уваженіе къ нему во всемъ христіанскомъ мірѣ, можно судить по слѣдующему случаю. Въ 224 году епископъ Бостры Аравійской Бериллъ, одинъ изъ знаменитыхъ епископовъ своего времени, преступивъ церковное правило, пытался ввести въ ученіе вѣры нѣкоторыя странныя мнѣнія. По этому случаю весьма многіе епископы вступали съ нимъ въ состязанія. Наконецъ они пригласили въ свое собраніе Оригена. Бериллъ не признавалъ вѣчности Сына; онъ утверждалъ, что Спаситель и Господь нашъ, до появленія своего между человѣками не имѣлъ личнаго бытія и божественности, но что его лице образовалось чрезъ истеченіе изъ сущности Отца, которое соединилось съ тѣломъ человѣческимъ. Оригенъ разсуждалъ съ нимъ нѣсколько дней и наконецъ достигъ того, что убѣдилъ его въ вѣчности и личности Сына Божія и возвратилъ его къ общехристіанскому образу мыслей.

Спустя нѣсколько времени въ Аравіи стало распространяться другое лжеученіе, что человѣческая душа, тотчасъ послѣ настоящей жизни, умираетъ и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ; когда же тѣло воскреснетъ, то и она снова оживетъ съ нимъ. По этому случаю

созванъ былъ также не малый соборъ, на который пригласили и Оригена. Разсуждая о спорномъ предметѣ предъ цѣлымъ собраніемъ, Оригенъ столько успѣлъ, что заблуждавшіе оставили прежнія свои мысли (1).

Между тѣмъ слава Оригена и публичное изъявленіе ему различныхъ почестей навлекли на него страшныя несчастія. Оригенъ, какъ мы уже сказали, не имѣлъ рукоположенія: онъ былъ міряниnъ. Никто не имѣлъ большаго знанія въ Писаніи, никто не имѣлъ больше таланта, силы ума, краснорѣчія, дарованій всякаго рода. Онъ былъ великій учитель своего вѣка. Палестинскіе епископы, одинъ передъ другимъ, приглашали его къ себѣ для изъясненія божественнаго Писанія народу въ церкви. Оригенъ всегда былъ скроменъ и не любилъ выдаваться впередъ. Чѣмъ болѣе онъ отказывался, тѣмъ сильнѣе настаивали епископы. Наконецъ, по неотступной просьбѣ ихъ, онъ началъ всенародно изъяснять христіанское ученіе. Его сильное слово, его глубокомысленныя изъясненія писаній, возвышенность его наставленій даютъ его рѣчи необыкновенную силу. Но послѣ всякаго наставленія, онъ умоляетъ вѣрныхъ, чтобы они сами испытывали Писаніе, изслѣдывали то, о чемъ онъ говорилъ имъ. Храмы не вмѣщаютъ приходящихъ слушать его. Слава египетскаго учителя обѣжала Палестину,

Но въ то время, когда онъ былъ окруженъ знаками любви и удивленія, изъ Египта отъ тамошняго епископа приходитъ грозное письмо. Я узналъ, писалъ Димитрій къ епископамъ Іерусалимскому и Кесарійскому, что міряниnъ публично проповѣдуетъ народу. Неслыханная вещь, чтобы простой вѣрный поучалъ въ при-

(1) Евсев. кн. VI, гл. 37.

сутствіи епископовъ". Предстоятели Палестинской Церкви смутились такимъ письмомъ своего собрата и отвѣчали ему, что святые епископы часто приглашали мірянъ проповѣдывать народу, когда замѣчали въ нихъ рѣдкій даръ слова. Потомъ они указали на примѣры. Такъ поступали блаженныя братія: въ Ларандѣ-Неонъ съ Эвелпидомъ, въ Иконіи-Цельсъ съ Павлиномъ, въ Синнадѣ-Аттикъ съ Θеодоромъ. „Такъ вѣроятно было и въ другихъ мѣстахъ — прибавляютъ они — только мы не знаемъ этого." Епископъ Александрійскій написалъ угрожающее посланіе къ Оригену. Онъ послалъ къ нему діаконовъ, которые взяли его силою и привели въ Египетъ. Но это насиліе не смутило Оригена.

Возвратившись въ Александрію, онъ предпринялъ огромные труды. У Оригена была страсть къ изученію священнаго Писанія. Онъ посвятилъ ему весь свой геній, всю силу своей души, всю свою жизнь. Въ это время онъ написалъ великое твореніе „*О началахъ*", и комментаріи на книгу Бытія, на Псалмы, на Іеремію, на Евангеліе Іоанна и на другія книги. Нарочно для священнаго Писанія онъ выучился еврейскому языку и досталъ у Іудеевъ подлинныя еврейскія книги, писанныя еврейскими буквами. Въ своихъ изъясненіяхъ священнаго Писанія онъ пользуется господствовавшимъ въ то время въ Александріи методомъ аллегорическимъ. Подъ покровомъ буквы онъ всюду видитъ въ божественномъ словѣ таинственный смыслъ, сокрытый въ немъ, какъ душа въ тѣлѣ, какъ невидимое въ видимомъ, какъ духъ въ матеріи. Это тотъ духовный и нравственный смыслъ, въ которомъ александрійскіе толкователи полагали главную сущность Откровенія, и въ уразумѣніи котораго поставляли главную цѣль христіан-

скаго знанія. Весь ветхій завѣтъ со всѣми его учреждениями, всякое лицо и всякая вещь священной исторіи были только символами и прообразами христіанства: Іерусалимъ прообразовалъ собою Церковь Христову и невидимый міръ; Египетъ—множество невѣрныхъ, Фараонъ—сатану, вредящаго Церкви, Самарія—ереси и расколъ; пѣснь Деворры прообразовала собою побѣдную пѣснь надъ послѣднимъ врагомъ—смертію. Съ помощію этого толкованія Оригенъ создавалъ христіанскую науку, которая подъ покровами словъ и буквъ открывала тайны благодати Новаго Завѣта. Онъ внесъ въ нее и примѣнилъ къ ея обработкѣ, кромѣ іудейской, языческую, именно еллинскую, платоническую мудрость, считая ихъ равно откровеніями одного и тогоже Слова, просвѣщавшаго Іудеевъ закономъ, еллиновъ философіею и равно приготовлявшаго тѣхъ и другихъ, хотя разными путями, къ одной цѣли—принятію Евангелія. Но вотъ научный аппаратъ, подобнаго которому мы еще не видали. Войдите въ эту комнату: вотъ семь стенографовъ, которые пишутъ подъ диктовку наставника; вотъ семь писцовъ, которые переписываютъ то, что тѣ написали; тутъ были даже дѣти обоего пола, одаренные красивымъ почеркомъ, чтобы переписывать написанное. И откуда приходятъ всѣ эти писцы къ бѣдному Оригену, который не имѣетъ ничего, кромѣ туники. Онъ обратилъ къ прямой вѣрѣ Евангельской богатаго гностика Амвросія и ничего не хотѣлъ взять у него для себя лично; но Амвросій употребилъ свое состояніе на то, чтобы купить для него самые дорогіе манускрипты и дать ему всѣхъ этихъ писцовъ. Онъ даже постоянно вызывалъ Оригена на трудъ (въ чемъ не было необходимости), такъ что

Оригенъ называлъ его обыкновенно своимъ жаломъ (ἐργοδιώκτης) (¹).

Но, можетъ быть, вы хотите знать, какими трудами занимались всѣ эти писцы? Оригенъ зналъ, что греческіе переводы Ветхаго Завѣта подверглись значительнымъ измѣненіямъ; онъ предпринялъ возстановить чистоту священнаго текста и для этого сравнилъ всѣ греческіе переводы съ еврейскимъ оригиналомъ. Посмотрите на работу вотъ этого писца: вы увидите большой пергаментъ, раздѣленный на четыре столбца; въ одномъ столбцѣ находится греческій переводъ Акилы, въ другомъ Симмаха, въ третьемъ Ѳеодотіона, въ четвертомъ — семидесяти переводчиковъ: это—тетраплы. Теперь посмотрите на работу другаго писца: тутъ восемь столбцовъ съ такимъ-же числомъ различныхъ текстовъ еврейскаго и греческихъ переводовъ: это гексаплы и октаплы. Въ нихъ помѣщены были греческіе переводы священныхъ книгъ, частію извѣстные и общеупотребительные, частію вовсе неизвѣстные. Нѣкоторые изъ нихъ Оригенъ нашелъ въ какомъ-то темномъ углу и вывелъ на свѣтъ: одинъ—въ бочкѣ, въ Іерихонѣ; и всѣ покупалъ дорогою цѣною. Этотъ исполинскій трудъ, которому ничего подобнаго не представляетъ христіанская древность, занималъ Оригена въ теченіи многихъ лѣтъ. Онъ началъ его въ Александріи въ молодости, потомъ продолжалъ въ Кесаріи почти до конца жизни. Оригенъ, говорятъ, составилъ всего до шести тысячъ сочиненій (²). Сличеніе различныхъ манускриптовъ, говорилъ онъ, которое я долженъ дѣлать, не даютъ мнѣ времени принять пищу,

(¹) Амвросій былъ потомъ діакономъ и исповѣдникомъ. У Іеронима, въ каталогѣ, упоминается между писателями (гл. 56).

(²) Іеронимъ въ письмѣ (32) къ Павлѣ: „Варронъ написалъ сорокъ-

и дома когда выходя изъ-за стола я отдыхаю, не думайте, чтобы я могъ отдохнуть; нѣтъ, я обязанъ заниматься тогда трудами философическими и исправлять списки. Я не могу воспользоваться для сна даже ночью, научныя изысканія занимаютъ большую ея часть. Я не хочу говорить, прибавляетъ онъ, о времени, которое проходитъ съ ранняго утра до трехъ или четырехъ часовъ послѣ полудня, потому что всѣ тѣ, которые имѣютъ вкусъ къ небеснымъ вещамъ, употребляютъ это время на чтеніе и занятіе божественнымъ словомъ."

Между тѣмъ горизонтъ помрачился вокругъ Оригена, и буря разразилась надъ нимъ. Александрійскій епископъ Димитрій не могъ простить ему, что онъ міранинъ осмѣлился взойти на церковную каѳедру. Приглашенный въ Ахаію, Оригенъ проходилъ въ 228 году чрезъ Палестину. Іерусалимскіе и Кесарійскіе христіане пожелали снова слушать его, и епископы этихъ городовъ, чтобы не оскорбить своего александрійскаго собрата, рѣшились рукоположить его въ пресвитера. Но это посвященіе, посредствомъ котораго Оригенъ получилъ полное право употреблять данные ему Бо-

пять книгъ древностей, четыре—о жизни римскаго народа.... Спросите, къ чему это напоминаніе о Варронѣ и Халкентерѣ? Къ тому, чтобы обратиться къ адаманту, къ нашему Халкентеру, который съ такимъ усердіемъ трудился надъ священнымъ Писаніемъ, что по справедливости названъ адамантовымъ. Хотите ли знать, какіе памятники своего генія оставилъ онъ? Это покажетъ слѣдующее оглавленіе... (перечень сочиненій Оригена). Видите, труды одного не превосходятъ ли трудовъ и греческихъ и латинскихъ писателей въ совокупности? Кто могъ когда-нибудь столько прочесть, сколько онъ написалъ. А какую награду получилъ онъ за свой тяжелый трудъ? Не говоря уже о священникахъ Палестины, Аравіи, Финикіи и Ахаіи, его осудилъ и епископъ Димитрій. На осужденіе его согласилось и римское гражданство; оно возбудило противъ него и сенатъ не за новости догматическія, не за ересь, какъ клевещутъ теперь на него, но потому что не могло выносить славы его краснорѣчія и знаній, потому что когда онъ говорилъ, всѣ казались нѣмыми".

гамъ дары въ наученію христіанъ, раздражило надменнаго Димитрія. Строгія мѣры, къ которымъ онъ прибѣгъ, измѣнили жизнь Оригена и превратили ее въ рядъ страданій. Гордый епископъ александрійскій не могъ сдержать своего гнѣва. „Какъ, Оригенъ, который принадлежитъ своему округу, принялъ рукоположеніе отъ стороннихъ епископовъ! Стало быть, онъ презираетъ свою собственную Церковь; онъ унижаетъ своего собственнаго епископа“. Димитрій обвиняетъ Оригена въ грѣхѣ его юности, которому онъ прежде удивлялся и угрожаетъ отмстить ему за эту обиду. Дѣйствительно, какъ только Оригенъ возвратился въ Египетъ (231 г.) Димитрій созвалъ соборъ, запретилъ ему учить въ Александріи и положилъ сослать его туда, гдѣ онъ рукоположенъ. Возмущенный ненавистію своихъ враговъ и сокрушаемый печалію, Оригенъ удалился въ Палестину. Но Димитрій не оставилъ его въ покоѣ. На второмъ соборѣ, еще болѣе многочисленномъ, онъ объявилъ Оригена лишеннымъ священства и разослалъ опредѣленія своего собора ко всѣмъ епископамъ. Римскій епископъ присоединился къ этой строгой мѣрѣ; но епископы Палестины, Аравіи, Финикіи, Ахаіи и Каппадокіи объявили себя на сторонѣ Оригена и дружески подали ему руку. Съ надорваннымъ сердцемъ Оригенъ удалился въ Кесарію, и написалъ оправдательное письмо къ собору, въ которомъ говорилъ своимъ друзьямъ о своихъ врагахъ: „будемъ жалѣть о нихъ, вмѣсто того чтобы ненавидѣть ихъ; будемъ лучше молиться за нихъ, нежели проклинать. Іисусъ Христосъ училъ насъ благословлять, а не проклинать“ (1).

(1) Epistola ad fratres Alexandr. p. 5, 6. Opp. T. 1.

На чемъ-же основано было опредѣленіе объ отлученіи Оригена? Мы сказали уже, что его обвиняли въ нѣкоторыхъ заблужденіяхъ. Знаніе имѣетъ свою необходимость, оно имѣетъ свою пользу; но имѣетъ также и свои опасности. Въ религіозномъ знаніи встрѣчаются два разума: разумъ божественный, который открывается въ священномъ Писаніи и разумъ человѣческій, который находится въ нашей душѣ. Безъ сомнѣнія христіанство по своей сущности не можетъ быть противно законамъ мысли и существу разума; иначе было-бы невозможно, чтобы христіанство сдѣлалось религіею образованнѣйшихъ народовъ, чтобы образованіе способствовало принятію христіанства и чтобы христіанство благопріятствовало образованію. Если разумъ находитъ въ Откровеніи понятія, которыя превышаютъ его мысли, то онъ долженъ вспомнить о своей ограниченности и имѣть довѣріе къ уму божественному и къ тому добру, которое онъ получаетъ вмѣстѣ съ принятіемъ этихъ понятій. Разумъ всегда лучше пойметъ христіанство, когда онъ принимаетъ его съ этимъ спокойнымъ, довѣрчивымъ чувствомъ. Если же человѣкъ поставляетъ сущность разума въ критикѣ, если онъ беретъ свою точку отправленія внѣ христіанства, то вмѣсто того, чтобы обогатиться полнотою христіанскихъ истинъ, онъ самъ себя лишаетъ его даровъ, потому что отнимаетъ у Евангелія самую его сущность, превращаетъ христіанство изъ живой религіи въ сухой и безжизненный деизмъ.

Это есть грубое, плотское разумѣніе христіанства и хотя оно прикрывается разумомъ, но въ существѣ дѣла одинаково враждебно какъ его собственнымъ интересамъ, такъ и духу божественной вѣры. Это стрем-

леніе существовало въ третьемъ вѣкѣ у нѣсколькихъ унитаріевъ, которые имѣли немало богословскаго знанія, но которые отрицали божество Іисуса Христа. Оригенъ не раздѣлялъ этого заблужденія, хотя и относился къ христіанству философически. Онъ имѣлъ слишкомъ просвѣщенный умъ, и сердце слишкомъ возвышенное для того, чтобы увлечься этими безжизненными системами и этими заблужденіями. Его собственная ошибка была скорѣе плодомъ его восторженнаго воображенія и ума, не освободившагося отъ вліянія современной философіи неоплатониковъ.

Мы изложимъ кратко систему его міровоззрѣнія, въ которомъ онъ примѣнилъ философское умозрѣніе къ христіанскому ученію и основалъ, можно сказать, христіанскую религіозную философію, въ которой все образованіе его времени, на его высокой степени, — одушевленное и одухотворенное христіанствомъ, получило классическое выраженіе. Но излагая его религіозно-философическую систему, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что это не есть изложеніе церковнаго ученія, но опытъ ученаго изложенія догматовъ вѣры въ формѣ философской системы. Самъ Оригенъ, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, выдаетъ свои мысли въ видѣ мнѣній, а не какъ положительное ученіе Церкви. Оставляя неприкосновенною вѣру, онъ ищетъ для нея основаній въ свободномъ изслѣдованіи мысли. Никто изъ самыхъ почтенныхъ мужей древности не осуждалъ его за эту пытливость ума, хотя они ясно видѣли ошибки въ его изслѣдованіяхъ. Іеронимъ, сперва пламенный почитатель, потомъ столь же горячій обвинитель Оригена, писалъ объ немъ: „желалъ бы я дѣлить съ безчестіемъ его имени, его знаніе Писанія. Хочетъ ли кто

хвалить Оригена, пусть хвалитъ, какъ я хвалю. Онъ мужъ великій отъ юности и истинный сынъ мученика. Похотей онъ бѣгалъ, скупость попиралъ, писанія зналъ на память и въ изъясненіи ихъ проводилъ дни и ночи. Кто не удивится пламенной любви его къ Писанію? Если кто противопоставитъ намъ ошибки его: то пусть выслушаетъ спокойно: и великій Гомеръ дремлетъ; при долгомъ трудѣ естественъ и сонъ. Не будемъ подражать ошибкамъ того, коего высокія достоинства не достижимы для насъ. Ошибались въ вѣрѣ и другіе, какъ изъ грековъ, такъ и изъ латинянъ. Ты скажешь: это не значитъ извинять Оригена, а обвинять другихъ. Хорошо; но я не говорю, чтобы онъ не ошибался и не вѣрю, чтобы въ ошибкахъ вѣры надлежало слушаться кого бы то ни было, хотя бы даже Ангела. Я читаю его, какъ и другихъ, поелику онъ ошибался, какъ и другіе". (Epistola ad Pammach. et Ocean. 41. Epistola ad Tranquillinum, 46). Возмемъ во вниманіе то обстоятельство, которое можетъ ускользнуть изъ вида при сужденіи о его христіанской философской системѣ, именно, что ученіе Церкви не было еще въ то время ни такъ обширно изслѣдовано, ни такъ точно опредѣлено, какъ въ послѣдующее время. Читайте современныхъ ему учителей и вы у всѣхъ найдете, наряду съ истиннымъ и общимъ ученіемъ Церкви, мнѣнія, не принятыя Церковію, и однакожъ никто и никогда не укорялъ ихъ за это; потому что они, какъ и Оригенъ, не выдавали своихъ мнѣній за ученіе Церкви, къ которой сохранили вѣрность и послушаніе, запечатлѣнныя нерѣдко исповѣдничествомъ и мученичествомъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Попытки протестантовъ къ соединенію съ православною восточною церковью въ XVI вѣкѣ.

Издавна взоры западныхъ христіанъ обращались по временамъ на Востокъ, къ колыбели св. нашей Вѣры, и многократно уже дѣлаемы были на Западѣ попытки къ соединенію съ восточною православною Церковью. Попытки эти, возобновляясь при всякомъ удобномъ случаѣ, не приводили донынѣ къ желанной цѣли, такъ какъ затаенною пружиною подобныхъ стремленій служила не безпристрастная любовь къ истинѣ, а простое желаніе западныхъ обществъ распространить свое вліяніе на Востокѣ. Какъ извѣстно, таковъ именно былъ характеръ всѣхъ попытокъ, сдѣланныхъ со стороны *латинской Церкви*: всегда дѣло клонилось не къ возстановленію древнихъ началъ вселенскаго единства, а лишь къ подчиненію восточной Церкви римскому первосвященнику, къ расширенію предѣловъ его власти. Попытки поэтому не только не приводили къ цѣли, но послужили лишь къ большему еще разъединенію двухъ великихъ вѣтвей христіанскаго древа.

Не такъ многочисленны и не такъ извѣстны попытки, съ подобною же цѣлію, со стороны *протестантовъ*. Мы привыкли съ большимъ довѣріемъ идти имъ на встрѣчу, съ большею готовностію вступать въ сношенія съ ними, чѣмъ съ папистами. Оно иначе и быть

не можетъ: протестантство несравненно менѣе папизма проникнуто духомъ пропаганды; оно по существу своему отличается духомъ терпимости; оно вообще свободно отъ фанатизма. Подобныя явленія естественно могутъ располагать насъ въ пользу протестантовъ и устранить тѣ опасенія, которыя невольно возникаютъ у насъ, когда рѣчь идетъ о сношеніяхъ или сближеніи съ римско-католическою Церковью.

Но чѣмъ болѣе мы предрасположены въ пользу протестантовъ, тѣмъ болѣе мы должны остерегаться увлеченій, тѣмъ осторожнѣе мы должны быть, когда идетъ рѣчь о сближеніи съ какою либо отраслію протестантскаго міра. Въ этомъ отношеніи примѣръ прошедшаго можетъ служить поучительнымъ урокомъ и имѣть немаловажный интересъ. Мы разумѣемъ попытки протестантовъ къ сближенію съ православною греческою Церковью въ XVI вѣкѣ (1).

Первый протестантъ, стремившійся къ соединенію протестантства съ восточнымъ Православіемъ, былъ знаменитый сподвижникъ Лютера, *Меланхтонъ*. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ реформаціи вѣсть о вновь образовавшейся протестантской Церкви достигла Константинополя и побудила тогдашняго патріарха Константинопольскаго, *Іоасафа II* (1555—1565), послать въ Виттенбергъ одного діакона, по имени *Димитрія Мизія*, для пріобрѣтенія точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о новомъ ученіи. Когда этотъ діаконъ въ 1559 году отправился въ обратный путь, Меланхтонъ воспользовался этимъ случаемъ и послалъ

(1) Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ мы заимствовали изъ прекрасной статьи проф. *Гефеле* въ издаваемыхъ имъ нынѣ «Beiträge zur Kirchengeschichte, Archäologie und Liturgik». 1864.

чрезъ него Константинопольскому патріарху греческій переводъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія, вмѣстѣ съ дружелюбнымъ письмомъ отъ себя. Переводъ этотъ сдѣланъ былъ *Дольціемъ* (Dolscius), протестантскимъ богословомъ изъ Плауена (въ Саксоніи); въ письмѣ своемъ Меланхтонъ сначала выражаетъ радость тому, „что Господь еще хранитъ Церковь свою на Востокѣ среди жесточайшихъ враговъ христіанства“, и за тѣмъ переходитъ къ увѣренію, „что протестанты остались вѣрными священному Писанію, догматическимъ вѣроопредѣленіямъ св. соборовъ и ученію греческихъ отцевъ Церкви: Аѳанасія, Василія, Григорія, Епифанія и др.; что они чуждаются богопротивныхъ заблужденій Павла Самосатскаго, Манихеевъ и всѣхъ св. Церковію анаѳематствованныхъ еретиковъ; что они также отреклись „отъ суевѣрія и богослуженія невѣжественныхъ латинскихъ монаховъ“. „Вслѣдствіе этого“,—такъ заключаетъ Меланхтонъ свое посланіе,—„мы просимъ патріарха не вѣрить худой молвѣ, распространяемой о протестантахъ“.

Затаенная цѣль этого посланія очевидна, и образованный патріархъ Іоасафъ понялъ намѣреніе Меланхтона, который, представляя характеръ протестантства въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ, явно разсчитывалъ на мнимое невѣжество грековъ въ догматическихъ вопросахъ. Онъ поэтому оставилъ письмо Меланхтона безъ отвѣта.

Вторая, гораздо болѣе важная и замѣчательная попытка къ сближенію протестантовъ съ православною Церковью была произведена 15 лѣтъ спустя протестантскими профессорами *тюбингенскаго* университета. Тогдашній германскій императоръ, Максимиліанъ II, назначилъ своимъ посланникомъ при турецкомъ Дворѣ

одного ревностнаго протестанта, *Давида фонъ-Унгнадъ*. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Константинополь новый посланникъ обратился къ знаменитому въ то время средоточію лютеранскаго богословія, тюбингенскому университету, съ просьбою дать ему съ собою изъ числа молодыхъ богослововъ посольскаго пастора. Трудно сказать, хотѣлъ ли посланникъ имѣть при себѣ проповѣдника лишь для собственнаго назиданія, или онъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ скрывалъ другія намѣренія? Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что тюбингенскимъ университетомъ дано было этому дѣлу весьма важное значеніе и что самъ герцогъ виртембергскій принялъ въ немъ дѣятельное участіе. По совѣту знаменитаго канцлера и пробста (протоіерея) *Андрея*, одинъ изъ репетентовъ тюбингенской богословской семинаріи, магистръ *Стефанъ Герлахъ*, принялъ предложенную должность; Андрей торжественно посвятилъ его и въ августѣ 1573 года онъ прибылъ въ Константинополь въ свитѣ императорскаго посланника.

При этомъ случаѣ профессоръ классической литературы въ Тюбингенѣ, *Мартинъ Крузій*, вспомнивъ о прежней попыткѣ Меланхтона, вручилъ бывшему своему ученику Герлаху письмо къ Константинопольскому патріарху, имени котораго онъ впрочемъ не зналъ; онъ приложилъ тутъ же одну переведенную имъ на греческій языкъ проповѣдь Андрея о „добромъ пастырѣ". Андрей не только одобрилъ этотъ шагъ со стороны Крузія, но и самъ съ своей стороны приложилъ письмо къ патріарху. Поводомъ къ этому Крузій въ самомъ посланіи своемъ выставляетъ слѣдующія двѣ причины: „Прежде я думалъ", пишетъ онъ, „что въ турецкомъ царствѣ христіанство совершенно погибло; но такъ какъ

я въ послѣдствіи (въ примѣчаніи онъ прибавляетъ: „изъ посланія Меланхтона") узналъ противное, то я не могу не поздравить душевно Грековъ съ продолжающимся существованіемъ ихъ Церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ дать патріарху доказательство того, какъ сильно я интересуюсь языкомъ и положеніемъ Грековъ".

Однако затаенное намѣреніе тюбингенцевъ не такъ искусно закрыто, чтобы нельзя было узнать его уже по этимъ первымъ посланнымъ въ Константинополь письмамъ. Не даромъ филологъ Крусій увѣряетъ греческаго патріарха, „что въ Тюбингенѣ ученіе Христово преподается въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ и что тамъ всякая философія плѣняется въ послушаніе Христово"; не даромъ онъ замѣчаетъ, „что онъ и патріархъ постоянно будутъ молиться другъ за друга, какъ прилично членамъ единаго тѣла"; не даромъ онъ предлагаетъ патріарху упомянутую проповѣдь „о добромъ пастырѣ", называя ее выраженіемъ (specimen) протестантской вѣры,—тогда какъ въ этой проповѣди отличительныя разности протестантства только разъ, и то мимоходомъ, упомянуты въ такихъ выраженіяхъ, что Греку, незнакомому съ протестантствомъ изъ другихъ источниковъ, рѣшительно невозможно было понять подлинный смыслъ словъ; не даромъ, наконецъ, и Андрее пишетъ, что „Герлахъ вѣруетъ совершенно православно", что „греки и протестанты крещены во единаго Христа и вѣруютъ во единаго Искупителя".

Очевидно, тюбингенцы хотѣли въ глазахъ Грековъ представить себя и свою партію совершенно согласными съ православіемъ; они хотѣли увѣрить патріарха въ дѣйствительности такого мнимаго единства, другими словами,—обмануть его. Обратить патріарха въ про-

тестантство было уже конечною цѣлію ихъ, тогда какъ ближайшею служило стремленіе казаться согласными съ нимъ въ дѣлахъ вѣры; а достиженіе этого стремленія должно было служить средствомъ къ обращенію патріарха. Когда патріархъ повѣритъ мнимому единству и согласію православнаго и протестантскаго вѣроученій; когда онъ признаетъ протестантовъ—какъ общихъ съ нимъ враговъ Рима — своими единовѣрцами и друзьями, тогда только можно было думать объ увлеченіи его и его паствы въ протестантство. Таковъ былъ хитрый планъ, созрѣвшій у тюбингенскихъ богослововъ.

Не раньше, какъ уже по прошествіи двухъ мѣсяцевъ по прибытіи своемъ въ Константинополь, Герлахъ нашелъ случай передать патріарху врученныя ему тюбингенцами посланія. Патріархъ принялъ ихъ благосклонно, обѣщался отвѣтить и произвелъ сильное впечатлѣніе на Герлаха какъ своею почтенною наружностію, такъ и своимъ скромнымъ, простымъ и ласковымъ обращеніемъ. Но посланная Крузіемъ проповѣдь едва не повела къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ ея миролюбивой цѣли: Греки начали было подозрѣвать, что такъ какъ въ этой проповѣди рѣчь о „добромъ пастырѣ“, то цѣль ея—сдѣлать косвенный упрекъ ихъ патріарху въ дурномъ управленіи паствою.

Чтобы изгладить такое неблагопріятное впечатлѣніе, Крузій, извѣщенный Герлахомъ, написалъ уже въ мартѣ 1574 года второе письмо къ патріарху, „дабы выразить ему признательность за благосклонный пріемъ прежнихъ посланій и за милостивое обѣщаніе отвѣтить на нихъ, равно чтобы воздать хвалу Богу, сохранившему Церковь свою въ странахъ столь отдаленныхъ отъ Тю-

бингена". „Но", присовокупляетъ онъ, „такъ какъ у меня еще много мѣста на бумагѣ, то я хочу, какъ и въ прошедшій разъ, приложить переведенную мною на греческій языкъ проповѣдь тюбингенскаго епископа Андрее, чтобы представить свидѣтельство о протестантскомъ ученіи и доказательство своего усердія въ изученію греческаго языка". Приложенная проповѣдь опять избрана была изъ такихъ, которыя по содержанію своему одинаково удобно могли быть произносимы, какъ у протестантовъ, такъ и у православныхъ или у католиковъ; и изъ такой проповѣди хотѣли доставить патріарху понятіе о протестантскомъ вѣроученіи! Андрее при этомъ случаѣ опять приложилъ письмо къ патріарху и въ немъ раскрываетъ главнымъ образомъ двѣ мысли: а) сильное желаніе свое получить отвѣтъ отъ патріарха и б) увѣреніе, что греки и протестанты въ существѣ дѣла совершенно между собою согласны по вѣроученію.

Полгода спустя, прежде чѣмъ полученъ былъ какой-либо отвѣтъ отъ тогдашняго патріарха *Іеремія* (1), Андрее и Крузій въ третій разъ написали къ нему и послали ему экземпляръ аугсбургскаго исповѣданія въ греческомъ переводѣ, дабы, какъ они писали, „сей святый отецъ видѣлъ, какова ихъ вѣра и согласна ли она съ вѣроученіемъ греческой Церкви или, можетъ быть, въ чемъ-либо отъ него разнится, что, впрочемъ, было бы для нихъ весьма непріятно".

Наконецъ, въ началѣ 1575 года, тюбингенцы получили отъ патріарха давно жданное ими отвѣтное по-

(1) Это тотъ же патріархъ Іеремія, который извѣстенъ по участію своему въ дѣлѣ поставленія перваго всероссійскаго патріарха и въ дѣлахъ западно-русской митрополіи предъ временемъ возникновенія литовской уніи.

слание, написанное, впрочемъ, до полученія патріархомъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Патріархъ въ своемъ посланіи сначала благодаритъ тюбингенцевъ за ихъ дружеское расположеніе и преданность, хвалитъ ревность ихъ, извиняется въ своемъ долгомъ молчаніи, дѣлаетъ нѣкоторыя примѣчанія на счетъ двухъ присланныхъ ему проповѣдей. Потомъ онъ увѣщеваетъ тюбингенскихъ своихъ корреспондентовъ, чтобы „они всегда держались истинной вѣры Христовой, не колебались, не гнались за нововведеніями, не уклонялись отъ св. Писанія, отъ постановленій семи св. вселенскихъ Соборовъ и отъ правилъ св. Отцевъ, но твердо держались всего хранимаго Церковью, какъ писаннаго, такъ и не писаннаго, Слова Божія".

Изъ этого посланія очевидно, что патріархъ гораздо лучше знакомъ былъ съ протестантскимъ ученіемъ, чѣмъ какъ предполагали его корреспонденты въ Тюбингенѣ: онъ зналъ, что они отрицаютъ авторитетъ вселенскихъ Соборовъ и св. преданія.

Посланіе патріарха конечно не могло понравиться въ Тюбингенѣ; но чтобы сколько нибудь утѣшить себя, Крузій старался увѣрить себя и другихъ, будто патріархъ подъ именемъ *нововведеній* разумѣетъ лишь латинскія заблужденія, и что онъ не посмѣлъ нападать на протестантское ученіе по причинѣ „библейской крѣпости" сего послѣдняго.

Въ мартѣ того же 1575 года Андреэ и Крузій отвѣтили общимъ письмомъ, въ которомъ увѣряютъ, что посланіе патріарха доставило имъ „неописанную радость", и что главное ихъ стремленіе направлено къ тому, чтобы пребыть вѣрными истинному христіанству безъ всякихъ нововведеній. „Римскій епископъ", пишутъ

они, „упрекаетъ насъ, правда, въ нововведеніяхъ, потому что мы, наученные богопросвѣщеннымъ Лютеромъ, отреклись отъ римскихъ заблужденій; но благочестивѣйшіе наши князья и богословы изложили за 44 года предъ симъ вѣру свою въ такъ называемомъ аугсбургскомъ исповѣданіи, и эту книгу мы послали тебѣ (патріарху), въ *надеждѣ*, что *хотя бы* по причинѣ великаго разстоянія между нами и греками оказалось какое-либо различіе въ нѣкоторыхъ обычаяхъ—тѣмъ не менѣе ты найдешь, что по отношенію къ существеннымъ предметамъ вѣры мы не имѣемъ ничего новаго, но держимся той же вѣры, которая была предана св. апостолами и пророками и утверждена на основаніи свящ. Писанія семью вселенскими Соборами". Въ заключеніе они выражаютъ желаніе получить отъ патріарха отвѣтъ и высказываютъ надежду, что „Константинополь и Тюбингенъ будутъ соединены узами единой вѣры".

Недобросовѣстность авторовъ этого посланія такъ очевидна, что они скоро со стороны самихъ своихъ единовѣрцевъ подверглись сильному нареканію. Они говорятъ здѣсь, будто они признаютъ авторитетъ вселенскихъ Соборовъ и употребляютъ, слѣдовательно, явный обманъ, чтобы скрыть отъ патріарха коренное и существенное различіе между основаніями православія и протестантства, и этимъ путемъ расположить его къ соединенію съ ними.

Къ этому посланію Крузій присовокупилъ два другихъ, къ патріаршему ритору, *Іоанну Зигомалу*, и къ сыну его, протонотару *Ѳеодосію*; имена ихъ онъ, впрочемъ, еще не зналъ, но слыхалъ объ нихъ, какъ о друзьяхъ и споспѣшникахъ тюбингенскаго предпріятія. Онъ благодаритъ ихъ за участіе, проситъ ихъ прислать

ему книги и свѣдѣнія о Греціи и посылаетъ имъ греческій переводъ какого-то надгробнаго слова и катихизической бесѣды.

Скоро за тѣмъ тюбингенцы, по совѣту Герлаха, послали въ Константинополь еще пять экземпляровъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія; эти книги розданы были Θеодосію Зигомалу, митрополиту Митрофану и нѣкоторымъ другимъ вліятельнымъ при патріаршемъ дворѣ лицамъ.

Въ началѣ 1576 года тюбингенскіе богословы получили вторично письма изъ Константинополя. Патріархъ съ своей стороны обѣщаетъ въ немногихъ словахъ, что онъ въ возможной скорости пришлетъ отвѣтъ на полученное имъ аугсбургское исповѣданіе и называетъ тюбингенцевъ своими духовными дѣтьми. Іоаннъ же и Θеодосій Зигомалы наполняютъ свои длинныя посланія одними жалобами на бѣдность свою и многочисленными просьбами о вспомоществованіи. Риторъ Зигомалъ, между прочимъ, увѣряетъ, что онъ сильною діалектикою защищалъ протестантовъ противъ живущихъ въ Константинополѣ католиковъ, но что онъ теперь для той же цѣли нуждается въ другомъ орудіи, именно въ деньгахъ, „какъ уже и Димосθенъ сказалъ — δεῖ χρημάτων“. Сынъ же его, протонотарь, пишетъ, что онъ уже много сдѣлалъ въ пользу предпріятія своихъ тюбингенскихъ друзей, и что онъ сдѣлаетъ еще гораздо больше, если ему хорошо заплатятъ и если побудятъ германскихъ князей прислать грекамъ богатыя вспомоществованія. Онъ послалъ также на имя тюбингенскихъ студентовъ письмо, въ которомъ хвалитъ ихъ за любовь къ наукамъ и отеческимъ тономъ увѣщеваетъ ихъ быть прилежными.

Ослѣпленный желаніемъ, во что бы ни стало, вовлечь грековъ въ разставленныя имъ сѣти, Крузій не только не отвѣтилъ на эти посланія Зигомалова тѣмъ презрѣніемъ, котораго они заслуживали, но напротивъ говорилъ о нихъ съ великою похвалою, повсюду показывалъ ихъ и торжественно прочиталъ студентамъ тюбингенскаго университета присланное на ихъ имя письмо. Отвѣчая на эти посланія, онъ самымъ дружескимъ образомъ хвалитъ мудрость, человѣколюбіе и благородство своихъ греческихъ корреспондентовъ, и даже едва не приписываетъ ихъ письмамъ чудодѣйственную силу; ибо, какъ онъ говоритъ, по полученіи этихъ писемъ изъ Константинополя дочь его, страдавшая предъ тѣмъ опасною болѣзнію, быстро стала поправляться. Касательно денежныхъ вспомоществованій онъ обѣщался уговаривать другихъ, а между тѣмъ посылаетъ самъ при письмѣ, что можетъ по своему состоянію.

Тюбингенскіе студенты съ своей стороны отвѣчали Θеодосію Зигомалу пространнымъ описаніемъ нравственныхъ опасностей студенческой жизни и положеніемъ хода своихъ научныхъ занятій. Они выражаютъ затѣмъ желаніе, чтобы Зигомалъ самъ пріѣхалъ въ Тюбингенъ и заключаютъ увѣреніемъ, что будутъ прилежно учиться.

Наконецъ, въ іюнѣ 1576 года, пришелъ въ Тюбингенъ давно обѣщанный патріархомъ разборъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Въ приложенномъ письмѣ патріархъ опять называетъ тюбингенцевъ своими „духовными дѣтьми“, но вмѣстѣ выражаетъ надежду, что они теперь откажутся отъ своихъ заблужденій, „противныхъ христіанской истинѣ и влекущихъ человѣка въ пагубу“.

Въ самомъ разборѣ протестантскаго вѣроисповѣданія патріархъ сначала хвалитъ тюбингенцевъ за то, что они, по собственнымъ своимъ словамъ, принимаютъ семь святыхъ вселенскихъ соборовъ. Затѣмъ патріархъ подробно разбираетъ аугсбургское исповѣданіе, оставаясь повсюду строго вѣрнымъ догматическому ученію православной Церкви и открыто осуждая всѣ какъ протестантскія, такъ и католическія отступленія отъ ученія древней вселенской Церкви. Онъ слѣдуетъ при этомъ порядку изложенія аугсбургскаго исповѣданія и разбираетъ его главу за главою.

Такъ къ 1-й и 3-й главамъ упомянутаго исповѣданія патріархъ замѣчаетъ, что протестанты правы, принимая Никейскій символъ вѣры, но что они должны отказаться отъ западнаго прибавленія слова filioque.

Ко 2-й главѣ, гдѣ рѣчь о первородномъ грѣхѣ, онъ замѣчаетъ, что крещеніе должно быть совершаемо чрезъ троекратное погруженіе, а не чрезъ одно только обливаніе, и что за крещеніемъ младенца должно немедленно слѣдовать его мvропомазаніе и причащеніе.

Въ ученіи объ оправданіи (4-я гл.) патріархъ рѣшительно осуждаетъ протестантское ученіе объ оправданіи одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ. Онъ продолжаетъ раскрывать необходимость добрыхъ дѣлъ, какъ условія оправданія, въ своихъ примѣчаніяхъ къ 5-й и 6-й главамъ аугсбургскаго исповѣданія, и говоритъ за тѣмъ по поводу 7-й главы, что въ единой истинной Церкви семь таинствъ, ни болѣе ни менѣе, и излагаетъ православное ученіе о нихъ.

Къ 8-й гл. аугсбургскаго исповѣданія, гдѣ рѣчь о томъ, что таинства могутъ быть совершаемы и грѣшными священнослужителями, патріархъ не нашелъ нуж-

нымъ дѣлать примѣчанія. Онъ повторяетъ потомъ, по поводу протестантскаго ученія о крещеніи (9-я гл.), высказанную имъ выше мысль о причащеніи новокрещенныхъ младенцевъ.

Относительно таинства причащенія (10-я гл.) патріархъ увѣряетъ, что онъ слыхалъ много предосудительнаго о протестантахъ, но что по всегдашнему ученію Церкви хлѣбъ чрезъ освященіе прелагается въ истинное тѣло Христово, а вино въ кровь Христову; хлѣбъ же долженъ быть квасный.

Къ 11-й главѣ патріархъ замѣчаетъ противъ протестантскаго ученія о покаяніи, что при исповѣди частные грѣхи по возможности должны быть поименованы, и что духовный отецъ обязанъ налагать на грѣшника эпитимію, которую кающійся охотно долженъ исполнять.

Объ исповѣди и объ эпитиміяхъ говорится также по поводу 12-й главы, и патріархъ здѣсь осуждаетъ протестантовъ за отрицаніе ими спасительной силы нравственныхъ подвиговъ, какъ плодовъ покаянія, могущихъ быть полезными и для умершихъ.

Далѣе (гл. 13) онъ замѣчаетъ, что ходатайство святыхъ полезно и для живыхъ и для умершихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предаетъ осужденію тѣхъ, которые приписываютъ таинствамъ спасительное дѣйствіе безъ вѣры пріемлющаго (направлено противъ ученія римской церкви о дѣйственности таинствъ ex opere operato). Онъ изъясняетъ далѣе значеніе литургіи, говоритъ неоднократно о пресуществленіи Св. Даровъ, о принесеніи безкровной жертвы за живыхъ и умершихъ.

Въ 14-й главѣ, гдѣ рѣчь о церковной іерархіи, аугсбургское исповѣданіе ограничивается самыми общими выраженіями о томъ, что никто не можетъ учить и со-

вершать таинства, не будучи къ тому призванъ (nisi rite vocatus); но оно умалчиваетъ о существенномъ различіи протестантовъ отъ православной и римской Церквей въ понятіи о священствѣ. Вѣроятно угадывая причину этого нарочитаго молчанія, патріархъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ этой главѣ излагаетъ православное ученіе о богоучрежденности и правахъ іерархіи, осуждаетъ тѣхъ, которые не признаютъ различія между клиромъ и мірянами, и возстаетъ противъ избранія духовныхъ лицъ гражданскими властями.

Въ своихъ примѣчаніяхъ къ 16-й главѣ патріархъ защищаетъ монашество; потомъ (гл. 17) излагаетъ ученіе о страшномъ судѣ и (гл. 18) о свободѣ человѣческой воли; при этомъ онъ излагаетъ свою частную мысль, что человѣкъ сначала самъ долженъ избрать добро и потомъ уже Господь посылаетъ ему свою благодатную помощь, какъ бы отрицая такимъ образомъ необходимость предваряющей благодати. Но эту мысль патріархъ самъ же исправилъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ посланій.

Далѣе (гл. 19) патріархъ по справедливости хвалитъ протестантовъ за то, что они не признаютъ Бога виновникомъ зла и грѣха; но сильно порицаетъ ихъ (гл. 20) за отверженіе постовъ, монашества и обрядовъ церковныхъ; онъ доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользу и необходимость этихъ древнихъ христіанскихъ учрежденій.

Патріархъ объясняетъ далѣе (гл. 21) различіе между служеніемъ Богу и почитаніемъ святыхъ; онъ указываетъ на то, что святые, и особенно Пресвятая Дѣва, суть наши заступники предъ Богомъ, и что по справедливости ихъ чествуютъ поклоненіемъ ихъ иконамъ и

молитвеннымъ обращеніемъ къ нимъ за живыхъ и умершихъ.

Окончивъ этимъ первую часть своего труда, православный святитель переходитъ далѣе къ разбору второй части аугсбургскаго вѣроисповѣданія, гдѣ рѣчь о различныхъ, частію мнимыхъ, частію дѣйствительныхъ, злоупотребленіяхъ римской Церкви.

Въ § 1-мъ патріархъ хвалитъ протестантовъ за то, что они ввели у себя причащеніе подъ обоими видами хлѣба и вина и отказались отъ римскаго обыкновенія причащать мірянъ подъ однимъ видомъ хлѣба.

Въ § 2-мъ онъ одобряетъ, что протестанты въ отличіе отъ латинянъ допустили бракъ духовенства; но тутъ же прибавляетъ, что кто разъ далъ обѣтъ цѣломудрія, тотъ въ послѣдствіи не долженъ уже вступать въ бракъ.

§ 3. Относительно литургіи патріархъ не имѣлъ въ текстѣ аугсбургскаго исповѣданія достаточно данныхъ для вѣрнаго сужденія о протестантскомъ ученіи. Когда аугсбургское исповѣданіе глухо говоритъ, что протестанты удержали литургію, „очистивъ ее лишь отъ нѣкоторыхъ злоупотребленій“, то патріархъ естественно одобряетъ это; онъ конечно не подозрѣвалъ, что здѣсь подъ именемъ уничтоженныхъ протестантами „злоупотребленій“ надобно разумѣть все ученіе о безкровной жертвѣ.

Въ § 4-мъ патріархъ опять говоритъ о необходимости перечисленія частныхъ грѣховъ на исповѣди;

§ 5—защищаетъ посты и подвижничество, при чемъ повторяетъ ученіе о необходимости добрыхъ дѣлъ для оправданія.

§ 6 содержитъ похвалу дѣвству и монашеству; при этомъ патріархъ опять особенно настаиваетъ на необ-

ходимость всегдашняго безбрачія для всякаго, давшаго обѣтъ цѣломудрія. Можетъ быть, патріархъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду примѣръ самого Лютера, который, бывъ монахомъ, вступилъ въ бракъ съ монахинею.

Въ § 7-мъ говорится о церковномъ авторитетѣ и о послушаніи ему. Отвѣчая на возраженія протестантовъ противъ церковнаго авторитета, патріархъ соглашается съ ними въ томъ, что надобно больше повиноваться Богу, нежели людямъ; но онъ справедливо присовокупляетъ, что заповѣданное и утвержденное св. соборами отнюдь не противорѣчитъ Божественной волѣ и что поэтому нѣтъ извиненій для тѣхъ, кто отказывается отъ повиновенія соборному авторитету.

Заключеніемъ всей патріаршей грамоты служитъ увѣщаніе, чтобы протестанты, ради спасенія душъ своихъ, вступили въ истинно православную греческую Церковь.

Прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ тюбингенцы написали отвѣтъ на эту грамоту патріарха. Канцлеръ Андрее былъ въ это время сильно занятъ тѣми попытками къ соединенію лютеранъ съ кальвинистами, которыя въ 1580 году вызвали появленіе извѣстной „формулы согласія“ (formula concordiae), послѣдняго по времени изъ символическихъ сочиненій лютеранъ. Это обстоятельство вынудило отсрочку дальнѣйшихъ сношеній съ восточною Церковью и было причиною того, что составленное наконецъ отвѣтное посланіе тюбингенцевъ подписано не канцлеромъ Андрее, а только Крузіемъ и виртембергскимъ придворнымъ проповѣдникомъ Осіандеромъ.

Въ этой грамотѣ тюбингенскіе богословы сначала выставляютъ на видъ тѣ пункты ученія, въ которыхъ протестанты согласны съ православною Церковью, и

затѣмъ они излагаютъ отличительное протестантское ученіе болѣе прямымъ и открытымъ образомъ, чѣмъ какъ это было доселѣ: одно священное Писаніе должно служить основаніемъ для рѣшенія разногласій, а не Соборы и Отцы Церкви; для правильнаго толкованія и пониманія св. Писанія также нѣтъ надобности обращаться къ Отцамъ и Соборамъ церковнымъ, ибо св. Писаніе само себя изъясняетъ; если даже при пособіи параллельныхъ мѣстъ что либо останется неяснымъ и непонятнымъ, то оно уяснится за гробомъ.

Послѣ этой весьма неискусной попытки защитить протестантское ученіе объ источникахъ Божественнаго Откровенія, тюбингенцы переходятъ къ частнымъ разностямъ и

1) защищаютъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына;

2) утверждаютъ, что начало всякаго добраго дѣла исходитъ отъ Бога (это о благодати предваряющей противъ семипелагіанизма); но при этомъ они умалчиваютъ о соучастіи собственныхъ нравственныхъ силъ человѣка въ дѣлѣ его оправданія, такъ какъ этому соучастію нѣтъ мѣста въ системѣ протестантскаго вѣроученія.

3) Отрицаютъ значеніе добрыхъ дѣлъ, какъ условія для оправданія человѣка, допуская впрочемъ, что добрыя дѣла должны имѣть мѣсто, какъ плодъ и выраженіе оправдывающей вѣры.

4) Отвергаютъ седмеричное число св. таинствъ и признаютъ лишь два, крещеніе и причащеніе.

5) Относительно крещенія замѣчаютъ, что троекратное погруженіе не можетъ быть признано безусловно необходимымъ для дѣйственности таинства.

6) Отрицаютъ божественное установленіе таинства муропомазанія.

7) Описываютъ свое церковное устройство и замѣчаютъ, что у нихъ священнослужителямъ дозволяется и послѣ рукоположенія вступать въ бракъ. Совершенное уничтоженіе ими сущности іерархическаго устройства они стараются прикрыть общими выраженіями.

8) Перечисленіе частныхъ грѣховъ при исповѣди считаютъ излишнимъ. Средняго состоянія душъ по смерти не признаютъ и потому считаютъ излишними молитвы и милостыни за усопшихъ. Поститься всякій воленъ по своему личному усмотрѣнію, но дѣлать посты обязательными, по ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ. Призываніе святыхъ и почитаніе иконъ должно быть отвергаемо, а чудотворная сила святыхъ и иконъ сомнительна.

9. Дѣтей они не причащаютъ и не признаютъ значенія Евхаристіи, какъ безкровной жертвы ни за живыхъ, ни за умершихъ, потому что нѣтъ другой жертвы кромѣ единой Голгоеской. Они вѣруютъ, что Христосъ истинно и дѣйствительно присутствуетъ въ таинствѣ Евхаристіи, но не въ смыслѣ пресуществленія св. Даровъ, а въ соединеніи съ хлѣбомъ и виномъ (cum, sub et in pane). Они описываютъ далѣе образъ совершенія у нихъ таинства Евхаристіи и замѣчаютъ, что, по ихъ мнѣнію, безразлично, употреблять ли квасный или прѣсный хлѣбъ, но что они однако предпочитаютъ употребленіе прѣснаго хлѣба, такъ какъ Господь при установленіи таинства употреблялъ будто бы опрѣсноки.

10. Елеопомазаніе было, правда, въ употребленіи въ древней Церкви, пока видимые дары св. Духа, дѣйствовавшіе въ обществѣ вѣрующихъ, доставляли чудесное исцѣленіе больнымъ; но нынѣ прошли времена чудесъ и елеопомазаніе утратило свое значеніе.

11. Монашескіе обѣты очень опасны, пробуждая въ

человѣкѣ суетное упованіе на собственные его подвиги, а не на благодать Христову; поэтому они отвергли монашество. Монастыри они впрочемъ охотно удержали бы, если бы жизнь въ нихъ не была связана съ обѣтомъ цѣломудрія. Вотъ почему въ ихъ странѣ (въ Виртембергіи) монастыри употребляются для помѣщенія молодыхъ кандидатовъ священства, не связанныхъ монашескими обѣтами. Ошибочно, по ихъ мнѣнію, было бы приписать монашескому образу жизни большую нравственную цѣну, чѣмъ жизни благочестиваго семьянина.

Вмѣстѣ съ этимъ открытымъ изложеніемъ протестантскаго ученія тюбингенцы послали трое дорогихъ карманныхъ часовъ въ даръ патріарху и обоимъ Зигомаламъ. За эти подарки скоро получены были благодарственныя письма.

Изложенное догматико-полемическое посланіе тюбингенцевъ было, по желанію Герлаха, переведено Крузіемъ на греческій языкъ и переводъ посланъ въ Константинополь вслѣдъ за подлинникомъ.

Около этого времени Герлахъ, вмѣстѣ съ посланникомъ, возвратился въ Германію и скоро за тѣмъ сдѣлался профессоромъ богословія въ Тюбингенѣ, потомъ вице-канцлеромъ и пробстомъ; онъ умеръ въ 1612 году.

Вновь назначенный въ Константинополь императорскій посланникъ, *Іоахимъ Синцендорфъ*, по примѣру прежняго, взялъ съ собою посольскаго проповѣдника изъ виртембергскихъ богослововъ, и вслѣдствіе этого сношенія тюбингенцевъ съ Константинополемъ продолжались безпрепятственно. При этомъ впрочемъ постепенно обнаруживалось, какъ несправедливо было увѣреніе Герлаха, утверждавшаго, будто Греки подъ конецъ его пребыванія въ Константинополѣ все болѣе склонялись

на сторону протестантовъ. Патріархъ сталъ, напротивъ, все понѣе сознавать, какъ велика пропасть, отдѣляющіи его отъ германскихъ его корреспондентовъ.

Это-то болѣе отчетливое и ясное сознаніе догматическихъ разностей выражается уже въ отвѣтѣ патріарха на изложенное выше второе сочиненіе тюбингенцевъ, и особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ неоднократно увѣщеваетъ послѣднихъ отказаться отъ своихъ заблужденій. Онъ повторяетъ въ этой грамотѣ изложеніе православнаго ученія 1) объ исхожденіи св. Духа отъ одного Отца, 2) о свободѣ человѣческой воли, избѣгая при этомъ семипелагіанизма признаніемъ, что благодать своимъ вліяніемъ предваряетъ личное обращеніе человѣка къ Богу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ, что человѣкъ долженъ нравственными своими силами соучаствовать въ дѣлѣ своего оправданія. Онъ защищаетъ далѣе 3) необходимость добрыхъ дѣлъ, 4) седмеричное число таинствъ, 5) призываніе святыхъ и 6) монашество.

Естественно было бы ожидать, что сношенія теперь прекратятся; обѣ стороны не могли не видѣть, что они рѣшительно между собою расходятся въ самыхъ основаніяхъ и что о соглашеніи не можетъ быть рѣчи. Но тюбингенцы все еще не хотѣли отказаться отъ своихъ надеждъ. Хотя патріархъ Іеремія между тѣмъ былъ низложенъ, они однако снова отправили къ нему богословское разсужденіе вмѣстѣ съ письмомъ, подписаннымъ не только прежними его корреспондентами, но и разными другими извѣстными представителями тюбингенскаго богословія. Само разсужденіе не представляетъ по своему содержанію ничего новаго; въ немъ тюбингенцы стараются разными доказательствами подтвердить ученіе свое о свящ. Писаніи, какъ единственномъ ис-

точнѣйшѣ Богопознанія. Затѣмъ они 1) стараются доказать ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына *свидѣтельствами св. Отцевъ*; 2) отвергаютъ соучастіе нравственныхъ силъ человѣка въ дѣлѣ его оправданія; 3) приводятъ разныя свидѣтельства изъ священ. книгъ въ подтвержденіе своего ученія объ оправданіи человѣка одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ; 4) называютъ ученіе о седмеричномъ числѣ таинствъ ложнымъ преданіемъ; 5) признаютъ лучшимъ совершать крещеніе чрезъ обливаніе; 6) отвергаютъ таинство мѵропомазанія; 7) отрицаютъ пресуществленіе св. Даровъ; 8) описываютъ образъ совершенія рукоположенія у протестантовъ и отвергаютъ таинство священства; отвергаютъ — 9) значеніе брака, какъ таинства, 10) необходимость устной исповѣди, 11) таинство елеопомазанія, 12) призываніе Святыхъ и наконецъ 13) монашество.

Съ какимъ прискорбіемъ и негодованіемъ Іеремія, возведенный между тѣмъ вновь на патріаршій престолъ, принялъ это новое выраженіе упорства протестантовъ въ ихъ заблужденіяхъ, — это видно изъ отвѣта, посланнаго имъ іюнемъ 1581 года. Въ этой грамотѣ патріархъ 1) выражаетъ весьма естественное удивленіе тому, что протестанты, признавая Библію единственнымъ правиломъ и руководствомъ въ дѣлахъ Вѣры, ссылаются однако въ своей диссертаціи на свидѣтельства преданія въ подтвержденіе своего ученія объ исхожденіи Св. Духа. 2) Онъ защищаетъ потомъ православное ученіе о свободѣ человѣческой воли. 3) Онъ высказываетъ свое удивленіе тому, что тюбингенцы хотятъ быть богословами и однако отвергаютъ св. Таинства древней вселенской Церкви. 4) Патріархъ по справедливости удивляется и тому, что протестанты по вопросу о почитаніи Свя-

тымъ хотятъ быть мудрѣе достопочтеннѣйшихъ и славныхъ своими чудесами Отцевъ Церкви, умнѣе Церквей и древняго и новаго Рима, и что они при всей этой мудрости своей сами между собою однако несогласны и раздѣляются на безчисленныя партіи.—Въ заключеніе онъ обращается къ нимъ съ просьбою больше не утруждать его своею богословскою корреспонденціею.

Эта грамота свидѣтельствуетъ о томъ, какой ясный взглядъ просвѣщенный патріархъ Іеремія имѣлъ на сущность догматическихъ разностей, и какъ вѣрно, какъ неуклонно онъ держался строго-православныхъ началъ.

Не смотря на рѣшительный тонъ патріаршаго посланія, тюбингенцы уже въ декабрѣ того же года отправили въ Константинополь новое разсужденіе, подписанное одиннадцатью изъ наиболѣе знатныхъ представителей протестантской учености. Они повторяютъ здѣсь свое ученіе, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына, что человѣкъ вслѣдствіе грѣхопаденія неспособенъ стремиться къ добру и содѣйствовать божественной благодати въ дѣлѣ своего оправданія, что таинствъ числомъ только два, что Святыхъ не слѣдуетъ ни почитать, ни призывать, что устная исповѣдь излишня и что монашество въ очахъ Божіихъ ниже обыкновеннаго образа жизни. За тѣмъ они выражаютъ мысль, что многочисленныя раздѣленія и раздоры въ протестантскомъ обществѣ не могутъ служить для нихъ упрекомъ, что они не еретики и т. под., и что наступитъ нѣкогда время, когда греки поймутъ и оцѣнятъ истинность протестантскаго вѣроученія.

На это посланіе патріархъ не далъ отвѣта и достопамятная переписка эта болѣе не возобновилась. Но неутомимый Крузій, видя безсиліе свое предъ твердымъ

православіемъ патріарха, вздумалъ теперь дѣйствовать на массу православныхъ грековъ; онъ напечаталъ съ этою цѣлію въ греческомъ переводѣ большое собраніе лютеранскихъ проповѣдей въ 4-хъ томахъ подъ заглавіемъ: στέφανος τοῦ ἐνιαυτοῦ.

Между тѣмъ продолжительныя сношенія тюбингенцевъ съ патріархомъ Іеремією не могли остаться тайною для другихъ. И дѣйствительно, по прошествіи не многихъ лѣтъ послѣ этихъ сношеній, нѣкто, *Сополовій*, придворный проповѣдникъ короля польскаго и краковскій канонникъ, досталъ изъ Константинополя копію съ перваго отвѣта, посланнаго патріархомъ въ Тюбингенъ и издалъ ее на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Censura orientalis ecclesiae Latio donata, чтобы показать, что протестанты искали церковнаго общенія съ греками, но что ученіе ихъ было отвергнуто и осуждено патріархомъ.

Послѣ Соколовія другой знаменитый римско-католическій полемистъ, *Линдамъ*, пользовался тою же перепискою, какъ орудіемъ противъ тюбингенцевъ.

По поводу такихъ нападеній тюбингенскіе богословы сами напечатали въ 1584 году переписку свою съ патріархомъ Іеремією, подъ заглавіемъ: Acta et Scripta Theologorum Wirtembergensium et Patriarchae Constantinopolitani Hieremiae, graece et latine ab iisdem Theologis edita. Собраніе актовъ въ этомъ сочиненіи не полно; почему необходимымъ дополненіемъ къ нему служитъ изданное въ послѣдствіи сочиненіе Крузія, Turcograecia, въ которомъ находятся недостающія части корреспонденціи.

Какъ мало греки расположены были склониться на сторону протестантовъ и какъ сами они судили о сношеніяхъ своего патріарха съ тюбингенцами, это ясно видно изъ слѣдующаго заявленія собора, бывшаго въ

Іерусалимѣ въ 1672 году: «Пятьдесять лѣтъ послѣ Лютера Мартинъ Крузій изъ Тюбингена въ Германіи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими софистами изъ лютеранскаго общества (сроднаго кальвинскому и отличнаго отъ него лишь въ немногихъ пунктахъ), прислалъ тогдашнему правителю апостольской Церкви въ Константинополѣ изложеніе главнаго содержанія своей ереси, дабы узнать, какъ они говорили, согласны ли они съ ученіемъ восточной Церкви. Но оный знаменитый патріархъ отвѣтилъ имъ тремя научными разсужденіями, опровергъ всю ихъ ересь богословскимъ и православнымъ образомъ, и раскрылъ имъ все православное ученіе, отъ начала господствовавшее въ восточной Церкви. Они же не слушали его и не заботились о благочестивой его ревности. Книга же сихъ сношеній напечатана по-гречески и по-латыни въ Виртембергѣ въ Германіи въ 1584 году» (1).

ОСИНИНЪ.

(1) Harduin, Collect. concil. T. XI. p. 185.

РѢЧЬ,

сказанная въ присутствіи Святѣйшаго Синода ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, архимандритомъ Іоанномъ, при нареченіи его въ санъ епископа.

Святѣйшій Правительствующій Соборъ!

Если въ настоящія минуты позволено мнѣ высказать свои мысли и чувствованія, то я ничего не буду говорить о самомъ себѣ, потому, что не о себѣ теперь думаю. Я думаю о нашемъ духовномъ воспитаніи и просвѣщеніи, которому я доселѣ служилъ, и еще долженъ служить, въ новомъ санѣ. Полвѣка протекло въ жизни нашихъ училищъ, со времени ихъ преобразованія, и въ настоящее время они свѣтло празднуютъ свое пятидесятилѣтіе. Да, не достойна ли въ самомъ дѣлѣ памяти и торжества ихъ минувшая жизнь, та жизнь всегда поучительная, когда свѣтъ Божественнаго Откровенія, не раздробляемый и не преломляемый во множествѣ пытливыхъ вопросовъ человѣческаго разума, всѣ наши познанія возводилъ къ единству вѣчной Истины; когда нашъ духъ, строго богословствующій и здраво философствующій, былъ чуждъ не только всякаго вольномыслія міра, но и самаго міра, не считая его дѣла своими, и многіе и лучшіе изъ насъ, въ лучшіе годы жизни, съ любовію и радостію спѣшили приносить къ алтарю торжественные обѣты жизни, всецѣло посвяща-

ской на служеніе одному Богу и Церкви; когда предъ высокими авторитетами въ нашей наукѣ и въ Церкви, древнихъ и новыхъ временъ, охотно смиряясь молодой умъ, однакожъ не менѣе, можетъ быть еще болѣе умовъ вѣка мыслящій, и юная воля, вовсе не безстрастная, не знала для себя другихъ началъ въ жизни, кромѣ свободной преданности своему званію и терпѣливой покорности волѣ начальственной; когда сильно чувствовались у насъ внѣшнія неудобства жизни, многія нужды и лишенія, но еще сильнѣе былъ навыкъ довольства малымъ, несокрушимаго труда и терпѣнія, и мысль, что есть для человѣка въ жизни нѣчто высшее вещественныхъ нуждъ и лишеній. И вотъ, изъ такой школы выходилъ человѣкъ, какъ подобаетъ служителю Евангелія, съ крестомъ въ душѣ, готовый на всякій крестъ жизни. Что̀ принесетъ другое пятидесятилѣтіе? Что̀ покажетъ новое время? Останется ли наше образованіе самостоятельнымъ, независимымъ, невредимымъ отъ духа времени и міра, этого духа всеотрицающаго, всеунижающаго, всеколеблющаго, который, какъ змѣя, какъ смерть, скажемъ словами Пророка, усиливается проникнуть къ намъ сквозь всѣ наши двери и окна (Iерем. 9, 21), и хочетъ, во что бы ни стало, все у насъ передѣлать по-своему? — Исправятся ли и дѣйствительные наши недостатки и потребности, которыя наконецъ вопіютъ во всеуслышаніе?

Я думаю о нашей отечественной Церкви. Вотъ, съ этого горняго мѣста всероссійской Церкви, на которомъ я въ сію минуту стою предъ Вами, открывается мнѣ видъ этой великой паствы изъ пятидесяти пяти милліоновъ душъ; вотъ половина ея, души простыя и наиболѣе вѣрныя Церкви, ждутъ отъ насъ свѣта и об-

новленія духовнаго; вотъ другая половина, души болѣе развитыя, но менѣе тѣхъ знающія и любящія свою Церковь, которыя, при недостаткѣ религіознаго воспитанія въ духѣ отечественной вѣры, легко увлекаются всякимъ вѣтромъ иномыслія, бѣгаютъ и отъ насъ: не мы должны бѣгать за ними, по горамъ и по доламъ и по неисходнымъ распутіямъ міра, чтобы спасти — не то, что — даже одну овцу заблудшую изъ девяноста девяти не заблудшихъ, а спасти хотя одну — изъ тысячъ заблудшихъ. Тамъ, по дебрямъ и лѣсамъ, и здѣсь, по градамъ и весямъ, блуждаютъ отдѣльныя стада жалкихъ овецъ, не чуждыхъ намъ по вѣрѣ и народности, но въ духѣ и въ церковной жизни чуждающихся насъ, съ толпою своихъ наемниковъ, *инудѣ прелазящихъ* (Іоан. 10, 1), которые однакожъ домогаются и ждутъ общественнаго, и даже церковнаго признанія ихъ въ качествѣ законныхъ пастырей, и даже архипастырей, какъ будто хотятъ на двое разорвать сердце единой матери — Церкви. А тамъ, по окраинамъ Россіи, сколько еще овецъ, *яже не суть отъ двора сего*! а намъ надо потрудиться, чтобы привести ихъ ко Христу; и тамъ же иновѣріе, съ свойственною ему страстію коварныхъ совращеній. А это — кто, бродящій между овцами въ одеждѣ овчей, но со взорами хищнаго звѣря, ратующій за развитіе народа, и попирающій самую коренную силу его духа и жизни, его вѣру; то — другъ наш, лицемѣрный и опасный, то — врагъ открытый и ожесточенный; то — коварно возвышающій въ понятіяхъ людей наше званіе, чтобы только требовать отъ насъ добродѣтелей, какихъ самъ не имѣетъ и не любитъ, и нашими недостатками извинять свои пороки, то слишкомъ унижающій насъ, чтобы ослабить нашу духовную силу

и наше нравственное влияніе въ обществѣ; то обвиняющій насъ въ недѣятельности среди жизни народной, то отнимающій у насъ и право и способность и средства дѣйствовать? Кто это? Это—все онъ же, духъ времени и міра, всегда —врагъ Церкви, потому, что всегда — врагъ Евангелія. — Какое поле! Какая жатва — многа! А дѣлатели? А силы и мощь дѣйствованія? А средства и общественное содѣйствіе, безъ котораго немного можно сдѣлать?

Я думаю о Церкви вселенской, о современномъ состояніи всего христіанства: и когда думаю, то мнѣ невольно приходитъ на память картина, въ которой одинъ изъ величайшихъ Отцовъ IV вѣка изобразилъ тогдашнее состояніе Церкви. Онъ представляетъ его въ видѣ битвы морской, со всѣми ея ужасами, между непримиримыми врагами, среди бури, во мракѣ ночи (1).

Все это не радостно. Что-же дѣлать? Что дѣлать въ особенности намъ, новымъ и молодымъ дѣятелямъ, къ которымъ Церковь преимущественно обращаетъ свои надежды, народъ—свои вопросы, общество—свои взоры, міръ—свои стрѣлы, а Богъ — свой судъ? Свѣта и теплоты, словомъ — *огня*, огня въ нашемъ ученіи, въ нашемъ духѣ, въ нашей жизни (Пс. 38, 4: Рим. 12, 11): вотъ чего требуетъ Церковь! Свѣтить свѣтомъ Христовой истины, проводя ее въ народъ, въ ея живомъ, дѣйственномъ духѣ, въ яркихъ и сильныхъ чертахъ Евангелія, а не въ однихъ общихъ словахъ отвлеченныхъ поученій, или въ неясныхъ, безжизненныхъ образахъ школьной науки; свѣтить свѣтомъ собственнаго духа, внося въ Церковную дѣятельность ясную мысль, сознательное убѣжденіе, неизмѣнныя начала и

(1) Св. Василій великій въ книгѣ о св. Духѣ, гл. 30.

твердую систему, а не одни преходящія митнія и случайныя соображенія; зорко слѣдить и свѣтомъ церковной идеи и науки освѣщать, не оставляя на произволъ міра, вопросы времени, касающіеся вѣры, Церкви и насъ; свѣтить свѣтомъ жизни, чтобы оправдывать ученіе дѣлами и побѣждать всякое лжемысліе столько же нравственно и практически, сколько умственно и догматически: вотъ что̀ намъ дѣлать!

Свѣтитъ свѣтъ въ пастырѣ: прекрасный видъ! вся Церковь свѣтла! Соединится съ свѣтомъ теплота, — огонь горитъ въ пастыряхъ—и Церковь торжествуетъ. Какіе огни горѣли въ прежнія времена на высотахъ русской Церкви, въ ряду свѣтилъ ея—отъ Иннакентія кіевскаго до Тихона воронежскаго! Тогда, и въ самые мрачные дни, Церковь наша была полна внутренней жизни и силы. А какой это былъ огонь? Это, при свѣтѣ ума и жизни, была неизъяснимая теплота сердца, словомъ любовь, горячая, пламенная любовь къ своему званію, своему служенію, своимъ подвластнымъ и пасомымъ, къ своей Церкви. Вотъ оно, истинное пастырское Богословіе, великая наука пасти души человѣческія! У тѣхъ, духомъ горѣвшихъ пастырей, вся наука эта заключалась почти въ одномъ словѣ: любить; любить, чтобы со всею полнотою душевнаго сочувствія исполнять свой долгъ и любовію препобѣждать всѣ его трудности; любить, чтобы въ союзѣ любви всего священноначалія единымъ духомъ и единою силою дѣйствовать въ Церкви; чтобы неустанно и неусыпно стоять на стражѣ вѣры и Церкви, въ непрерывной борьбѣ съ ея врагами, внутренними и внѣшними; чтобы ни на минуту не измѣнять Церкви въ правахъ и пользахъ ея, и не жертвовать ими никакимъ видамъ

міра, чѣмъ бы ни старался онъ увлечь насъ, обольстить или устрашить, чтобы обезсилить насъ; любить, чтобы быть готовыми, если бы пришелъ такой часъ, за истину и правду Христову и пострадать и умереть; наконецъ любить, чтобы люди любили и насъ, и Церковь, и Бога.

Говоря такимъ образомъ, я стою предъ Вашимъ Святѣйшествомъ, не какъ учитель поучающій, а какъ ученикъ испытуемый, чтобы дать отчетъ въ своихъ мысляхъ и чувствованіяхъ, подобно тому, какъ въ лѣта дѣтства я стоялъ предъ однимъ изъ Васъ на испытаніяхъ въ первоначальномъ ученіи, какъ потомъ въ лѣта отрочества стоялъ предъ тобою, Архипастырь первенствующій.

Теперь, Святѣйшій Соборъ, благословеніемъ и рукоположеніемъ твоимъ да преподастся мнѣ благодать Св. Духа, чтобы быть мнѣ истиннымъ учителемъ и пастыремъ Церкви, чтобы свѣтить и любить. Мое желаніе въ моемъ немощномъ духѣ—искра: но твоя священнодѣйственная молитва, во свѣтѣ и любви твоего священноначальственнаго духа, да будетъ для меня силою, изъ этой искры огонь воспламеняющею!

Записки русскаго священника о поѣздкѣ въ Монголію въ 1864 году.

Въ началѣ марта настоящаго года я получилъ предписаніе Иркутскаго епархіальнаго начальства о выѣздѣ въ Монгольскій городъ Ургу, для отправленія богослуженія у христіанъ, проживающихъ въ консульствѣ, и особенное порученіе отъ преосвященнаго настоятеля забайкальской миссіи собрать нужныя свѣденія, въ видахъ учрежденія православной миссіи въ Монголіи. (1)

Съ благословеніемъ Божіимъ, 6-го числа пустился я въ дальній, невѣдомый для меня путь, и на 8-е число марта прибылъ въ Кяхту. Здѣсь я долженъ былъ запастись средствами для дороги и на все время пребыванія въ Ургѣ, потому что скудная средствами забайкальская миссія не могла мнѣ доставить ничего болѣе, кромѣ прогоновъ до Кяхты и обратно до Посольскаго монастыря. Кяхтинскій купецъ и почетный гражданинъ Я. А. Нѣмчиновъ, по просьбѣ преосв. Веніамина, еще прежде обѣщалъ свою помощь. Къ сожалѣнію, его на ту пору не было дома, и я, съ половины пути, можетъ быть, возвратился бы назадъ, если бы не принялъ на себя всѣхъ издержекъ по поѣздкѣ родственникъ его

(1) Въ Монголіи не было православной миссіи со времени Сибирскаго митрополита и апостола Сибири Филоѳея Лединскаго. Тогда кромѣ чрезвычайныхъ духовныхъ посольствъ къ Хутухтѣ, Забайкальская миссія командировала своихъ членовъ въ Ургу для постояннаго пребыванія. Ед. В—въ.

М. Ѳ. Нѣмчиновъ. Благодаря его помощи и содѣйствію г. кяхтинскаго пограничнаго коммисcара, я въ два дня совсѣмъ собрался въ дальній путь.

9-го числа, очистивъ совѣсть покаяніемъ, я отслужилъ литургію прежде-освященныхъ Даровъ, а 10-го въ одиннадцать часовъ утра со спутниками своими — причетникомъ, казакомъ и проводникомъ монголомъ, вступилъ въ предѣлы поднебесной имперіи. Торжественное шествіе наше началось изъ дома М. Ѳ. Нѣмчинова на семи верблюдахъ. Три верблюда были подъ вьюками, два подъ казакомъ и Монголомъ и два подъ двумя китайскими тележками. Объ этихъ тележкахъ, — а въ особенности о той, на которой я имѣлъ несчастіе путешествовать, было бы не простительно не сказать ни слова. Болокъ моей тележки, или вѣрнѣе пещеры, былъ три аршина длины, два вышины и одинъ аршинъ ширины. Внутри обитъ китайскими дабами, а съ внѣшней стороны — такими же холстинами. Но тутъ рѣчь не объ украшеніи, за которымъ я не гнался,—а объ удобствѣ и помѣстительности, что въ дальнемъ путешествіи составляетъ существенную необходимость. Къ сожалѣнію, этого-то и не доставало. Сколько нужно было усиленнаго терпѣнія, чтобъ проѣхать въ такой колесницѣ семнадцать часовъ въ сутки. Сколько требовалось тѣлесныхъ силъ, чтобъ перенести разные толчки и внезапные повороты изнеможенной плоти? Верховая ѣзда на верблюдѣ, хотя и имѣла преимущество, но для успокоенія больнаго тѣла и она не приносила существенной пользы. Одинъ былъ исходъ — просить убѣдительно монгола чаще останавливаться для отдыха и кормленія верблюдовъ. Но и здѣсь не всегда удавалось имѣть успокоеніе духа и плоти. Лишь только остановишься,

какъ отвсюду налетятъ голодные монголы, особенно женщины и дѣти, съ самыми безцеремонными требованіями. Дерзость, ругательства и оплеванія сопровождали насъ почти на каждомъ шагу. Требуютъ подарковъ,—хоть черстваго куска хлѣба. Къ сожалѣнію, мое положеніе не давало мнѣ права на большую щедрость, и голодныя толпы еще сильнѣе дѣлали нападенія. Не знаю, встрѣчаютъ ли подобное нападеніе другіе путешественники по Монголіи, или моя безващитность давала къ тому поводъ, только оно мнѣ весьма надоѣло въ моемъ путешествіи. Чѣмъ ближе подвигались мы къ священному для Монголовъ городу Ургѣ, тѣмъ болѣе увеличивалось нахальство и безстыдство женщинъ. Мущины, повидимому, были скромнѣе. Въ нихъ не случилось замѣтить такой дерзости и нахальства. Но вотъ бывала потѣха для женщинъ и дѣтей, когда проводникъ нашъ—монголъ завозилъ насъ въ такія улусы, куда русскіе, вѣроятно, и не заглядывали. Монголы отвсюду сбѣгались къ намъ и начинали разсматривать насъ, какъ необыкновенныхъ чудовищъ. Первая гроза смѣха всегда разражалась надъ причетникомъ, котораго за бѣлокурые волосы, неизвѣстные между монголами, прозвали *ирекимъ*, а насъ съ казакомъ — почему-то *страшными*. Особенно занимали ихъ наши кушанья. Брошенную рыбную кость онѣ ловили съ дикимъ смѣхомъ, а потомъ начинали ее то нюхать, то лизать. Картину монгольской дикости дополняютъ странники и странницы, толпами идущіе на поклоненіе Хутухтѣ. Алчностію они далеко превосходятъ прочихъ монголовъ. Бѣдные монголы, проживающіе около дороги, сами, видимо, тяготились непрошенными посѣтителями. Не смотря на собственную нищету, хозяинъ долженъ каждаго

изъ нихъ накормить и еще дать что-нибудь на дорогу. По принятому обычаю, бѣдный монголъ волей-неволей тянется къ своей ямѣ, гдѣ у него сохраняется будá (особенный родъ просо), и изъ послѣднихъ крохъ удѣляетъ малую толику дармоѣдамъ.

Монголія, по мѣстоположенію своему, страна пустынная, гористая и безлѣсная. Ничто, кромѣ купеческихъ karavанeвъ, не представится вашему утомленному однообразіемъ взору. Но за то, какъ пріятно смотрѣть на живую картину движущихся огромной массой верблюдовъ. Представьте себѣ, впереди, верхомъ на верблюдѣ Монгола-командира, а за нимъ длинную цѣпь вьючныхъ верблюдовъ, которые гордо поднимаютъ голову и осматриваютъ дерзкихъ путниковъ, рѣшившихся обеспокоить ихъ мирное шествіе. Вотъ единственная, живая картина въ предѣлахъ Монголіи. Попадаются еще на пути бѣдныя кумирни, устроенныя Ламами на болѣе видныхъ мѣстахъ. Сами они около кумирень не живутъ, а предоставили это право бѣднымъ Шибанцамъ, которые и охраняютъ ихъ среди степи. Ламы появляются нѣсколько разъ въ году, для отправленія идолослуженія въ извѣстные праздники. Замѣчательнымъ показалось для меня то, что у монголовъ нѣтъ нигдѣ бумхановъ, которые за Байкаломъ въ Сибири, среди Бурятъ, можно встрѣтить почти на каждой горкѣ; Обоны въ Монголіи также попадаются часто, какъ и у нашихъ Бурятъ, только устроиваются не изъ хворосту, какъ въ Сибири, а изъ груды камней. Значеніе ихъ — привлекать къ себѣ читкуровъ (злыхъ духовъ) сокрытыми подъ ними жертвами, чтобы тѣмъ избавить отъ ихъ посѣщенія юрты монголовъ.

Не доѣзжая версты три до Урги, я замѣтилъ на скло-

нѣ горы единственное, изящное по архитектурѣ, ламское капище. Видъ его поразителенъ для глазъ, особенно послѣ того, какъ нѣсколько дней ничего не видѣлъ, кромѣ пустыни, немногихъ бѣдныхъ кумирень и груды камней, составляющихъ обоны. Въ Ургу я прибылъ утромъ 15 марта. Не предувѣдомленные о пріѣздѣ православнаго священника, ургинскіе христіане были изумлены и обрадованы моему нечаянному прибытію. Столько лѣтъ жили они вдали отъ отечества и Церкви, что забыли уже о возможности видѣть среди себя священника. Самъ г. консулъ Я. П. Шишмаревъ принялъ меня съ христіанскою любовію и на первый разъ на собственный счетъ содержалъ меня со всѣми спутниками.

Урга (1), главный городъ Монголіи, мѣстопребываніе Хутухты-гыгэна, средоточіе Лагаизма и резиденція правителей, расположена на долинѣ превосходной на видъ (издали), а на самомъ дѣлѣ—каменистой и мертвой. Западные вѣтры кажется никогда здѣсь не утихаютъ. Они бушуютъ, какъ пассаты между тропиками, только отъ Запада къ Востоку. Да-курень (большой монастырь), кромѣ ветхихъ и безобразныхъ частоколовъ извнѣ, и грязи и нечистоты внутри, ничего не представляетъ взору русскаго. Это жилище десяти тысячъ ламъ, живущихъ здѣсь, какъ и всѣ монголы, въ простыхъ юртахъ. Въ трехъ съ половиною верстахъ отъ Куренъ находится китайскій маймачинъ, такой же грязный и бѣдный, какъ и самый Курень. Въ срединѣ двухъ грязныхъ и вонючихъ подворій возвышается,

(1) Урга (отъ урго—дворецъ) такъ названа собственно русскими, по монгольски называется *Да-курень*—большой монастырь, потому что она есть ничто иное, какъ Ламайскій дацанъ, а все прочее около него есть не болѣе, какъ позднѣйшія пристройки. Еп. В—нъ.

какъ исполинъ, наше русское консульство. Всѣ постройки въ консульствѣ еще не окончены, но величіемъ своимъ удивляютъ дикихъ монголовъ (1).

Тотчасъ по прибытіи начались мои занятія.

16-го числа занимались мы устройствомъ залы для совершенія утрени, часовъ и вечерни. Въ этотъ же день отпѣты были мною два давно умершіе покойника, доселѣ остававшіеся не отпѣтыми, по неимѣнію священника.

17-го числа, по отправленіи молебна съ водоосвященіемъ, освятилъ жилища и житницы консульства. Съ этого же числа началось отправленіе ежедневнаго Богослуженія.

22-го числа, послѣ пятидневнаго говѣнія, десять человѣкъ удостоены были принятія святыхъ Христовыхъ Таинъ. Минуты были умилительныя и трогательныя, какъ для нихъ, такъ и для меня. Слезы, орошавшіе глаза ихъ, показывали, какъ дороги были для нихъ настоящія минуты. Я также не могъ быть безмолвнымъ зрителемъ такого торжества. Содержаніемъ моего слова естественно служила знаменательность самаго событія.

24-го числа, наканунѣ Благовѣщенія, отправлено было всенощное бдѣніе съ освященіемъ хлѣбовъ и проч. Въ самый день Благовѣщенія еще пятнадцать человѣкъ удостоились вкусить Тѣло и Кровь Христову. Остальные десять человѣкъ пріобщены мною 16 апрѣля въ великій четвертокъ. Всѣхъ постниковъ въ Ургѣ было тридцать пять человѣкъ. Слава и благодареніе Господу!

По удовлетвореніи духовнымъ нуждамъ православныхъ христіанъ въ Ургѣ, я рѣшился ближе осмотрѣть курень съ его капищами. Прежде всего осмотрѣлъ я

(1) Болѣе всего монголовъ удивляетъ то, что у русскихъ домовъ много дверей, потому что они каждое створчатое окно не иначе почитаютъ, какъ дверью и, безъ сомнѣнія, воображаютъ себѣ, что каждымъ изъ нихъ входятъ и выходятъ люди.

капище, въ которомъ обитаетъ дивный Майдаръ съ двумя учениками. Идолъ Майдара слитъ изъ мѣди, позолоченной чрезъ огонь; а внутри его помѣщается разный хламъ Ламскаго закона. Величина его, вмѣстѣ съ пьедесталомъ, не менѣе четырехъ саженъ. Голова подобна паровому котлу, руки и туловище пропорціональны головѣ, а ноги журавлиныя. Вѣсу въ немъ смѣло можно положить до трехъ сотъ пудовъ.

Въ курени капищъ китайской архитектуры нѣтъ. Монголы дали кумирнямъ свою форму. Это—видъ круглой огромной юрты, или палатки. Весь курень раздѣляется на двадцать семь аймаковъ,—а въ каждомъ аймакѣ проживаетъ жрецовъ—Ламъ отъ трехъ до пяти сотъ. Всего же въ Куренѣ, какъ я сказалъ, насчитываютъ до десяти тысячъ Ламъ. Пятьсотъ изъ нихъ состоятъ на полномъ содержаніи Гыгена, — а остальные питаются подаяніемъ.

Около Куреня проживаютъ Монгольскіе и Маньчжурскіе чиновники, и не много Китайцевъ въ своихъ торговыхъ давкахъ. Здѣсь же отведено мѣсто и для нашего торгующаго общества. Всѣхъ русскихъ домиковъ, устроенныхъ въ китайскомъ вкусѣ, пять. Одинъ изъ нихъ, послучаю прекращенія торговли, закрытъ. Вблизи куреня монголы низшаго класса, кромѣ чиновниковъ, не живутъ. Въ китайскомъ же Маймачинѣ, отстоящемъ отъ куреня въ трехъ съ половиною верстахъ, находится до тысячи монгольскихъ семействъ; но и это, не болѣе, какъ ублюдки, происшедшіе отъ Китайцевъ. Ихъ называютъ *Эрлидзами*. Подобныя же подозрительныя лица проживали и около куреня, но одно важное лицо, прибывши извнутри Китая и увидѣвши среди Ламъ развившійся развратъ, приказало немедленно пе-

реселиться. Впрочемъ развратъ все таки не уничтоженъ. Сифилисъ до того развитъ въ Монголіи, что на каждомъ почти шагу встрѣчаешь зараженнаго любострастною язвою. Въ курени эта зараза проникла все населеніе. Между тѣмъ въ Да-куренъ каждый день собираются до нѣсколькихъ тысячь человѣкъ поклонниковъ. Чрезъ два дня, изъ собравшейся массы до тысячи человѣкъ поклоняются Хутухтѣ-Гыгену ([1]). Фанатическое почитаніе Гыгена, соединенное съ крайнимъ невѣжествомъ и дикостію, довело поклонниковъ его до того, что изверженіями его они окуриваются и окропляются, какъ святынею, а многіе, хотя не всѣ, считаютъ за счастіе даже принимать ихъ вмѣсто пищи и питія. Иные даютъ такіе странные обѣты, которые для всякаго другаго покажутся сумасбродствомъ. Такъ одни лижутъ землю около жилища Гыгена,—а другіе въ распростертомъ положеніи обходятъ кругомъ всего куреня. Послѣдній обѣтъ очень труденъ и стоитъ несчастнымъ поклонникамъ двухнедѣльнаго срока. Самое же поклоненіе Гыгену можно раздѣлить на четыре категоріи. Перваго рода поклоненіе совершается только монгольскими князьями, которые приносятъ жертву въ тысячу ланъ серебра (около 2,500 р. с.). Жертва эта называется *Данишкъ*. Втораго рода поклоненіе совершается тѣми, которые могутъ принести 50 ланъ серебра (около

([1]) Хутухтъ въ Китайской имперіи четыре. Это, по буддійскому ученію о переселеніи душъ, воплощенія извѣстнѣйшихъ распространителей будизма. Ургинскій Хутухта или Гыгенъ (воплощеніе Пандиты) считается важнѣйшимъ по своему политическому значенію въ Монголіи и потому болѣе всѣхъ уважается китайскимъ правительствомъ. До 1861 года и Сибирскіе ламайцы свободно относились къ ургинскому хутухтѣ, котораго въ этомъ году Русское правительство рѣшило замѣнить своимъ Бандидо-Хамбою. Но прежнее почитаніе Хутухты-гынена чрезъ это нисколько не уменьшилось и наши Буряты досель толпами идутъ въ Ургу на поклоненіе Хутухтѣ. *Еп. В—нъ.*

125 р.). Она называется *Мандалъ*. Третьяго рода—совершается тѣми, которые могутъ принести въ жертву Гыгену конфектъ, пирожнаго и немного серебра. Приношеніе сіе называется *Дзокъ*. Поклонники, приносящіе означенныя жертвы, могутъ входить въ жилище Гыгена и лично принять отъ него вызолоченнымъ шарикомъ ударъ въ голову (благословеніе). Четвертаго рода поклоненіе совершается бѣдными, которые не въ силахъ принести ни одного изъ выше писанныхъ приношеній. Они удостоиваются видѣть Гыгена на площади, предъ воротами жилища гыгенова. Здѣсь ихъ разсаживаютъ рядами. При этомъ у каждаго поклонника долженъ быть на головѣ ходакъ (родъ небольшаго и узкаго платка съ изображеніемъ бурхановъ), а жертвы, которыя они въ состояніи принести Гыгену, должны находиться при нихъ же на землѣ. По знаку трубы, эта толпа мертвѣетъ отъ страха и благоговѣнія. До воротъ ограды Хутухта идетъ пѣшкомъ; а въ самыхъ воротахъ ламы сажаютъ его въ кресла на свои плеча и проносятъ по всѣмъ рядамъ сидящихъ поклонниковъ. Съ обѣихъ сторонъ Гыгена идутъ ламы и кропятъ сидящихъ поклонниковъ (чѣмъ,—смотри выше); а прочіе собираютъ *ходаки* и жертвы. Гыгенъ, по окончаніи кропленія, уносится въ свое жилище. Вотъ до какого безумія можетъ довести слѣпота душевная.

5-го апрѣля я былъ свидѣтелемъ ужасной сцены, свойственной только дикимъ варварамъ. Этого числа монголы отправляли торжество въ честь идола своего Майдара. Идола вмѣстѣ съ Гыгеномъ возили кругомъ куреня. На западной сторонѣ, около русскихъ и китайскихъ лавокъ жрецы остановились для принятія пищи. Во время стоянки, двое ламъ отправились въ

китайскія лавки, для закупа товаровъ, и тамъ успѣли поссориться съ Китайцами. Ссора доведена была до свѣдѣнія Гыгена, который, какъ мальчикъ (лѣтъ четырнадцати или пятнадцати), (1) мало думавшій о послѣдствіяхъ, приказалъ ламамъ поколотить Китайцевъ. Магическое слово Гыгена мгновенно разнеслось по всему стану жрецовъ. Цѣлыя тысячи ламъ бросились къ воротамъ лавокъ, которыя Китайцы успѣли запереть и заложить бревнами. Но передъ такой массой не могли устоять никакія закрѣпы. Ворвавшись внутрь двора, ламы приступили къ осадѣ лавки. Двери и окна были выбиты. Все, что было внутри, предано разрушенію. Прикащики были избиты. Ни одного цѣлаго мѣста не осталось на нихъ. Мясо на лицѣ висѣло кусками. Одинъ монгольскій чиновникъ, видя страшный разгаръ ламскихъ страстей, употребилъ въ дѣло нагайку, но за такую дерзость подвергся той же участи, какъ и прикащики. А Хутухта, съ оставшимися при немъ жрецами, спокойно посматривалъ на страшную бойню. Разбой продолжался около трехъ часовъ и былъ прекращенъ уже китайскимъ Дзаргучеемъ. Въ числѣ злодѣевъ были и знаменитые ламы Гыгена. Но такъ какъ правосудіе у Китайцевъ и Монголовъ опредѣляется вѣсомъ серебра, то богатые оправдались, а бѣдные, можетъ быть и невинные, въ числѣ полутораста человѣкъ должны подвергнуться всей строгости китайскихъ законовъ.

Но среди занятій по обязанностямъ пастырскимъ и наблюденій надъ дикою средою, въ которую попалъ, я не могъ забыть и даннаго мнѣ порученія по отношенію къ Евангельской проповѣди. Я старался собрать

(1) Ургинскіе Хутухты никогда не достигаютъ совершеннолѣтія. Одни причину ранней смерти ихъ видятъ въ китайской политикѣ, а другіе просто въ самихъ, окружающихъ ихъ, ламахъ. *Еп. В—нъ.*

нужныя свѣдѣнія, какъ отъ русскихъ, живущихъ при консульствѣ, такъ и изъ личнаго знакомства съ монголами. По счастливому стеченію обстоятельствъ, я имѣлъ случай познакомиться не съ однимъ простонародіемъ, котораго полудикое состояніе я могъ видѣть еще во время путешествія въ Ургу, но и съ самыми высшими властями Монголіи.

Судя по неожиданности моего пріѣзда въ Ургу для самихъ русскихъ, можно было бы подумать, что языческія власти Монголіи придутъ въ раздумье о цѣли необыкновеннаго посѣщенія; но на дѣлѣ ничего подобнаго не оказалось. Судя по характеру монголовъ можно думать, что если бы я проѣхалъ всю Монголію, никто не спросилъ бы о цѣли моего путешествія. Болѣе трехъ недѣль прожилъ я въ Ургѣ, отправляя открыто христіанское Богослуженіе, причемъ были посѣтителями и Монголы и Китайцы, и даже сами ламы, но ни эти посѣтители, ни сами правители Монголіи (амбани), никто не спрашивалъ меня, за чѣмъ я къ нимъ прибылъ и имѣю ли законные документы на заграничное путешествіе. Я самъ уже рѣшился посѣтить правителей.

Въ Ургѣ живетъ два амбаня, одинъ Монгольскій, другой Манчжурскій и Дзаргучей Китайскій. Всѣ принимали меня ласково, заинтересованные главнымъ образомъ невиданною личностію. Моя широкая и свободная одежда особенно интересовала ихъ, такъ что монгольскій амбань не разъ восклицалъ: саинъ, саинъ (хорошо, хорошо). О христіанствѣ при этомъ свиданіи, конечно, не могло быть рѣчи. Самое общественное положеніе ихъ не позволяло этого дѣлать, по крайней мѣрѣ, съ перваго раза. Я искалъ себѣ человѣка, который бы доступнѣе былъ для меня по своему общественному по-

ложенію и въ то же время не такъ дикъ и грубъ, какъ простой народъ. Такого человѣка я нашелъ въ лицѣ одного монгольскаго чиновника, живущаго въ Ургѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ отъ своего князя. Простота и откровенность его давали и мнѣ возможность откровеннѣе говорить съ нимъ о христіанствѣ и ламайствѣ. Библія на монгольскомъ языкѣ въ переводѣ бывшихъ за Байкаломъ англійскихъ миссіонеровъ, которою я снабженъ былъ изъ библіотеки посольскаго монастыря, дала мнѣ возможность читать ему подлинныя реченія Духа Божія. Сначала я читалъ съ нимъ изъ книги Бытія о твореніи міра и человѣка и о паденіи прародителей, а потомъ перешелъ къ пришествію Спасителя міра. Жизнь Іисуса Христа, Его ученіе и чудеса, крестная смерть и воскресеніе, по видимому, произвели спасительное дѣйствіе на моего собесѣдника. Въ порывѣ откровенности онъ прямо высказалъ, что христіанская вѣра—*первая вѣра*; но, очевидно, онъ далекъ еще былъ отъ признанія ея единою истинною вѣрою. Когда я послѣ нѣсколькихъ собесѣдованій сталъ склонять его къ признанію христіанства единственною истинною вѣрою, онъ даже испугался моего предложенія. Я понялъ, что измѣну своей вѣрѣ онъ считалъ какъ бы измѣною отечеству. Монголы, подобно нашимъ Бурятамъ, вѣрятъ, что Богъ самъ далъ разнымъ народамъ разныя вѣры и принадлежность къ русской вѣрѣ, по ихъ понятію, должна соединяться съ принадлежностію къ русской національности. Теперь для меня понятно стало и то, почему монголы, часто посѣщающіе Россію, не хотятъ принимать христіанства при всемъ убѣжденіи въ его истинности [1].

[1] Лѣтомъ 1863 г. приходилъ къ намъ за Байкалъ одинъ монголъ и усердно просилъ крещенія, съ принятіемъ въ русское подданство. Его

За чтеніе книги Бытія принимались еще два ламы, но сужденій ихъ по этому предмету мнѣ не удалось слышать. Чтобы сѣяніе Слова Божія могло продолжиться и послѣ меня, я оставилъ въ Ургѣ на рукахъ одного боголюбца изъ русскихъ десять букварей, три экземпляра Евангелія и два экземпляра книги Бытія. При букварѣ содержится краткое изложеніе вѣры, краткая Св. Исторія и нѣсколько молитвъ. Всѣ эти книги перевода бывшихъ за Байкаломъ англійскихъ миссіонеровъ. Чтобы болѣе заинтересовать чтеніемъ ихъ, я совѣтовалъ не отдавать ихъ въ собственность, а давать на время съ требованіемъ отчета въ прочитанномъ. Вообще изъ кратковременныхъ наблюденій своихъ надъ монголами, я пришелъ къ тому заключенію, что для успѣха Евангельской проповѣди, при полудикомъ состояніи монголовъ и при ихъ понятіи о вѣрѣ, какъ національности, необходимо, во-первыхъ, покровительство христіанскаго правительства принявшимъ христіанство. Безъ этого христіане всегда будутъ преслѣдоваться не просто какъ люди чужой вѣры, а какъ измѣнники отечеству. Французская и англійская миссія въ Китаѣ, кажется, давно поняла это. По требованію французскаго и англійскаго посланниковъ по всей Монголіи давно разослано циркулярное предписаніе о покровительствѣ дѣйствіямъ ихъ миссій и монголы ожидаютъ теперь иностранныхъ миссіонеровъ, какъ новыхъ

усердіе къ христіанской вѣрѣ (съ которою онъ ознакомился, бывши въ Кахтѣ), заставляло меня принять въ немъ участіе, но трактатъ нашъ съ пекинскимъ правительствомъ не позволялъ принять его въ русское подданство, а онъ боялся дома подвергнуться за крещеніе гоненію. Это то обстоятельство главнымъ образомъ и побудило отправить въ Ургу священника для собранія свѣдѣній въ видахъ учрежденія въ Монголіи миссіи, чтобы желающіе принимать христіанство могли въ самой Монголіи исполнить свое желаніе, не вынуждаясь просить о принятіи въ русское подданство. *Еп. В—нъ.*

начальниковъ изъ покорившихъ Китай государевъ. Но дѣйствія иностранныхъ миссій пока ограничиваются южными предѣлами Монголіи. Подобнымъ же путемъ, слышно, идетъ распространеніе римско-католическаго и протестантскаго христіанства въ самомъ Китаѣ. Всѣ китайцы-католики и протестанты съ принятіемъ христіанства переходятъ подъ покровительство французскаго и англійскаго посланниковъ, подъ осѣненіемъ котораго они больше безопасны, нежели язычники подъ управленіемъ своего начальства.

Собственно миссіонерскія дѣйствія должны начаться съ открытаго Богослуженія. Русскій Монголъ-Бурятъ не требуетъ продолжительныхъ наставленій въ вѣрѣ, потому что онъ давно болѣе или менѣе знакомъ съ нею, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Заграничный монголъ со всѣмъ не имѣетъ о ней понятія. Чтобы дать ему о ней понятіе, прежде всего нужно наглядно показать ее, а это возможно не иначе, какъ если у него на глазахъ будетъ православный русскій храмъ съ открытымъ для всѣхъ Богослуженіемъ. Монголы, какъ показалъ опытъ, охотно будутъ посѣщать нашъ храмъ. Почитая измѣною отечеству принятіе христіанства для нихъ самихъ, они не только спокойно смотрятъ на открытое исповѣданіе его другими, но и сами оказываютъ ему уваженіе, какъ вѣрѣ равно данной отъ Бога, хотя не имъ—монголамъ. Переходъ къ признанію христіанства, какъ единой истинной вѣры, назначенной не для одного какого нибудь народа, а для цѣлаго человѣчества, нужно предоставить дѣйствію благодати Божіей и Евангельской проповѣди. Кяхтинское купечество, всегда готовое на все доброе, изъявило уже благочестивое желаніе на свой счетъ построить цер-

ковь въ Ургѣ; стоитъ дѣло только за разрѣшеніемъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Ужели православное русское правительство откажетъ въ дозволеніи построить храмъ и тѣмъ дастъ случай иностранцамъ такъ же овладѣть Монголіею, какъ овладѣли они Китаемъ?

Въ Ургѣ Господь благословилъ мнѣ провести и свѣтлые дни св. Пасхи къ утѣшенію тамошнихъ христіанъ, никогда не видѣвшихъ свѣтлаго торжества въ столицѣ язычества.

Ночь на свѣтоносный день Воскресенія Христова была тихая и ясная. Домъ консула весь былъ освѣщенъ плошками. На возвышенномъ мѣстѣ поставленъ былъ деревянный крестъ, который также освѣщенъ былъ огнемъ и ясно видѣнъ въ самомъ курени. Во время пѣнія: Христосъ воскресе, стрѣляли китайскими ракетами, которые издавали довольно порядочный гулъ. И такъ темная страна языческая теперь въ первый разъ оглашена побѣднымъ гласомъ: Христосъ воскресе!!! Дай Богъ, чтобъ и въ будущія времена побѣдный глаголъ никогда не умолкалъ въ языческой Монголіи.

Здоровье мое на третій день свѣтлаго Христова Воскресенія очень разстроилось; но ежедневная служба, не смотря на слабое здоровье, продолжалась не опустительно до самаго моего отъѣзда.

26-го апрѣля, по отпѣніи часовъ, съ благословенія Божія, выѣхалъ я изъ Урги; а 4-го мая въ четыре часа утра прибылъ въ Верхнеудинскъ.

Забайкальскій священникъ

Іоаннъ Никольскій.

Верхнеудинскъ,
6-го іюня 1864 г.

Разборъ безпоповщинскаго ученія о лицахъ, имѣющихъ право совершать крещеніе.

Безпоповцы учатъ, что крещеніе, въ случаѣ нужды, можетъ совершать всякій православный христіанинъ, не священникъ только, но и мірянинъ, и даже женщина. На этомъ основаніи у безпоповцевъ, не имѣющихъ священства, совершается крещеніе простолюдинами, такъ называемыми, „большаками" раскольническими, большею же частію женщинами.

Было бы несправедливо отвергать ученіе безпоповцевъ, что крещеніе, въ случаѣ нужды, можетъ совершать не только священнослужитель, но и мірянинъ вѣрующій. Но нельзя, не погрѣшивъ противъ истины, согласиться, чтобы тотъ порядокъ вещей, какой существуетъ у безпоповцевъ, былъ вполнѣ справедливъ и законенъ. Всякій знаетъ, что Церковь, признавая безусловную необходимость крещенія для всякаго, желающаго спасенія, всегда дозволяла, какъ и нынѣ дозволяетъ, въ случаѣ крайней нужды, совершать таинство крещенія и мірянину. Но случаи такой необходимости опредѣлены самою Церковію, и они вовсе не тѣ, какіе указываютъ въ свое оправданіе безпоповцы. Притомъ подобное явленіе—совершеніе крещенія міряниномъ всегда счита-

лось только исключеніемъ, между тѣмъ у безпоповцевъ оно вошло въ законъ, сдѣлалось общимъ правиломъ, а это не одно и тоже.

Вотъ случаи необходимости, когда Церковь позволяетъ и мірянину совершать крещеніе: а) имѣющій нужду въ крещеніи можетъ находиться въ такой опасности жизни, что священникъ, позванный даже изъ самаго близкаго мѣста, не можетъ застать его живымъ и окрестить; разрѣшеніе крещенія на такіе случаи даетъ неосвященному лицу правило въ Большомъ Номоканонѣ (1); б) имѣющій нужду въ крещеніи можетъ находиться гдѣ-либо въ заключеніи или въ другомъ какомъ мѣстѣ, куда онъ не въ состояніи призвать къ себѣ священнослужителей, хотя бы они могли быть найдены и призваны во всякое время; въ такихъ обстоятельствахъ многихъ крестила св. мученица Фотинія (2), а св. мученица Дросида крестила саму себя (3); в) нуждающійся въ крещеніи можетъ находиться въ плѣну у невѣрныхъ, гдѣ онъ не можетъ найти для окрещенія себя священнослужителей; г) имѣющій нужду въ крещеніи можетъ находиться въ такомъ мѣстѣ, на которое воздвигнуто жестокое гоненіе, откуда священнослужители изгнаны, или сами скрылись; въ такихъ обстоятельствахъ св. мученикъ Галактіонъ крестилъ жену свою Епистимію (4); д) имѣющій нужду въ крещеніи можетъ не найти для окрещенія себя священнослужителей по крайне малому ихъ числу, какъ было это напр. при первомъ распространеніи христіанства;

(1) Въ стат. о священствѣ л. 48 об. и 49.
(2) Пролог. Март. 20.
(3) Пролог. Март. 22.
(4) Пролог. Ноябр. 5.

въ такой нуждѣ крестили многихъ мученики Созонтъ, Діодоръ, Маркъ и др. (1); наконецъ е) крещеніе можетъ быть совершено міряниномъ по непосредственному повелѣнію Самого Господа; такъ крестилъ напр. старецъ Ананія—Савла (дѣян. IX, 10—18).

Всѣ означенные случаи дѣйствительно составляютъ нужду или крайность, и всѣ они заключаютъ въ себѣ собственно одну причину: *невозможность* имѣть священнослужителей для принятія отъ нихъ крещенія. Эта одна причина означена и въ Номоканонѣ, гдѣ сказано: „не второкрещаются, иже отъ причетникъ, или простца инока, или діакона, или отъ отца самаго, или христіанина нѣкоего православна, по нуждѣ, *не сущу священнику*, крещени суть" (2). Но ни одинъ изъ указанныхъ случаевъ нужды, когда позволяется совершать крещеніе и мірянину, очевидно, неприложимъ къ безпоповцамъ. Если и можетъ быть допущено исключеніе, то развѣ касательно перваго случая — смертной опасности, въ которой могутъ находиться и безпоповщинскіе некрещенные младенцы. Но само собою разумѣется, что подобное обстоятельство можетъ касаться только нѣкоторыхъ дѣтей, но никакъ не всѣхъ. А между тѣмъ у безпоповцевъ всѣ безъ исключенія крещаются мірянами. На какомъ же основаніи, по какой необходимости?

„Нужда, говорятъ безпоповцы, нужда непреходящая", именно—недостатокъ православнаго священства, которое истребилъ антихристъ, заставляетъ нынѣ мірянъ совершать таинство крещенія. Но мы уже говорили, что уче-

---

(1) Пролог. Сентябр. 7, 11 и Октябр. 27. Обо всемъ этомъ см. въ истин. древн. Хр. Ц. Ч. 1 стр. 335—6, изд. 1855 г.

(2) Потребн. Іосиф. л. 707 об. пр. 203.

ніе безпоповцевъ, будто нынѣ нѣтъ въ мірѣ священства, несправедливо (1). Съ другой стороны на такую нужду не указываютъ и правила, которыми позволяется міряннну совершать крещеніе. Если же мы припомнимъ, что, по ученію Слова Божія и св. Отцевъ, Церковь въ полномъ устройствѣ своемъ — съ іерархіею и таинствами будетъ существовать, согласно Господню обѣтованію (Мѳ. XVI, 18), до конца міра, то увидимъ въ указываемой безпоповцами нуждѣ не нужду, а своеволіе и пренебреженіе священства, — въ крестителяхъ безпоповщинскихъ—самозванцевъ, восхищающихъ „не дарованная имъ“ (2).

Не ограничиваясь несправедливымъ указаніемъ на недостатокъ православнаго священства, безпоповцы, въ оправданіе своего незаконнаго обычая, ссылаются еще на нѣкоторые примѣры и свидѣтельства.

а) Прежде всего безпоповцы указываютъ на Іоанна Крестителя, который былъ не священникъ, однакожъ крестилъ Іудеевъ и даже самаго Іисуса Христа. Нѣкоторые изъ болѣе смѣлыхъ безпоповщинскихъ учителей утверждаютъ даже, что, по примѣру Предтечи, и вообще нужно крестить не священникамъ (3). Нужно ли доказывать несостоятельность подобныхъ умствованій? Ужели безпоповщинскіе крестители осмѣлятся равнять себя съ Іоанномъ Крестителемъ? Кто былъ Іоаннъ и почему сталъ онъ Крестителемъ? *Не воста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя* (Мѳ. XI, II), сказалъ о немъ Христосъ. *Вси Іудеи Іоанна, яко Пророка имѣяху* (Матѳ. XXI, 26), сказано о немъ въ Еван-

(1) Христ. Чтен. 1862 г. Сент. стр. 331—404.
(2) Корнч. гл. 4, пр. 2 и 30.
(3) Бесѣд. о мним. старообрядств. изд. 1846 г. стр. 126.

геліи. Самые враги проповѣдуемаго Іоанномъ царствія Христова не смѣли сказать о крещеніи Іоанновомъ иначе, какъ о Божіемъ учрежденіи, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть побитыми камнями отъ народа. Еще за нѣсколько сотъ лѣтъ прежде рожденія Іоанна, Самъ Богъ чрезъ Пророка сказалъ о немъ, говоря къ Сыну своему: *се азъ посылаю Ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже уготовитъ путь твой предъ тобою* (Марк. I, 2). Зачатіе Іоанна предсказано было отцу его архангеломъ, какъ событіе благодатное, вышеестественное (Лук. I, 11—13). Рожденіе его принято было со всеобщимъ торжествомъ всѣхъ, кто способенъ былъ чаять царствія Божія. Іоаннъ исполненъ былъ Духа Святаго еще отъ утробы матери своей, какъ сказалъ Архангелъ; еще въ утробѣ же матерней онъ привѣтствовалъ Христа, какъ Пророкъ и Предтеча (Лук. I, 16, 39 — 45). Неисходное пребываніе съ дѣтства до лѣтъ зрѣлыхъ въ пустынѣ и самый строгій, еще неизвѣстный тогда образъ жизни, дѣлали его чудомъ своего времени. Не довольно ли всего этого, чтобы дѣло, какое бы ни началъ Іоаннъ во имя Божіе, признать за дѣло святое? И однакожъ Іоаннъ ничего не начиналъ самъ по себѣ, пока *не бысть глаголъ Божій ко Іоанну въ пустыни*, т. е. особенное, непосредственное отъ Бога повелѣніе о томъ, чтобы онъ открылъ *крещеніе покаянія* (Лук. III, 2 — 3). Только тогда, не прежде и не иначе сдѣлался Іоаннъ Крестителемъ. Съ такимъ ли Крестителемъ хотятъ равнять себя безпоповщинскіе крестители? Гдѣ, когда и къ кому, хотя одному изъ нихъ, былъ глаголъ Божій о томъ, чтобы они начали совершать крещеніе? Или святая жизнь ихъ, если она такова, даетъ имъ право на это? Но христіанское смиреніе

должно въ такомъ случаѣ еще болѣе удерживать ихъ отъ того, чтобы не являть имъ самихъ себя посланниками Божіими. А одного примѣра, что Іоаннъ крестилъ, слѣдовательно и имъ крестить можно, очень мало. Іоаннъ крестилъ по повелѣнію Божію, а о крещеніи безпоповщинскихъ учителей этого сказать никакъ нельзя; они совершаютъ его только по одному произвольному подражанію Іоанну. Подражаніе хорошо, да только не во всемъ; а въ настоящемъ случаѣ оно похоже на святотатственное похищеніе власти, которую можетъ дать человѣку одинъ только Богъ.

Есть и другая сторона дѣла, которая еще болѣе показываетъ, что примѣръ Крестителя Іоанна не можетъ быть приложимъ къ безпоповщинскимъ крестителямъ. Это-то, что крещеніе, которое совершалъ Іоаннъ, было ниже крещенія Христова, или точнѣе: установленнаго Христомъ уже по воскресеніи, совершаемаго нынѣ въ православной Церкви, и которое покушаются совершать безпоповцы. Іоанново крещеніе, хотя оно было и *съ небеси*, служило только прообразомъ крещенія Христова (Матѳ. III, 11; Марк. I, 8. Лук. III, 16), только приготовляло и притомъ однихъ Іудеевъ къ принятію Мессіи и Его царства (Матѳ. III, 1—2. Лук. I, 16; III, 3), было только крещеніемъ покаянія (Марк. I, 4; Дѣян. XIX, 4) и не возраждало благодатію св. Духа, такъ что крестившіеся Іоанновымъ крещеніемъ должны были въ послѣдствіи креститься еще крещеніемъ Христовымъ (Дѣян. XIX, 2—6). „Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ находимъ, говоритъ Тертулліанъ (¹), что кре-

(¹) De babtismo c. X, XI, XIII, in Patrolog. curs. complet. t. 1. p. 1211, 1212. 1215. Мы не усумнились привести слова не святаго Отца а только Учителя Церкви,—потому, что и сами безпоповцы иногда ссылаются на него (см. Отвѣт. древн. благочест. любителей на вопр. при-

стившіеся Іоанновымъ крещеніемъ не пріяли Духа святаго, даже не слышали о Немъ... Это было крещеніе покаянія, какъ бы предначатіе (quasi candidatus) имѣвшаго послѣдовать отпущенія и освященія во Христѣ. Ибо, если Іоаннъ проповѣдывалъ крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ, то разумѣлось будущее оставленіе, такъ какъ покаяніе предшествуетъ, а оставленіе послѣдуетъ, и это-то значило приготовлять путь". „Апостолъ Павелъ говоритъ: Іоаннъ убо крести крещеніемъ покаянія,—не сказано отпущенія,-замѣчаетъ св. Златоустъ, да во грядущаго по Немъ вѣруютъ (Дѣян. XIX, 4). Да какимъ бы образомъ могло быть отпущеніе грѣховъ, когда еще ни жертва не была принесена, ни Духъ Святый не сходилъ, ни грѣхи не были заглаждены, ни вражда не пресѣклась, ни проклятіе не уничтожилось?... Смотри, съ какою точностію Евангелистъ излагаетъ сіе,—ибо, сказавъ, что Іоаннъ пріиде проповѣдуя крещеніе покаянія въ пустынѣ іудейстѣй, присовокупилъ—во отпущеніе; какъ бы сказалъ: онъ убѣждалъ ихъ къ сознанію и покаянію во грѣхахъ, не для наказанія ихъ, но дабы они удобнѣе получили отпущеніе, имѣвшее быть послѣ. Ибо, если бы они не осудили самихъ себя, то не стали бы просить и милости, а не ища ея, не удостоились бы и оставленія грѣховъ. Итакъ, крещеніе Іоанново пролагало путь къ другому" ([1]). „Какъ законъ Моисеевъ, говоритъ св. Кириллъ Александрійскій, служилъ нѣкоторымъ приготовленіемъ къ будущимъ благамъ и духовному богопочтенію, заключая въ себѣ сокровенную истину: такъ и крещеніе Іоанново отно-

---

держащихся новодогматствующаго іерейства, л. 161. Объ этой рукописи см. замѣтку въ Хр. Чтен. 1862 г: Сент. стр. 336).

([1]) На Матѳ. бесѣд. X. п. 1, 2, т. I. стр. 177, 179.

сительно къ крещенію Христову содержитъ въ себѣ приготовительную силу“ (¹).

Если же для совершенія крещенія Іоаннова, крещенія покаянія, служившаго только прообразомъ крещенія, установленнаго Христомъ и совершаемаго нынѣ въ Церкви христіанской, недостаточно было быть Іоанну только Іоанномъ, — т. е. мужемъ благодати со всѣми тѣми преимуществами, какія отличали Крестителя Господня отъ всѣхъ прочихъ людей и которыя мы указали выше, но требовалось еще непосредственное повелѣніе Божіе: то что же сказать о крещеніи христіанскомъ, — таинствѣ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, и притомъ *первоначальномъ*, основномъ? Безъ всякаго сомнѣнія, въ совершеніи его можетъ и должно быть еще менѣе произвола, требуется и необходимо еще болѣе избраніе Божественное для того, кто рѣшился бы быть совершителемъ его. Крещеніе есть, по Слову Божію, духовное рожденіе. *Подобаетъ вамъ родитися свыше*, говорилъ Христосъ имѣющимъ вѣровать въ Него. *Рожденное отъ плоти, плоть есть*, присовокупилъ Онъ, *и рожденное отъ духа, духъ есть*. Это-то иное рожденіе бываетъ, по слову Господа, *водою и духомъ*, т. е. крещеніемъ (Іоан. III, 5—7). А отсюда само собою понятно, что крещеніе должно быть совершаемо только тѣми, кто имѣетъ въ Церкви чинъ отцевъ о Господѣ, т. е. пастырями Церкви. Потому что, если крещеніе есть духовное рожденіе, то что будетъ креститель, какъ не духовный родитель? „Благоутробный и Милостивый Боже,—молится въ тайной молитвѣ о крещеніи священникъ,—омый мою скверну тѣлесную и скверну душевную, и всего мя освяти

(¹) In Ioan. lib. II. c. 57.

всесовершенною силою Твоею невидимою, и десницею духовною... низпосли мнѣ силу съ высоты и укрѣпи мя къ службѣ предлежащаго Твоего таинства великаго и пренебеснаго: и вообрази Христа Твоего въ хотящемъ *паки родитися моимъ окаянствомъ*" (¹). Но если и для плотскаго рожденія нужно, по закону Божію, чтобы родитель имѣлъ Божіе на то благословеніе въ таинствѣ честнаго супружества, то тѣмъ болѣе для рожденія духовнаго родителю духовному надобно получить Божіе на то благословеніе въ таинствѣ священства. Иначе, какъ беззаконный плотскій родитель можетъ рождать только незаконныхъ дѣтей, такъ и духовный родитель незаконный — незаконныхъ также родитъ дѣтей отъ купѣли (²). А продолжая сравненіе, мы должны сказать, что какъ незаконные плотскіе дѣти не имѣютъ права на наслѣдство отчее, такъ точно *сомнительными* намъ кажутся права на наслѣдство отчее и дѣтей духовныхъ незаконныхъ. Говоримъ: *сомнительными*. Это значитъ, что мы не считаемъ крещенія безпоповщинскаго, совершаемаго мірянами, недѣйствительнымъ безусловно — тѣмъ болѣе, что наша православная Церковь не отвергаетъ этого крещенія и переходящихъ изъ раскола не перекрещиваетъ. Мы только хотимъ сказать, что крещеніе безпоповщинское—*незаконно*, или по крайнѣй мѣрѣ совершается не *по закону*. Впрочемъ, если бы кто пожелалъ узнать что нибудь болѣе опредѣленное, то вопросъ о томъ, нужно ли признавать дѣйствительнымъ крещеніе безпоповщинское, мы замѣнимъ другимъ, рѣшеніе котораго яснѣе и который, въ

(¹) Требник. послѣд. къ крещ.
(²) Бесѣд. о мним. старообр. стр. 135—6.

существѣ дѣла, равносиленъ первому, — именно: крещеніе безпоповщинское *съ небесе ли, или отъ человѣкъ* (Мѳ. XXI, 25)? Всякій знаетъ, что такой вопросъ предложенъ былъ Господомъ касательно крещенія Іоаннова. Въ то время онъ остался нерѣшеннымъ; теперь — въ приложеніи къ крещенію безпоповщинскому — мы можемъ сказать, что оно — *отъ человѣкъ*, да — по крайней мѣрѣ началось отъ человѣкъ, по свидѣтельству исторіи. Раскольники имѣли сперва отступившихъ вмѣстѣ съ ними священниковъ; священники сперва и крестили. Но когда священники такъ называемаго „стараго поставленія“ всѣ вымерли, то оставшіеся въ лѣсахъ простолюдины вмѣсто того, чтобы обратиться къ Церкви и ея пастырямъ, сдѣлали уложеніе — совершать таинство крещенія имъ самимъ — простолюдинамъ. Безпоповцы скажутъ, какъ и говорятъ, что мірянамъ передали право совершать крещеніе бывшіе у нихъ и съ ними священники. Но священникъ не можетъ передать другому правъ священства; это — дѣло епископа. Безпоповцы укажутъ, какъ и указываютъ, на Павла, епископа коломенскаго? Но и епископъ можетъ передать священство и право его только тому, надъ кѣмъ совершитъ онъ священное рукоположеніе. Откуда же послѣ этого заимствуютъ даръ крещенія нынѣшніе безпоповщинскіе крестители? *отъ человѣкъ*, *отъ человѣкъ*. Само общество безпоповщинское, состоящее изъ однихъ мірянъ, избираетъ изъ среды себя крестителей; другіе же сами уполномочиваютъ себя на это. Въ первомъ случаѣ избранные обществомъ крестители получаютъ то, что имѣетъ само общество (дать нельзя того, чего не имѣешь), т. е. получаютъ не право на совершеніе крещенія, котораго нѣтъ у общества, какъ неосвящен-

наго, но отступленіе отъ закона Божія, разрушеніе заповѣди Божіей о тайнѣ крещенія. Въ послѣднемъ случаѣ, скажемъ словами Кормчей, „восхищающіи не дарованная имъ, раздражаютъ Бога, якоже сыны Корреови и Іозіа царь... дерзнувый таковая борется съ великимъ Архіереемъ Христомъ“ (1). А если безпоповщинское крещеніе *отъ человѣкъ*, то несомнѣнно по крайнѣй мѣрѣ то, что принимать такое крещеніе не слѣдуетъ (2). Объ этомъ всего больше и должны заботиться наши священники — независимо отъ того, что имъ вмѣнено въ обязанность принимать переходящихъ изъ раскола въ православіе только *чрезъ мгропомазаніе*.

б) Далѣе—крещеніе, совершаемое у безпоповцевъ міранами, они защищаютъ примѣромъ учениковъ Христовыхъ, или точнѣе: апостоловъ, которые, по свидѣтельству Евангелія (Іоан. IV, 2), совершали крещеніе еще въ то время, когда не получили благодати священства, или вѣрнѣе: апостольства (3). Но во первыхъ безпоповцы опускаютъ изъ виду то обстоятельство, что апостолы, крестившіе при Христѣ — въ *Его личномъ присутствіи* (снес. III, 22), дѣлали это, безъ всякаго сомнѣнія, по волѣ самаго Спасителя, чего нельзя сказать о безпоповщинскихъ крестителяхъ. Во вторыхъ, и это важнѣе всего, крещеніе, которое совершали апостолы до сошествія на нихъ Св. Духа, не было крещеніемъ христіанскимъ,—таинствомъ, а было только крещеніе покаянія, подобное крещенію Іоаннову. „Крестили ученики Іисусовы, говоритъ Тертулліанъ, какъ

(1) Корич. л. 30.
(2) Бесѣд. о мним. старообр. стр. 137—8.
(3) Отвѣт. на вопр. л. 93.

служители, подобно Іоанну Предтечѣ, и тѣмъ же Іоанновымъ крещеніемъ, а не другимъ. Ибо другаго нѣтъ, кромѣ установленнаго въ послѣдствіи Христомъ, которое не могло тогда быть преподаваемо учениками, потому что не исполнилась еще слава Господа, не устроилась сила купѣли чрезъ страданіе и воскресеніе... До страданія и воскресенія Господа для спасенія была одна вѣра. Но когда вѣра эта умножилась вѣрою въ рожденіе, страданіе и воскресеніе Его, тогда дарованы—полнота таинству, запечатлѣніе крещенія, какъ бы одежда вѣры, которая прежде была обнаженною и не имѣла силы безъ своего закона" (1). „Почему, спросишь, Господь не крестилъ Самъ, говоритъ св. Златоустъ? Еще прежде сказалъ Іоаннъ: Той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ (Матѳ. III, 11). Но Духа Онъ еще недавалъ,—потому и не крестилъ... Еслиже кто спроситъ, что бо́льшаго имѣло крещеніе учениковъ Христовыхъ предъ Іоанновымъ? Мы скажемъ: ничего. Ибо то и другое крещеніе было равно безъ благодати Духа, и причина крестить у обоихъ была одна—приводить ко Христу крещающихся" (2).

в) Ссылаются еще безпоповцы на примѣръ Филиппа, крестившаго евнуха царицы Кандакіи и жителей Самаріи (Дѣян. VIII, 12—17, 26—39). Филиппъ, говорятъ безпоповцы, былъ дьяконъ (Дѣян. VI, 5), слѣдовательно крещеніе можетъ совершать не епископъ только, или священникъ (3). Правда, слѣдуетъ,—но такая же правда и то,

(1) De baptismo c. X, XI, XIII, in patrol. curs. compl. t. 1, p. 1215.

(2) In Ioan. homil. XXIX. n. 1. in opp. t. VIII, p. 164, 165, ed. Wenet; въ русс. перев. 1862 г. стр. 329 и 331.

(3) Отв. на вопр. л. 33. об.; слово о тайнѣ св. крещенія л. 64. об. 65, 83 и 87; Поморск. Отв. 101; Меч. Дух. ч. I, пред. 3, гл. 7, л. 156. Послѣднее сочиненіе, по свидѣтельству Павла Любопытнаго (Катал. стр.

что изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы крещеніе могъ совершать и *міряниню*, какъ бываетъ это у безпоповцевъ, потому что Филиппъ былъ *дьякомъ*. Съ другой стороны Филиппъ крестилъ скопца не самъ собою, но по непосредственному внушенію Св. Духа, Который переносилъ его съ мѣста на мѣсто. А развѣ безпоповщинскіе крестители могутъ сказать о себѣ, что и они крестятъ по повелѣнію Св. Духа?.. Что же касается крещенія, совершеннаго Филиппомъ надъ жителями Самаріи, то, по всей справедливости, можно думать, что онъ, какъ мужъ святый, исполненный даровъ Св. Духа въ такой степени, что могъ творить знаменія и чудеса (Дѣян. VIII, 6 и 7), и въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ не безъ непосредственнаго внушенія Духа Божія, пребывавшаго въ немъ. Впрочемъ оставимъ предположенія, хотя и не неосновательныя, и обратимся къ свидѣтельству книги, въ которой излагается разсматриваемое событіе. Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ не сказано *прямо*, чтобы было повелѣніе Божіе Филиппу крестить увѣровавшихъ во Христа Самарійцевъ. Но за то здѣсь сказано нѣчто другое, весьма важное для нашей цѣли, именно-то, что крещенные Филиппомъ Самарійцы не получили даровъ Св. Духа до тѣхъ поръ, пока не возложили на нихъ рукъ имѣвшіе совершительную благодать освященія апостолы Петръ и Іоаннъ. *Слышавше же, иже во Iерусалимѣ апостоли*, пишется въ Дѣяніяхъ, *яко пріятъ Самарія слово Божіе, послаша къ нимъ Петра и Іоанна. Иже сошедше помолишася о нихъ, яко да пріимутъ Духа святаго. Еще бо ни на единаго ихъ бѣ пришелъ, точію крещени бяху во имя Господа Іисуса. Тогда возложиша*

47, изд. 1861 г.) написано Алексѣемъ Самойловымъ, учителемъ Θеодосіанской церкви въ Новѣ-городѣ.

руцѣ на ня, и пріяша Духа святаго (Дѣян. VIII, 14—17). Что же слѣдуетъ изъ этого замѣчанія священной книги? Вотъ что: если мы и согласимся, что Филиппъ крестилъ Самарійцевъ безъ особеннаго на то повелѣнія Божія, и въ такомъ случаѣ примѣръ его не въ пользу безпоповцевъ; потому что крещеніе его, какъ дьякона, было несовершенное, неполное, безъ даровъ благодати Св. Духа; тѣмъ болѣе, значитъ, несовершенно и безблагодатно крещеніе безпоповщинское, совершаемое простыми мірянами. Есть и другая сторона дѣла. На евнуха, крещеннаго Филиппомъ по повелѣнію Св. Духа, Духъ Святый, говорится въ Дѣяніяхъ, *нападе* (VIII, 39), лишь только каженникъ вышелъ изъ воды. Самарійцы, о которыхъ не замѣчено, чтобы они были крещены Филиппомъ по повелѣнію Божію, получили благодать Св. Духа уже только тогда, какъ возложены были на нихъ руки Апостоловъ. Что же слѣдуетъ изъ этого? Очевидно, то, что крещеніе, совершенное хотя бы и дьякономъ, но по непосредственному повелѣнію Божію, можетъ и должно быть признано благодатнымъ и спасительнымъ. Въ этомъ случаѣ самъ Богъ, у Котораго *вся возможна* (Мате. XIX, 26), можетъ непосредственнымъ дѣйствіемъ благодати своей восполнить недостатокъ освящающей силы въ крестителѣ — не-священникѣ. Но крещеніе, совершенное не только міряниномъ, каково крещеніе безпоповщинское, но даже и дьякономъ—все же лицемъ священнымъ, только безъ особеннаго на то повелѣнія Божія, можетъ и должно быть признано неполнымъ, несовершеннымъ, пока оно не будетъ довершено молитвами лица, имѣющаго законное право на его совершеніе, каково было и крещеніе, совершенное надъ Самарійцами Филиппомъ и довер-

шенное потомъ возложеніемъ рукъ апостольскихъ. Отсюда — то, т. е. изъ такого пониманія дѣла, какъ мы его представили, и произошло, по нашему мнѣнію, въ Церкви правило, которымъ требуется, чтобы крещеніе, совершенное въ случаѣ нужды міряниномъ или кѣмъ либо другимъ, только лицемъ не священнымъ, было довершено, если крещенный останется живъ, священникомъ—прочтеніемъ установленныхъ молитвъ и особенно—совершеніемъ таинства *мѵропомазанія*. На вопросъ: „елико аще крещаютъ непосвященіи мужіе же и жены, или иноцы, что достоитъ творити", — въ Номоканонѣ дается такой отвѣтъ: „аще живъ будетъ крестивыйся, да... священникъ... молитвы и мѵро по обычаю творитъ" (1). Этотъ отвѣтъ представляетъ въ себѣ тоже самое, что видимъ мы въ сказаніи о крещеніи, совершенномъ Филиппомъ надъ Самарійцами. Тамъ для довершенія крещенія, совершеннаго дьякономъ, нужны были молитвы апостоловъ и руковозложеніе; и здѣсь для довершенія крещенія, совершеннаго міряниномъ, признаются необходимыми молитвы священника и мѵропомазаніе, замѣнившее собою, какъ извѣстно, древнее руковозложеніе. И это, повторимъ опять, не случайное требованіе для формы и порядка, но необходимость, вытекающая изъ самаго существа дѣла, изъ значенія въ дѣлѣ христіанской жизни таинства мѵропомазанія. По ученію Отцевъ, съ которыми согласны и уважаемыя раскольниками книги, „не мазавшіеся мѵромъ нижѐ Богу, нижѐ Ангеломъ знаеми, и не печатствовани, тіи и незнаменани Христу.... по крещеніи не помазавшійся ни печати знаменія имать Святыя Троицы, нижѐ дара Ду-

(1) Въ ст. о священствѣ. Тоже въ потребн. Іосиф. стр. 726.

ха" (1). По ученію книги о Вѣрѣ, „безъ мѵропомазанія крещенія тайна не совершенна есть" (2); по замѣчанію Большаго Катихизиса, основанному на словахъ св. Климента Римскаго, безъ мѵропомазанія „ни кто же совершенъ христіанинъ можетъ быти" (3). А послѣ этого понятно, какъ нужно смотрѣть на крещеніе, совершаемое у безпоповцевъ мірянами и не довершаемое послѣ священникомъ по установленному порядку.

г) Ссылаются еще безпоповцы на примѣръ Ананіи, крестившаго Апостола Павла (Дѣян. IX, 10—13). Ананія былъ только благочестивый старецъ — не священникъ, говорятъ безпоповцы, а между тѣмъ крестилъ богоизбраннаго апостола, потрудившагося въ дѣлѣ проповѣди Евангельской больше всѣхъ другихъ апостоловъ. И крещеніе, совершенное Ананіею надъ Павломъ, прибавляютъ безпоповцы, не было безблагодатнымъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ св. Златоустъ, говоря: „егда крестися (Павелъ), абіе многу пріятъ благодать Духа Святаго" (4). Прежде всего безпоповцы напрасно указываютъ въ настоящемъ случаѣ на значеніе апостола Павла въ сонмѣ другихъ апостоловъ. Не споримъ, что онъ—первоверховнѣйшій, но такимъ сдѣлался Павелъ уже въ послѣдствіи, а Ананія крестилъ простаго Савла тарсянина, только еще готовившагося тогда сдѣлаться изъ гонителя Христова избраннымъ сосудомъ для пронесенія имени Христова предъ *языки и царьми и сынами Израилевыми*. Далѣе—изъ свидѣтельства св. Златоуста, равно и изъ сказанія Дѣяній Апостольскихъ, видно, что

(1) Сум. Сол. гл. 73, л. 90 и 91.
(2) Гл. 28, л 245 об.
(3) Больш. Катих. л. 327.
(4) Отв. на вопр. л. 33; Слов. о тайнѣ крещ. л. 87 об.; Пом. отв. 101, стр. 597; Меч. дух. ч. I. пред. 3. гл. 7, л. 156 об. гл. 9, л. 167 об.

Павелъ или Савлъ получилъ благодать Св. Духа, но еще вопросъ, было ли это слѣдствіемъ крещенія, совершеннаго Ананіею, или благодать Божія снизошла на Савла еще *прежде крещенія*, по непосредственному дѣйствію Божію. Сколько можно судить объ этомъ на основаніи свидѣтельства книги Дѣяній Апостольскихъ, послѣднее предположеніе гораздо вѣроятнѣе. Вотъ это сказаніе: Савлъ, не удовольствовавшись гоненіемъ на Церковь Іерусалимскую, испрашиваетъ еще у архіерея позволеніе отправиться въ Дамаскъ—съ тѣмъ, чтобы, если найдетъ тамъ кого либо изъ христіанъ, связать ихъ и представить въ Іерусалимъ, любившій проливать кровь неповинную. Когда уже онъ приближался къ Дамаску, вдругъ осіялъ его свѣтъ съ неба до того сильный, что гонитель принужденъ былъ пасть на землю. Вмѣстѣ съ свѣтомъ послѣдовалъ съ неба голосъ, упрекавшій Савла за его жестокость противъ христіанъ, а слѣдовательно и противъ Христа, Котораго они исповѣдывали. Свѣтъ былъ такъ силенъ, что Савлъ не могъ его вынести и ослѣпъ, а голосъ до того необыченъ и вліятеленъ, что гонитель готовъ былъ отдать себя въ волю вѣщавшаго Господа, Котораго прежде преслѣдовалъ. Слѣпаго довели спутники Савла до Дамаска Чрезъ два дня послѣдовало жившему въ Дамаскѣ христіанину, по имени Ананіи, видѣніе, въ которомъ Господь повелѣвалъ ему отыскать *въ дому Іудовѣ* Савла, которому въ тоже самое время представился въ видѣніи Ананія, будто бы вошедшій въ домъ и возложившій на Савла руку съ цѣлію исцѣлить его отъ слѣпоты. Наслышанный о прежнихъ гоненіяхъ Савла, зная цѣль, съ какою онъ предпринялъ путешествіе въ Дамаскъ, Ананія выразилъ опасеніе явиться предъ лице человѣка, который былъ

уполномоченъ архіереемъ вязать всѣхъ христіанъ и препроводить ихъ въ Іерусалимъ. Въ ободреніе Ананіи Господь отвѣчалъ, что Савлъ уже избранъ Имъ въ сосудъ, имѣющій пронести имя Христово повсюду. *Пойде же Ананія*, — теперь будемъ говорить подлинными словами священной книги, чтобы избѣжать упрека въ перетолкованіи ея свидѣтельства, — *и вниде въ храмину: и возложь нань руцѣ, рече: Савле брате, Господь Іисусъ явлейтися на пути, имже шелъ еси, посла мя, яко да прозриши, и исполнишися Духа свята. И абіе отпадоша отъ очію его яко чешуя, прозрѣ же абіе: и возставъ крестися.* Мы не сомнѣваемся (хотя объ этомъ прямо и не говорится), что обѣщаніе Ананіи, что Савлъ получитъ благодать Св. Духа, исполнилось, — во первыхъ, потому, что оно было высказано Ананіей по волѣ Божіей, во вторыхъ, потому, что первая часть этого обѣщанія, именно: что Савлъ прозритъ, исполнилась, какъ замѣчено объ этомъ прямо. Но не видимъ достаточнаго основанія утверждать, чтобы благодать Св. Духа была получена Савломъ именно въ слѣдствіе крещенія его Ананіею, напротивъ, судя потому, что Савлъ прозрѣлъ, т. е. чудесно исцѣлился еще *до крещенія*, думаемъ, что до крещенія же онъ исполнился и Св. Духа—по непосредственному дѣйствію Божію,—думаемъ такъ потому, что уже самое исцѣленіе его было дѣйствіемъ въ немъ благодати Божіей, немощная врачующей. Впрочемъ, если безпоповцы станутъ утверждать, на основаніи словъ Св. Златоуста, что Савлъ получилъ благодать Св. Духа именно въ слѣдствіе крещенія, хотя изъ словъ св. Отца прямо не вытекаетъ такое заключеніе,—мы готовы согласиться и на это. Только замѣтимъ, что и въ такомъ случаѣ при-

мѣръ Ананіи, крестившаго Савла, не примѣръ для безпоповщинскихъ крестителей, и крещеніе ихъ никакъ не можетъ равняться съ крещеніемъ, совершеннымъ надъ Савломъ Ананіею. Почему? потому что, хотя Ананія былъ и простой вѣрующій, но онъ крестилъ Савла по непосредственному повелѣнію Божію. *Господь Іисусъ посла мя*, говорилъ онъ Савлу. Безпоповщинскіе крестители, замѣтимъ опять, сказать того же о себѣ не могутъ. Савлъ еще прежде, чѣмъ крестился, по одному слову Ананіи прозрѣлъ, т. е. чудесно исцѣлился отъ слѣпоты. Никто не будетъ спорить, что это сдѣлалось не силою Ананіи, но Божіею. Значитъ, Богъ же дѣйствовалъ своею благодатію и при крещеніи Савла. Ананія былъ избранъ только орудіемъ или посредникомъ, но опять избранъ Самимъ Богомъ, чего нельзя сказать о безпоповщинскихъ крестителяхъ, хотя и они называютъ себя только орудіями, чрезъ которыя будто бы Самъ Богъ просвѣщаетъ крещаемыхъ ими. Можно было бы согласиться съ этимъ, если бы мы знали, что Самъ Богъ и избираетъ эти орудія; въ противномъ случаѣ большой просторъ сомнѣнію. При этомъ припоминаются намъ слова Кормчей, имѣющія самое близкое отношеніе къ разсматриваемому нами доказательству, которымъ безпоповцы хотятъ защитить свое—совершаемое мірянами крещеніе. „Восхищающіи не дарованная имъ, раздражаютъ Бога, якоже сыны Корреови и Іозіа царь. Ни діакону убо приносити жертвы нѣсть достойно, ни крестити кого, ни благословеніе мало или велико сотворити. Якоже дерзнувый таковая, не съ нами борется, но съ великимъ Архіереемъ Христомъ. Аще бо Филиппъ скопца крести и Ананія мене Павла, но не сами собою восхитиста святительскаго чина, но отъ

Бога пріяста власть—отъ несочтаннаго Архіерея“ (1). Какъ всякій можетъ видѣть, слова эти приведены въ Кормчей отъ лица апостола Павла, котораго и крестилъ Ананія, и въ нихъ та же мысль, которую развивали и мы.

д) Наконецъ безпоповцы ссылаются, въ оправданіе своего крещенія, совершаемаго мірянами, еще на многихъ св. мучениковъ, мученицъ и другихъ св. мужей, которые, не имѣя благодати священства, крестили однако же другихъ, а иногда и самихъ себя. Въ этомъ случаѣ безпоповцы указываютъ на первомученицу равноапостольную Ѳеклу, мучениковъ: Созонта, Діодора, Ѳеофана, Дидима, Марка и многихъ другихъ (2). Не споримъ, что, по сказанію прологовъ, всѣ указанныя лица — несвященныя дѣйствительно крестили другихъ. Но всѣ означенные примѣры были случаями дѣйствительной нужды, о которой мы говорили выше, а не нужды мнимыхъ старообрядцевъ. А случаи нужды и исключенія неизбѣжныя и рѣдкія можно ли брать правилами въ ниспроверженіе основныхъ правилъ? Не имѣя времени и возможности креститься, многіе изъ св. мучениковъ, и не крестившись въ водѣ, умерли исповѣдниками вѣры Христовой; слѣдуетъ ли изъ этого, что и никому не слѣдуетъ креститься водою? Кромѣ того тѣ случаи, когда въ древности совершаемо было крещеніе и не священными лицами, за отсутствіемъ ихъ, были совсѣмъ не въ томъ родѣ, какъ совершаютъ крещеніе безпоповщинскіе крестители. Тамъ, скажемъ словами покойнаго преосв. Игнатія воронежскаго, креще-

---

(1) Кормч. л. 30.

(2) Отв. на вопр. л. 33. Слов. о тайнѣ крещ. л. 65, 87—9; Пом. Отв. 101 и 102; Меч. дух. ч. I. пред. 3, гл. 7, л. 157—161.

ніе совершалось въ союзѣ и духовномъ общеніи съ Церковію и съ ея священными служителями; здѣсь—въ расколѣ, въ отторженіи отъ нихъ и для того именно, чтобы общеніе пресѣклось навсегда; тамъ дѣйствительная была нужда; здѣсь—одно пренебреженіе священства и самовольство. Тамъ точно священнодѣйствіе было совершаемо за молитвами св. Отецъ, или священныхъ служителей, хотя они и не могли присутствовать при немъ; здѣсь хотя также говорится: „за молитвами св. Отецъ", но какихъ, когда, по ученію безпоповцевъ, священнослужителей уже нѣтъ больше въ мірѣ? Что слово, то несправедливость (1).

Кромѣ примѣровъ древности, безпоповцы приводятъ еще положительныя свидѣтельства, изъ которыхъ будто бы видно, что крещеніе можетъ наравнѣ съ священнослужителемъ совершать и міряяинъ. Разсмотримъ эти свидѣтельства, по крайнѣй мѣрѣ болѣе другихъ важныя.

а) Во первыхъ безпоповцы ссылаются на Номоканонъ аѳонскихъ отцевъ, въ которомъ сказано: „Христосъ многимъ апостоламъ священства не имущимъ повелѣ крестити" (2). Не прибѣгая къ довольно неправдоподобному предположенію, будто подъ словомъ: *крестити* нужно разумѣть здѣсь не совершеніе крещенія, а осѣненіе крестнымъ знаменіемъ (3), можно, кажется, видѣть, что, и понимая вышеприведенныя слова Номоканона въ прямомъ смыслѣ, нельзя выводить изъ нихъ права на совершеніе крещенія и всякому мірянину. По-

(1) Бесѣд. о нижн. старообр. стр. 135.

(2) Требн. Іосиф. л. 724; Отв. на вопр. л. 34; Пешех. отв. 29 и 54; Слов. о тайнѣ крещ. л. 82 об. Пом. отв. 101, стр. 596, 102 стр. 609.

(3) Ист. древн. Хр. Церков. Ч. I, стр. 327, изд. 1855 года.

чему? потому, что упоминаемые Номоканономъ апостолы, не имѣвшіе священства, крестили не самовольно, какъ дѣлаютъ это безпоповщинскіе крестители, но по повелѣнію Христову. „Христосъ... повелѣ крестити", говорится въ Номоканонѣ. Кому было повелѣно, тѣ и крестили. Притомъ, какъ мы уже замѣчали, крещеніе, которое совершали апостолы, до полученія ими благодати апостольства, не было крещеніемъ христіанскимъ—таинствомъ, а было только крещеніе покаянія...

б., Далѣе безпоповцы ссылаются на слова Кормчей, гдѣ сказано: „Господь на проповѣдь посылая ученики своя, шедше научите, рече, вся страны, крещающе ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа: *всякому убо правовѣрному* по сему повелѣнію подобаетъ крещати въ три составы (?) единаго безначальнаго Бога, а не въ три безначалны, ни въ три сыны, ни въ три утѣшители" (1). Но толкователь 49 правила апостольскаго,—это его слова,—кто бы онъ ни былъ, сказалъ неправду. Давая заповѣдь крестить вся языки, Господь Іисусъ Христосъ давалъ ее не всѣмъ вообще вѣрующимъ, а только ближайшимъ своимъ ученикамъ-апостоламъ, получившимъ въ день Пятдесятницы благодать Св. Духа, благодать священства или апостольства. Доказывать это свидѣтельствами св. отцевъ нѣтъ нужды, потому что въ самомъ Евангеліи прямо замѣчено, что заповѣдь о крещеніи и право совершать его даны Господомъ именно единонадесяти ученикамъ Его, т. е. апостоламъ. Что же касается самаго 49 правила апостольскаго, то въ немъ далеко не та мысль, которая развивается въ толкованіи. „Аще который епископъ, гласитъ правило, или пресвитеръ, по Господню

(1) Кормч. л. 13; Отв. на вопр. л. 34; Слов. о тайнѣ крещ. л. 82 об.

завѣщанію не крестить во имя Отца и Сына и Св. Духа, но въ три безначальны, или въ три сыны, или въ три утѣшители крещаетъ, да будетъ извержен." Здѣсь рѣчь только о епископахъ, преемникахъ Апостольскихъ, и пресвитерахъ,—помощникахъ епископскихъ; о мірянахъ же, будтобы имѣющихъ право совершать крещеніе, нѣтъ въ правилѣ ни слова.

в.,—на слѣдующія слова св. Григорія Богослова: „не рцы, епископъ да мя крестить, или благороденъ, или не жененъ, да не благородство мое укорено будетъ... не зри о житіи крестителевѣ, токмо да не явѣ еретикъ, и церкви чуждъ, но тою же вѣрою воображенъ"(1). Въ разсмотрѣнныхъ нами прежде свидѣтельствахъ, приводимыхъ безпоповцами, мы видѣли только неправду. Теперь начинается уже недобросовѣстность, которая состоитъ въ томъ, что слова св. Григорія Богослова приводятся безпоповцами въ такомъ видѣ, что они, по видимому, благопріятствуютъ ихъ мысли, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ—безъ пропусковъ, какіе дѣлаютъ безпоповцы, слова св. отца прямо подтверждаютъ ученіе православное—то, что совершать крещеніе имѣетъ право только получившій благодать священства. Вотъ какъ читается это мѣсто въ полномъ видѣ: „не рцы епископъ да креститъ мя, и сей митрополитъ, іерусалимлянинъ (не бо мѣста благодать, но духа), и сей отъ благаго бывшихъ. Люто бо, аще крестителемъ благородное мое укорится. Или пресвитеръ убо, но и сей отъ безбрачныхъ и сей отъ воздержныхъ и ангельскихъ житіемъ. Люто бо, аще во время чищенія осквернюся. Не ищи достовѣрія крещающаго... Инъ сихъ

(1) Отв. на вопр. л. 34; Слов. о тайнѣ крещенія л. 95 об.; Меч. дух. ч. 1, пред. 3, гл. 9, л. 167.

судія. Тебѣ же всякъ достовѣренъ въ очищеніе. Точію да будетъ кто отъ *избранныхъ* (1), а не отъ проявленно пореченныхъ, ниже церкви чуждъ." Всякій видитъ, что св. отецъ крестителями указываетъ епископа, или пресвитера, и только совѣтуетъ не обращать вниманія на благородство и жизнь крестителя, но ни мало не даетъ права обращаться за крещеніемъ ко всякому—и міряннину, какъ думаютъ безпоповцы.

г.,—на слѣдующія слова: „веліе есть крещеніе, но веліе то не крестяй творитъ, но призываемый въ крещеніи, понеже крестити ничто же есть: можетъ бо сіе и не зѣло доблій мужъ сотворити" (2). Это—слова св. Златоуста, но опять приводимыя безпоповцами въ такомъ видѣ, что подаютъ мысль о правѣ совершать крещеніе всякому; тогда какъ въ полномъ своемъ составѣ это мѣсто содержитъ совершенно другую мысль, именно ту, что крещеніе можетъ совершать и не особенно даровитый и умный священникъ, между тѣмъ какъ проповѣдывать, разумѣется, хорошо въ состояніи только пресвитеръ образованный и способный. Вотъ буквальныя слова св. Отца объ этомъ предметѣ: „еже благовѣстити, единаго нѣгдѣ и другаго, а еже крестити всякаго есть, иже *священство* имущаго.... И простѣйшимъ отъ пресвитеровъ сіе (т. е. крестить) вручаемъ; учительское же слово мудрѣйшимъ" (3).

д.,—на слова Номоканона: „подобаетъ некрещенныя

---

(1) Въ болѣе точномъ переводѣ эти слова читаются такъ: „Къ очищенію тебя всякій достоинъ вѣры; только былъ бы изъ числа *получившихъ на сіе власть*" (Твор. св. Отц. т. 3, стр. 298—9).

(2) Отв. на вопр. л. 34; Слов. о тайнѣ крещ. л. 95 об. Меч. дух. ч. 1, пред. 3, гл. 9 л. 166 об.

(3) Въ толков. на 1-е къ Кор. гл. 1, ст. 17, бес. 3, стр. 532; снес. въ русск. перев. 1863 г. ч. 1. стр. 38.

младенцы, аще обрящется на мѣстѣ нѣкто, *не сущу ту іерею*, крестить и свой отецъ, или каковъ либо человѣкъ христіанинъ, нѣсть грѣхъ“ (1). Правда, этими словами позволяется крестить и міряниму, но только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ священника; а безпоповцы крестятъ потому, что не хотятъ позвать православнаго священника, несправедливо считая его слугою антихриста. Въ такомъ же точно случаѣ, т. е. за отсутствіемъ священника, позволяютъ совершать крещеніе міряниму и другія, приводимыя безпоповцами свидѣтельства Августина, Гавріила Филадельфійскаго, Арменопула, Никифора Патріарха и др. (2). Значитъ, входить въ подробный разборъ этихъ свидѣтельствъ нѣтъ нужды—тѣмъ болѣе, что мы не отвергаемъ того положенія, что въ случаѣ нужды только дѣйствительной, а не мнимой, можетъ совершать крещеніе и мірянинъ.

е., Можно остановиться еще на слѣдующихъ словахъ Кіевскаго потребника, также приводимыхъ безпоповцами: „подобаетъ вѣдати, яко лучше есть, да простымъ людиномъ совершится божественное крещеніе, нежели священникомъ проклятымъ или отлученнымъ, или еретичествующимъ“ (3). Не оспариваемъ справедливости мысли, содержащейся въ приведенныхъ словахъ, только не знаемъ, какъ она приложима къ безпоповцамъ и ихъ крестителямъ. Если безпоповцы хотятъ сказать этими словами то, что наши православные священники—еретики проклятые, и потому теперь лучше креститься у мірянина православнаго, чѣмъ у священни-

(1) Отв. на вопр. л. 34; Пешех. отв. 29, л. 54 об. и 55; Слов. о тайнѣ крещ. л. 83. Пом. отв. 102, стр. 610.

(2) Меч. дух. ч. 1, пред. 3, гл. 8, л. 162 об.

(3) Отв. на вопр. л. 34 об.

ка—еретика, въ такомъ случаѣ замѣтимъ только одно,—именно, что православныхъ епископовъ, а въ слѣдъ за тѣмъ и священниковъ, называть еретиками безпоповцы не имѣютъ права, хотя бы даже на самомъ дѣлѣ такъ было. Судъ о православіи, или неправославіи епископа и священника, а тѣмъ болѣе всѣхъ епископовъ и священниковъ извѣстной помѣстной церкви, можетъ произносить только соборъ епископовъ: „епископа въ нѣкоей винѣ суща, аще не весь соборъ области тоя, обаче дванадесять епископъ да судятъ,“ говоритъ 12-е правило Кареагенскаго собора. Безпоповцы сознаютъ значеніе этого правила, и чтобы доказать, что они считаютъ православныхъ епископовъ и священниковъ еретиками по правиламъ и законно, утверждаютъ, будто епископъ коломенскій Павелъ имѣлъ въ Куроженской обители съ бѣжавшими изъ Соловецкаго монастыря соборъ, на которомъ читаны были грамоты и другихъ святителей,—Макарія-митрополита новгородскаго, Маркелла епископа вологодскаго и Александра епископа вятскаго, — о томъ, что отъ великороссійской церкви, какъ отъ *еретической*, должно удаляться и что всѣ крещенные въ ней должны быть перекрещиваемы при переходѣ ихъ въ расколъ. Но это—неправда, противорѣчащая исторіи и самой себѣ. Вопроса о томъ, чтобы переходящихъ изъ православія въ расколъ перекрещивать, какъ крещенныхъ еретическими священниками, тогда еще не могло быть; потому что расколъ только еще начинался, и всѣ православные были крещены по старымъ книгамъ, слѣдовательно не было и повода къ разсужденію о перекрещиваніи. Кромѣ того, по свидѣтельству правдивой исторіи, ни Макарій новгородскій, ни Маркеллъ вологодскій нимало не сочувствовали рас-

колу (1); и безпоповцы напрасно считаютъ ихъ своими приверженцами. Епископъ вятскій Александръ былъ нѣкоторое время на сторонѣ защитниковъ старины, но послѣ раскаялся въ своемъ заблужденіи и призналъ Церковь истинно-православною. А наконецъ Павелъ епископъ коломенскій и другіе іерархи—числомъ трое, если бы мы и согласились съ сказаніемъ безпоповцевъ,—все же не такой соборъ, какого требуютъ правила, чтобы онъ могъ судить епископа, а тѣмъ болѣе цѣлую Церковь.

ж., Не можемъ не указать еще слѣдующихъ словъ Потребника, которыми безпоповцы стараются доказать, что крещеніе можетъ совершать и міряникъ: „елико аще крещаютъ не священніи мужіе и жены, или иноцы, что достоитъ творити. Отвѣтъ; аще умретъ крестивыйся прежде, нежели постигнути священнику, божественная благодать совершаетъ й“ (2). По нашему мнѣнію, это свидѣтельство можно было бы безпоповцамъ и не приводить,—такъ мало оно говоритъ въ пользу ихъ и такъ много противъ нихъ. Изъ приведенныхъ словъ видно, что окрестить младенца въ случаѣ нужды, именно смертной опасности, можетъ и не священное лице. Но чтобы крещеніе было совершенно и благодатно, нужно позвать священника, чтобы онъ довершилъ совершенное міряникомъ крещеніе—прочтеніемъ установленныхъ молитвъ и совершеніемъ таинства мѵропомазанія. Этого требуютъ слѣдующія за приведенными слова, опускаемыя безпоповцами: „аще ли же живъ будетъ, да паки поставитъ й священникъ въ купѣль, и молитвы

(1) Истор. русск. раск. пр. Мак. стр. 192, изд. 1855 г.
(2) Отв. на вопр. л. 34 об.

и муро по обычаю творить." Исключеніе дѣлается только въ пользу крещеннаго міряниномъ младенца, умершаго до прибытія священника. Божественная благодать сама совершаетъ его, по выраженію Потребника. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? То, что, по этому самому правилу, тѣ изъ безпоповцевъ, которые не умерли вдругъ по крещеніи, а такихъ большинство, еще не получили даровъ Св. Духа, такъ какъ надъ ними еще не совершено таинство муропомазанія.

з., Наконецъ безпоповцы пишутъ: „Святый (?) Іеронимъ въ двоесловіи на свѣтоносцы глаголетъ: вѣмы же лѣть быть міряномъ крестити, ибо якоже кто пріемлетъ, тако и дати можетъ" (1). Довольно замѣтное отсутствіе смысла въ приведенныхъ словахъ наводитъ на мысль если не о подложности, то по крайнѣй мѣрѣ о поврежденности ихъ. Впрочемъ, если бы указанныя слова и были подлинныя Іеронимовы, и въ такомъ случаѣ мысль, содержащаяся въ нихъ и вполнѣ благопріятствующая безпоповцамъ, не можетъ имѣть значенія въ глазахъ всякаго, кто способенъ понять несправедливость причины, по которой позволяется мірянину совершать крещеніе. Причина—та, что всякій вѣрующій самъ получилъ крещеніе; значитъ, можетъ преподать его и другимъ. Если разсуждать по такой логикѣ, то выйдетъ, что мірянинъ можетъ совершать и всѣ другія таинства, исключая таинство священства, такъ какъ всѣ таинства совершаются, или по крайнѣй мѣрѣ могутъ быть совершены надъ каждымъ христіаниномъ. Несправедливость подобнаго заключенія понятна всякому, и сами безпоповцы не согласны, чтобы

(1) Отв. на вопр. л. 134 и 434; Слов. о таинѣ крещ, л. 85; Пом. отв. 102; Меч. дух. Ч. I. пред. 3, гл. 8, л. 162.

мірянинъ могъ совершать напр, муропомазаніе, евхаристію и другія таинства, хотя самъ онъ и сподобляется ихъ.

Доселѣ мы разсматривали доказательства, состоящія изъ примѣровъ и положительныхъ свидѣтельствъ, которыми безпоповцы стараются подтвердить свое ученіе, что крещеніе, въ случаѣ нужды, можетъ быть совершено и мірянином,—и видѣли, что одни изъ этихъ доказательствъ никакъ не приложимы къ безпоповщинскимъ крестителямъ-самозванцамъ,—другія хотя и говорятъ о возможности совершать крещеніе и мірянину, но условливаютъ эту возможность такими случаями нужды, на которые безпоповцы указать не могутъ въ свое оправданіе, если не захотятъ быть обличенными во лжи и своеволіи. Такимъ образомъ изъ всего, что мы доселѣ сказали, слѣдуетъ не то, будто крещенія не можетъ, въ случаѣ нужды, совершать и мірянинъ,—этого мы не отвергаемъ, да и нельзя отвергать,—но то, что безпоповщинскіе крестители-міряне крестятъ не по правиламъ, безъ достаточнаго основанія, а просто или по своеволію, или по заблужденію.

Что же касается православнаго ученія о томъ, что законными совершителями таинства крещенія могутъ и должны быть лица священныя—епископы и священники, то оно ясно изложено какъ въ Словѣ Божіемъ, такъ и въ ученіи Церкви вселенской. Представимъ это ученіе въ возможно краткомъ видѣ.

Заповѣдь о крещеніи и право совершать его, какъ мы уже замѣчали объ этомъ, даны Господомъ только апостоламъ. *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Мѳ. XXVIII, 19), говорилъ Господь единонадесяти ученикамъ Своимъ, явив-

шись имъ по воскресеніи. И хотя Самъ же Христосъ уполномочивалъ иногда совершать крещеніе и не апостоловъ, какъ было напр. съ Ананіею, крестившимъ ап. Павла, или съ Филиппомъ, крестившимъ скопца также по повелѣнію единосущнаго Отцу и Сыну Духа Божія; но эти случаи не могутъ служить противорѣчіемъ той общей мысли, что законное и, такъ сказать, ординарное право совершать крещеніе имѣютъ право только преемники апостоловъ—епископы и, въ зависимости отъ нихъ, священники, помощники епископовъ. Господь въ царствѣ благодати Своей, въ учрежденіяхъ Своихъ дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: или посылаетъ отъ себя непосредственно исполнителей Своей воли, какъ бываетъ это особенно въ самомъ началѣ учрежденій и иногда въ чрезвычайныхъ случаяхъ,—или постановляетъ законъ, по которому должны быть избираемы и опредѣляемы служители благодати Его въ преемственномъ порядкѣ. Послѣдній порядокъ вещей остается навсегда, первый можетъ быть и не быть, судя потому, какъ угодно это Самому Господу и какъ требуютъ того нужды св. Церкви. Считать этотъ порядокъ естественнымъ, и на этомъ основаніи позволять себѣ дѣйствовать на правахъ чрезвычайныхъ посланниковъ Божіихъ, безъ особеннаго на то призванія Божія, какъ, или почти какъ поступаютъ безпоповцы, не только несправедливо, но и преступно. Доказывать это нѣтъ нужды. А что законный и обыкновенный порядокъ совершенія крещенія—тотъ, по которому право совершать это таинство принадлежитъ только лицамъ священнымъ—епископамъ и священникамъ, это видно и изъ ученія Церкви и ея пастырей.

Во всѣхъ правилахъ св. апостоловъ, въ которыхъ

только упоминается о совершителяхъ крещенія, совершеніе его усвояется только епископамъ и пресвитерамъ, конечно, не почему иному, какъ потому, что только имъ однимъ принадлежитъ право совершать это таинство, и никому другому. Таковы правила 47, 49 и 50. „Апостольскими 47 и 49 правилами, говоритъ толкователь правилъ, Матѳей правильникъ, единымъ епископомъ и іереемъ дадеся св. крещеніе совершати" (1). Точно также смотрѣли на этотъ предметъ и Соборы, какъ Вселенскіе, такъ и Помѣстные (2). Изъ отцевъ Церкви укажемъ на особенно уважаемаго безпоповцами св. Іоанна Златоустаго. „Не можетъ кто внити въ царство небесное, говоритъ св. отецъ, аще не водою и духомъ породится. И не ядый тѣла Господня и Крови Его не пія—изверженъ есть отъ вѣчнаго живота. Вся же сія ничимъ же другимъ, токмо святыми онѣми совершаются руками, іерейскими глаголю" (3). Подобныя же свидѣтельства о правѣ только священныхъ лицъ совершать крещеніе, безпоповцы могутъ найти и у другихъ отцевъ и учителей Церкви (4), а равно и въ уважаемыхъ ими книгахъ старопечатныхъ русскаго происхожденія (5).

Если же крещеніе можетъ и долженъ совершать только священнослужитель, то какъ же нужно смотрѣть на дозволеніе крестить, въ случаѣ нужды, и мірянину? Неиначе, какъ на исключеніе изъ общаго закона, какъ на снисхожденіе, дозволенное Церковію по ея материн-

(1) Состав. 2, гл. 3.

(2) Двукр. собор. пр. 12, л. 220 об. и 221.

(3) Слов. о свящ. 2, гл. 4, л. 58, изд. 1614 г.

(4) Никон. Черног. слов. 55, л. 455; слов. 29, л. 208 об. Сум. Сол. гл. 82 о храмѣ, л. 285.

(5) Больш. Катих. л. 309.

ской заботливости, чтобы никто изъ желающихъ не перешелъ въ другую жизнь безъ крещенія. А безпоповцы этимъ исключеніемъ ниспровергаютъ основный законъ Церкви, снисхожденіе или уступку только правъ со стороны Церкви, и притомъ на случай крайней нужды, сочли за собственныя постоянныя права. Не уподобляются ли они въ этомъ случаѣ непослушному сыну, который уступку со стороны любящей матери ставитъ для себя закономъ и поступаетъ за тѣмъ самовольно, думая, что мать всегда должна уступать ему? Что же касается крещенія, совершаемаго у безпоповцевъ женщинами (по преимуществу), то нельзя не замѣтить, что отцы церкви называли такой порядокъ вещей злоупотребленіемъ, явившимся первоначально у еретиковъ Маркіонитовъ (¹) Если бы женщинамъ можно было крестить, говорили отцы Церкви, то Іисусъ Христосъ принялъ бы крещеніе отъ пресвятой Матери Своей, а не отъ Іоанна Предтечи (²).

И. НИЛЬСКІЙ.

(¹) Epiphan. haeres. XLII cfr. Balsamon. in. c. Trull. . XIV.
(²) Epiphan. haeres. LXXIX. cfr. Const. apost. III, 9.

Путевыя замѣтки изъ Германіи (1).

Лейпцигъ, 4-го іюля 1864 г.

Видно, мнѣ суждено во время своего нынѣшняго путешествія пользоваться ѣздою на желѣзной дорогѣ для разныхъ довольно интересныхъ бесѣдъ,—весьма отличныхъ отъ обыкновенныхъ разглагольствій между случайно сшедшимися пассажирами.

Осмотрѣвъ въ Дрезденѣ всѣ городскія достопримѣчательности, я сегодня утромъ усѣлся въ одинъ изъ удобно устроенныхъ вагоновъ поѣзда, съ которымъ мнѣ изъ Дрездена надлежало отправиться въ Лейпцигъ. Когда поѣздъ тронулся и изъ вида изчезли послѣднія зданія, примыкающія къ Саксонской столицѣ, я расположился было на свободѣ пообдумать минувшія свои дрезденскія впечатлѣнія и помечтать о предстоящихъ новыхъ. Но не надолго пришлось остаться наединѣ съ своими собственными мыслями. Сидѣвшій подлѣ меня господинъ, человѣкъ лѣтъ сорока, въ очкахъ и съ густыми рыжими бакенбардами, нѣсколько времени разсматривалъ меня молча, и за тѣмъ съ легкимъ наклоненіемъ головы обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „вы, вѣроятно, иностранецъ, м. г.?" Не знаю, чѣмъ именно я подалъ своему спутнику поводъ къ такому заключенію. „Я

(1) Смотр. первую и вторую корреспонденцію въ Христіанскомъ Чтеніи за ноябрь и декабрь 1864 года.

русскій", отвѣтилъ я кратко, не желая продолжать разговора, по видимому, не могшаго имѣть другой цѣли, кромѣ удовлетворенія празднаго любопытства. Но собесѣдникъ мой не намѣренъ былъ довольствоваться такимъ лаконическимъ отвѣтомъ.—„И вѣроятно", замолвилъ онъ снова, „путешествуете, подобно многимъ изъ вашихъ соотечественниковъ, для поправленія здоровья"? —„Нѣтъ, я путешествую съ ученою цѣлію", сказалъ я.

Эти слова какъ будто наэлектризовали моего спутника. Онъ принадлежалъ самъ, какъ оказалось, къ ученому сословію и возвращался теперь домой въ Лейпцигъ, послѣ небольшаго voyage de plaisir по такъ называемой Саксонской Швейцаріи. Встрѣча оказалась какъ нельзя болѣе удачною и между нами скоро завязался оживленный разговоръ о предметѣ, равно интересовавшемъ насъ обоихъ, именно о дѣлѣ народнаго образованія. Собесѣдникъ мой былъ кандидатъ богословія изъ лейпцигскаго университета, но предпочелъ педагогическое служеніе пастырскому. По окончаніи курса своего образованія, онъ сначала былъ воспитателемъ дѣтей въ разныхъ частныхъ домахъ, а теперь занимаетъ должность директора при одномъ изъ лейпцигскихъ учебныхъ заведеній. Какъ мнѣ здѣсь сообщили, онъ пользуется славою одного изъ лучшихъ и наиболѣе опытныхъ мѣстныхъ педагоговъ.

Послѣ разныхъ общихъ распросовъ и сужденій съ обѣихъ сторонъ о положеніи народныхъ училищъ и о ходѣ общественнаго образованія, какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи, разговоръ нашъ принялъ болѣе частное и опредѣленное направленіе: мы стали разсуждать *о значеніи религіи въ дѣлѣ народнаго воспитанія* и въ связи съ этимъ—*о степени участія, какое должно быть*

предоставлено духовенству въ образованіи народа. Я вспомнилъ о тѣхъ нескончаемыхъ спорахъ, которые у насъ вызваны этимъ послѣднимъ вопросомъ, вспомнилъ и о томъ, что тотъ же вопросъ на западѣ Европы возбудилъ въ послѣднее время не мало горячихъ толковъ и диспутовъ. Мнѣ не безъизвѣстно было, что въ разныхъ частяхъ Германіи, точно также, какъ и у насъ, антицерковная партія ратовала за совершенное устраненіе духовенства отъ всякаго прямаго и дѣйствительнаго соучастія въ дѣлѣ народнаго образованія. Мнѣ, естественно, было интересно о такомъ животрепещущемъ вопросѣ узнать мнѣніе умнаго нѣмца — педагога, съ которымъ счастливый случай свелъ меня на нѣсколько часовъ. Высказанныя имъ мысли показались мнѣ на столько заслуживающими вниманія, что считаю не лишнимъ подѣлиться ими съ читателемъ моихъ корреспонденцій.

Разсказавъ своему спутнику въ общихъ чертахъ, въ какомъ положеніи вопросъ объ отношеніи Церкви и духовенства къ народнымъ школамъ нынѣ находится у насъ, я прямо просилъ его на основаніи своей педагогической опытности высказаться по этому предмету.

— „Вопросъ труденъ", отвѣтилъ собесѣдникъ мой, „и въ настоящемъ случаѣ я по необходимости долженъ ограничиться немногими общими замѣчаніями. Главное начало, которымъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ, заключается въ убѣжденіи, что *религіозное развитіе души есть самая важная и необходимая задача человѣческой жизни*, а слѣдовательно *и народнаго воспитанія*. Такъ какъ земная жизнь неизбѣжно должна кончиться смертію, а смерть есть переходъ въ вѣчность, то всякая жизнь, не служащая

приготовленіемъ къ загробной цѣли человѣка, есть жизнь ненормальная и недостаточная“.

— „Изъ сказаннаго вами“, замѣтилъ я, „прямо вытекаетъ, что народное воспитаніе, какъ приготовленіе къ жизни, должно прежде всего и главнымъ образомъ имѣть характеръ религіозный“.

— „Конечно. И въ этомъ случаѣ опытъ исторіи вполнѣ подтверждаетъ теорію. Гдѣ учреждается воспитаніе, чуждое религіи, тамъ образуются поколѣнія, одаренныя, можетъ быть, извѣстною долею умственнаго развитія, но въ то же время съѣдаемыя матеріализмомъ и гордостію. Я думаю даже, что для дѣйствительнаго блага общества состояніе умственной неразвитости, будучи соединено съ теплою вѣрою (хотя бы и мало просвѣщенною), гораздо выше одного разсудочнаго образованія безъ вѣры“.

— „Мысль ваша совершенно согласна съ моею собственною“, сказалъ я; „но тѣмъ не менѣе вы приводите меня въ удивленіе тою рѣшительностію, съ какою вы высказываетесь противъ господствующаго духа нашего времени. Наши русскіе прогрессисты обвинили бы васъ за подобную сентенцію въ неизлечимомъ обскурантизмѣ, въ отсталости и мракобѣсіи; они прямо прозвали бы васъ гасильникомъ“.

— „Да и у насъ въ Германіи“, замолвилъ снова лейпцигскій педагогъ, „найдется значительная партія людей, столь же превратно разсуждающихъ о задачѣ и цѣли воспитанія. Это зависитъ, какъ у васъ, такъ и здѣсь, отъ утвердившагося, благодаря новѣйшему матеріализму, чисто утилитарнаго направленія. Многіе забываютъ, что одно умственное образованіе безъ нравственно-религіознаго воспитанія не даетъ еще никакого

средства къ подавленію дурныхъ страстей, а напротивъ возбуждаетъ страсти, доставляя имъ болѣе обильныя средства для ихъ развитія; такое образованіе слѣдовательно нисколько не способствуетъ дѣйствительной цивилизаціи и истинному прогрессу. Вотъ почему я считаю воспитаніе, отчужденное отъ религіознаго вліянія, истиннымъ несчастіемъ для тѣхъ, которые получаютъ его".

— „Прекрасно", отвѣтилъ я; „но противъ сказаннаго вами многіе возразили бы, что преподаваніе закона Божія обыкновенно мало приноситъ пользы въ дѣлѣ нравственнаго развитія и улучшенія людей, что оно, подобно преподаванію другихъ предметовъ, только обогащаетъ умъ воспитанниковъ извѣстными, болѣе или менѣе нужными познаніями, а не дѣйствуетъ на волю и сердце, и слѣдовательно остается безплоднымъ для нравственной жизни".

— „Подобные недостатки", возразилъ мой спутникъ, „могутъ—съ чѣмъ вы, конечно, согласитесь—зависѣть отъ недостатковъ самаго преподаванія; если законоучитель самъ не имѣетъ теплыхъ и живыхъ убѣжденій, или если онъ не умѣетъ словомъ своимъ дѣйствовать на дѣтское сердце, то преподаваніе его, конечно, мало принесетъ пользы и окажется недостаточнымъ для пробужденія нравственныхъ началъ жизни. Но не менѣе недостаточно и то, когда религіозное преподаваніе дается совершенно *отдѣльно* отъ прочихъ предметовъ преподаванія. Если въ школѣ религія имѣетъ свой урокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается безъ всякаго вліянія на прочіе уроки, то результаты, по всей вѣроятности, выйдутъ плачевные. Если религія только имѣетъ свои опредѣленные часы въ школѣ, то воспитанникъ будетъ

смотрѣть на нее, какъ на *предметъ* въ числѣ другихъ предметовъ,—тогда какъ религія должна бы быть закваскою, которая поднимаетъ все тѣсто. Впослѣдствіи воспитанникъ и въ жизни также назначитъ религіи свой часъ, подобно тому, какъ ей въ школѣ былъ указанъ опредѣленный часъ. Онъ пойдетъ въ Церковь, а выходя изъ Церкви оставитъ религію на порогѣ; ему въ свое время не внушили, что религія должна быть не исполненіемъ лишь тѣхъ или другихъ частныхъ церковныхъ обязанностей, а основаніемъ, на которомъ опирается *все* существованіе, *вся* дѣятельность человѣка".

— „Сознаю", возразилъ я, „какъ справедливо само по себѣ ваше замѣчаніе и какъ прекрасно было бы, еслибъ дѣйствительно религіи указанъ былъ не частный только уголокъ въ учебной программѣ и въ сознаніи учащихся, но проникла бы, какъ живительная закваска, въ составъ и духъ всей учебной жизни. Но противъ подобнаго требованія возстали бы едва ли не общимъ хоромъ преподаватели и представители другихъ предметовъ обученія. Вѣдь современное научное сознаніе требуетъ, чтобы каждой наукѣ предоставлена была извѣстная самостоятельность, т. е. право свободно развиваться на собственныхъ своихъ началахъ, безъ подчиненія какому либо предзанятому (хотя бы то и религіозному) принципу. На этомъ основаніи у насъ случается, что однимъ и тѣмъ же воспитанникамъ внушается объ одномъ и томъ же предметѣ — по классу Закона Божія, что онъ, примѣрно, бѣлаго цвѣта, а по классу исторіи или естествознанія, что онъ—чернаго. Извольте потомъ укладывать въ головѣ подобныя противорѣчія".

— „Такія явленія также встрѣчаются и у насъ въ Германіи; онѣ зависятъ отъ неустановившейся еще гармоніи между вѣрою и знаніемъ. Какъ въ жизни общественной, такъ точно и въ жизни учебной правильное развитіе обусловливается *гармоническимъ сочетаніемъ общаго единства съ частною свободою.* Гдѣ однимъ изъ этихъ требованій жертвуютъ въ пользу другаго, тамъ неизбѣжно являются разныя односторонности и недостатки. Единство преподаванія есть conditio sine qua non въ дѣлѣ воспитанія; иначе умственное достояніе нашихъ учениковъ будетъ такимъ же хаосомъ, какимъ естествоиспытатели представляютъ себѣ первобытное состояніе вселенной: отдѣльные атомы сталкиваются между собою и разлетаются безъ всякой системы, безъ малѣйшей внутренней и живой связи. Если притомъ, какъ я сказалъ, религія по самому существу дѣла должна быть какъ бы душею всего образованія, то очевидно, что она же своимъ общимъ вліяніемъ и значеніемъ должна установить и поддерживать единство всего образованія. Этимъ я однако отнюдь не хочу сказать того, будто слѣдовало бы уничтожить автономію частныхъ наукъ и по примѣру нашихъ средневѣковыхъ схоластиковъ заковать знаніе въ узы церковности. Нѣтъ; пусть всякая наука пользуется своими данными и принесетъ свою, ей свойственную лепту, на алтарь человѣческаго знанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я рѣшительно убѣжденъ въ необходимости того, чтобы *всѣ части преподаванія естественно и безъ всякой натяжки возвращали мысль и сознаніе воспитанника къ истинамъ вѣры.* Говоря ему, наприм., о природѣ, мы должны пріучать его видѣть въ ней проявленіе творческихъ силъ и свойствъ. Разсказывая ему исторію, мы должны обнаружить предъ нимъ

слѣды дѣятельности Провидѣнія. Идетъ ли рѣчь о географіи, и тутъ мы не должны забыть миссіонеровъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ земнаго шара. Однимъ словомъ, имѣя своимъ главнымъ дѣломъ изученіе Слова Божія и катихизиса, религія должна въ то же время проникать собою все преподаваніе. Благочестивый учитель найдетъ всегда въ своемъ умѣ и въ своемъ сердцѣ пути къ тому, чтобы естественно вести мысль дѣтей къ Богу".

— „Не могу не высказать вамъ, м. г.", замолвилъ я по окончаніи этаго длиннаго монолога моего собесѣдника, „что мысли ваши мнѣ совершенно по душѣ. Вы находите, стало быть, вполнѣ согласнымъ съ требованіями здравой педагогики и съ свободою науки, чтобы народныя училища, по отношенію, какъ къ личному составу преподавателей, такъ и къ духу всего преподаванія, были христіанскими въ самомъ полномъ и глубокомъ смыслѣ этаго слова?"

— „Да, и только въ этомъ случаѣ школа можетъ служить къ образованію поколѣній, для которыхъ религія не будетъ „предметомъ" только, рядомъ съ другими „предметами", но общимъ и кореннымъ принципомъ жизни,—къ воспитанію людей, которые поймутъ, что слѣдуетъ ходить въ Церковь не для исполненія извѣстныхъ дѣйствій (о которыхъ за тѣмъ болѣе не думаютъ), но чтобы тамъ оживить въ душѣ своей тотъ благодатный свѣтъ, который долженъ озарять всѣ стопы нашей жизни".

Послѣднія слова сказаны были моимъ собесѣдникомъ съ такимъ выраженіемъ яснаго и полнаго убѣжденія, что я невольно вспомнилъ о почтенномъ Данцигскомъ пасторѣ, съ которымъ мнѣ довелось бесѣдовать на пути

своемъ въ Берлинъ: (1) и въ его словахъ проглядывала та же сила, таже искренность убѣжденій.—Мы пріѣхали въ это время на одну изъ промежуточныхъ станцій. „Пять минутъ остановки", кричали кондукторы, раскрывая дверцы вагоновъ. Густою толпою появились на платформѣ станціи пассажиры, утомленные ѣздою и продолжительнымъ сидѣніемъ. „Много ли еще остается станцій? Скоро ли пріѣдемъ туда-то?" и тому подобные вопросы раздавались въ толпѣ. Но раздался звонокъ и всѣ опять поспѣшили занять свои мѣста. Лейпцигскій педагогъ опять помѣстился подлѣ меня, и когда поѣздъ тронулся, я старался найти нить интереснаго для меня разговора.

„И такъ", замолвилъ я, „мы уже рѣшили съ вами, что народныя школы непремѣнно должны имѣть характеръ христіанскій. Трудиться надъ тѣмъ, чтобы дать имъ этотъ характеръ, составляетъ, можетъ быть, одну изъ важнѣйшихъ задачь нашего вѣка".

— „Не знаю, какъ у васъ въ Россіи", отвѣтилъ спутникъ мой съ глубокомысленнымъ видомъ, „но у насъ нынѣ обществу повсюду угрожаютъ алчныя желанія бѣдныхъ классовъ и происки демагогическихъ агитаторовъ. Полицейскія мѣры и административныя комбинаціи никогда не могутъ служить достаточными палліативами противъ тенденцій, опасныхъ для общественнаго благоденствія и законнаго прогресса. Нужно, чтобы образованные классы общества съ братскою любовію обращались къ народу и дали ему здоровую пищу для души. Но чтобы даровать другимъ такую пищу, нужно самому имѣть ее. Между тѣмъ въ образованныхъ клас-

(1) См. первую корреспонденцію.

сахъ встрѣчаются часто два рода людей, дѣлающихъ много зла: я разумѣю съ одной стороны людей, прямо распространяющихъ невѣріе, съ другой — тѣхъ, которые хотятъ, правда, поддержать въ народѣ религію, но для того только, чтобы удержать его отъ внѣшнихъ волненій, — а между тѣмъ сами освобождаютъ себя отъ всякихъ религіозныхъ вѣрованій и обязанностей.“

— „До такого положенія дѣлà, слава Богу, у насъ еще не дошли. Впрочемъ, если иныя бродячія и у насъ идеи по части воспитанія пріобрѣтутъ себѣ болѣе широкое приложеніе, то конечно и намъ не избѣгнуть подобныхъ же опасеній. Но такъ какъ школа должна имѣть характеръ христіанскій, то не всего ли лучше будетъ передать все дѣло народнаго образованія въ руки духовенства?“

— „Таковъ, по моему мнѣнію, идеалъ“, отвѣтилъ спутникъ мой; „образованіе народа дѣйствительно есть дѣло Церкви и должно, по мѣрѣ возможности, оставаться дѣломъ Церкви. Но какъ нѣтъ на землѣ ничего совершеннаго, то и воспитаніе исключительно церковное представляетъ въ себѣ неудобства, которыя могутъ оказаться довольно важными.“

— „Вы вѣроятно разумѣете противодѣйствіе со стороны господствующихъ въ извѣстной части общества анти-религіозныхъ стремленій?“ спросилъ я, вспомнивъ о разныхъ сюда относящихся явленіяхъ нашей литературной и общественной жизни.

— „Нѣтъ, собственно не то“, сказалъ собесѣдникъ мой; „что касается до противодѣйствія, то церковь вѣдь потому и называется ecclesia militans, что она обязана неустрашимо бороться съ враждебными ея духу стремленіями. Я притомъ всегда держусь мысли, что борьба

есть условіе жизни, и что по этому Церковь только тогда можетъ явиться жизненною и энергически дѣятельною, когда она безъ внѣшней опеки гражданскихъ властей и облеченная однимъ духовнымъ своимъ всеоружіемъ поставлена лицемъ къ лицу съ духовными своими врагами. Иначе жизненныя силы церкви легко усыпляются, и вмѣсто духа и энергіи является одна холодная форма и мертвая буква. — Но говоря о неудобствахъ, могущихъ оказаться при исключительно церковномъ воспитаніи народа, я собственно имѣлъ въ виду иное. Дѣло въ томъ, что духовенство извѣстной страны можетъ въ извѣстное данное время оказаться менѣе образованнымъ, чѣмъ дворянство и купечество. Духовенство можетъ притомъ быть проникнуто духомъ корпораціи и смѣшивать интересы религіи съ интересами сословными и іерархическими. Оно можетъ питать непріязненныя чувства къ законнымъ и благимъ стремленіямъ мірскаго общества. Оно можетъ, слѣдовательно, въ томъ или другомъ отношеніи не представлять собою достаточныхъ гарантій для достодолжнаго веденія общаго народнаго образованія, столь важнаго не для церкви только, но и для общества и его интересовъ.“

— „Что же вы стали бы дѣлать въ подобномъ случаѣ?“ спросилъ я съ любопытствомъ.

— „Даже и въ такомъ случаѣ никогда и ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало бы установлять народное воспитаніе на началахъ чуждыхъ религіозной основы; но нужно было бы только стараться по возможности отвратить дурныя послѣдствія, могущія произойти отъ недостатковъ клерикальнаго преподаванія.“

— „Къ счастію“, возразилъ я, „у насъ въ Россіи нѣтъ клерикальной партіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ

это выраженіе сдѣлалось употребительнымъ у васъ на западѣ; въ Россіи поэтому собственно не можетъ быть и клерикальнаго преподаванія. Впрочемъ у насъ воспитаніе и бытъ духовенства имѣетъ свои недостатки. Чтò же вы стали бы дѣлать для отвращенія дурныхъ послѣдствій, могущихъ произойти въ дѣлѣ народнаго образованія?"

— „Для этого открыты два пути. Первый состоитъ въ томъ, чтобы предоставить народное воспитаніе духовенству подъ рачительнымъ надзоромъ и дирекціею гражданскаго правительства"...

— „Но при осуществленіи этой мѣры легко можетъ имѣть мѣсто довольно важная опасность: можетъ т. е. развиться антагонизмъ между воспитывающимъ народъ духовенствомъ и назирающими за нимъ мірянами. А такой антагонизмъ естественно поведетъ къ спорамъ, рѣшеніе которыхъ не всегда окажется легкимъ, — не говоря о томъ, какъ сильно при этомъ можетъ пострадать самое дѣло народнаго воспитанія."

— „Есть за то другой путь, который я и самъ предпочелъ бы какъ лучшій; это *путь свободы*. Дайте мірскимъ училищамъ образоваться рядомъ съ народными школами, основанными духовенствомъ. Конкурренція побудитъ духовенство къ улучшенію преподаванія, а свѣтскихъ учителей къ тому, чтобы быть болѣе внимательными къ религіозному развитію своихъ воспитанниковъ. Поэтому, если бы я былъ призванъ дѣйствовать на этомъ важнѣйшемъ поприщѣ административной жизни, я держался бы слѣдующихъ трехъ правилъ: 1) поддерживать и поощрять лишь тѣ учебно-воспитательныя заведенія, въ которыхъ Христіанская вѣра служитъ основаніемъ всего дѣла воспитанія; 2) поощрять

и поддерживать школы, основанныя духовенствомъ, соразмѣрно съ тѣмъ, на сколько эти школы согласно съ своимъ назначеніемъ содѣйствуютъ дѣйствительному нравственно-религіозному развитію учениковъ; 3) въ случаѣ надобности подстрекать и исправлять школы духовенства чрезъ конкурренцію училищъ, находящихся подъ управленіемъ и руководствомъ благочестивыхъ міранъ. — Предлагаю эти простыя соображенія вашему вниманію", присовокупилъ мой собесѣдникъ.

Этимъ окончилась наша бесѣда, прерванная какими-то общими вопросами со стороны другаго пассажира.

Мы приближались между тѣмъ уже къ Лейпцигу, знаменитому и въ церковной и гражданской исторіи Запада. Мнѣ пришло на память, что здѣсь нѣкогда, во дни реформаціи, Лютеръ состязался съ ревностнымъ поборникомъ папства, Эккомъ, и что онъ при этомъ случаѣ впервые рѣшился гласно отрицать главенство папы, какъ преемника Ап. Петра и вселенскаго намѣстника Іисуса Христа. Какъ тогда, этимъ словеснымъ состязаніемъ, положено было начало къ расторженію незаконнаго духовнаго ига,—такъ здѣсь же, на этихъ обширныхъ прилегающихъ къ Лейпцигу поляхъ, въ болѣе близкое къ намъ время кровавою битвою нанесенъ былъ рѣшительный ударъ другому игу, самовластію французскаго завоевателя.

Между тѣмъ мнѣ недолго пришлось предаваться разнымъ историческимъ воспоминаніямъ, вызваннымъ именемъ Лейпцига. Поѣздъ остановился, и среди общей суматохи нужно было подумать о разныхъ житейскихъ вопросахъ. Прощаясь съ своимъ спутникомъ-педагогомъ, я получилъ отъ него обязательное увѣреніе въ его го-

товности быть моимъ руководителемъ въ незнакомомъ мнѣ городѣ.

Помѣстившись въ гостинницѣ и оставшись на единѣ съ самимъ собою и съ своими воспоминаніями, я принялся за перо, чтобы настрочить свои путевыя замѣтки....

Лейпцигъ, 5-го Іюля 1864 г.

Положеніе путешественника, закинутаго въ незнакомый ему уголокъ, вдали отъ роднаго края, собственно говоря, подъ часъ весьма незавидно. Кругомъ его кипитъ жизнь и неутомимо работаютъ всѣ части того великаго организма, который называется человѣческимъ обществомъ, а между тѣмъ самъ онъ, какъ нѣчто пришлое и случайное, остается въ сторонѣ отъ этой жизни и дѣятельности. Бываютъ минуты, когда это сознаніе о своемъ совершенномъ одиночествѣ среди многолюдства ложится тяжелымъ камнемъ на сердцѣ и производитъ сильное уныніе; въ такія минуты хотѣлось бы, не на крыльяхъ лишь воображенія, а и на дѣлѣ перенестись назадъ въ родимый край, въ кругъ знакомыхъ и близкихъ сердцу лицъ и предметовъ. Таковы были мысли и чувства мои сегодня утромъ, когда неожиданно обрадовалъ меня своимъ посѣщеніемъ вчерашній спутникъ мой на Дрезденской желѣзной дорогѣ.

— „Какъ жаль“, сказалъ онъ мнѣ послѣ обычныхъ привѣтствій, „что вы пріѣхали къ намъ въ Лейпцигъ въ такое время, когда знаменитый университетъ нашъ по случаю каникулъ закрытъ, и вы едва ли найдете теперь у насъ удовлетвореніе своей любознательности.“

— „Я предвидѣлъ это", сказалъ я ему въ отвѣтъ, „и только проѣздомъ намѣренъ остановиться въ вашемъ Лейпцигѣ на сегодняшній день для осмотра самаго города. Завтра утромъ я уѣзжаю."

— „Мнѣ хотѣлось бы однако", возразилъ мой собесѣдникъ, „познакомить васъ съ недавно учрежденною здѣсь *проповѣдническою семинаріею*, которая навѣрно заинтересуетъ васъ, какъ богослова. Мы могли бы посвятить на это утренніе часы, а потомъ употребить остальную часть дня на осмотръ самаго города и его достопримѣчательностей. Я сегодня свободенъ и совершенно къ вашимъ услугамъ."

Я принялъ предложеніе своего новаго знакомца съ полною признательностію и попросилъ его разъяснить мнѣ назначеніе упомянутой имъ семинаріи.

— „Проповѣдническая семинарія или коллегія", отвѣтилъ онъ, „составляетъ едвали не самое благодѣтельное учрежденіе для надлежащаго приготовленія нашихъ духовныхъ лицъ. Она устроена у насъ еще весьма недавно (въ 1862 г.) вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, что никакое теоретическое знаніе, какъ бы оно само по себѣ ни было основательно и многостороннее, не сдѣлаетъ еще молодаго богослова способнымъ къ удовлетворительному прохожденію его будущихъ пастырскихъ и учительскихъ обязанностей; ему необходимо еще научиться, *какъ прилагать надлежащимъ образомъ къ дѣлу пріобрѣтаемыя имъ познанія*. Вотъ для этой-то цѣли и устроена у насъ проповѣдническая семинарія."

— „Конечно", возразилъ я, „пастырю церкви нужна практика и опытность, чтобы онъ въ качествѣ ли проповѣдника, законоучителя или вообще духовнаго руководителя пасомыхъ могъ съ успѣхомъ и правильно ис-

полнять свои обязанности; тутъ одно слушаніе и усвоеніе профессорскихъ лекцій еще весьма недостаточно. Но вѣдь „опытность“ и „молодость“ — эти два понятія какъ-то плохо между собою вяжутся. Вообще, по моему мнѣнію, практическая опытность пріобрѣтается въ великой школѣ жизни, а не на училищной скамьѣ; въ этомъ отношеніи я еще не сознаю необходимости вашихъ проповѣдническихъ семинарій при существованіи хорошо устроенныхъ богословскихъ факультетовъ.“

— „Что опытность въ обширномъ смыслѣ этого слова можетъ быть плодомъ лишь продолжительной практики на поприщѣ дѣйствительнаго служенія обществу, — въ этомъ конечно нѣтъ никакого сомнѣнія. Но само пріобрѣтеніе этой житейской опытности отчасти обусловливается и во всякомъ случаѣ значительно облегчается практическою подготовкою самихъ учащихся. Вѣдь необходимость основательнаго практическаго приготовленія давно уже признана повсюду и всѣми въ дѣлѣ образованія врачей; въ приложеніи къ учительскому званію, она также выражается въ устройствѣ разныхъ педагогическихъ курсовъ. Почему же вы не хотите признать пользу и даже необходимость практическихъ упражненій какъ составной части въ образованіи будущихъ пастырей церкви, долженствующихъ быть вмѣстѣ и духовными врачами и законоучителями?“

— „Вы не вполнѣ поняли меня“, сказалъ я въ отвѣтъ; „что наприм. въ дѣлѣ проповѣдничества недостаточно для богослова знакомиться съ одною теоріею проповѣдничества, — это очевидно и давно нами сознается. Въ духовно-учебныхъ нашихъ заведеніяхъ мы потому и не ограничиваемся однимъ теоретическимъ прохожденіемъ курса гомилетики, но упражняемъ одновре-

менно воспитанниковъ въ дѣйствительномъ составленіи и произнесеніи проповѣдей. Но эти упражненія довольно удобно могутъ совмѣщаться съ общими учебными занятіями, и я не вижу причины, почему нужно было сдѣлать ихъ предметомъ отдѣльныхъ практическихъ курсовъ или такъ называемыхъ у васъ въ Германіи проповѣдническихъ семинарій. — Правда", присовокупилъ я, „у васъ, протестантовъ, проповѣдь составляетъ не часть, а какъ бы сущность всѣхъ обязанностей служителя Церкви, и потому понятно, что на развитіе въ студентахъ проповѣдническаго дара обращено такое исключительное вниманіе. Но не таково значеніе проповѣди у насъ, гдѣ общественнымъ молитвамъ и священнодѣйствіямъ указано главное мѣсто въ числѣ пастырскихъ обязанностей. Я думаю"...

— „Позвольте", прервалъ меня мой собесѣдникъ, „на минуту остановить васъ по поводу выраженныхъ вами мыслей. Какъ бы вы въ Россіи ни смотрѣли на значеніе проповѣди сравнительно съ важностію молитвъ и священнодѣйствій, никто у васъ не станетъ конечно отрицать слѣдующей аксіомы: живое устное слово (въ видѣ ли проповѣдей, лекцій или частныхъ бесѣдъ и поученій) есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и необходимыхъ средствъ для пробужденія и поддержанія въ общественномъ сознаніи извѣстныхъ религіозныхъ убѣжденій, для приложенія къ сердцу и къ жизни нравственныхъ началъ нашей Вѣры. Независимо отъ какихъ бы то ни было вѣроисповѣдныхъ различій исполненіе этой обязанности не можетъ не быть признано особенно важнымъ и существеннымъ при современныхъ обстоятельствахъ и духѣ нашего времени. Примѣнительно къ этому и проповѣдническая наша семинарія имѣетъ гораздо

болѣе обширное назначеніе, чѣмъ одно упражненіе въ проповѣдничествѣ: развитіе дара слова и умѣнье пользоваться имъ для нравственно-религіознаго вліянія на окружающую среду—вотъ ея задача. Обширная польза подобнаго учрежденія доказана многочисленными опытами, и потому вы найдете проповѣдническія семинаріи не только у насъ, протестантовъ, но и у католиковъ, не смотря на то, что послѣдніе далеко не придаютъ проповѣдничеству того значенія, какое оно имѣетъ у насъ".

Слова моего собесѣдника возбудили во мнѣ живое желаніе познакомиться по ближе съ внутреннею организаціею и дѣятельностію восхваляемой имъ семинаріи. Мы отправились туда вмѣстѣ и провели тамъ нѣсколько часовъ въ пріятной бесѣдѣ съ разными членами ея. Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что я узналъ объ этомъ учрежденіи и его составѣ.

Проповѣдническая семинарія или коллегія состоитъ при университетской церкви въ Лейпцигѣ и назначена для окончательной подготовки кандидатовъ богословія къ прохожденію ихъ будущихъ обязанностей. Она должна доставлять молодымъ богословамъ возможность подъ просвѣщеннымъ руководствомъ и при ревностной самодѣятельности пріобрѣсти ту мѣру практической опытности, научной основательности и духовной зрѣлости, которая нужна для предстоящаго вступленія ихъ въ священный санъ и для успѣшнаго прохожденія ихъ будущихъ обязанностей.—Занятія членовъ коллегіи предполагаютъ какъ данное, то богословское образованіе и ту умственную зрѣлость, которыя могутъ и должны быть пріобрѣтены каждымъ кандидатомъ при выходѣ его изъ богословскаго факультета университета. Поэто-

му практическія упражненія и занятія членовъ коллегіи по возможности соединяются съ *прямымъ служеніемъ обществу*. Вмѣстѣ съ практическими своими упражненіями кандидаты слушаютъ также рядъ лекцій, которыя направлены къ тому, чтобы пополнить пробѣлы, оставшіеся отъ университета, и служать руководствомъ къ самостоятельнымъ научно-богословскимъ трудамъ. Религіозно-нравственное направленіе развивается и укрѣпляется въ членахъ коллегіи не столько чрезъ внѣшнія дисциплинарныя мѣры, сколько при помощи личныхъ дружескихъ сношеній кандидатовъ съ ихъ преподавателями и руководителями.

Всякій, желающій поступить въ проповѣдническую коллегію должень быть кандидатомъ священства и предварительно выдержать такъ называемый examen pro ministerio (т. е. заключительный богословскій экзаменъ, дающій право поступить на дѣйствительную службу). Впрочемъ нынѣ не преграждается доступъ въ коллегію и младшимъ кандидатамъ, т. е. лицамъ, хотя и окончившимъ богословскій курсъ въ университетѣ, но не выдержавшимъ еще упомянутаго экзамена. Въ обоихъ случаяхъ предполагается, какъ необходимое условіе, что кандидатъ не лишился права на принятіе впослѣдствіи священнаго сана и что онъ еще не женатъ.

Министерство на первый разъ открыло 8 штатныхъ вакансій въ пропов. коллегіи, назначивъ на содержаніе каждаго стипендіата ежегодное жалованье въ 250 талеровъ. Жалованье это выдается кандидатамъ помѣсячно изъ университетскаго казначейства. На ряду съ этими министерскими стипендіатами принимаются въ коллегію и другіе кандидаты, на содержаніе которыхъ коллегія можетъ пріобрѣсти и отчасти уже пріобрѣла посторон-

нія бенефиціи и разныя частныя пожертвованія, составляющія ея постоянный денежный фондъ.

Право пріема кандидатовъ въ коллегію принадлежитъ во всякомъ случаѣ исключительно самому министерству; къ нему поэтому должны быть обращены всѣ прошенія лицъ, желающихъ поступить въ коллегію. Однако прошенія эти предварительно разсматриваются директоромъ коллегіи, который, предложивъ ихъ на обсужденіе богословскаго факультета, препровождаетъ ихъ въ министерство съ мнѣніемъ факультета.

Всѣхъ учащихся въ настоящее время числомъ 24. Срокомъ пребыванія каждаго кандидата въ коллегіи назначается по крайней мѣрѣ одинъ годъ и никакъ не болѣе двухъ годовъ. Пока кандидатъ бываетъ членомъ коллегіи онъ не имѣетъ права занимать никакой посторонней должности; онъ обязанъ во всемъ подчиняться принятому въ коллегіи порядку, прилагать полное усердіе къ достиженію цѣли своего пребыванія въ заведеніи, поддерживать съ товарищами братскія отношенія и во всемъ своемъ поведеніи показывать себя достойнымъ своего священнаго призванія. Если же кто нибудь изъ членовъ коллегіи оказывается въ какомъ либо отношеніи недостойнымъ, то министерство предоставляетъ себѣ право исключать его.

По прошествіи каждаго года коллегія представляетъ министерству отчетъ о дѣятельности и занятіяхъ ея членовъ. Кромѣ того всякій кандидатъ при выходѣ изъ коллегіи получаетъ отъ дирекціи ея и представляетъ министерству особое свидѣтельство о своемъ поведеніи и о своихъ занятіяхъ.

Самыя занятія членовъ проповѣднической коллегіи состоятъ, (кромѣ самостоятельнаго продолженія ихъ об-

разованія) какъ, частію, сказано, въ практическихъ упражненіяхъ, частію же въ слушаніи и усвоеніи преподаваемыхъ имъ лекцій. — Практическія упражненія кандидатовъ бываютъ трояваго рода: *гомилетическія, литургическія* и *катихизическія*; съ ними постоянно соединяются критическіе разборы и обсужденія каждаго наставнаго упражненія. Въ частности *гомилетическія* упражненія кандидатовъ состоятъ прежде всего въ томъ, что они всѣ поочередно проповѣдуютъ при ежедневно совершаемомъ вечернемъ богослуженіи въ университетской церкви. Кромѣ того для упражненія ихъ въ практическомъ толкованіи Слова Божія учреждены такъ называемые „библейскіе часы" (Bibelstunden) для публики; это нѣчто въ родѣ публичныхъ богословскихъ лекцій, которыя на заданныя мѣста св. Писанія читаются, также поочередно, всѣми членами коллегіи. Наконецъ къ гомилетическимъ упражненіямъ кандидатовъ принадлежитъ и то, что они по назначенію профессоровъ занимаются письменнымъ изъясненіемъ текстовъ и составленіемъ поученій на разные случаи. — *Литургическія* упражненія членовъ коллегіи заключаются въ томъ, что они обязаны участвовать въ богослуженіи церковнымъ пѣніемъ и упражняться въ игрѣ на церковныхъ органахъ. — Наконецъ особое вниманіе обращено на такъ называемыя *катихизическія* занятія кандидатовъ, т. е. на практическое упражненіе ихъ въ преподаваніи Закона Божія дѣтямъ. Для этихъ упражненій коллегія пользуется одною изъ безплатныхъ народныхъ школъ. Въ ней всѣ кандидаты, также поочередно, даютъ дѣтямъ уроки по Закону Божію, причемъ вмѣстѣ съ товарищами катихизатора присутствуетъ и профессоръ, несущій на себѣ обязанность руководителя по этимъ

упражненіямъ. Предметъ каждаго урока опредѣляется содержаніемъ и планомъ принятаго въ школѣ учебника; но образъ раскрытія и изложеніе даннаго предмета предоставляется на усмотрѣніе самаго кандидата, обязаннаго впрочемъ предварительно представить программу своего урока (катихизацію) на разсмотрѣніе и утвержденіе профессора. Тотъ же порядокъ имѣетъ мѣсто и по отношенію къ расположенію всякой предназначаемой для произнесенія проповѣди. Послѣ каждой катихизаціи, равно какъ и послѣ произнесенія проповѣдей, всѣ кандидаты вмѣстѣ съ профессоромъ сбираются въ коллегіальной аудиторіи для упомянутаго выше критическаго разбора. При этомъ кандидаты по желанію высказываютъ свои критическія замѣчанія относительно недостатковъ прослушанной проповѣди или катихизаціи; самъ проповѣдникъ или катихизаторъ защищаетъ себя противъ дѣлаемыхъ на его счетъ замѣчаній, и наконецъ профессоръ критикуетъ какъ самый предметъ критики, такъ и высказанную прочими кандидатами оцѣнку. Само собою разумѣется, что при этомъ обращается вниманіе не только на планъ и содержаніе разбираемаго упражненія, но и на образъ произнесенія (если рѣчь о проповѣди) и на внѣшніе педагогическіе пріемы и обращеніе съ дѣтьми (если рѣчь о катихизаціи). При этомъ случаѣ опытный профессоръ имѣетъ полную возможность — независимо отъ общихъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ правилъ гомилетики и христ. педагогики — дать всякому частному кандидату тѣ наставленія и указанія, которыя ему лично нужны для исправленія замѣченныхъ у него недостатковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти „разборы“ служатъ превосходнымъ средствомъ для развитія въ учащихся умѣнья отнестись критически къ

собственнымъ своимъ недостаткамъ и слѣдовательно, по мѣрѣ возможности, исправлять ихъ. Наконецъ, по свидѣтельству мѣстныхъ педагоговъ, эти частые диспуты и бесѣды кандидатовъ подъ руководствомъ профессоровъ и по поводу только-что бывшихъ предъ тѣмъ практическихъ упражненій служатъ могущественнымъ средствомъ для развитія у молодыхъ людей дара слова и живой умственной сообразительности. Очевидно впрочемъ, что всѣ подобные плоды и вообще весь успѣхъ описанныхъ упражненій главнымъ образомъ зависитъ отъ степени умѣнья и опытности самихъ профессоровъ.

Лекціи, читаемыя кандидатамъ въ коллегіи, должны по программѣ обнять собою всю область богословскихъ наукъ; но примѣнительно къ основной задачѣ заведенія преимущественное вниманіе обращается на тѣ предметы, которые имѣютъ особенную практическую важность и обширное приложеніе въ дѣлѣ предстоящаго кандидатамъ пастырскаго служенія. По этому предметы въ родѣ энциклопедіи богословскихъ наукъ, герменевтики, введенія въ книги св. Писанія и другія приготовительныя науки предполагаются уже вполнѣ усвоенными въ богословскомъ факультетѣ. Въ настоящее время читаются въ коллегіи лекціи по слѣдующимъ предметамъ:

1) Толкованіе избранныхъ мѣстъ изъ ветхаго и новаго завѣта;

2) Историческое раскрытіе происхожденія и содержанія символическихъ книгъ всѣхъ нынѣ существующихъ Христіанскихъ обществъ, въ особенности лютеранскаго;

3) Исторія церковной жизни, церковныхъ нравовъ, учрежденій и миссій;

4) Собесѣдовательный разборъ главныхъ догматическихъ вопросовъ, съ раскрытіемъ историческаго развитія

этихъ послѣднихъ, ихъ современнаго значенія и практическаго примѣненія;

5) Бесѣды о предметахъ, принадлежащихъ къ области практическаго богословія, и именно:

а) по *литургикѣ*: о происхожденіи разныхъ богослужебныхъ обрядовъ и постановленій, о составѣ и содержаніи разныхъ чиновъ богослуженія, о свящ. пѣснопѣніяхъ и проч.;

б) по *катехетикѣ*: о характерѣ, пріемахъ и планѣ преподаванія закона Божія, о производствѣ экзаменовъ, о надзорѣ за школами и о другихъ церковно-педагогическихъ вопросахъ;

в) по *пастырскому богословію*: практическія указанія для прохожденія пастырскаго служенія, разборъ аскетической литературы древнихъ и новыхъ временъ, ознакомленіе съ церковными потребностями и духовными нуждами нынѣшней общественной жизни;

г) по *церковному праву*: изложеніе и разборъ дѣйствующаго законодательства, также отношенія церковныхъ правъ и властей къ гражданскимъ;

д) по *церковному дѣлопроизводству*: о веденіи церковныхъ книгъ и счетовъ, о выдачѣ церковныхъ свидѣтельствъ и т. под.

Такъ какъ по всѣмъ этимъ предметамъ кандидаты уже слушали лекціи въ богословскомъ факультетѣ, то лекціи въ проповѣднической коллегіи имѣютъ собственно цѣлію только дополнить болѣе *практическими* указаніями преподанное въ отвлеченно-научномъ видѣ въ университетѣ. Все основательно уже изученное и извѣстное кандидатамъ по возможности опускается и объемъ преподаванія предметовъ соразмѣряется съ годичнымъ

курсамъ ученія. Для слушанія лекцій назначается вообще не болѣе 12-ти учебныхъ часовъ въ недѣлю.

Занятія каждой недѣли начинаются и оканчиваются общимъ молитвеннымъ собраніемъ кандидатовъ вмѣстѣ со всѣми профессорами, при чемъ поочередно сами кандидаты произносятъ молитвы и проповѣдь.

Во время Рождества Христова и св. Пасхи коллегіальныя занятія прекращаются на 14 дней, а въ лѣтнее вакаціонное время на 6 недѣль. Впрочемъ даже въ теченіе этихъ вакацій кандидаты на столько лишь могутъ свободно располагать своимъ временемъ, на сколько возложенныя на нихъ проповѣдническія и катихизическія обязанности позволяютъ это. Въ случаѣ же какихъ либо особенно настоятельныхъ нуждъ кандидаты могутъ всегда получить временный отпускъ, съ тѣмъ чтобы товарищи ихъ исправляли ихъ обязанности.

По обязанности своей проповѣдывать въ университетской церкви кандидаты подчинены главному университетскому проповѣднику. Для веденія же прочихъ практическихъ и научныхъ занятій и упражненій опредѣлены министерствомъ отдѣльные профессоры, частію изъ профессоровъ богословскаго факультета, частію же (для практич. упражненій кандидатовъ) изъ достойныхъ и извѣстныхъ своею опытностію членовъ городскаго духовенства. Дѣятельность и отвѣтственность всякаго профессора и руководителя простирается только на ввѣренную ему часть преподаванія или упражненій. Для непосредственнаго же управленія всею коллегіею назначенъ директоръ, который подъ собственною отвѣтственностію завѣдуетъ всѣми дѣлами внутренняго управленія, принимаетъ кандидатовъ (съ разрѣшенія министерства), сообщаетъ, когда и кому слѣдуетъ, о ихъ поведеніи и

успѣхахъ, и выдаетъ имъ свидѣтельства при выходѣ ихъ изъ заведенія. Директоръ же можетъ — по предварительномъ увѣдомленіи прочихъ преподавателей — дать тому или другому кандидату 8-ми дневный отпускъ. Всѣ аттестаты выдаются также за подписью директора, на основаніи впрочемъ предварительнаго совѣщанія съ прочими преподавателями. — Преподаватели съ своей стороны обязаны отдать отчетъ въ своей дѣятельности не директору а богословскому факультету; ему ввѣренъ высшій надзоръ и непосредственное наблюденіе за проповѣдническою коллегіею. Всѣ сношенія коллегіи съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія происходятъ поэтому не иначе, какъ чрезъ факультетъ университета. Всякій профессоръ коллегіи доставляетъ ежегодно предъ Пасхою факультету подробный отчетъ о занятіяхъ и упражненіяхъ кандидатовъ, о своихъ личныхъ наблюденіяхъ и о замѣченныхъ имъ нуждахъ и потребностяхъ коллегіи. При торжественныхъ случаяхъ и дѣйствіяхъ въ коллегіи факультетъ присутствуетъ въ лицѣ своего декана. Всѣ свидѣтельства, выдаваемыя директоромъ должны быть также скрѣплены подписью декана факултета съ приложеніемъ университетской печати. Факультетъ же наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ со стороны проповѣднической коллегіи всѣхъ предписаній и постановленій министерства и даетъ о томъ свой рапортъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе всего, что мнѣ удалось сегодня узнать объ устройствѣ и дѣятельности этого дѣйствительно плодотворнаго и полезнаго учрежденія. Время не позволяетъ мнѣ остаться здѣсь дальше какъ до завтрешняго дня и я принужденъ отказаться отъ намѣренія поближе вникнуть въ ходъ коллегіаль-

ныхъ занятій. Впрочемъ, подобныя же коллегіи или семинаріи устроены и при другихъ богословскихъ факультетахъ Германіи и я не теряю надежды во время нынѣшняго путешествія въ другомъ мѣстѣ и при болѣе удобномъ случаѣ возвратиться къ тому же интересному предмету.

Осининъ.

СПИСОКЪ

всѣхъ іерархическихъ каѳедръ въ святой православной восточной церкви, за 1864 годъ.

I.

ІЕРАРХІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ.

Всесвятѣйшій Архіепископъ Константинополя-Новаго Рима и Вселенскій Патріархъ *Софроній.*

А. Въ Турецкой Имперіи:

Митрополиты:

I. Кесарійскій въ Каппадокіи, Протоѳронъ и Экзархъ всей Анатоліи *Паисій.*

II. Ефесскій и Экзархъ всей Азіи *Паисій.*

Каѳедра въ Магнезіи.

III. Ираклійскій и Редестскій и Экзархъ всей Ѳракіи и Македоніи *Панаретъ.*

Епископы:

1. Каллипольскій и Мадитскій *Григорій.*

Каѳедра въ Галлиполи (др. Каллиполь).

2. Миріофитскій и Перистасскій *Григорій.*

3. Метрскій и Аѳирскій *Ѳеоклитъ.*

IV. Кизическій и Экзархъ всего Эллиспонта *Никодимъ.*

Каѳедра въ Артаки.

V. Никомидійскій и Экзархъ всей Виѳиніи (1) *Діонисій.*

Каѳедра въ Никомидіи.

VI. Никейскій и Экзархъ всей Виѳиніи (2) *Іоанникій.*

Каѳедра въ Кіи.

VII. Халкидонскій и Экзархъ всей Виѳиніи (3) *Герасимъ.*

Каѳедра въ Кускунджукѣ, а постоянное мѣстопребываніе въ Константинополѣ.

VIII. Деркскій и Неохорійскій, и Экзархъ всего Ѳракійскаго Воспора, *Герасимъ.*

Каѳедра въ Ѳерапіи—на Босфорѣ.

IX. Солунскій и Экзархъ всей Ѳессаліи *Неофитъ.*

Епископы

1. Китрскій *Ѳеоклитъ.*

Каѳедра въ Колендро.

2. Кампанійскій *Іаковъ.*

Каѳедра въ Колакіи.

3. Платамонскій *Іеремія.*

4. Сервійскій и Козанскій *Евгеній.*

5. Полянскій и Вардіоритскій *Пароеній.*

Каѳедра въ Дойранѣ.

6. Петрскій *Агаѳангелъ.*

Каѳедра въ Влахоливадѣ.

7. Ардамерійскій *Игнатій.*

Каѳедра въ Галатистѣ.

8. Іерисскій и Святыя Горы *Іоанникій.*

Каѳедра въ Низворо близъ Аѳона.

X. Терновскій и Экзархъ всей Болгаріи *Григорій.*

Каѳедра въ Великомъ Терновѣ.

---

(1) (2) (3) Обстоятельство, что три различные архіерея именуются Экзархами всей Виѳиніи, показываетъ, что это только почетный титулъ, не болѣе.

Епископы:

1. Червенскій *Синесій*.

Каѳедра въ Рущукѣ.

2. Ловчанскій *Иларіонъ*.

Каѳедра въ Ловчѣ.

3. Врачанскій *Паисій*.

Каѳедра во Врацѣ.

XI. Адріанопольскій и Экзархъ всего Гемимонта *Кириллъ*.

XII. Амасійскій и Экзархъ всего Евксина *Софроній*.

XIII. Янинскій и Экзархъ всего Епира *Парѳеній*.

Епископы:

1. Белльскій *Германъ*.
2. Парамиѳійскій *Діонисій*.

XIV. Брусскій и Экзархъ Виѳиніи *Константій*.

Каѳедра въ Брусѣ (др. Прусѣ).

XV. Пелагонійскій и Экзархъ верхней Македоніи *Венедиктъ*.

Каѳедра въ Битоліяхъ.

XVI. Неокесарійскій и Инейскій и Экзархъ Понта Полемонійскаго *Леонтій*.

Епископъ:

Никопольскій ....

Каѳедра въ Кара-Иссарѣ (въ др. Никополѣ).

XVII. Иконійскій и Экзархъ всей Ликаоніи *Неофитъ* (1).

XVIII. Веррійскій и Наусскій, и Экзархъ Ѳессаліи *Софроній*.

---

(1) Въ 1862 г. сдѣлано новое распредѣленіе Митрополій Патріархата по іерархическимъ степенямъ.

XIX. Писидійскій и Экзархъ Сиды, Мѵрѣ, Атталіи *Кесарій*.

Каѳедра въ Кара-Иссарѣ (др. Апамея-Кивотъ).

XX. Босна-Серайскій и Экзархъ всей Далматіи *Игнатій*.

XXI. Критскій и Экзархъ Европы *Діонисій*.

Каѳедра въ Кандіи.

Епископы:

1. Аркадійскій *Григорій*.
2. Реѳимнійскій и Авлопотамскій *Каллиникъ*.

Каѳедра въ Реѳимнѣ.

3. Кидонійскій *Мисаилъ*.

Каѳедра въ Канеѣ (др. Кассамъ).

4. Петрскій *Мелетій*.
5. Херониссскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Ситіи.

6. Іерскій и Ситійскій *Иларіонъ*.
7. Кисамскій и Сединскій *Герасимъ*.
8. Лампскій *Паисій*.

XXII. Трапезунтскій и Экзархъ всей Лазикіи *Константій*.

Каѳедра въ Трепизонтѣ (др. Трапезунтъ).

XXIII. Ларисскій и Экзархъ второй Ѳессаліи *Стефанъ*.

Епископы:

1. Стагонскій *Ѳеофилъ*.

Каѳедра въ Каламбакѣ близь монастыря Метеорскаго.

2. Гардикійскій *Іероѳей*.
3. Ѳавмакскій *Никифоръ*.
4. Триккійскій *Мелетій*.

XXIV. Артскій и Экзархъ всей Этоліи *Серафимъ*.

XXV. Филиппопольскій и Экзархъ Ѳракіи Драговитійской *Панаретъ* (1).

---

(1) Живетъ въ Константинополѣ въ ожиданіи рѣшенія Болгарскаго

XXVI. Родосскій и Экзархъ всѣхъ Цикладскихъ Острововъ *Дороѳей*.

Епископъ:

Лернскій и Патмскій *Игнатій*.

XXVII. Серрскій и Экзархъ всей Македоніи *Мелетій*.

XXVIII. Драмскій и Экзархъ Македоніи *Агаѳангелъ*.

Епископъ:

Елевѳеропольскій *Мелетій*.

XXIX. Смирнскій и Экзархъ Азіи *Паисій*.

Епископъ:

Мосхонисійскій *Кириллъ*.

Мѣстопребываніе въ митрополіи.

XXX. Митилинскій и Экзархъ всего Лесбоса *Мелетій*.

Каѳедра въ Кастро.

XXXI. Дидимотихскій и Экзархъ Родоны *Мелетій*.

XXXII. Анкирскій и Экзархъ всей Галатіи *Іоанникій*.

XXXIII. Филадельфійскій и Экзархъ всей Лидіи *Мелетій* (1).

XXXIV. Меленикскій *Діонисій*.

XXXV. Еносскій *Гавріилъ*.

XXXVI. Самосскій и Икарійскій и Экзархъ Кикладовъ *Гавріилъ*.

Каѳедра въ Мегаль-Хори на Самосѣ.

XXXVII. Меѳимнскій и Экзархъ Лесбоса *Агаѳангелъ*.

Каѳедра въ Каліонѣ.

XXXVIII. Месимврійскій и Экзархъ Чернаго Моря *Никифоръ*.

вопроса, не признаваемый и непринимаемый большинствомъ населенія Епархіи.

(1) Прежде назывался еще предсѣдателемъ Венеціи (*πρόεδρος τῆς Βενετίας*).

XXXIX. Видинскій и Экзархъ всей Придунайской страны *Паисій*.

XL. Доростольскій и Экзархъ всей Придунайской страны *Діонисій*.

Каѳедра въ Силистріи (др. Доростолъ).

XLI. Софійскій и Экзархъ Болгаріи *Доровей* (1).

XLII. Визійскій и Мидійскій, и Экзархъ Чернаго моря *Платонъ*.

XLIII. Анхіальскій и Экзархъ Чернаго моря *Софроній*.

XLIV. Варнскій и Каварнскій, и Экзархъ Чернаго моря *Порфирій*.

Каѳедра въ Варнѣ.

XLV. Маронійскій и Экзархъ Родопы *Ѳеоклитъ*.

XLVI. Силиврійскій *Мелетій*.

XLVII. Созоагаѳопольскій и Экзархъ всего Чернаго моря *Прокопій*.

Каѳедра въ Созополѣ.

XLVIII. Ксанѳійскій и Периѳорійскій *Діонисій*.

Каѳедра въ Янидже.

XLIX. Гано-Хорскій, и Экзархъ приморской Ѳракіи *Хрисанѳъ*.

Каѳедра въ Хорѣ.

L. Хіосскій и Экзархъ всей Іоніи *Григорій*.

LI. Лимносскій и Экзархъ Егейскаго моря *Іоакимъ*.

LII. Имврскій и Экзархъ Егейскаго моря *Паисій*.

LIII. Диррахійскій и Горскій *Іосифъ*.

Каѳедра въ Дураццо (др. Диррахіи).

LIV. Скопійскій и Экзархъ нижней Мисіи *Іоакимъ*.

LV. Касторійскій и Экзархъ всей древней Болгаріи *Никифоръ*.

(1) Тоже, что сказано въ примѣчаніи къ № XXXV.

LVI. Раско-Призренскій и Экзархъ верхней Мисіи *Мелетій*.

Каѳедра въ Призренѣ.

LVII. Воденскій *Никодимъ*.

LVIII. Ерсекійскій (Герцеговинскій) и Экзархъ верхней Мисіи *Прокопій*.

Каѳедра въ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ).

LIX. Корицанскій (Κορυτζᾶς) и Селасфорскій *Неофитъ*.

LX. Самоковскій и Экзархъ Болгаріи ......

LXI. Бѣлеградскій и Экзархъ всей Албаніи *Анѳимъ*.

Каѳедра въ Бератѣ.

LXII. Кестендилійскій и Стипійскій *Игнатій*.

LXIII. Струмницкій и Тиверіопольскій и Экзархъ Болгарской Македоніи *Іероѳей*.

LXIV. Нисскій (Νύσσης) и Экзархъ нижней Мисіи *Каллиникъ*.

Каѳедра въНиссѣ.

LXV. Гревенскій *Геннадій*.

LXVI. Нишавскій *Софроній*.

Каѳедра въ Жарковѣ.

LXVII. Сисанійскій и Сіатистскій, и Экзархъ Македоніи *Александръ*.

Каѳедра въ Сіатистѣ.

LXVIII. Зворницкій и Экзархъ Далматіи *Діонисій*.

LXIX. Моглинскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Емборѣ (селеніе).

LXX. Преспійскій и Охридскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Охридѣ.

LXXI. Дебрскій *Геннадій*.

LXXII. Димитріадскій и Загорскій, и Экзархъ Пеласгіи *Дороѳей*.

Каѳедра въ Загорѣ.

LXXIII. Кассандрійскій и Экзархъ Өермейскаго Залива *Неофитъ*.

LXXIV. Халдійскій и Херіанскій *Гервасій*.

Каөедра въ Юмушъ-Ханѣ, въ Малой Азіи.

LXXV. Елассонскій *Игнатій*.

LXXVI. Фанарійскій и Ферсальскій, и Экзархъ Өеіи *Неофитъ*.

Каөедра въ Ферсахъ.

LXXVII. Приконисскій и Экзархъ всей Пропонтиды *Софроній*.

Каөедра въ Алонѣ на островѣ Мармара (др. Преконисстъ), на Мраморномъ Морѣ.

LXXVIII. Преславскій и Экзархъ Болгарской Мисіи *Анөимъ* (1).

Каөедра въ Шумлѣ.

LXXIX. Дринопольскій и Дельвинскій *Пантелеимонъ*.

Каөедра въ Аргиро-Кастро.

LXXX. Косскій (Κώσου) и Экзархъ Кикладовъ *Мелетій*.

LXXXI. Велисскій *Анөимъ*.

Каөедра въ Коприли (др. Велессъ).

LXXXII. Литицкій *Іоанникій*.

LXXXIII. Халепійскій *Тимоөей*.

Каөедра въ Алепо.

Архіепископы:

LXXXIV. Карпатскій и Касскій *Меөодій*.

Каөедра въ Каксо.

LXXXV. Родопольскій—*Геннадій* (2).

---

(1) Тоже, что сказано въ примѣчаніяхъ къ №№ XXV и XLI.

(2) Архіепископія *Родопольская* образована въ предѣлахъ Трапезунтской Митрополіи въ 1863 г. изъ экзархій, взятыхъ у разныхъ мѣстныхъ монастырей, и составляющихъ въ совокупности около сорока

Епископы, не имѣющіе епархій:

а) При Архіепископѣ Константинопольскомъ:

Бывшій халепскій ***Іероѳей.***

При церкви св. Николая въ Джубали.

Аристійскій ***Меѳодій.***

При церкви св. Константина и Елены въ Ипсомаѳья.

Анастасіопольскій ***Кириллъ.***

При церкви Богородицы-Надежды во Влатѣ.

Клавдіопольскій ***Прокопій.***

При церкви св. Николая въ Галатѣ,

Памфильскій ***Діонисій.***

При церкви Введенія въ Перѣ.

Евменійскій ***Панаретъ.***

При церкви Благовѣщенія въ Перѣ.

Бывшій Преславскій ***Веніаминъ.***

При церкви св. В. М. Димитрія въ Татавлахъ.

Гортинскій ***Мелетій.***

При церкви св. В. М. Параскевы въ Хас-кіой.

Бывшій Червенскій ***Кириллъ.***

При церкви Успенія въ Егри-Капи.

Севастійскій ***Паисій.***

При церкви Архангеловъ въ Арнаутъ-Кіой, на Босфорѣ.

б) При Кесарійскомъ митрополитѣ:

Декапольскій ***Леонтій.***

в) При Кизическомъ:

Левкійскій ***Илларіонъ.***

г) При Никомидійскомъ:

Евхаитскій ***Григорій.***

д) При Адріанопольскомъ:

Евдоксіадскій ***Хрисанѳъ.***

селеній. Въ томъ же году упразднена Митрополія *Погоніанская*, частію раздѣленная между сосѣдними Епархіями Корицанскою и Дринопольскою, большею же частію вошедшая въ составъ новой Епископіи *Веллыской*, подвѣдомой Митрополиту Іоаннинскому.

е) При Иконійскомъ:

Мелитопольскій *Евгеній.*

ж) При Смирнскомъ:

Ксанѳопольскій *Игнатій.*

Преосвященные, живущие на покоѣ:

Бывшіе Вселенскіе Патріархи:

Григорій VI.

Анѳимъ IV. Византійскій.

Анѳимъ V. Куталійскій.

Кириллъ VII.

Іоакимъ II.

Митрополиты:

Ставропольскій *Константинъ*, (начальникъ Богословской Школы на островѣ *Халки*).

Бывшій Ефесскій *Анѳимъ*.
" Имбрскій *Неофитъ*.
" Нишавскій *Анѳимъ*.
" Литицкій *Іосифъ*.
— Живутъ въ столицѣ.

" Филиппопольскій *Паисій*.
" Велесскій *Авксентій*.
— Низложены.

" Силиврійскій ... на Аѳонѣ.
" Анкирскій *Іероѳей* въ Россіи.

Епископы:

" Москонисійскій ... на Аѳонѣ.

" Декапольскій *Прокопій*.
" Ловчанскій *Мелетій*.
" Мелитинскій *Мелетій*.
— Живутъ въ столицѣ.

„ Лаодикійскій *Стефанъ*—въ Молдавіи.
„ Ериѳрійскій *Анѳимъ* — въ Смирнѣ.
„ Макаріупольскій *Иларіонъ* — низложенъ.

Б. Въ княжествахъ, зависящихъ отъ Турціи:

а) въ Валахіи:

Митрополитъ Унгро-Влахійскій и Экзархъ Плагинскій, и имѣющій степень митрополита Кесаріи Каппадокійской *Нифонтъ*.

Каѳедра въ Букарестѣ.

Епископы:

1. Римникскій ([1]) .....
2. Бузейскій *Діонисій*.
3. Арджицкій (бывшій Едесскій) *Неофитъ*.

Каѳедра въ Негро-Водѣ.

б) въ Молдавіи:

Блюститель престола, епископъ Харіупольскій *Каллиникъ*.

Каѳедра въ Яссахъ.

Епископы:

1. Романійскій. Мѣстоблюститель, сотиріопольскій *Нектарій*.

2. Хусійскій. Мѣстоблюститель, Трипольскій *Мелхиседекъ*.

в) въ Сервіи;

Архіепископъ Бѣлоградскій, митрополитъ всей Сербіи *Михаилъ Іовановичъ*.

Епископы:

1. Ужицкій *Никифоръ Максимовичъ*.

Каѳедра въ Чакакѣ.

([1]) Есть два мѣста этого имени въ Валахіи; это — главный городъ на рѣкѣ Алутѣ.

2. Тиноскій *Тимоѳей Новаковичъ.*
3. Шабацкій *Мелетій Марковичъ.*

В. Внѣ Турецкой Имперіи:

а) на Іонійскихъ Островахъ (¹):

Митрополиты:

1. Керкирскій *Аѳанасій.*
2. Кеѳалонійскій *Спиридонъ.*
Каѳедра въ Аргостолѣ.
3. Закинѳскій *Николай.*

Архіепископы:

4. Левкадійскій *Григорій.*
Каѳедра въ Санто-Мавро (др. Левкадіи).
5. Киѳирскій *Прокопій.*

Епископы:

6. Итакскій *Гавріилъ.*
7. Паксонскій *Хрисанѳъ.*

б) въ Венеціи:

Венеціанскій Предсѣдатель *Венедиктъ.*

II.

ІЕРАРХІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Папа и Патріархъ Великаго града Александріи, Левіи, Пентаполя и Еѳіопіи и всей земли Египетской, (Отецъ отцевъ, Пастырь пастырей, Архіерей архіереевъ, тринадцатый изъ Апостолъ и Судія Вселенной) *Іаковъ.*

(¹) Отошли къ церкви Королевства Греческаго.

Митрополиты:

1. Ливійскій и Экзархъ всей Африки *Аѳанасій*.

Живетъ въ Каирѣ.

2. Пилусійскій *Амфилохій*.

Живетъ въ Александріи.

3. Пентапольскій и Экзархъ Африки *Хрусанѳъ*.
4. Ѳиваидскій *Никаноръ*.

Живетъ въ Москвѣ.

Пребываетъ на покоѣ (на о. *Митилинѣ*), бывшій Патріархъ Александрійскій *Каллиникъ*.

III.

ІЕРАРХІЯ АНТІОХІЙСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Божія Града Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, Отецъ отцевъ и Пастырь пастырей, *Іероѳей*.

Мѣстопребываніе въ Дамаскѣ.

Митрополиты:

1. Веррійскій и Экзархъ первой Сиріи, мѣстоблюститель (1) Іеропольскій, *Кириллъ* (2).
2. Епифанійскій и Экзархъ второй Сиріи, мѣстоблюститель Апамейскій, *Германъ*.

Каѳедра въ Хамѣ (др. Епифаніи).

3. Лаодикійскій и Экзархъ Ѳеодоріады *Артемій*.

Каѳедра въ Влатакіи (др. Лаодикіи).

4. Селевкійскій и Экзархъ первой Сиріи *Меѳодій*.

Каѳедра въ Захли.

---

(1) Мѣстоблюститель „Τοποτηρήτης" означаетъ іерарха, имѣющаго собственную епархію и управляющаго другою, низшею. Важность сего наименованія особенно видна на соборахъ, которые нерѣдки на востокѣ.

(2) Митрополія отошла къ Патріарху Константинопольскому.

5. **Амидійскій и Экзархъ всей Месопотаміи, мѣстоблюститель Едесскій, *Макарій*.**

Каѳедра въ Діорберкиръ (др. Амидъ).

6. **Тирскій и Сидонскій, и Экзархъ приморской Финикіи *Герасимъ*.**

Каѳедра въ Сурѣ (др. Тиръ).

7. **Трипольскій и Экзархъ первой Финикіи Ливанской *Софроній*.**

Каѳедра въ Триполи.

8. **Виритскій и Экзархъ приморской Финикіи *Іероѳей*.**

Каѳедра въ Бейрутѣ (др. Виритъ).

9. **Аданскій и Экзархъ первой и второй Киликіи, мѣстоблюститель Селевкіи Исаврійской, *Анѳимъ*.**

Каѳедра въ Тарсѣ.

10. **Ѳеодосіопольскій и Экзархъ Великой Арменіи, *Тимоѳей*.**

Каѳедра въ Эрзерумѣ (др. Ѳеодосіополь).

11. **Иліопольскій и Экзархъ Финикіи Ливанской...**

Каѳедра въ Вальбекѣ (др. Иліополь).

12. **Аркадійскій и Экзархъ горы Ливанской *Іосифъ*.**

Мѣстопребываніе въ Триполѣ.

13. **Емесскій и Экзархъ Ливанской Финикіи.....**

Каѳедра въ Хомсѣ (др. Емессъ).

14. **Пальмирскій *Іоанникій*.**

Мѣстопребываніе имѣетъ въ Валахіи, въ монастырѣ св. Спиридона.

15. **Хавранійскій *Григорій*.**

Мѣстопребываніе въ монастырѣ св. Ѳеклы въ Малулѣ.

IV.

ІЕРАРХІЯ ІЕРУСАЛИМСКАЯ.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Патріархъ Святаго Града Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи, обонъполъ Іордана, Каны Галилейской и Святаго Сіона, *Кириллъ*.

Митрополиты:

1. Петрскій въ Аравіи и Экзархъ третьей Палестины *Мелетій*.

Каѳедра въ Каракѣ, а мѣстопребываніе въ Іерусалимѣ.

2. Птолемаидскій и Экзархъ Финикіи, *Іоасафъ*.

Каѳедра и мѣстопребываніе въ Акрѣ.

3. Виѳлеемскій и Экзархъ всей Іудеи .....

Каѳедра и мѣстопребываніе въ Виѳлеемѣ.

4. Назаретскій и Экзархъ всей Галилеи, *Нифонтъ*.

Архіепископы:

1. Лидскій *Неофитъ*.
2. Газскій *Прокопій*.
3. Неапольскій *Наѳанаилъ*.
4. Севастійскій .....
5. Горы Ѳаворскія .....

Всѣ они имѣютъ мѣстопребываніе въ Іерусалимѣ.

6. Филадельфійскій *Никифоръ*.

V.

ІЕРАРХІЯ ВСЕРОССІЙСКАЯ.

Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сѵнодъ.

а) епархіи перваго класса:

1. Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, и священноархимандритъ кіево-печерскія Лавры *Арсеній*.

Викарій:

Епископъ Чигиринскій *Порфирій*.

Мѣстопребываніе въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ.

2. Митрополитъ Новгородскій (онъ же и Санктпетербургскій, Эстляндскій и Финляндскій и священно-архимандритъ Александро-Невскія Лавры, *Исидоръ*.

Викарій:

Епископъ Старорусскій *Аполлосъ*.

Мѣстопребываніе въ Новѣгородѣ.

3. Митрополитъ Московскій и Коломенскій, и священно-архимандритъ Троицко-Сергіевой Лавры *Филаретъ*.

Викаріи:

4. Епископъ Дмитровскій *Леонидъ*.
— Можайскій *Савва*.

Въ Москвѣ.

4. Митрополитъ Санктпетербургскій ....
(онъ же и Новгородскій, см. выше 2).

Викаріи:

Епископъ Ревельскій *Герасимъ*.
— Выборгскій *Іоаннъ*.

Мѣстопребываніе въ Санктпетербургѣ.

б) епархіи втораго класса:

1. Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій *Аѳанасій*.
2. — Астраханскій и Енотаевскій *Аѳанасій*.
3. — Тобольскій и Сибирскій *Варлаамъ*.
4. — Ярославскій и Ростовскій *Нилъ*.
5. — Псковскій и Порховскій *Ѳеогностъ*.
6. — Рязанскій и Зарайскій *Иринархъ*.

7. Архіепископъ Тверскій и Кашинскій *Филоөей*.
8. — Херсонскій и Одесскій *Димитрій*.
Каөедра въ Одессѣ.

Викарій:

Епископъ: Новомиргородскій *Софоній*.
Мѣстопребываніе въ Херсонѣ.
9. — Таврическій и Симферопольскій
Каөедра въ Симферополѣ.
Алексій.
10. Митрополитъ Литовскій и Виленскій *Іосифъ*.
Каөедра въ Вильно.

Викаріи:

1. Епископъ Брестскій *Игнатій*.
Каөедра въ Гроднѣ.
2. — Ковенскій *Александръ*.
Каөедра въ Ковнѣ.
11. Архіепископъ Варшавскій и Новогеоргіевскій *Іоанникій*.
12. — Рижскій и Митавскій *Платонъ*.
13. — Могилевскій и Мстиславскій *Евсевій*.
14. — Черниговскій и Нѣжинскій *Филаретъ*.
15. — Минскій и Бобруйскій *Михаилъ*.
16. Епископъ Подольскій и Брацлавскій *Леонтій*.
Каөедра въ Каменцѣ-Подольскомъ.
17. Архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій *Антоній*.
18. Архіепископъ Олонецкій и Петрозаводскій *Аркадій*.
Каөедра въ Петрозаводскѣ.
18. — Донскій и Новочеркасскій *Іоаннъ*.
Каөедра въ Новочеркасскѣ.

19. — Иркутскій и Нерчинскій *Парөеній.*

Викаріи

1. Епископъ Селенгинскій *Веніаминъ.*

Мѣстопребываніе въ Посольскомъ монастырѣ.

2. — Енисейскій и Красноярскій *Никодимъ.*

Каөедра въ Красноярскѣ.

в) Епархіи третьяго класса:

1. Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій *Платонъ.*
2. — Калужскій и Боровскій *Григорій.*
3. — Смоленскій и Дорогобужскій *Антоній.*
4. — Нижегородскій и Арзамасскій *Нектарій.*
5. — Курскій и Бѣлгородскій *Сергій.*
6. — Владимірскій и Суздальскій *Өеофанъ.*
7. Архіепископъ Полоцкій и Витебскій *Василій.*

Каөедра въ Витебскѣ.

8. Епископъ Вологодскій и Устюжскій *Христофоръ.*
9. — Тульскій и Бѣлевскій *Никандръ.*
10. — Вятскій и Слободскій *Агаөангелъ.*
11. — Архангельскій и Холмогорскій *Наөанаилъ.*
12. — Воронежскій и Задонскій *Серафимъ.*
13. — Костромскій и Галичскій *Платонъ.*
14. — Тамбовскій и Шацкій *Өеодосій.*
15. — Орловскій и Сѣвскій *Поликарпъ.*
16. — Полтавскій и Переяславскій *Іоаннъ.*
17. Архіепископъ Волынскій и Житомірскій *Антоній.*

Викарій:

Епископъ Острожскій *Іероөей.*

Мѣстопребываніе въ Житомірѣ.

18. Архіепископъ Пермскій и Верхотурскій *Неофитъ.*

Викарій:

Епископъ Екатеринбургскій *Митрофанъ*.

19. Епископъ Томскій и Семипалатинскій *Виталій*.
20. — Пензенскій и Саранскій *Антоній*.
21. — Саратовскій и Царицинскій *Іоанникій*.
22. Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій *Макарій*.
23. Епископъ Уфимскій и Мензелинскій *Филаретъ*.
24. — Оренбургскій и Уральскій *Варлаамъ*.
25. — Симбирскій и Сызранскій *Евгеній*.
26. — Кавказскій и Черноморскій *Өеофилактъ*.
27. Архіепископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій *Иннокентій*.

Каѳедра въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

Викаріи:

1. Епископъ Новоархангельскій *Петръ*.
2. — Якутскій *Павелъ*.

28. Епископъ Самарскій и Ставропольскій *Өеофилъ*.

г) грузинскій экзархатъ:

Экзархъ Грузіи, Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій *Евсевій*.

Каѳедра въ Тифлисѣ.

Викарій:

Епископъ Горійскій *Геронтій*.

1. Епископъ Имеретинскій *Гавріилъ*.
2. Епископъ Мингрельскій *Виссаріонъ*...
3. — Гурійскій *Гавріилъ*.
4. — Абхазскій *Александръ*.

Епископъ Мелитопольскій *Кириллъ*.

преосвященные, живущіе на покоѣ:

Архіепископы:

2. *Евгеній*, бывшій Ярославскій, Членъ Св. Сvнода

и Присутствующій въ Московской Сунодальной Конторѣ.

Мѣстопребываніе въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ.

3. *Антоній*, бывшій Минскій.

Мѣстопребываніе близъ Минска, въ урочищѣ Пустынька.

4. *Анатолій*, бывшій Могилевскій и Мстиславскій.

Мѣстопребываніе въ Гербавецкомъ монастырѣ Кишиневской епархіи.

5. *Іосифъ*, бывшій Воронежскій.

Епископы:

6. *Иннокентій*, бывшій Екатеринославскій.

Мѣстопребываніе въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ монастырѣ.

7. *Іеремія*, бывшій Нижегородскій и Арзамазскій.

Мѣстопребываніе въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ.

8. *Іоанникій*, бывшій Кавказскій и Черноморскій.

Мѣстопребываніе въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ.

9. *Іоаннъ*, бывшій Гурійскій.

Мѣстопребываніе въ Гаэнатскомъ монастырѣ Имеретинской епархіи.

10. *Германъ*, бывшій Имеретинскій.

11. *Іона*, бывшій Екатеринбургскій.

Мѣстопребываніе въ Далматовскомъ Успенскомъ монастырѣ, Пермской епархіи.

12. *Игнатій*, бывшій Кавказскій и Черноморскій.

Мѣстопребываніе въ Николаев. Бабаевскомъ монастырѣ, Костромской епархіи.

13. *Германъ*, бывшій Имеретинскій.

Мѣстопребываніе въ Гаэнатскомъ монастырѣ.

14. *Антоній*, бывшій Оренбургскій.

Мѣстопребываніе въ Ставропигіальномъ Воскресенскомъ, Новый Іерусалимъ именуемомъ, монастырѣ.

15. *Александръ*, бывшій Полтавскій.

Мѣстопребываніе въ Кіево-Софійскомъ Митрополитскомъ домѣ.

16. *Леонидъ*, бывшій Екатеринославскій.

17. *Порфирій*, бывшій Томскій.

VI.

ІЕРАРХІЯ ОСТРОВА КИПРА.

Блаженнѣйшій и Святѣйшій Архіепископъ Новой Юстиніаны и всего Кипра *Макарій*.

Каѳедра въ Никосіи.

Митрополиты:

1. Паѳосскій *Харитонъ*.

Каѳедра въ Хрисороитисѣ.

2. Китійскій *Мелетій*.

Каѳедра въ Ларнакѣ.

3. Киринійскій *Мелетій*.

Каѳедра въ монастырѣ св. великомученика Пантелеимона.

VII.

ІЕРАРХІЯ ВЪ АВСТРІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

Блаженнѣйшій и Святый Патріархъ Сербскій, всего обрѣтающагося въ Австрійскихъ державахъ Сербскаго и Валахійскаго народа Митрополитъ, Архіепископъ Карловацкій *Самуилъ Машировичъ*.

Каѳедра въ Карловцѣ, въ Сремѣ.

Епископы:

1. Арадскій, Велико-Варадинскій, Іенопольскій и Халмачскій *Прокопій Ивачковичъ*.

Каѳедра въ Арадѣ, въ Венгріи.

2. Бачскій и Сегединскій *Платонъ Аѳанацковичъ*.

Каѳедра въ Новомъ-Садѣ, въ Венгріи.

3. Будимскій, Свято-Андрейскій, Пештанскій, Столь-

но-Бѣлградскій, Мохачскій и Сигедскій *Арсеній Стойковичъ*.

Каѳедра въ Будимѣ (Офенъ).

4. Буковинскій *Евгеній Гакманъ*.

Каѳедра въ Черновцѣ, въ Буковинѣ.

5. Вершацкій, Лугошскій, Караш-Себешскій, Оршавскій и Мехадійскій *Емеліанъ Кенгелацъ*.

Каѳедра въ Вершцѣ, въ Банатѣ.

6. Далматинскій и Которскій *Стефанъ Княжевичъ*.

Каѳедра въ Зарѣ.

7. Карлштадскій, Костайницкій, Корбавскій и приморскихъ городовъ: Тріеста, Рѣки и Сеня, *Петръ Іоанновичъ*.

Каѳедра въ Плащкахъ, въ Босно-Кроаціи.

8. Пакрачскій, Славонійскій, Пожегскій и всего Генералата Вараздинскаго *Никаноръ Груичъ*.

Каѳедра въ Пакрацѣ, въ Славоніи.

9. Темишварскій, Липовскій, Велико-Бечкерекскій и Панчевскій......

Каѳедра въ Темишварѣ.

10. Трансильванскій *Андрей Шагуна*.

Каѳедра въ Германштадтѣ.

VIII.

ІЕРАРХІЯ ГОРЫ СИНАЙСКОЙ.

Честнѣйшій Архіепископъ Синая *Кириллъ*.

Мѣстопребываніе въ Фанарѣ.

IX.

ІЕРАРХІЯ ЧЕРНОЙ ГОРЫ.

Митрополитъ Скандеріи и Морскаго Берега, Архіепископъ Цетинскій, Экзархъ Священнаго Престола Пекскаго, Владыка Черногорскій и Бердскій *Илларіонъ Роґановичъ.*

X.

ІЕРАРХІЯ ЭЛЛИНСКАЯ.

Священный Эллинскій Сунодъ въ Аѳинахъ.

Митрополитъ:

1. Аттическій *Ѳеофилъ.*

Каѳедра въ Аѳинахъ.

Епископъ:

2. Віотійскій *Досиѳей.*

Каѳедра въ Ѳивахъ.

Архіепископъ:

3. Халкидскій *Каллиникъ (Камбанисъ).*

Каѳедра въ Халкидѣ.

Епископъ:

4. Каристійскій *Макарій (Калліархисъ).*

Каѳедра въ Кимѣ.

Архіепископъ:

5. Ѳеіотидскій *Каллиникъ (Касторхисъ).*

Каѳедра въ Ламіи.

Епископъ:

6. Фокидскій *Давидъ.*

Каѳедра въ Амфиссѣ.

Архіепископъ:

7. Акарнанійскій и Этолійскій еще не назначенъ и паства уже два года сиротствуетъ.

Каѳедра въ Миссолонги.

Епископъ:

8. Эвританійскій *Анѳимъ.*

Каѳедра въ Навпактѣ.

Архіепископы:

9. Арголидскій *Герасимъ* (*Паюнисъ*).

Каѳедра въ Навпліи.

10. Коринѳскій *Амфилохій.*

Каѳедра въ Коринѳѣ.

Епископъ:

11. Идрскій *Неофитъ* (*Константинидисъ*).

Каѳедра въ Идрѣ.

Архіепископъ:

12. Ахайскій еще не назначенъ и паства два уже года сиротствуетъ.

Каѳедра въ Патрахъ.

Епископъ:

13. Калавритскій (Καλαβρύτων), еще не назначенъ и паства два уже года сиротствуетъ.

Каѳедра въ Калавритѣ, въ Мореѣ.

Архіепископъ:

14. Мантинійскій *Ѳеофанъ* (*Сяксистевсъ*).

Каѳедра въ Триполѣ.

Епископъ:

15. Гортинскій *Филоѳей* (*Икономосъ*).

Каѳедра въ Димитсанѣ.

Архіепископъ:

16. Мессинійскій *Прокопій* (*Георгіадисъ*).

Каѳедра въ Каламахъ.

Епископъ:

17. Трифилійскій *Григорій* (*Ротасъ*).

Каѳедра въ Кипарисіи.

Архіепископъ:

18. Лакедемонскій *Діонисій* (*Ѳасанасъ*).

Каѳедра въ Спартъ.

Епископы:

19. Гиѳійскій *Іосифъ* (*Константинидисъ*).

Каѳедра въ Гиѳіонъ.

20. Итильскій *Прокопій*.

Каѳедра въ Итилѣ.

Архіепископъ:

21. Кикладскій еще не назначенъ и паства два уже года сиротствуетъ.

Каѳедра въ Эрмуполъ (въ Сиръ).

Епископы:

22. Андросскій *Митрофанъ* (*Икономидисъ*).

Каѳедра въ Андросъ.

23. Наксосскій *Парѳеній* (*Акиласъ*).

Каѳедра въ Наксосъ.

24. Ѳирскій *Захарія* (*Матѳасъ*).

Каѳедра въ Санторино (Ѳирѣ).

Епископы, живущіе на покоѣ:

Самуилъ, бывшій Эгинскій.

Варѳоломей, бывшій Калавритскій.

Христіанскій Востокъ и Западъ въ III-мъ вѣкѣ. Оригенъ и Кипріанъ.

(Окончаніе.)

Вотъ сущность богословско-философской системы Оригена.

Богъ, вѣчная Первооснова всякаго бытія, единая истинная, самобытная и неизмѣнная жизнь, есть чистый Духъ, чуждый всякой примѣси тѣлеснаго. Истинную сущность Его составляютъ чистѣйшая духовность (πνεῦμα), чуждая всякой матеріальности и пространственности. Въ немъ нѣтъ никакого измѣненія и превращенія, ничего большаго и малаго, ничего похожаго на соединеніе дѣлимыхъ частей. Онъ есть простая монада, всегда равная себѣ самой въ своей сущности. Все происходитъ чрезъ Него, но Самъ Онъ не происходитъ ни отъ кого (ἀληθῶς ἐξ οὐδενὸς ὁ Θεὸς). Истина, мудрость, свѣтъ, жизнь происходятъ отъ Бога, но Самъ Онъ выше ихъ, какъ ихъ начало. Какъ чистый Духъ, Онъ имѣетъ вѣчное и полное знаніе о всѣхъ вещахъ, какъ и о Себѣ Самомъ. Онъ есть благо и источникъ всякаго блага, такъ что всякое благо становится такимъ только чрезъ Него. Тварь никогда не можетъ ни обнять, ни познать своего Творца, и хотя мы имѣемъ о Немъ нѣкоторое знаніе, но Онъ всегда выше этого знанія. Онъ наполняетъ Собою время и пространство, въ тоже время возвышаясь надъ всѣми перемѣнами времени и надъ всѣ-

ми явленіями пространственнаго бытія. Онъ живетъ какъ художникъ въ своемъ созданіи. Одно только зло не наполняется Его присутствіемъ, хотя и оно находится подъ управленіемъ Его благаго промышленія.

Міръ, какъ дѣйствіе божественной силы и какъ явленіе божественнаго могущества, всегда былъ съ Богомъ. Такъ какъ нельзя представить времени, въ которое Богъ не былъ бы дѣятеленъ и въ которое Его благость и всемогущество оставались бы въ праздномъ покоѣ: то мы должны допустить, что міръ всегда былъ съ Богомъ. Предметы Его силы и владычества произведены Имъ изъ начала (ἐξ ἀρχῆς); и поелику Божественное существо есть благость, то и вѣчное бытіе міра есть дѣло Его благости. Но тѣмъ не меньше вселенная имѣетъ начало не въ себѣ самой, а въ Богѣ, какъ въ своей причинѣ. Оригенъ отрицаетъ существованіе совѣчной Богу матеріи (ὕλη ἀγέννητος) и противопоставляетъ ему христіанское ученіе о сотвореніи міра. Надо дивиться, что такъ много и притомъ великихъ мужей считали матерію за первобытную, не созданную Богомъ и слѣдовательно происшедшую случайно. По понятію Оригена Богъ есть Творецъ, а не образователь только міра, давшій готовой субстанціи видимыя въ ней свойства.

Но безусловное и неизмѣнное Божественное единство не можетъ быть непосредственнымъ основаніемъ множества и разнообразія измѣняющихся вещей. Поэтому самъ собою возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ изъ этого единства могло произойти разнообразіе явленій, составляющихъ міръ? Оригенъ объясняетъ это тѣмъ, что допускаетъ внутреннее движеніе жизни въ Богѣ, при которомъ Онъ, не измѣняясь въ Своемъ существѣ, въ тоже время становится началомъ многообразной жиз-

ніи существъ, обращающихся на Него, какъ на свою причину. Въ этомъ пунктѣ, какъ и во всей почти системѣ своего міровоззрѣнія, Оригенъ подчиняется вліянію Александрійской философіи. Богъ созерцаетъ Самого Себя въ Сынѣ и наслаждается блаженствомъ этого созерцанія. Отецъ есть свѣтъ; Сынъ — отблескъ, отраженіе этого свѣта. Отецъ есть чистый Умъ; Сынъ — есть самосознаніе Божественнаго Ума. Божественное Слово (Λόγος) всегда было у Бога и въ то же время отлично отъ Него, какъ личное и живое начало, какъ ипостасная премудрость Отца, какъ образъ невидимаго Бога, и отраженіе славы Его, какъ творческая дѣятельность божественной энергіи, какъ самооткровеніе Божества. Отецъ есть чистый, простой Умъ; Сынъ есть Премудрость Божія, сочетаніе божественныхъ мыслей (σύστημα θεωρημάτων), которыя однакожъ не суть пустыя представленія, но имѣютъ въ Немъ истинное духовное бытіе. Хотя Слово (Λόγος) Само въ Себѣ просто, однакожъ Оно состоитъ изъ многихъ идей, изъ которыхъ всякая есть часть цѣлаго Λόγος. Оно заключаетъ въ Себѣ первоначальныя формы, роды, первообразы и идеи всѣхъ вещей и Само есть ἰδέα ἰδεῶν, οὐσία οὐσιῶν. Таже мысль о Сынѣ, какъ премудрости и совокупности идей, выясняется у Оригена еще съ другой точки зрѣнія. То, что составляетъ содержаніе божественнаго существа, открывается въ Сынѣ, такъ что здѣсь оно какбы удвояется. Онъ есть ἀκμὴ δυνάμεως Θεοῦ. Онъ живетъ, все устрояетъ и содержитъ божественной силой. Созерцаніе и самая жизненная дѣятельность (vigor ipse) этой великой и безконечной силы, ставши въ немъ особливымъ субстанціальнымъ бытіемъ, хотя происходитъ изъ самой силы, какъ воля изъ Духа, однакожъ какъ воля Божія — становится

вмѣстѣ силой Божіей. Такимъ образомъ, какъ премудрость Отца, Онъ есть вмѣстѣ сила и воля Отца, которыхъ основаніе заключается въ Отцѣ, а выраженіе и дѣятельность въ Сынѣ.

Одинъ Богъ и Отецъ, отъ Котораго все, и одинъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, чрезъ Котораго все и Богъ надъ всѣмъ и притомъ такъ, что какъ владычество Сына не уничтожаетъ владычества Отца, такъ и Отецъ тѣмъ, что Онъ есть Богъ, не исключаетъ божественнаго бытія Сына. Какъ Отца нельзя представить безъ Сына, такъ Сына безъ Отца. Отецъ, родивши Его, не отдѣлилъ отъ Себя, но рождаетъ Его непрестанно въ безвременной вѣчности, въ вѣчномъ настоящемъ, не теряя ничего изъ Своей божественной сущности. Слово существуетъ всегда и нѣтъ момента, когда бы Его не было.

Онъ есть душа Божества, равной сущности съ Отцемъ, всецѣло заключающая въ себѣ сущность Божества. Но тѣмъ не меньше Онъ есть высочайшій после Отца, второй по Немъ (ἕτερος κατ᾽ οὐσίαν καὶ ὑποστάσιν).

Сынъ есть посредникъ между Богомъ и міромъ. Изначальное Божество, не исходя изъ Самого Себя, въ вѣчномъ движеніи собственной жизни, производитъ другое бытіе, которое заключаетъ въ себѣ множество и разнообразіе вещей или идей міра.

Первое откровеніе Отца, чрезъ Сына, есть Святый Духъ, Который только чрезъ Слово есть все, что Онъ есть, совершенно отъ Него зависитъ (?) и отъ Него заимствуетъ святость, мудрость и благодатную освящающую силу. (?) Онъ есть источникъ освященія для всѣхъ, посредникъ нашего общенія съ Отцемъ и Сыномъ, ходатай и молитвенникъ нашъ у Отца, въ тоже время на-

учающій и насъ, чему мы должны молиться. Онъ пребываетъ въ тѣхъ, кого освящаетъ, и совершаетъ въ нихъ дѣло Своего посланничества.

Но дѣйствительный переходъ къ міру все еще представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Богъ, какъ безусловный Духъ, есть бытіе неизмѣнное, непреходящее и существенно благое. Многообразныя идеи божественнаго ума въ Сынѣ имѣютъ бытіе также чисто идеальное, духовное. Божественное существо Сына, также какъ и Отца, безусловно не матеріально и неизмѣнно; между тѣмъ какъ міръ представляетъ бытіе вещественное, измѣняющееся, преходящее. Чтобы устранить это затрудненіе, мы должны помнить, что Оригенъ старается изъяснить главнымъ образомъ твореніе духовнаго міра, небеснаго міра духовъ, какъ ближайшаго предмета творческой божественной воли.

Въ этомъ мірѣ духовъ также раскрывается духовное божественное существо, какъ въ троичномъ откровеніи, и этотъ міръ не чуждъ божественной природы, но причастенъ ей, хотя не въ такой степени, какъ лица Божественной Троицы. Участіе ихъ въ безконечномъ бытіи, въ божественной природѣ, какъ заключающее въ себѣ понятіе частей и дѣлимости, составляетъ отличительный характеръ ихъ, какъ сотворенныхъ существъ. Богъ есть безусловное бытіе; духи имѣютъ бытіе въ такой мѣрѣ, въ какой причастны безусловному бытію. Получивъ часть божественнаго бытія, они стали причастными божеству, слѣдовательно до нѣкоторой степени они одной природы съ Богомъ (θεοὶ μετέχοντες Θεοῦ). Однакожъ нечестиво было-бы утверждать, что они имѣютъ одно существо съ Богомъ. То, что они имѣютъ божествен-

наго, имѣютъ не по природѣ (οὐσιωδῶς), но по дару (τὸ εἶναι συμβεβηκὸς καὶ ἐξ ἐπιγεννήματος ἀγαθοῦ) (1).

Божество обладаетъ полною благостію, составляющее существенное свойство его природы, съ безусловною свободою, которая равняется необходимости. Но сотворенные духи участвуютъ въ добрѣ не существенно, но только условно, по мѣрѣ своей свободы. Разумность опредѣляетъ для нихъ различіе между добромъ и зломъ, и дѣлаетъ возможнымъ выборъ между тѣмъ и другимъ. Нѣкоторое сходство съ тѣмъ полнымъ обладаніемъ благомъ, которое отличаетъ божественную природу, имѣло бы то состояніе, если бы сотворенный духъ свободнымъ направленіемъ воли утвердилъ себя въ неуклонномъ слѣдованіи къ добру и сдѣлалъ его какъ бы своею собственностію.

Но это свободное движеніе и усвоеніе предполагаетъ также возможность уклоненія отъ блага, отъ божественнаго. Нѣтъ ни одного разумнаго творенія, которое бы одинаково не было способно ко злу, какъ и къ добру. Эта свобода, въ системѣ Оригена, составляетъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ задачъ дальнѣйшей космологіи.

Сотворенные духи, какъ творенія всеблагаго Бога, совершенны въ такой степени, въ какой могутъ быть совершенны сотворенныя существа. Между тѣмъ дѣйствительный міръ представляютъ намъ не только чрезвычайное разнообразіе, но сплошную противоположность добра и зла, духа и плоти, смерти и жизни, безконечную постепенность отъ самаго высокаго до самаго низкаго, величайшее разнообразіе жизненныхъ судебъ и отношеній.

Оригенъ изъясняетъ, что въ домірномъ бытіи, перво-

(1) Quod ergo sunt, non est proprium, sed a Deo datum.

изначально всѣ духи были безтѣлесны и совершенно равны между собою; (1) но потомъ неодинаковая нравственная жизнь ихъ, вслѣдствіе данной имъ свободы, приближеніе однихъ къ Божеству и удаленіе другихъ, сдѣлало между ними различіе и образовало постепенность въ духовномъ совершенствѣ. Ближайшій къ источнику свѣта, пресытившись созерцаніемъ вѣчнаго первоблага въ Богѣ, возгордился тѣми преимуществами, которыя ему даны были благостію Творца и отпалъ отъ единства съ Нимъ. Никто не былъ виновникомъ его паденія, кромѣ его самого. Но такъ какъ всякій духъ занимаетъ въ мірѣ опредѣленное ему мѣсто и всѣ существа образуютъ собою стройную систему бытія, то съ паденіемъ одного произошло общее разстройство и явилось зло въ мірѣ.

Зло по своему существу не есть превращеніе бытія, но только его оскудѣніе; и поелику бытіе, какъ явленіе блага Бога, есть благо, то зло есть недостатокъ блага (2). Оно не составляетъ собою дѣйствительнаго бытія, сущности, но только свойство бытія, потерявшаго мѣру, порядокъ, предѣлы, стройность.

Паденіе духовъ внѣшнимъ образомъ выразилось тѣмъ, что они изъ общаго идеальнаго бытія низошли въ область явленій, изъ духовнаго міра низпали въ чувственный и соединились съ тѣлами. Такимъ образомъ съ паденіемъ злаго духа совпадаетъ начало его тѣлеснаго бытія, а вмѣстѣ съ тѣмъ начало видимаго матеріальнаго міра. Тѣлесное бытіе есть существенная форма бы-

(1) Aequales creavit omnes ac similes, quod creavit, quippe cum nulla ei causa varietatis ac diversitatis existeret. De Princip. 11, 9, 6.

(2) Recedere a bono non aliud est, quam effici in malo; certum namque est malum esse bono carere. De Princip. 11, 9, 2.

тія падшихъ духовъ. Матерія, присвоенная духамъ, какъ безусловная возможность всѣхъ формъ, дала соотвѣтственное выраженіе возникшему между ними различію. Всякое различіе въ формахъ бытія міра объясняется степенію отпаденія и удаленія духовъ отъ Бога. Личная (индивидуальная) жизнь вездѣ указываетъ на падшаго духа.

Космологія Оригена имѣетъ много общаго съ современными ему философскими и гностическими космологіями, но существенно отличается отъ нихъ тѣмъ, что видитъ въ паденіи духовъ не необходимый процессъ саморазвитія божества, какъ у Неоплатониковъ, и не необходимый результатъ космологическихъ началъ, какъ у Гностиковъ, но слѣдствіе самоопредѣленія свободы сотворенныхъ существъ. Его космологія есть, выражаясь словомъ новѣйшей философіи, теодицея. Хотя видимый міръ произошелъ вслѣдствіе паденія, но по своей послѣдней причинѣ онъ есть дѣйствіе творческой силы, благости и премудрости. Соотвѣтственно съ нуждами падшаго духа онъ, по благости Божіей, сдѣлался мѣстомъ просвѣщающаго откровенія, явленія божественной правды и искупляющей любви вочеловѣчившагося Слова.

Отъ разнообразныхъ степеней духовной жизни и духовнаго совершенства перейдемъ къ соотвѣтствующимъ имъ формамъ космическаго устройства.

Надъ землею, лежащею въ средоточіи вселенной, находится небо. Первое небо находится между землею и сферою неподвижныхъ звѣздъ или твердію. Второе небо находится по ту сторону видимаго міра и есть та небесная *земля* или страна живыхъ, которую Спаситель обѣщалъ кроткимъ. Надъ этимъ вторымъ небомъ или

небесною землею есть третье небо, куда возносятся совершеннѣйшіе. Вѣроятно оно не есть пространственное мѣсто, находящееся надъ твердіею и небесною землею, но какъ невидимое находится внутри видимаго.

Въ мірѣ господствуетъ непрерывное движеніе и всякое душевное состояніе находитъ въ немъ соотвѣтственное тѣлесное выраженіе. Духи то восходятъ вверхъ, то ниспадаютъ внизъ въ непрестанномъ движеніи. Тѣмъ, которые возносятся съ земли, открываются разнообразныя области неба; равно какъ тѣмъ, которые ниспадаютъ внизъ, открываются глубины ада. И такъ какъ тѣло, которое бы точно соотвѣтствовало душѣ, не есть ея теперешнее тѣло, то она должна ожидать больше или меньше продолжительное время, пока не получитъ своего настоящаго тѣла. Во время этихъ превращеній, души не могутъ входить только въ животныя тѣла, потому что въ животныхъ душа не есть духъ, но несовершенная субстанція, жизненная сила крови, неспособная переживать тѣло. Равнымъ образомъ душа не можетъ перейти непосредственно изъ одного человѣческаго тѣла въ другое. Но всякій разъ, какъ наступаетъ кончина міра, происходитъ общій судъ, который въ одно время рѣшаетъ судьбу всѣхъ духовъ и то состояніе, въ которое они тогда посылаются, служитъ начальнымъ пунктомъ, съ котораго начинается ихъ новая жизнь и дальнѣйшее развитіе въ установленной послѣдовательности. Высшее мѣсто занимаютъ такъ названные боги, которые всѣхъ меньше отпали отъ первоначальнаго общенія съ Богомъ; слѣдующіе—престолы, потомъ княжества, къ которымъ принадлежатъ также солнце и луна, вмѣстѣ съ видимыми нами звѣздами, потому что

правильное совершаемое ими движеніе показываетъ, что ими управляютъ умныя силы; потомъ слѣдуютъ ангелы, которые находятся въ служеніи на землѣ и управляютъ различными народами и землями или опредѣленными кругами жизни. Далѣе располагаются и прочіе, всякій въ своемъ родѣ исполняя свое служеніе спасенія людей. Они также, какъ и человѣческія души, имѣютъ нужду въ искупленіи и получаютъ его чрезъ воплощеніе Христа и настановленіе Святаго Духа. Они также подлежатъ закону, какъ всѣ разумныя существа, и въ послѣдній день дадутъ отчетъ въ своемъ служеніи. За ангелами слѣдуютъ въ нисходящей постепенности люди, и наконецъ низшіе изъ всѣхъ, хотя обладающіе высшею силою предъ людьми, демоны, которые облечены въ тонкія, не земныя тѣла, — злые духи и сатана. Впрочемъ и падшіе духи сохраняютъ свободу и способность возстановленія.

Необходимо, чтобы злыя силы дѣйствовали на землѣ, потому что чрезъ борьбу съ ними открываются тѣ, которые должны получить вѣнецъ. Сила и число ихъ уменьшается въ продолженіи борьбы съ добромъ больше и больше, пока, наконецъ, послѣдній конецъ міра не уничтожитъ ихъ совершенно. Злые духи дѣйствуютъ во вредныхъ силахъ природы, въ неурожаяхъ, засухѣ, моровыхъ повѣтріяхъ, равно въ хищныхъ животныхъ, когда они причиняютъ зло; языческія прорицалища суть ихъ учрежденіе, и боги язычниковъ, исключая звѣзды, суть не что иное, какъ демоны или злые духи, которые живутъ въ густой земной атмосферѣ и питаются дымомъ жертвъ.

Добрые, также и злые духи, приставлены къ человѣку на служеніе ему. Есть также ангелы, которые имѣютъ

попеченіе о животныхъ и произрастеніяхъ, посредствуютъ надъ водою, дождемъ, тепломъ, холодомъ. Одни заботятся о введеніи душъ въ человѣческія тѣла, другіе принимаютъ души умершихъ. Есть ангелы, которые управляютъ и руководствуютъ частію всею Церковію, частію отдѣльными религіозными обществами. И которые вмѣстѣ съ нами и за насъ молятся. Какъ добрый, такъ и злой ангелъ сопровождаетъ каждаго человѣка отъ рожденія до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается способнымъ къ непосредственному водительству Христа. Такимъ образомъ весь міръ наполненъ ангелами, которые нисходятъ къ намъ охотнѣе послѣ того, какъ пришелъ Христосъ. Мы не видимъ ихъ потому, что грѣхи омрачаютъ нашъ взоръ; впрочемъ они могутъ быть видимы, если мы заслужимъ это: и въ будущей жизни они будутъ видимы только по мѣрѣ нашего достоинства.

Въ срединѣ между добрыми и злыми духами поставленъ человѣкъ. Человѣкъ есть микрокозмъ или малый міръ, въ которомъ отражается весь міръ; по своей высшей и разумной части онъ сроденъ Божеству и есть образъ Божій или, точнѣе, отобразъ вѣчнаго образа Божія, Слова. Поэтому всякая, даже глубоко падшая человѣческая душа имѣетъ несравненное достоинство. Но съ другой стороны всѣ человѣческія души, заключенныя въ грубыхъ тѣлахъ, грѣшны, хотя не всѣ виновны въ одинаковой мѣрѣ. Нѣкоторые люди поставлены ниже того, чѣмъ они по своей винѣ заслуживаютъ, для того, чтобы быть наставниками и помощниками другимъ людямъ.

Человѣкъ имѣетъ однакожъ прирожденное чувство и влеченіе не къ злому, чувственному, земному, но къ

невидимому, вѣчному, божественному, и пока онъ человѣкъ, не можетъ совершенно уничтожить въ себѣ воспоминанія о своемъ прежнемъ лучшемъ бытіи. Это чувство есть его совѣсть, законъ написанный въ его сердцѣ, доступный дѣйствію Божества духъ въ человѣкѣ. Между тѣмъ человѣкъ подлежитъ, какъ вліяніямъ свѣта Божія, такъ и обманчивымъ призракамъ низшихъ вещей, и поэтому онъ открытъ одинаково, какъ для добрыхъ, такъ и для злыхъ впечатлѣній.

Въ умѣ, который есть способность воспринимать доброе и злое, коренится свобода нашего самоопредѣленія, или управляющаго нашими дѣйствіями мышленія. Хотя наша свобода не выходитъ изъ круга Божественнаго знанія, но въ этомъ знаніи нѣтъ ничего обязательнаго для нашего самоопредѣленія, это знаніе есть скорѣе знаніе о нашемъ самоопредѣленіи. Мы не теряемъ самоопредѣленія, находимся ли въ тѣлѣ или внѣ тѣла и во всякомъ случаѣ оно есть или доброе или злое. Никакой разумный духъ не бываетъ безъ добраго или злаго движенія. И только въ такой мѣрѣ можетъ быть рѣчь о поврежденіи нашего самоопредѣленія грѣхомъ, въ какой, вслѣдствіе его, свобода выбора направляется преимущественно къ злу. Побѣдителемъ въ борьбѣ между добромъ и зломъ становится человѣкъ чрезъ свободную склонность къ добру, чрезъ молитву, которая обезсиливаетъ вліяніе демоновъ, и опираясь на вѣрнаго побѣдителя—Бога со всѣми добрыми силами, потому что безъ Бога ни одно доброе дѣло не будетъ имѣть ни основанія, ни прочности.

Сила уничтожающая зло, есть слово (Λόγος), вѣчный Сынъ Божій. Жизнь духовъ не должна оканчиваться духовною смертію. Божественное Слово есть вѣчная,

міроискупительная сила. Всемогущій Богъ приводитъ чрезъ него все, что Онъ создалъ для непреложнаго бытія, опять къ истинной, полной, божественной жизни. Слово само есть эта жизнь и все, что есть, въ немъ и чрезъ него имѣетъ жизнь. Отъ него происходятъ всѣ предуготовительныя средства спасенія людей; отъ него— истина въ философіи язычниковъ и законъ Моусеевъ, которыми онъ началъ искупленіе человѣчества. Но эти предуготовительныя средства были недостаточны и потому послѣ закона и обѣтованій послѣдовало полное просвѣщеніе духовъ чрезъ Христа. Слово должно было, чтобы помочь людямъ, низойти до нашей слабости и явиться между нами, какъ человѣкъ, чтобы опять осязательно привлечь насъ къ себѣ. Всякому роду духовъ на ихъ степени бытія оно должно явиться точно также соотвѣтственнымъ для нихъ образомъ. Какъ посредникъ между Богомъ и тварями, Оно безпрестанно входитъ во все разумное, и такимъ образомъ приводитъ духовъ опять къ Отцу.

Но такъ какъ Слово не переставало быть чистѣйшимъ духомъ, то оно могло соединиться съ человѣческимъ тѣломъ только посредствомъ души, которая изъ начала соединилась съ нимъ такъ, что стала какбы одно съ нимъ. Хотя тѣло Искупителя есть человѣческое тѣло; однакожъ оно чуждо поврежденія и нечистоты, которыми сопровождается естественное рожденіе, потому что должно быть органомъ святѣйшей души. Святое тѣло Господа было непосредственно создано силою Божіею, не нуждалось въ пищѣ и вкушало ее только для того, чтобы показать, что оно есть дѣйствительное тѣло, дѣйствительная матерія, а не призракъ. Страда-

нія принимали и чувствовали только тѣло и душа, а не само Слово.

Посредствомъ своей Божественной природы Искупитель воскресилъ самъ Себя, хотя вмѣстѣ воскресилъ Его и Отецъ. Въ немъ Божество сдѣлалось совершенно равно человѣчеству и въ этомъ единствѣ божественной и человѣческой природы Христосъ искупилъ людей отъ грѣха своею смертію, т. е. возстановилъ ихъ въ первобытное ихъ состояніе. Онъ искупилъ не только людей, но и ангеловъ, не своею тѣлесною кровію, но животворящею силою своего божества, которую принесъ онъ, какъ духовную жертву Богу; Божественное въ немъ, Слово, бывшее въ немъ еще до его вочеловѣченія свѣтомъ и жизнію духовъ, содѣлалось для нихъ искупительной силой.

Богъ искупилъ насъ въ вочеловѣчившемся Искупителѣ. Онъ (Искупитель) предалъ человѣческую душу, какъ жертву для Бога, сатанѣ, какъ тотъ желалъ этого, чтобы низвесть ее въ свое царство смерти. Но душа Іисуса явилась побѣдительницею въ царствѣ смерти, проповѣдуя и тамъ тѣлеснымъ духамъ, способнымъ къ возстановленію. Сатана не могъ удержать ее. Величайшая сила находится въ смерти Господа, противодѣйствіе противъ всѣхъ враждебныхъ силъ, даже противъ самыхъ грѣховъ во всякомъ вѣрующемъ. Онъ сдѣлался для насъ грѣхомъ, поелику въ тѣлѣ, подобномъ грѣховному тѣлу, принялъ на себя наши грѣхи и претерпѣлъ наказаніе, которое мы заслужили, и которое сдѣлалось бы невыносимымъ, если бы Онъ не взялъ его на себя.

Съ искупленіемъ начинается новый порядокъ спасенія. Въ Ветхомъ Завѣтѣ—смерть была умилостивленіемъ за

грѣхи, которые она наказывала; въ Новомъ Завѣтѣ мѣсто смерти заступило покаяніе. Способныхъ къ покаянію и вѣрныхъ—потому что имъ только смерть Господа служитъ въ благо,—Онъ призываетъ отъ смерти къ новой жизни чрезъ свою смерть, чтобы они вѣчно жили съ воскресшимъ Богомъ. Вся жизнь есть время спасенія и благодати, самое благопріятное время для покаянія. Дѣйствіемъ смерти добрые освободятся отъ грубаго, тлѣннаго тѣла; изъ него разовьется тогда тѣло тонкое, которое теперь подъ покровомъ того грубаго тѣла облекаетъ душу, и съ которымъ душа вознесется въ страну легкихъ и свѣтлыхъ тѣлъ.

Эта страна находится еще на землѣ; это — низшій рай, надъ которымъ есть другой высшій, небесный. Во время этого перехода душа очищается чрезъ огонь, который возжигаетъ Господь. Злое отдѣляется въ немъ, какъ нагарь отъ благороднаго металла, не матеріальнымъ горѣніемъ, но внутреннимъ судомъ. Злые остаются въ этомъ огнѣ, который есть для нихъ адъ; но тѣ, которымъ Христосъ проложилъ путь чрезъ него, проходятъ чрезъ него безвредно. Сопровождаемые чрезъ него ангелами, добрые переходятъ въ тотъ низшій рай, гдѣ ангелы-наставники расширяютъ кругъ ихъ знанія, вслѣдствіе чего души научаются познавать всѣ тайны міра и потомъ одни быстрѣе, другіе медленнѣе возносятся изъ одного небеснаго пространства въ другое, къ Господу. Этотъ непрерывный успѣхъ (знанія и добра) и есть Царство Божіе, которое составляетъ послѣднюю цѣль жизни духовъ.

Между тѣмъ безбожные, неспособные подняться въ высшія области, низвергаются въ смрадное мѣсто — въ адъ. Пламя, которое здѣсь горитъ, есть посѣвъ ихъ

грѣховъ—воспоминаніе объ ихъ преступленіи, постоянно возбуждаемое въ нихъ силою Божіею, мученіе совѣсти, пожирающее пламя горящихъ въ нихъ страстей, внутренній раздоръ и раздвоеніе, борьба духа съ душею. Пламя и наказаніе не вѣчны. Злые остаются въ нихъ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ единственной и послѣдней цѣли возстановленія.

Кончина міра послѣдуетъ внезапно точно также, какъ пришелъ потопъ, въ древнее время, когда люди ѣли, и пили, покупали и продавали, строили и садили. Зло увеличится и послѣдуетъ кончина. Пожаръ, которымъ окончится міръ, есть не матеріальный огонь, но означеніе того пламени, посредствомъ котораго зло въ душахъ наказывается и уничтожается. Такимъ образомъ второе явленіе Господа будетъ непространственное и видимое внѣшнимъ образомъ. Съ полною торжественностію, какъ въ преображеніи на Ѳаворѣ, явится Онъ съ своими ангелами, дѣйствительно, но не иначе, какъ Его теперь уже видитъ вѣра, въ небесной славѣ и сіяніи. Не вѣрные только, но всѣ народы увидятъ духомъ Его явленіе. Передъ духовнымъ взоромъ всѣхъ станетъ Онъ въ небесномъ сіяніи и славѣ, присущій всѣмъ, и всѣ съ своею совѣстію предстанутъ предъ Его судъ. Онъ дастъ судъ не людямъ только, христіанамъ и не христіанамъ, но также всѣмъ ангеламъ и низшимъ духамъ. Демоны получатъ слѣдующее имъ наказаніе, въ которомъ погибнетъ злоба ихъ и самъ сатана чрезъ наказаніе возстанетъ отъ своего паденія (1).

---

(1) Впослѣдствіи Оригенъ сблизился въ этомъ пунктѣ съ опредѣленнымъ церковнымъ ученіемъ о вѣчномъ мученіи падшихъ духовъ. „Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые имѣютъ охоту осуждать ближнихъ—писалъ онъ въ своимъ александрійскимъ друзьямъ—приписываютъ намъ и уче-

Побѣднымъ торжествомъ блага будетъ воскресеніе, какъ новое образованіе тѣлесныхъ покрововъ для души. И когда все войдетъ въ новое состояніе, наше блаженство будетъ полнымъ. Намъ будетъ дано чистое, незапятнанное тѣло воскресенія; мы сдѣлаемся высшими, божественными духами послѣ воскресенія. Не всѣ однакожъ будутъ равны тогда въ чистотѣ, необходимой для того, чтобы созерцать Бога. Одни будутъ вручены, какъ при прежнемъ раздѣленіи народовъ, ангеламъ для дальнѣйшаго воспитанія, между тѣмъ, какъ другіе сдѣлаются частію и наслѣдіемъ самого Господа. Всякій получитъ ту часть, которую онъ заслужилъ.

Когда настанетъ этотъ конецъ всѣхъ вещей, Богъ станетъ въ собраніи боговъ и возстановится древняя чистота всѣхъ духовъ, гдѣ всѣ познаютъ Отца, совершенно также, какъ Сына, и всѣ будутъ равны между собою, какъ первоначально. Возстановленіе всѣхъ вещей составляетъ послѣднюю цѣль промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ о мірѣ. Такова въ общихъ чертахъ система вѣроученія Оригена. Она не была его догматомъ, его церковнымъ вѣрованіемъ, но только опытомъ философскаго изслѣдованія религіи. Онъ вездѣ отдѣляетъ мнѣніе отъ догмата и, выражая свои мнѣнія, всегда ограждаетъ ихъ словами: мнѣ кажется, я думаю и проч.

Возвратимся къ описанію жизни Оригена.

Послѣ Димитрія, управлявшаго Александрійскою Церковію сорокъ три года, вступилъ въ служеніе Ираклъ,

---

нію нашему богохульство; котораго отъ насъ никогда не слыхали... говоря, что будто утверждали мы, что отецъ нечестія и погибели низринутыхъ изъ Царства Божія—діаволъ долженъ нѣкогда спастись". Epistola ad Fratres Alexandrinos.

бывшій начальникомъ огласительнаго училища послѣ Оригена.

Между тѣмъ Оригенъ въ Кесаріи продолжалъ свои исполинскіе истолковательные труды. Къ нему, по прежнему, стекались слушатели не только изъ жителей той страны, но безчисленное множество учениковъ приходили и изъ отдаленныхъ областей, оставляя свою родину. Между ними были Григорій Чудотворецъ и братъ его Аѳинодоръ. Замѣтивъ, что они особенно склонны къ греческой и римской словесности, Оригенъ внушилъ имъ ревность къ любомудрію и убѣдилъ, вмѣсто прежнихъ занятій, обратиться къ предметамъ божественнымъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ слушали они наставленія Оригена и оказали такіе успѣхи въ познаніи Божественнаго слова, что оба еще въ юныхъ лѣтахъ рукоположены въ епископы надъ Понтійскими церквами. Оставляя Оригена, Григорій возблагодарилъ его публичнымъ похвальнымъ словомъ. „Я думаю, писалъ онъ объ учителѣ, я думаю, что онъ говорилъ неинаЧе, какъ по внушенію Духа Божія; для того, чтобы быть пророкомъ и изъяснять пророка, нужна его сила. И никто не можетъ разумѣть пророка, если самъ Духъ Божій не сообщитъ разумѣнія своихъ словъ. Сей человѣкъ получилъ отъ Бога величайшій даръ быть переводчикомъ слова Бога къ людямъ, разумѣть слово Божіе, какъ Богъ самъ его употреблялъ, и изъяснять его людямъ, какъ они могутъ разумѣть“. „Отъ него вышло безчисленное множество учителей, безчисленное множество священниковъ, исповѣдниковъ и мучениковъ. А каково было уваженіе къ нему? Кто изъ благочестивыхъ не притекалъ къ нему изъ отдаленныхъ странъ?

Кто изъ христіанъ не уважалъ его, какъ пророка? Кто изъ философовъ не чтилъ его, какъ учителя?" (1).

Въ 235 году эдиктъ Максимина о гоненіи заставилъ его бѣжать въ Каппадокію, гдѣ онъ укрылся у епископа Фирмиліана, своего стараго друга. Этотъ епископъ былъ такъ къ нему привязанъ, что иногда для пользы Церквей призывалъ его въ свои области, а иногда и самъ отправлялся къ нему въ Іудею и проживалъ у него по нѣскольку времени для усовершенствованія себя въ знаніи предметовъ божественныхъ (2). Не избѣжавъ и здѣсь преслѣдованія, онъ укрылся въ домѣ одной благочестивой женщины Юліаны и провелъ здѣсь два года, пользуясь великолѣпною библіотекою Юліаны, въ которой онъ нашелъ нѣкоторыя рѣдкія сочиненія.

Въ это время (между 247—250 годами) онъ сочинилъ восемь книгъ противъ Цельса, въ опроверженіе написанной имъ противъ христіанства книги, которую онъ назвалъ истиннымъ ученіемъ. Кто былъ этотъ Цельсъ, неизвѣстно; да и самъ Оригенъ хорошо не зналъ его, потому что жилъ послѣ него. Но сочиненіе Цельса, направленное противъ христіанства и проникнутое самою непримиримою къ нему враждою, возбудило ревность въ Оригенѣ защитить святую истину отъ клеветъ наглаго лжеца и клеветника. Чѣмъ рѣзче и рѣшительнѣе была полемика Цельса, опиравшагося притомъ на историческіе памятники христіанства, тѣмъ настоятельнѣе была потребность не только опровергнуть его возраженія, но и отвѣчать на вопросы, возбужденные

(1) Викентій Лиринскій объ Оригенѣ въ Commonitor, c. 21.
(2) Евсев. Церк. Ист. 17, 27.

этой полемикой. Сочиненіе Оригена противъ Цельса, лучшее изъ его сочиненій, въ тоже время есть важнѣйшій памятникъ его ума, знанія, ревности, одно изъ лучшихъ и глубокомысленнѣйшихъ твореній, какія оставила намъ христіанская древность.

Мы приведемъ здѣсь только одно изъ возраженій Цельса и одинъ изъ отвѣтовъ Оригена, составляющій содержаніе IV-й книги или главы. Христіанство должно быть отвергнуто, говоритъ Цельсъ, по причинѣ его возмутительныхъ стремленій, потому что оно вступаетъ въ открытую борьбу съ существующими законами государства и хочетъ стать выше его власти. Оригенъ отвѣчаетъ на это возраженіе, начертывая дивнымъ образомъ промыслительный планъ Божій въ исторіи народовъ. Онъ смотритъ на государство и законодательство съ этой высокой точки зрѣнія и показываетъ, что для тѣхъ, кто признаетъ Промыслъ и божественное управленіе въ мірѣ, законы государства имѣютъ не безусловный, но подчиненный авторитетъ. Первый и высшій, безусловно-обязательный авторитетъ составляетъ законъ Божественный, и потому всякій разъ, когда представляется столкновеніе гражданскихъ законовъ съ закономъ Божественнымъ, необходимо предпочитать послѣдній первымъ.

Въ 250 году началось гоненіе Декія, который нападалъ особенно на предстоятелей Церкви. Оригена (ему было 65 лѣтъ) схватили, заключили въ тюрьму, послали въ ссылку и подвергли самымъ ужаснымъ мученіямъ. Язычники надѣялись, что преклонность возраста и тяжесть страданій приведутъ его къ отреченію отъ Христа. Но тотъ, который пламенно желалъ быть мученикомъ 17-ти лѣтъ, умѣлъ сдѣлаться имъ дѣйстви-

тельно полувѣкомъ позже. Божественный законъ, который онъ носилъ въ сердцѣ, далъ ему силу даже въ старости. Онъ остался вѣрнымъ своему Спасителю. Онъ написалъ даже собственною рукою дивное письмо, чтобы утѣшить и утвердить тѣхъ, которые страдали, какъ онъ. Онъ вышелъ наконецъ изъ темницы съ сокрушенными членами и изнуреннымъ тѣломъ. Скорби, которыя онъ испыталъ, приблизили его къ концу жизни, и онъ предалъ свой духъ Спасителю въ 253 году 69-ти лѣтъ (1). Онъ былъ тогда въ городѣ Тирѣ, гдѣ долго послѣ показывали его могилу въ стѣнѣ соборной церкви.

Ученикъ и другъ его Діонисій, преемствовавшій Ираклу въ управленіи училищемъ, утѣшилъ дружескимъ посланіемъ Оригена, когда онъ заключенъ былъ въ темницѣ и послѣ смерти его составилъ въ честь его похвальное слово, которое послалъ къ горячему почитателю Оригена—Кесарійскому епископу Θеоктисту.

---

(1) Евсев. Церк. Истор. кн. VII, гл. I.

Нѣсколько словъ о современныхъ стремленіяхъ Англо-Американской Церкви къ сближенію съ Православною.

Вслѣдствіе своеобразнаго устройства и развитія (¹), Англо-Американская епископальная церковь неоднократно проявляла болѣе или менѣе сильныя и продолжительныя стремленія къ сближенію съ православною Церковью Востока. Но ни одна изъ прежнихъ попытокъ не принимала тѣхъ размѣровъ, какіе, повидимому, готовы принять недавно вновь начавшіяся въ Англіи и Америкѣ движенія этого рода. Въ настоящемъ случаѣ мы намѣрены только въ самыхъ общихъ чертахъ заявить объ этихъ движеніяхъ, какъ о фактѣ въ высшей степени знаменательномъ; но мы воздерживаемся пока еще отъ всякаго собственнаго сужденія, такъ какъ дѣло это далеко еще не успѣло достаточно уясниться и опредѣлиться по своему внутреннему характеру. Скажемъ только вообще, что — на сколько можно судить по лежащимъ предъ нами даннымъ — трудно еще ожидать, чтобы результатомъ начавшихся движеній было дѣйствительное и полное соединеніе церквей, православной и англиканской: для достиженія этой, конечно, въ

(¹) Смотр. объ этомъ наприм. статью мою — „Церковное состояніе Англіи» въ Христ. Чт. 1864, августъ, сентябрь, октябрь.

высшей степени вожделѣнной, цѣли нужно бы, чтобы сами Англо-американцы при постоянномъ раскрытіи и разъясненіи сюда относящихся вопросовъ дошли до гораздо болѣе полнаго, яснаго и отчетливаго сознанія православной истины и чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ отрешились прямо отъ тѣхъ наростовъ и недостатковъ своего церковнаго зданія, съ которыми духъ православной Церкви несовмѣстимъ. Безъ дѣйствительнаго внутренняго *единства* невозможно истинное единеніе или общеніе Церквей; но въ точномъ опредѣленіи *условій* этого единства заключается главная трудность вопроса.

Нынѣшнее стремленіе къ сближенію съ Восточною православною Церковью началось въ Америкѣ и оттуда успѣло быстро распространиться по Англіи. Ближайшимъ поводомъ къ нему послужило слѣдующее обстоятельство: въ г. Нью-Йоркѣ на общей или генеральной конгрегаціи (представляющей собою высшій церковный авторитетъ Сѣверо-Американской епископальной Церкви) сдѣлано было въ 1862-мъ г. однимъ депутатомъ изъ Калифорніи заявленіе, „что въ Санъ-Франческо находится извѣстное число членовъ Восточной Церкви и что постоянное пребываніе ихъ въ предѣлахъ Сѣверо-американскихъ штатовъ вызываетъ потребность въ установленіи болѣе точныхъ и опредѣленныхъ отношеній между обѣими Церквами, Восточною и Англо-Американскою".

Впрочемъ коренная и существенная причина быстро распространяющагося нынѣ по Америкѣ и Англіи движенія заключается частію *въ общемъ стремленіи западныхъ христіанъ къ соединенію Церквей*, частію же — *въ смутно сознаваемомъ Англо-американцами православіи Восточной Церкви*. Говоримъ — въ *общемъ* стремленіи къ

соединенію Церквей: и дѣйствительно, едва ли западный христіанскій міръ когда либо чувствовалъ ненормальность своего положенія въ церковной раздробленности такъ сильно, какъ въ настоящее время. Лицемъ къ лицу съ постоянными притязаніями папства съ одной стороны и съ успѣшною пропагандою новѣйшаго невѣрія съ другой, протестантскія общества ищутъ себѣ опоры въ болѣе тѣсномъ церковномъ единеніи для лучшаго противодѣйствія общимъ врагамъ. „Евангелическая унія" между лютеранами и реформатами, недавно возникшій „общій протестантскій союзъ" (Protestanten-Verein) и разныя другія общества и учрежденія подобнаго рода, въ новѣйшее время появившіяся на почвѣ протестантизма, служатъ яснымъ свидѣтельствомъ общности такихъ стремленій. Совершенно подобныя же явленія мы встрѣчаемъ и въ католическомъ мірѣ: не смотря на всѣ новѣйшія и общеизвѣстныя проявленія папской нетерпимости и самоувѣренности, многіе члены латинской церкви не могутъ не чувствовать, что съ постепеннымъ паденіемъ свѣтской власти римскаго престола и лицемъ къ лицу съ современными требованіями цивилизаціи и прогресса— сильно колеблется средневѣковое зданіе папства. Римская Церковь, поэтому, также ищетъ себѣ новой опоры—согласно съ духомъ своимъ— въ усиленной пропагандѣ какъ на Востокѣ, такъ и между протестантами.

Эти-то общія на Западѣ стремленія къ соединенію церквей не могутъ не возбуждать въ Англо-американской церкви тяготѣнія именно къ *Востоку*: того требуетъ самое положеніе Англиканской Церкви, отчужденной по коренному своему устройству, какъ отъ папства, такъ и отъ Германскаго протестантства; того же

требуетъ, какъ сказано, пробужденное съ большею противъ прежняго силою, хотя все еще смутное и неуяснившееся сознаніе многихъ Англичанъ о православіи нашей Церкви.

Для разъясненія вопроса о возможности соединенія съ нами, равно какъ и для распространенія самаго стремленія къ нему, Американская конгрегація учредила такъ называемый *„Греко-Русскій Комитетъ“* (секретарь котораго, Юнгъ, въ прошломъ году посѣтилъ Россію). Подъ вліяніемъ этого комитета изданъ въ Америкѣ рядъ статей, имѣющихъ цѣлію указать точку опоры и раскрыть путь для сближенія съ нашею Церковью. Комитетъ этотъ вошелъ также въ письменныя сношенія съ Англіею, гдѣ въ началахъ извѣстнаго пьюзеизма эти стремленія нашли благопріятную почву для дальнѣйшаго своего развитія. Въ прошедшемъ году образовалась въ Англіи такъ называемая *„Ассоціація Восточной Церкви“*, быстро достигшая уже значительнаго объема по числу ея членовъ и распространяющая нынѣ свое вліяніе частію посредствомъ митинговъ, частію при помощи отдѣльнаго, вновь основаннаго періодическаго изданія. Въ числѣ членовъ этой „ассоціаціи“ находятся разныя весьма вліятельныя лица (наприм. лордъ Глентвортъ), множество лицъ какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ по своей общественной и литературной дѣятельности; въ дѣлахъ „ассоціаціи“ принимаютъ также нѣкоторое участіе наши протоіереи въ Лондонѣ и Парижѣ, о. о. Поповъ и Васильевъ, какъ ближайшіе представители Восточной Церкви.

Такъ какъ начатое такимъ образомъ движеніе еще находится на первой ступени своего развитія и не успѣло вполнѣ опредѣлиться, то нѣтъ возможности указать

по отношенію къ частностямъ ходъ его и направленіе. Но изъ изданныхъ уже упомянутыми двумя учрежденіями (Американскимъ комитетомъ и Англійскою ассоціаціею) статей, равно какъ изъ содержанія преній въ общихъ засѣданіяхъ и митингахъ, можно усматривать слѣдующее:

1. Исходнымъ началомъ всѣхъ стремленій служитъ мысль, что какъ Восточная, такъ и англо-американская епископальная Церковь составляютъ двѣ *равныя по чистотѣ и достоинству вѣтви единой, святой, соборной и апостольской Церкви*;

2. Цѣлію же начатаго движенія должно быть то, чтобы *доводить до сознанія* всѣхъ членовъ англо-американской церкви мысль о православіи Восточной Церкви, а до сознанія Восточныхъ христіанъ — мысль о таковомъ же православіи англо-американцевъ.

3. Для достиженія этой цѣли надобно *строго разграничивать между существенными признаками православія и тѣми предметами, которые,* будучи плодомъ мѣстнаго развитія той или другой народной церкви, *не могутъ назваться общеобязательными для всѣхъ частей вселенской Церкви.*

4. На основаніи такого разграниченія устраняется всякая мысль о томъ, чтобы англо-американцамъ сдѣлаться членами Греко-русской церкви, или на оборотъ — восточнымъ христіанамъ навязывать принадлежности помѣстной англо-американской церкви. Общее единство обѣихъ церквей должно утверждаться *на основаніи древнихъ вселенскихъ началъ и условій церковнаго единства* и должно гармонически соединяться *съ свободою помѣстныхъ или частныхъ церквей* (на сколько т. е. эта *свобода* возможна при соблюденіи условій общаго *единства*).

5. Для опредѣленія условій вселенскаго единства на-

добно *обратиться къ примѣру древней Христіанской церкви*, которая была едина и нераздѣльна, не смотря на то, что она состояла изъ многихъ другъ отъ друга независимыхъ помѣстныхъ церквей, различныхъ не только по отношенію къ предметамъ обрядовымъ и каноническимъ, но и по характеру свойственнаго каждой изъ нихъ догматическаго развитія.

6. Условіемъ и выраженіемъ общаго единства въ древней, нераздѣльной Церкви Христовой служили — относительно вѣроученія—*Никео-Цареградскій символъ Вѣры*, по отношенію же къ церковной практикѣ — *законное епископство*, сохранявшее благодать священства (а чрезъ него и благодать оправданія) на основаніи непрерывнаго апостольскаго преемства. *Въ этихъ двухъ признакахъ и нынѣ заключается условіе внутренней связи съ истинною вселенскою Церковью Христовою* для каждаго помѣстнаго церковнаго общества.

7. Римская церковь *незаконно* внесла въ символъ Вѣры *прибавленіе filioque*, и тѣмъ расторгла внутреннюю связь свою съ древнею Церковью Христовою. *Незаконнымъ возвеличеніемъ папской власти* Римская церковь умалила значеніе богоучрежденнаго епископства и тѣмъ также уклонилась отъ истинной Церкви.

8. Восточная Церковь по отношенію къ *Вѣрѣ* (символу) и къ *благодати* (къ законному священству) есть истинная вѣтвь древлеправославной и апостольской Церкви.

Таковою же вѣтвію слѣдуетъ признать и англо-американскую церковь, такъ какъ она сохраняетъ *истинное епископство* (1) и *не соединяетъ съ словомъ filioque*

(1) Подъ именемъ „истиннаго епископства“ Англичане, какъ видно изъ вышесказаннаго, разумѣютъ священство, чрезъ непрерывное пре-

никакого еретическаго смысла, противнаго ученію вселенскихъ соборовъ (она понимаетъ filioque въ смыслѣ временнаго исхожденія св. Духа отъ Сына для участія въ дѣлѣ домостроительства нашего спасенія). Впрочемъ англо-американской церкви слѣдовало бы *исключить изъ символа это безотчетно принятое ею отъ Рима прибавленіе* (1).

9. Ученіе древнихъ вселенскихъ соборовъ, будучи подобно символу Вѣры выраженіемъ вселенскаго Преданія и вѣрованій всей Церкви, *имѣетъ и нынѣ для всѣхъ помѣстныхъ церквей обязательную силу*.

емство рукоположенія происходящее отъ св. Апостоловъ; только подъ условіемъ такого непрерывнаго апостольскаго преемства священство можетъ быть законнымъ а слѣдовательно и истиннымъ. Создавая теоретически это conditio sine qua non для истиннаго епископства, приверженцы современнаго движенія въ англиканской церкви (да и вообще члены высоко-церковной партіи) усиливаются доказать, что нить апостольскаго преемства въ дѣлѣ епископскаго рукоположенія не была прервана во времена англійской реформаціи. Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ строго историческимъ и мы надѣемся впослѣдствіи возвратиться къ этому предмету.

(1) Мысль объ исключеніи изъ символа прибавленія filioque далеко еще не обобщилась между членами восточно-церковнаго общества въ Англіи; она пока еще только заявлена нѣкоторыми приверженцами внѣшнихъ движеній, и притомъ съ такою оговоркою, что хорошо было бы „удовлетворить Восточную Церковь“ какимъ либо дополнительнымъ догматическимъ объясненіемъ, устраняющимъ всякое подозрѣніе въ ереси (draw up some formula of explanation which may satisfy the Eastern Church as to our orthodoxy.—The Christian Remembrancer for October 1864. London),—и тѣмъ обойти явное исключеніе спорнаго слова изъ символа. Пока еще дѣятельность англо-американцевъ по отношенію къ этому важному вопросу главнымъ образомъ ограничивается обнародованіемъ трактатовъ, имѣющихъ цѣлію—на основаніи историческаго раскрытія дѣла доводить до общаго сознанія мысль о правотѣ Восточно-православной церкви при отверженіи ею слова filioque. Мы намѣрены въ слѣдующей книжкѣ Христ. Чтенія представить на судъ читателей переводъ одного изъ такихъ трактатовъ, изданнаго въ прошломъ году въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: „Apology for the Graeco-Russian Church with reference to the Filioque“.

10. Что касается до принятыхъ въ Англіи *39-ти членовъ вѣры*, то они служили и отчасти нынѣ еще служатъ выраженіемъ частнаго или помѣстнаго церковнаго сознанія и *ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть сопоставлены съ общеобязательными и вселенскими образцами Вѣры* (¹).

11. Тоже надобно сказать и о принятыхъ Восточною церковью позднѣйшихъ догматическихъ образцахъ Вѣры (letters of formularies), такъ какъ они по своему происхожденію относятся къ періоду, послѣдовавшему за вселенскими соборами и не были общепринятымъ достояніемъ всей древней Церкви.

12. О скоромъ и успѣшномъ исходѣ начавшихся движеній по дѣлу возсоединенія съ Восточною церковью надлежитъ каждодневно возсылать къ Богу теплыя молитвы.

Упомянутая англійская ассоціація издала поэтому для общаго употребленія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу возсоединенія слѣдующій образецъ молитвы:—

(¹) We find now that our only authoritative guiding lies in the letter of formularies conscientiously evolved from the feelings and obligations of the Church three centuries ago, but not large enough, precise enough, nor perhaps Catholic enough, to furnish a sufficient remedy for the wants, the doubts and the dangers of the present time. (The occasional paper of the Eastern Church Association № 2 1865). — Въ этомъ паденіи символическаго авторитета 39-ти членовъ англ. вѣроисповѣданія или—точнѣе — въ исправленіи ихъ на началахъ истиннаго каѳоличества заключается едва ли не главное условіе для сближенія англ. церкви съ Православною. 39 членовъ англ. исповѣданія заключаютъ въ себѣ разныя крайности и односторонности кальвинскаго и общепротестантскаго ученія и Православная церковь не можетъ поэтому войти ни въ какое соглашеніе съ англиканскою церковью, пока она будетъ смотрѣть на эти «члены», какъ на норму своего вѣроученія.

О возсоединеніи для ежедневнаго употребленія членовъ ассоціаціи Восточной Церкви:

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь,

О мирѣ всего міра, благосостояніи Святыхъ Божіихъ Церквей, и соединеніи всѣхъ, Господу помолимся.

Господи, помилуй.
Христе, помилуй насъ.
Господи, помилуй.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... и т. дал.

Боже, Отче Господа нашего Іисуса Христа, единственнаго нашего Спасителя, Князь мира! даруй намъ благодать Свою, дабы мы вполнѣ приняли къ сердцу тѣ великія опасности, которыя проистекаютъ для насъ отъ злополучнаго разъединенія церквей. Отними отъ насъ всякую ненависть, всякое предубѣжденіе и вообще все, могущее препятствовать нашему единенію и согласію. Какъ едино тѣло и единъ Духъ, какъ едино упованіе званія нашего, какъ единъ Господь, едина Вѣра, едино Крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ насъ, — такъ и мы да содѣлаемся всѣ единымъ сердцемъ и единою душею, и да будемъ соединены единствомъ связующихъ насъ узъ истины и мира, вѣры и любви, да прославимъ единымъ духомъ и едиными устами Тебя въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Аминь.

Господи, Іисусе Христе, сказавшій апостоламъ Своимъ: *Миръ Мой даю вамъ, миръ Мой оставляю вамъ*, — взирай не на прегрѣшенія наши, а на вѣру Церкви Твоей, и даруй ей (Церкви) тотъ миръ и то единство, которое благоугодно волѣ Твоей, ибо Твоя есть жизнь и царство во вѣки. Аминь.

Всемогущій Боже, утвердившій Церковь Свою на

основанія Апостоловъ и Пророковъ, имѣющую Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, — даруй намъ соединиться единствомъ духа въ ученіи Твоемъ, да содѣлаемся въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ святымъ храмомъ и жилищемъ Твоимъ. Аминь.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любовь Бога и причастіе Св. Духа да будетъ со всѣми нами во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОСИНИНЪ.

НАРОДНОЕ ПОКАЯНІЕ.

БЕСѢДЫ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ПЕРВОЙ НЕДѢЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

БЕСѢДА 1.

Нынѣ время покаянія.—Но есть не одно покаяніе обще-христіанское, или частное, личное. Есть покаяніе народное, когда народъ, въ высшемъ развитіи нравственнаго самосознанія, освѣщеннаго и возвышеннаго религіею, ясно видитъ недостатки своихъ народныхъ нравовъ, глубоко чувствуетъ ихъ и откровенно, гласно выражаетъ свою исповѣдь въ нихъ. Объ этомъ нынѣ да будетъ слово Церкви къ тебѣ, русскій народъ! Твой духъ народный да воззоветъ она къ покаянію! Твою жизнь общественную, съ ея духовными потребностями, съ ея нравственнымъ характеромъ, да представитъ она на судъ высшей правды и твоей народной, христіанской совѣсти.

Или невозвратно миновали тѣ времена, когда цѣлые народы призывались къ покаянію? Или навсегда умолкло слово, изъ вдохновенныхъ душъ исторгавшее молніи и громы бури, чтобы пробуждать отъ духовнаго сна народы Палестины и Аравіи, Египта и Вавилона, Тира и Сидона? Но—то было слово пророковъ, которымъ серафимы очищали уста горящими углями изъ горнила вышняго свѣта (Иса. 6, 6. 7); то—былъ голосъ духа, въ которомъ прикосновеніе вышняго перста возраждало

силу всепоражающую, *да искоренишь и разоришь и расточишь и разрушишь, и паки да созиждешь и насадишь народы* (Iер. 1, 10). Увы! мы не имѣемъ въ себѣ такой силы, такъ какъ недостойны и прикосновенія этого перста. И нѣтъ между нами пророка, который бы возсталъ и проповѣдалъ голосомъ пророческимъ; и нѣтъ у насъ слова могучаго, которое поражало бы народъ; и замираетъ невдохновенный голосъ, какъ звукъ металла.

Но будемъ звучать, какъ металлы, если не можемъ лучше; прозвучимъ хоть какъ колокола: только бы не оставаться въ равнодушномъ безмолвіи среди вопіющихъ потребъ жизни народной; только бы насъ слышали; и звонъ колокола церковнаго можетъ не слухъ только поражать, а и въ душѣ отозваться и навести думу.

Настоящее твое, Россія, слишкомъ важно. Это, какъ сама ты понимаешь, дни твоего общественнаго возрожденія; ты переходишь отъ прежней ветшающей жизни твоей къ новой; твой ветхій человѣкъ готовъ умереть: въ тебѣ долженъ родиться новый. Такое переходное время, само по себѣ болѣзненное и тяжелое, можетъ сдѣлаться опаснымъ, какъ скоро приметъ неправильное теченіе. Если ты вѣрно не сознаешь, въ чемъ именно зло, изъ котораго ты должна возродиться, и гдѣ добро, въ которомъ должна обновиться, если не видишь болѣзни въ себѣ тамъ, гдѣ она есть, если думаешь безъ усиленнаго, духовнаго подвига внутри себя самой, дать себѣ новую жизнь: твое заблужденіе страшно! Подъ внѣшнимъ видомъ возрожденія, ты можешь удержать въ себѣ на вѣки корни зла, или ты можешь придти къ худшему, вмѣсто лучшаго; ты можешь войти въ ложную жизнь — и испытать горькія послѣдствія! Только

лонце, глубокое, полное, и безпристрастное сознаніе всего, что есть въ тебѣ болѣзненнаго, худаго, вреднаго, можетъ спасти тебя! Вотъ въ эти-то дни твоего небезопаснаго положенія мы, служители Бога, должны неусыпно, нелицепріятно предстоять тебѣ, какъ высшіе духи предстоятъ человѣку въ рѣшительные часы жизненной борьбы, съ громкимъ голосомъ истины и съ скрижалями вѣры! Голосъ истины долженъ вразумлять тебя; скрижали вѣры—руководить духъ твой. Не отвращайся отъ насъ съ недовѣріемъ и горечью: мы не враждебные духи; мы слуги Вышняго, обязанные говорить тебѣ правду, внушать добро и помогать твоему нравственному преуспѣянію.

Говорить правду народу! Мы высказали эту мысль и—не можемъ не остановиться на ней... Гдѣ образцы на это? Гдѣ руководство? Гдѣ опора?—И невольно взоры отъ настоящаго обращаются къ прошедшимъ временамъ. Въ эти времена, называемыя вѣками мрака и необразованности, какой могучій, потрясающій глаголъ правды слышится среди народа! Какой строгій, неомраченный никакою тѣнью человѣческой страсти, судъ изобличаетъ дѣла его! И этотъ глаголъ въ вашихъ устахъ, этотъ судъ на вашей каѳедрѣ, древніе пастыри русской Церкви! Вы—истинные учители народа и пророки Россіи! Вы—столь возвышенные надъ своимъ народомъ умомъ и духомъ и столь близкіе къ нему сердцемъ, что могли говорить, и говорили ему во всеуслышаніе, истину неослабную и нелицепріятную! Вы не страшились и не стыдились и не скрывали своего слова! Вы не знали нашей странной застѣнчивости, или, лучше сказать, нашего жалкаго безсилія въ духѣ! И судьи міра въ сокровеніяхъ собственной души,

стоя на дивной высотѣ жизни духовной, вы не считали чуждыми себѣ, и никто не смѣлъ отстранять отъ васъ — дѣла народа, истинно любимаго вами, и всѣ потребности отечества; и вы отзывались на нихъ голосомъ живымъ, крѣпкимъ, полнымъ христіанской мудрости, строгости и любви.—Вотъ у кого надобно намъ учиться—учить народъ; и самый народъ надо къ нимъ обращать, чтобы словомъ ихъ онъ поучался и теперь, и—лучше, чѣмъ нашимъ. Нельзя найти и дать народу лучшаго руководства къ познанію самого себя въ своемъ прошедшемъ, какъ сильное слово нашихъ древнихъ пастырей.

Въ настоящій разъ, призывая народъ къ покаянію, мы не желаемъ быть лично судьями народа: мы обращаемся къ общественному сознанію, къ народной совѣсти. Пусть это сознаніе, эта совѣсть сами, взглядомъ безпристрастнымъ, мыслію свѣтлою, чувствомъ здравымъ прослѣдятъ народную жизнь: мы будемъ только сопутствовать имъ свѣтомъ христіанской истины, возбуждать ихъ вопросами, относящимися къ разнымъ предметамъ этой жизни, вызывать, во имя высшей, христіанской правды, къ обсужденію нравственныхъ народныхъ потребностей. Такъ бываетъ въ исповѣди частной: такъ пусть будетъ и въ народной.

Въ такомъ духѣ будемъ бесѣдовать въ слѣдующіе дни. Аминь.

БЕСѢДА 2.

Итакъ послушай, народъ православный! и прежде всего—о вѣрѣ. Ты исповѣдуешь вѣру истинную, апостольскую, каѳолическую; и ты по преимуществу между

всѣми народами наслѣдовалъ это драгоцѣнное достояніе отъ древней Христовой Церкви. Подумай же и скажи: сознавалъ ли ты свою вѣру? Привелъ ли себѣ въ ясность ея ученіе? Освѣтилъ ли вполнѣ свѣтомъ ея духъ твой и жизнь твою? Утвердился ли въ ней непоколебимо, силою разумнаго убѣжденія и нравственнаго чувства? Если ты сознаешь себя народомъ православнымъ, православнѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ, если ты твердъ въ мысли о своемъ истинномъ Христіанствѣ, и не поколебался въ вѣрѣ во всѣ времена твоей исторіи, и самыя славныя и самыя темныя: то еще не спѣши успокоиваться. Надобно, чтобы съ вѣрою соединялся свѣтъ разумности, сила умственнаго развитія, чтобы никакой мракъ не облегалъ вѣру въ духѣ твоемъ; надобно, чтобы вѣра вполнѣ раскрывала въ тебѣ всю свою жизненность, свою нравственную силу и плодотворность, — чтобы не было никакого разлада между вѣрою и жизнію. Такъ ли это въ тебѣ? — Если же духъ твой, неразвитый въ самомъ себѣ, останавливается и замираетъ на буквѣ и обрядѣ вѣры; если и въ тысячу лѣтъ ты немного возросъ въ вѣрѣ, и теперь почти настолько же младенецъ въ ней, какъ былъ и тогда, когда крестился, и доселѣ немного умѣешь различать въ дѣлѣ вѣры десницу отъ шуйцы, истину отъ лжи, правовѣріе отъ суевѣрія; если не всегда готовый слушать Церковь и въ ней просвѣщенныхъ учителей истины, ты радъ слушать всякаго деревенскаго простяка или изувѣра, который вздумаетъ учить тебя по-своему, и нѣтъ лжи и нѣтъ нелѣпости, которыхъ онъ не сказалъ бы тебѣ, а ты бы не послушалъ: можно ли по совѣсти хвалиться православіемъ? Не грѣхи ли это въ вѣрѣ, противные истинному православію, которое долж-

но быть просвѣщенно, сознательно, чисто и свѣтло въ духѣ и въ жизни? И вотъ тягчайшій грѣхъ на душѣ твоей: это дикое исчадіе лжевѣрія — расколъ, расколъ со всѣми его заблужденіями, съ его грубостію и невѣжествомъ, съ его враждою противъ Церкви и государства, съ ожесточеніемъ противъ всякаго просвѣщенія и нравственнаго движенія впередъ. О! когда этотъ злокачественный наростъ спадетъ съ русской души? Когда въ этой тьмѣ речетъ Богъ: да будетъ свѣтъ?—Такъ, только свѣтъ Божій, свѣтъ истиннаго просвѣщенія и христіанскаго добра, можетъ разсѣять эту тьму лжи и зла.

Обратимся къ просвѣщенной сторонѣ. Пусть наше просвѣщеніе теперь скажется, раскроется предъ высшимъ свѣтомъ, безъ котораго нѣтъ просвѣщенія: на сколько и оно знакомо съ вѣрою? На сколько углубилось оно среди общества въ основанія вѣры, и разработало ли ихъ для себя трудомъ мысли и основательнаго изученія? До какихъ степеней возвысилось въ единеніи разума и вѣры, науки и откровенія? Постигло ли сознательно, усвоило ли себѣ нравственный духъ религіи, и сплодотворило ли его въ своей средѣ, а изъ нея провело ли и въ народъ? Словомъ сказать: проникнулось ли наше просвѣщеніе вѣрою и проникло ли вѣру, соединилось ли съ нею въ единствѣ духа, во свѣтѣ чистой, неповрежденной мысли, въ силѣ христіанскаго, дѣятельнаго совершенства? Ахъ! если бы такъ! Какъ твердо и мощно, какъ живо и животворно было бы наше православіе и просвѣщеніе! Но какой стыдъ нашему просвѣщенію, какая скорбь Церкви и не слава отечеству, если надобно будетъ признаться, что наше просвѣщеніе мало знаетъ свою вѣру; если оно еще не развилось и до

того, чтобы сознать необходимость для всѣхъ яснаго и полнаго познанія своей вѣры! Можетъ быть у насъ еще думаютъ, что полное знаніе вѣры есть своего рода ремесло, принадлежащее извѣстному цеху, т. е. духовному сословію, а для другихъ не обязательно, что впрочемъ и состоитъ оно только въ чтеніи церковныхъ книгъ и умѣньи править церковныя службы, — дѣло конечно не общее для всѣхъ; и если, вслѣдствіе такого мнѣнія, наше вѣрознаніе простирается не далѣе учебной программы закона Божія, а поприще его — только дѣтство, а предѣлъ его — школа, если для нашихъ просвѣщенныхъ умовъ размышленіе и всякое разсужденіе о вѣрѣ есть своего рода пытка, въ которой невольно высказывается вся скудость и слабость, даже странность и жалкость личныхъ свѣдѣній и понятій свѣтскихъ людей о предметахъ вѣры и Церкви: какъ назвать такое состояніе вѣры?—Ясно ли знаетъ наше просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ, то, чѣмъ отличается наше православіе отъ иновѣрія? Имѣетъ ли другое, высшее понятіе о Церкви, кромѣ храма и духовенства? Знаетъ ли довольно слово Божіе, хоть на столько, чтобы имѣть понятіе о его содержаніи, чтобы кстати припомнить, обмыслить, обсудить его изреченія? А нѣтъ ли еще несчастной мысли —считать занятіе вѣрою дѣломъ не-практическимъ въ жизни? Не приводитъ ли самодѣльный прогрессъ и къ тому, чтобы все вѣроученіе, еще однакожь не дознанное, отнести къ отвергаемымъ современностію *высшимъ взглядамъ*, не имѣющимъ (будто бы) приложенія къ дѣйствительности? Или наконецъ вѣра должна оканчиваться тамъ, гдѣ начинается просвѣщеніе, и какъ скоро развивается просвѣщеніе, то уже неизбѣжно стѣсняется вѣра?

Что за странная мысль! Тутъ одно изъ двухъ: или ложное понятіе о вѣрѣ, или ложное понятіе о просвѣщеніи. Да, то ложно просвѣщеніе, которое считаетъ вѣру враждебною себѣ и въ томъ полагаетъ свое достоинство и свою силу, чтобы освободить себя отъ ея вліянія; и то ложно толкованіе вѣры, которое отрицаетъ въ ней всякое развитіе разумности и разъединяетъ ее съ свѣтомъ здравыхъ идей и положительныхъ наукъ. Нѣтъ! *не дѣти будьте умомъ*, говоритъ само слово Божіе, и именно въ отношеніи къ вѣроученію: *будьте умомъ совершенны; только на зло будьте младенцами* (1 Кор. 14, 20).

Не распространимъ нашей бесѣды еще разсужденіемъ о народномъ благочестіи, то есть объ исполненіи дѣятельныхъ правилъ христіанскаго богопочтенія. Какова вѣра, таково и благочестіе: и что надобно сказать о первой, то можно сказать и о послѣднемъ. Но въ наше, настоящее время болѣе, чѣмъ когда нибудь, нужно все вниманіе къ вѣрѣ, нужно вполнѣ ясное и глубокое сознаніе ея, совершенная твердость въ духѣ и силѣ ея. Нынѣ, когда поднимаются рѣзкіе вопросы, направленные къ самымъ основамъ жизни народной, когда умы приходятъ въ усильное напряженіе, и развиваютъ совершенно новыя идеи и стремленія въ обществѣ нашемъ, когда возникаютъ мысли о коренныхъ преобразованіяхъ въ Россіи, въ идеѣ ея возрожденія: всѣ мы должны крѣпко стоять на точкѣ вѣры, и эта точка должна быть такъ возвышенна и тверда, чтобы не потрясали ея никакія волны своевольныхъ мнѣній и своенравныхъ страстей. Сохранится вѣра: народъ мирно возродится во свѣтѣ истины и въ силѣ всякаго добра. Безъ вѣры — онъ потеряетъ нить жизни; блуждащіе огни

мнимаго движенія впередъ заведутъ его въ топи всякаго зла, и онъ не просвѣтится, а впадетъ въ мракъ неисходный. Аминь.

БЕСѢДА 3.

О какъ тяжекъ долгъ служителей Бога! Когда, вѣрные своему долгу, мы хотимъ проповѣдать народу одну чистую, строгую правду: зачѣмъ эта правда дѣлается въ устахъ нашихъ такимъ жестокимъ оружіемъ? Зачѣмъ, обнажая предъ нами гніющія раны человѣчества, она заставляетъ насъ углубляться во всю глубину этихъ ранъ и раскрывать ихъ и выныруживать все ихъ гніеніе? Зачѣмъ она переноситъ эти раны въ нашу собственную душу и побуждаетъ насъ самихъ прочувствовать и перестрадать ихъ, чтобы тѣмъ сильнѣе высказать боль ихъ? Зачѣмъ слово наше дѣлается только словомъ нещаднаго обличенія, жестокаго укора и неумолимаго суда? Зачѣмъ наконецъ, кромѣ борьбы собственныхъ мыслей и чувствъ, волнуемыхъ этимъ страшнымъ призваніемъ, мы должны еще идти на борьбу съ болѣзненнымъ раздраженіемъ человѣчества, котораго ранъ, и можетъ быть неловко, насаемся? Но все это не вольно для насъ: такова правда, таковы язвы, таково человѣчество, словомъ—таковъ неизмѣнный долгъ нашъ. Это огонь, который, когда возжигается, пожираетъ нашу собственную душу, прежде, чѣмъ вылетитъ изъ устъ нашихъ въ жгучемъ словѣ и падетъ на сердца слушающихъ. И съ какою грустію въ душѣ несетъ служитель Бога слово судное къ народу, и сколько разъ, съ замираніемъ сердца, въ раздумьи, онъ готовъ

остановиться и, едва открывая уста, хотѣлъ бы закрыть ихъ! Но внутренній огонь воспламеняетъ духъ; вышній голосъ взываетъ: „иди и говори"! (Іер. 1, 17. 2, 1)— и мы должны забывать о себѣ, идти и говорить...

Продолжимъ нашу покаянную бесѣду. Послѣ вѣры, первое и важнѣйшее дѣло въ нравственной жизни народа—воспитаніе. Воспитаніе возбуждаетъ нынѣ много вопросовъ. Но вопросы прежде всего слѣдуетъ обратить ко внутренней, нравственной сторонѣ воспитанія и посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ важныхъ ошибокъ и грѣховъ. Что мы разумѣемъ здѣсь? Когда усиливаются воспитывать дѣтей свыше своего состоянія и способовъ жизни, когда стараются наряжать ихъ, какъ куклы, чтобы они походили на живыя картины модъ, съ малолѣтства располагая ихъ такимъ образомъ къ суетности и роскоши; когда окружаютъ ихъ иноземцами и спѣшатъ учить чуждымъ языкамъ прежде и больше, чѣмъ родному, какъ-бы опасаясь, чтобы они не заразились отечественнымъ духомъ и въ самомъ дѣлѣ не полюбили отечества; когда сдаютъ ихъ на руки въ полное распоряженіе приставникамъ, по тѣмъ уважительнымъ причинамъ, что отцамъ, какъ людямъ дѣловымъ, нѣтъ времени заниматься дѣтьми, а матерямъ, какъ существамъ нѣжнымъ и созданнымъ для удовольствій, тягостно это дѣло; когда не медлятъ обучать ихъ страстнымъ искуствамъ, прежде природы развивая въ нихъ чувственныя склонности, и даже посвящаютъ въ театральное искуство, пріучая заранѣе къ лицедѣйству и легкомысленному возбужденію страстей; когда не столько внутреннее, нравственное чувство развиваютъ въ нихъ, сколько понятія объ условныхъ приличіяхъ и образѣ внѣшняго поведенія въ свѣтскомъ обществѣ; когда отъ ихъ понятій и

чувствъ, отъ окружающей ихъ среды, даже отъ самой науки отдаляютъ намѣренно все серьезное, важное, глубокое, стараясь всему, ихъ окружающему, придавать только легкость и пріятность впечатлѣній, и такимъ образомъ не даютъ твердости разсудку и сердцу ихъ; когда ни отцы и матери, ни воспитатели, никто съ ними не искренны, всѣ ихъ обольщаютъ, скрывая отъ нихъ правду сердца и жизни, и стараясь только забавлять ихъ; когда и на религію смотрятъ, какъ одинъ изъ книжныхъ уроковъ, необходимыхъ по обычаю или для экзамена, а чувству религіозному въ дѣтяхъ не даютъ ни простора, ни пищи, опасаясь мрачнаго настроенія въ нихъ мыслей, или ханжества, а главное — отсталости отъ вѣка и общества, да и самую нравственность преподаютъ имъ по баснямъ и сказкамъ съ картинками: какія жалкія, гибельныя заблужденія! Чего ожидать отъ такого воспитанія? Какихъ людей готовитъ оно? Можетъ быть — современныхъ: да такихъ ли, какіе нужны? Такіе ли люди нужны обществу, народу, государству, Церкви, человѣчеству? Современность сама оцѣниваетъ такихъ людей по воспитанію, когда называетъ ихъ — *порядочными!* — Только?! А мы скажемъ: нѣтъ! Плохо то воспитаніе, которое обращается въ игру и самихъ дѣтей обращаетъ въ игрушки! Плоха та нравственность, которая основывается на басняхъ съ картинками! Плохи тѣ люди, которые воспитаніемъ приготовляются къ жизни, какъ миру или театру, а не какъ труду, добродѣтели, борьбѣ и — смерти! Сердцамъ отцовъ и матерей предоставляется по опытамъ частной жизни чувствовать плоды такого воспитанія, а и въ жизни народной не могутъ не обнаруживаться его послѣдствія. Слабость семейныхъ союзовъ, разъединеніе сословій, недостатокъ твердыхъ убѣжде-

ній и серьезнаго взгляда на жизнь, не уваженіе къ законамъ, недостатокъ любви къ отечеству, равнодушіе къ должностямъ и потребностямъ общественнымъ, нечестность пріобрѣтеній, разсѣянность и порча нравовъ публичный развратъ и т. д., вотъ послѣдствія легкаго воспитанія! Безопасна ли отъ нихъ наша жизнь семейная и общественная? Подумайте; подумайте, что такими причинами, и болѣе, чѣмъ другими, всегда приготовлялось въ исторіи разстройство и паденіе обществъ и народовъ.—Аминь.

БЕСѢДА 4.

Переходимъ къ общественному [illegible] воспитанію и вмѣстѣ къ нашему молодому поко[illegible]нію, которое еще воспитывается. Чего требуе[illegible]ъ Христіанство въ общественномъ воспитаніи? Того же [illegible]е, чего требуетъ оно вообще для всякаго человѣка и для [illegible] всего человѣчества: развитія духа, а не плоти, любв[illegible], а не равнодушія къ ближнимъ, истины, а не своен[illegible]и, [illegible] всѣ, въ [illegible]олія ума и сердца. Что же? Сознали ли мы воспита[illegible] этомъ отношеніи потребности общественнаго [illegible]нія? Умомъ и сердцемъ, знаніемъ и трудомъ про[illegible]ъ ли въ него жизнь, теплоту, свѣтъ, силу, чтобы оно [illegible]е было формою безъ содержанія, машиною безъ душие [illegible]и, школою безъ жизни, чтобы оно было не наем[illegible]о работою для однихъ, книжнымъ урокомъ для дру[illegible]хъ, и вообще было не для меня и не для тебя, а ис[illegible]нно для общества, для народа, для Россіи? чтобы оно было дѣломъ живымъ и животворнымъ, чистымъ родникомъ, изъ котораго ключемъ била бы, обильными потоками текла бы свѣжая, умственно и нравственно возраждающаяся жизнь отечества? А само юношество лю-

бить ли свое воспитаніе? Образованіе, какое дается ему, находить ли путь и доступъ къ его сердцу? Есть величайшая въ воспитаніи наука,—медицина, не та медицина, которая изучаетъ человѣка тогда, когда онъ уже перестаетъ быть человѣкомъ, а дѣлается трупомъ; въ живомъ же человѣкѣ разбираетъ все, кромѣ одного, того, что дѣлаетъ его живымъ; есть медицина человѣческаго духа, которая глубоко изучаетъ его может понимать его; она умѣетъ узнавать его состоянія, вліять на его стремленія, врачевать его слабости и болѣзни. Хорошо ли знакома и достаточно ли развита у насъ эта наука? Пусть же она управляетъ, надзираетъ, судитъ, хозяйствуетъ и лѣчитъ во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; пусть постоянно, внимательно прислушивается къ біенію сердца въ молодомъ нашемъ поколѣніи и слѣдитъ: правильно ли, спокойно ли движется его внутренняя жизнь; не приливаетъ ли слишкомъ кровь молодая къ головѣ и сердцу и не помрачаетъ ли разсудка духомъ сомнѣнія и отрицанія, столь опаснымъ въ молодыхъ умахъ; не волнуетъ ли души слишкомъ кипучими чувствами самолюбія и слишкомъ бойкими порывами молодой воли къ вольности; нѣтъ ли зародыша юнобѣсія, или болѣзненныхъ увлеченій въ какихъ-то мечтательныхъ, не осуществимыхъ идеяхъ? Не разливается ли желчь сокрытаго въ душѣ недовольства дѣйствительностію, того самонадѣяннаго, на все посягающаго суда, который все не такъ, не по немъ находитъ и желалъ бы все преобразовать и передѣлать, какъ будто эти двадцатилѣтціе юноши уже все испытали, узнали, разсудили, рѣшили! О Россія! береги ты свое молодое поколѣніе: въ немъ сѣмя всего будущаго твоего! Спѣши создать и исправить недостатки его об-

разованія, прежде, нежели оно само, со всѣмъ увлеченіемъ юной фантазіи и молодой воли, прорветъ свои пелены и станетъ прилагать эти недостатки къ жизни, или само себя перевоспитывать!

Что сказать и вообще о нашемъ просвѣщеніи? „Живите, говоритъ слово Божіе, обдуманно, не какъ неразумные, но какъ мудрые, умѣя пользоваться временемъ; не будьте несмысленны... Встань спящій, воскресни изъ мертвыхъ и освѣтитъ тебя Христосъ" (Еф. 5, 8—14). Первый свѣтъ просвѣщенія есть — жизнь и сила мысли, мысли свѣтлой, разумной, нравственной, дѣятельной. Если въ человѣкѣ, въ обществѣ, въ народѣ бодрствуетъ такая мысль и свѣтитъ, какъ звѣзда путеводная въ жизни его: значитъ, они просвѣщенны; мертва мысль: тогда безжизненно и просвѣщеніе, хотя бы были и школы и книги и ученые. Итакъ вотъ чего искать надо подъ именемъ просвѣщенія! Насколько же оживлена мысль въ нашемъ народѣ? Есть ли еще охота мыслить? Нѣтъ ли еще равнодушія къ развитію мысли? Часто ли можно встрѣчать мыслящій умъ, даже въ образованныхъ по виду кругахъ, умъ мыслящій, а не дремлющій, ни надъ чѣмъ не ломая головы, не наобумъ и наудачу бродящій по пути жизни, особенно же въ предметахъ, повыше житейскихъ, въ вопросахъ, повыше обыденныхъ! А если стоитъ только поднять вопросъ о предметѣ болѣе или менѣе возвышенномъ, отвлеченномъ, требующемъ не одного практическаго разсудка, а и созерцательнаго ума: и мысль наша останавливается, смѣшивается, тупѣетъ, теряется, падаетъ, и словомъ — не знаетъ, что съ собою дѣлать и куда дѣваться; если и въ кругѣ самой житейской дѣятельности, чаще и сплошь — рутина, привычка, механизмъ, жизнь со дня

на день, слѣдованіе одного за другимъ по торной дорогѣ, безъ мысли, почему живется такъ, а не иначе, и нельзя ли жить лучше: въ такомъ случаѣ много ли можно сказать о нашемъ просвѣщеніи? Если и самая наука—пока дѣло школы, а не жизни народной, обязательство знанія и службы, а не потребность дѣятельная, только ступень отъ невѣжества къ просвѣщенію, а не самое просвѣщеніе, знамя личной чести, а не общечеловѣческаго развитія, наконецъ средство къ полученію служебныхъ отличій, общественныхъ должностей, житейскихъ потребъ: можетъ ли быть плодотворна и наука? Но, какъ бы ни малосильна была наука, какъ надобно беречь ее, чтобы не приражался къ ней никакой духъ лжи, чтобы не обольщалъ ее идеею всевѣдѣнія и независимости отъ вышняго Ума, чтобы въ святилище истины и знанія не вносимъ былъ ошибкою или невѣжествомъ, коварствомъ или дерзостію, чуждый огонь вольномыслія, этотъ огонь всеразрушительный! Вотъ и литература наша, едва оперившаяся и расправившая крылья, не залетаетъ ли иногда слишкомъ далеко? Не грѣшитъ ли противъ высшихъ взглядовъ на важнѣйшіе предметы знанія, противъ основныхъ законовъ міроправленія, противъ самого человѣка, въ его существѣ и въ жизни? И все это: состояніе просвѣщенія, направленіе науки, литература, имѣетъ нравственное значеніе; потому, что сопровождается положительными послѣдствіями въ нравственной и общественной жизни народа.

А вотъ какъ само слово Божіе обозначаетъ нравственную и общественную сторону истиннаго просвѣщенія. „Поступайте, говоритъ оно, какъ чада свѣта, и не участвуйте въ дѣлахъ тьмы; а болѣе еще обличайте

живайте ихъ. Ибо то, что тайно дѣлаютъ люди упорные (во злѣ), срамно и говорить; но все, что выводится наружу, дѣлается яснымъ отъ свѣта; ибо свѣтъ все открываетъ. Плодъ же духа (свѣтящаго въ насъ подлиннымъ свѣтомъ) есть всякое добро, правда, истина" (Еф. 5, 8—13). Такъ ли это у насъ, въ нашемъ просвѣщеніи?... Да будетъ такъ! Аминь.

БЕСѢДА 5.

Что скажетъ наше христіанское сознаніе и чувство о нашей жизни общественной? Сильно ли у насъ развито общественное единеніе въ массахъ народа, и не идутъ ли они врозь, безъ единодушія, безъ сочувствія, безъ взаимной поддержки? Есть ли вѣрное, твердое, а не обманчивое, шаткое, общественное мнѣніе, тотъ голосъ народный, въ которомъ слышался бы и гласъ Божій? Есть ли истина, искренность, и нѣтъ ли лжи и лицемѣрія, есть ли чистое сознаніе, а не тщеславное самовосхваленіе — во всѣхъ дѣлахъ, касающихся жизни народной? Есть ли дружныя стремленія къ нравственному, общественному преспѣянію, соединенная дѣятельность общенароднаго самоусовершенія? Вѣдь все это требуется христіанствомъ, которое есть свѣтъ, истина, любовь, единодушіе, дѣятельность, непрестанное совершенствованіе души и жизни. И теперь, когда мы повидимому пробудились: полное ли, вѣрное ли, здоровое ли это пробужденіе? Или — не мечтаемъ ли мы больше, не суетимся ли и не шумимъ ли больше, чѣмъ дѣлаемъ дѣло и въ правду хотимъ дѣлать его? Или, какъ недавно еще и мы сонливо проснувшіеся, еще не вполнѣ и не ясно со-

знаешь, что думаешь, чего хочешь и что затѣваешь? Худо, если еще не успѣвъ сдѣлать ничего, мы уже думаемъ, что сдѣлали много и готовы на весь міръ славиться своимъ преспѣяніемъ: признакъ умственной неразвитости! Еще хуже, если гонясь за величайшими идеями современнаго движенія впередъ, мы не видимъ еще или забываемъ удовлетворить — коренныя, насущныя потребности народныя и общественныя, подобно тому, какъ если бы иной хозяинъ дома вздумалъ расписывать золотомъ потолки, когда у него проваливаются полы. А еще хуже, если начиная и что нибудь доброе, мы спѣшимъ уже обратить это во зло. Вотъ напримѣръ — гласность: дѣло прекрасное! А не успѣла ли уже эта юная гласность внести нѣсколько лишняго сора въ литературу и въ общество? Или вотъ — оживленіе печатнаго слова, въ связи съ усиленіемъ разныхъ голосовъ въ обществѣ: не возбуждаетъ ли оно много личныхъ страстей, не обращается ли въ оружіе личностей, не спѣшитъ ли высказывать мысли слишкомъ затѣйливыя и не очень обдуманныя? Всегда ли наблюдается даже умѣренность и приличіе въ сужденіяхъ, въ тонѣ рѣчи, въ словахъ? Признакъ нравственной и гражданственной неразвитости. Или мысль объ усовершенствованіи отечества: не много ли она иногда увлекается мечтами — напримѣръ о свободѣ, въ воспитаніи, въ наукѣ, въ развитіи народа, и такъ далѣе, и не слишкомъ ли пафится, какъ идеалами, иноземными установленіями народными?.. А на все это есть уроки въ христіанствѣ, или точнѣе въ словѣ Божіемъ, которое въ гласности требуетъ чистаго свѣта истины, правды, общей христіанской пользы (Еф. 5, 8—17); въ словѣ общественномъ не дозволяетъ пустыхъ прѣній и всякой вин-

лости, а требуетъ разума, благодати и соли, т. е. здраваго сужденія, теплаго чувства, благотворныхъ идей (Еф. 4, 29. Кол. 4, 6); въ свободѣ—прежде всего освобожденія отъ нравственнаго зла и ничѣмъ не стѣсненнаго стремленія къ добру (Іоан. 8, 31—36. Гал. 5, 13); въ народномъ развитіи требуетъ, какъ основанія, общечеловѣческаго и христіанскаго развитія, для сознанія и исполненія вышняго призванія народовъ въ мірѣ, состоящаго въ томъ, чтобы каждый народъ, по мѣрѣ данныхъ ему силъ и способовъ, и всѣ народы вмѣстѣ устрояли въ себѣ царство Христово, которое есть царство высшей, Божеской правды, благодатнаго мира и нравственнаго благосостоянія, въ чистѣйшихъ наслажденіяхъ истины и добра, чтобы наконецъ въ этомъ духѣ всѣ народы составили—и между собою совершеннѣйшій союзъ человѣчества и—единое стадо единаго пастыря—Христа (Кол. 3, 11. Рим. 14, 17). Этой послѣдней цѣли должно служить всякое развитіе народовъ, умственное, гражданское, политическое: и въ этомъ ихъ высшее, всемірное благо. Такова мысль Божія о народахъ, раскрываемая намъ въ божественномъ откровеніи.

А каково все наше разнородное, на разныхъ поприщахъ, служеніе обществу и отечеству? Сколько тутъ истинной преданности имъ, взаимной любви между высшими и низшими, безкорыстія, нелживой чести, неподкупной совѣсти, нехвастливой вѣрности закону и долгу, неголословной ревности, нелѣнивой дѣятельности, нелицемѣрной готовности, даже до самоотверженія, на все доброе и полезное для отечества? Уменьшаются ли злоупотребленія? Истребляется ли неправда, самоуправство, жестокосердіе власти? Воздается ли должное способностямъ, трудолюбію, заслугѣ, доброй волѣ, и вмѣсто

того—не дается ли слишкомъ много вѣсу личнымъ соотношеніямъ? Мы не судимъ и не обвиняемъ никого: мы только предлагаемъ исповѣдные вопросы, предоставляя отвѣчать на нихъ совѣсти общенародной и личной.

Наконецъ общенародная нравственность: есть ли въ высшихъ слояхъ общества, въ высшей степени, какъ тамъ слѣдуетъ быть, все прекрасное и высокое: истинное благородство, любовь къ человѣчеству, сознаніе въ себѣ и уваженіе въ другихъ человѣческаго и христіанскаго достоинства, чистота нравовъ семейныхъ и общественныхъ, воздержность въ страстяхъ, праводушіе, мягкосердіе, вниманіе и сочувствіе вопіющему голосу нуждъ и страданій ближняго? Есть ли искренняя, не своекорыстная, не спорливая, не притязательная готовность признать права и голосъ низшихъ и не своему только кругу приписывать всѣ заслуги и добродѣтели? Оправдываетъ ли высшее общество свое высокое призваніе — проливать изъ среды своей въ массу народа свѣтъ и все доброе и прекрасное, умственное и нравственное, и своимъ вліяніемъ, примѣромъ, дѣятельностію вести ее по пути христіански—гражданскаго развитія?—И въ низшихъ слояхъ есть ли преспѣяніе нравственное: смягчается ли грубость сердца, просвѣщается ли невѣжество, начинается ли движеніе къ улучшенію быта, уменьшается ли лѣность, разгулъ, сила животныхъ страстей; развивается ли самосознаніе, понятіе о долгѣ, заботливость о добропорядочной жизни, честность, вѣрность въ словѣ и дѣлѣ, трезвость, скромность нравовъ и благочиніе? Съ этой стороны нельзя не видѣть и не признать, какъ еще много тяжкихъ для взора и сердца видовъ представляетъ наша народная жизнь. Хотя лѣстницу сверху метутъ, но надобно, что-

бы и нижнія ступени были чисты, какъ верхнія: иначе весь соръ будетъ скучиваться внизу, а снизу пойдетъ опять на всю лѣстницу. Никакое преспѣяніе отечества не будетъ твердо и совершенно, если будетъ ограничивать ея только верхними слоями общества: надобно, чтобы свѣтъ истины и чувство нравственное разливались и въ низшихъ рядахъ. Это задача слишкомъ важная и конечно трудная: но есть въ народной массѣ сѣмя, къ которому можетъ привиться все доброе; надобно только сберечь и умѣть воспитать его. Это—вѣра народа! Пусть поймутъ это и запомнятъ народные воспитатели и просвѣтители. А народъ—да принесетъ искреннее, чистосердечное покаяніе во всѣхъ своихъ народныхъ слабостяхъ и грѣхахъ! Да дастъ Богу обѣтъ—возродиться дѣятельно, нравственно! Только—когда же это будетъ у насъ не на словахъ, а на дѣлѣ? Не пора ли наконецъ?.. Аминь.

БЕСѢДА 6.

Мы уже хотѣли закончить наши великопостныя бесѣды: и конечно уже довольно указали предметовъ жизни народной, требующихъ покаяннаго размышленія. Но мы предвидимъ мысль и слово, которыя, послѣ всего, что мы сказали, могутъ быть высказаны и намъ отъ слушателей. Признаемся, что и у насъ есть еще на душѣ слово, которое просится наружу, чтобы намъ не остаться въ долгу у слушателей. „Врачи"!... возразятъ на всѣ наши бесѣды слушатели: но мы не дадимъ договорить, а поспѣшимъ сами досказать отъ всего сердца: да, врачи, мы должны исцѣлиться сами! О,

какую строгую исповѣдь должны мы принести Богу предъ народомъ, спасенію котораго служить мы поставлены! Вѣрно ли, твердо ли мы стоимъ на стражѣ народнаго спасенія? Чисто ли, обильно ли проводимъ въ народъ свѣтъ духовный, духъ истины и добра христіанскаго? Что мы дѣлаемъ, дѣлаемъ ли все, что нужно, когда видимъ вопіющія нравственныя потребности народа, которымъ мы должны помогать и словомъ и дѣломъ? Бодрствуемъ ли, не спимъ ли, тогда какъ на духовномъ полѣ народной жизни врагъ сѣетъ плевелы лжемыслія, лжевѣрія, порчи нравовъ, когда на глазахъ нашихъ эти плевелы растутъ и могутъ возрасти наконецъ до того, что готовы будутъ подавить все, что есть лучшаго въ народѣ? Крѣпко ли, смѣло ли мы противостоимъ враждебному духу міра, который хитростію и силою вторгается внутрь самой Церкви и стремится попрать ея собственную духовную силу? О горе намъ, если бы слабодушіе, страхъ и человѣкоугодливость поселились съ нами въ Церкви, въ нашемъ служеніи, въ нашемъ словѣ; если тогда, какъ наше слово должно громомъ гремѣть надъ людьми, мы едва открываемъ уста свои, чтобы робкимъ голосомъ сказать общія мысли, никакой силы не имѣющія, и слова, никого не касающіяся и ничего не выражающія; если мы боимся сказать слово правды не только предъ какою нибудь силою земли, но и предъ всякою не-силою, потому, что сознавая свою внѣшнюю зависимость, мы поставили себя и въ нравственную отъ міра зависимость, а забыли свое вышнее призваніе, свой долгъ предъ Богомъ и свои отношенія къ душамъ человѣческимъ; или потому только, что стѣсняемся своимъ не высокимъ происхожденіемъ, или еще хуже—дорожимъ честію и сча-

стіемъ міра сего; если первые и высшіе другихъ по сану и званію, мы на самомъ дѣлѣ станемъ въ обществѣ послѣдними и низшими всѣхъ, и тогда, какъ наше присутствіе и нашъ голосъ, во имя Бога и истины Его, должны быть везде; отъ высшихъ мѣстъ общества до послѣднихъ ступеней его, мы останемся въ отчужденіи отъ него, по нашему равнодушію, по его невниманію или неуваженію къ намъ, происходящему отъ нашихъ же дѣйствительныхъ недостатковъ. Еще болѣе тяжкое, страшное, невыразимое горе намъ, если наши нравственныя свойства и дѣла не соотвѣтствуютъ нашему сану и не оправдываютъ въ насъ призванія, если наша жизнь дѣлается предметомъ нареканій въ мірѣ. Это вдвойнѣ горе намъ: и за себя и за религію; это—торжество міру вольномыслящему: онъ этимъ пользуется, чтобы окончательно освободить себя отъ нашего духовнаго вліянія, и тѣмъ свободнѣе и независимѣе поставить себя въ отношеніи къ самой вѣрѣ и Церкви.

Но Богъ, и только Богъ, спасаетъ свою Церковь: а въ ней и наше спасеніе.—И да спасетъ Господь насъ и весь народъ русскій. Аминь.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОЗЗВАНІЕ

Трипольскаго (*) митрополита Софронія съ его паствою къ сынамъ единовѣрной православной Россіи.

По всемилостивѣйшему соизволенію Его Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора, братской любви и благословенію Святѣйшаго, Правительствующаго Всероссійскаго Синода, мы получили давно желанное разрѣшеніе послать въ Россію одного изъ сослужителей нашей вѣры, для сбора доброхотныхъ пожертвованій. Съ этою цѣлію и общаго согласія, мы отправили протоіерея нашего каѳедральнаго собора, Іакова Сури. Надѣемся, что и всѣ Русскіе, вслѣдъ за своимъ Монархомъ и богоизбранными отцами Синода, отвѣтятъ не холодностію на наши мольбы и просьбы, а братскимъ соучастіемъ въ нашихъ нуждахъ.

Подлинно, только настоятельныя нужды нашего города могли вызвать насъ на подобную рѣшимость; желаніе спасти жизнь во время пронесшейся надъ Востокомъ кровавой грозы Турокъ и Друзовъ стоило намъ нашихъ имуществъ и собственности: мы вынуждены были пожертвовать всѣми нашими имѣніями, чтобы этимъ средствомъ сохранить подвергшіяся раззоренію, но не павшія убѣжища въ нашемъ городѣ. Мы остаемся совершенно безъ средствъ и не можемъ продолжать постройки заложеннаго у насъ храма. Кому неизвѣстно, какъ глубоко страдаетъ бѣднякъ, когда у него нѣтъ куска хлѣба, чтобы утолить мучительный голодъ? Кто опять

(*) Городъ Триполи лежитъ при Средиземномъ морѣ, между Лаодикіею и Бейрутомъ.

не согласится, что не менѣе, если еще не болѣе, страдаютъ народъ и городъ, когда они лишены средствъ питаться отъ Трапезы божественныхъ истинъ? Тотъ и другой голодъ равно вынуждаетъ страждущихъ взывать и вопіять о помощи къ тѣмъ, на которыхъ есть хоть малая надежда.

Вамъ однимъ, сыны православной и богохранимой Россіи, съ нашимъ просительнымъ гласомъ, однимъ вамъ, какъ способнымъ понимать, повѣдаемъ наши религіозныя нужды и духовныя скорби; у однихъ васъ, именемъ Іисуса Христа, Подвигоположника общей Вѣры нашей, просимъ помощи нашему убожеству и нищетѣ. А онѣ велики и ужасны! Отвратить ихъ заставляютъ насъ наше нравственное спокойствіе, наша духовная цѣлость. Пропаганда иновѣрія, съ каждымъ днемъ, глубже и глубже пускаютъ свои корни въ православномъ городѣ и народѣ нашемъ; ученые и искусные въ словѣ проповѣдники ея, какъ нѣкогда морскія сирены, ласкаютъ слухъ простодушныхъ и увлекаютъ сердца неопытныхъ, — какъ волки, пустошатъ и сокращаютъ число нашего православнаго общества. Больно и тяжело становится предстоятелю Церкви, пастырю душъ христіанскихъ, когда онъ смотритъ на то, какъ члены его паствы, прежде изъ одной чаши завѣта вкушавшіе тѣла и крови Христовой,—теперь, удаляясь общенія съ нимъ, идутъ въ иное стадо, къ инымъ пастырямъ. Не менѣе, разумѣется, грустно и горько и роднымъ, отцу съ матерью, переносить такіе случаи, когда ихъ дѣти, какъ бы забывъ естественный съ ними союзъ плоти и крови, отрекаются отъ тѣхъ внушеній св. Вѣры, въ которыхъ съ дѣтства воспитали ихъ родители, и которымъ сами они обязались быть вѣрными до гроба и смерти. Юное сердце дитяти, мягкое какъ воскъ, скорѣе и легче пропитывается заразою иновѣрія и иномыслія: понятно, какъ велики должны быть эти потери для нашего православнаго общества. Описывать и оплакивать ихъ можно только словами видѣннаго пророкомъ свитка, *въ немже вписано бяше рыданіе, и жалость, и горе* (Іезек. 11, 10). Врожденное человѣку чувство любознательности и развитія, пробивающееся у дѣтей, особенно помогаетъ здѣсь инославной пропагандѣ: иновѣрныя школы и училища, разбросанныя по всему Востоку—вотъ главная сила успѣшнаго разлива у насъ иновѣрія, которое силится въ конецъ затопить наше Православіе,

При всемъ желаніи борьбы, у насъ нѣтъ силъ противостоять этому: мы богаты только простотою вѣры. Но сберегать и воспитывать и это достояніе, до мѣры исполненія Христова, — для насъ дѣло трудное и почти невозможное. Одинъ мѣстный каѳедральный храмъ нашъ, который за неимѣніемъ училищъ, долженъ служить единственною школою вѣры и благочестія для всѣхъ — малыхъ и возрастныхъ, такъ малъ въ своемъ объемѣ и тѣсенъ, что биткомъ наполнить его можно нѣсколькими десятками человѣкъ. А у насъ не сотни, а тысячи вѣрующихъ. Значитъ, большая часть нашей паствы, вслѣдствіе этого, или вовсе должна оставаться дома въ самые великіе и приснопамятные дни христіанскихъ празднествъ, или идти въ церковь за тѣмъ, чтобы въ нестройной массѣ толпиться около храма, стараясь услышать иногда и понять вылетающіе изъ него звуки. Нечего и говорить, съ какими явленіями соединяется искреннее желаніе пришедшихъ помолиться, сложить свои мірскія скорби у подножія Христова престола и быть участниками общественнаго богослуженія....

Снѣдаясь безутѣшною скорбію о такомъ жалкомъ состояніи нашего города по отношенію къ главному въ жизни—къ Вѣрѣ, мы прибѣгаемъ къ испытанному великодушію и помощи Русскихъ, братій намъ по вѣрѣ, какъ послѣдней нашей надеждѣ. Вѣримъ и надѣемся, что они войдутъ въ наше поистинѣ горькое положеніе, вполнѣ раздѣлятъ съ нами его тяготу. И скудныя лепты подаяній послужатъ къ великому духовному обогащенію страны и города, освященныхъ нѣкогда божественными стопами Самого Основателя и Совершителя нашей Вѣры (*). Если не мы—люди немощи—нашими молитвами, то Онъ Своею благодатію воздастъ дань благодаренія, какъ Самъ сказалъ: *понеже сотвористе единому братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). Имена жертвователей будутъ написаны на стѣнахъ храма и училищъ, на сооруженіе и устройство которыхъ мы обратимъ собранныя подаянія. Громче и внятнѣе, чѣмъ похвалы нашихъ устъ, они будутъ говорить нашему отдаленному потомству о безмѣрной щедрости и состраданіи русскаго народа къ чужимъ,

(*) Мѣстное народное преданіе считаетъ Триполи въ числѣ десяти городовъ, которыми проходилъ нашъ Божественный Спаситель, сѣя слово истины и Евангелія.

по крови и плоти, но роднымъ по духу и существу Вѣры, жителямъ Триполи. Предполагаемый и уже заложенный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и предполагаемыя школы дадутъ русскимъ жертвователямъ полное право называться полными сопричастниками нашего духовнаго обновленія и силы, а намъ и нашимъ потомкамъ будутъ внушать чувства сердечной благодарности и живой памяти ихъ. Узы единой Вѣры скрѣпятся видимыми узами взаимной признательности и благожеланія.

Протоіерей Трипольскаго каѳедральнаго собора Іаковъ Сури, пріѣхавшій для сбора, мѣсто жительства имѣетъ въ Александроневской Лаврѣ въ зданіи за соборомъ.

„РАДУГА“,

ЖУРНАЛЪ ФИЛОСОФІИ, ПЕДАГОГІИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Этотъ, еще въ 1832 и 1833 годахъ издававшійся, журналъ,— по благословенію святѣйшаго Сvнода, въ 1864 году возобновлёнъ подъ редакціею прежняго издателя Андрея Бюргера, и въ 1865 году будетъ выходить ежемѣсячно въ значительно увеличенномъ объемѣ, именно: вмѣсто 16—въ 8-ю долю листа, и въ книжкахъ вмѣсто отъ 3-хъ до 6-ти—отъ 6-ти до 10-ти и болѣе листовъ.

Цѣна за 12-ть книжекъ въ годъ, не смотря на это увеличеніе объема, остается прежняя, именно: съ доставкою 6 рублей, безъ доставки 5 руб. серебромъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, *у самого издателя статскаго совѣтника Андрея Ивановича Бюргера, служащаго въ Духовно-Учебномъ Управленіи при святѣйшемъ Сvнодѣ*, и кромѣ того: въ главной конторѣ журнала «Радуга», на Невскомъ проспектѣ, противъ Троицкаго переулка, *при коммиссіонерствѣ Рѣшеткина*, въ домѣ Ильина, также у извѣст-

ныхъ книгопродавцевъ, въ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Подписавшіеся на журналъ 1864 года, начатый въ этомъ году въ мартѣ, если желаютъ получать его до конца 1865 года, благоволятъ дослать ко времени выхода въ свѣтъ 5-й майской книжки 1865 года—4 рубля: равно какъ подписывающіеся на 1865 годъ, буде желаютъ пріобрѣсть 8-мь книжекъ 1864 года, благоволятъ дослать также 4 рубля; или всего высылать 10 рублей.

Деньги могутъ быть высылаемы и по частямъ, за полгода или и за треть впередъ.

Издатель *Андрей Бюргеръ.*

ОТЪ РЕДАКЦІИ „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“.

Большинству читающихъ людей западной Россіи, конечно, извѣстно, что редакція «Вѣстника западной Россіи» перенесла свое мѣстопребываніе изъ Кіева въ Вильну. Это перемѣщеніе возлагаетъ на редакцію, если не новыя, то, по крайней мѣрѣ, преимущественныя обязанности. Не упуская изъ виду и юго-запада Россіи, она теперь должна обратить особенное вниманіе на исторію и этнографію сѣверо-западной Россіи. Сознавая неотложность этой обязанности, редакція «Вѣстника» сознаетъ и трудность ея выполненія — безъ сторонней помощи, безъ сочувствія ея дѣлу, безъ содѣйствія рѣшенію ея задачи всѣхъ просвѣщенныхъ патріотовъ западной Россіи. Трудность эта удвояется отъ того, что ученыя богатства края разсѣяны на территоріи около 1000 квадратныхъ верстъ и по большой части таятся въ архивахъ монастырей, церквей и частныхъ лицъ.

Эти обстоятельства поставили въ необходимость редакцію «Вѣстника» обратиться ко всѣмъ любителямъ просвѣщенія вообще и исторіи западной Россіи въ частности, съ покорнѣйшею просьбою — помочь ей, по мѣрѣ своихъ средствъ, въ болѣе успѣшномъ рѣшеніи задачи «Вѣстника западной Россіи» и дѣлиться съ нею, какъ готовыми матеріалами историческими, такъ равно и статьями своего сочиненія, подходящими подъ программу «Вѣстника», и мѣстными наблюденіями — этнографическими, каковы: сравненіе прежняго быта народнаго съ настоящимъ, нравы, обычаи, повѣрья и суевѣрія народныя, мѣстные праздники, крестные ходы, описаніи замѣчательныхъ церквей, монастырей, иконъ, разныхъ памятниковъ русской старины, жизнеописанія мѣстно-чтимыхъ святыхъ и другія особенности различныхъ мѣстностей западной и юго-западной Россіи.

Изъ матеріаловъ историческихъ, редакція приметъ съ удовольствіемъ не только грамоты, универсалы и декреты польскихъ королей и другихъ лицъ и мѣстъ, касающіеся запада Россіи, но и фундушевыя записи и ерекціи на владѣніе церквами православными, разными землями и угодіями, — документы, изъ которыхъ видно, что земли, находящіяся теперь во владѣніи польской шляхты, принадлежали нѣкогда людямъ русскимъ, или обращены въ собственность шляхты путемъ захвата и насилія, — выписки изъ метрическихъ книгъ и помянниковъ, доказывающія древнее православіе лицъ, совратившихся, или совращенныхъ насиліемъ впослѣдствіи въ папизмъ, — и другіе матеріалы историческіе, проливающіе новый свѣтъ на исторію западной и юго-западной Россіи, между-народныя отношенія русскихъ къ полякамъ, доказывающія, что хозяева въ этомъ краѣ — русскіе, а поляки — либо ренегаты, либо пришлецы.

Всѣ въ этомъ родѣ документы, редакція желала бы получать или въ подлинникахъ, — за цѣлость и возвращеніе къ своему источнику которыхъ она отвѣчаетъ, — или въ буквальныхъ копіяхъ (1), посвидѣтельствованныхъ лицами авторитетными и административными (2).

---

(1) Копіи должны быть буквальныя, т. е. съ соблюденіемъ всѣхъ ореографическихъ ошибокъ и особенностей подлинника.

(2) Редакція находитъ неудобнымъ возвращать обратно присланныя

Само собою—редакція не ограничится одною нравственною благодарностію своихъ сотрудниковъ, но сочтетъ себя обязанною препровождать и приличный гонорарій тѣмъ изъ нихъ, которые заявятъ желаніе получать его. Этотъ гонорарій можетъ состоять или въ оттискѣ извѣстнаго количества экземпляровъ отдѣльными брошюрами статьи, напечатанной въ «Вѣстникѣ западной Россіи», или въ полученіи извѣстнаго количества экземпляровъ «Вѣстника», или, наконецъ, въ денежномъ вознагражденіи. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, редакція, для своихъ соображеній, желаетъ, чтобы сотрудники ея, препровождая статьи въ редакцію, объявляли въ своихъ отношеніяхъ цифру гонорарія, какой они желали бы получить.

Редакція «Вѣстника» обѣщаетъ (какъ сказано въ объявленіи о перенесеніи ея въ Вильну) платить тѣмъ, кто пожелаетъ получать денежный гонорарій, отъ 25—50 руб. (судя по достоинству статьи), за печатный листъ оригинальной статьи; отъ 6—15 руб. (3) за печатный листъ перевода—и отъ 5—10 руб. отъ того же листа, за документы историческіе. Если въ этихъ документахъ будутъ сдѣланы палеографическія, историческія или филологическія примѣчанія, редакція будетъ вознаграждать за нихъ по расчету, какъ за трудъ оригинальный.

«Посылки и письма нужно адресовать на имя редактора-издателя Ксенофонта Антоновича Говорскаго, въ г. Вильну.»

Редакторъ—издатель К. Говорскій.

Редакторъ—сотрудникъ И. Эремичъ.

статьи и копіи матеріаловъ; но этимъ она не лишаетъ ихъ права получать въ редакціи эти статьи и копіи лично, или чрезъ своихъ повѣренныхъ.

(3) За *годные къ печати* переводы съ языковъ польскаго и древнеславянскаго, редакція будетъ платить отъ 6—10, а съ другихъ языковъ отъ 10—15 рублей съ печатнаго листа.

Христіанскій Востокъ и Западъ въ III-мъ вѣкѣ. Оригенъ и Кипріанъ.

II. Единство Церкви и Кипріанъ.

Мы говорили о Востокѣ и видѣли, что составляло его отличительный характеръ въ третьемъ вѣкѣ: это были преимущественно стремленія философическія, научныя, идеальныя. Теперь мы будемъ говорить о Западѣ. Мы сказали уже, что его характеризовали стремленія практическія, реальныя, церковныя.

На Востокѣ мы посѣтили Александрію, Кесарію и Аѳины; на Западѣ мы будемъ въ Карѳагенѣ и Римѣ: два имени, которыя мы привыкли видѣть одно подлѣ другаго. Мы обратимъ наше вниманіе не на Аннибала и Сципіона, могущественныхъ мужей войны, но на Тертулліана и Кипріана—древнѣйшихъ представителей Западной церкви.

Появленіе многихъ ересей и расколовъ и сравнительно съ прежнимъ упадокъ духовной жизни дѣлали необходимымъ введеніе въ христіанскую жизнь болѣе опредѣленныхъ формъ и законовъ.

Представителемъ этого начала церковности былъ епископъ Карѳагенскій Кипріанъ.

Недалеко отъ развалинъ древняго Карѳагена, разрушеннаго во время третьей Пунической войны, возникъ новый Карѳагенъ, основанный Августомъ и сдѣлавшійся потомъ столицею Римской Африки. Эти мѣста до-

вольно извѣстны, потому что они находятся въ Алжиріи, о которой въ послѣдніе годы говорили такъ много. Подъ управленіемъ Римскихъ проконсуловъ онъ сохранилъ нѣкоторую свободу муниципальныхъ учрежденій и имѣлъ Сенатъ, управлявшій дѣлами цѣлой Африки. Коммерческій духъ древняго Карѳагена ожилъ въ Римской колоніи, основанной на его развалинахъ. Его портъ, его сады, его великолѣпныя зданія приводили въ изумленіе иностранцевъ. Одна изъ его улицъ, носившая названіе небесной, покрыта была величественными храмами; другая улица — банкировъ блистала мраморомъ и золотомъ. Новый Карѳагенъ не пренебрегалъ образованіемъ. Въ немъ были многочисленныя и знаменитыя школы, въ которыхъ обучались краснорѣчію и философіи. Кажется даже, что Африканское воображеніе пристрастилось къ искуствамъ съ такою же горячностію и антузіазмомъ, какъ у греческихъ народовъ. Во второмъ вѣкѣ Карѳагенъ называли Музеемъ Африки. На площади собиралась толпа, чтобы послушать знаменитаго ритора или софиста. Тутъ остроумный Апулей читалъ передъ Карѳагенянами о басняхъ и литературѣ грековъ и тщеславился рукоплесканіями ученаго города. Христіанство образовало въ немъ другой родъ ораторовъ, которые говорили съ неменьшею силою, но съ большею искренностію о предметахъ болѣе высокихъ. Ихъ слушали не на площади и не въ публичныхъ собраніяхъ, а въ пещерахъ и на гробницахъ мучениковъ. Христіанская вѣра, то терпимая, то гонимая и преслѣдуемая, съ каждымъ днемъ пріобрѣтала новыхъ исповѣдниковъ. Сѣмена крови мученической, не смотря на жестокость гонителей, постоянно возращали новыхъ христіанъ. Въ половинѣ третьяго вѣка вся провинція Африки покры-

лась христіанскими храмами, и Африканская церковь считала у себя болѣе двухъ сотъ епископовъ.

Но взглянемъ на окрестности африканской столицы. Великолѣпные сады окружали городъ. Одинъ изъ нихъ въ особенности обращалъ на себя вниманіе древесными тѣнями, статуями, поставленными вдоль аллей и всею роскошью виллы той эпохи. На пути, который велъ изъ города въ это увеселительное мѣсто, часто можно было встрѣтить молодаго человѣка благородной наружности, одѣтаго въ пурпуръ и тонкій ленъ, покрытаго драгоцѣнными камнями. Руки его блестятъ перстнями съ драгоцѣнными камнями; богатыя его одежды украшены золотомъ. Вотъ окруженный множествомъ молодыхъ льстецовъ, идетъ онъ разговаривая и смѣясь и, пришедши въ свои сады, садится съ своими друзьями за столъ, богато убранный самыми роскошными блюдами и самыми изысканными винами. Өасцій Кипріанъ — это его имя — рожденный отъ языческихъ родителей и самъ язычникъ, былъ не только человѣкъ сановитый и случайный, но вмѣстѣ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума. Имѣя обширное знакомство въ обществѣ, онъ желалъ въ немъ господствовать; онъ гордился блескомъ своего положенія и, отдаваясь безъ страха своимъ страстямъ, скоро подвергся увлеченіямъ, столь обыкновеннымъ въ большихъ городахъ.

Карѳагенскіе христіане удивлялись его генію, но оплакивали безпорядокъ его жизни. Еслибы этотъ человѣкъ, говорили они одинъ другому, могъ быть пріобрѣтенъ для церкви Христовой! Савлъ не также ли былъ далекъ отъ нея, прежде чѣмъ обратился на пути въ Дамаскъ? Между пресвитерами Карѳагенской церкви былъ одинъ благочестивый мужъ, образованный, настойчивый,

по имени Цецилій. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Кипріаномъ и рѣшился призвать его къ познанію истиннаго Бога. «Ты живешь въ суетѣ, говорилъ онъ ему; все вокругъ тебя и самъ ты ложь и суета; тебѣ нужно родиться снова, потому что если человѣкъ не родится снова, онъ не можетъ увидѣть царствія Божія». Кипріанъ, удивленный этими словами, отвѣчалъ: «какъ могу я сдѣлаться другимъ человѣкомъ, если у меня останется то же тѣло? Можно-ли перемѣнить свои привычки? Страшный леопардъ можетъ-ли оставить свою дикость?» Цецилій отвѣчалъ: «Тотъ, кто далъ тебѣ первое сердце, можетъ дать новое, съ которымъ ты полюбишь его». И онъ возвѣстилъ ему о любви Іисуса Христа. Кипріанъ увѣровалъ въ эту безконечную любовь; взоръ его просвѣтлѣлъ; онъ исповѣдалъ Спасителя и принялъ крещеніе. Это было въ 246 году. «Сердце мое озарилось небеснымъ свѣтомъ, говорилъ онъ послѣ того; сомнѣнія мои разсѣялись; все стало ясно, все свѣтоносно вокругъ меня. Я вкушаю тотъ миръ, который превосходитъ всякой разумъ; я обнялъ эти истины, которыя мнѣ казались непостижимыми и съ радостію я исполняю теперь то, что мнѣ казалось невозможнымъ». «Когда я, писалъ онъ къ своему другу Донату,—былъ окруженъ тьмою язычества и въ нерѣшимости сердечной блуждалъ умомъ своимъ, не находя ни въ чемъ успокоенія: для меня казалось совершенно невозможнымъ оставить прежнюю грѣховную жизнь и сдѣлаться истинно добродѣтельнымъ человѣкомъ. Я не могъ представить себѣ, чтобы живоносныя воды крещенія могли омывать грѣхи и возродить человѣка для новой жизни въ Богѣ. Возможно-ли, размышлялъ я самъ съ собой, чтобы вдругъ искоренилось столько при-

вычекъ, которыя перешли въ самую природу; чтобы законъ грѣха потерялъ силу надъ сердцемъ, которо, питалось беззаконіемъ; чтобы изъ человѣка слабаго, преданнаго грѣху отъ юности, сдѣлался новый человѣкъ, любящій и дѣлающій одну правду и чтобы всѣ эти чудеса совершались въ той же бренной плоти, которая была источникомъ зла, пищею разврата, сѣдалищемъ діавола? Въ этихъ мысляхъ я считалъ излишнимъ всякое покушеніе противъ грѣха, во мнѣ живущаго; ненавидѣлъ его и мирился съ нимъ, какъ съ непобѣдимымъ противникомъ; желалъ быть добродѣтельнымъ, но думалъ, что всегда останусь въ области грѣха. Но когда свѣтъ благодати проникъ мракъ, окружавшій мою душу и я ощутилъ въ сердцѣ своемъ присутствіе божественной силы, всѣ сомнѣнія исчезли, благія намѣренія укрѣпились, святыя надежды ожили, невозможное сдѣлалось возможнымъ и духъ мой, окриленный вѣрою подобно орлу воспарилъ надъ бездною собственнаго растлѣнія. Ты знаешь это, любезный другъ, также хорошо, какъ и я; оба мы удостоены незаслуженной милости Божіей. А потому намъ должно теперь упражнять, по возможности, силы, сообщенныя намъ свыше, дабы благоразумнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ ихъ сдѣлаться достойными новыхъ даровъ божественныхъ».

Въ самомъ дѣлѣ въ Кипріанѣ произошла полная перемѣна. Прежде онъ любилъ роскошный столъ: теперь сталъ питаться только плодами. Прежде онъ носилъ пышныя одежды; теперь обращалъ на себя вниманіе скромной простотой, и вмѣсто пустаго общества, которымъ доселѣ былъ окруженъ, началъ искать уединенія и предаваться размышленію о Богѣ. Онъ продалъ свои загородные дома, увеселительные сады и всѣ ихъ укра-

шенія, и полученныя за нихъ деньги роздалъ бѣднымъ. Полный самаго глубокаго уваженія къ Цецилію, который раскрылъ передъ нимъ тщету язычества и истину христіанства, онъ сказалъ ему: живи со мной; будемъ жить вмѣстѣ на этой землѣ, какъ нѣкогда будемъ жить вмѣстѣ на небѣ. Онъ простеръ свою любовь къ пресвитеру до того, что принялъ его имя и назвался съ тѣхъ поръ Цециліемъ Кипріаномъ. Онъ изучалъ день и ночь Св. Писаніе и писанія церковныхъ учителей. Но постояннымъ и любимымъ его занятіемъ было чтеніе твореній Тертулліана, котораго онъ не называлъ иначе, какъ своимъ учителемъ: da magistrum.

Квинтъ Септимій Флоренсъ Тертулліанъ былъ пресвитеромъ въ Карѳагенѣ въ началѣ третьяго вѣка и первымъ изъ великихъ писателей Римской церкви. Одаренный пламенной душою, характеромъ твердымъ до непреклонности, сильнымъ чувствомъ и богатымъ воображеніемъ, онъ, однакожъ, не имѣлъ того тонкаго образованія, которое отличало современныхъ восточныхъ учителей и считалъ его безполезною роскошью и пустою тратою времени. Религіозныя понятія его довольно грубы и проникнуты чувственнымъ характеромъ. Онъ смотрѣлъ на христіанство, какъ на возстановленіе первоначальнаго, естественнаго состоянія, какъ на возвращеніе къ здоровымъ основамъ или корнямъ новой, свѣжей жизни, по устраненіи снѣдающей ихъ болѣзни, изнуряющаго ихъ порока. Болѣзнь эта состоитъ въ раздѣленіи мнѣній. Христіанство должно образовать единую Церковь, должно привести человѣчество къ общему прогрессу, должно соединить всѣхъ, какъ членовъ одного здороваго тѣла. Но это единство можетъ возникнуть только изнутри. Святый Духъ долженъ привести но-

вое къ старому и обновить нашу жизнь. Онъ точно также непрерывно одушевляетъ Церковь, какъ Онъ одушевлялъ и вдохновлялъ Апостоловъ. Такъ какъ злой духъ постоянно привноситъ въ насъ новыя ощущенія, то и Духъ Божій также постоянно въ насъ дѣятеленъ. И если намъ обѣщана помощь и если наша душа есть пророчица, то она всегда должна износить новыя пророчества. Въ этой вѣрѣ во внутреннія откровенія духа болѣе, нежели въ вѣщанія слова Божія и первоначальныя преданія христіанства, которымъ преимущественно довѣряется Церковь, Тертулліанъ отпалъ отъ вселенской Церкви и склонился къ мечтаніямъ Монтанистовъ. Онъ, который ни о чемъ не заботился пламеннѣе, какъ о единствѣ Церкви, увлекся и присталъ къ особой сектѣ, потому что, не довольствуясь внѣшнимъ единствомъ и іерархическимъ руководствомъ Церкви, ожидалъ всего для спасенія человѣчества отъ внутренняго сокрытаго въ насъ сѣмени жизни, которое постоянно оживотворяется Духомъ. Тертулліанъ сдѣлался Монтанистомъ.

Монтанизмъ составляетъ одно изъ значительныхъ и характерныхъ явленій въ христіанской жизни того времени. Онъ былъ тѣмъ же на Западѣ, чѣмъ гностицизмъ на Востокѣ. Какъ гностицизмъ въ теоретической области былъ смѣшеніемъ христіанскаго ученія съ языческими элементами, такъ монтанизмъ, въ практической жизни, былъ смѣшеніемъ христіанскихъ понятій съ іудейскими и даже съ языческою мечтательностію.

Монтанъ, основатель этой секты, былъ новообращенный христіанинъ изъ Ардабана, въ Мизіи, на Фригійской границѣ и, вѣроятно, былъ жрецомъ Цибелы, культъ которой проникнутъ былъ экстатическими движеніями духа. Монтанъ перенесъ съ собою въ христіанство эту

мечтательность, эту наклонность къ таинственнымъ внушеніямъ и откровеніямъ духа. Христіанское ученіе объ обѣщанномъ Утѣшителѣ (Параклетѣ) послужило ему точкой опоры для развитія своихъ заблужденій и прикрытія ихъ наружнымъ видомъ христіанскаго ученія.

Благодать Божія, училъ онъ, дѣйствуетъ во всѣ времена, но дѣйствуетъ съ такою же постепенностію, какъ природа. Какъ въ жизни природы ничто не можетъ переступить своего закона, плодъ не явится прежде цвѣтка, цвѣтокъ не выйдетъ прежде листьевъ, листья прежде ствола, такъ и въ царствѣ правды, — благочестивая жизнь раскрывается сперва въ простѣйшей формѣ добродѣтели по голосу природы, потомъ въ болѣе высокой — подъ закономъ и пророками Ветхаго Завѣта, далѣе въ высшей формѣ Евангельской жизни, наконецъ въ совершеннѣйшей формѣ жизни по внушенію Духа.

Всякое учрежденіе въ Церкви соотвѣтствуетъ своему времени, и какъ обыкновенная Церковь управляется епископами, такъ Церковь просвѣщенныхъ пророками вдохновляется Духомъ. Дары Духа изливаются на всѣхъ христіанъ безъ различія пола и состоянія.

Монтанистскіе пророки вводили чрезвычайный ригоризмъ въ христіанскую практику и этотъ ригоризмъ отразился на значительной части сочиненій Тертулліана. Въ первую половину своей жизни онъ написалъ много удивительныхъ твореній. Въ особенности онъ поставилъ задачей изложить ученіе о грѣхѣ и показалъ, какъ грѣхъ возникаетъ въ каждомъ человѣкѣ въ частности.

Когда Богъ сотворилъ перваго человѣка, говорилъ онъ, то въ немъ была совершенная гармонія. Человѣкъ былъ въ согласіи съ Богомъ, съ самимъ собою и со всѣми подобными ему существами. Но первый грѣхъ воз-

мутилъ эту первобытную гармонію и человѣкъ, отдѣлившись отъ Бога, почувствовалъ разстройство и поврежденіе въ своемъ сердцѣ. Это—паденіе. По понятію Тертулліана, душа Адама была подобна сѣмени, въ которомъ заключались всѣ души. Теперь, когда человѣкъ передаетъ душу своему дитяти, онъ передаетъ ему также и первый грѣхъ: tradux animae, tradux peccati.

Бывши до обращенія къ христіанству адвокатомъ, Тертулліанъ перенесъ съ собою въ христіанство нѣкорыя изъ своихъ юридическихъ идей, въ особенности идею давности. Если кто владѣетъ какимъ нибудь имуществомъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, напримѣръ тридцати, и никто не оспаривалъ этого владѣнія, то оно становится собственностію своего владѣльца по самой давности владѣнія. Тертулліанъ примѣнилъ этотъ законъ гражданской жизни къ Церкви: Если какое нибудь понятіе или учрежденіе допущено было въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ, то это составляетъ его давность и никто не можетъ оспаривать его истины. Тертулліанъ ввелъ это для того, чтобы отвергнуть нововведенія еретиковъ. Но въ послѣдствіи это дало Римлянамъ возможность оправдывать многія ложныя ученія, потому что они имѣли за собою давность многихъ вѣковъ. За всѣмъ тѣмъ Тертулліанъ былъ великій умъ. Его Латынь отзывается нѣсколько Африкой; стиль его иногда теменъ, но его мысль поразительна и глубока. Въ немъ соединились удивительные дары природы и образованія. Таковъ былъ учитель Кипріана.

Едва прошелъ годъ послѣ обращенія Кипріана къ христіанству, какъ скончался Карѳагенскій епископъ Донатъ. Кто будетъ его преемникомъ? Въ Церкви образовались двѣ партіи. Кипріанъ, говорило большин-

ство пресвитеровъ и народа, Кипріанъ долженъ быть епископомъ. Кто проповѣдуетъ съ такимъ краснорѣчіемъ? Кто показываетъ больше благочестія? Кто владѣетъ такимъ талантомъ и ревностію? Но пять пресвитеровъ и примкнувшая къ нимъ часть народа составили оппозицію: это были пресвитеріане III вѣка, стремившіеся къ независимости отъ епископовъ. Епископы имѣютъ не больше правъ, говорили они, какъ и пресвитеры; они только первые среди равныхъ себѣ. Развѣ мы не знаемъ тяжелаго характера Кипріанова? Онъ все подчинитъ своей волѣ. Но большинство не хотѣло ничего слышать и видя, что Кипріанъ самъ отказывается отъ высокаго званія, которымъ хотѣли облечь его, оно окружило его домъ съ громкими криками: aut Cyprianus aut nullus, Кипріанъ или никто. Кипріанъ хотѣлъ убѣжать, но всѣ двери дома были заперты. Наконецъ побѣжденный любовію онъ уступилъ и принялъ рукоположеніе въ епископа.

Кипріанъ представляетъ въ своемъ лицѣ и въ своемъ служеніи характеръ чистый, возвышенный, истинно христіанскій. Это—душа чистая, сердце мягкое и снисходительное къ другимъ, умъ просвѣщенный вѣрою и преданностію своему служенію. Въ своихъ писаніяхъ онъ оставилъ знаки самаго искренняго и глубокаго благочестія. Онъ опирается на могущество своего званія и требуетъ послушанія, однакожъ не по честолюбію и не по гордости, а для блага Церкви, для славы Спасителя. Онъ пламенно заботился о единствѣ Церкви, внутренно и глубоко понимая его силу и его благотворное значеніе. Онъ былъ не только глубокомысленнымъ учителемъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, но и отличнымъ церковнымъ администраторомъ и государствен-

нымъ человѣкомъ. Около него вращается вся церковная администрація его времени. Но кромѣ того его сочиненія лучшимъ образомъ знакомятъ насъ съ состояніемъ христіанскаго общества въ его время, общества, еще не признаннаго государствомъ, но уже составлявшаго значительную силу въ государствѣ. Кипріанъ былъ однимъ изъ величайшихъ дѣятелей въ устроеніи христіанскаго общества въ III вѣкѣ.

Кипріанъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ тяжелое время для Африканской Церкви. Много лѣтъ уже не было гоненія: это развило свободу мірскаго духа въ членахъ его паствы. „Долговременный миръ, писалъ онъ, — привелъ въ безпорядокъ самое преданное намъ устройство. Каждый заботился объ умноженіи собственности, и забывъ, какъ жили вѣрующіе при Апостолахъ, служилъ ненасытному желанію умножать свое имущество. Мужчины съ искусно подстриженными бородами, женщины-христіанки съ разрумяненными лицами. Глаза полны сладострастія, волосы подкрашены. Съ невѣрными вступаютъ въ браки, язычникамъ предаютъ члены Христовы.“ Члены Церкви присутствовали при бояхъ гладіаторовъ и бросали любопытные взоры на кровь, которая текла на аренѣ. Были вѣрные, которые ходили въ театръ. Любовь къ міру овладѣла даже пастырями. „Многіе епископы, которые должны другихъ учить словомъ и примѣромъ, оставивъ Церкви и удалившись отъ стада, блуждаютъ изъ города въ городъ и занимаются прибыльными торгами. Братья ихъ въ Церкви алчутъ, а они съ жадностію добываютъ деньги, коварными обманами похищаютъ наслѣдства и разными оборотами умножаютъ свои имущества“ (1). Отъ

(1) Слово о падшихъ.

обращался къ христіанамъ своей паствы съ самыми настойчивыми внушеніями и умолялъ ихъ о перемѣнѣ жизни; иногда онъ присоединялъ къ просьбамъ угрозы и всѣми мѣрами старался извлечь изъ огня эти головни, почти сгорѣвшія.

Свѣтскость ослабила Церковь. По недостатку духовной энергіи, потерялась сила въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Христіанская жизнь перестала являть примѣры высокаго самоотверженія. Жалкіе плоды этого не замедлили показаться. Въ 250 г. загремѣло гоненіе Декія. Жестокости и насилія гонителей превосходятъ всякое описаніе. Здѣсь горятъ костры, на которые возводятъ христіанъ; тамъ дикія животныя приходятъ въ бѣшенство отъ ярости на аренѣ и пожираютъ послѣдователей Спасителя, которыхъ бросали имъ въ добычу. Этого мало. Кровожадность гонителей изобрѣла особые желѣзные станки и когти, посредствомъ которыхъ терзали члены учениковъ Распятаго. Страшное смятеніе распространилось по всей Церкви; одни скрываются, другіе трепещутъ, ослабѣваютъ и падаютъ предъ страхомъ мученичества.

Ужасъ обнялъ все христіанское населеніе Карѳагена. На общественной площади поставлено было возвышеніе, на которомъ возсѣдалъ проконсулъ, окруженный стражею; подлѣ него поставлена статуя языческаго божества. Передъ статуей горѣлъ священный огонь, а по сторонамъ ея разложены ароматныя зерна для куренія въ честь идола. Проконсулъ съ достоинствомъ ожидаетъ христіанъ, которые должны явиться, чтобы засвидѣтельствовать свою вѣрность языческому божеству и императору. Множество слабыхъ христіанъ спѣшатъ на площадь, объявляютъ свое имя, тѣснятся къ идолу, бе-

рутъ зерна и бросаютъ въ огонь и такимъ образомъ оказываютъ ложнымъ богамъ почтеніе, котораго требуетъ Декій. За первыми отступниками являются другіе; за ними новыя толпы покрываютъ площадь, чтобы отречься отъ Спасителя. Проконсулъ съ презрѣніемъ останавливаетъ этихъ несчастныхъ: „Ступайте и приходите на другой день; у меня нѣтъ больше времени принимать сегодня ваше отреченіе“.

На лицахъ тѣхъ, которые принесли жертвы идоламъ, можно замѣтить разное выраженіе. Одни, казалось, поражены ужасомъ; видъ другихъ былъ безразличенъ; иные, казалось, своими протестаціями заискиваютъ милость императора и проконсула, но самая большая часть были блѣдны, съ опущенными взорами, съ колеблющеюся поступью; видно, что душа ихъ возмущена, что они въ отчаяніи. Толпа язычниковъ покрывала ихъ укоризнами и насмѣшками.

Между тѣмъ были истинные мученики. Въ числѣ тѣхъ, которые имѣли въ сердцѣ любовь къ Богу, а не къ міру, находились Нумидикъ и его супруга. Эта благочестивая христіанка погибла первая; мужъ ея послѣ нея возведенъ на костеръ и какъ онъ обгорѣлъ, то мучители думали, что онъ умеръ; они бросили тѣло его на площадь, покрыли какими-то рубищами и ушли. Наступила ночь. Молодая дѣвица пришла къ мѣсту казни. Это была дочь Нумидика. Пришедши къ мѣсту, гдѣ былъ брошенъ ея отецъ, она ощупью ищетъ его тѣла, которому хочетъ отдать послѣдній долгъ. Наконецъ она его находитъ. Она сбрасываетъ мусоръ, которымъ былъ онъ заваленъ; беретъ его; ей кажется, что въ немъ еще не угасла искра жизни; эта благочестивая дочь, почувствовавши въ себѣ необыкновенную

силу, поднимаетъ виновника своихъ дней, несетъ его, заботится о немъ, возвращаетъ его къ жизни. Нумидикъ дѣлается однимъ изъ пресвитеровъ Кареагенской Церкви.

На другой день на кровавомъ театрѣ гоненій открывается другое зрѣлище. Одинъ язычникъ имѣлъ жену христіанку, благочестіе которой раздражало его; онъ уже не одинъ разъ выражалъ ей это. Гоненіе было для него величайшею радостію, и онъ рѣшился воспользоваться имъ, чтобы отучить свою жену отъ христіанскихъ обычаевъ. Онъ самъ повелъ ее къ проконсулу, отдалъ ее въ его власть и приказалъ этой несчастной христіанкѣ отречься отъ Христа. Кротко, но твердо она отказалась совершить обрядъ, котораго отъ нея требовали. Послѣ того два воина взяли ее за руки и насильно заставили ее принесть обычную жертву идоламъ. Но эта благочестивая послѣдовательница Іисуса Христа съ негодованіемъ и мужествомъ протестовала противъ насилія, которое заставило ее совершить невольно. Не я, говорила она, но вы сдѣлали это.

Для гонителей мало было крови мірянъ—христіанъ. Имъ нужна была кровь епископа Кареагенскаго. Въ циркѣ, при стеченіи огромной толпы, вдругъ раздались крики: Кипріана львамъ. Послѣ того этотъ убійственный крикъ повторялся на площадяхъ, улицахъ и даже передъ Церковью. Кипріанъ оставилъ Кареагенъ и скрылся въ уединенномъ мѣстѣ. Партія, враждебная ему, торжествовала. Вотъ, говорили, наемникъ, а не пастырь, который, увидѣвъ волка, убѣжалъ, оставивши овецъ на расхищеніе. Кипріанъ не могъ оставаться въ молчаніи, хотя ему тяжело было оправдываться въ томъ, что не составляло вины. „Любезные братія, пи-

салъ онъ, поступокъ мой переданъ вамъ совсѣмъ въ превратномъ видѣ, поэтому я почелъ нужнымъ дать вамъ письменный отчетъ въ моемъ поведеніи. Когда мятежная чернь непрестанно требовала меня на сраженіе со львами, я, помня слова Спасителя, удалился, имѣя въ виду не собственную безопасность, а благо моей паствы, дабы неблаговременнымъ присутствіемъ своимъ не ожесточить враговъ, и безъ того весьма жестокихъ". Между тѣмъ Кипріанъ былъ человѣкъ истинно благочестивый. Впослѣдствіи онъ показалъ, что не боялся смерти, принявши мученичество.

Кипріанъ пробылъ въ своемъ уединеніи около пятнадцати мѣсяцевъ и, надо сказать, употребилъ ихъ для пользы Церкви. Никогда можетъ быть онъ не показалъ больше практической стороны своего характера. Самое большое число его писемъ писаны имъ изъ ссылки. Онъ не только самъ искалъ утѣшенія въ Іисусѣ Христѣ, но старался вдохнуть его въ другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Церкви были разрушены, христіане разсѣялись; измученные, лишенные всего, презираемые, они скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли (Евре. XI, 38). Душа Кипріана была возмущена. „Конецъ всего приближается, писалъ онъ; но сила нашей надежды и твердость нашей вѣры сохранятся на развалинахъ исчезающаго міра, полныя могущества и жизни. Потомъ обращаясь къ язычникамъ онъ умолялъ ихъ обратиться въ виду грядущаго на судъ міру Спасителя: когда онъ придетъ, говорилъ онъ, вы будете въ крайнемъ ужасѣ. Вы напрасно утруждали себя. Къ чему послужитъ вся ваша роскошь, къ чему ваши богатства? Спѣшите къ Спасителю, потому что съ нимъ самая смерть переходитъ въ безсмертіе.

Печально настроенный духъ Кипріана еще болѣе возмущали тревожные слухи объ отступничествѣ многихъ христіанъ его паствы. Приходившіе къ нему вѣрные нерѣдко приносили съ собою прискорбныя извѣстія, что во многихъ мѣстахъ христіане, особенно богатые, подговариваютъ другъ друга къ отступничеству; что даже родители принуждаютъ своихъ дѣтей принести жертву идоламъ, и что цѣлыя семейства, желая сохранить свои богатства, устремляются въ храмы языческіе.

Огорченный пастырь убѣждалъ ихъ не мѣнять вѣры на преходящія блага. Скажи, писалъ онъ, когда ты добровольно взошелъ въ капитоліумъ, когда приступалъ къ совершенію тяжкаго преступленія, не дрожали-ли у тебя колѣна? Не потемнѣло-ли въ глазахъ? Не повернулись-ли внутренности? Не оцѣпенѣло-ли чувство? Не прильнулъ-ли языкъ къ гортани? Не онемѣлъ-ли ты? Какъ могъ стоять тамъ и произносить свое отреченіе отъ Христа рабъ Божій, который отрекся отъ міра и діавола? Олтарь, къ которому онъ приступилъ, не былъ ли для него смертнымъ костромъ? Жертвенника, который курился предъ его глазами и разносилъ ужасное зловоніе, не надлежало ли ему бояться и удаляться, какъ погребенія и сожженія своей жизни? Несчастный, зачѣмъ ты, вмѣстѣ со всесожженіемъ и жертвой, закалаешь самого себя? Ты самъ приступалъ къ жертвеннику, какъ жертва и всесожженіе. Ты заклалъ свое спасеніе, свою надежду. Ты сжегъ гибельнымъ огнемъ свою вѣру. Многіе не довольствовались своею погибелью. Взаимными увѣщаніями убѣждали другъ друга къ погибели. Смерть, какъ чаша съ ядомъ, переходила изъ рукъ въ руки. Чтобы исполнить мѣру преступленія, родители своими руками несли и вели младен-

цевъ. И эти невинные потеряли то, что пріобрѣли съ первыхъ дней рожденія. Слѣпое пристрастіе къ имуществамъ совратило многихъ. Вотъ цѣпи, которыми остановлена добродѣтель, окована вѣра, связанъ умъ, опутана душа. Привязавшись къ земному, сдѣлались добычей и „пищей змія, который снѣдаетъ землю“ (1).

Часто христіане, заключенные въ тюрьму, писали къ Кипріану, прося у него утѣшенія: такъ сдѣлалъ Фортунатъ, епископъ Тухабори. Кипріанъ послалъ ему просто Св. Писаніе, говоря: не блескомъ моего собственнаго слова, а словомъ Божіимъ только я могу тебя укрѣпить. Если бы я послалъ тебѣ готовое платье, это было бы мое платье, и можетъ быть оно тебѣ не пришлось бы. Но теперь я тебѣ посылаю шерсть и пурпуръ агнца, которымъ мы спасены и содѣлались живыми; ты самъ можешь сдѣлать изъ нихъ платье и даже дать другимъ, чтобы они носили одежду Христову“. Христіане Нумидійскіе взяты въ плѣнъ варварами. Онъ собралъ для выкупа ихъ очень значительную сумму денегъ. „Когда одинъ членъ страдаетъ, говорилъ онъ, всѣ другіе члены терпятъ съ нимъ“...

Узнавши, что многіе исповѣдники были окованы цѣпями и отводимы въ мрачныя подземелья, гдѣ подвергались тяжкимъ работамъ, онъ писалъ имъ: „о, ноги, счастливо окованныя, которыя будутъ освобождены не ковачомъ, но самимъ Богомъ. Привѣтствую васъ, ноги, счастливо вѣнчанныя, которыя въ мрачныхъ подземельяхъ идутъ по пути спасенія и ускоряютъ въ рай. Привѣтствую васъ, ноги, связанныя въ настоящемъ вѣкѣ, для того, чтобы быть навсегда освобожденными въ вѣ-

(1) Слово о падшихъ.

къ грядущемъ. Цѣлую васъ, ноги, которыя не задерживаются ни путами, ни жезлами, чтобы идти быстро и славными шагами къ Спасителю Іисусу Христу. О братія возлюбленная, въ этихъ подземельяхъ ваше сокрушенное тѣло не имѣетъ ложа для отдохновенія, но ваша душа имѣетъ утѣшеніе и ободреніе въ Спасителѣ“.

Въ другомъ письмѣ онъ утѣшаетъ исповѣдниковъ, заключенныхъ въ темницу: „о блаженная темница, которая освѣтилась вашимъ присутствіемъ! Блаженная темница, которая посылаетъ людей Божіихъ на небо! О мракъ, свѣтлѣйшій самаго солнца и блистательнѣйшій свѣта дневнаго,—мракъ, въ которомъ воздвигаются храмы Богу и освящены тѣла ваши Божественнымъ исповѣданіемъ. Никто изъ васъ да не мыслитъ о смерти, но о безсмертіи; никто да не помышляетъ о временномъ наказаніи, но о вѣчной славѣ. Блаженны и жены, которыя вмѣстѣ съ вами сподобились той же славы исповѣдничества, и которыя, твердо сохраняя вѣру Господню и оказывая мужество, превышающее слабость ихъ пола, не только сами дѣлаются достойными вѣнца, но и для другихъ женъ явили примѣръ своимъ постоянствомъ. И дабы ничего не доставало къ славѣ вашего подвига, Промыслъ Божій содѣлалъ самыхъ дѣтей участниками славнаго вашего исповѣдничества“.

Иные оставались въ темницѣ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ. Кипріанъ не упускалъ никакого случая, чтобы послать имъ христіанское утѣшеніе. „Пусть нынѣ придутъ сюда воины, консулы или проконсулы и похвалятся здѣсь знаменитостію своей единолѣтней власти и двѣнадцатью ликторами: небесное достоинство ознаменовано и въ васъ блескомъ годичной славы и долговременностію побѣдныхъ подвиговъ превзошло круго-

вое обращеніе года. Восходящее солнце и полная луна освѣщали міръ: но для васъ былъ лучшимъ свѣтомъ Тотъ, кто сотворилъ солнце и луну. Съ теченіемъ мѣсяцевъ пришла зима: но вы, будучи заключены въ темницу, вмѣсто зимы естественной, претерпѣли хладъ гоненія. За зимою послѣдовала весна, украшенная розами и другими цвѣтами: но у васъ были цвѣты райскіе и ваши главы украсились вѣнцемъ небеснымъ. Вотъ наступило и лѣто, богатое обильною жатвою, и гумно наполнено хлѣбомъ: но вы, сѣявшіе славу, пожали плоды славы. Наступаетъ время собиранія винограда и сочныя кисти его выдавливаются въ тискахъ; а васъ, полные грозды винограда Господня, васъ, виноградныя кисти, обремененныя зрѣлыми плодами, давятъ и гнетутъ преслѣдованія со стороны міра; содержатъ въ темницѣ, какбы въ тискахъ; вмѣсто вина вы проливаете свою кровь. Такъ-то круговращается годъ у рабовъ Божіихъ!"

Многіе христіане скрывались отъ тяжести гоненій въ лѣсахъ и пустыняхъ. Утѣшая ихъ, Кипріанъ писалъ къ нимъ: „да не будетъ страшна вамъ пустыня. Тотъ не одинъ, кому сопутствуетъ Христосъ въ его изгнаніи. Тотъ не одинъ, котораго сердце есть храмъ Бога живаго. Братъ мой, ты терпишь голодъ, жажду, холодъ, зной, тебя устрашаетъ буря; разбойники тебя грабятъ; жестокіе звѣри устрашаютъ тебя своимъ ревомъ. Что нужды? Христосъ видитъ тебя и печется о тебѣ".

Чтобы сохранить память о мученикахъ, пострадавшихъ за вѣру во Христа, Кипріанъ проситъ пресвитеровъ, и діаконовъ своей Церкви замѣчать дни отшествія исповѣдниковъ изъ сей жизни. Но особенно воз-

лагаетъ онъ эту обязанность на одного пресвитера Тертулла (бывшаго впослѣдствіи епископомъ), который имѣлъ попеченіе о погребеніи умершихъ. „Пусть Тертуллъ, вѣрнѣйшій и благоговѣйнѣйшій братъ нашъ, между прочими своими заботами и попеченіями, записываетъ и означаетъ для меня тѣ дни, въ кои блаженные братія наши прешли чрезъ смерть къ славному безсмертію, дабы мы могли въ память ихъ приносить жертвы и моленія“.

Такова была дѣятельность Кипріана во время гоненія. Но его практическія стремленія, которыя его характеризуютъ, особенно обнаружились на другомъ поприщѣ, въ управленіи Церкви.

Онъ установилъ правильное соотношеніе членовъ іерархіи; раскрылъ значеніе таинствъ, и, наконецъ, возвысилъ дисциплину Церкви.

Самое замѣчательное изъ его сочиненій „О единствѣ Церкви“. Церковь, говоритъ онъ, есть тѣло, внѣшнее и живое собраніе, основанное Іисусомъ Христомъ, и посредствомъ котораго происходитъ вліяніе Святаго Духа на землю. Внѣ Церкви, управляемой епископами, никто не можетъ сдѣлаться причастникомъ Духа, никто не можетъ получить спасенія. Много лучей свѣта, но свѣтило одно; много вѣтвей на деревѣ, но дерево одно; много потоковъ течетъ изъ источника, но источникъ одинъ. Отними солнечный лучъ отъ солнца—онъ угаснетъ. Отломи вѣтвь отъ дерева—оно засохнетъ. Отдѣли ручей отъ источника—онъ изсохнетъ. Такъ и Церковь, хотя подобно солнцу распространяетъ свои лучи по всему міру, однакожъ есть одно свѣтило, сіяющее свѣтомъ Господнимъ. Оно по всей землѣ распространяетъ свои плодоносныя вѣтви, во всю землю изводитъ свои

потоки, но остается всегда однимъ началомъ, однимъ источникомъ.

Къ раскрытію этого ученія вызывали его современныя обстоятельства. Отдѣлившіеся отъ Церкви, хотя-бы приняли мученичество за исповѣданіе имени Христова, не омоютъ своего грѣха и самою кровію. Находящійся внѣ Церкви не можетъ быть мученикомъ. Оставляющій Церковь не можетъ сподобиться Царствія. Хотя-бы онъ сгорѣлъ въ огнѣ или былъ съѣденъ звѣрями, не вѣнчается вѣнцемъ вѣры.

Пять пресвитеровъ, которые были противъ его избранія, и съ ними нѣкоторые изъ народа, унижали власть епископовъ. Они ложно думали, что всѣ пастыри равны и епископство означаетъ не власть, но честь. Епископъ, говорили они, есть только первый или старшій между пресвитерами. Онъ не долженъ пасти стадо Божіе съ преобладающимъ авторитетомъ. Его служеніе имѣетъ происхожденіе въ любви Спасителя, а не въ законѣ. Его служеніе есть самоотверженіе, а не привиллегія. Кипріанъ, напротивъ, отстаивалъ права епископа. Такъ, обращаясь къ міряннну, другу пресвитеровъ, онъ говоритъ: тотъ, кто не вѣритъ Христу, учредившему священство, принужденъ будетъ повѣрить Христу, который отмститъ за священство. Новатъ, самый вліятельный изъ этихъ пресвитеровъ, управлялъ приходскою церковію, устроенною за городомъ, на горѣ, отчего она и называлась обыкновенно: in monte. Въ приходѣ у него былъ одинъ мірянинъ, по имени Фелициссимъ, котораго онъ самъ поставилъ къ себѣ въ діакона, не заботясь о Кипріанѣ. Кипріанъ возсталъ противъ этого и объявилъ избраніе незаконнымъ.

Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство,

усложнившее дѣло. Падшіе, то есть отступившіе, отрекшіеся отъ Христа во время гоненія, удалены были отъ общенія съ Церковію. Принимать ли ихъ снова въ общеніе съ Церковію, если они принесутъ раскаяніе? Кипріанъ оставилъ разрѣшеніе этого вопроса *до мира*, говоря, что увидитъ, какъ съ ними поступить, когда прекратится гоненіе. Напротивъ пять пресвитеровъ оппозиціи принимали падшихъ, покаявшихся, съ снисхожденіемъ. Раздѣленіе усилилось еще болѣе. Снисхожденіе, говорили пресвитеры. Святость, отвѣчалъ Кипріанъ. Миръ, говорили одни. Правда, возражалъ другой. Еще новый вопросъ усилилъ ожесточеніе борьбы.

Бывши въ изгнаніи, Кипріанъ поручилъ двумъ епископамъ своей области раздать бѣднымъ милостыню, взятую изъ церковнаго сбора. Пять пресвитеровъ говорили, что для этого нужно согласіе всѣхъ пресвитеровъ Церкви. Горячій Фелициссимъ говорилъ бѣднымъ: вы не будете имѣть недостатка ни въ чемъ, но не принимайте милостыни, которую послалъ вамъ епископъ.

Возвратившись изъ своего изгнанія, Кипріанъ созвалъ Соборъ, который рѣшилъ, что падшіе будутъ приняты въ такомъ только случаѣ, если они будутъ въ опасности смерти. Въ тоже время Соборъ отлучилъ отъ Церкви враждовавшихъ противъ него пресвитеровъ. Отвергнутые, они выбрали себѣ одного изъ своей среды Фортуната, котораго епископъ Нумидіи, лишенный по опредѣленію мѣстнаго Собора своей каѳедры, посвятилъ въ епископы, и противопоставили его Кипріану. Кипріанъ обратился къ помощи Римскаго епископа Корнилія. Корнилій послѣ совѣщанія съ епископами своей области, утвердилъ постановленіе Кипріана о падшихъ

и отправилъ къ нему извѣстительное письмо, которое Кипріанъ обнародовалъ въ своей Церкви.

Вопросъ о принятіи падшихъ породилъ еще новый вопросъ: изъ какихъ членовъ должна состоять Церковь? Одни думали, что надо сохранять въ Церкви всѣхъ членовъ, которыхъ она заключаетъ, добрыхъ и порочныхъ. Другіе напротивъ полагали, что надо сохранять только чистыхъ (καθαροί). Не задолго до появленія этого разнорѣчія въ Западной Церкви, нѣкто язычникъ, по имени Новаціанъ, человѣкъ съ суровымъ характеромъ, испытывалъ величайшую внутреннюю борьбу до того, что сдѣлался боленъ и былъ въ опасности смерти. Въ это время онъ принялъ крещеніе и вскорѣ за тѣмъ выздоровѣлъ. Христіанство принесло его душѣ миръ, въ которомъ онъ нуждался. Кончивши изученіе новой своей вѣры, онъ показалъ удивительный даръ учительства и сдѣлался превосходнымъ богословомъ (¹). Рукоположенный въ пресвитера Римской Церкви, онъ проводилъ жизнь уединенную, въ подвигахъ строгаго аскетизма и когда возникъ вопросъ о чистотѣ Церкви, то онъ объявилъ себя въ пользу безусловной чистоты.

Римскій епископъ Корнилій былъ другихъ понятій. Новаціанъ, упражняясь въ подвигахъ личнаго благочестія, не входилъ въ споръ съ епископомъ. Между тѣмъ прибылъ въ Римъ Новатъ, отлученный Кипріаномъ отъ общества церковнаго. Это былъ неумолимый спорщикъ, который составлялъ оппозицію противъ всѣхъ, въ особенности противъ епископовъ. Порицая въ Кар-

(¹) Корнилій въ посланіи къ Антіохійскому епископу Фабію называетъ его удивительнымъ человѣкомъ, мужемъ знаменитѣйшимъ, учителемъ и защитникомъ церковныхъ правилъ. (Евсев. Церк. Ист. Кн. VI, гл. 43).

еагенѣ Кипріана за строгость къ падшимъ, онъ не усумнился однакожъ стать теперь на противоположную сторону и соединиться съ Новаціаномъ противъ Корнилія. Корнилій принималъ отступниковъ; истинная Церковь чиста и свята, говорили Новатъ и Новаціанъ, и составили особую Церковь чистыхъ, въ знакъ чего носили, говорятъ, бѣлыя одежды.

Гдѣ истина? Если смотрѣть на этотъ вопросъ съ общей точки зрѣнія, то могутъ быть два отвѣта на него или два мнѣнія, которыя однакожъ оба далеки отъ истины. Съ одной стороны нельзя образовать Церкви изъ однихъ чистыхъ членовъ. Безъ сомнѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ можно сказать о томъ или другомъ человѣкѣ, что онъ не истинный христіанинъ; но всѣ ли, считающіе себя христіанами и принадлежащіе къ Церкви, суть истинные христіане, это знаетъ одинъ Богъ, потому что мы не можемъ прозрѣвать въ глубину сердецъ. Такимъ образомъ Церковь чистыхъ есть мечтаніе, котораго никогда не принимала христіанская Церковь. Но съ другой стороны справедливо ли сказать, что не дѣло Церкви заниматься нравственностію, поведеніемъ своихъ членовъ? Должна ли она быть безразлична къ ихъ чистотѣ, къ ихъ святости? Это невозможно. Всякій членъ Церкви долженъ вести въ ней жизнь безупречную и назидательную. Смотрѣть безъ различія на добро и на зло есть величайшій соблазнъ. Церковь должна поддерживать добро противъ зла: это ея обязанность, это долгъ ея пастырей.

Если же разсматривать этотъ вопросъ въ его частномъ примѣненіи къ членамъ падшимъ, то Церковь рѣшила его съ кроткой снисходительностію къ человѣче-

симъ немощамъ, опредѣливши братій, по несчастію падшихъ, врачевать средствами покаянія.

Ириней епископъЛіонскій, описывая поведеніе христіанъ, пострадавшихъ во время гоненій, но оставшихся въ живыхъ, говоритъ, что „они не превозносились надъ падшими, но чѣмъ богаты были сами, то сообщали и нуждающимся; потому что имѣли материнское къ нимъ милосердіе и обильно проливали о нихъ слезы предъ Отцемъ". Эти слова о любви упомянутыхъ блаженныхъ мучениковъ къ падшимъ я привелъ, какъ полезныя, — прибавляетъ Евсевій въ слѣдъ за словами Иринея,—имѣя въ виду тѣхъ, которые впослѣдствіи, по безчеловѣчію и нечувствительности, жестоко поступали съ членами Христовыми". (1)

Новатъ просилъ Новаціана назваться епископомъ. Онъ хотѣлъ противопоставить его Римскому епископу точно также, какъ противопоставилъ Фортуната Кареагенскому. Новаціанъ долго не соглашался, наконецъ, уступилъ неотступной просьбѣ. Новатъ пригласилъ трехъ провинціальныхъ епископовъ, которые сообщили Новаціану рукоположеніе. Сначала это дало имъ нѣкоторый успѣхъ. Но Корнилій позвалъ на помощь Кипріана, который противосталъ Новаціану и помогъ таким образомъ въ этой борьбѣ Корнилію, какъ Корнилій помогъ ему въ борьбѣ противъ Новата.

Но служа дѣлу Церкви, Кипріанъ отказался признать притязанія римскихъ епископовъ, усвоявшихъ себѣ первенство въ Церкви. Мысль, что Церковь должна имѣть видимую главу и слѣдовательно видимаго представителя, на Востокѣ была неизвѣстна. Она возникла на Западѣ,

---

(1) Евсевій, Церк. Ист. Кн. V, гл. 2.

Римъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, былъ столицею міра. Это—единственный городъ на западѣ, гдѣ проповѣдывалъ Апостолъ Павелъ. Римляне говорятъ даже, что въ немъ былъ и Петръ, хотя въ Писаніи нѣтъ ничего объ этомъ. Кромѣ того Римская Церковь была матерью многихъ Церквей, оттуда Евангеліе пронесено въ различныя страны запада. Все это, особенно же политическое положеніе Рима, дало Римскимъ епископамъ мысль о первенствѣ между епископами. Говоримъ о первенствѣ, потому что въ ту пору еще никто не думалъ о главенствѣ и непогрѣшимости Римскаго епископа; никто не думалъ о мірскомъ могуществѣ, поддерживаемомъ національною или иностранною арміею; дѣло шло просто о первенствѣ. И однакожъ это смущало епископовъ и церковныхъ учителей и они съ энергіей протестовали противъ незаконныхъ притязаній Рима. Уже Тертулліанъ писалъ: это слово — ты еси Петръ — относится не къ Римскому епископу, но лично къ Петру, какъ мужу, просвѣщенному божественною благодатію и въ немъ ко всѣмъ тѣмъ, которые признали Христа своимъ вождемъ, которые сдѣлались въ подлинномъ смыслѣ камнями, то есть истинными христіанами". Откуда происходитъ это Римское преданіе? говоритъ Кипріанъ. Отъ Спасителя? Нѣтъ. Отъ заповѣдей Апостоловъ? Нѣтъ. Обычай не долженъ имѣтъ преобладающей силы надъ истиною, потому что обычай безъ истины есть не больше, какъ старое заблужденіе.

Споръ о крещеніи еретиковъ подалъ поводъ къ разногласію между Кипріаномъ Кароагенскимъ и Стефаномъ Римскимъ епископомъ. Вопросъ состоялъ въ томъ: крещеніе, данное еретиками, признавать-ли дѣйствительнымъ или нѣтъ? Кипріанъ, на основаніи своего понятія

о Церкви, считалъ его недѣйствительнымъ и послалъ въ Римъ депутатовъ, чтобы заявить свое мнѣніе (1). Но Стефанъ отвергъ его, считая нововведеніемъ, и угрожалъ Кипріану отлученіемъ отъ Церкви. Кипріанъ не хотѣлъ уступить ему незаконнаго права суда надъ епископами. Церкви Азійскія объявили себя въ его пользу. Онъ собралъ въ Африкѣ Соборъ, который также согласился съ его мнѣніемъ. Кипріанъ извѣстилъ Стефана о соборномъ опредѣленіи: но Римскій епископъ отлучилъ его отъ Церкви. Кипріанъ созвалъ новый Соборъ, который еще разъ утвердилъ мнѣніе Кипріана и объявилъ незаконнымъ присвоенное себѣ Римскимъ епископомъ право судить епископовъ. Впослѣдствіи, однакожъ, Церковь соборными опредѣленіями смягчила и ограничила постановленіе Кипріана о крещеніи еретиковъ.

Въ 254 г. на престолъ Римской имперіи взошелъ Валеріанъ. Съ самаго начала своего правленія онъ показывалъ расположеніе къ христіанамъ; но въ 257 году онъ объявилъ гоненіе на Церковь Христову. Проконсулъ Африки, призвавши къ себѣ Кипріана, объявилъ ему волю императора, чтобы всѣ подданные имперіи признали народныхъ боговъ. Кипріанъ исповѣдалъ имя Христово и сосланъ былъ въ заточеніе въ Карубитъ. Кипріанъ еще разъ воспользовался своимъ изгнаніемъ для утѣшенія вѣрныхъ. Онъ писалъ къ нимъ посланія, утѣшая и ободряя ихъ во время гоненія. Въ слѣдующемъ году проконсулъ вызвалъ его изъ заточенія, но не за тѣмъ, чтобы возвратить его Церкви. Призванный

(1) Въ то время, — говоритъ Евсевій подъ 252 годомъ, Кипріанъ, пастырь Кароагенскій, первый началъ думать, что принимать еретиковъ въ Церковь можно не иначе, какъ сначала очиствъ ихъ крещеніемъ. (Церк. Ист. кн. 141, гл. 3.).

къ суду, Кипріанъ безтрепетно еще разъ исповѣдалъ имя Христово и приговоренъ къ казни — отсѣченію головы. Онъ былъ отведенъ въ долину близъ Кареагена, называвшуюся Ксистою. Прибывши на мѣсто казни, онъ снялъ съ себя верхнюю одежду, сталъ на колѣна и произнесъ краткую молитву. Потомъ далъ совершителю казни 25 серебряныхъ монетъ, попросилъ бывшихъ при немъ клириковъ завязать ему глаза и связать руки по обычаю казни. Наконецъ поданъ былъ условный знакъ и глава пастыря пала подъ ударомъ меча. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ казненъ, Кареагенскіе христіане построили въ честь его церковь; а другую — на мѣстѣ, гдѣ погребены его священные останки. Впослѣдствіи обѣ эти церкви разрушены были вандаломъ Гейзерихомъ, и наконецъ, въ половинѣ VII столѣтія арабскіе завоеватели уничтожили здѣсь не только всѣ слѣды христіанства, но и самую память о немъ. Исторія только сохраняетъ память о процвѣтавшей нѣкогда и славной своими пастырями и своими мучениками Кареагенской Церкви.

О СВОБОДѢ СОВѢСТИ.

(Продолженіе). [1]

Между тѣмъ на Востокѣ воцарился Ѳеодосій (378). Увидѣвъ по всей странѣ необъятное разногласіе и взаимную ожесточенную борьбу религіозныхъ мнѣній, центромъ которой былъ Константинополь, Ѳеодосій, уже наставленный въ православной вѣрѣ, возъимѣлъ мысль собственнымъ примѣромъ и авторитетомъ привести всѣхъ своихъ подданныхъ къ единству вѣры. Онъ издалъ декретъ такого содержанія: „мы желаемъ, чтобы всѣ наши подданные послѣдовали тому исповѣданію, въ которомъ *мы*, согласно ученію Евангелія и Апостоловъ, признаемъ единое божество Отца и Сына и св. Духа, въ равночестномъ величіи св. Троицы; мы желаемъ, чтобы тѣ, которые будутъ сохранять эту вѣру, удержали за собою имя христіанъ каѳолическихъ, а прочіе, которыхъ мы почитаемъ безсмысленными, носили позорное названіе еретиковъ, чтобы мѣста собраній этихъ послѣднихъ не назывались церквами, а дальнѣйшее наказаніе ихъ предоставляемъ во первыхъ суду Божію, а потомъ — движенію нашего духа, какое будетъ дано намъ свыше“ [2]. Въ послѣднихъ словахъ видна уклон-

(1) См. сентябрскую, октябрскую, ноябрскую и декабрскую книжки Христ. Чтенія 1864 года.

(2) Этотъ декретъ, извѣстный подъ названіемъ: cunctos populos (первыя слова его), изданъ въ Ѳессалоникахъ 28 февр. 380. Vid, *Cod. Theod.* 16,1. de fide Catholica.

чивость отъ рѣшительныхъ мѣръ и только неопредѣленная угроза. Ѳеодосій, очевидно, хотѣлъ испытать дѣйствіе этого перваго эдикта, прежде, чѣмъ принять положительныя мѣры. При этомъ онъ не преминулъ другимъ, придаточнымъ къ этому, эдиктомъ коснуться и православныхъ епископовъ, не показавшихъ довольно заботливой дѣятельности противъ ересей. Ѳеодосій обвинилъ ихъ *въ святотатствѣ* (¹). Издавъ еще нѣсколько постановленій о соблюденіи священныхъ временъ Церкви, именно великопостныхъ, воскресныхъ и пасхальныхъ дней, въ которыя между прочимъ запретилъ уголовное судопроизводство и публичныя зрѣлища, онъ, для рѣшенія вопросовъ догматическихъ, созвалъ вселенскій II соборъ въ Константинополѣ. Въ видахъ церковнаго соглашенія императоръ повелѣлъ допустить на Соборъ еретиковъ; православные епископы, съ своей стороны, обѣщали имъ полное общеніе, если только они, согласно со всею Церковію, признаютъ единосущіе во св. Троицѣ. Но еретики не изъявили на то своего согласія и рѣшились остаться при своихъ особыхъ мнѣніяхъ о взаимномъ отношеніи Божественныхъ Лицъ. Тогда имп. Ѳеодосій публично объявилъ, что онъ принимаетъ и вводитъ въ государство, какъ законъ, опредѣленія Собора, которыми, какъ мы видѣли выше, утверждалось неизмѣнно Никейское исповѣданіе и предавались анаѳемѣ всѣ его противники (²). За тѣмъ Ѳеодосій повелѣлъ всѣ Церкви, которыми овладѣли еретичествовавшіе епископы, возвратить православнымъ, причемъ поименовалъ тѣхъ епископовъ, съ которыми единеніе въ вѣрѣ должно было служить для всѣхъ публич-

(¹) Ibidem.

(²) *Сократ.*, 5,8. *Созомен.* 7,7.

нымъ свидѣтельствомъ православія. Они поставлены во главѣ цѣлыхъ церковныхъ округовъ имперіи. Всѣ, несогласные съ ними въ исповѣданіи вѣры, епископы должны были лишиться своихъ мѣстъ (1). Далѣе Ѳеодосій запретилъ Аріанамъ всѣхъ видовъ строить для себя церкви и по городамъ и по полямъ, подъ опасеніемъ конфискаціи той земли, на которой будетъ дозволено имъ кѣмъ нибудь построеніе; Манихеевъ и всѣхъ отступниковъ отъ христіанства лишилъ права судебнаго свидѣтельства, завѣщанія и наслѣдства; вообще эти послѣдніе теряли всѣ права гражданскихъ званій и состояній, не имѣя позволенія приписываться даже къ самымъ низшимъ сословіямъ въ государствѣ (2). Самыя собранія религіозныя были рѣшительно запрещены всѣмъ еретикамъ и въ публичныхъ мѣстахъ и въ частныхъ домахъ, а всѣмъ православнымъ дано право препятствовать такимъ собраніямъ, гдѣ бы то ни было; учители и церковнослужители еретиковъ разогнаны по мѣстамъ ихъ происхожденія; впослѣдствіи къ этому прибавлены денежные штрафы за всякое еретическое рукоположеніе, и съ рукополагающихъ и рукополагаемыхъ; наконецъ на гражданскія начальства возложена отвѣтственность за точное исполненіе всѣхъ этихъ постановленій (3). Не смотря на то, постановленія Ѳеодосія не строго исполнялись; да и самъ Ѳеодосій, по замѣчанію историковъ, болѣе думалъ о церковномъ возсоединеніи всѣхъ иномыслящихъ, нежели о юридическомъ раздѣленіи ихъ; поэтому своими законами онъ хотѣлъ только болѣе устрашать ихъ, чѣмъ казнить на самомъ дѣлѣ за

(1) *Cod. Theod.* 16, tit. 1. an. 381.
(2) Ibid. tit. 5. tit. 7. an. 380—94.
(3) Ibid. an. 383. *Созом.* 7,6.

неисполненіе своихъ эдиктовъ. Историки говорятъ, что Ѳеодосій даже имѣлъ намѣреніе устроить общій соборъ предстоятелей и учителей всѣхъ вѣроисповѣданій, предполагая, что если всѣ они совокупно обсудятъ дѣла вѣры, то всѣ придутъ къ единомыслію. „Надобно, говорилъ онъ, разъяснить со всѣхъ сторонъ спорные предметы и такимъ образомъ, отнявъ всѣ поводы къ разногласію, водворить въ Церкви единомысліе“ (1). Но люди опытные знали, что общія собранія не только не соединяютъ раздѣлившихся, а еще болѣе въ спорахъ взаимно раздражаютъ ихъ другъ противъ друга; поэтому за лучшее считали, оставивъ діалектическія состязанія, собрать свидѣтельства древнихъ учителей Церкви о предметахъ вѣры, возбудившихъ разномысліе, и потомъ предводителямъ ересей сдѣлать отъ имени Царя запросъ: уважаютъ ли они учителей, прославившихся въ Церкви до ея раздѣленія, или отвергаютъ ихъ, какъ чуждыхъ истиннаго христіанства? Если отвергаютъ, то пусть осмѣлятся предать ихъ анаѳемѣ: тогда возстанетъ народъ, изгонитъ всѣхъ еретиковъ изъ среды себя и побѣда истины будетъ несомнѣнна и очевидна. А если еретики признаютъ авторитетъ древнихъ учителей, то православные будутъ указывать на тѣ сочиненія ихъ, въ которыхъ подтверждается православное исповѣданіе вѣры. Императоръ ухватился за эту мысль и самъ лично повелъ дѣло. Не объявляя положительно своихъ намѣреній, онъ предложилъ еретикамъ только вопросъ о важности древнихъ писателей Церкви, и когда еретики отвѣчали, что они очень уважаютъ этихъ писателей, Царь еще спросилъ: надобно ли слѣдовать имъ, какъ несомнѣннымъ проповѣдникамъ истиннаго христіанскаго

(1) *Сократ.* 5,10.

ученія? При вопросѣ, такъ поставленномъ, руководители разныхъ исповѣданій раздѣлились въ мнѣніяхъ; одни соглашались обратиться къ древнимъ книгамъ, другіе находили это не полезнымъ для своихъ цѣлей, такъ какъ на книги эти каждый смотрѣлъ по-своему. Разногласіе по этому вопросу открылось не только между представителями разныхъ вѣроисповѣданій, но и между членами однихъ и тѣхъ же еретическихъ обществъ. Ясно было, что разномыслящимъ въ вѣрѣ людямъ гораздо выгоднѣе были діалектическія состязанія, чѣмъ положительныя основанія вѣры. Тогда Θеодосій обратился къ другому способу: онъ объявилъ, чтобы каждое общество иномыслящее представило ему письменное изложеніе своей вѣры. Ученѣйшіе мыслители со стороны каждой ереси изложили свои догматы, взвѣшивая, какъ говоритъ историкъ, *каждое выраженіе*, какъ и нужно было, потому что раздѣленія въ Церкви большею частію происходили именно отъ несогласія въ словахъ и выраженіяхъ, необходимыхъ для точнаго опредѣленія догматовъ, а разныя слова, выражая различныя понятія, производили иномысліе и въ отношеніи къ самой сущности христіанскаго ученія. Въ назначенный день епископы всѣхъ вѣроисповѣданій собрались, по приглашенію, во дворецъ. Императоръ, принявъ отъ нихъ и прочитавъ составленные ими символы вѣры, отвергъ и разодралъ всѣ тѣ, въ которыхъ вводилось раздѣленіе въ троичность Лицъ Божественныхъ и принялъ одинъ, утверждавшій единосущіе. Это было въ 383 году, въ Константинополѣ. Такъ разсказываютъ церковные историки V-го вѣка (1).

(1) *Сократ.* 5,10. *Созоменъ* 7,12.

Усилія имп. Ѳеодосія къ возстановленію единовѣрія въ христіанствѣ были безуспѣшны. Послѣ этой, сейчасъ разсказанной, попытки къ единенію, разъединеніе въ Церкви еще болѣе усилилось, чѣмъ прежде. Православные пастыри теряли почти всякую надежду не только обратить инакомыслящихъ, но и дать внѣшній миръ Церкви собственными средствами. Въ такомъ положеніи они признавались откровенно, что не ожидаютъ пользы отъ соборныхъ разсужденій съ еретиками, а вынуждались обращаться къ свѣтской власти съ просьбою о содѣйствіи православію и миру Церкви—внѣшними, гражданскими мѣрами. Св. Григорій Назіанзскій, жившій въ это время въ уединеніи, по поводу предположеннаго Ѳеодосіемъ общаго собора разномыслящихъ, писалъ своимъ свѣтскимъ друзьямъ въ Константинополѣ, придворнымъ, гражданскимъ и военнымъ лицамъ: „теперь опять соборъ епископовъ, не знаю, для чего и какъ собираемыхъ; но я прошу васъ, чтобы вашими силами и трудами, словомъ и дѣломъ умирены были Церкви, хотя бы для этого нужно было съ особенною строгостію наказать мятежныхъ; не облѣнитесь возстановить общее согласіе, потому что есть опасность, какъ бы и нынѣ не остаться намъ въ стыдѣ, если и этотъ соборъ будетъ имѣть такой же конецъ, какъ и прежніе. Намъ опять предстоитъ борьба, притомъ среди враговъ, которые внимательно наблюдаютъ за всѣмъ, касающимся насъ. Подайте же свои руки общему собранію, и сколько станетъ у васъ силъ, потрудитесь, чтобы у собравшихся епископовъ миромъ кончилось дѣло. Весьма стыдно—собираться многократно и не находить предѣла бѣдствіямъ, а только къ прежнимъ смятеніямъ прибавлять непрестанно новыя; не допустите, чтобы всѣ истреблены

были пожаромъ, распространившимся нынѣ по всей Церкви.“ (1)

Впрочемъ это обращеніе духовной власти къ свѣтской было вовсе не въ смыслѣ нетерпимости или преднамѣреннаго преслѣдованія иномыслящихъ. Среди самаго разгара вольномыслія, среди самаго яростнаго буйства еретиковъ противъ Церкви, Церковь сохраняла въ своихъ дѣйствіяхъ свойственную ей умѣренность, кротость, человѣколюбіе. Тотъже Св. Григорій писалъ къ правителю Каппадокіи: „зная мысли и нечестіе Аполлинаріотовъ, видя несносное высокоуміе ихъ, думалъ я, что своимъ великодушіемъ сдѣлаю ихъ кроткими и понемногу смягчу, что, повидимому, и обѣщали они моимъ надеждамъ. Но незамѣтнымъ образомъ, какъ оказалось, я сдѣлалъ ихъ еще худшими и неблаговременнымъ любомудріемъ нанесъ вредъ Церкви; кротость не приводитъ въ стыдъ людей негодныхъ. Эти злые и во злѣ погибшіе люди, сверхъ всего прочаго, употребили въ дѣло епископовъ, низложенныхъ на вселенскомъ Соборѣ, воспротивившись всѣмъ Царскимъ постановленіямъ и вашимъ распоряженіямъ, возложили имя епископа на одного нечестиваго изъ среды своей человѣка. Если это сносно, да перенесетъ твоя твердость; перенесу и я, какъ и переносилъ неоднократно. А если это тяжело и нестерпимо для самихъ Царей, благоволи наказать за то, что ими сдѣлано, хотя и не такъ строго, какъ заслуживало бы ихъ высокоуміе.“ (2) Св. Амвросій Медіоланскій однажды, во время священнослуженія, получилъ извѣстіе, что народъ схватилъ на улицѣ одного аріан-

(1) Письма Св. Григорія 151. 152. 154. 156.—къ Постуміану, префекту преторіи, къ Сатурнину консулу, къ военачальникамъ Виктору и Мардарію (по русскому переводу).

(2) Письмо 112 къ Олимпію.

скаго пресвитера, извѣстнаго ненавистію къ православнымъ; тотчасъ св. пастырь началъ среди церкви громко и съ плачемъ взывать къ Богу о недопущеніи кровопролитія за дѣло вѣры, или о попущеніи ему самому, Амвросію, пролить свою кровь не только за Церковь, или за народъ, но и за самыхъ еретиковъ. Онъ не прежде успокоился и въ состояніи былъ окончить священнодѣйствіе, какъ пославъ къ народу своихъ пресвитеровъ и діаконовъ, успѣлъ спасти аріанина отъ угрожавшей ему опасности. (1) Когда нѣкоторые еретики, не покоряясь духовному суду, апеллировали къ царской власти, и эта власть намѣревалась предать ихъ гражданскимъ казнямъ, какъ было напр. въ Испаніи при императорѣ западномъ Максимѣ, то православные епископы, напр. Мартинъ Турскій и другіе умоляли императора не проливать кровь виновныхъ, представляя ему, что въ дѣлѣ вѣры довольно, если они признаны Церковію еретиками и отлучены отъ христіанскаго общества, что и нѣтъ основанія такое дѣло подвергать суду гражданскому. Равнымъ образомъ когда нѣкоторые епископы рѣшались преслѣдовать еретиковъ судомъ гражданскимъ и требовать ихъ казни, эти епископы вызывали на себя осужденіе своихъ собратій. (2) Все, чего домогались православные пастыри предъ свѣтскою властію, заключалось только въ томъ, чтобы она обуздывала дерзость и наглость еретиковъ, публично оскорблявшихъ православіе, не позволяла имъ возмущать миръ христіанскаго общества и не допускала уравненія свободы и правъ ихъ скопищъ съ Церковію, къ униженію ея, къ ущербу благосостоянія и стѣсненію ея свободы дѣйствій.

(1) *Paulin.* Vit. Ambrosii n. 9.
(2) Vid. *Sulpicii Severi* vit. Martini n. 33.

Такъ св. Григорій Назіанзскій писалъ къ Нектарію Константинопольскому: „я смотрю на одни общія страданія Церквей, объ уврачеваніи которыхъ если не заботиться въ настоящее время, то дѣло дойдетъ постепенно до совершенной безнадежности. Еретики Аріане и Евдоксіане, не знаю, кѣмъ подвигнутые къ безумію, какъ будто получивъ на то свободу, выставляютъ на показъ свой недугъ, собирая церкви, какъ будто дѣлаютъ это по праву. А спорливые послѣдователи Македонія дошли до такого безумія, что, присвоивъ себѣ имя епископовъ, появляются въ нашихъ мѣстахъ, называя рукоположителемъ своимъ Елевсія. Домашнее же наше зло-Евномій не довольствуется чѣмъ-нибудь обыкновеннымъ, но считаетъ для себя потерею, если не всѣхъ увлекъ съ собою въ погибель. Но это еще сносно; всего же тягостнѣе въ церковныхъ бѣдствіяхъ дерзость Аполлинаристовъ, которымъ, не знаю, какъ твоя святость попустила присвоить себѣ наравнѣ съ нами власть имѣть свои собранія. Если такъ умствующіе имѣютъ право имѣть свои собранія, да разсудитъ твоя испытанная во Христѣ мудрость, что, когда мы несогласны съ ними въ образѣ мыслей, дать имъ право имѣть свои собранія значитъ не иное что, какъ признать, что ученіе ихъ истиннѣе нашего. Ибо, если дозволяется имъ, какъ благочестивымъ, учить сообразно съ ихъ образомъ мыслей и свободно проповѣдывать содержимое ими ученіе, то не явно ли симъ осуждается ученіе Церкви, какъ будто истина на ихъ сторонѣ? Неестественно быть истинными двумъ противнымъ ученіямъ объ одномъ и томъ же. Какъ же твой великодаровитый и высокій умъ потерпѣлъ, чтобы не воспользоваться обычною свободою къ уврачеванію такого зла? Но если прежде не было сдѣ-

лано это, покрайней мѣрѣ теперь да возстанетъ твое неукоризненное въ добродѣтели совершенство и внушитъ благочестивѣйшему Царю, что не будетъ никакой пользы отъ всей заботливости его о Церквахъ, если такое зло, стремящееся къ ниспроверженію здравой вѣры, усилится по причинѣ данной ему свободы.“ (1) Слова эти прямо направлены противъ религіозной свободы еретиковъ: но мысль этихъ словъ—только обузданіе ихъ вольности, и, если уже допущена свобода ихъ, то покрайней мѣрѣ Церковь должна имѣть столько же свободы въ борьбѣ съ ними, въ защиту и утвержденіе истины. И при этомъ насиліе въ дѣйствіяхъ противъ иномыслящихъ и ненависть къ нимъ въ душѣ были совершенно чужды Церкви. „Сохраняйте, увѣщавалъ тотъ же св. Григорій Богословъ свою паству, неуклонное и твердое исповѣданіе Отца и Сына и Св. Духа, ничего не прибавляя и не убавляя и не умаляя въ единомъ Божествѣ; а тѣхъ, которые иначе мыслятъ и говорятъ, гоните отъ себя, какъ язву для Церкви и ядъ для истины, впрочемъ безъ ненависти, а только сожалѣя объ ихъ паденіи.“ (2) Тотъже св. мужъ, среди вселенскаго Собора, публично и торжественно объяснялъ свой собственный образъ дѣйствій относительно еретиковъ. „Смотрите, говоритъ онъ Собору, языки противниковъ стали кротки, и вооружавшіеся противъ Божества безмолвствуютъ предо мною. И это плоды Духа, и это плоды моего дѣланія. Ибо учу, не какъ неученый, не поражаю противниковъ укоризнами, какъ дѣлаютъ многіе, сражающіеся не съ ученіемъ, а съ учащими, и укориз-

(1) См. въ твореніяхъ св. Григорія ч. 4. по русскому переводу.
(2) Твор. часть 3. Слово 36.

нами покрывающіе иногда слабость своихъ умозаключеній. Но воинствованіе свое за Христа доказываемъ тѣмъ, что сражаемся, подражая Христу, который миренъ, кротокъ и понесъ на Себѣ наши немощи; не заключаемъ мира во вредъ ученію истины, уступая что-нибудь ради славы именоваться снисходительными, (мы не уловляемъ добра худыми средствами), и блюдемъ миръ, сражаясь законно, не выступая изъ своихъ предѣловъ и правилъ Духа. Такъ о семъ разумѣю, и вмѣняю это въ законъ всѣмъ строителямъ душъ и раздаятелямъ слова: ни строгостію не ожесточать, ни потворствомъ не надмѣвать, но соблюдать благоразуміе въ словѣ, и ни въ томъ ни въ другомъ не преступать мѣры." (1) Въ другомъ мѣстѣ св. Григорій также говорить: „кто изъ родоначальниковъ нелѣпыхъ ученій былъ столько упоренъ, чтобъ не склонить слуха къ моимъ словамъ? Однихъ плѣняла сила ученій, другихъ дѣлалъ кроткими образъ выраженія. Безъ вражды, не столько съ укоромъ, сколько съ сердоболіемъ велъ я рѣчь; совѣтовалъ, а не поражалъ, и не превозносился, какъ другіе, скоротечнымъ и непостояннымъ временемъ. Ибо какое общеніе у Слова съ земною властію? Не дѣлалъ я щита своему неразумію изъ дерзости. Напротивъ того, въ словахъ своихъ соблюдалъ я кротость и благоприличіе, какъ защитникъ Слова кроткаго, сострадательнаго, не наносящаго никому ударовъ. Потому и побѣжденнымъ оставаться славно, но еще гораздо досточестнѣе одерживать верхъ надъ пріобрѣтаемыми Богу невольнымъ убѣжденіемъ. Такъ было начертано на моихъ скрижаляхъ." (2) Наконецъ замѣчательно сужденіе св.

(1) Слово 42 къ Собору II вселен. твор. часть 3.
(2) Стих. о своей жизни. Твор. ч. 6.

Григорія объ отношеніяхъ имп. Θеодосія великаго къ дѣламъ вѣры. „Государь, говоритъ св. Григорій, что касалось до вѣры въ Бога, не былъ зломыслемъ; могъ удерживать въ должныхъ предѣлахъ души болѣе простыя; самъ усердно чтилъ Троицу; но у него не было такой горячности духа, чтобы настоящее уравнять съ прошедшимъ, самому времени предоставивъ отразить удары времени. Или, можетъ быть, имѣлъ онъ и горячность духа, но ей не равнялась (какъ это назвать — научите сами) отважность или рѣшительность. А можетъ быть, лучше наименовать это предусмотрительностію; потому что и самъ признаю законнымъ не принуждать, но убѣждать, и нахожу это болѣе полезнымъ какъ для насъ самихъ, такъ и для тѣхъ, кого приводимъ къ Богу. Невольное, сдерживаемое силою, какъ стрѣла, остановленная тетивою и могучей рукою, или ручей, отвсюду преграждённый въ своемъ теченіи, при первомъ удобномъ случаѣ прорываетъ сдерживающую силу. А добровольное навсегда твердо; потому что связано неразрѣшимыми узами любви. Съ такою мыслію, какъ полагаю, и Царь не давалъ пока мѣста страху, всѣхъ привлекалъ кротостію, желая лучше, чтобъ дѣйствовали свободно, а не изъ повиновенія только писанному закону.“ (1)

До такой степени чуждая нетерпимости, Церковь, въ видахъ примиренія и сближенія съ нею иномыслящихъ, не отказывалась дѣлать для нихъ даже нѣкоторыя уступки, не въ ученіи вѣры, въ которомъ она хотѣла оставаться всегда безусловно-неизмѣнною, а въ условіяхъ возсоединенія ихъ съ обществомъ православныхъ. Такъ II вселенскій Соборъ рѣшилъ признать крещеніе Аріанъ (кромѣ Евноміанъ, крестившихъ у себя однократ-

(1) Тамъ-же.

ніемъ погруженіемъ въ воду), Македоніанъ, Аполлинаристовъ и нѣкоторыхъ другихъ (II вселен. прав. 7); I вселенскій Соборъ признавалъ іерархію Новатіанъ (пр. 8).— Это признаніе впрочемъ имѣло не тотъ смыслъ, чтобы допускалась или совершенная истинность аріанскаго крещенія или полная самостоятельность іерархіи Новатіанской внѣ Церкви и равенство въ силѣ и значеніи ихъ съ установленіями Церкви; смыслъ признанія былъ только тотъ, что крещеніе надъ Аріанами и рукоположеніе надъ Новатіанами вновь не совершалось, когда они обращались къ православной Церкви. Послѣднее и было условіемъ перваго. Св. Василій великій, въ борьбѣ съ Евноміанами, отвергавшими между прочимъ божественность Св. Духа, позволилъ себѣ въ своихъ сочиненіяхъ по этому предмету не употреблять даже имени Бога о Св. Духѣ, доказывая однакожъ весьма сильно Его божественное существо, — именно съ тою цѣлію, чтобы прямыми словами съ перваго раза не оттолкнуть отъ своихъ сочиненій еретиковъ, а хотѣлъ предрасположить ихъ къ чтенію и, мало по малу углубивъ въ содержаніе книги, незамѣтно для нихъ самихъ убѣдить ихъ въ истинности церковнаго ученія. Эту снисходительность св. Василій простеръ до того, что не усумнился принимать въ общеніе Церкви такихъ духоборцевъ, которые только не называли Св. Духа *тварію*: болѣе того не хотѣлъ онъ требовать. „Въ наше время, писалъ онъ къ пресвитерамъ Тарса, потребна великая тщательность и многопопечительность, чтобы Церквамъ оказать какое нибудь благодѣяніе. Благодѣяніемъ же будетъ соединеніе доселѣ раздѣленнаго; и соединеніе воспослѣдуетъ, если согласимся снизойти къ немощнымъ въ томъ, что не повредитъ нашимъ душамъ. И такъ какъ многія уста

отверзаются против Духа Святаго, и многіе языки изощряются въ хулѣ на Него, то прошу васъ, ограничьте хулящихъ, сколько можно вамъ, меньшимъ числомъ; и кто не называетъ Духа Святаго тварію, тѣхъ пріимите въ общеніе, чтобы остались одни хулители; и они, или устыдясь, возвратились бы къ истинѣ, или, оставаясь во грѣхѣ, по малочисленности своей утратили бы вѣроятіе у другихъ. Мы ничего больше не требуемъ, а предлагаемъ только желающимъ единенія съ нами братіямъ Никейскую вѣру; и если соглашаются на нее, то требуемъ еще не именовать тварію Духа Святаго и не имѣть общенія съ именующими. Кромѣ же сего согласенъ я ничего не требовать. Ибо увѣренъ, что по долговременномъ общеніи ихъ съ нами и по безпрекословномъ упражненіи въ догматахъ вѣры, если бы и потребовалось что присовокупить для большей ясности, дастъ это Господь, вся споспѣшествующій во благое любящимъ Его (Рим. 8, 28.).“ (1) Въ тѣхъ же видахъ умиренія Церкви св. Григорій Богословъ сильно возставалъ противъ усилившейся въ то время страсти въ православныхъ — укорять и оглашать другихъ еретиками. (2) Повторяемъ, что это не было дѣйствительною уступкою *въ вѣрѣ*; это не было и какимъ нибудь колебаніемъ въ убѣжденіяхъ, двусмысліемъ въ ученіи и т. п. Это былъ только путь къ примиренію и общенію духовному, означающій не склоненіе православія къ иновѣрію, а обращеніе послѣдняго къ первому; это была средина, нейтральная точка, на которую соглашалась вступить Церковь, чтобы только ближе и удобнѣе про-

---

(1) Въ твореніяхъ св. Василія ч. 10. письмо 109 по русскому переводу.
(2) Слово 20, 32. твор. ч. 2 и 3.

стереть руку отдѣляющимся отъ нея дѣятельнымъ образомъ, облегчить имъ самимъ воссоединеніе. Это не было также желаніе только расширенія Церкви, только заботливость о числѣ членовъ ея, безъ особеннаго вниманія къ ихъ убѣжденіямъ; такія номинальныя пріобрѣтенія были совершенно чужды истинной Церкви. Правда, бѣдствія Церкви среди еретическихъ волненій были такъ велики, что не могли не имѣть, и дѣйствительно имѣли свое вліяніе на употребленіе тѣхъ мѣръ со стороны Церкви: но никакія бѣдствія не могли побудить Церковь къ отступленію отъ истины. Церковь только выступала впередъ къ врагамъ своимъ, сколько по неистощимой силѣ любви, всегда ее по духу Христову одушевлявшей, столько по убѣжденію въ непоколебимости чистой истины отъ этого шага, столько же по тому, ясному и глубокому пониманію истины, которое умѣло открывать въ ней доступъ для умовъ иномыслящихъ. Истина, не переставая быть истинною, можетъ являться человѣку въ различныхъ образахъ, чтобы если не тѣмъ, то другимъ образомъ проникнуть въ его умъ и привлечь его душу. Но какъ скоро дѣло касается самаго существа истины, или представляется такой образъ ея, въ которомъ она искажается, тогда никакое соединеніе, даже никакое примиреніе съ иномысліемъ становится невозможнымъ. Такъ разсуждалъ св. Василій великій. — „Мнѣ кажется, писалъ онъ къ Евсевію, епископу Самосатскому, желавшему примирить его съ однимъ епископомъ, который явно склонялся къ ереси, — мнѣ кажется, что должно не совершенно чуждаться не принимающихъ вѣры, но употребить нѣкоторое о нихъ попеченіе по древнимъ уставамъ любви, и съ общаго согласія написать къ нимъ, съ сердоболіемъ предложивъ имъ всякое возможное утѣ-

шеніе, и, исповѣдавъ вѣру Отцевъ, пригласить ихъ къ единенію. Если убѣдимъ, то всѣ сообща вступимъ въ единеніе съ ними. А если не успѣемъ, то удовольствуемся другъ другомъ, но выведемъ изъ обычая это колебаніе между тою и другою стороною, опять воспріявъ то Евангельское и нелестное житіе, какимъ жили приступавшіе къ Слову въ началѣ. Ибо сказано: вѣровавшимъ бѣ сердце и душа едина (Дѣян. 4, 32). Посему если послушаются тебя, это всего лучше. А если нѣтъ, то узнайте виновниковъ раздора и не пишите уже номнѣ болѣе о примиреніяхъ.“ (1)

Между тѣмъ законы Θеодосія противъ еретиковъ немного оказывали дѣйствительной пользы Церкви; нетвердость въ исполненіи этихъ законовъ, на которое, какъ мы уже замѣчали, немного настаивалъ и самъ императоръ, придавала еретикамъ много дерзости. Надобно войти въ духъ, нравы и обычаи тѣхъ временъ, чтобы понять силу этихъ враговъ Церкви. При живомъ и дѣйствительномъ участіи народа въ дѣлахъ Церкви, тогда не только административные вопросы, какъ напрам. избраніе епископовъ и пр., но и каноническіе и даже догматическіе обсуждались публично, всенародно; народъ составлялъ свои религіозныя собранія, въ которыхъ свободно разсуждалъ о вѣрѣ, и въ которыя также свободно могли входить всѣ разномыслящіе. Живое сочувствіе всему, что касалось Церкви, особенно же прямыя, непосредственныя соотношенія между пасомыми и пастырями, придавали голосу народа особенную силу. Съ другой стороны тутъ свободно развивались и живо дѣйствовали тѣ нравственныя силы, которымъ всегда легко покоряются народныя массы: краснорѣчіе,

(1) Въ твореніяхъ св. Василія; письмо 128.

смѣлость, ловкость, лицемѣріе, искусное организованіе партій, нерѣдко и одно численное большинство, а за тѣмъ и сила вещественная. Вотъ путь и средства, которыми самые грубые еретики пріобрѣтали такую силу въ обществѣ, какой они не могли бы пріобрѣтать церковнымъ путемъ, т. е. на соборныхъ епископскихъ совѣщаніяхъ или одними догматическими трактатами; и вотъ почему православные пастыри такъ сильно возставали противъ свободы еретиковъ — составлять свои собранія. Доступъ къ правительству и даже царскому Двору, равно открытый духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая и языческаго, присоединялъ къ увлеченіямъ народной массы еще силу интригъ высшихъ классовъ. Все это парализовало дѣйствіе самыхъ благонамѣренныхъ распоряженій правительства въ дѣлахъ вѣры, не говоря уже о томъ, что собственныя мѣры Церкви, даже рѣшенія вселенскихъ Соборовъ, нерѣдко становились недѣйствительными. Твердыя и рѣшительныя въ догматическомъ и каноническомъ смыслѣ, они дѣлались безсильными въ практикѣ. Покровительство гражданской власти и съ этой стороны оказывалось большею частію несостоятельнымъ. Такимъ образомъ, не смотря на государственное утвержденіе христіанства въ Имперіи, въ качествѣ господствующаго вѣроисповѣданія, даже язычники еще не теряли надежды на возстановленіе своей религіи. При кротости правленія Ѳеодосія на Востокѣ и слабости Валентиніана на Западѣ надежды эти оживились. Симмахъ, извѣстный въ язычествѣ своимъ краснорѣчіемъ, префектъ Рима и членъ сената, выступилъ съ открытымъ представленіемъ отъ имени сената на имя Императора ни болѣе ни менѣе, какъ о возвращеніи

язычеству всего прежняго значенія, религіознаго и государственнаго. Представляя Римъ счастливымъ въ язычествѣ болѣе, чѣмъ въ христіанствѣ, Симмахъ выражаетъ и такую мысль, что Римъ, всегда вѣрный своей древней религіи, теперь (въ IV в. по Р. Х.) уже слишкомъ старъ, чтобы исправлять свою вѣру или только желать религіозныхъ перемѣнъ; что отъ презрѣнія къ древней религіи нельзя народу ничего ожидать, кромѣ бѣдствій, что напр. богиня побѣды, предъ которой прежде торжествовались такъ блистательно великіе успѣхи римскихъ войнъ, а сенатъ клялся въ вѣрности императорамъ, разгнѣванная за отмѣну жертвоприношеній въ честь ея, не дастъ царямъ и народу новыхъ побѣдъ, а въ сенатѣ допуститъ нарушеніе присяги; что вездѣ и у всѣхъ одно божество, только подъ разными именами покланяемое. Въ заключеніе Симмахъ самихъ императоровъ величаетъ богами и вѣчными. Не только намъ, въ настоящее время, но и въ то время не могли не быть ясны всякому здравомыслящему сколько нелѣпость этихъ мыслей, столько же анахронизмъ всего этого представленія. И что же? Не смотря на анахронизмъ и нелѣпость, дѣло получило серьезный ходъ; оно вмѣстѣ съ возраженіями христіанскихъ учителей и пастырей было даже разсматриваемо въ римскомъ сенатѣ, гдѣ членами были и христіане и язычники. Не говоря уже объ язычникахъ, между христіанскими членами сената нашлись голоса въ пользу представленія Симмаха. Конечно, это были худые христiане: но эти худые христіане были *сенаторы* и потому имѣли свое право голоса. Такъ опасно въ дѣла религіи вводить гражданскую власть. Хотя императоръ западный Валентиніанъ противостоялъ усиліямъ Симмаха, но

Максимъ, воцарившійся въ Галліи, Испаніи и Великобританіи, обнадеживалъ язычниковъ въ успѣхѣ ихъ дѣла. Самъ императоръ Ѳеодосій лично не имѣлъ намѣренія возстановлять язычество, но нѣсколько колебался и былъ повидимому не прочь удовлетворить желанію сената о возстановленіи статуи и жертвенника побѣды. Пастыри вынуждены были серьозно опровергать бредни язычниковъ, и только твердости св. Амвросія Медіоланскаго, христіанство обязано избавленіемъ отъ угрожавшаго ему новаго поношенія и новыхъ бѣдствій. Этотъ великій и святый мужъ рѣшительно возсталъ противъ замысловъ язычества, до того, что прекратилъ даже личныя сношенія съ императоромъ Ѳеодосіемъ, глубоко его уважавшимъ (1). Онъ убѣждалъ императоровъ даже во имя свободы совѣсти: „Вы, говорилъ онъ, никого не принуждаете покланяться тому, кому не хотятъ кланяться; пусть же и вамъ язычники дадутъ свободу", — такъ какъ царское повелѣніе о возстановленіи язычества, хотя бы только въ видѣ одного жертвенника побѣды, было бы уже нарушеніемъ свободы, принужденіемъ совѣсти. Таково это начало: свобода совѣсти; оно легко обращается во всѣ стороны. Оно слишкомъ подвижно и отъ того шатко, чтобы на немъ могло утвердиться что-нибудь постоянное, вѣрное, безусловно истинное. Оно годилось Симмаху, чтобы дѣйствовать въ пользу язычества; оно пригодилось и св. Амвросію, чтобы постоять за христіанство; а обстоятельства легко могли повернуть его и напротивъ. . . . .

Ѳеодосій, болѣе и болѣе просвѣщаемый христіанскимъ ученіемъ, болѣе и болѣе убѣждаемый внушеніями пра-

(1) *S. Ambros.* Ep. 18. 57. *Paulini* vita Ambros.

восланныхъ епископовъ, рѣшилъ наконецъ совсѣмъ уничтожить идолопоклонство. Онъ самъ лично, въ полномъ собраніи сената, въ которомъ еще много было язычниковъ, пытался убѣдить ихъ къ общему обращенію въ христіанство: но его увѣщанія имѣли не много успѣха. Только объявленіе императора, что государство, истощаемое войнами съ варварами, не можетъ долѣе выдавать изъ своей казны пособій на языческіе храмы, жертвоприношенія и праздники, что имперія имѣетъ гораздо болѣе нужды въ оружіи, чѣмъ въ жертвоприношеніяхъ, болѣе въ солдатахъ, чѣмъ въ жрецахъ, только такое объявленіе колебало упорство идолопоклонниковъ ([1]). Но что было причиною такого упорства? Неужели серьозное убѣжденіе, голосъ совѣсти, искренняя вѣрность религіознымъ преданіямъ? Нѣтъ. И сейчасъ указанное нами объявленіе Ѳеодосіево и его послѣдствія даютъ видѣть совсѣмъ иныя побужденія. Идолопоклонство было *выгодно* для многихъ; жрецовъ оно обогащало, патриціямъ давало возможность дѣйствовать чрезъ него на темную массу народа, по своимъ видамъ, а правителямъ провинцій, проконсуламъ,—принимать отъ этихъ темныхъ людей почти божескія почести... Какъ-бы то ни было, только отмѣна государственныхъ расходовъ на идолопоклонство рѣшительно отняла у язычества послѣднюю силу; пышныя жертвоприношенія прекратились; храмы опустѣли, праздники стали приходить въ забвеніе, идолы сброшены въ груды ненужныхъ вещей. Оставлены только для украшенія Рима лучшія статуи боговъ, произведенія знаменитѣйшихъ художниковъ ([2]).

([1]) *Zosimi* lib. 4. cap. 59.
([2]) *Ibid. Іеронима* письм. 7.

Церковь, пишетъ св. Василій къ западнымъ единовѣрцамъ въ другомъ письмѣ, въ опасности, даже не двѣ или три Церкви подвергаются жестокой этой бурѣ; почти отъ предѣловъ Иллирика до Ѳиваиды свирѣпствуетъ зловредная ересь, которой лукавыя сѣмена брошены сперва злоименнымъ Аріемъ, глубоко же укорененныя многими, которые послѣ Арія прилежно возделывали нечестіе, произрастили теперь тлетворные плоды. Догматы благочестія извращены, уставы Церкви нарушены; любоначаліе людей, не боящихся Господа, бросается на начальственныя должности, и предсѣдательство нынѣ уже предлагается въ награду за нечестіе; почему, кто произносилъ болѣе тяжкія хулы, тотъ предпочтительнѣе другихъ избирается на епископство въ народѣ; исчезла сановитость священническая; мало людей, пасущихъ стадо Господне разумно; сбереженное для бѣдныхъ честолюбцы непрестанно тратятъ на свои удовольствія и на раздачу подарковъ; не видно точнаго исполненія церковныхъ правилъ; много стало свободы грѣшить; ибо достигающіе начальства человѣческимъ усердіемъ въ благодарность за это самое усердіе воздаютъ тѣмъ, что все дозволяютъ въ угодность грѣшащимъ. Погибъ правдивый судъ; всякій ходитъ по волѣ сердца своего; порокъ не знаетъ себѣ мѣры; народъ не слушаетъ увѣщаній; въ предстоятеляхъ не достаетъ дерзновенія; потому что пріобрѣвшіе себѣ власть чрезъ людей стали рабами оказавшихъ имъ милость. У иныхъ придумано уже и оружіе для междоусобной брани, именно защита православія; и прикрывая частныя свои вражды, выставляютъ на видъ, что враждуютъ за благочестіе. А другіе, отклоняя отъ себя обличеніе въ самыхъ гнусныхъ дѣлахъ, доводятъ народъ до неистовства,

поощряя къ взаимнымъ спорамъ, чтобы общими дѣйствіями прикрыть свое худое состояніе. Поэтому брань сія непримирима; сдѣлавшіе худое страшатся общаго мира, потому что онъ обнаружитъ *тайная ихъ срама*. Сверхъ этого невѣрные смѣются, маловѣрные колеблются; вѣра сомнительна, невѣдѣніе проливается въ души, потому что злонамѣренно искажающіе ученіе поддѣлываются подъ истину. Молчатъ уста благочестивыхъ, развязанъ всякій хульный языкъ, святое осквернено; здравомыслящіе въ народѣ бѣгутъ отъ молитвенныхъ домовъ, какъ отъ училищъ нечестія, и по пустынямъ со стенаніями и слезами подъемлютъ руки къ небесному Владыкѣ. Конечно, и до васъ достигло, что дѣлается въ большей части городовъ; народъ съ женами, дѣтьми и даже старцами, внѣ городскихъ стѣнъ, подъ открытымъ небомъ, совершаютъ молитвы, съ великимъ терпѣніемъ перенося страданія отъ воздушныхъ перемѣнъ, и ожидая себѣ помощи отъ Господа. Какой плачъ соотвѣтственъ этимъ бѣдствіямъ? Какіе источники слезъ будутъ достаточны для столькихъ несчастій“ (1). О злѣ, которое дѣлала Церкви гражданская власть, св. Василій пишетъ еще разъ къ тѣмъже епископамъ: „насъ, достопочтеннѣйшіе братія, постигло гоненіе, и гоненіе самое тяжкое. Ибо гонятъ пастырей, чтобы разсѣялось стадо. А всего тягостнѣе то, что озлобляемые пріемлютъ страданія не съ увѣренностію въ мученичествѣ, и народъ не воздаетъ почестей подвижникамъ на ряду съ мучениками; потому что гонители носятъ на себѣ имя христіанъ. Одна нынѣ вина, за которую жестоко наказываютъ, — точное соблюденіе отеческихъ преданій. За

(1) Къ Италійскимъ и Галльскимъ епископамъ письмо 88.

ложеніе вѣры; нравственная жизнь христіанства усвоила характеръ мірской; единство духа нарушено; страсти человѣческія со всѣмъ своимъ губительнымъ ядомъ проникли внутрь Церкви и въ самые высшіе составы ея организма; а главное и самое великое несчастіе — то, что Церковь потеряла свою духовную свободу, внутреннюю самостоятельность и священную независимость. Мы не боялись бы возраженій, если бы и сами собою, чрезъ внимательное изученіе этого IV вѣка, дошли до такихъ заключеній о тогдашнемъ состояніи Церкви. Но вотъ очевидные свидѣтели и дѣятельнѣйшіе участники событій того времени: они говорятъ еще болѣе, чѣмъ мы сказали. Св. Василій великій, сравнивая IV вѣкъ съ предъидущими, въ письмѣ къ Асхолію, епископу Ѳессалоникскому, говоритъ: „тогда процвѣтали Церкви Божіи, укорененныя въ вѣрѣ, соединенныя любовію, при взаимномъ единомысліи различныхъ членовъ, какъ бы въ единомъ тѣлѣ, когда явны были гонители, явны и гонимые; подвергавшіеся вражескимъ нападеніямъ дѣлались многочисленнѣе, и кровь мучениковъ, орошая Церкви, воспитывала большее и большее число подвижниковъ благочестія; потому что послѣдующіе исполнялись ревностію предшественниковъ. Тогда мы, христіане, хранили между собою миръ, тотъ миръ, который оставилъ намъ Господь, и котораго теперь нѣтъ у насъ и слѣда;—съ такою жестокостію отгнали мы его другъ отъ друга! Не только не укрощаемъ мы варваровъ силою Духа и дѣйственностію дарованій, но даже презмѣрнымъ множествомъ грѣховъ своихъ приводимъ въ дикость и кроткихъ нравомъ. Ибо себѣ и грѣхамъ своимъ приписываемъ причину того, что развилось такъ могущество еретиковъ. Ни одна почти часть все-

ленной не спаслась отъ запаленія ересей. Твои сказанія—подвижническое противоборство: тѣла, строгаемыя за благочестіе, ярость варваровъ, презираемая людьми, у которыхъ сердце не знаетъ страха, различныя истязанія, изобрѣтаемыя гонителями, во всемъ противоборство подвизающихся, окончательныя страданія мучениковъ. Каковы же наши сказанія? Любовь охладѣла; разоряется ученіе Отцевъ; частыя крушенія въ вѣрѣ; молчатъ уста благочестивыхъ; люди, изгнанные изъ молитвенныхъ домовъ, подъ открытымъ небомъ подъемлютъ руки къ небесному Владыкѣ. И хотя скорби тяжкія, но нигдѣ нѣтъ мученичества; потому что притѣснители наши имѣютъ одно съ нами наименованіе" (1). Тотъже св. Василій писалъ къ западнымъ епископамъ: „наши бѣдствія извѣстны, хотя бы мы и не говорили о нихъ; потому что ими оглашена уже цѣлая вселенная. Пренебрегаются ученія Отцевъ, уничтожаются Апостольскія преданія; въ Церквахъ получаютъ силу изобрѣтенія нововводителей; люди только хитрословятъ, а не богословствуютъ; мірская мудрость беретъ первенство, отринувъ похвалу креста; пастыри изгоняются, а на мѣсто ихъ вводятся волцы тяжцы, расточающіе стадо Христово (Дѣян. 20, 29); молитвенные домы стоятъ пусты безъ присутствующихъ, а еще болѣе достойны сожалѣнія юноши, незнающіе, чего они лишены. Сего достаточно, чтобы подвигнуть къ состраданію тѣхъ, которые обучены любви Христовой: но описаніе, сравниваемое съ самою дѣйствительностію дѣлъ, во многомъ не достигаетъ до полнаго ихъ изображенія" (2). „Не одна

(1) Св. *Василія* письмо 159 къ Асхолію епископу Ѳессалоникскому. Твор. ч. 6.

(2) Письмо 86.

человѣческой, не нравственную свободу людей, а уничтожалъ самый гнусный обманъ, самое грубое и зловредное изувѣрство, самое отвратительное непотребство—подъ видомъ религіи. Императоръ дѣлалъ добро, а не зло человѣчеству: слѣдовательно не попиралъ человѣческую совѣсть и свободу. Здѣсь нужна была рѣшительность, недостатокъ которой, а совсѣмъ не излишекъ, былъ причиною безпорядковъ въ религіозныхъ дѣлахъ при царствованіи этого добраго, кроткаго Государя. Такъ и въ отношеніи къ ересямъ, не смотря на строгія, повидимому, противъ нихъ постановленія, почти современный Θеодосію историкъ замѣчаетъ, что онъ не преслѣдовалъ ни одной изъ нихъ, кромѣ Евномія, котораго онъ послалъ въ заточеніе за то, что Евномій въ Константинополѣ дѣлалъ собранія своихъ единомышленниковъ по частнымъ домамъ, читалъ въ нихъ свои сочиненія и такимъ образомъ многихъ совращалъ въ свою ересь. „Другихъ, говоритъ Сократъ, Θеодосій не гналъ и не принуждалъ къ соединенію съ Церковію, но позволялъ имѣть особыя собранія и въ исповѣданіи вѣры держаться такихъ мнѣній, какія кто себѣ составилъ. Прочимъ (еретикамъ) дано было позволеніе устроять молитвенные домы внѣ городовъ, а новатіанамъ повелѣлъ Θеодосій безъ всякой боязни владѣть церквами внутри городовъ“ (¹). Это, повторяемъ, дѣлалось не по принципу, а по личному характеру Θеодосія.

Съ смертію императора Θеодосія (393) окончился IV, славный въ исторіи Церкви, вѣкъ. Но какъ понимать его славу? Что его характеризуетъ? На сколько въ этотъ вѣкъ жизнь Церкви двинулась впередъ? Сравнимъ

(¹) *Сократъ* Ц. И. 5, 20.

этотъ вѣкъ съ предъидущими. Церковь уже не подвергалась повсемѣстнымъ гоненіямъ отъ язычества; правительства гражданскія стали не только христіанскими, но и вошли сами въ Церковь въ качествѣ ея блюстителей, покровителей, религіозныхъ дѣятелей; ученіе Церкви широко и блистательно развилось; Церковь возвышала свой вселенскій, а не частный только по мѣстамъ, голосъ на соборахъ, которые получили верховную законодательную власть въ предметахъ вѣры; христіанскія общества пріобрѣли возможность и силу открытаго, всенароднаго разсужденія о своихъ религіозныхъ дѣлахъ; церковная внѣшность въ храмахъ, праздникахъ и пр. по всей обстановкѣ достигла невиданнаго дотолѣ благолѣпія. Но все ли это, что нужно для того, чтобъ Церкви быть и называться (какъ называютъ ее въ IV вѣкѣ) торжествующею? А внутренняя сила Церкви: сила единства, сила вѣры, сила духа, сила дѣятельной жизни, сила правъ и свободы? Церковь IV-го вѣка не обладала этими силами вполнѣ, даже не обладала въ такой степени, какъ въ первые вѣка жесточайшихъ гоненій отъ язычества. Тогда потоками лилась кровь христіанъ; ихъ внѣшнія страданія были невыразимы; Церковь не имѣла не только благолѣпія, но и благоприличнаго вида; но внутренняя сила христіанскаго духа была неистощима и несокрушима; исповѣданіе вѣры едино и нераздѣльно; нравственная жизнь чиста и возвышенна; единодушіе неразрывное; Церковь самостоятельна и независима въ своей внутренней жизни, въ своихъ священныхъ правахъ; ея голосъ сосредоточенъ самъ въ себѣ, ясенъ, могущественъ; дѣятельность жива и въ высшей степени плодотворна. Что—въ IV вѣкѣ? Необъятное раздѣленіе, раздробленіе, раз-

Изгоняемое изъ центра имперіи язычество думало еще крѣпко держаться по ея окраинамъ. Но и здѣсь оно гибло еще болѣе отъ собственнаго внутренняго саморазрушенія, чѣмъ отъ внѣшнихъ распоряженій правительства. Въ Александріи епископъ Ѳеофилъ нашелъ случай обнаружить и выставить на публичный позоръ самыя сокровенныя таинства языческой религіи, т. е. все безобразіе нравственнаго разврата, прикрытаго ея символами. Это раздражило язычниковъ, особенно философовъ, т. е. ученыхъ (которые однакожъ лучше другихъ могли бы понимать это безобразіе и всю несостоятельность своей религіи), и они, въ пылу мести, вооруженною рукою напали на христіанъ. Произошли настоящія битвы, или вѣрнѣе сказать, побоища христіанъ: потому что христіане, хотя составляли большинство населенія и принадлежали къ лучшему обществу, однакожъ защищались слабо противъ язычниковъ, желая по духу Евангелія лучше страдать, чѣмъ проливать кровь, даже своихъ враговъ, даже враговъ своей религіи. Язычники убивали ихъ, распинали на крестахъ, принуждали въ цѣпяхъ приносить жертвы идоламъ, бросали во рвы, наполненные кровію жертвенныхъ животныхъ. Тѣмъ не менѣе внутренняя сила язычества была такъ слаба, что когда въ Александріи полученъ былъ указъ императора Ѳеодосія по поводу этихъ страшныхъ безпорядковъ, то язычники, и самые главные предводители ихъ, услышавъ только первыя слова указа противъ язычества, вдругъ, не дослушавъ даже до конца, разбѣжались и поспѣшили укрыться отъ ожидаемыхъ казней. Между тѣмъ содержаніе указа императорскаго было по истинѣ удивительно: Ѳеодосій прощалъ мятежниковъ. Онъ объявилъ, что онъ про-

славляетъ святость христіанъ, получившихъ въ этомъ побоищѣ вѣнецъ мученическій; что онъ унизилъ бы величіе этихъ жертвъ, если бы сталъ мстить смертію за ихъ смерть; что онъ не казнитъ виновныхъ собственно для того, чтобы показать имъ, какъ святы и кротки были пораженныя ими жертвы, и чтобы расположить язычниковъ къ принятію столь возвышенной религіи, которой только одной обязаны они сохраненіемъ своей жизни. Не правда ли, что императоръ мыслилъ прекрасно? Тѣмъ не менѣе онъ повелѣлъ разрушить всѣ языческіе храмы въ Александріи, драгоцѣнныя украшенія ихъ передать въ христіанскія церкви, а статуи боговъ обратить въ деньги для вспомоществованія бѣднымъ ([1]). Исполненіе этого повелѣнія было поручено епископу александрійскому Өеофилу, при содѣйствіи мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ. Өеофилъ не пощадилъ ни одного храма въ Александріи и ея окрестностяхъ. Его примѣру послѣдовали другіе епископы Египта, также Сиріи и другихъ мѣстъ. Идолопоклонство на Востокѣ окончательно рушилось.

Былъ ли этотъ образъ дѣйствія со стороны Өеодосія нарушеніемъ свободы совѣсти и религіи? Нѣтъ: во первыхъ—потому, что свобода вѣроисповѣданій и не была въ принципѣ ни признана, ни объявлена въ государствѣ; а императоръ Өеодосій самъ объявилъ себя покровителемъ христіанскаго, православнаго исповѣданія, и слѣдовательно тѣмъ самымъ уже лишалъ своего покровительства другія, враждебныя христіанству, религіи; во вторыхъ, уничтожая язычество, онъ уничтожалъ въ собственномъ смыслѣ не религію, не права совѣсти

([1]) *Сократ*. 5, 16. *Руфинъ* 12, 24. 25. cf. *Tillemont* Hist. d. Bas. empir. 1, 24.

же касается до такъ называемой „Тюбингенской школы“, то она—по крайней мѣрѣ здѣсь—принадлежитъ уже исторіи, а недѣйствительности: я не только не нашолъ въ числѣ наличныхъ представителей богословской учености ни одного послѣдователя этого отрицательно—критическаго направленія, но напротивъ встрѣчалъ у многихъ такую теплую, искреннюю и дѣятельную вѣру, которую у насъ.... но впрочемъ не о насъ теперь веду рѣчь.

Посѣщая ежедневно разныя лекціи и ученыя упражненія, и познакомившись почти со всѣми здѣшними профессорами обоихъ факультетовъ богословскихъ, я успѣлъ уже собрать довольно много положительныхъ свѣдѣній о составѣ и ходѣ здѣшней научно-богословской дѣятельности; мнѣ удалось, такъ сказать, войти въ самую струю здѣшней жизни, и надѣюсь, что нѣкоторыя изъ собранныхъ мною свѣдѣній не будутъ безъинтересны для читателя моихъ корреспонденцій. На первый разъ я постараюсь дать понятіе о вышеупомянутыхъ Виртембергскихъ семинаріяхъ.

Виртембергскія богословскія семинаріи.

Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній Германіи ни одно не имѣетъ столько сходства съ коллегіями англійскихъ университетовъ, какъ Виртембергскія богословскія семинаріи. Эти заведенія, по происхожденію своему, служатъ памятниками среднихъ вѣковъ, но подвергались въ теченіи времени разнымъ измѣненіямъ, соотвѣтствующимъ новѣйшимъ религіознымъ и умственнымъ потребностямъ Германіи. Онѣ имѣютъ рѣшительное вліяніе на общій уровень высшаго образованія во всей Виртембергіи и

во многихъ отношеніяхъ чрезъ соединеніе началъ германскаго и англійскаго воспитанія сглаживаютъ крайности и односторонности того и другаго.

Обыкновенно признаютъ здѣсь особенно благопріятнымъ условіемъ для Виртембергіи то, что она, по географическому своему положенію, поставлена между лютеранскимъ сѣверомъ Германіи и кальвинскою Швейцаріею; въ этомъ мнѣніи есть значительная доля правды: благодаря обоюдному вліянію этихъ двухъ, по коренному своему характеру, довольно противоположныхъ направленій германскаго протестантизма, Виртембергія могла съ самаго начала поставить себя на среднюю дорогу и до нѣкоторой степени избѣгать какъ мертваго конфессіонализма (старыхъ) лютеранъ, такъ и субъективизма кальвинскихъ обществъ. При самомъ введеніи реформаціи протестантская церковь Виртембергіи получила характеръ посредничества между двумя великими подраздѣленіями протестантскаго міра; вѣроученіе было, по преимуществу, заимствовано изъ лютеранства, а богослуженіе изъ кальвинизма. Этимъ болѣе среднимъ характеромъ Виртембергскаго протестантства объясняется, почему Виртембергія освободилась отъ многихъ богословскихъ распрей и раздоровъ, волновавшихъ въ позднѣйшее время прочія части протестантской Германіи. Едва ли не тѣмъ же отчужденіемъ Виртембергской церкви отъ крайностей объясняется то замѣчательное явленіе, что виртембергскіе богословы, первые изъ среды протестантскаго міра, сдѣлали попытку къ соединенію съ православною Церковію (1). Тотъ же посредническій характеръ—но въ гораздо большей степени—издавна принад-

(1) Смотр. объ этихъ попыткахъ Христ. Чт. Январь 1865 года.

Путевыя замѣтки изъ Германіи ([1]).

(Продолженіе.)

Тюбингенъ, 25 іюля 1864 года.

Вотъ уже скоро три недѣли, какъ я—послѣ прежнихъ частыхъ своихъ переѣздовъ съ мѣста на мѣсто—поселился на болѣе продолжительное время въ этомъ мирномъ пріютѣ ученой дѣятельности Германцевъ, среди дивной, привлекательной природы, богатой сколько южною растительностію, столько же необыкновенно живописными видами и безконечнымъ разнообразіемъ игриво перемѣшанныхъ горъ и холмовъ. Если гдѣ, то особенно здѣсь можно чувствовать, какое громадное и благотворное вліяніе можетъ имѣть природа на настроенія нашего духа и на весь строй нашихъ внутреннихъ силъ и стремленій. Но не о природѣ и красотѣ ея въ настоящемъ случаѣ рѣчь.

При словѣ „Тюбингенъ" я уже слышу вопросъ читателя: не тотъ ли это Тюбингенъ, который извѣстенъ у насъ, какъ главное гнѣздо новѣйшаго раціонализма, не его ли именемъ обозначается то богословское направленіе, которое въ кругу вѣрующихъ христіанъ пріобрѣло себѣ незавидную извѣстность по своей разрушительной дѣятельности въ области библейской критики? А если такъ, то чѣмъ же православному богослову за-

---

([1]) Смотр. прежнія корреспонденціи въ Христ. Чт. за ноябрь и декабрь 1864 г. и за февраль 1865 года.

имствоваться въ такомъ мѣстѣ, и неужели нельзя было найти въ обширной Германіи другое мѣсто, болѣе пригодное для ученыхъ, или педагогическихъ наблюденій и изслѣдованій, чѣмъ этотъ источникъ невѣрія? Эти, или подобные вопросы такъ естественны, что я считаю долгомъ своимъ прежде всего объяснить, какими соображеніями я руководствовался, избирая именно Тюбингенъ главнымъ мѣстомъ пребыванія своего въ теченіи нынѣшняго лѣта.

Тюбингенскіе богословскіе факультеты (ихъ два—протестантскій и католическій) издавна славятся по всей Германіи, какъ принадлежащіе къ числу наиболѣе замѣчательныхъ центровъ церковно—богословской учености и дѣятельности; здѣсь притомъ—и едва ли не исключительно только здѣсь — представляется то замѣчательное для посторонняго наблюдателя явленіе, что въ одномъ и томъ же университетѣ живутъ и процвѣтаютъ рядомъ и протестантская и католическая богословская ученость, имѣя каждая въ числѣ своихъ дѣятелей такихъ тружениковъ науки, имена которыхъ давно уже успѣли пріобрѣсти себѣ европейскую извѣстность. Наконецъ въ Тюбингенѣ же, какъ и вообще въ Виртембергіи, находятся единственныя въ своемъ родѣ семинаріи, внутренній бытъ и устройство которыхъ представляетъ болѣе аналогіи съ нашими семинаріями и духовными академіями, чѣмъ какое либо другое изъ учебныхъ заведеній Германіи. Вотъ въ немногихъ словахъ главныя причины, побудившія меня обратить свое особенное вниманіе на Виртембергію и Тюбингенскій университетъ; и опытъ показалъ, что я не только не ошибся въ своемъ выборѣ, но что представившіеся здѣсь для наблюденія и изученія факты далеко превзошли мои ожиданія. Что

стію мірской власти, близостію ко Двору, связями съ аристократіею, богатствомъ; личное искательство и предательство стали оттѣснять истинныя достоинства въ занятіи высшихъ степеней іерархіи. Мало по малу право государственное, вопреки всякой справедливости, возвысилось и возпреобладало надъ Церковнымъ; дѣла вѣры и совѣсти перестали быть исключительно духовными, а перепутавшись съ гражданскими, сдѣлались государственными; а что всего ужаснѣе, *личный* характеръ предержащей власти пріобрѣлъ вліяніе на самую догматическую сторону Церкви. Отъ личнаго усмотрѣнія этой власти зависѣло утвержденіе или отрицаніе догматовъ. Не странно ли, что вѣра *Христова* стала даже называться, по данному ей направленію, вѣрою того или другаго *Императора*, и это названіе должно было замѣнять всѣ другіе доводы въ пользу того или другаго исповѣданія? (¹) Хорошій ли знакъ для Церкви — и то, что она вынуждена была обращаться къ свѣтской власти, чтобы выпросить у ней, какъ милости и счастія, поддержанія силою и благоволеніемъ ея церковныхъ постановленій, не надѣясь иначе придать имъ духовную силу въ христіанскомъ обществѣ? То, чего не могла сдѣлать языческая власть всевозможными насиліями, т. е. ослабить, унизить христіанство, то христіанская власть безъ особеннаго труда сдѣлала — своими услугами ему. Да, на Востокѣ Церковь, непоколебимая въ ученіи вѣры, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ начала падать съ IV вѣка, или вѣрнѣе сказать, государство, заключая въ свои объятія Церковь, задушало ее и, само

(¹) См. *Григорія Наз.* въ надгробномъ словѣ св. Василію В. см. Христ. Чтен. 1864. Ноябрь, стр. 266.

падая нравственно, увлекало къ паденію и Церковь. Напрасно, смотря на безграничное развитіе своеобразныхъ и разнообразныхъ мнѣній въ религіи въ этомъ вѣкѣ, сталъ бы кто нибудь приводить этотъ фактъ во свидѣтельство желанной свободы религіи и совѣсти, тогда господствовавшей. Если тутъ была свобода, то только свобода лжи и самаго противусовѣстнаго попранія религіи: а въ основаніи такой ужасной свободы лежалъ деспотизмъ гражданской власти въ духовныхъ дѣлахъ.

(*Продолженіе будетъ*).

это благочестивыхъ изгоняютъ изъ отечества и переселяютъ въ пустыни. Неправедные судіи не уважаютъ ни сѣдинъ, ни подвиговъ благочестія, ни жизни, отъ юности до старости проведенной по Евангелію. Но тогда, какъ ни одного злодѣя не осуждаютъ безъ обличенія, епископовъ берутъ по одной клеветѣ и предаютъ наказанію безъ всякаго доказательства взносимыхъ на нихъ обвиненій. А иные изъ нихъ не знали обвинителей, не видали судилищъ, даже не были сперва оклеветаны, но безвременно ночью похищены насильственно, сосланы въ отдаленныя страны, и злостраданіями, какія должны были терпѣть въ пустынѣ, доведены до смерти. А что за симъ слѣдовало, то всѣмъ извѣстно, хотя бы и умолчалъ я объ этомъ: бѣгство пресвитеровъ, бѣгство діаконовъ, расточеніе всего клира; потому что необходимо или поклониться образу, или быть вверженну въ жестокій пламень бѣдствій; народныя стенанія, непрестанныя слезы и по домамъ и въ обществѣ; потому что всѣ жалуются другъ другу на свои страданія. Никто не окаменѣлъ еще такъ сердцемъ, чтобы, лишившись отца, нечувствительно могъ перенести свое сиротство. Гласъ плачущихъ слышенъ въ городѣ, слышанъ въ селахъ, по дорогамъ, въ пустыняхъ. Одна у всѣхъ жалостная рѣчь; потому что всѣ говорятъ о достоплачевномъ. Похищены радость и духовное веселіе. Въ плачъ обратились наши праздники; домы молитвенные затворены; на алтаряхъ не совершается духовнаго служенія. Нѣтъ христіанскихъ собраній; не предсѣдаютъ учители; нѣтъ спасительныхъ уроковъ, ни торжествъ, ни всенощныхъ пѣснопѣній, ни того блаженнаго радованія, какому предаются вѣрующія въ Господа души въ Церковныхъ собраніяхъ и въ общеніи духовныхъ дарованій. Чада

Церкви всекормляются нечестивыми ученіями. И что имъ дѣлать? Во власти еретиковъ крещеніе, сопровожденіе отходящихъ, посѣщеніе больныхъ, утѣшеніе скорбныхъ, вспомоществованіе угнетенныхъ, всякаго рода пособія, причащеніе Таинъ. Все это, будучи ими совершаемо, дѣлается для народа узломъ единомыслія съ еретиками. Почему, по прошествіи нѣкотораго времени, если бы и настала свобода, нѣтъ уже надежды — содержимыхъ въ долговременномъ обманѣ снова возвратить къ познанію истины." (1).

„Вообще, говоритъ Василій великій, состояніе Церкви (употреблю примѣръ ясный, хотя по видимому низкій) походитъ уже на старую одежду, которая при всякомъ случаѣ легко рвется и не можетъ опять придти въ первоначальную свою твердость." (2).

Что же было главною причиною такого жалкаго состоянія Церкви? Не столько ереси, не столько ослабленіе христіанскихъ нравовъ, сколько то, что было причиною и усиленія ересей и ослабленія нравовъ: вліяніе на Церковь гражданской власти. Вліяніе этой власти было неправильно и неограниченно. Она-то внесла въ Церковь свой духъ, т. е. духъ міра, со всѣми его слабостями, страстями, цѣлями; она не только слила Церковь съ гражданскимъ обществомъ, во вредъ ея чистому духу, но и поработила ее обществу; въ высшей власти Церкви явилось раболѣпство и угодливость предъ чиноначаліемъ гражданскимъ; въ іерархіи вкоренился злобный и всегубительный духъ интригъ ко взаимному вреду ея членовъ; она стала увлекаться благосклонно-

(1) Письмо [illegible], Твор. [illegible]

(2) Письмо 109, ч. 6.

лежалъ англійской епископальной Церкви, которая, какъ извѣстно, всегда поставляла себѣ задачею прокладывать себѣ средній путь между крайностями—не лютеранства и кальвинства, какъ Виртембергія,—а между самимъ протестантствомъ вообще и римскою церковью, стремленіе, которое, какъ извѣстно, приводило и особенно нынѣ приводитъ англійскую церковь къ значительному сближенію съ православіемъ и вызываетъ попытки къ дѣйствительному возсоединенію.

Этимъ сходствомъ въ церковно-религіозномъ направленіи Англіи и Виртембергіи объясняется, по моему мнѣнію, та значительная аналогія, которую я встрѣтилъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній этихъ двухъ странъ. Подобно многимъ англійскимъ учебнымъ заведеніямъ и особенно знаменитымъ коллегіямъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, Виртембергскія семинаріи явились по началу, какъ преобразованныя вліяніемъ реформаціи монастыри. Вслѣдъ за введеніемъ протестантства правительство Виртембергіи было озабочено принятіемъ мѣръ для упроченія новаго порядка вещей. Главнымъ средствомъ для этого, конечно, должно было служить пріобрѣтеніе средствъ для возможно лучшаго воспитанія новаго протестантскаго духовенства; и такъ какъ въ это время въ Виртембергіи было значительное число монастырей, дальнѣйшее существованіе которыхъ въ ихъ прежнемъ видѣ не соотвѣтствовало началамъ протестантства, то эти монастыри отданы были на воспитаніе вновь образовавшагося протестантскаго духовенства. Жившимъ въ нихъ монахамъ предоставлено было право оставаться тамъ, если пожелаютъ, и до конца своей жизни пользоваться на прежнемъ основаніи своими келіями и доходами; но самые монастыри были преобразованы въ

коллегіи для воспитанія юношества, приготовлявщагося къ прохожденію богословскаго курса въ университетѣ. Около 1560 года въ Виртембергіи находилось 13 такихъ монастырскихъ коллегій. Управленіе ими оставалось въ рукахъ протестантскихъ духовныхъ лицъ, собиравшихъ всѣ доходы съ монастырскихъ земель и долженствовавшихъ на эти доходы содержать учениковъ и платить опредѣленное жалованье приставленнымъ къ нимъ учителямъ. Высшая власть и главный надзоръ какъ надъ коллегіями, такъ и надъ завѣдывавшими ихъ доходами духовными лицами оставалась однако въ рукахъ гражданскаго правительства, которое притомъ изданными въ 1559 году правилами предписывало опредѣленный учебный курсъ, какъ обязательный для всѣхъ этихъ учрежденій. Въ силу введенныхъ такимъ образомъ правилъ воспитанники вступали въ коллегію 14-ти или 15-ти лѣтъ отъ роду, выдержавъ предварительно пріемный экзаменъ по преимуществу въ латинской грамматикѣ. Учебный курсъ въ самыхъ коллегіяхъ продолжался 3 или 4 года и въ теченіи долгаго времени почти исключительно состоялъ въ занятіи классическими языками и ихъ литературою. Воспитанники и говорили и писали и читали по латыни; по гречески читался Новый Завѣтъ и изъ древнихъ классиковъ Ксенофонтъ и рѣчи Димосѳена съ грамматическими и синтаксическими упражненіями. Въ видѣ дополненія преподавался еще еврейскій языкъ; обучали также музыкѣ и пѣнію. Не ранѣе, какъ уже въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ этихъ духовныхъ коллегіяхъ введены въ составъ предметовъ преподаванія географія и новѣйшіе языки, но пока еще только какъ предметы побочные; уроки по этимъ послѣднимъ предметамъ происходили поэтому только въ рекреаціонные

часы и участіе въ нихъ предоставлялось произволу воспитанниковъ. Что же касается до математики, ариѳметики и геометріи, то по этимъ наукамъ давались лишь частные уроки и изученіе ихъ дозволялось на столько лишь, на сколько оно считалось совмѣстимымъ съ постояннымъ продолженіемъ классическихъ занятій.

По окончаніи курса въ этихъ коллегіяхъ или семинаріяхъ, воспитанники поступали для изученія богословія въ Виртембергскій университетъ, издавна существующій въ Тюбингенѣ, и здѣсь ихъ ожидало другое учрежденіе, донынѣ поразительно сходное съ коллегіями англійскихъ университетовъ. Бывшій нѣкогда въ Тюбингенѣ августинскій монастырь былъ въ 1535-мъ году преобразованъ *въ высшую семинарію*, съ цѣлію приготовлять для церкви и школы дѣятельныхъ тружениковъ. Студенты богословія переходили въ эту высшую семинарію изъ описанныхъ низшихъ, подобно тому, какъ у насъ они изъ семинарій поступаютъ въ академію, или какъ въ Англіи изъ знаменитаго Итонскаго (Eton) института воспитанники переходятъ въ одну изъ коллегій Кембриджа, или Оксфорда.

Было бы излишне сообщать дальнѣйшую исторію Виртембергскихъ семинарій. Довольно сказать, что высшая семинарія *въ Тюбингенѣ* (Stift) донынѣ существуетъ и служитъ безъ существенныхъ измѣненій первоначальной своей цѣли, то есть, для высшаго приготовленія Виртембергскаго духовенства. Что же касается до низшихъ семинарій (niedere Seminarien), то число ихъ постепенно уменьшено до 4-хъ; изъ нихъ двѣ нынѣ помѣщаются на прежнихъ мѣстахъ, въ *Маулброннскомъ* аббатствѣ, замѣчательномъ по его прекрасной готической архитектурѣ, и *въ Блаубейренѣ*, въ живописной до-

линѣ Швабскихъ горъ; другія двѣ семинаріи переведены на новыя мѣста, отчасти вслѣдствіе разрушенія прежнихъ зданій во время войны: одна — *въ Урахъ*, также романтической долинѣ Юрійскихъ горъ; другая въ Шенталь (Schönthal) въ бывшій Бенедиктинскій монастырь, въ мѣстность, извѣстную какъ родина германскаго героя Гетца фонъ Берлихингенъ, воспѣтаго у Гёте. По смерти монаховъ, застигнутыхъ въ бывшихъ аббатствахъ и монастыряхъ бурею реформаціи, учители и ученики вновь образовавшихся семинарій остались единственными жителями этихъ старинныхъ памятниковъ средневѣковаго западнаго монашества и зодчества, и какъ сами монастыри въ свое время были средоточіями и разсадниками римско-католическаго духовнаго просвѣщенія, такъ теперь замѣнившія ихъ семинаріи сдѣлались въ свою очередь главною опорою юнаго протестантизма, развившагося на развалинахъ падшаго католичества. Германское правительство, какъ сказано, присвоило себѣ верховный надзоръ за всѣми семинаріями, подчинивъ ихъ въ административномъ и научномъ отношеніи совѣту или министерству просвѣщенія. Церковь принимала подъ свою опеку будущихъ служителей своихъ лишь по окончаніи ими учебнаго курса; она впрочемъ во время ихъ воспитанія имѣла надзоръ за ходомъ ихъ религіознаго развитія чрезъ одного изъ членовъ духовной консисторіи, бывшаго вмѣстѣ и членомъ упомянутаго совѣта просвѣщенія. Надобно замѣтить и то, что подъ опекою гражданскаго правительства семинаріи нѣсколько измѣнили своему первоначальному назначенію и мало по малу перестали служить исключительно къ приготовленію будущихъ пастырей Церкви; нынѣ онѣ, хотя и въ ограниченномъ объемѣ сравни-

тельно съ богословами, также приготовляютъ для всѣхъ другихъ ученыхъ поприщъ и проходимый въ нихъ учебный курсъ ничѣмъ существенно не отличается отъ учебнаго курса гимназіи, въ которой также дается воспитаніе на чисто классическихъ началахъ, какъ необходимое условіе для поступленія въ какой бы то ни было изъ университетскихъ факультетовъ; такъ что если мы теперь въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о *низшихъ* семинаріяхъ Виртембергіи скажемъ нѣсколько словъ о проходимомъ въ нихъ курсѣ, то мы дадимъ понятіе вообще о школахъ классическихъ или гимназіяхъ этой страны. Въ воспитаніи будущихъ пастырей Виртембергской Церкви надобно различать три періода: время, предшествующее вступленію воспитанниковъ въ низшія семинаріи, курсъ проходимый затѣмъ въ самыхъ семинаріяхъ и наконецъ богословскій курсъ въ университетѣ (и вмѣстѣ съ тѣмъ — въ высшей Тюбингенской семинаріи).

Для приготовленія своего къ поступленію въ одну изъ низшихъ семинарій дѣти обыкновенно обучаются въ такъ называемыхъ латинскихъ школахъ (Lateinische Schulen) или низшихъ классахъ гимназій. Гимназіи, равно какъ и латинскія школы (соотвѣтствующія заводимымъ у насъ прогимназіямъ), назначаются исключительно для приходящихъ учениковъ и потому имѣютъ значеніе заведеній чисто учебныхъ, а не воспитательныхъ. Въ нихъ обыкновенно десять классовъ, каждый съ годичнымъ курсомъ. Шесть низшихъ классовъ гимназіи соотвѣтствуютъ полному курсу латинскихъ школъ и англійскихъ grammar schools, а четыре высшихъ — курсу низшихъ семинарій. Мальчикъ обыкновенно вступаетъ въ первый классъ гимназіи или латинской шко-

ки около 8 лѣтъ отъ роду, пробывъ предварительно около 2 годовъ въ какой либо элементарной школѣ, гдѣ онъ обучается чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики. Чтобы дать понятіе о курсѣ въ низшихъ классахъ гимназій и латинскихъ школъ, я представлю въ примѣръ гимназію въ Ульмѣ. Тамъ ученики 1-го (низшаго) класса имѣютъ 18 учебныхъ часовъ въ недѣлю (по три въ день); изъ нихъ 4 урока латинскаго языка (проходятъ латинскія склоненія, мѣстоименія, 1-е спряженіе и соотвѣтствующія письменныя и устныя упражненія въ переводахъ); 4 урока нѣмецкаго языка (чтеніе съ грамматическимъ разборомъ и упражненіе въ писаніи съ диктовки); 3 урока по закону Божію (вѣтхозавѣтная священная исторія, заучиваніе молитвъ, особенно важныхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія и нѣкоторыхъ церковно-богослужебныхъ пѣсней, — конечно съ объясненіемъ); 3 урока по ариѳметикѣ и 3 по чистописанію.

Второй классъ, состоящій изъ мальчиковъ лѣтъ девяти, имѣетъ 14 часовъ въ недѣлю по латинскому языку, такъ что въ теченіи года ученики успѣваютъ усвоить себѣ всю первую часть латинской грамматики и легчайшія правила синтаксиса. Къ числу упражненій по латинскому языку принадлежитъ здѣсь такъ называемое argumentum или hebdomadarium, которое, начинаясь въ этомъ классѣ, затѣмъ продолжается во всѣхъ слѣдующихъ классахъ какъ гимназій, такъ и семинарій; упражненіе это заключается въ томъ, что ученикамъ въ классѣ диктуется отрывокъ на нѣмецкомъ языкѣ (болѣе или менѣе трудный примѣнительно къ классу и познаніямъ учениковъ) и потомъ дома письменно переводится ими по латыни. Въ низшихъ классахъ эти упражне-

нія состоятъ изъ простыхъ отрывочныхъ фразъ и предложеній; въ высшихъ оно заключается въ связныхъ отрывкахъ изъ извѣстныхъ авторовъ. Другихъ 12 учебныхъ часовъ употребляется на уроки по нѣмецкому языку, по закону Божію, по ариѳметикѣ и чистописанію, — всего 26 учебныхъ часовъ въ недѣлю. Третій классъ имѣетъ тоже число учебныхъ часовъ; здѣсь на латинскій языкъ посвящается 16 часовъ, а на географію вмѣстѣ съ прежними предметами 10 часовъ. Въ 4-мъ классѣ (дѣти лѣтъ около 11-ти) начинаютъ учиться греческому языку, а тѣ, которые для будущаго своего назначенія не нуждаются въ греческомъ, обучаются вмѣсто него французскому. На уроки латинскаго языка здѣсь употребляется 12 часовъ, на греческій 6 въ недѣлю, на прочіе предметы, къ числу которыхъ прибавляется исторія, посвящается 10 часовъ; всего 28 учебныхъ часовъ въ недѣлю. Пятый и шестый классъ имѣютъ каждый по 31 учебному часу въ недѣлю; изъ нихъ 12 по латинскому и 6 по греческому языкамъ. Всякій классъ имѣетъ своего особеннаго учителя для древнихъ языковъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Только уроки по математикѣ даются во всѣхъ классахъ однимъ и тѣмъ же учителемъ. Въ каждомъ классѣ гимназій находится до 40 учениковъ, иногда впрочемъ меньше. Дисциплина весьма немногосложна; наказанія заключаются въ дурныхъ отмѣткахъ въ классной книгѣ, въ заучиваніи чего нибудь наизусть въ теченіи рекреаціоннаго времени, съ оставленіемъ въ классной комнатѣ и въ важныхъ случаяхъ — въ заключеніи на нѣсколько часовъ въ карцеръ. Тѣлесныя наказанія въ большей или меньшей степени допускаются только въ низшихъ классахъ, но въ высшихъ, рав-

но какъ и въ семинаріяхъ, по достиженіи учениками 14 лѣтняго возраста, они строго воспрещены. Система наградъ не принята въ заведеніяхъ Виртембергіи; единственная награда за хорошіе успѣхи заключается въ пріобрѣтеніи порядочнаго мѣста въ классной комнатѣ, гдѣ мѣста назначаются ученикамъ обыкновенно по субботамъ примѣнительно къ относительному достоинству представленныхъ ими въ теченіи недѣли латинскихъ переводовъ. Такъ какъ учебный годъ раздѣляется на два полугодія, то два раза въ годъ производятся экзамены, по которымъ опредѣляется мѣсто ученика въ спискахъ и на классныхъ скамьяхъ для начала будущаго семестра.

Окончивъ курсъ въ шести низшихъ классахъ гимназіи и достигши вмѣстѣ съ тѣмъ 14 или 15-лѣтняго возраста, мальчикъ, приготовляющійся къ богословскому поприщу, можетъ переходить въ высшіе классы своей гимназіи, или же продолжать свое общее образованіе при помощи частныхъ учителей; но если онъ предпочитаетъ правильный и обыкновенный путь, то онъ долженъ подвергаться особому пріемному экзамену *для вступленія въ одну изъ вышеупомянутыхъ низшихъ семинарій.* Этотъ экзаменъ, извѣстный въ Виртембергіи подъ именемъ Landexamen, производится ежегодно осенью въ Штутгартѣ. Обыкновенно къ этому экзамену является отъ 60 до 80 мальчиковъ, изъ числа которыхъ иные вовсе не имѣютъ намѣренія поступить въ семинарію, но просто желаютъ подвергнуть испытанію свои умственныя силы и познанія. Въ результатахъ этого экзамена заинтересованы почти всѣ гимназіи и латинскія школы Виртембергіи съ своими директорами и наставниками и кромѣ того родители и родственники держащихъ

экзаменъ; за ходомъ этого экзамена поэтому слѣдятъ повсюду съ напряженнымъ вниманіемъ. Экзаменъ продолжается три дня и производится подъ высшимъ надзоромъ одного изъ членовъ совѣта просвѣщенія, особо на то назначеннаго, коммиссіею учителей гимназій и семинарій. Во избѣжаніе пристрастія или невольныхъ ошибокъ экзаменъ по всякому предмету производится двумя лицами, которыя независимо другъ отъ друга отмѣчаютъ отвѣты учениковъ и послѣ сводятъ свои баллы. Примѣнительно къ характеру учебныхъ занятій, въ которыхъ предпочтительное вниманіе обращено, какъ мы видѣли, на изученіе древнихъ языковъ, наибольшая важность на экзаменахъ дана отвѣтамъ по этимъ языкамъ: отрывокъ нѣмецкой прозы переводится письменно по латыни, другой по гречески (Argumentum), кромѣ того отрывокъ изъ латинскихъ классиковъ переводится (также письменно) по нѣмецки, съ присовокупленіемъ разныхъ грамматическихъ вопросовъ; испытуемые пишутъ на заданныя темы краткія разсужденія на нѣмецкомъ языкѣ и также письменно даютъ отвѣты на задаваемые имъ вопросы по закону Божію и математикѣ. По географіи и исторіи производится устный экзаменъ.

Изъ числа державшихъ экзаменъ 25 лучшихъ принимаются въ одну изъ упомянутыхъ четырехъ низшихъ семинарій. Они пользуются тамъ полнымъ казеннымъ содержаніемъ, что составляетъ весьма важную причину той значительной конкурренціи, которая ежегодно имѣетъ мѣсто, такъ какъ многіе молодые люди, по недостатку средствъ, принуждены бы были отказаться отъ высшаго учебнаго образованія, еслибъ они не были приняты въ семинарію. Кромѣ этихъ 25 казеннокоштныхъ

воспитанниковъ, которые за немногими исключеніями предназначаются къ прохожденію въ послѣдствіи богословскаго курса и на служеніе Церкви, въ семинарію еще ежегодно принимають отъ 15-ти до 20-ти мальчиковъ подъ именемъ hospites (волонтеры), которые въ послѣдствіи могутъ по произволу посвятить себя богословскому или какому либо другому ученому поприщу; они обязаны подчиняться тѣмъ же правиламъ и вести тотъ же образъ жизни, какъ и казеннокоштные, но должны платить ежегодную умѣренную сумму за свое содержаніе и обученіе. Небольшое число (обыкновенно не больше 4-хъ или пяти) прочихъ экзаменовавшихся помѣщаются у кого либо изъ учителей, какъ ихъ частные пансіонеры; но пріобрѣтаютъ право вмѣстѣ съ прочими семинаристами посѣщать классы и участвовать во всѣхъ учебныхъ занятіяхъ; ихъ называютъ hospites privati. Весь составъ семинаріи простирается такимъ образомъ до 40 или 45 мальчиковъ, бо́льшая половина которыхъ пользуется полнымъ казеннымъ содержаніемъ.

Въ теченіи четырехлѣтняго курса въ этихъ низшихъ семинаріяхъ воспитанники остаются подъ руководствомъ однихъ и тѣхъ же учителей, чѣмъ поддерживается единство и послѣдовательность въ ходѣ ихъ образованія. Обыкновенно каждая семинарія имѣетъ по пяти учителей. Старшій изъ нихъ, на котораго вмѣстѣ возлагается должность главнаго начальника и наблюдателя за поведеніемъ учениковъ, носитъ названіе Ephorus; онъ обыкновенно (хотя впрочемъ не всегда) имѣетъ духовный санъ, но свободенъ отъ всякихъ церковныхъ или пастырскихъ обязанностей. Будучи поставленъ въ непосредственную зависимость отъ совѣта просвѣщенія, онъ отвѣчаетъ предъ этимъ послѣднимъ за всю ввѣ-

ренную его попеченію семинарію; онъ предсѣдательствуетъ въ педагогическомъ совѣтѣ, составленномъ изъ семинарскихъ учителей и имѣющемъ по одному засѣданію въ мѣсяцъ для обсужденія и рѣшенія текущихъ дѣлъ. Эфоръ обязанъ давать ученикамъ по пяти, или по шести уроковъ въ недѣлю. Старшими послѣ Эфора изъ числа учителей бываетъ двое, носящихъ титулъ профессоровъ и опредѣляемыхъ правительствомъ обыкновенно изъ богослововъ; они служатъ ближайшими помощниками Эфора въ дѣлѣ надзора за нравственностію и поведеніемъ воспитанниковъ и каждый изъ нихъ обязанъ давать въ недѣлю отъ 10 до 12 уроковъ. Чѣмъ-то отличнымъ и совершенно своеобразнымъ въ Виртембергскихъ семинаріяхъ является должность репетентовъ, обыкновенно возлагаемая на двухъ младшихъ учителей (всегда холостыхъ); это нѣчто въ родѣ тьюторовъ англійскихъ университетовъ, или, пожалуй, комнатныхъ надзирателей (по новѣйшему проэкту преобразованія нашихъ духовныхъ семинарій). Въ качествѣ учителей они не обязаны давать больше пяти или шести уроковъ въ недѣлю (количество по здѣшнему масштабу весьма умѣренное); но по званію репетентовъ имъ принадлежитъ ближайшій, непосредственный и постоянный надзоръ не только за поведеніемъ, но и за всѣми учебными занятіями воспитанниковъ. Комнаты репетентовъ смежны съ комнатами, занимаемыми воспитанниками, и двери обыкновенно бываютъ открыты съ тѣмъ, чтобы репетенты (каждый на своей половинѣ) могли имѣть постоянный надзоръ за учениками даже во время собственныхъ ихъ домашнихъ занятій. Репетенты же руководятъ общею утреннею молитвою (профессоры вечернею), участвуютъ во всѣхъ прогулкахъ воспитанниковъ,

обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ съ ними, спятъ въ комнатахъ смежныхъ съ ученическими спальнями, руководятъ домашними занятіями учениковъ; вообще, соединяя въ себѣ званіе постоянныхъ надзирателей, руководителей и учителей, они имѣютъ ближайшее и самое дѣйствительное вліяніе на нравственное и умственное развитіе учениковъ. Они имѣютъ притомъ отличный случай къ тому, чтобы пріобрѣсти практическую опытность въ дѣлахъ воспитанія дѣтей, и могутъ еще удѣлять вполнѣ достаточное количество времени для продолженія своихъ собственныхъ ученыхъ занятій. При значительномъ вліяніи, которое они могутъ пріобрѣсти словомъ и дѣломъ на юношество, положеніе ихъ вообще очень пріятно; когда воспитанники ихъ подрастаютъ, то отношенія ихъ становятся болѣе отношеніями старшихъ друзей и дѣлаются, какъ неоднократно увѣряли меня лица, сами находившіяся въ этомъ положеніи, источникомъ многихъ сладкихъ чувствъ и воспоминаній.

Въ теченіи четырехлѣтняго семинарскаго курса каждый годъ раздѣляется на два учебныхъ полугодія, или семестра, отъ апрѣля до сентября, и отъ октября до марта, промежутки между семестрами (во время Пасхи и осенью) составляетъ каникулярное время. Число еженедѣльныхъ уроковъ (каждый урокъ по часу) доходитъ до 30-ти или до 32-хъ. Преподаваніе по преимуществу классическое; отъ 10-ти до 12-ти часовъ въ недѣлю употребляется на латинскій и греческій языки, а 4 на еврейскій; вообще главный предметъ заботъ заключается въ возможно основательномъ продолженіи занятій древними языками и ихъ литературою. Впрочемъ во избѣжаніе односторонности въ составѣ семи-

нарскаго курса введено довольно пространное преподаванie математики, исторiи, географiи и натуральной философiи, и кромѣ того назначены особые часы на обученie декламацiи, музыкѣ и гимнастикѣ. По окончанiи всякаго семестра производятся экзамены и по нимъ опредѣляется мѣсто каждаго воспитанника въ спискѣ, въ зависимости впрочемъ отъ свидѣтельствъ о его поведенiи.

Всѣ воспитанники (какъ казенные, такъ и своекоштные) живутъ въ четырехъ большихъ комнатахъ (въ каждой человѣкъ по девяти) такъ, что между каждыми двумя комнатами воспитанниковъ находится комната одного изъ репетентовъ; спальни и классныя комнаты находятся въ отдѣльной части зданiя. Необходимый порядокъ между воспитанниками поддерживается въ теченiи дня также „мониторами" или комнатными старшими, избираемыми еженедѣльно изъ самихъ учениковъ. Наказанiя заключаются въ дурныхъ отмѣткахъ, въ заключенiи въ карцеръ (только за важные проступки) и въ совершенномъ исключенiи изъ семинарiи.

Такъ какъ семинарiи не имѣютъ своихъ домовыхъ церквей, то воспитанники обязаны всякое воскресенье ходить въ ту церковь, гдѣ богослуженie совершается приходскимъ пасторомъ; только въ Шёнталѣ сами профессоры и репетенты обязаны кромѣ того проповѣдывать для воспитанниковъ въ извѣстные дни, и они обыкновенно пользуются этимъ случаемъ, чтобы дать наставленiя воспитанникамъ относительно ихъ поведенiя и образа жизни.

Послѣдуемъ теперь за воспитанниками дальше въ дѣлѣ ихъ воспитанiя. Окончивъ курсъ въ низшей семинарiи, они держатъ новый экзаменъ; тѣ изъ нихъ, кото-

рые желаютъ поступить въ университетъ по какому-либо другому—небогословскому—факультету, подвергаются обыкновенному пріемному экзамену (Maturitäts-Examen); онъ имѣетъ мѣсто два раза въ годъ предъ началомъ всякаго университетскаго семестра и составляетъ необходимое условіе для желающихъ поступить въ число дѣйствительныхъ студентовъ университета.

Но вступленіе въ богословскій факультетъ Тюбингенскаго университета обусловливается выдержаніемъ особаго экзамена, извѣстнаго подъ именемъ concursus; онъ происходитъ въ Штуттгартѣ, продолжается три дня и производится коммиссіею, составленною не изъ профессоровъ университета, а изъ учителей тѣхъ семинарій и гимназій, въ которыхъ обучались явившіеся на экзаменъ воспитанники; въ обезпеченіе безпристрастія экзаменъ производится подъ надзоромъ назначеннаго правительствомъ депутата. Въ существѣ дѣла экзаменъ этотъ не отличается по своей программѣ отъ обыкновенныхъ пріемныхъ экзаменовъ университета; главная особенность его заключается въ томъ, что къ прочимъ предметамъ прибавляется здѣсь испытаніе по еврейскому языку. Обыкновенно почти всѣ воспитанники, кончившіе курсъ въ одной изъ низшихъ семинарій, приступаютъ къ упомянутому испытанію и вмѣстѣ съ ними отъ 12 до 18 молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ гимназіи. Число испытуемыхъ такимъ образомъ на каждомъ экзаменѣ простирается отъ 40 до 48 и изъ нихъ 25 лучшихъ вступаютъ какъ студенты богословія въ составъ высшей Тюбингенской семинаріи. Прочіе, выдержавшіе экзаменъ, получаютъ право на вступленіе въ университетъ (по богословскому, или, если захотятъ, по другому факультету), но не пользуются тѣми выгодами, которыя, какъ

мы ниже увидимъ, предоставлены студентамъ, вошедшимъ въ составъ высшей семинаріи. Не выдержавшіе пріемнаго экзамена могутъ подвергать себя новому экзамену въ слѣдующемъ году или же избрать себѣ другое назначеніе. Упомянутый пріемный экзаменъ для вступленія въ богословскій факультетъ производится частію устно, частію письменно. Устный экзаменъ заключается въ разборѣ и переводѣ латинскихъ (Ливія и Тацита) и греческихъ (Гомера или Димосеена) классиковъ, равно какъ въ переводахъ еврейскаго текста Ветхаго Завѣта; все прочее производится письменно, именно: латинскіе argumentum и periodus и переводъ съ греческаго и еврейскаго по нѣмецки, рѣшеніе вопросовъ по закону Божію, по алгебрѣ, геометріи и исторіи и, наконецъ, сочиненіе на заданную тему по нѣмецкой словесности.

Высшая семинарія въ Тюбингенѣ не есть, подобно коллегіямъ англійскихъ университетовъ, учрежденіе вполнѣ самостоятельное по средствамъ и организаціи; она не есть также, подобно нашимъ духовнымъ академіямъ, заведеніе совершенно отдѣленное отъ университета; она поставлена въ непосредственную и постоянную связь съ богословскимъ факультетомъ и содержится на суммы, выдаваемыя правительствомъ. Воспитанники этой высшей семинаріи пользуются въ ней даромъ квартирою и столомъ и не платятъ за слушаніе университетскихъ лекцій. Находясь въ неразрывной связи съ богословскимъ факультетомъ университета, семинарія эта имѣетъ однако свои независимыя отъ факультета учебно-практическія упражненія и лекціи. Начальникъ семинаріи, носящій какъ и въ низшихъ семинаріяхъ названіе Эфора, бываетъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ универ-

ситета (по богословскому факультету); вмѣстѣ съ двумя другими профессорами того же факультета онъ составляетъ высшій совѣтъ, или правленіе семинаріи. Такъ какъ при четырехлѣтнемъ университетскомъ курсѣ въ семинарію ежегодно вступаютъ (поочередно изъ одной изъ низшихъ семинарій) около 30-ти студентовъ, то число этихъ послѣднихъ бываетъ всегда больше ста, независимо отъ тѣхъ студентовъ, которые, живя въ городѣ на частныхъ квартирахъ, только какъ вольноприходящіе участвуютъ въ учебныхъ занятіяхъ семинаристовъ; ихъ число бываетъ всегда гораздо меньше. Студенты семинаріи живутъ по четыре или по пяти вмѣстѣ и имѣютъ общую спальню и комнату для занятій, и такъ какъ они принадлежатъ четыремъ разнымъ курсамъ, то система братствъ, вообще процвѣтающая въ нѣмецкихъ университетахъ, у нихъ особенно развита. Правила дисциплины, которой подчинена ихъ частная жизнь, вообще довольно строги, но подверглись въ послѣднее время нѣкоторымъ измѣненіямъ, примѣнительно къ современнымъ требованіямъ науки и жизни; они въ существѣ дѣла весьма сходны съ дисциплиною, введенною въ англійскія коллегіи и будутъ изложены мною особо.

Какъ студенты университета, семинаристы обязаны слушать лекціи богословскаго факультета по программѣ, соотвѣтствующей принятой во всѣхъ германскихъ университетахъ системѣ богословскихъ занятій. Имъ предоставляется право слушать также лекціи по другимъ предметамъ университетскихъ факультетовъ, лишь бы эти произвольно избранныя ими занятія не препятствовали правильному и постоянному продолженію богословскихъ трудовъ по заранѣе утвержденному семинарскимъ

начальствомъ плану. Этотъ планъ прежде всего направленъ къ тому, чтобы сдѣлать постепенное изученіе богословскихъ наукъ главнымъ и существеннымъ предметомъ занятій семинаристовъ; но такъ какъ молодые люди, вступающіе въ семинарію (и вмѣстѣ съ тѣмъ въ университетъ) лѣтъ 18, признаются еще недостаточно зрѣлыми и умственно развитыми для того, чтобы непосредственно приступить къ слушанію богословскихъ лекцій и къ самостоятельному научному сужденію о предметахъ Вѣры, то чисто богословскимъ занятіямъ предшествуетъ еще въ первыхъ двухъ годахъ семинарскаго курса частію продолженіе прежнихъ занятій классиками и математикою, частію же довольно пространное изученіе философскихъ наукъ. Такимъ образомъ научныя занятія семинаристовъ въ теченіи перваго семестра или полугодія ихъ предварительнаго курса слагаются главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ предметовъ: изученіе древней греческой философіи, особенно Платона и Аристотеля, курсъ лекцій по древней классической литературѣ (греческой и римской), по математикѣ, исторіи и по экзегетикѣ одной или нѣсколькихъ книгъ ветхаго завѣта. Во второмъ семестрѣ студентамъ семинаріи преподаютъ исторію новой философіи отъ Декарта до Гегеля, при чемъ особенное вниманіе обращено на изученіе философскихъ системъ Спинозы и Канта. Занятія по еврейской экзегетикѣ ветхаго завѣта, по классической литературѣ и по математикѣ продолжаются въ этомъ семестрѣ съ присовокупленіемъ курса лекцій по естественной философіи. Третій семестръ посвящается изученію психологіи, метафизики, нравственной и политической философіи, равно какъ продолженію экзегетики ветхаго завѣта. Четвертый семестръ или вторая поло-

вина втораго учебнаго года служитъ какъ бы ближайшимъ переходомъ студентовъ отъ философскаго къ богословскому курсу, и употребляется на изученіе христіанской апологетики, или что тоже фундаментальнаго богословія, философіи религіи и исторіи нынѣ существующихъ религіозныхъ обществъ, на введеніе въ чтеніе книгъ ветхаго и новаго завѣта или на такъ называемую исагогику, и, наконецъ, на экзегетику первыхъ трехъ евангелій (называемыхъ на богословскомъ языкѣ нѣмцевъ въ отличіе отъ евангелія отъ Іоанна *синоптиками*). Такимъ образомъ если исключить предшествующія занятія экзегетикою ветхаго завѣта, то собственно въ этомъ семестрѣ начинается изученіе богословія. Предметами пятаго семестра служатъ догматика, экзегетика первыхъ 13 посланій Святаго Апостола Павла и такъ называемое здѣсь богословіе ветхаго завѣта, т. е. подробное, систематическое изученіе вѣрованій, пророчествъ и постановленій ветхозавѣтной Церкви. Въ шестомъ семестрѣ продолжаются лекціи по догматикѣ съ присовокупленіемъ отдѣльнаго курса христіанской символики, экзегетика Евангелія и посланій Св. Апостола Іоанна, также толкованіе посланія къ Евреямъ и богословіе новаго завѣта (то есть раскрытіе апостольскаго христіанства на основаніи свидѣтельствъ однѣхъ новозавѣтныхъ священныхъ книгъ). Въ теченіи седьмаго и осьмаго семестровъ студенты занимаются изученіемъ церковной исторіи и исторіею догматовъ, этикою или нравственнымъ богословіемъ, гомилетикою, пастырскимъ богословіемъ и церковнымъ законовѣдѣніемъ.

Параллельно съ этими занятіями студенты въ теченіи всего курса имѣютъ рядъ практическихъ упражненій, направленныхъ къ развитію въ нихъ дара слова и умѣнья

прилагать къ дѣлу пріобрѣтаемыя ими познанія. Такъ въ теченіи первыхъ двухъ годовъ происходятъ постоянныя упражненія въ декламаціи, для чего избираются отрывки изъ разныхъ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій. Въ третьемъ году своего университетскаго курса студенты поочередно заучиваютъ наизусть образцовыя рѣчи и проповѣди и произносятъ ихъ въ присутствіи всѣхъ товарищей въ послѣобѣденное время въ воскресные дни. Въ теченіи послѣдняго учебнаго года студенты, носящіе уже наименованіе кандидатовъ, сами пишутъ и произносятъ проповѣди и занимаются преподаваніемъ закона Божія дѣтямъ; вообще бываютъ членами *проповѣдническаго института* (1).

Намъ остается теперь указать на то, какимъ образомъ въ теченіи всего курса со слушаніемъ и усвоеніемъ университетскихъ лекцій соединяется особое учебно-воспитательное руководство со стороны самой семинаріи. Руководить студентовъ и вмѣстѣ имѣть за ними нравственный надзоръ составляетъ въ университетской Тюбингенской семинаріи, также какъ и въ низшихъ семинаріяхъ, обязанность репетентовъ—числомъ 8; они избираются изъ лучшихъ, кончившихъ курсъ кандидатовъ богословія, и проводятъ въ этой должности обыкновенно нѣсколько лѣтъ до поступленія своего на дѣйствительную службу церкви или наукѣ. Надзирая за трудами студентовъ и руководя занятіями ихъ, они въ тоже время сами продолжаютъ заниматься самостоятельными научными трудами. Каждый изъ нихъ читаетъ также рядъ такъ называемыхъ loci по одному или нѣсколько изъ богословскихъ наукъ, т. е. производитъ репетиціи лекцій,

(1) О немъ я сообщу въ другой разъ обстоятельныя свѣдѣнія.

читанныхъ профессорами факультета; при своемъ болѣе близкомъ отношеніи къ студентамъ семинаріи репетенты даютъ этимъ loci болѣе живый, собесѣдовательный видъ, чѣмъ какъ это бываетъ во время профессорскихъ лекцій. Репетенты же производятъ экзамены (какъ устные, такъ и письменные) при концѣ всякаго семестра; они предсѣдательствуютъ поочередно на богословскихъ диспутахъ кандидатовъ (студентовъ старшаго курса) и обязаны какъ открывать, такъ и закрывать эти диспуты примѣненною къ предмету разсужденій латинскою рѣчью; имъ принадлежитъ также право въ качествѣ приватъ-доцентовъ читать лекціи въ университетскихъ аудиторіяхъ. Каждый изъ репетентовъ имѣетъ свою квартиру между двумя занятными комнатами студентовъ семинаріи; на него спеціально возложена обязанность руководить и домашними занятіями студентовъ, живущихъ въ этихъ комнатахъ, и давать имъ всѣ нужныя частныя указанія. Въ семинаріи есть опредѣленный уставъ, по которому каждый студентъ долженъ въ семестръ написать по два сочиненія (листа въ три) о предметѣ, обыкновенно избираемомъ имъ самимъ, но находящемся однако въ прямой связи съ главными занятіями текущаго семестра. 4 изъ этихъ сочиненій должны быть написаны по латыни, прочіе по нѣмецки, а чтеніе и исправленіе ихъ составляетъ одну изъ существенныхъ обязанностей репетентовъ.

Такъ какъ отличительнымъ назначеніемъ семинаріи служитъ не только снабженіе Виртембергской церкви будущими пастырями, но также приготовленіе учителей для высшихъ учебныхъ заведеній, то естественно, что тѣ изъ студентовъ, которые желаютъ посвятить себя послѣднему поприщу, должны съ своими богословскими

занятіями, на сколько возможно, соединять изученіе разныхъ другихъ наукъ, какъ то въ особенности классиковъ, философіи, исторіи, или математики. Прежде они также обязаны были выдерживать полный богословскій экзаменъ при концѣ своего академическаго курса; но въ силу новѣйшаго устава опредѣлено, что они освобождаются отъ этого экзамена въ извѣстныхъ случаяхъ, то есть, когда они спеціально посвятили себя изученію классиковъ или математики, и, выдержавъ по этимъ предметамъ полный экзаменъ, намѣреваются не принять священнаго сана, а посвятить себя ученому поприщу по избраннымъ предметамъ.

Семинарія не даетъ никакихъ отличій или наградъ за успѣхи въ наукахъ; одинъ только совѣтъ университета имѣетъ право давать награды или преміи за диссертаціи, написанныя на данныя факультетомъ темы (особенно по части гомилетики и катихизаціи).

Ближайшая цѣль студентовъ по окончаніи описаннаго академическаго курса заключается въ томъ, чтобы съ успѣхомъ выдержать первый богословскій (государственный) экзаменъ (Staatsexamen), который производится дважды въ году въ Тюбингенѣ комитетомъ, состоящимъ изъ университетскихъ профессоровъ богословія и одного контролирующаго члена протестантской консисторіи, посылаемаго на этотъ случай отъ правительства. Экзаменъ производится частію устно, частію письменно, и состоитъ въ испытаніи по экзегетикѣ ветхаго и новаго завѣта, по догматикѣ, этикѣ, исторіи догматовъ и церковной исторіи, въ проповѣди и въ катихизаціи.

Этотъ экзаменъ даетъ право каждому кандидату поступить на службу Церкви въ качествѣ викарія, то есть помощника пастора, или же въ одну изъ семина-

рій на должность репетента, или младшаго учителя; если онъ по экзамену принадлежитъ къ первому разряду, то онъ имѣетъ также право на полученіе стипендіи, выдаваемой семинаріей и дающей возможность посвятить 6 мѣсяцевъ или годъ на ученое путешествіе, на посѣщеніе какого либо другаго германскаго (или иностраннаго) университета. Не удивительно, что, при значеніи, данномъ этимъ государственнымъ экзаменамъ, университетскія ученыя степени утратили часть своего прежняго значенія. Въ прежнее время всѣ студенты семинаріи стремились въ теченіи послѣдняго года своего учебнаго курса къ тому, чтобы чрезъ публичный богословскій диспутъ (и прочія условія) получить степень магистра; но нынѣ степень доктора философіи есть почти единственная, которую ищутъ, и то лишь люди, намѣревающіеся вступить на спеціально ученое поприще, или отправиться въ чужіе краи, гдѣ имъ, конечно, желательно представить докторскій дипломъ въ подтвержденіе своей научной компетентности.

(Примѣчаніе. Для полученія степени доктора нужно написать сочиненіе или на данную факультетомъ тему, или и на произвольно избранную, но одобренную факультетомъ. Безъ докторской степени нельзя быть профессоромъ).

Второму богословскому экзамену кандидатъ подвергается около трехъ лѣтъ спустя послѣ перваго, иногда даже гораздо позже; онъ производится въ Штутгартѣ предъ комитетомъ духовной консисторіи и соотвѣтствуетъ англійскому экзамену у епископа. Этотъ второй экзаменъ заключается почти въ тѣхъ же предметахъ, какъ и первый, съ прибавленіемъ лишь вопросовъ по части учительской практики (педагогики) и пастырскаго

богословія; онъ даетъ уже право окончательно на полученіе священническаго или высшаго училищнаго мѣста. Этотъ экзаменъ долженъ притомъ служить предохранительнымъ средствомъ къ тому, чтобы уровень научнаго развитія, пріобрѣтеннаго въ университетѣ не падалъ у молодаго духовенства среди исполненія имъ разныхъ практическихъ и общественныхъ занятій. Съ тою же цѣлію опредѣлено, что всякое духовное лице обязано до 50-ти лѣтняго возраста ежегодно представить въ рукописи сочиненіе (на нѣмецкомъ или латинскомъ) о какомъ либо предметѣ научно-богословскаго, практически-пастырскаго или общественнаго интереса; кромѣ того до 60-ти лѣтъ всѣ пасторы должны принимать участіе въ богословскомъ диспутѣ своей епархіи подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго декана. Для той же цѣли каждая епархія имѣетъ свою библіотеку для чтенія, которая снабжаетъ по разъ заведенному порядкѣ всѣхъ духовныхъ лицъ періодическими и другими научными и богословскими сочиненіями.

Система воспитанія, принятая въ описанныхъ семинаріяхъ, имѣетъ особенно важное значеніе въ такой странѣ, гдѣ всѣ прочія заведенія существуютъ только для приходящихъ, и гдѣ слѣдовательно не обращено никакого вниманія на воспитательную и дисциплинарную часть,—послѣдняя исключительно предоставлена родителямъ. Продолжительный опытъ доказалъ въ Виртембергіи, что общежитіе и совмѣстныя занятія на большинство воспитываемыхъ въ семинаріяхъ молодыхъ людей обнаруживаетъ почти всегда благотворное вліяніе, между прочимъ развивается у нихъ полезное соревнованіе и та глубокая, неразрывная дружба, которая и на дальнѣйшую жизнь оказываетъ доброе влія-

ніе. Правда, жизнь эта можетъ развивать иногда духъ черстваго эгоизма; внутренняя дисциплина можетъ давать поводъ къ развитію лицемѣрія, угодничества, наушничества и т. под.; но это зависитъ отъ недостатковъ воспитателей, отъ неумѣнья ихъ прилагать разсматриваемую систему къ дѣлу, а не отъ самой системы.... Даже тѣ, которые не окончили курса въ семинаріяхъ, но избрали другое поприще, съ любовію вспоминаютъ о времени, проведенномъ ими въ семинаріяхъ. — По закону воспитанники, посвящающіе себя поприщу чуждому цѣли семинаріи, должны возвратить казнѣ деньги, истраченныя на ихъ содержаніе и воспитаніе въ семинаріи; но этотъ законъ прилагается нынѣ лишь къ тѣмъ, которые вслѣдствіе какихъ либо важныхъ проступковъ уволены изъ семинаріи до окончанія полнаго курса.

Крѣпко Виртембергскія семинаріи срослись съ сознаніемъ и преданіями страны и здѣсь находятъ себѣ такую опору, при помощи которой они—подобно англійскимъ коллегіямъ—могутъ противостоять всѣмъ ультрарадикальнымъ стремленіямъ времени. Впрочемъ о внутреннемъ характерѣ и направленіи научныхъ занятій, равно какъ и о дисциплинѣ—въ слѣдующей корреспонденціи.

Оспинъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сборникъ изъ исторіи старообрядства. Изданіе Н. И. Попова. Москва. 1864.
Сборникъ для исторіи старообрядчества, издаваемый Н. Поповымъ. Томъ первый. Москва. 1864.

Въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства помѣщенъ между прочимъ слѣдующій интересный разсказъ бывшаго старообрядца. Однажды въ конторѣ Рогожскаго кладбища получено было отъ Московскаго полицеймеcтера предписаніе о высылкѣ къ нему въ канцелярію попа Александра Иванова Арсентьева, проживавшаго на Рогожскомъ кладбищѣ. Попечители кладбища, опасаясь, чтобы попа долго не задержали въ канцеляріи, отправили вмѣстѣ съ нимъ своего конторщика, Кондратія Никифорова Синицына, которому вручили на случай порядочную сумму денегъ— съ приказаніемъ вести себя какъ можно осторожнѣе. Едва только посланный явился съ попомъ къ полицеймеcтеру, какъ послѣдній немедленно потребовалъ попа къ себѣ въ комнаты, а Синицыну приказалъ дожидаться внизу. Проходитъ часъ, два, а попъ все не выходитъ изъ комнатъ полицеймеcтера. Соскучась ждать его, Синицынъ рѣшился взойти наверхъ и спросить, скоро ли полицеймеcтеръ отпуститъ его товарища; но къ великому ужасу узнаетъ, что полицеймеcтеръ давно уже уѣхалъ изъ дома, а товарищъ его съ квартальнымъ отправился куда-то чрезъ другія двери. Опасаясь со сто-

роны попечителей строгаго наказанія за то, что не уберегъ попа, Синицынъ со слезами отправился въ Рогожскую часть — справиться, не тамъ ли содержится попъ. Попа въ части не оказалось; мало этого: изъ служившихъ въ части никто даже не могъ сказать, за чѣмъ его требовалъ къ себѣ полицеймейстеръ, хотя предписаніе шло чрезъ часть. Предчувствуя бѣду, конторщикъ немедленно отправился къ попечителямъ кладбища и разсказалъ имъ объ общемъ ихъ несчастіи. Побранивъ Синицына, попечители составили совѣтъ, на которомъ рѣшили—ѣхать къ самому полицеймейстеру, какъ къ человѣку давно знакомому вліятельнымъ раскольникамъ, и спросить его, за что взятъ попъ и гдѣ онъ находится. Но полицеймейстеръ отказался удовлетворить любопытству рогожцевъ, а сказалъ только, что попъ взятъ по приказанію высшаго начальства и отправленъ въ тюремный замокъ. Желая узнать о причинѣ ареста отъ самого попа, попечители послали нѣсколько человѣкъ своихъ единомышленниковъ въ острогъ—будто бы для раздачи по рукамъ милостыни. Но посланныхъ къ попу не допустили, объявивъ, что онъ содержится въ секретной и пускать къ нему никого не приказано. Раскольники старались подкупить служившихъ при тюремномъ замкѣ, но и въ этомъ не успѣли. Вѣроятно, приказаніе начальства на этотъ разъ было довольно категорическое. Между тѣмъ ревностные раскольники подняли вопль и стали жаловаться на богачей за то, что они не хлопочутъ объ узникѣ, жалѣя будто бы денегъ. Чтобы прекратить возникшій ропотъ, богачи отыскали въ числѣ своихъ единовѣрцевъ одного, знакомаго начальству человѣка, и стали просить его похлопотать вмѣстѣ съ попечителями объ освобожденіи попа. Послѣ неодно-

кратныхъ поѣздокъ къ разнымъ лицамъ австрійской іерархіи, раскольники наконецъ узнали, за что ихъ постигла такая немилость начальства. Вина раскольниковъ состояла въ томъ, что они не согласились за нѣсколько дней до поѣздки ареста дать въ займы порядочную сумму денегъ главному начальнику, который просилъ ихъ объ этомъ черезъ своего фаворита. Такое непростительное невѣжество раскольниковъ, разумѣется, требовало примѣрнаго наказанія. И вотъ, по распоряженію начальника, раскольники, пожалѣвшіе презрѣннаго металла, лишились самаго лучшаго попа. А между тѣмъ время было такое, что пріобрѣтать новыхъ поповъ рогожцы уже не могли. Что было дѣлать? Очевидно, нужно было какъ-нибудь загладить проступокъ свой предъ начальникомъ. И вотъ раскольники отправляются къ одному чиновнику съ цѣлію узнать отъ него, когда можно явиться къ начальнику съ деньгами, которыя онъ просилъ у нихъ. Чиновникъ, объявивъ раскольникамъ, что начальникъ теперь очень нуждается въ деньгахъ, такъ какъ супруга постоянно безпокоитъ его объ этомъ, немедленно побѣжалъ къ своему покровителю доложить ему о пріѣздѣ раскольниковъ. Тотъ съ радостію согласился принять ихъ *во всякое время*. Предполагая, вѣроятно, что начальникъ постоянно занятъ важными дѣлами, раскольники рѣшились не вдругъ предстать предъ его особу, а положили явиться къ нему въ воскресенье, какъ день свободный отъ занятій. И вотъ въ назначенный день, купивъ на двѣсти рублей разныхъ фруктовъ и вложивъ въ средину ихъ пакетъ съ двадцатью пятью тысячами, попечители Рогожскаго кладбища отправились къ начальнику. Чиновникъ встрѣтилъ раскольниковъ у крыльца и учтиво попросилъ ихъ въ залу. Въ залѣ расколь-

ники встрѣтили не только начальника, но и супругу его съ дѣтьми, которая тоже очень *аламюр* приняла ихъ. Попечитель кладбища Гагаринъ сталъ просить супругу начальника принять фрукты изъ садовъ Рогожскаго кладбища. „Развѣ у васъ есть тамъ оранжереи? съ великимъ удивленіемъ спросила его супруга начальника. У насъ тамъ очень хорошо. Тамъ у насъ все есть, отвѣтилъ ей Гагаринъ съ робостію. Мнѣ хочется какъ нибудь побывать у васъ на кладбищѣ, говоритъ барыня. Я къ вамъ съ дѣтьми пріѣду“. Раскольники, разумѣется, поблагодарили начальницу за честь, а она, взявъ два ананаса и нѣсколько другихъ фруктовъ, изволила удалиться. Тогда попечители, указывая начальнику на запечатанный съ ассигнаціями пакетъ, обратились къ нему съ такою рѣчью: „это старички наши, пріѣхавшіе отъ Макарья, прислали вашей милости гостинчикъ. Они покорнѣйше просятъ васъ помочь намъ въ несчастіи: неизвѣстно за что взяли у насъ попа Александра, и гдѣ онъ теперь содержится, тоже намъ неизвѣстно. Вѣдь онъ бѣглый? сказалъ на это начальникъ. Будьте милостивы, отвѣчали ему раскольники, — у насъ и всѣ бѣглые: намъ дозволено имѣть девять поповъ, только вновь не велѣно принимать, а Александръ Ивановичъ изъ старыхъ. Онъ поступилъ въ 1817 году; по церкви не сдѣлалъ никакого преступленія и человѣкъ онъ прекрасный. Ну хорошо, сказалъ начальникъ. Мнѣ теперь не здоровится, я никуда не выѣзжаю; но какъ осмотрю людей вѣдѣніемъ старшаго полицеймейстера, то я спрошу у него объ этомъ и узнаю. Впрочемъ, позвольте, господа! Много ли я у васъ беру взаймы денегъ? Я сейчасъ выдамъ вамъ на три мѣсяца заемное письмо. Эти деньги не наши, от-

вѣчалъ начальнику попечитель Гагаринъ. Старички наши вѣрятъ вамъ ихъ на-слово, а документа брать не приказали". И представьте себѣ! Начальникъ былъ такъ добръ, что желаніе раскольниковъ исполнилъ безпрекословно. Что же, спросятъ любопытные, сдѣлалось съ арестованнымъ попомъ? На другой день послѣ посѣщенія раскольниками начальника, его секретно увезли изъ острога въ Кострому. И когда, во время обѣщаннаго начальницей посѣщенія Рогожскаго кладбища, одинъ изъ раскольниковъ спросилъ начальника о попѣ, тотъ отвѣчалъ: „извините, — я не успѣлъ видѣться съ старшимъ полицеймейстеромъ, а онъ въ это время успѣлъ отослать попа въ Кострому. Этого теперь воротить нельзя; остальныхъ берегите" (стр. 131 — 136). Читатель! Ты, конечно, возмущенъ до глубины души этимъ нахальнымъ взяточничествомъ, этимъ до грубости безцеремоннымъ опустошеніемъ раскольничьихъ кармановъ со стороны какого-то московскаго начальника, и готовъ назвать его за это самыми не лестными именами. Не споримъ. Представленный нами разсказъ не можетъ не производить тяжелаго впечатлѣнія на каждаго честнаго человѣка. Но если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что разсказъ касается лица, жившаго довольно давно, когда не только не писали противъ взятокъ, а напротивъ большинство считало ихъ *благопріобрѣтеніемъ*; съ другой стороны, если припомнимъ, что въ былое время съ раскольниковъ брали почти всѣ отъ мала до велика, кто по своимъ служебнымъ обязанностямъ былъ поставленъ въ какое-либо отношеніе къ нимъ,—если наконецъ разсудимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ сама власть свѣтская наложила на раскольниковъ *двойной* окладъ, и всѣ прочіе смертные

пріобрѣлъ, такъ сказать, спеціальное право считать расколъ доходною статьею, — въ такомъ случаѣ поступокъ московскаго начальника уже перестанетъ казаться чѣмъ-то особенно возмутительнымъ, а просто получаетъ значеніе факта, какихъ изъ прошлой исторіи раскола можно бы указать тысячи тысячъ. Такимъ образомъ, не оправдывая самаго дѣла, мы однакожъ считаемъ не вполнѣ справедливымъ видѣть въ немъ какую-то чудовищную особенность. Подобныя явленія въ былое время составляли обыкновенный порядокъ вещей, на который снисходительно смотрѣли самые благонамѣренные люди. И если на наши глаза указанный порядокъ вещей кажется мерзостію, причиной этому служатъ тѣ свѣтлыя понятія, которыми такъ любятъ щеголять наше время, наша литература, люди нашего вѣка. Кому, напримѣръ, неизвѣстно, что нынѣ многіе не только говорятъ, но и пишутъ, что они не берутъ никакихъ взятокъ; нерѣдко также нынѣ можно встрѣтить и такихъ людей, которые съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства открыто заявляютъ всѣмъ и каждому, что они — люди *честные*, какъ сдѣлалъ это и издатель разбираемыхъ нами сборниковъ, говоря въ одномъ мѣстѣ: „мы въ правѣ признавать себя честными гражданами земли русской" (сборн. для ист. стар. стр. 145). А эти бичи всякой неправды человѣческой, извѣстные подъ именемъ „Искръ", „Будильниковъ" и проч. и проч., развѣ не въ силахъ остановить каждаго дѣятеля нашего времени отъ поползновенія ко грѣху и вести его по пути долга, совѣсти и правды? А потому если бы представленный нами разсказъ касался людей нашего времени, ихъ справедливо было бы внести, по выраженію „Искры", въ списокъ *безсмертныхъ*. Все это мы гово-

ринъ не для того, чтобы защищать прошлое—дурное, но чтобы показать, что если нынѣ раскольниковъ, напримѣръ, не грабятъ по прежнему, въ этомъ нѣтъ особенной похвалы ни для кого, кромѣ развѣ общества, признавшаго такой порядокъ вещей дѣломъ безнравственнымъ и не безопаснымъ.

Что же, спросятъ насъ послѣ этого, въ настоящее время уже нѣтъ и не бываетъ ничего, похожаго на прошлое—дурное, нѣтъ ни взятокъ, ни обмановъ, ни другихъ какихъ-либо *нечестныхъ* поступковъ, а все дѣлается по совѣсти, по чести, согласно съ правдой? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы разскажемъ слѣдующую исторію, имѣющую близкое отношеніе къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, т. е. къ расколу. Въ прошлое десятилѣтіе, по нѣкоторымъ причинамъ, на расколъ обратила самое полное вниманіе власть, какъ церковная, такъ и свѣтская. Въ слѣдъ за властію и общество православное пожелало узнать, что такое расколъ, съ которымъ боролись цѣлыя два столѣтія, и котораго не могли побѣдить. Въ пишущемъ мірѣ началась усиленная дѣятельность по предмету раскола. Лица не только духовныя, но и свѣтскія, даже женщины, прежде смотрѣвшія на расколъ съ презрѣніемъ, стали заниматься его исторіею и писать разнаго рода статейки и книжки. Статейки помѣщались въ разныхъ журналахъ, книжки распродавались довольно быстро, и писавшіе ихъ не были въ проигрышѣ за свои труды. Въ Петербургѣ—этомъ, по общему признанію, расчетливомъ городѣ—нашлись люди, которые рѣшились воспользоваться сочувствіемъ общества къ расколу болѣе выгоднымъ для себя образомъ. Зная по опыту, что русское общество, какъ легко увлекается всякимъ новымъ

предметомъ, также скоро и охладѣваетъ къ нему, эти практическіе люди придумали новый, болѣе вѣрный и прочный способъ сбывать съ рукъ книжки по расколу, разумѣется, не безъ пользы для себя. Являются извѣстныя всѣмъ изданія Кожанчикова, которыя часто не заключали въ себѣ ничего, кромѣ преданныхъ печати сочиненій раскольническихъ. Расчетъ у издателя былъ очень вѣрный. Во-первыхъ, не нужно было платить за издаваемыя сочиненія; во-вторыхъ, изданія такого рода были полезны сколько православію, столько же и расколу, а кому неизвѣстно, что раскольническое общество, по общему признанію, богаче православнаго. Разумѣется, въ предисловіи къ каждой, издававшейся такимъ образомъ, книжкѣ о практическихъ соображеніяхъ издателя не говорилось ни слова, а шла рѣчь только о блестящихъ результатахъ, какихъ должно было ожидать православіе отъ такихъ изданій. Но иное дѣло — предисловіе къ книгѣ, и иное—жизнь. Опытъ показалъ, что изданія Кожанчикова распродавались быстро, покупались по преимуществу раскольниками и, какъ предсказывали мы съ самаго начала этихъ изданій, имѣли для православія такое значеніе, что церковная власть нашлась, наконецъ, вынужденною запретить на будущее время подобнаго рода изданія. Это—о Петербургѣ, а теперь поговоримъ о Москвѣ. Само собою разумѣется, что выгодная операція г. Кожанчикова, петербургскаго книгопродавца, не могла не подѣйствовать болѣзненно на дѣятелей подобнаго рода, живущихъ и въ другихъ городахъ. Особенно Москва, всегда пользовавшаяся отъ раскольниковъ преимущественными приношеніями, вслѣдствіе главнаго средоточія въ ней раскола, не могла смотрѣть равнодушно на удачную аферу

Петербурга. И вотъ Москва, вспомнивъ прежнее свое искуство обирать раскольниковъ, рѣшилась еще разъ, хотя и послѣдній (1), испытать, такъ ли полны и щедры карманы раскольническіе, какъ бывали они полны и щедры въ прежнее время, и въ лицѣ г. Попова издаетъ сборникъ для исторіи старообрядчества, который, за исключеніемъ разглагольствій издателя въ предисловіяхъ, весь состоитъ изъ раскольническихъ сочиненій, до которыхъ раскольники такіе большіе охотники, особенно когда сочиненія эти являются въ печати. Но такъ какъ изданія подобнаго рода уже успѣли возбудить въ обществѣ и литературѣ неблагопріятные о себѣ толки, вызвавшіе наконецъ со стороны церковной власти рѣшительное запрещеніе ихъ, съ другой стороны, такъ какъ и общество православное еще не перестало интересоваться расколомъ, — то Москва, чтобы скрыть свою продѣлку, а въ тоже время не оставить безъ вниманія и рубли православныхъ, рѣшилась замаскировать свои заднія мысли, и съ этою цѣлію сборнику для исторіи старообрядчества предпосылаетъ сборникъ изъ исторіи старообрядства, содержаніе котораго направлено *противъ* раскола, но который впрочемъ можетъ быть не безполезенъ и расколу — безпоповщинскому, такъ какъ въ сборникѣ поповщина — заклятый врагъ безпоповщины—рисуется въ крайне непривлекательномъ видѣ. Такимъ образомъ, по пословицѣ, изданія г. Попова служатъ съ перваго взгляда и „нашимъ и вашимъ". Но по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается болѣе справедливымъ сказать, что разсматриваемые сборники не могутъ принесть существенной

(1) По опредѣленію Св. Сунода, изданіе раскольническихъ сочиненій въ томъ видѣ, какъ они изданы въ сборникѣ для исторіи старообрядчества, запрещено.

пользы никому, кромѣ самого издателя. Сознаемся, мы высказываемъ мысли крайне щекотливыя для г. Попова; а потому считаемъ нужнымъ, оставивъ въ сторонѣ предположенія, обратиться къ самымъ сборникамъ и ими—ихъ содержаніемъ фактически подтвердить то, что говорили, повидимому, голословно.

Общій взглядъ нашъ на разсматриваемыя изданія, какъ читатели могли понять, тотъ, что сборники г. Попова—положительно пустыя, безполезныя книженки, изданіе которыхъ можетъ быть объяснено единственно спекулятивными цѣлями. И вотъ доказательства нашего мнѣнія. Прочитавъ сборникъ изъ исторіи старообрядства, мы не нашли въ немъ ни одной строки, которой бы не читали и не знали прежде, за исключеніемъ „письма къ образованному старообрядцу", занимающаго въ сборникѣ семь съ небольшимъ страницъ подъ № IV. Другими словами: сборникъ изъ исторіи старообрядства заключаетъ въ себѣ рядъ небольшихъ сочиненій и статей по расколу, которыя всякому, мало мальски знакомому съ расколомъ, давно извѣстны. Такъ „повѣсть краткая и достовѣрная о раскольницѣхъ, на соблазнъ и позоръ православныя нашея восточныя церкве въ сія послѣднія времена прошибающихся", занимающая въ сборникѣ *первое* мѣсто, извѣстна въ печати еще съ 1848 года, и хотя книжка эта написана и издана за границей—Будимскимъ епископомъ Платономъ Аѳанацковичемъ, тѣмъ не менѣе существуетъ въ немаломъ количествѣ экземпляровъ и въ Россіи. Кромѣ того съ самымъ подробнымъ содержаніемъ этой книги русское читающее общество давно уже ознакомлено о. Парѳеніемъ въ его книгѣ „о промыслѣ Божіемъ" (стр. 15—36), изданной въ 1857 году. Подъ № V (1) помѣщенъ въ сборникѣ „разсказъ

(1) При разборѣ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, мы держимся ино-

дяди Онисима". Этотъ разсказъ въ 1863 году былъ напечатанъ *въ Русскомъ Вѣстникѣ* и въ томъ же году былъ изданъ отдѣльно извѣстнымъ московскимъ купцомъ Сапѣлкинымъ. Въ изданіи г. Попова въ „разсказѣ" сдѣлано только нѣсколько перемѣнъ въ словахъ и выраженіяхъ, да опущены соборныя правила, которыми въ отдѣльномъ изданіи „разсказа" подтверждалась мысль о незаконности, такъ называемаго, *австрійскаго* священства. Подъ №№ VI, VII и VIII помѣщены въ сборникѣ статьи съ слѣдующими заглавіями: „кто такіе были епископы Рогожскаго кладбища Антоній и Пафнутій", „разсказъ о Рогожскомъ кладбищѣ" и „Луки Терентьева посланіе къ Василью Иванову Верейскому, извѣстительное о смерти и погребеніи Ильи Алексѣева Ковылина". Эти статьи, наивно замѣчаетъ издатель въ концѣ сборника, „перепечатываемъ изъ газеты „Зритель" (за 1862—63 г.) съ согласія Редакціи." Наконецъ подъ №№ II и III помѣщены въ сборникѣ свѣдѣнія объ основаніи Бѣлокриницкой обители въ Буковинѣ и объ учрежденіи тамъ раскольничьей митрополичьей каѳедры,—свѣдѣнія, взятыя изъ церковной исторіи Бѣлокриницкаго инока Павла Васильева. Касательно этихъ послѣднихъ свѣдѣній, самыхъ интересныхъ изъ всѣхъ, находящихся въ сборникѣ, нужно замѣтить, что во первыхъ исторія, изъ которой они взяты, также давно существуетъ въ печати и извѣстна лицамъ, занимающимся изученіемъ раскола. Во вторыхъ, болѣе интересныя извѣстія объ учрежденіи Бѣлокриницкой лжеіерархіи, находящіяся въ этой исторіи, также давно уже доведены до свѣдѣнія читающей публики (см. Хр. Чт. 1860 г. ч. I, стр. 205—214). Наконецъ—и это главное—отрывки изъ церков-

го порядка, чѣмъ въ какомъ они напечатаны г. Поповымъ, и дѣлаемъ это по причинамъ, которыя читатели поймутъ сами.

ной исторіи Павла Васильева напечатаны г. Поповымъ въ такомъ видѣ, что въ нихъ не отыщетъ смысла даже человѣкъ, близко знакомый съ расколомъ. Дѣло въ томъ, что г. Поповъ, вѣроятно, не зная, что сочиненіе Павла Васильева существуетъ въ печати, издавалъ отрывки изъ него не по печатному изданію, а по рукописи, наполненной такимъ множествомъ всевозможныхъ ошибокъ, что въ сборникѣ умное произведеніе Павла Васильева является безсмыслицей, предъ которой станетъ въ тупикъ самый умный читатель. Такъ напр., по печатному изданію, въ Королевскомъ декретѣ, которымъ позволялось Буковинскимъ раскольникамъ взять изъ-за границы епископа, было сказано, что найденный „святитель долженъ будетъ о имени его объявить“,—а въ сборникѣ г. Попова напечатано: „долженъ будетъ *а именно* его объявить“ (стр. 47). Въ печатномъ изданіи Павелъ Васильевъ приводитъ текстъ Св. Писанія: „куплю дѣйте дондеже пріиду. И паки, не вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ“; въ сборникѣ г. Попова эти слова переданы такъ: „*купію* дейте дондеже пріиду, и *помине* вжигаютъ свѣтильникъ“ (стр. 49). Въ другомъ мѣстѣ вмѣсто правильно приведенныхъ въ печатномъ изданіи словъ Св. Писанія: „идѣже предтеча за насъ вниде Христосъ“, въ сборникѣ г. Попова стоитъ такого рода безсмыслица: „*и даже предтече* за насъ вниде Христосъ“ (стр. 51). Или—въ печатной книгѣ говорится: „дабы долгимъ изъясненіемъ не могло случиться со стороны греческой церкви какихъ либо препятствій“, а г. Поповъ печатаетъ: „*со старой* греческой церкви“. Еще—слова печатнаго изданія: „Ваше Величество вземше въ разсужденіе“, г. Поповъ передаетъ такъ: „*въ землѣ* въ разсужденіе“ (стр. 60). Впрочемъ мы взяли бы на себя трудъ слишкомъ тяжелый,

если бы рѣшились указать всѣ безсмыслицы, какія находятся въ отрывкахъ изъ церковной исторіи Павла Васильева, напечатанныхъ г. Поповымъ. Довольно, кажется, будетъ, если скажемъ, что, зная сочиненіе Павла Васильева, мы не могли понять отрывковъ изъ него, напечатанныхъ въ сборникѣ г. Попова, доколѣ не исправили ихъ по печатной исторіи. Что же сказать послѣ этого о лицахъ, которыя будутъ читать сборникъ г. Попова, не имѣя подъ руками печатнаго изданія Васильева? Вѣдь что ни говорите, а никакая сообразительность не поможетъ, когда вмѣсто словъ: „Фландріи, помогати, Бешиктанѣ, страхопочитаніемъ, Халки, Мекаренія, Никомидійскому, безъ измѣны (перемѣны) сана ихъ, отъ Министра, Маронія, Гонохора" и пр. и проч., будешь читать: „Филандіи, полагати, Бѣлоктанѣ, стихопочитаніемъ, Хаски, Менеравлѣ, Комедійскому, безъ имени сана ихъ, отъ монастыря, Миронія, Горохина" и проч. и проч. Наконецъ замѣтимъ еще, что въ разсматриваемыхъ нами отрывкахъ изъ исторіи Павла Васильева, по изданію ихъ г. Поповымъ, есть множество пропусковъ, состоящихъ не изъ словъ только, а изъ цѣлыхъ мыслей.

Такимъ образомъ, какъ читатели могли замѣтить, изъ осьми статей, напечатанныхъ въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства, изданномъ г. Поповымъ, семь перепечатаны изъ другихъ изданій, и только одна, самая меньшая по объему и ничтожная по содержанію, является въ сборникѣ г. Попова первый разъ. А послѣ этого намъ представляется дѣломъ совершенно лишнимъ повторять, что сборникъ изъ исторіи старообрядства г. Попова есть ничто иное, какъ спекуляція. Въ самомъ дѣлѣ, что другое можно предположить въ перепечаты-

ваніи книжекъ и статей, давно извѣстныхъ всѣмъ, кому нужно знать ихъ, и притомъ—перепечатываніи часто безмысленнѣйшемъ? Скажутъ, пожалуй, что помѣщенныя въ сборникѣ статьи печатались прежде въ разныхъ журналахъ, которые не всякій можетъ имѣть подъ руками, а потому изданіе ихъ въ одной отдѣльной книгѣ можетъ принести пользу тѣмъ, кто не въ состояніи выписывать ни *Русскаго Вѣстника*, ни *Зрителя*. Но во первыхъ для этого необходимо, чтобы самыя статьи, избранныя для отдѣльнаго изданія, заключали въ себѣ какія либо новыя и притомъ серьезныя свѣдѣнія о расколѣ. А развѣ можно сказать это о статьяхъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства? Все содержаніе напр. „разсказа дяди Онисима" состоитъ въ томъ, что до появленія австрійскаго священства поповцы разныхъ мѣстъ и губерній обращались съ своими духовными нуждами къ Рогожскому кладбищу, на которомъ нерѣдко заправляли всѣмъ простыя женщины, извѣстныя подъ именемъ *старицъ*, а потомъ, когда явились въ расколѣ австрійскіе лжеепископы, поповщина повсюду обзавелась своими попами (австрійскаго поставленія), которые теперь и исправляютъ всѣ требы у поповцевъ. Кто же не зналъ всего этого и прежде появленія въ свѣтъ сборника г. Попова? Или напр. развѣ новостію будетъ для всякаго, знакомаго съ исторіей раскола, что въ былое время съ раскольниковъ брали взятки даже лица, занимавшія высокіе посты въ служебной іерархіи, что бѣглые раскольническіе попы были нерѣдко зазорнаго поведенія, о чемъ говорится въ „разсказѣ о Рогожскомъ кладбищѣ", — или — что даже нѣкоторые изъ нынѣшнихъ лжеепископовъ раскольническихъ — люди темнаго происхожденія и укоризненной жизни, о чемъ

трактуетъ статья подъ названіемъ: „кто такіе были епископы Рогожскаго кладбища Антоній и Пафнутій“? Притомъ, по нашему мнѣнію, способъ нападенія на расколъ, состоящій въ разоблаченіи *частной*, иногда соблазнительной, жизни вліятельныхъ въ расколѣ лицъ, какъ умершихъ, такъ даже и живыхъ, — способъ опасный. Это — оружіе обоюдуострое, которымъ можно нанести сильный ударъ противнику, но объ которое можно жестоко уколоться и самому нападающему. Далѣе, — если предположить, что г. Поповъ, перепечатывая въ своемъ сборникѣ статьи, помѣщавшіяся прежде въ разнымъ журналахъ, имѣлъ въ виду только ознакомить съ ними тѣхъ, кто не читалъ этихъ журналовъ, въ такомъ случаѣ добросовѣстность издателя должна была внушить ему, что въ заглавіи сборника нужно указать это обстоятельство, т. е. что въ сборникѣ помѣщено не мало статей, которыя и прежде были въ печати въ разныхъ журналахъ. Такая оговорка показала бы публикѣ, что при покупкѣ сборника нужно быть осторожнымъ, чтобы не заплатить денегъ за вещи не нужныя. Наконецъ, въ третьихъ — для чего же въ такомъ случаѣ г. Поповъ внесъ въ свой сборникъ и такія статьи, которыя прежде не только были напечатаны въ журналахъ, но и изданы отдѣльно, какъ напр. „разсказъ дяди Онисима“, — а равно такія сочиненія, которыя давно извѣстны въ печати, т. е. исторію Платона Аѳанацковича и отрывки изъ церковной исторіи Павла Васильева? Скажутъ: первую г. Поповъ могъ напечатать въ томъ предположеніи, что она, какъ изданная за границей, не довольно извѣстна въ Россіи, а объ исторіи Павла Васильева могъ даже не знать, что она существуетъ въ печати. Но, во первыхъ, не

много чести человѣку, который принимается за изданіе сочиненій по какому либо предмету, хорошо не ознакомившись предварительно съ тѣмъ, что сдѣлано другими на этомъ поприщѣ. Во вторыхъ г. Поповъ не могъ не видѣть, по крайней мѣрѣ, того, что издаваемые имъ отрывки изъ церковной исторіи Павла Васильева полны ошибокъ и страдаютъ недостаткомъ смысла. А зная это, какую цѣль имѣлъ онъ, печатая эти отрывки? Наконецъ г. Попову лучше всякаго другаго извѣстно, что его сборникъ изъ исторіи старообрядства весь состоитъ то изъ статей, прежде бывшихъ въ печати и слѣдовательно, предполагается, болѣе или менѣе извѣстныхъ публикѣ, то изъ документовъ, въ которыхъ и самъ издатель не нашелъ смысла. А послѣ этого, какими соображеніями руководствовался издатель, назначая за свою книжку — съ такимъ содержаніемъ, состоящую изъ 162 страницъ, 1 р. 50 коп. съ пересылкой? (1) Пусть каждый, положа руку на сердце, скажетъ, честное ли это дѣло, или спекуляція, недостойная „честнаго гражданина земли русской". Назначеніе цѣны изданію, скажутъ, — добровольное дѣло издателя, а публика можетъ покупать и не покупать книгу. Такъ. Но въ такомъ случаѣ чѣмъ виноватъ покупатель, интересующійся расколомъ, пріобрѣтшій изданіе г. Попова и за 1 р. 50 к. нашедшій въ немъ, кромѣ статей, извѣстныхъ каждому, занимающемуся расколомъ, одну безсмыслицу? Вѣдь изъ заглавія: „сборникъ изъ исторіи старообрядства" никакой осторожный и глубокій умъ не пойметъ, что въ этомъ сборникѣ заключается

(1) Вслѣдствіе ли начальственнаго распоряженія объ уменьшеніи пересылочной цѣны за книги, или по другимъ какимъ либо причинамъ, только на обертке сборника для исторіи старообрядчества г. Поповъ назначилъ за сборникъ изъ исторіи старообрядчества 1 р. 20 к. съ пересылкой.

пустой сборъ вещей, пригодныхъ развѣ только тому, кто ничего не читалъ и не знаетъ о расколѣ. Вотъ если бы г. Поповъ далъ своей книгѣ такое названіе: „сборникъ разныхъ статей, изъ которыхъ однѣ и прежде были въ печати въ разныхъ журналахъ и даже отдѣльно, а другія печатаются, по мнѣнію издателя, первый разъ, но въ такомъ видѣ, что и самъ издатель не находитъ въ нихъ смысла", — въ такомъ случаѣ мы сочли бы грѣхомъ осуждать г. Попова за его предпріятіе. Тогда каждый, у кого есть смыслъ, видѣлъ бы, что изданіе г. Попова предназначено не для него. Это — наше послѣднее слово о сборникѣ изъ исторіи старообрядства. Теперь перейдемъ къ сборнику для исторіи старообрядчества и посмотримъ, что это за книга.

Прежде всего нужно сказать, что между сборникомъ изъ исторіи старообрядства и сборникомъ для исторіи старообрядчества есть большое сходство, которое состоитъ въ томъ, что та и другая книга — одинаково пусты по содержанію. Какъ въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства г. Поповъ не помѣстилъ ни одного новаго свѣдѣнія о расколѣ, такъ и въ сборникѣ для исторіи старообрядчества нѣтъ ни одного сколько нибудь важнаго документа, который бы проливалъ особенный свѣтъ на темную прошлую жизнь раскола. Но при всемъ сходствѣ, разсматриваемые сборники имѣютъ между собою и замѣтное различіе. Оно состоитъ въ томъ, что въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства г. Поповъ является простымъ издателемъ чужихъ книжекъ и статей, между тѣмъ какъ въ сборникѣ для исторіи старообрядчества къ имени издателя г. Поповъ присоединяетъ и имя писателя. Другими словами: не ограничиваясь простой перепечаткой разныхъ раскольническихъ ру-

кописей, г. Поповъ рѣшился въ сборникѣ для исторіи старообрядчества сказать и свое слово о расколѣ. А потому, при разборѣ означеннаго сборника, мы прежде всего обратимъ вниманіе на собственную рѣчь издателя о расколѣ, а за тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о документахъ, которые составляютъ главное содержаніе сборника.

Мысли и взглядъ г. Попова на расколъ заключаются въ предисловіяхъ, которыя онъ счелъ нужнымъ предпослать раскольническимъ документамъ, вошедшимъ въ составъ сборника. Такъ какъ напечатанныя въ сборникѣ рукописи касаются двухъ сектъ раскола—безпоповщины и поповщины, то и предисловій „отъ издателя" находится въ книгѣ два. Кромѣ того въ сборникѣ есть еще „замѣтка" (стр. 143—151), которая также составляетъ собственное произведеніе издателя. Посмотримъ же, какъ думаетъ о расколѣ — этомъ неразгаданномъ сфинксѣ г. Поповъ и чѣмъ даритъ онъ публику, собственно какъ писатель, а не издатель.

Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать отъ *современнаго* писателя, г. Поповъ бросаетъ грязью во всѣхъ, кто писалъ и пишетъ о расколѣ въ настоящее время. „Литература наша, говоритъ онъ, съ недавняго только времени обратила вниманіе на расколъ и то, по недостатку матеріаловъ для разработки и необходимыхъ справокъ, можно сказать словами нашихъ диссидентовъ, „блуждаетъ во мракѣ" (стр. VI). Такъ какъ мы и сами грѣшимъ иногда по этой части, т. е. пописываемъ коечто о расколѣ, то считаемъ дѣломъ щекотливымъ опровергать мнѣніе г. Попова, а предоставляемъ судить объ немъ самимъ читателямъ, напомнивъ имъ только о трудахъ по расколу гг. Есипова, Мельникова, Варадинова и др., изъ которыхъ видно, что эти писатели не

имѣли недостатка въ матеріалахъ для своихъ сочиненій и, кажется, не жалѣли времени на разработку ихъ. Въ настоящемъ случаѣ насъ занимаетъ другая сторона дѣла, именно: если, по мнѣнію г. Попова, литература наша по вопросу о расколѣ блуждаетъ во мракѣ и г. Поповъ рѣшился своими изданіями по возможности разсѣять этотъ мракъ, то что же новаго, свѣтлаго мы можемъ найти напр. въ его сборникѣ для исторіи старообрядчества? Говоря откровенно, въ собственныхъ сужденіяхъ г. Попова о расколѣ, высказанныхъ имъ въ предисловіяхъ, не только нѣтъ особенной свѣтлости взгляда, но и нѣтъ даже въ мысляхъ логической связи, нѣтъ знанія такихъ вещей, которыя давно извѣстны всѣмъ, болѣе или менѣе занимающимся расколомъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ буквально разсужденія г. Попова о томъ, отъ чего и какъ у насъ произошелъ расколъ. „Въ исторіи каждаго народа, говоритъ онъ, мы встрѣчаемъ попеременно и грустные и отрадные періоды. Всякое движеніе къ прогрессу, всякое преобразованіе прежняго государственнаго строя, неминуемо вызываетъ протестъ, оппозицію, консервативныя стремленія. Сила существовавшаго порядка не можетъ уступать безъ реакціи, какъ не уступаютъ безъ сопротивленія силы природы, уклоненныя отъ ихъ первоначальнаго направленія: это законъ природы, законъ каждаго общества. Народныя массы легко привыкаютъ къ подчиненности тѣмъ, которые пекутся объ ихъ благосостояніи, безъ труда отрекаются отъ заботъ о себѣ, охотно отдаютъ свои силы въ распоряженіе избранныхъ или поставленныхъ судьбою предводителей, благодарны тому, кто за нихъ подумаетъ, кто укажетъ имъ что дѣлать. Въ этомъ, часто безсознательномъ, побужденіи толпы къ отреченію отъ самостоятельности, отъ само-

дѣятельности, кроется, быть можетъ, завѣтная связь людей между собою, таинственная спайка общества. Еще съ половины XVI столѣтія начались государственныя преобразованія въ Россіи; старый строй распадался; духъ времени, духъ запада или, по выраженію старовѣровъ, духъ латинства сталъ вѣять на русскую землю въ пробитыя скважины. Народу казалось ненавистнымъ каждое нововведеніе уже потому, что оно приходило съ запада, отъ „латинщины". Каждое новое преобразованіе возбуждало новыя опасенія, новое недовѣріе, вслѣдствіе чего, народъ старался разгадать духъ правительства или найдти, для испуганнаго воображенія, точку опоры, на которой могли бы спокойно опочить — встревоженная мысль и религіозныя народныя убѣжденія. Прежде, чѣмъ рѣшимся поставить въ вину или въ укоръ народу его одностороннія понятія, мы должны обратить вниманіе на его жизнь, — на окружавшую его среду и наконецъ — на его учителей. Кто были первые учители народа и первые наставники его въ наукѣ жизни? Разумѣется, его близкіе по крови — отецъ, мать, родственники, а также свои по языку, по родинѣ, по обычаямъ. Но кто были его учители по грамотности, признанные народомъ „за мастеровъ своего дѣла"? Этими мастерами были: пономари, дьячки, трапезники, дворская челядь. Эти люди, не могши учить своихъ воспитанниковъ тому, чего сами не знали, ограничивались обученіемъ ихъ грамотѣ по часослову и псалтири, не входя въ толкованіе текста и строго придерживаясь буквѣ въ объясненіи себѣ и другимъ значенія словъ священнаго писанія. Въ слѣдствіе разнорѣчивыхъ толковъ невѣжественныхъ учителей, народъ имѣлъ самыя смутныя понятія о религіи, основывая свои убѣжденія на различныхъ, рѣдко понятыхъ, но твердо заученныхъ

текстахъ Священнаго писанія, и придерживаясь буквальному значенію слова, не будучи въ состояніи уразумѣть его существенный смыслъ (1). Разумѣется, что пониманіе (а откуда же оно взялось?) Священныхъ текстовъ разнилось сообразно степени развитія умственныхъ способностей его тогдашнихъ толковниковъ, что и породило различныя религіозныя вѣрованія. Одушевленные теплымъ изступленнымъ чувствомъ вѣры, эти толкователи текстовъ упорно отстаивали свои убѣжденія, признавая заблужденіемъ тѣ понятія, которыя не согласовались съ ихъ понятіями. Каждый изъ этихъ людей старался пріобрѣтать послѣдователей своего ученія, собиралъ вокругъ себя своихъ единомышленниковъ, и такъ образовались религіозныя партіи, отпавшія отъ православной Церкви, породились ереси, извѣстныя въ послѣдствіи подъ названіемъ различныхъ толковъ раскола" (стр. I—IV). Прочитавъ эти разглагольствія г. Попова о происхожденіи раскола, читатели, надѣемся, не потребуютъ отъ насъ новыхъ доказательствъ того, что въ собственныхъ сужденіяхъ издателя сборника не только нѣтъ ясности взгляда на предметъ, за темное пониманіе котораго онъ такъ бичуетъ другихъ, но нѣтъ даже надлежащей связи и послѣдовательности въ мысляхъ, а видно только, что г. Попову извѣстны новомодныя слова: прогрессъ, протестъ, реакція и под.

---

(1) „Кто, однако изъ грамотѣевъ становился и оставался подъ руководствомъ понятаго имъ чина Церковнаго Богослуженія, по книгамъ *новопреводнымъ*, тотъ не могъ оставаться безъ удовлетворительнаго разумѣнія догматовъ вѣры, — тотъ находилъ готовое и твердое изъясненіе текстовъ Священнаго писанія въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ и вообще въ службахъ. Вообще: въ Богослужебныхъ церковныхъ книгахъ у насъ въ православной Восточной Церкви живая въ лицахъ догматика и нравственная педагогика". Это примѣчаніе не наше, а г. Попова, думающаго, будто въ богослужебныхъ книгахъ *старопреводныхъ* нѣтъ ни живой въ лицахъ догматики, ни нравственной педагогики.

А потому не входя въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, мы представимъ теперь нѣсколько примѣровъ, которые покажутъ, что г. Поповъ, утверждая будто вся литература блуждаетъ во мракѣ относительно раскола, самъ не знаетъ такихъ вещей, которыя давно извѣстны каждому, кто хотя не много знакомъ съ „блуждающею во мракѣ“ литературою по предмету раскола. Такъ напримѣръ извѣстный въ исторіи раскола попъ Михаилъ Калмыкъ, по общему признанію, былъ настоятелемъ раскольническаго Покровскаго монастыря въ *Стародубьѣ*, а г. Поповъ утверждаетъ, что означенный Калмыкъ настоятельствовалъ въ Покровскомъ монастырѣ на *Вѣткѣ* (стр. 183, 184, 186, 195 и др.), хотя помѣщенные имъ документы говорятъ противное (стр. 203—209, 248 и др.). Ни для кого также не секретъ, что попъ Михаилъ Калмыкъ болѣе всѣхъ противодѣйствовалъ извѣстному иноку Никодиму, когда послѣдній сталъ искать сближенія съ Церковію православною, результатомъ котораго явилось единовѣріе; а по увѣренію г. Попова, Калмыкъ сочувствовалъ Никодиму въ его святомъ дѣлѣ и самъ открыто шелъ къ сближенію съ господствующею Церковію (стр. 184—5). Или: во всѣхъ исторіяхъ раскола Стародубскія слободы полагаются въ *Черниговской* губерніи, а г. Поповъ почему-то считаетъ ихъ „принадлежащими нынѣ къ *Кіевской* губерніи“ (стр. 191). Нужно ли послѣ этого доказывать, что и г. Поповъ, подобно прочимъ смертнымъ, блуждаетъ во мракѣ относительно раскола?

Произнесши не лестный отзывъ о современной литературѣ по расколу, г. Поповъ не оставилъ въ покоѣ и своихъ будущихъ читателей, говоря: „вѣроятно, большинство нашихъ будущихъ читателей мало знакомо съ

исторіею раскола" (стр. VII). Не знаемъ, для кого собственно назначалъ г. Поповъ свой сборникъ для исторіи старообрядчества, но знаемъ, что въ числѣ своихъ будущихъ читателей г. Поповъ считалъ, и даже особенно, священниковъ (какъ объ этомъ гласило особое объявленіе). Что же послѣ этого значитъ отзывъ г. Попова о своихъ читателяхъ? Основанное ли на близкомъ знакомствѣ съ пастырями православной Церкви убѣжденіе въ ихъ незнаніи исторіи раскола, или—грубая фраза, сказанная на обумъ? Судя по тому, что всѣ, выходящія въ свѣтъ сочиненія о расколѣ, пріобрѣтаются главнымъ образомъ нашими священниками, мы скорѣе согласны признать справедливымъ послѣднее предположеніе. Впрочемъ не въ этомъ—суть дѣла. Предположивъ, что читатели сборника для исторіи старообрядчества мало знакомы съ исторіей раскола, г. Поповъ на этомъ основаніи счелъ нужнымъ „при помѣщеніи какихъ либо матеріаловъ или документовъ представлять краткій историческій очеркъ того согласія или секты, къ которой означенные документы относятся". И такъ какъ помѣщенные въ сборникѣ матеріалы—одни (въ первомъ отдѣлѣ) относятся къ Өедосѣевской сектѣ или къ согласію Преображенскаго кладбища, а другіе (во второмъ отдѣлѣ) касаются раскольниковъ Рогожскаго кладбища, то г. Поповъ въ предисловіяхъ къ тѣмъ и другимъ матеріаламъ излагаетъ историческія свѣдѣнія о Өедосѣевской сектѣ и о Рогожскомъ кладбищѣ. Намѣреніе безспорно хорошее; а судя по тому, что, по мнѣнію г. Попова, наша литература по недостатку матеріаловъ блуждаетъ во мракѣ относительно раскола, что, съ другой стороны, „случай и старанія доставили г. Попову неисчерпаемый источникъ этихъ матеріаловъ" (стр. VI), какъ заявляетъ онъ объ этомъ, можно думать, что хорошее намѣреніе г.

Попова приведено имъ и въ хорошее исполненіе, т. е. что представленные г. Поповымъ историческіе очерки Ѳедосѣевской секты и раскольниковъ Рогожскаго кладбища — интересны и полны новыхъ свѣдѣній. Но, какъ оказывается, издатель сборника — мастеръ только на слова, а на дѣло плохъ. Не смотря на то, что г. Поповъ признавалъ литературу нашу блуждающею во мракѣ, онъ самъ — при составленіи своихъ очерковъ „придерживался (буквальныя слова г. Попова, стр. VII, примѣч.), какъ болѣе извѣстныхъ историкамъ раскола: Андрею Іоаннову и Макарію", — и придерживался иногда такъ крѣпко, что буквально перепечатывалъ въ своихъ очеркахъ цѣлыя страницы [illegible] исторіи пр. Макарія. Мало этого: какъ читатели у[illegible] видѣли, г. Поповъ не умѣлъ хорошо воспользоват[illegible]ся и указанными имъ источниками, внося въ свои [illegible] очерки свѣдѣнія ложныя, которыя у Іоаннова и у пр. [illegible]акарія изложены правильно. Какое изъ всего этого [illegible]етъ заключеніе объ авторской дѣятельности г. [illegible] Попова, объ этомъ предоставляемъ судить самимъ чита[illegible]телямъ, а мы съ своей стороны замѣтимъ еще, что небр[illegible]ежность г. Попова при составленіи очерковъ доходила [illegible] до того, что онъ сообщалъ въ нихъ такія свѣдѣ[illegible]нія, которыя дальнѣйшими, напечатанными имъ докум[illegible]ентами совершенно опровергаются. Такъ г. Поповъ го[illegible]воритъ въ предисловіи, что „діаконовцы разномыслили съ [illegible] господствующею церковію относительно нѣкоторыхъ [illegible] обрядовъ, но, не считая обрядовъ дѣломъ большой [illegible]ажности, признавали никоніанскую церковь православ[illegible]ною" (стр. 183), а на стр. 238—40 печатаетъ докуме[illegible]нтъ, въ которомъ нѣкто Николай, принадлежавшій къ согласію діаконовцевъ, такъ разглагольствуетъ: „еретики Никоніане, за ереси ихъ священными правилы изверж-

жени, а наши попы отъ нихъ и сами поставлены были еретики". Или: „Монахъ Никодимъ, говоритъ г. Поповъ въ предисловіи (стр. 183), принадлежалъ къ согласію діаконовщины", т. е. признававшему никоніанскую церковь православною; а на стр. 235—7 напечатанъ документъ, изъ заглавія котораго: „двадцать двѣ вины, показанныя инокомъ Никодимомъ за Вѣтковскою церковію, въ которой нынѣ и самъ обрѣтается, а когда онъ писалъ, тогда онъ былъ согласія дьяконова", видно, будто Никодимъ изъ дьяконовскаго согласія когда-то перешелъ въ Вѣтковское, хотя этого никогда не было, а было совершенно противное; притомъ, по этому документу, Никодимъ будто бы упрекалъ Вѣтковцевъ между прочимъ за то, что они „со еретики (т. е. никоніанами) обществующихъ въ питіи и ядeніи и молитвословіихъ, сицевыхъ не отлучаютъ, крещенію еретическому (т. е. православному) не ругаются и не хулятъ". Еще: говоря объ установленіи въ 1777 году на Рогожскомъ кладбищѣ обряда перемазыванія, г. Поповъ замѣчаетъ: „выдвинулось еще *новое неслыханное* въ расколѣ ученіе, обрядъ перемазыванія" (стр. 193). Но прочитайте помѣщенныя на стр. 203—253 письма, писанныя раскольниками разныхъ мѣстъ къ попу Михаилу Калмыку, не соглашавшемуся на принятіе обряда перемазыванія, и вы увидите, что во всѣхъ ихъ ученіе Калмыка прямо называется *новою и неслыханною* вещію, а перемазываніе признается древнимъ и всегдашнимъ обычаемъ. И такимъ обычаемъ признается обрядъ перемазыванія не только раскольниками керженскими, иргизскими и др., но и стародубскими, надъ которыми владычествовалъ Калмыкъ. Вотъ что писали въ Москву обыватели стародубскихъ сло-

бодъ Климовой и Митьковской: „здѣшняго покровскаго слободскаго монастыря іеромонахъ Михаилъ и чернецъ Никодимъ отрыгнули свой сокровенный (зловредный, душепагубный) ядъ и представили намъ сложенныя и сплетенныя самими собою выписки, дабы приходящихъ отъ ересей въ православную вѣру принимать безъ муропомазанія съ однимъ только крещеніемъ, какъ священниковъ, такъ и простолюдиновъ. Но мы онымъ ихъ новомышленнымъ, душепагубнымъ, зловреднымъ вещемъ ни мало склоннымъ быть къ тому не хощемъ, а желаемъ остаться при прежнихъ узаконеніяхъ, какъ на Вѣткѣ, такъ и въ нашихъ, по сіе время наблюдаемыхъ и хранительныхъ христіанскихъ законныхъ, принятыхъ отъ прежнихъ нашихъ священниковъ, обхожденій и обрядочестей; ибо они принимали съ муропомазаніемъ, какъ священниковъ, такъ и простолюдиновъ, и священство отъ нихъ было не отъемлемо“ (стр. 204). А московскіе раскольники вотъ что писали въ 1782 году въ Петербургъ своимъ единомышленникамъ, защищая предъ ними свой обрядъ перемазыванія: „сіе сомнѣніе (въ законности перемазыванія) внидѣ не болѣе шестидесяти лѣтъ отъ раздоротворцовъ—дьяконовцовъ и этому раздоротворству многіе достовѣрные свидѣтели есть и понынѣ еще въ живыхъ обрѣтаются... да и сами вы, я чаю, приняти подъ муропомазаніе; то что вамъ святое муропомазаніе такъ вдругъ постыло, якобы самая нѣкая непотребная вещь“ (стр. 312). А послѣ всего этого каждый читатель въ правѣ спросить, читалъ ли самъ г. Поповъ документы, которые напечаталъ въ своемъ сборникѣ? По нашему мнѣнію, основанному на всемъ, что мы сейчасъ сказали, — не читалъ. Какъ же, спросятъ послѣ этого, нужно смотрѣть

на предисловія, помѣщенныя г. Поповымъ предъ изданными имъ документами? Очень просто. Г. Попову вздумалось, во-первыхъ, поучить невѣжественныхъ своихъ читателей, мало знакомыхъ съ исторіею раскола, и вотъ онъ не ограничивается простымъ изданіемъ раскольническихъ рукописей, а пишетъ отъ себя историческіе очерки сектъ, о которыхъ говорится въ документахъ. Но такъ какъ „большинство читателей", по мнѣнію г. Попова,—невѣжды въ дѣлѣ раскола, то „чертный гражданинъ земли русской" не счелъ нужнымъ особенно церемониться съ ними и потому внесъ въ свои очерки не только свѣдѣнія невѣрныя, но даже такія, которыя документами совершенно опровергаются,—вѣроятно, въ той мысли, что невѣжды не замѣтятъ промаховъ, а если и замѣтятъ,—не бѣда: русскій человѣкъ выносливъ. Далѣе—такъ какъ главная цѣль г. Попова при изданіи имъ сборниковъ состояла, какъ это видно изъ всего вышесказаннаго и будетъ виднѣе изъ нижесказаннаго, не въ томъ, чтобы послужить наукѣ и принесть пользу обществу, а въ томъ, чтобы за свои труды, которые честному человѣку стыдно назвать и трудами, получить собственную пользу,—то предисловія являются у г. Попова средствомъ, при помощи готовыхъ источниковъ (кн. Іоаннова, преосв. Макарія), напечатать въ книгѣ нѣсколько лишнихъ страницъ и тѣмъ дать ей такой объемъ (1), при которомъ можно было бы назначить побольше цѣну (2). Наконецъ, и это главное—

(1) Заботливость г. Попова увеличивать объемъ своихъ изданій видна, между прочимъ, и изъ того, что онъ, не довольствуясь напечатаніемъ какого-либо документа, вносилъ еще изъ него безъ всякой нужды огромныя выдержки въ самыя предисловія, такъ что одно и тоже часто приходится читать два раза (стр. XXVIII—XXXIV).

(2) Цѣна сборнику для исторіи старообрядчества 2 р. 50 коп.

на предисловія г. Поповъ смотрѣлъ, какъ на поле, на которомъ онъ могъ заявить свои особенныя замашки. Во-первыхъ, подобно людямъ, хулящимъ чужой товаръ, и г. Поповъ, какъ читатели уже видѣли, всю нашу литературу по предмету раскола втопталъ въ грязь, сказавъ, что она „блуждаетъ во мракѣ“. Во-вторыхъ, подобно людямъ торговымъ, хвалящимъ *свой* товаръ, и г. Поповъ не скупится на похвалы сборнику для исторіи старообрядчества. Матеріалы, помѣщенные въ немъ, онъ называетъ кладомъ (стр. VI), который можетъ принести много полезнаго плода, напечатанные въ сборникѣ документы, по словамъ г. Попова, могутъ служить *полнымъ* безпристрастнымъ повѣствованіемъ о нашей старообрядчинѣ (стр. 186), по собраннымъ документамъ, говоритъ г. Поповъ въ другомъ мѣстѣ, можно составить *вѣрное* понятіе *о* дѣятельности людей минувшаго столѣтія, замкнувшихся въ свой отдѣльный уголокъ темнаго царства (стр. 196—7). Читая эти похвалы, думаешь, что документы, помѣщенные въ сборникѣ,—дѣйствительно кладъ, а на дѣлѣ оказывается, что этотъ кладъ не поможетъ составить вѣрнаго понятія о расколѣ и самому г. Попову. Наконецъ, какъ извѣстно, люди торговые, восхваляя свой товаръ—часто плохой съ цѣлію сбыть его съ рукъ, разсчитываютъ въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ на невѣжество покупателей. И г. Поповъ, какъ тоже мы видѣли, не лучше трактуетъ читателей его сборника и въ полной увѣренности въ ихъ невѣжествѣ даритъ ихъ такими очерками, которые не лучше гнилаго товара. Но довольно объ авторской дѣятельности г. Попова, заявленной имъ въ предисловіяхъ къ матеріаламъ, напечаннымъ въ сборникѣ для исторіи старообрядчества. Ска-

жемъ теперь нѣсколько словъ о самыхъ документахъ, которые вошли въ составъ разсматриваемаго сборника.

Судя по тому, что г. Попову случай и старанія доставили, какъ онъ извѣщаетъ объ этомъ своихъ читателей, *неисчерпаемый* источникъ матеріаловъ для исторіи раскола, можно было ожидать, что помѣщенные въ сборникѣ документы будутъ и новы, и интересны по содержанію. Но когда мы прочитали весь сборникъ, оказалось, что для исторіи раскола немного можно извлечь пользы изъ него. Въ числѣ напечатанныхъ г. Поповымъ документовъ одни давно уже извѣстны всѣмъ и каждому, другіе — совершенно ничтожны по своему содержанію, третьи — по своей безсмыслицѣ не могутъ дать никакого яснаго понятія о предметѣ, о которомъ трактуютъ, — четвертые — таковы, что могутъ быть названы только ни на что не нужнымъ балластомъ въ книгѣ, и только очень не многіе въ рукахъ людей опытныхъ могутъ принести нѣкоторую пользу наукѣ. Къ числу документовъ перваго рода принадлежитъ напечатанный въ Сборникѣ „Уставъ польскій или „чинъ" какъ принимать въ Ѳедосіанское согласіе". Этотъ уставъ извѣстенъ всѣмъ, мало-мальски знакомымъ съ расколомъ, потому что онъ былъ напечатанъ еще въ прошломъ столѣтіи и затѣмъ нѣсколько разъ перепечатывался въ настоящее столѣтіе въ извѣстномъ всѣмъ сочиненіи протоіерея Іоаннова: „полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ". Что побудило г. Попова, знавшаго, какъ видно (стр. 10, примѣч. 8-е), объ этомъ обстоятельствѣ, внести въ свой сборникъ „Польскій Уставъ", трудно сказать, особенно если повѣрить, что у него подъ руками находится *неисчерпаемый* источникъ матеріаловъ.

документами, ничтожными по своему содержанію, мы признаемъ „акты, выписанные изъ дѣлъ Правительствующаго Сената, касающіеся основанія въ Москвѣ Преображенскаго кладбища въ 1771 году“, которые по своей отрывочности не прибавляютъ ничего къ тому, что уже извѣстно всѣмъ объ этомъ кладбищѣ изъ недавно напечатанной его исторіи;—„о антихристѣ“ сказаніе безпоповцевъ Преображенскаго кладбища, — и затѣмъ почти всѣ документы, помѣщенные во второмъ отдѣлѣ сборника и занимающіе 117 страницъ. Все, что въ состояніи извлечь изъ этихъ послѣднихъ документовъ искусная рука, можетъ удобно умѣститься въ нѣсколькихъ строкахъ и притомъ давно извѣстно историкамъ раскола. Еще прот. Іоанновъ писалъ, что на раскольническомъ Московскомъ соборѣ, бывшемъ по поводу возникшихъ въ поповщинѣ разногласій касательно перемазыванія переходящихъ въ расколъ отъ православной Церкви, „чтены были письма изъ Керженца. Дунилова и изъ Городца съ моленіемъ къ отцу Михаилу (Калмыку), да послѣдуетъ прежде бывшему отеческому обыкновенію, еже бы приходящихъ отъ великороссійской церкви мvромъ помазывать, а Никодима старца не слушать, но яко противника церковнаго отлучить“, и что „потомъ чтено бысть писаніе, присланное изъ слободъ Климовой и Митьковки къ московскому обществу, въ коемъ прописано, яко іеромонахъ Михаилъ и чернецъ Никодимъ отрыгнули злодыхательный и зловредный еретическій свой ядъ, еже бы мvромъ не помазывати приходящихъ отъ великороссійской церкви“ и проч. (ч. III, стр. 321). Вотъ эти-то письма изъ разныхъ мѣстъ въ Москву, а равно и изъ Москвы въ другіе города, — письма, всѣ писанныя на одинъ

ладъ и не заключающія въ себѣ ничего, кромѣ того, что сказано Іоанновымъ, и составляютъ почти все содержаніе втораго отдѣла сборника. Понятно, на сколько полезно ихъ изданіе. А между тѣмъ, повторимъ, эти письма занимаютъ почти половину книги. Къ числу безсмысленныхъ документовъ, не могущихъ дать никакого опредѣленнаго понятія о предметѣ, о которомъ говорится въ нихъ, справедливо можно отнести „о отступникахъ или новоженахъ" и особенно статью съ такимъ заглавіемъ: „ассенція или изъясненіе. Сіе разсмотрѣніе на Никодимово мнѣніе и представленіе, и предложеніе сдѣлано суть. Ѳейна предъидущая. Разсужденіе паче всѣхъ добродѣтелей." Уже по этому заглавію можно судить, что за галиматья содержится въ самой „ассенціи". Какъ на балластъ въ книгѣ, можно указать на помѣщенную въ первомъ отдѣлѣ сборника „стихеру надгробную (раскольническую) гласъ 6-й, переложенную на крюковыя ноты". Мы рѣшительно недоумѣваемъ, зачѣмъ эта „стихера" въ сборникѣ и какъ она относится къ *безпоповцамъ преображенскаго* кладбища. За исключеніемъ указанныхъ документовъ, остальные (впрочемъ ихъ остается немного въ книгѣ) могутъ имѣть нѣкоторое значеніе и то не столько для исторіи старообрядчества, сколько для полемики противъ него. Таковы особенно статьи, въ которыхъ излагается ученіе Ѳеодосіанское о бракѣ. Впрочемъ, по недостатку библіографическихъ и критическихъ замѣтокъ о всѣхъ вообще напечатанныхъ въ сборникѣ раскольническихъ памятникахъ, и эти статьи теряютъ часть своей цѣны и могутъ неопытнаго читателя ввесть даже въ ошибки.

Что же сказать въ заключеніе о разсмотрѣнныхъ нами сборникахъ г. Попова? Намъ думается, что издатель

взялся не за свое дѣло. Свѣдѣній у г. Попова о расколѣ, какъ видно, такъ мало, небрежность (¹) къ предпріятію такъ велика, а между тѣмъ вниманіе къ предмету, за который взялся онъ, еще такъ недавне, что изданія г. Попова, не принося существенной пользы наукѣ, могутъ послужить только во вредъ обществу — въ томъ отношеніи, что отнимутъ у него охоту заниматься расколомъ. И если жалобы г. Попова на то, что „кликъ братскаго привѣта съ нашей стороны, гласъ дружескаго внушенія не долетаетъ до раскола"; что „онъ покинутъ, предоставленъ произволу собственной, неразвитой мысли, прихоти незрѣлыхъ умствованій и что еще хуже соблазнительному примѣру нѣкоторыхъ своихъ братій, погрязшихъ въ невѣжествѣ и закоренѣлыхъ въ заблужденіи", — если эти жалобы искренни, въ такомъ случаѣ мы совѣтуемъ ему или заняться серьезной подготовкой къ издательству, или, если почему либо это неудобно для него, совершенно оставить занятія, которыя ему не по силамъ. Въ настоящее время „честному гражданину земли русской" можно заниматься и другими честными трудами.

И. Шпльскій.

(¹) Какъ на образчикъ крайней небрежности г. Попова, какъ издателя, можно указать на то, что у него не достало даже охоты размѣстить напечатанные имъ документы въ хронологическомъ порядкѣ (см. письма на стр. 240—247).

Извлеченія изъ Американскаго сочиненія: «Апологія Греко-русской Церкви» Нью-Йоркъ 1863 г.

(Apology for the Graeco-Russian Church, by Abercrombie. New-York.)

Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что нѣсколько времени назадъ въ Англо-американской Церкви началось знаменательное движеніе въ пользу сближенія и соединенія съ Православною Восточною Церковію [1]. Движенія эти таковы, что они по самому существу дѣла должны обращать на себя особое вниманіе всякаго сочувствующаго успѣху православной истины и дѣлу возсоединенія церквей.

Съ цѣлію содѣйствовать сближенію и соединенію церквей, Православной и Англо-американской, и постепенному разъясненію потребныхъ для этого условій — въ Англіи и Америкѣ уже появилось не мало статей и брошюръ. Статьи эти могутъ свидѣтельствовать о томъ, въ какомъ положеніи нынѣ находится вопросъ о сближеніи церквей, на какія стороны дѣла обращено вниманіе Англичанъ и Американцевъ и какой взглядъ у нихъ выработывается на Восточную Церковь. Считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ содержаніемъ нѣко-

---

(1) Смотр. Христ. Чтеніе за февраль 1865 г.; „Нѣсколько словъ о современныхъ стремленіяхъ Англо-американской Церкви къ сближенію съ Православною"; сравн. наприм. февр. кн. „Правосл. Обозрѣнія" за 1863, „День" № 1, 1865 г. и Моск. Вѣдомости" № 51, 1865 г.

торыхъ замѣчательныхъ произведеній этого рода и согласно съ выраженнымъ прежде (въ февральской книж. Христ. Чтенія, стран. 194) обѣщаніемъ — обращаемся сначала къ Американской брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали.

Коренньмъ и главнымъ выраженіемъ православной истины служитъ Никео-Цареградскій символъ Вѣры („сія вѣра Апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди“—говорится объ этомъ символѣ въ чинѣ Православія); поэтому принятіе символа въ его древле-вселенскомъ и неизмѣнномъ видѣ, другими словами, исключеніе прибавленія „filioque“ въ осьмомъ членѣ, должно со стороны Англо-американской Церкви служить *первымъ* условіемъ для вступленія въ общеніе съ Православною Церковью.

Вотъ почему мы прежде всего приводимъ изъ многихъ статей, появившихся въ послѣднее время у Американцевъ и Англичанъ, одну въ пользу этой необходимой съ ихъ стороны уступки авторитету древняго вселенскаго преданія.

„Изъ числа вопросовъ, говоритъ Американскій писатель, обратившихъ на себя вниманіе въ Американской епископальной церкви, не много найдется такихъ, которые по важности и значенію своему могли бы сравниться съ вопросомъ объ установленіи общенія съ Восточною Православною Церковью. Сердца людей, искренно преданныхъ Церкви, уже давно сокрушались при мысли о разъединеніи, утвердившемся въ теченіи вѣковъ между двумя вѣтвями Каѳолической семьи, Восточною и Англо-американскою.

„Никогда, можетъ быть, въ прежнее время права Восточной Церкви не открывались предъ нашими взорами такъ ясно и полно, какъ въ теченіи послѣднихъ годовъ. И чѣмъ болѣе мы изучаемъ исторію Восточной Церкви, чѣмъ ближе мы знакомимся съ ея ученіемъ и учрежденіями, тѣмъ громче звучитъ предъ нами голосъ ея авторитета и тѣмъ живѣе пробуждается у насъ желаніе вступить въ общеніе съ нею. Наши предки нѣкогда смотрѣли на Латинскую Церковь, какъ на матерь христіанскихъ церквей, какъ на источникъ всего авторитетнаго, древняго и достойнаго почитанія въ обрядахъ, преданіяхъ и въ церковной организаціи; но это была съ ихъ стороны ошибка: они забывали, что древняя римская Церковь сама была лишь колоніею греческихъ христіанъ, что древнѣйшіе отцы Западной Церкви писали на греческомъ языкѣ и что епископы Рима получили благодать и права свои съ Востока. Въ послѣдствіи преемники древнѣйшихъ римскихъ епископовъ усвоили себѣ употребленіе латинскаго языка и имъ стали пользоваться для распространенія истинъ вѣры; но члены Восточной Церкви продолжали прославлять Господа и проповѣдывать Его ученіе на священномъ языкѣ апостоловъ. Можемъ ли мы притомъ забыть, что Восточная Церковь своими дѣяніями наполняетъ лучшія страницы церковной исторіи? Можемъ ли забыть, что таже Восточная Церковь раскрыла и утвердила догматы Христіанства не только твореніями своихъ великихъ учителей, но и семью вселенскими Соборами, которые какъ по исторіи такъ и по вліянію своему были византійскими. Напрасно папа Левъ старался чрезъ своихъ легатовъ въ Константинополѣ уговорить Греческую Церковь отказаться отъ усвоеннаго ею титула вселенской.

Напрасно Мономахъ и Гумбертъ (1) старались опровергнуть протестъ, заявленный Михаиломъ Керуларіемъ и Львомъ Акриденимъ противъ латинскихъ нововведеній: защитники древняго восточнаго православія твердо противились угрозамъ Константина и отказались отъ общенія съ легатами, требовавшими подчиненія Риму. Напрасно эти легаты поспѣшили въ Студійскій монастырь и тамъ—въ присутствіи Императора и государственныхъ сановниковъ требовали повиновенія римскому престолу. Напрасно они вторглись въ святилище Софійскаго собора, положили тамъ на престолъ актъ отлученія и отрясли прахъ отъ ногъ своихъ, произнося анаѳему на Михаила Керуларія, напрасно,—ибо на актъ отлученія и на анаѳему Греческая Церковь въ сознаніи своей правоты отвѣтила тѣмъ же. Въ посланіи къ Петру Антіохійскому разгнѣванный патріархъ написалъ: „нечестивые варвары пришли изъ западнаго мрака въ этотъ святой городъ, изъ котораго источники православной вѣры текли во всю вселенную; они покусились исказить наше святое ученіе нечестивыми своими догматами".

Твердо, искренно и съ теплою вѣрою, хотя и съ неумѣренною ревностію, расторгшею церковное единство, (2) Восточная Церковь устояла, какъ непоколеби-

(1) Гумбертъ—папскій легатъ, посланный въ Константинополь въ 11-мъ вѣкѣ при Императорѣ Константинѣ Мономахѣ и патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ для прекращенія возникшихъ между Восточною и Западною Церковью споровъ. *Прим. перев.*

(2) Съ этимъ нельзя согласиться: если ревность представителей Восточной Церкви и была причиною нѣкоторой неумѣренности ихъ при осужденіи второстепенныхъ разностей, вкравшихся на западѣ (какъ напрім. употребленія опрѣсноковъ при совершеніи Евхаристіи и соблюденія поста по суботамъ), — во всякомъ случаѣ не эта „ревность" расторгла узы древняго вселенскаго единства. Причина раздѣленія церквей

мая свидѣтельница о многочисленныхъ дѣлахъ и преданіяхъ христіанской древности. Она и нынѣ остается тою же, ожидая терпѣливо времени, когда могучее дыханіе христіанскаго чувства пробудитъ въ народахъ стремленіе къ возвращенію на древнюю вселенскую стезю вѣры и поведетъ къ возстановленію единства и мира.

Но, какъ справедливо замѣчаетъ Стэнлей (въ своей исторіи Восточной Церкви), если восточное христіанство связано съ прошедшимъ чрезъ свои малоазійскія и греческія преданія, то съ другой стороны несомнѣнно, что въ настоящемъ и будущемъ оно связано съ величайшимъ изъ славянскихъ народовъ, владычество котораго нынѣ простирается надъ всею Восточною Европою, надъ всею сѣверною Азіею и надъ обширною частію сѣверо-западной Америки. Если Константинополь и былъ прежде средоточіемъ Восточной Церкви, то въ теченіи послѣднихъ четырехъ столѣтій внѣшняя сила ея опирается на покровительствѣ того великаго Монарха, который подъ послѣдовательными наименованіями „великаго Князя“, „Царя“ и „Императора“ царствовалъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Русская Церковь служитъ нынѣ преемницею древней Церкви Константина—не только вслѣдствіе своего географическаго сосѣдства съ древнею Греціею, но особенно по причинѣ врожденной славянскому племени способности заимствовать и усвоять чужое. Славянскій алфавитъ есть подражаніе греческому; русскія имена заимствованы у Грековъ; священныя зданія, отчасти измѣненныя по своей архитектурѣ на

скрывалась гораздо глубже, во всемъ строѣ западной церковной жизни; а „ревность“ восточныхъ пастырей послужила лишь поводомъ къ обнаруженію того, что уже давно успѣло созрѣть и приготовлено было вѣками. *Прим. перев.*

Востокѣ вслѣдствіе разныхъ нововведеній, доступныя нашему изученію въ Россіи въ тѣхъ точныхъ и неизмѣнныхъ образцахъ, которые донынѣ остаются тамъ памятниками древняго византійскаго зодчества. Точно также многіе церковные обычаи и нравы, исчезнувшіе въ Греціи и Сиріи, донынѣ хранятся въ церквахъ и монастыряхъ русскаго сѣвера. Принятіе Христіанства Русскимъ народомъ и учрежденіе Русской Церкви составляетъ третью и наиболѣе обильную плодами эпоху въ исторіи восточнаго Христіанства (1).

Во всей Восточной Церкви Никейскій символъ Вѣры донынѣ служитъ основаніемъ вѣроученія. Это исповѣданіе Вѣры и нынѣ произносится въ Греціи въ оригинальномъ текстѣ; пѣніе его составляетъ донынѣ средоточіе общественнаго богослуженія въ Русской Церкви; великій колоколъ въ Кремлѣ звонитъ все время, пока поютъ Никейскій символъ (2); русскіе государи громко прочитываютъ этотъ символъ въ присутствіи собравшагося народа при своей коронаціи; жемчугомъ вышивали слова его на облаченіяхъ высшихъ духовныхъ сановниковъ въ Москвѣ. Одна изъ главныхъ причинъ возникновенія русскаго раскола въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ заключалась въ томъ, что раскольники считали патріарха Никона виновнымъ въ искаженіи св. текста того же Символа. Памяти Никейскаго Собора донынѣ посвященъ опредѣленный день. Всѣ члены Никейскаго символа, по

---

(1) Авторъ называетъ введеніе Христіанства въ Россіи *третьею* эпохою въ исторіи Восточной Церкви, разумѣя подъ первою эпохою—основаніе Церкви при Апостолахъ, а подъ второю — торжество ея надъ язычествомъ при Константинѣ Великомъ. *Прим. перев.*

(2) Звонъ колокола въ Кремлѣ, какъ и при всѣхъ церквахъ въ Россіи, относится во время литургіи собственно не къ пѣнію символа вѣры, а къ освященію Даровъ. *Прим. перев.*

обычаю русской Церкви, изображаются въ видѣ двѣнадцати небольшихъ иконъ, которыя могутъ служить для народа нагляднымъ напоминаніемъ о содержаніи этого вселенскаго вѣроисповѣданія.

Значеніе, данное Никейскому символу Вѣры въ нашей Американской литургіи, служитъ для насъ къ постоянному напоминанію объ отдаленномъ отъ насъ Востокѣ; другими подобными напоминаніями о Восточной Церкви являются въ нашемъ богослуженіи—Κύριε ἐλέησον (Господи, помилуй), Gloria in Excelsis (Слава въ вышнихъ Богу) и Te Deum (Тебе Бога...).

Вмѣстѣ съ св. епископомъ Андреемъ (Критскимъ) скажемъ, что нѣтъ „мира на землѣ", пока надлежащимъ образомъ не воздана „слава въ вышнихъ Богу". Истины Вѣры должны по этому имѣть для насъ первое и главное значеніе. Богословіе Восточной Церкви представлено было намъ въ ложномъ свѣтѣ вслѣдствіе неопредѣленности извѣстій, полученныхъ въ прежнее время отъ разныхъ путешественниковъ, поверхностно относившихся къ дѣлу. Мы не умѣли различать истинное значеніе и существенный характеръ Восточной Церкви отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и временныхъ особенностей ея, не относящихся къ существу дѣла. Ея ученіе неизмѣнно остается тѣмъ же, какъ и во времена Юстиніана. Мы не можемъ, конечно, отрицать, что она иногда поддавалась нѣкоторому вліянію Рима, (1) который и мы-

(1) Невѣрная мысль, будто Восточная Церковь поддавалась вліянію Рима въ дѣлѣ раскрытія нѣкоторыхъ пунктовъ вѣроученія, не рѣдко высказывается у Англичанъ и у Германскихъ протестантовъ. Послѣдніе усиливаются доказать, что большинство отвергнутыхъ ими пунктовъ римскаго вѣроученія не были достояніемъ древней Церкви, а появились какъ плодъ средневѣковой схоластики. Встрѣчая за тѣмъ нѣкоторыя изъ тѣхъ же отвергнутыхъ ими доктринъ у восточныхъ христіанъ, они

тростію и силою старался навязать ей Тридентское вѣроисповѣданіе; но по духу и содержанію своего вѣроученія Восточная Церковь остается и нынѣ столь же чуждою западнымъ нововведеніямъ, какъ до раздѣленія церквей. Ея молитвы за усопшихъ собственно суть не что иное какъ выраженіе твердаго упованія, что милосердіе Божіе найдетъ средства для полнаго очищенія душъ по смерти; но это упованіе никогда не доведено Восточною Церковью до нелѣпостей римскаго ученія о чистилищѣ. Почитаніе Пресвятой Дѣвы также никогда на Востокѣ не доходило до крайностей Рима,—нѣтъ, т. е., на Востокѣ ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери. Нѣтъ въ Восточной Церкви ученія о сверхдолжныхъ заслугахъ Святыхъ; а ученіе о пресуществленіи Св. Даровъ служитъ на Востокѣ лишь памятникомъ стремленій къ большей точности въ словесномъ опредѣленіи того, что нынѣ, какъ всегда въ древней Церкви, признается на Востокѣ непостижимою тайною благочестія (1).

обыкновенно объясняютъ это явленіе предположеніемъ, что Восточная Церковь, не взирая на враждебное свое отношеніе къ Риму, постепенно усвоила себѣ нѣкоторыя нововведенія, появившіяся на западѣ во времена схоластики. Къ такимъ „нововведеніямъ", заимствованнымъ будто бы ею изъ западнаго схоластическаго міра, протестанты по преимуществу причисляютъ ученіе о семеричномъ числѣ таинствъ и о пресуществленіи Св. Даровъ (transsubstantia). *Прим. перев.*

(1) Авторъ явно усиливается здѣсь общими и неопредѣленными фразами ослабить значеніе православнаго ученія о пресуществленіи св. Даровъ, дабы такимъ образомъ уменьшить разногласіе между православною и англо-американскою церквами по отношенію къ этому важному догматическому предмету. Но съ своей стороны мы не можемъ не признать этого вопроса за одинъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ разногласія, не можемъ не желать, чтобы онъ сдѣлался предметомъ правдиваго, честнаго и безпристрастнаго изслѣдованія со стороны американцевъ и англичанъ, на основаніи историко-догматическихъ данныхъ церковнаго преданія. Только этимъ путемъ можно будетъ дойти до дѣйствительнаго соглашенія по вопросу о св. Евхаристіи. *Прим. перев.*

Разности, относящіяся къ предметамъ обрядовымъ, къ ученію о главенствѣ папы, къ безразличному для сущности Вѣры вопросу объ опрѣснокахъ или къ схоластическимъ тонкостямъ въ ученіи о Евхаристіи, могли бы легче быть устранены, чѣмъ главное догматическое разногласіе, нынѣ раздѣляющее Востокъ отъ Запада; мы разумѣемъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа (1).

Въ ученіи о filioque, т. е. объ исхожденіи Св. Духа не только отъ Отца, но вмѣстѣ и отъ Сына, Восточная Церковь не допустила никогда никакихъ измѣненій; она непреклонно протестуетъ противъ внесенія этого прибавленія въ символъ Вѣры и опирается въ этомъ случаѣ на древнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ авторитетахъ. Въ духѣ древнихъ мучениковъ Восточная Церковь согласилась лучше жить своею отдѣльною жизнію въ отчужденіи отъ всего прочаго христіанскаго міра, чѣмъ измѣнить произвольными вставками древнее и вселенское исповѣданіе Вѣры. Никейскій символъ долженъ поэтому быть главнымъ основаніемъ для нашихъ надеждъ на соединеніе съ Восточною Церковью, но *символъ* именно *въ его неизмѣнномъ видѣ, не искаженный* никакими вставками позднѣйшаго времени. Въ виду не-

(1) Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться. Каково бы ни было догматическое значеніе разности въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа,—устраненіе другихъ разногласій (и въ томъ числѣ конечно прежде всего упомянутый Американскимъ авторомъ вопросъ о главенствѣ папы) представитъ въ практически-церковномъ смыслѣ не меньше, если не больше затрудненій, чѣмъ возстановленіе символа въ его православномъ, каѳолическомъ видѣ. Правда, конечно, какъ авторъ далѣе и старается доказать, что, *въ свое время* смотрѣли на разногласіе въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, какъ на единственное почти препятствіе къ возсоединенію церквей, но можно ли такъ смотрѣть на дѣло въ виду *нынѣ существующихъ* разностей—это вопросъ, котораго авторъ не касается.

Прим. перев.

лаемаго нами единенія съ Восточною Церковью становится особенно важнымъ вопросъ, на сколько, съ точки зрѣнія вселенской Церкви, можно оправдать вѣковой протестъ христіанскаго Востока противъ римскаго filioque. Къ этому-то мы теперь и обратимся.

Никейскій соборъ довольствовался въ своемъ исповѣданіи словами: „вѣрую въ Духа Святаго"; но когда явилась дерзкая ересь Македонія, оказалось необходимымъ присовокупить: „Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго". Будучи принято всею Церковью это исповѣданіе въ послѣдствіи было утверждено Ефесскимъ соборомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ формально воспретилъ на будущее время внесеніе какихъ-либо прибавленій въ символъ.

Не смотря на то Западная Церковь не только вставила въ символъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, но даже пѣла его съ этимъ прибавленіемъ на литургіи въ Испаніи и Франціи. Римъ сначала противился такому нововведенію и Левъ III приказалъ начертать Константинопольское вѣроисповѣданіе по гречески и по латыни на двухъ серебренныхъ доскахъ. По свидѣтельству Фотія эти доски были поставлены такъ, чтобы онѣ могли постоянно служить точнымъ выраженіемъ неизмѣняемаго вселенскаго исповѣданія Вѣры. Въ послѣдствіи filioque было внесено въ символъ папою Николаемъ I, который за это подвергся осужденію: такъ называемый 8-й вселенскій Соборъ призналъ filioque незаконнымъ нововведеніемъ и отвергъ его. Восточная Церковь, навсегда оставаясь вѣрною авторитету древней Церкви, отреклась отъ всякаго общенія съ тѣми, которые внесли filioque въ символъ.

Правда бывали въ послѣдствіи случаи, когда казалось

возможнымъ достигнуть возсоединенія двухъ великихъ вѣтвей Христовой Церкви. Такъ въ началѣ тринадцатаго столѣтія турки захватили пять францисканскихъ миссіонеровъ и отправили ихъ въ Никею. Патріархъ, прельщенный ихъ краснорѣчіемъ и обращеніемъ, выражалъ имъ свое сожалѣніе о великомъ и злополучномъ раздѣленіи Церквей и желаніе императора достигнуть возсоединенія. Дружескія письма посланы были къ папѣ, который съ своей стороны отправилъ посольство въ Никею. Переговоры немедленно открылись и императоръ изъявилъ готовность уступить во всемъ за исключеніемъ только одного: онъ требовалъ, какъ непремѣннаго условія для возсоединенія, чтобы латинская Церковь исключила изъ символа оскорбительное для вѣры прибавленіе filioque. Но латиняне сказали въ отвѣтъ: „вы должны вѣровать въ исхожденіе Св. Духа не только отъ Отца, но и отъ Сына и учить народъ тому же; но нѣтъ необходимости вамъ ввести это вѣрованіе въ вашъ символъ, лишь бы всѣ книги, написанныя противъ него были сожжены". Тогда императоръ отчаялся въ возможности соединенія; Церковь была раздражена и послѣдовали съ обѣихъ сторонъ гнѣвныя анаѳемы. Также безуспѣшны были попытки къ возсоединенію церквей при папѣ Иннокентіи IV-мъ. Но наконецъ греческій императоръ, приведенный въ весьма стѣснительное положеніе и устрашенный крестоносными полчищами Запада, сталъ по политическимъ видамъ понуждать своихъ подданныхъ къ возстановленію союза съ Римомъ. На Ліонскомъ соборѣ въ 1274 году папа и западные прелаты были пріятно поражены, услышавъ изъ устъ восточныхъ пословъ исповѣданіе двойственнаго исхожденія Св. Духа. Но какой вѣроломный образъ

действий не могъ упрочить за Римомъ его мнимаго торжества: измѣненіе политическихъ обстоятельствъ доставило грекамъ бо́льшую свободу дѣйствія и актъ возсоединенія былъ уничтоженъ опредѣленіемъ Константинопольскаго Собора.

Отъ времени до времени политическія причины вызывали новыя попытки и сношенія съ Римомъ; но сердце восточныхъ христіанъ оставалось твердымъ и вѣрнымъ своему прежнему протесту.

Вопросъ объ исхожденіи Св. Духа снова сдѣлался однимъ изъ главныхъ предметовъ разсужденій на Флорентинскомъ соборѣ въ 1439 году. Одни и тѣ же доводы были повторяемы на семи засѣданіяхъ. Императоръ попытался устранить разногласіе словами св. Максима: „латиняне, исповѣдуя исхожденіе Св. Духа отъ Сына, не учатъ, что Сынъ есть виновникъ Св. Духа, ибо они очень хорошо знаютъ, что Отецъ есть единственный виновникъ и Сына и Св. Духа. Они утверждаютъ только, что Св. Духъ исходитъ чрезъ Сына по причинѣ единства существа“. Приверженцы уніи наконецъ восторжествовали, и составлена была формула возсоединенія. Но теперь надлежало бывшимъ на соборѣ представителямъ греческой Церкви возвратиться домой и тамъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; здѣсь ихъ встрѣтили съ сильнымъ негодованіемъ, избѣгали ихъ, какъ зараженныхъ ересью и актъ Флорентинскаго собора былъ уничтоженъ. Въ то же время и русская Церковь отказалась отъ флорентинской уніи и предала темничному заключенію бывшаго на соборѣ митрополита.

Грозные успѣхи турокъ, приближавшихся къ Константинополю, скоро за тѣмъ принудили грековъ отложить дальнѣйшій разборъ этихъ догматическихъ во-

просовъ. Греція, донынѣ съ мученическимъ духомъ привязанная къ своему древнему символу и тѣмъ свидѣтельствующая о своей вѣрности древнимъ преданіямъ Церкви, была распята невѣрующими мусульманами; но она вновь возстанетъ къ величію и славѣ при помощи вліянія Россіи, благородной защитницы ея вѣры.

Греческіе Отцы Церкви, держась въ точности свидѣтельства слова Божія, учили, что Духъ исходитъ отъ Отца; но вмѣстѣ съ тѣмъ они употребляютъ одно изъ выраженій Св. Писанія (1), служащее (по ученію латинской церкви) свидѣтельствомъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, именно, выраженіе „*пріемлетъ отъ Сына*". Такъ напримѣръ Евсевій говоритъ: „Св. Духъ исходитъ отъ Отца и принимаетъ отъ Сына". Справедливо замѣчаетъ епископъ Пирсонъ (Pearson): „Внесеніе какихъ-либо прибавленій въ Символъ Вѣры, безъ согласія Восточной Церкви, ни чѣмъ не можетъ быть оправдано". Восточная Церковь обвиняетъ Западную въ прибавленіи слова filioque къ символу вопреки опредѣленію вселенскаго собора, запретившаго всякія прибавленія и безъ малѣйшей опоры въ авторитетѣ другаго какого-либо собора; такимъ образомъ происшедшее между латинскою и греческою церквами раздѣленіе началось, продолжается и не можетъ кончиться, пока слово filioqne не будетъ исключено изъ вселенскаго символа. Латинская церковь удерживаетъ прибавленіе, оправдываясь справедливостію содержащагося въ немъ ученія и мнимымъ правомъ папы измѣнять все по своему усмотрѣнію; греческая же Церковь отвергаетъ прибавленіе, отрицая истинность ученія въ немъ заключеннаго.

(1) Отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ. Іоан. 16, 14.

и правила объ авторитетѣ древнихъ вселенскихъ соборовъ.

Феофилактъ (кн. 2 гл. 96) сводитъ все разногласіе между Церквами въ его время къ одному лишь прибавленію слова filioque къ символѣ. Когда патріархъ Веккъ при императорѣ Андроникѣ былъ осужденъ за расположенность свою къ латинянамъ, то весь споръ также заключался лишь въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, ибо Евдимій въ своемъ трактатѣ прямо указываетъ на незаконное прибавленіе къ символу, какъ на главное препятствіе къ соединенію.

Греческая Церковь протестуетъ не столько противъ самаго ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, сколько противъ измѣненія древняго вселенскаго символа (1); она отказывается собственно отъ общенія съ тѣми, которые удерживаютъ прибавленіе filioque. Даже въ пространномъ катихизисѣ русской Церкви дается слѣдующій отвѣтъ на вопросъ: „Ученіе объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца можетъ ли быть подвержено какому измѣненію или дополненію?“

„Не можетъ. Во-первыхъ, потому, что Православная Церковь въ ученіи своемъ повторяетъ точныя слова Самого Іисуса Христа; а Его слова, безъ сомнѣнія, суть достаточное и совершенное выраженіе истины. Во-вто-

---

(1) Сужденія автора не точны. Православная Церковь, опираясь на прямомъ изреченіи Спасителя (Іоан. гл. 15, ст. 26): *Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ*, всегда учила, что Св. Духъ исходитъ отъ *одного Отца* и утвердила это ученіе словами Символа вѣры: „иже отъ Отца исходящаго“. Но формально осуждено ею ученіе Западной Церкви объ исхожденіи Св. Духа „и отъ Сына“ тогда, когда чрезъ внесеніе этого ученія въ символъ вѣры римская церковь самовольно возвела свое новое мнѣніе *на степень догмата* и тѣмъ нарушила законъ древнихъ вселенскихъ соборовъ о неизмѣняемости Никео-Цареградскаго символа.

Прим. перевод.

рыхъ, потому, что вторый вселенскій Соборъ, котораго главный предметъ былъ утвердить истинное ученіе о Святомъ Духѣ, безъ сомнѣнія, удовлетворительно изложилъ сіе ученіе въ символѣ; и Каѳолическая Церковь признала сіе такъ рѣшительно, что третій вселенскій Соборъ седьмымъ правиломъ своимъ запретилъ составлять новый символъ вѣры".

Восточная Церковь осталась вѣрною первоначальному ученію Церкви и чужда искуственно построеннымъ догматамъ реформаціи; у нея нѣтъ какихъ-либо общихъ символическихъ свидѣтельствъ и книгъ въ родѣ тридентинскаго вѣроисповѣданія папы Пія IV-го; нѣтъ у нея 39-ти англійскихъ членовъ вѣры; она можетъ поэтому болѣе прямо и свободно относиться къ церковнымъ вопросамъ (1).

Горькою правдою проникнуты слѣдующія слова Блэкмора (Blackmore): „если бы мы были хорошими христіанами и представителями истиннаго ученія и вѣрованій вселенской Церкви по отношенію къ церковнымъ разностямъ, то мы никакъ не могли бы надолго оставаться праздными зрителями разногласій нашихъ брать-

(1) Эта мысль требуетъ ограниченій. Восточная Церковь, правда, не связала совѣсти своихъ членовъ какими-либо символическими книгами позднѣйшаго происхожденія въ томъ смыслѣ, въ какомъ церковное сознаніе вообще въ Римской Церкви связано опредѣленіями Тридентинскаго Собора и папскими буллами; но она признаетъ обязательнымъ для частныхъ членовъ Церкви не одинъ лишь Никейскій символъ и не опредѣленія только вселенскихъ соборовъ, но и вообще все содержаніе древняго вселенскаго преданія, имѣющаго корни свои въ ученіи и практикѣ Церкви первенствующей. Въ этомъ заключается характеръ ея, какъ Церкви Апостольской и Каѳолической, а всякое произвольное ограниченіе ея древняго вселенскаго преданія было бы дѣломъ незаконнымъ. Кромѣ того наша Церковь имѣетъ катихизисъ православной каѳолической вѣры, имѣющій обязательное значеніе для всѣхъ православныхъ членовъ Церкви. *Прим. перев.*

емъ особенно въ такое время, какъ нынѣ, когда съ каждымъ днемъ увеличивается число средствъ, облегчающихъ взаимныя сношенія народовъ“.

Восточная Церковь признаетъ Св. Духа Духомъ Сына, но она не дѣлаетъ прибавленій ни къ одному изъ членовъ вселенской вѣры; согласно съ нами она подписывается подъ Апостольскій символъ Никейскаго Собора и подъ догматическія вѣроопредѣленія Константинопольскихъ, Ефесскаго и Халкидонскаго вселенскихъ соборовъ.

Нашъ посольскій священникъ въ Греціи, д-ръ Гилль (Hill) увѣряетъ, что Господь нынѣ изъ среды греческаго клира воздвигаетъ не мало такихъ, которые готовы за одно съ нами содѣйствовать тому, чтобы слово Божіе сдѣлалось живымъ средствомъ для спасенія (1).

Обыкновенно противодѣйствіе какому-либо заблужденію сопровождается опасностію впасть въ новое. Среди ревностнаго стремленія утвердить ученіе о Божествѣ и равночестности Христа съ Отцемъ противъ аріанской ереси, защитники церковнаго ученія иногда сами подвергались опасности впасть въ тритеизмъ. Для устраненія этой опасности православные богословы не охотно допускали въ числѣ свойствъ и принадлежностей Перваго Лица Пресвятой Троицы что-либо такое, чего не было у Втораго Лица (1); и въ этомъ, безъ сомнѣнія,

---

(1) Мысль эта выражена въ одномъ изъ писемъ, посланныхъ г. Гиллемъ въ Америку по поводу начавшихся тамъ движеній въ пользу сближенія съ Православною Церковью. Въ этихъ письмахъ Гилль между прочимъ сообщаетъ о томъ полномъ сочувствіи, съ какимъ греки встрѣтили дошедшую до нихъ вѣсть объ англо-американскихъ движеніяхъ.

(2) Кромѣ собственной нерожденности и рожденія изъ своей сущности Втораго Лица, всегда признаваемыхъ исключительными ипостасными свойствами Перваго Лица. *Пр. Пер.*

заключается первоначальная причина, по которой, (по неразумной ревности—защищать истину не истиною),— допущено было прибавленіе къ символу ученія о двойственномъ исхожденіи Св. Духа. Прибавленіе это было сдѣлано сначала въ Испаніи, гдѣ происходила особенно упорная и продолжительная борьба съ аріанами. Въ послѣдствіи весь вопросъ рѣшился для Запада по мановенію воли папы Николая I-го. Торжественный протестъ Восточной Церкви противъ его властолюбивыхъ стремленій оскорбилъ его самолюбіе; онъ уничтожилъ свободу соборовъ галликанской Церкви и во имя авторитета римскаго престола утвердилъ внесеніе слова filioque въ символъ по всѣмъ западнымъ церквамъ.

Хотя американская Церковь не виновна въ раздѣленіи Церквей, но она должна и за собою признать вину въ его продолженіи: она продолжаетъ употребленіе filioque въ символѣ, не смотря на противныя сему прибавленію опредѣленія соборовъ, на прямое свидѣтельство Св. Писанія и на постоянный протестъ древнѣйшей вѣтви каѳолической Церкви.

Каковы бы ни были прочіе предметы разногласія, нынѣ еще препятствующіе соединенію нашему съ Восточною Церковью, во всякомъ случаѣ мы прежде всего и главнымъ образомъ не можемъ смягчить своей виновности въ томъ, что мы признали за членъ вѣры такое ученіе, которое никогда не было утверждено каѳолическою Церковью. Намъ слѣдуетъ оживить въ себѣ сознаніе объ анаѳемѣ, наложенной Ефесскимъ Соборомъ на всякаго, кто измѣнитъ Никейскій символъ Вѣры.

Если древняя Восточная Церковь признаетъ законность нашего апостольскаго рукоположенія и встрѣтитъ въ насъ готовность возвратиться къ ученію и обычаямъ

первенствующей Церкви, если она увидитъ наше согласіе съ нею по отношенію къ этому историческому вопросу, то не трудно предвидѣть, что раскроется дверь, чрезъ которую возсіяетъ свѣтъ первобытной вѣры, и изъ сѣни смертной, съ распутій лжи и заблужденія, явятся къ новой жизни во Христѣ, многіе, нынѣ чуждающіеся Церкви, раздѣленной на враждебныя другъ другу части. Мы не можемъ не припомнить при этомъ случаѣ тѣхъ усилій, которыя нѣкогда по подобному же побужденію были употреблены англійскою Церковью, для открытія сношеній съ Востокомъ, не можемъ не вспомнить, какъ искренно Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ возносилъ молитвы свои о просвѣщеніи свыше въ этомъ важномъ и святомъ дѣлѣ (1), но подобно всѣмъ другимъ усиліямъ въ дѣлѣ возсоединенія Церквей и эта попытка не удалась вслѣдствіе козней римской Церкви. Ни въ устройствѣ, ни въ духѣ, ни въ учрежденіяхъ греко-русской Церкви мы не встрѣчаемъ ничего такого, изъ-за чего можно было бы усомниться въ готовности этой Церкви идти намъ на встрѣчу въ дѣлѣ сближенія и соглашенія съ нами.

Церковь наша, кажется, имѣетъ именно своимъ призваніемъ быть посредницею мира и единенія; она не находится, подобно англійской Церкви, подъ гнетомъ и опекою гражданскаго правительства, могущаго для какихъ-либо политическихъ цѣлей жертвовать ея интересами; она свободна отъ всякаго чуждаго ея духу влія-

---

(1) Авторъ здѣсь намекаетъ на тѣ замѣчательныя сношенія, которыя при Петрѣ Великомъ происходили между іерархами Восточной Церкви и англиканскими епископами, принадлежавшими къ партіи, такъ называемыхъ Non-Iurors. Причиною сношеній было и тогда уже стремленіе многихъ англичанъ соединить Церковь свою съ Церковью Православною. *Пр. Пер.*

нія и потому возникающіе въ ея нѣдрахъ вопросы получаютъ характеръ чисто богословскій. Стремясь къ сближенію съ Восточною Церковью, мы притомъ совершенно свободны отъ тѣхъ надмѣнныхъ притязаній, которыя издавна свойственны были римской Церкви: мы желаемъ не подчиненія Восточной Церкви, а братскаго съ нею союза; мы признаемъ вполнѣ и авторитетъ и священство греко-русской Церкви; мы хотѣли бы сойтись съ нею во имя того же слова Божія, которое на Востокѣ также, какъ и у насъ, свободно можетъ быть читаемо и усвояемо всякимъ. Мы готовы оказать почтительно полное уваженіе богослужебнымъ формамъ и обрядамъ восточныхъ христіанъ, ихъ церковно-историческимъ преданіямъ и всѣмъ внѣшнимъ принадлежностямъ ихъ церковнаго быта: мы желали бы стоять съ ними на одномъ общемъ непоколебимомъ основаніи, на древней Никейской Вѣрѣ Отцевъ. Восточная Церковь никогда не налагала на насъ своей анаѳемы; никогда не подавали мы ей повода усомниться въ нашемъ православіи, т. е. упрекать насъ въ какомъ-либо отступленіи отъ древней каѳолической вѣры (1). . . . .

Можно признать особымъ дѣйствіемъ Божественнаго Промысла, что незаконное прибавленіе къ Символу удержано нами; ибо этимъ дана намъ возможность нынѣ — чрезъ уничтоженіе слова filioque сдѣлать важную уступку Восточной Церкви для достиженія возсоединенія. Мы надѣемся притомъ, что Американской Церкви не придется дѣйствовать одной; а что надежда наша не сует-

(1) Это происходило собственно не отъ увѣренности въ правомысліи Американской Церкви, а просто—отъ недостатка близкихъ сношеній съ нею и точныхъ свѣдѣній о ея ученіи. *Пр. Пер.*

на, объ этомъ свидѣтельствуютъ новѣйшія движенія Англійской Церкви.

Радостно привѣтствуемъ мы принятыя нашею Американскою конвенціею мѣры въ дѣлѣ сближенія съ Восточною Церковью (1). Радостно встрѣчаемъ искреннюю готовность многихъ почтенныхъ и ученыхъ членовъ Англиканской Церкви соучаствовать въ нашемъ благомъ предпріятіи. Съ радостною надеждою на успѣхъ будемъ ждать обѣщаннаго изъ Россіи отвѣта на нашъ призывъ къ единенію (2). Мы не позволимъ себѣ думать, будто Русская Церковь до такой степени угнетена гражданскими властями, что она не можетъ свободно и независимо отъ чуждыхъ религіи соображеній отозваться на нашъ призывъ. Русскій Государь есть защитникъ и покровитель Церкви, но онъ не есть ея духовный глава; всѣ чисто церковныя дѣла зависятъ не отъ него, а отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Оставаясь всегда вѣрною своей исторіи, своему духу и высокому призванію Православная Церковь Востока стремится занять въ обществѣ и въ христіанскомъ мірѣ то положеніе, на которое она имѣетъ право.

Пусть только вѣра наша возраститъ силою и теплотою; пусть ревность наша не ослабѣетъ; пусть христіанская любовь наша будетъ искренна и всецѣла, тогда

(1) То есть учрежденіе такъ называемаго «Греко-русскаго Комитета», основаннаго генеральною конвенціею или конгрегаціею Американской епископальной Церкви для приготовительныхъ занятій по вопросу о соединеніи съ Православною Церковью (Смотр. статью въ февр. кн. ст. 191).

(2) Здѣсь у автора намекъ на обѣщаніе, данное въ прошломъ году Амер. священнику Юнгу во время его пребыванія въ Россіи, что представителями русской церковной власти посланъ будетъ отвѣтъ на представленныя г. Юнгомъ Св. Синоду грамоты нѣкоторыхъ Американскихъ епископовъ. *Прим. Перев.*

и Господь исполнитъ молитву Единороднаго Сына Своего: *Отче, да вси едино будутъ!*

Будемъ помнить примѣръ Іерусалимской Церкви, не захотѣвшей возложить лишняго ига на выю учениковъ, и постаравшейся общими усиліями устранить препятствія къ вожделѣнному единенію.

Когда Церковь освободится отъ внутренняго раздѣленія, то она согласно съ волею Божественнаго своего Основателя может подвизаться успѣшно впередъ на указанномъ ей славномъ пути, и побѣдоносно она тогда возможетъ вступить въ борьбу со всякимъ лжеименнымъ знаніемъ, съ заблужденіями и ересями.

Да ускоритъ Господь пришествіе сего благословеннаго дня!

Брошюра оканчивается Никео-Цареградскимъ Символомъ.

Осининъ.

О ЦЕРКОВНОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ.

После верховнаго законоположника Церкви, Іисуса Христа, первыми законодателями ея были Апостолы. Іисусъ Христосъ, поручивъ Апостоламъ устроить общество вѣрующихъ сообразно преподанному отъ Него ученію (Матѳ. 28, 20), уполномочилъ своихъ учениковъ властію законодательною; ибо ученію и правиламъ ихъ далъ силу, обязательную для всѣхъ, когда сказалъ ученикамъ: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ.* На этомъ основаніи, водимые духомъ Божіимъ, Апостолы давали и общіе законы всей Церкви (Дѣян. 15, 28), и подробныя положительныя правила,— относительно: а) священныхъ лицъ въ Церкви, ихъ избранія, поставленія, служенія (1 Тим. 3, 1. слѣд. Тит. 1, 5. слѣд.); б) священныхъ дѣйствій (1 Кор. 11, 18. слѣд. 14, 26. слѣд.); в) всего Церковнаго управленія (1 Петр. 5, 17. слѣд. 3, 15) и жизни самаго общества вѣрующихъ, каковы напримѣръ, Апостольскія правила о христіанскомъ супружествѣ (Еф. 5, 23. слѣд. 1 Кор. 7, 1. слѣд.), о бракахъ смѣшанныхъ (ст. 12 — 17), о разводахъ (ст. 10, 11), объ отношеніяхъ членовъ Церкви къ законнымъ властямъ гражданскимъ (Рим. 13, 1 слѣд.), о судныхъ дѣлахъ въ Церкви (1 Кор. 6, 1 слѣд.), о взаимныхъ нравственныхъ отношеніяхъ между членами христіанскаго общества, разныхъ званій и состояній (1 Петр. 2, 13 слѣд. 3, 1 слѣд. Рим. 13, 6. 7),—и пр. При этомъ сила законодательной власти Апостоловъ выражалась

въ томъ, что они требовали отъ членовъ Церкви безпрекословнаго послушанія своимъ постановленіямъ, подвергая непослушныхъ отлученію отъ Церкви (1 Кор. 11, 2. 2 Кор. 10, 5 — 8. 11. Кол. 4, 28. 2 Сол. 3, 14).

Отъ Апостоловъ эта власть наслѣдована и сохранена въ Церкви непрерывнымъ преемствомъ священноначалія. Сами Апостолы уполномочивали Пастырей благоустроять общество вѣрующихъ во всемъ — такъ, *какъ подобаетъ въ дому Божіемъ жити* (1 Тим. 3, 15); вѣрующихъ обязывали къ послушанію Пастырямъ (1 Пет. 5, 5. Евр. 13, 17); правиламъ Церковнымъ навсегда усвояли силу законовъ (Гал. 6, 16. Фил. 3, 16). За тѣмъ рядъ правилъ соборныхъ и отеческихъ, составленныхъ въ продолженіи всѣхъ вѣковъ Христовой Церкви, показываетъ, что въ Церкви непрерывно существовала власть законодательная, и эта власть всегда сохранялась въ церковномъ священноначаліи. Но разсматривая эту власть на точныхъ основаніяхъ Церковнаго права, мы должны замѣтить слѣдующія особенности.

1) Св. Апостолы и св. Отцы, когда дѣйствовали законодательною властію и составляли Церковные законы, то представляли дѣйствующимъ не столько себя самихъ или свою личную власть, сколько самого Божественнаго Духа, живущаго въ Церкви, а себя и свою власть только — орудіями Его воли и предначертаній. Такъ самъ Божественный Основатель Церкви утвердилъ Апостольскую власть вязать и рѣшать на особенномъ дарованіи Апостоламъ силы Святаго Духа и обѣтовалъ Его всему преемству ихъ, какъ вѣчнаго Просвѣтителя, Хранителя и Правителя (Іоан. 14, 16. 26. 16, 13. 20,

21—22). Поэтому Апостолы и св. Отцы даже и говорили въ своихъ правилахъ не прямо отъ своего лица, а именемъ Святаго Духа. Такъ на Іерусалимскомъ Соборѣ, отмѣняя ветхозавѣтный обрядовый законъ, Апостолы говорили: *изволися Духу Святому и намъ.* (Дѣян. 15, 22). Подобную силу имѣли выраженія Вселенскихъ Соборовъ въ своихъ опредѣленіяхъ: *„благодатію Божіею* опредѣляемъ" и т. п. (VI всел. прав. 1). VII Вселенскій Соборъ о правилахъ предшествовавшихъ ему Соборовъ замѣчаетъ: *„вси они отъ единаго и тогожде Духа бывъ просвѣщены,* полезное узаконили" (пр. 1). Св. Григорій Неокесарійскій, излагая свои правила, прибавляетъ: „доколѣ что-либо изволятъ купно сошедшеся св. Отцы, *и прежде ихъ Духъ Святый*" (Григор. пр. 8).

2) Но воля и сила Святаго Духа, приписываемая законодательной власти въ Церкви, не безотносительно приписывается ей, не относится и къ личному авторитету лицъ законодательствующихъ, а присвояется, во-первыхъ, самой *Церкви,* въ ея всецѣломъ составѣ, какъ тѣлу, непрерывно и неизмѣнно оживляемому Святымъ Духомъ, а во-вторыхъ, таинству священства, съ которымъ соединяется особенная благодать Духа. Въ первомъ отношеніи законодательная власть дѣйствуетъ голосомъ Церкви, выражающимъ внушеніе Святаго Духа, во второмъ — правомъ священноначалія, уполномочивающимъ и освящающимъ дѣйствія этой власти, какъ органа высшей, Божественной власти. Такимъ образомъ сами Апостолы, совмѣстно съ выраженіемъ своего законодательства: *изволися Духу Святому и намъ,* употребляли и такое выраженіе, какъ равносильное: *изволися. Апостоломъ со всею Церковію* (Дѣян. 15, 26). Все-

ненные Соборы свои узаконенія выражали такъ: „по-слѣдующе св. Отцамъ нашимъ и Каѳолической Церкви, (вѣмы бо, яко сія есть Духа Святаго, въ ней живущаго), со всякою достовѣрностію опредѣляемъ...“ Также: „глаголющихъ же вопреки: сихъ анаѳематствуетъ Каѳолическая Церковь“. Съ другой стороны законодательная власть въ Церкви изначала, отъ Апостоловъ, принадлежала и всегда неизмѣнно приписывалась только церковной іерархіи, въ высшихъ ея степеняхъ, именно въ санѣ епископскомъ (Апост. 37, IV всел. 19. VI. всел. 2. 8. VII всел. 6. Вас. Вел. 47).

3) Законодательная власть въ цѣлой Церкви не принадлежитъ никому исключительно, т. е. одному какому-либо лицу, хотя бы и высшему Іерарху. Ибо, какъ не можетъ быть видимой, единоличной главы Церкви: такъ никакое лице, отдѣльно взятое, не можетъ столько возвышаться надъ всею Церковію, чтобы всей Церкви предписывать отъ себя законы; не можетъ, естественно, быть и столько непогрѣшительно, чтобы давать Церкви непогрѣшимые законы, какихъ требуетъ чистота и святость Церкви и самая высота предметовъ законодательства. Таковы всегда были мысли св. Отцевъ. Противъ притязаній Римскихъ папъ на вселенское законодательство св. Отцы говорили: „кто повѣритъ, что Богъ можетъ единому кому либо вдохнуть всю правоту суда, а множеству священныхъ лицъ, собравшихся на соборъ, откажетъ въ томъ?“ (1).

4) Поэтому право законодательства въ Церкви по преимуществу принадлежитъ власти Соборной, представляющей въ себѣ высшее, благодатное управленіе

(1) См. посланіе Карѳагенскаго Собора (419) къ папѣ Целестину: *въ книгѣ правилъ*.

Церкви и праве Церкви учащей. Такъ дѣйствовала и самая власть Апостольская: изволися Апостоломъ и старцемъ со всею Церковію (Дѣян. 15, 22). Таковы и положительныя правила Церкви. Апостольское правило (37) говоритъ: „да бываетъ Соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о правилахъ благочестія“. Св. Василій Великій (пр. 47): „должно собраться большему числу епископовъ, и такъ изложить правила, дабы и дѣйствующій былъ безопасенъ и отвѣтствующій на вопросы имѣлъ достовѣрное основаніе для отвѣтовъ“. Выше мы замѣтили также слова св. Григорія Неокесарійскаго о своихъ правилахъ: „доколѣ что-либо изводятъ кудно сошедшиеся св. Отцы, и прежде ихъ Духъ Святый“ (пр. 8). Соборы Африканской Церкви такъ разсуждали: „благодатію Святаго Духа правда іереями Христовыми и зрится разумно и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости дѣла, позволено приступати къ Соборамъ всея области, и даже ко вселенскому Собору“ (1).

5) Если же въ древнемъ церковномъ канонѣ мы находимъ правила, изложенныя отдѣльно тѣми или другими изъ Отцевъ Церкви (какъ напр., правила Василія Великаго, Григорія Неокесарійскаго и др.), то надо замѣтить, что первоначально они писали свои правила только въ видѣ рѣшеній на частные случаи, имъ вниманію представлявшіеся, потомъ передавали свои рѣшенія на усмотрѣніе другихъ пастырей (отъ того самыя правила ихъ изложены въ видѣ каноническихъ посланій); и наконецъ правила ихъ не иначе получали силу законовъ для всей Церкви, какъ по утвержденіи

(1) См. тоже посланіе Кареагенскаго Собора.

вселенскими Соборами. Так именно правила Отцев, принятыя во вселенскій канонъ, были разсмотрѣны и утверждены VI вселенскимъ Соборомъ, а за нимъ снова подтверждены VII вселенскимъ (VI всел. 2. VII всел. 1).

6) Церковь признаетъ и въ гражданской православной власти, какъ власти законной, согласной въ своемъ учрежденіи съ словомъ Божіимъ и духомъ христіанства, право законодательства не только въ дѣлахъ общественныхъ, съ которыми соприкасается жизнь Церкви въ мірѣ, но и въ томъ, что относится къ охраненію вѣры и благочестія, церковнаго благоустройства и благочинія, порядка церковныхъ дѣлъ въ обществѣ гражданскомъ, внутренняго и внѣшняго мира Церкви. Съ этой стороны право гражданской власти признано древними Соборами даже въ дѣлахъ Церкви вселенской. Именно это выражалось — или въ томъ, что самые Соборы принимали указанія этой власти въ порядкѣ церковнаго управленія и сообразно съ ними полагали свои правила; такъ Вселенскій VI Соборъ, приступая къ изложенію правилъ относительно жизни священнослужителей, говоритъ: „благочестивый и христолюбивый Царь нашъ *предложилъ* сему святому и Вселенскому Собору, чтобы вчисляющихся въ клирѣ, и другимъ Божественная преподающихъ, представить чистыми и непорочными служителями" и т. д.; вслѣдствіе чего Соборомъ и положены особыя правила о супружествѣ священнослужителей (1); или же Соборы принимали въ составъ церковныхъ законовъ прямыя и положительныя постановленія гражданской власти, — разумѣется согласныя съ основными канонами самой Церкви и не противныя духу

(1) См. VI всел. Собора прав. 3. 6. 12. 13. сн. акты этого Собора.

ся. Такъ напр., Вселенскій IV Соборъ принялъ, какъ законы, рѣшенія императора Маркіана, чтобы духовныя лица не входили въ гражданскія дѣла, чтобы не брали на откупъ чужихъ имѣній и пр., чтобы монашествующіе не проживали внѣ монастырей, въ городахъ и др. (1). Соборы Африканскіе въ своихъ опредѣленіяхъ часто выражаютъ: „подобаетъ просити благочестивѣйшихъ царей, да благоволятъ узаконити..." (Карѳ. 69, 70, 71, 74, 104). Сущность отношеній царской власти къ Церкви, въ этомъ дѣлѣ, Соборъ Карѳагенскій, (котораго сужденіе принято и Вселенскими Соборами), изображаетъ такъ: „царскому человѣколюбію предлежитъ попещися, чтобы Каѳолическая Церковь, благочестною утробою Христу ихъ родившая и крѣпостію вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ; дабы въ благочестивыя ихъ времена, дерзновенные человѣки не возгосподствовали надъ безсильнымъ народомъ, посредствомъ нѣкоего страха, когда не могутъ совратить оный посредствомъ убѣжденія. Итакъ мы просимъ о томъ, да неуклонительно подастся охраненіе Каѳолической Церкви въ каждомъ градѣ и разныхъ мѣстахъ, прилежащихъ къ каждому владѣнію. Притомъ да повелятъ подтвердити законъ (2), съ распространеніемъ силы его на тѣхъ, противу навѣтовъ коихъ представили свидѣтельства пріявшіе попеченіе о Каѳолической Церкви, дабы, по крайней мѣрѣ, симъ страхомъ, отъ произведенія расколовъ и отъ еретическаго безумія

(1) IV всел. 3 прав. сн. акты этого Собора.

(2) Разумѣется законъ императора Ѳеодосія В., которымъ повелѣно было взыскивать по 10 фунтовъ золота съ еретиковъ, рукополагающихъ и рукополагаемыхъ во священный санъ, — что было имъ запрещено,—и съ владѣльцевъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ замѣчены будутъ ихъ собранія.

удержаны были отлагающіе свое очищеніе и исправленіе. Еще и о томъ подобаетъ просити, да будетъ благочестіемъ ихъ возобновленъ до нынѣ существующій законъ, который отъемлетъ у еретиковъ право взимати что-либо, или оставляти" (Карѳ. прав. 104) (¹).

Пространство законодательной власти въ Церкви ограничивается слѣдующими предѣлами:

а) Основное законоположеніе православно-каѳолической Церкви относительно ученія вѣры, священныхъ тайнодѣйствій и внутренняго, т. е. собственно-духовнаго управленія Церкви, уже составлено, опредѣлено и утверждено на основаніи, положенномъ отъ самого Іисуса Христа,—первоначально Апостолами, потомъ вселенскими и помѣстными Соборами, и древними Отцами и Учителями Православными (III всел. 7, IV всел. 1. VI всел. 1, 2. VII всел. 1) (²). Это законоположеніе, какъ основное, вселенское, должно быть неизмѣнно и для всѣхъ послѣдующихъ узаконеній въ Церкви должно служить основою, образцемъ и предѣломъ. Ибо истинность и крѣпость Церкви заключается въ томъ, что Церковь должна быть *едина*: а единство ея соблюдается единствомъ коренныхъ законовъ и постановленій, которыми она управляется; такъ какъ напротивъ, съ измѣненіемъ основныхъ законоположеній, Церковь не могла бы не терять и единства своего духа: а теряя единство, Церковь лишалась бы своей чистоты и внутренней силы—и рушилась бы. Такимъ образомъ законодательная церковная власть, въ настоящихъ ея предѣлахъ, заключаетъ въ себѣ только слѣдующія права:

(¹) Разумѣется законъ императора Ѳеодосія, которымъ еретики лишены были всѣхъ правъ состоянія.

(²) См. грамоты Вост. Патр. къ Св. Синоду 1723, и посланіе ихъ о вѣрѣ, чл. 1, 12.

б) Охранять цѣлость, чистоту и единство основнаго законоположенія Вселенской Церкви, содержащагося въ постановленіяхъ Божественныхъ, Апостольскихъ, Соборныхъ и Отеческихъ (I Всел. 2. III Всел. 7. IV Всел. 1. VI Всел. 1, 2. VII Всел. 1).

в) Распространять и развивать это основное законоположеніе, т. е. раскрывать его смыслъ, опредѣлять его примѣненіе къ дѣламъ Церкви, развивать въ подробнѣйшихъ узаконеніяхъ, потребныхъ по мѣсту и времени. Такъ сами древніе Соборы и Отцы пользовались правилами, прежде ихъ составленными въ Церкви (См. напр. VI Всел. 5, 6, 8, 12, 16 и пр. Вас. В. 3, 4, 13, 18, 21, 30 и пр.).

г) Неизмѣнность основнаго законоположенія не исключаетъ права изданія новыхъ узаконеній, по нуждамъ Церкви. Ибо какъ Церковь сама въ себѣ есть тѣло живое, которое въ своемъ возрастаніи во всякое время можетъ имѣть нужду въ новыхъ правилахъ по разнымъ сторонамъ своего благоустройства, такъ и первоначальное, Божественное, Апостольское и Соборное законодательство не отрицаетъ этой нужды и этого права (1 Тим. 3, 15. Апост. 37. Григор. Неокес. пр. 8. Вас. В. 47 и пр.). Но вообще новыя узаконенія должны возникать въ Церкви не иначе, какъ утверждаясь на основномъ ея законоположеніи, въ его духѣ и въ его границахъ. „Когда, говоритъ VII Вселенскій Соборъ, будетъ соборное разсужденіе о предметахъ каноническихъ, то епископы должны пещись и прилежать о Божественныхъ постановленіяхъ". (VII Всел. 6). Такимъ образомъ въ общемъ Церковномъ канонѣ, уже послѣ Вселенскихъ Соборовъ, находимъ правила двухъ помѣстныхъ Соборовъ Константинопольскихъ (861 и 879 г.).

За тѣмъ были составлены правила еще многими греческими пастырями и мѣстными синодами цареградскими, которыя получили свою законную силу и дѣйствіе въ Восточной Церкви, хотя и не вошли въ общій Церковный канонъ.

Въ союзѣ съ Церковію Вселенскою и помѣстныя Церкви, какъ части ея, на общихъ основаніяхъ имѣютъ свое частное право законодательства, въ предѣлахъ своего помѣстнаго управленія. „Ибо, говоритъ Карѳагенскій Соборъ, Отцы учили, что ни для одной области не оскудѣваетъ благодать Святаго Духа, чрезъ которую правда іереями Христовыми и зрится разумно и содержится твердо". Но при этомъ надобно замѣтить:

1) Законодательство помѣстное тогда только истинно и получаетъ каноническое достоинство, когда а) утверждается на общихъ законахъ Вселенской Церкви, неизмѣнно держится ея началъ и ея духъ въ себѣ выражаетъ; б) когда законы исходятъ путемъ Богоустановленныхъ власти и порядка, т. е. чрезъ церковное священноначаліе (Апост. 37. Вас. В. 47 и пр.). Такимъ образомъ правила помѣстныхъ Церквей издревле подвергались пересмотру, утвержденію и исправленію Соборовъ Вселенскихъ (I Всел. 20. II Всел. 2. III Всел. 8. IV Всел. 1. VI Всел. 2).

2) Законы частныхъ Церквей сами по себѣ не имѣютъ вселенскаго значенія; но если они положительно приняты въ общее право самою Церковію Вселенскою, (какъ именно правила древнихъ помѣстныхъ Соборовъ внесены въ канонъ VI и VII Вселенскими Соборами), или усвоены практикою (usu) Вселенской Церкви, т. е. временемъ и преданіемъ обращены въ постоянные обычаи всей Церкви: то они получаютъ уже всеобщую ка-

ноническую важность, и вмѣстѣ съ другими общими постановленіями Церкви имѣютъ свою обязательную силу для всѣхъ православныхъ христіанъ (см. напр. 13, 26 правила VI Всел. Собора и пр.).

3) И въ первые вѣка и всегда мы видимъ, что православныя помѣстныя Церкви по уважительнымъ причинамъ въ нуждахъ времени и въ условіяхъ своего мѣстнаго устройства допускали для себя нѣкоторыя изъятія изъ общихъ правилъ и постановленій; но при этомъ всегда имѣлось въ виду то, чтобы эти изъятія не только не нарушали вселенскихъ основаній церковнаго управленія, не только не обращались въ противорѣчіе истинному духу Христовой Церкви, т. е. духу православія, святыни, нравственной чистоты и священноначальственныхъ правъ, но и касались бы только частныхъ сторонъ въ правилахъ, а не общаго содержанія ихъ, только внѣшняго примѣненія ихъ, а не внутренней силы, только формъ церковной администраціи, а не сущности ея предметовъ. Въ такихъ отношеніяхъ изъятія дозволялись и самыми Вселенскими Соборами. Напримѣръ, общія (Апостольскія) правила требовали, чтобы каждый епископъ ограничивался въ церковномъ управленіи предѣлами своей епархіи, не простирая своей власти на другія епархіи (Апост. 34, 35): но 1-й Вселенскій Соборъ уважилъ и утвердилъ мѣстные, древніе обычаи, по которымъ Александрійскій епископъ простиралъ свою власть на весь Египетъ и Ливію; „*понеже*, говоритъ Соборъ, *и Римскому епископу подобное обычно. Такоже*, прибавляетъ Соборъ, *и въ Антіохіи и въ иныхъ областяхъ да сохраняются мѣстныя преимущества Церквей*“ (1 Всел. 6). Вообще относительно мѣстнаго управленія Церквей Вселенскіе Соборы

давали такія правила: „всякая Церковь да сохраняеть въ чистотѣ и безъ стѣсненія изначала принадлежащія ей права, по обычаямъ, издревле утвердившимся" (III Всел. 8); „да соблюдаются обычаи каждой Церкви", и т. п. (VI Всел. 39). Но, повторяемъ, это относилось только къ внѣшнимъ порядкамъ церковнаго управленія, къ частнымъ вопросамъ права, а отнюдь не къ предметамъ внутренней церковной жизни, догматическимъ, священнотаинственнымъ, Богослужебнымъ, духовно-нравственнымъ. Что касается до этихъ предметовъ, то вселенская Церковь весьма строго охраняла ихъ въ помѣстныхъ Церквахъ, даже до самыхъ малыхъ подробностей,—хоть напр., по обрядовой сторонѣ Богослуженія. Здѣсь всякое малѣйшее отступленіе, измѣненіе или уклоненіе помѣстныхъ Церквей отъ вселенскихъ узаконеній было замѣчаемо, обличаемо и исправляемо самими Вселенскими Соборами. (См. I Всел. 18, 20. III Всел. 8). Въ особенности VI вселенскій Соборъ тщательно обличалъ и исправлялъ произвольныя уклоненія по разнымъ мѣстамъ, какъ напр., въ Церкви Африканской (прав. 12, 29), Римской (пр. 13, 55), Армянской (32, 33, 56), Анкирской (6), Неокесарійской (16) и др.

4) Хотя и каждый іерархъ, въ предѣлахъ своего помѣстнаго управленія, можетъ издавать свои мнѣнія, рѣшенія, опредѣленія: но только въ видѣ частныхъ распоряженій; въ общія же и постоянныя правила такія опредѣленія могутъ быть обращаемы не иначе, какъ по соборному разсмотрѣнію и утвержденію (Апост. 34, 37). Сами св. Отцы, когда отдѣльно писали свои правила, то предварительно излагали ихъ, какъ свои *мнѣнія*, ожидая подтвержденія ихъ отъ другихъ пастырей или Соборовъ. Св. Діонисій Александрійскій, изложивъ

свои правила, говоритъ: „я только свое мнѣніе на среду предложилъ“ (пр. 4); Св. Василій: „о похищающихъ женъ мы не имѣемъ древняго правила, но составили собственное мнѣніе“ (пр. 30); Также: „если мнѣніе наше угодно будетъ, надобно большинству епископовъ изложить правило“ (пр. 47); Св. Григорій Нисскій: „поелику наше мнѣніе не столько достойно вѣры, чтобы имѣло власть, свойственную правиламъ, то присоединимъ сужденіе по правиламъ“... и проч. (пр. 6. См. Тимоѳ. Алекс. 15).

Теперь обратимся къ самымъ законамъ Церковнымъ.

Въ разсужденіи церковныхъ законовъ надобно замѣтить: 1) употребленіе разныхъ источниковъ, изъ которыхъ извлекаются эти законы; 2) разные роды и виды законовъ, и 3) обязательную силу ихъ.

Источники церковнаго законодательства можно раздѣлить на два рода: 1) источники общіе, принадлежащіе всей Церкви и 2) частные, дѣйствующіе только въ Церквахъ помѣстныхъ. Къ первымъ относятся: а) законъ Божій откровенный, въ Св. Писаніи изложенный; б) каноны, или правила св. Апостоловъ, Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ,—(древнихъ, вселенскими утвержденныхъ) и правила св. Отцевъ; в) преданія церковныя, хотя и не заключенныя въ постановленіяхъ Соборныхъ или Отеческихъ, но сохранившіяся въ Церкви — въ разныхъ церковныхъ уставахъ, чинопослѣдованіяхъ, священныхъ обычаяхъ и пр.; г) древніе номоканоны, какъ собственно церковные (напр. покаянные и проч.), такъ и церковно-гражданскіе, заключавшіе въ себѣ законоположеніе Церкви въ связи съ постановленіями древнихъ православныхъ Государей по дѣламъ Церковнымъ. Послѣдніе также имѣли всеобщее употребленіе въ древ-

ности.—По разнымъ частнымъ Церквамъ, кромѣ этихъ общихъ источниковъ, сохраняющихся въ нихъ болѣе или менѣе неизмѣнно, дѣйствуютъ разные мѣстные источники, какъ-то въ древнихъ Восточныхъ Церквахъ: опредѣленія патріаршихъ Синодовъ; въ Римской Церкви: папскіе декреты; въ нашей отечественной Церкви: духовный регламентъ, указы нашихъ Царей, опредѣленія Св. Синода, и проч. Здѣсь мы будемъ имѣть въ виду одни *общіе* источники.

Употребленіе разнообразныхъ источниковъ въ церковномъ законодательствѣ безъ сомнѣнія должно быть подведено подъ вѣрныя, положительныя начала. На такія начала указываютъ намъ: опредѣленія слова Божія, основанія вселенскаго канона, общая исторія Церковнаго законодательства и церковная практика. Не вдаваясь ни въ какія умозрѣнія и собственныя разсужденія, мы только исторически раскроемъ, какъ тутъ опредѣлились начала Церковнаго законодательства.

а) Правила, прямо и ясно выраженныя въ Св. Писаніи и заключающія въ себѣ основныя и существенныя истины вѣры, благочестія и благоустроенія Церкви, Церковь приняла и всегда сохраняла, какъ прямые законы, непререкаемые и безусловно-обязательные. Таковы на прим. основные законы Христіанской Церкви: о исповѣданіи единаго въ трехъ лицахъ Божества, о совершеніи крещенія во имя Отца и Сына и Св. Духа (Матѳ. 28, 19. 20); о совершеніи таинства Евхаристіи подъ двумя видами тѣла и крови Христовой (Лук. 22, 19. 20); о священноначальственной власти вязать и рѣшить (Іоан. 20, 22. 23); объ основаніяхъ христіанскаго брака, (Еф. 5, 23. слѣд.); о Епископскомъ рукоположеніи, какъ существенной принадлежности священ-

ства (1 Тим. 4, 14. 5, 22) и проч. (см. Ап. пр. 49. 50. VI Всел. 54. 70. 87. и др.).

б) Есть правила, хотя и прямо и ясно выраженныя въ Св. Писаніи, но не заключающія въ себѣ основныхъ и существенныхъ догматовъ вѣры, или основаній Церковнаго управленія, а касающіяся только частныхъ сторонъ его. Сила и приложеніе такихъ правилъ въ церковной практикѣ опредѣлялись судомъ самой Церкви, которая, соображая собственное значеніе ихъ въ Св. Писаніи, потребности, обстоятельства и опыты разныхъ временъ, различнымъ образомъ видоизмѣняла ихъ приложеніе. Въ этомъ отношеніи для примѣра можно сравнить изреченія Св. Писанія о смѣшанныхъ бракахъ, также о супружествѣ во священствѣ и пр. — съ постановленіями о нихъ Соборовъ. (См. 1. Кор. 7, 14 и IV Всел. соб. 14. VI Всел. 72. также: 1 Тим. 3, 2. 4 и VI Всел. пр. 12).

в) Вообще въ Св. Писаніи, какъ имѣющемъ содержаніе не одно догматическое, но и историческое, всегда различались общія, основныя истины или правила отъ такихъ указаній, которыя, или имѣя частный смыслъ, и сами по себѣ не составляютъ общихъ, положительныхъ законовъ, или имѣя отношеніе только къ извѣстному времени и обстоятельствамъ Церкви первенствующей, не могутъ безусловно относиться къ другому времени и состоянію Церкви. Иначе, не дѣлая этого различія, можно бы на мнимыхъ основаніяхъ составлять произвольныя правила, какъ это дѣлаютъ разнаго рода сектанты, которые на основаніяхъ, взятыхъ ими изъ Св. Писанія, но не вѣрно приложенныхъ къ настоящему состоянію Церкви, отвергаютъ напр. или іерархію и учительство въ Церкви, или уставы внѣшняго Богопочитанія и т. п.

г) Отсюда и для всякаго времени выходитъ необходимое заключеніе, что въ извлеченіи правилъ изъ Св. Писанія и въ изъясненіи ихъ надобно слѣдовать ученію и руководству самой Церкви, заключающемуся въ ея непрерывномъ преданіи, во вселенскихъ постановленіяхъ, въ общемъ голосѣ ея пастырей и учителей. (VI Всел. 19. Вас. 91. VII Всел. 1. 2). „Иначе, говоритъ Св. Василій, можно повредить Евангелію въ самыхъ важныхъ предметахъ“. (1)

д) Правила Соборовъ и Св. Отцевъ имѣютъ вообще силу законовъ; но въ нихъ также, какъ и въ Св. Писаніи, ясно сами собою различаются правила вѣры (догматы) и коренные законы внутренняго церковнаго управленія — отъ другихъ, частныхъ, касавшихся только той или другой стороны внѣшняго управленія и имѣющихъ на себѣ очевидную печать времени и мѣста, въ которыхъ они состоялись и дѣйствовали. Первые всегда были неизмѣнны, въ томъ видѣ, какъ однажды были приняты Церковію (III Всел. пр. 7. VI Всел. пр. 1); послѣднія, по нуждамъ времени и Церкви, въ практическомъ приложеніи видоизмѣнялись. Это видимъ на самыхъ Соборахъ: одни изъ нихъ болѣе или менѣе измѣняли въ этомъ родѣ постановленія другихъ, прежде ихъ бывшихъ Соборовъ. (IV Всел. 19. сн. VI Всел. 8; Неокес. 15 сн. VI Всел. 16.; Карѳ. 4. 34. сн. VI Всел. 13.; Неокес. 1. сн. Вас. 32.; Ап. 5. сн. VI Всел. 12). Тѣмъ не менѣе и частныя правила Соборовъ, въ области внѣшняго Церковнаго благочинія, хотя бы по свойству своему подлежали перемѣнамъ, но въ ихъ основаніяхъ, въ общей ихъ мысли и въ томъ духѣ, какъ они

(1) Сн. Исповѣд. Вост. Патр. чл. 2.

изложены Соборами и св. Отцами, всегда составляли въ цѣломъ своемъ составѣ авторитетъ каноническаго права Церкви, всегда представляли въ себѣ наилучшіе образцы Церковнаго благоустроенія, и всегда были и должны быть руководствомъ при составленіи новыхъ правилъ. „Паки подобаетъ, говоритъ св. Василій Великій, держатися обычаевъ и слѣдовати Отцамъ, благоусмотрительно устроившимъ дѣла наши" (пр. 1. сн. II Всел. 2. III Всел. 8. VI Всел. 8. 13. 38. VII Всел. 6. и пр.). Поэтому-то VI и VII Вселенскіе Соборы, хотя не мало измѣнили (особенно первый) постановленій прежнихъ Соборовъ, однакожъ не отвергли ихъ совсѣмъ, и въ общемъ утвержденіи этихъ Соборовъ не исключили измѣненныхъ правилъ, а оставили на своихъ мѣстахъ въ канонѣ. (VI Всел. 2. VII Всел. 1). Такимъ образомъ и во всѣ послѣдующія времена и въ настоящее время Православная Церковь не перестаетъ утверждаться на правилахъ древнихъ Вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ, изложенныхъ въ общемъ Церковномъ канонѣ—безъ исключенія.

е) Правила Церкви, заключенныя въ собственныхъ преданіяхъ ея, на словѣ Божіемъ утвержденныхъ, древнихъ, общихъ и непрерывно въ ней продолжавшихся, всегда имѣли непререкаемое достоинство и силу законовъ. (Вас. Вел. пр. 91. 92).

ж) Но въ преданіяхъ, оставшихся внѣ писаннаго канона, различаются—аа) установленія, отъ Апостоловъ Церковію принятыя чрезъ практику апостольскаго вѣка, или самою Церковію введенныя отъ древнѣйшихъ ея временъ, такія, которыя касаются главныхъ предметовъ вѣры и благочестія (1)—и бб) разные церковные обы-

(1) Таковы напр. преданія, указанныя св. Василіемъ Великимъ о со-

чаи, которые—или усвоены Церковію только въ воспоминаніе какихъ либо священныхъ событій, въ ней совершившихся (1), или, по ея изъясненію, имѣютъ только частное духовное знаменованіе для вѣрующихъ (2), или же вообще установлены Церковію для религіознаго назиданія христіанъ въ общежитіи. Перваго рода Церковныя установленія имѣютъ силу законовъ и въ существѣ своемъ неизмѣнны (VI Всел. 81. VII Всел. 7. Вас. 91. 92); послѣднія суть правила руководственныя, и по нуждѣ, или по условіямъ мѣста и времени, могутъ быть различны. Такъ мы видимъ, что Церкви разныхъ мѣстъ и временъ имѣли и имѣютъ у себя различные обряды и обычаи, какъ въ Церковномъ устройствѣ, такъ и во внѣшней жизни христіанъ—своихъ членовъ (3).

з) Богослужебные уставы и разныя чинопослѣдованія Церковныя имѣютъ также важность Церковнаго законоположенія, какъ выраженія православнаго исповѣданія вѣры и хранилища чистыхъ Церковныхъ преданій, а вмѣстѣ — какъ необходимыя руководства въ дѣлѣ про-

---

ставѣ и совершеніи таинствъ, о Церковномъ славословіи въ честь Св. Троицы, о употребленіи крестнаго знаменія, и др. см. Вас. В. пр. 91. 92

(1) Таковы различныя празднованія Хр. Церкви и соединенныя съ ними обычаи, въ Богослуженіи или въ жизни христіанъ соблюдаемые; напр. обычаи въ празднованіи Св. Пасхи, и пр.

(2) Изъ такихъ обычаевъ св. Василій указываетъ на обычай — обращать алтарь на Востокъ, въ ознаменованіе нашего стремленія къ духовному востоку—Христу и къ блаженной вѣчности, прообразованной раемъ на Востокѣ; также обычай—не преклонять колѣнъ въ день воскресный, и пр. Вас. В. 91.

(3) О разности обрядовъ и обычаевъ въ древнихъ Церквахъ см. у *Сократа* Ист. Ц. 5, 22. Но и изъ общихъ въ самыя древнія времена обычаевъ нѣкоторые не соблюдаются въ настоящее время,—напр. обычай давать другъ другу цѣлованіе мира во время Литургіи, въ настоящее время сохранившійся только между лицами священнослужащими; также и нѣкоторые другіе обычаи оставлены.

славленія Бога и исполненія, духовными средствами (напр. таинствами), различныхъ духовныхъ потребностей человѣка. Изъ Церковныхъ уставовъ тѣ особенно важны въ Церковномъ законодательствѣ, въ которыхъ излагается порядокъ совершенія таинствъ, освященія разныхъ степеней іерархіи, присоединенія къ Церкви разнаго рода иновѣрцевъ, еретиковъ или раскольниковъ и др. Законодательная сила Богослужебныхъ уставовъ зависитъ отъ того, что важнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ не одно обрядовое значеніе, но и догматическое и каноническое. Такъ апостольское правило (50) осуждаетъ крестящихъ однимъ погруженіемъ, какъ нарушающихъ истинное значеніе таинства, совершаемаго во имя Св. Троицы. VI Всел. Соборъ (пр. 32) только объ одномъ частномъ установленіи въ Литургіи выражаетъ слѣдующую мысль: „аще кто творитъ не по преданному отъ Апостоловъ чину, и воду съ виномъ не соединяя, такимъ образомъ приноситъ пречистую жертву, да будетъ изверженъ, яко не совершенно таинство возвѣщающій и преданное нововведеніемъ повреждающій“ (См. также пр. 81). Св. Василій Великій такъ разсуждаетъ о связи исповѣданія вѣры съ церковнымъ славословіемъ (состоящимъ изъ словъ: слава Отцу и Сыну и Святому Духу): „самое исповѣданіе вѣры, дабы вѣровать во Отца и Сына и Святаго Духа, изъ какихъ писаній мы имѣемъ? Аще по благочестивому умозаключенію, имѣя долгъ тако вѣровати, како крестимся, изъ преданія о крещеніи производимъ исповѣданіе вѣры, подобное тайнодѣйственному изреченію въ крещеніи: то да позволятъ намъ, по такому же заключенію, и славословіе возсылати, подобное исповѣданію вѣры.“ (пр. 91).

и) Есть еще историческіе источники Церковнаго за-

конодательства, действовавшаго въ одно время въ Церкви и уже по самому составу своему теряющаго силу для других временъ; таковы древніе номоканоны (Іоанна схоластика и Фотія). Но объ этихъ именно номоканонахъ надобно замѣтить, что такъ какъ въ составѣ ихъ входятъ двѣ части, Церковныя постановленія изъ правилъ Апостольскихъ, Соборныхъ и Отеческихъ, и Церковно-гражданскія, выходившія отъ власти Государственной, то первая часть номоканоновъ сохраняетъ всегда общую силу Церковнаго права, а другая подлежитъ отмѣнѣ. Въ отношеніи къ этой послѣдней части мы и называемъ номоканоны историческими памятниками Церковнаго законодательства ([1]). Впрочемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не достаетъ новыхъ постановленій, могутъ быть указаны определенія и древнихъ номоканоновъ, если не въ качествѣ обязательныхъ законовъ, то а) какъ примѣры рѣшенія вопросовъ въ подобныхъ случаяхъ (Вас. прав. 1. 47. 91. Θеофила пр. 2 и пр.), и б) какъ характеристическія черты древняго законодательства, заслуживающія вниманіе и уваженіе по самому авторитету древности. Въ дѣлѣ законодательства много значитъ и одинъ авторитетъ времени. Такъ говоритъ св. Василій: „первое и въ нѣкоторыхъ дѣлахъ весьма важное, что имѣемъ предложить, есть соблюдаемый у насъ обычай, имѣющій силу закона, потому, что сіи постановленія преданы намъ отъ древнихъ мужей.“ (пр. 87). Или: „если будемъ указывать и на долговременность (нѣкоторыхъ постановленій), то не явимся ли право глаголющими? Ибо древнія постанов-

([1]) Сюда же надобно отнести извѣстный сборникъ законовъ (συνταγμα) Матθея Властаря, XIII в. и др.

ленія внушаютъ благоговѣніе, представляя въ своей древности, какъ бы въ нѣкоей сѣдинѣ, видъ досточтимый" (пр. 92) (1). Въ этомъ отношеніи особенно не могутъ терять своего значенія мѣстныя узаконенія Греческой Церкви (послѣ IX вѣка), изданныя по разнымъ вопросамъ патріаршими Синодами (2).

і) Въ случаѣ недостатка положительнаго закона, и обычай въ практикѣ можетъ имѣть силу закона: но не иначе, какъ 1) если этотъ обычай освященъ и древностію и преданіемъ св. Отцевъ; 2) если не противудѣйствуетъ основнымъ, положительнымъ законамъ Церкви, или точному смыслу и духу слова Божія; 3) если силу и дѣйствіе его утверждаетъ высшая власть въ Церкви своимъ правомъ, а не одно безотчетное употребленіе его въ жизни народной (Васил. Вел. 1. 4. 9. 21. 87. 91. 92) (3).

к) При недостаткѣ положительнаго закона на данный предметъ, можетъ имѣть мѣсто въ законодательствѣ и правильное умозаключеніе, какъ-то: аа) посредствомъ вывода нужнаго правила изъ точнаго смысла словъ

---

(1) Такъ было принято въ Греко-Римскомъ законодательствѣ: „*οἱ προγενεστεροι κανονες καὶ εἰς τυς μεταγενεστερυς ελκονται, ὡσαυτως δὲ καὶ αι προγενεστεραι πραξεις οικονομιαι καὶ εἰς τυς μεταγενεστερυς ελκονται και κρατυσιν, επι των ομοιων δηλονοτι προσωπων τε καὶ πραγματων». Leonis et Constant.* Eclogа tit. 3. § 7. ap. *Leunclavium* in jure græcorom cf *Basilic.* lib. 2. tit. 1. cap. 23. 36, 37.

(2) См. *συνταγμα των κανονων. Ραλλη καὶ ποτλη. Αθην.* 1852 Т. 1—6.

(3) *Cf. Photii* Nomocanon. tit. 1. cap. 3. «Ecclesiastica non scripta consuetudo tanquam lex servanda est.» ad hæc *Balsamon*: «Diuturna consuetudo tunc tanquam lex servatur, quamdo legi scriptae non adversatur. Et consuetudo novam legem non inducit, si alicui veteri legi repugnat: fieri enim potest, ut ex desuetudine quidem lege non utamur, non tamen contraria utamur. Et longa consuetudo propter aliquam utilitatem mutari potest, quando ea non fuerit confirmata et approbata in iudiciis, nec tanquam lex scripta vim et potestatem obtinuerit. Non est lex scripta, quae decernat, ut quae vult tonderi et a proprio marito sejungi, non confestim

Священнаго Писанія, могущихъ относиться къ дѣлу, или прямо, или по сходству предметовъ, или чрезъ заключеніе отъ общей истины къ частному, данному вопросу. Такъ говоритъ св. Василій: „подобаетъ съ точностію вникати въ дѣло и въ разумъ Писанія, который можно обрѣсти по заключенію" (пр. 18): и такимъ образомъ св. Василій составилъ нѣсколько своихъ правилъ. (См. его правила 9, 18, 20, 21, 41, 78, 87). Но, если можно составить умозаключенія на основаніи положительныхъ изреченій Священнаго Писанія: то не дозволяется умозаключать на основаніи того только, что умолчано въ Священномъ Писаніи. Ибо такимъ образомъ можно составлять ложныя умозаключенія, и умолчаніемъ Писанія оправдывать то, что само по себѣ не можетъ быть справедливо и позволительно. Такъ напр. св. Василій Великій говоритъ: „насъ вопрошали, есть ли въ Писаніи разрѣшеніе брать, по смерти жены, сестру ея? Мы сказали: нѣтъ, — что и безопасно для насъ и истинно. Но посредствомъ благовиднаго умоза-

---

tondeatur, sed in Monasterium abducatur et trimestri tempore probetur, num levi aliqua temeritate adducta tonderi petierit. Sed ex non scripta consuetudine saepe in judicio probata et confirmata cautum est, ne mulieri alias tonderi permittatur, quam si post tres menses interrogata, in bono hoc proposito perseveret. Et fuerunt haec quidem satis examinata in tribunali Imperatorio. Quare non scripta consuetudo tunc demum transilitur, aequitate exigente, id est justis causis propositis, quando non judiciaria disceptatione confirmata fuerit. Vidi enim etiam non scriptam consuetudinem, quae non sic confirmata fuerat, fuisse infirmatam. Cum enim mos esset, ut qui ex Laïcis sacerdotibus monachi facti fuerant et ad sacerdotum ministerium prius adscripti erant, etiam post vitam Monasticam in corporis ministeriorum catalogo permanerent, et una cum Laïcis Sacerdotibus versarentur, sanctissimus noster dominus Michaël longam hanc consuetudinem pro nihilo habuit, et statuit, ut ex Laïcis solum Sacerdotibus ministeria constarent, Monachi autem in suis monasteriis assiderent.»

ключенія установлять мнѣніе о томъ, что умолчано, значило бы законополагать, а не приводить слова закона. Иначе, хотящему дерзнуть, было бы позволено и при жизни жены—взять сестру ея. Писано, говорятъ, *жену къ сестрѣ ея да не поймеши*, — *еще живей сущей ей* (Лев. 18, 18). Отсюда явно, говорятъ, что позволительно взять сестру по смерти жены. Но—это лжеумствованіе; и умолчаніе закона не даетъ разрѣшенія сластолюбцамъ" (пр. 87). бб) Допускается также заключеніе отъ одного положительнаго правила къ другому, по сходству, близости, или однородству предметовъ. Такъ св. Григорій Нисскій, разсуждая о грѣхѣ любостяжанія, излагаетъ свое правило въ слѣдующемъ видѣ: „поелику наше мнѣніе не столько достойно вѣры, чтобы имѣло силу правила, то присовокупимъ къ нему сужденіе по правиламъ о вещахъ, безспорно возбраненныхъ" (пр. 6. сн. Вас. 11, 18, 24, 47, 91); вв) также допускаются правила, основанныя на одномъ умозаключеніи изъ самыхъ свойствъ даннаго предмета, или самыхъ обстоятельствъ дѣла. „Должно, говоритъ св. Василій, съ точностію вникать въ дѣло, по самому понятію о немъ могущее быть яснымъ" (пр. 18). „Нужно, говоритъ онъ же, принять въ помощь разсужденіе, хотя иногда въ самыхъ ясныхъ предметахъ у нѣкоторыхъ сильнѣе всякаго разсужденія бываетъ предубѣжденіе" (пр. 87). Такимъ образомъ составлены весьма многія изъ отеческихъ правилъ; особенно же образцы здравыхъ и строгихъ сужденій можно видѣть въ правилахъ св. Василія.

Церковное законодательство составляютъ разные роды и виды законовъ, смотря 1) по предметамъ, какихъ они касаются, 2) по внутреннему значенію и по про-

странству дѣйствія ихъ, 3) по формѣ, въ какой они составляются и издаются.

По предметамъ содержанія между церковными законами различаются: 1) законы вѣры, по преимуществу называемые *догматами*, 2) законы правительственные, или правила внутренняго церковнаго управленія, 3) законы внѣшняго благочинія, или правила поведенія священнослужителей и всѣхъ православныхъ христіанъ, какъ членовъ Церкви. Эти законы вообще суть законы Церкви *положительные*; ибо они положительно опредѣляютъ, чему и какъ христіане должны вѣровать, какъ вести себя, какъ все общество Церкви должно быть управляемо. Къ нимъ присоединяются: а) законы *охранительные*, ограждающіе ихъ силу и дѣйствіе и предупреждающіе нарушеніе ихъ, каковыми могутъ быть, по отношенію къ Церкви, и законы гражданскіе, имѣющіе цѣлію охраненіе православной вѣры, предупрежденіе преступленій противъ Церкви, и т. д.; б) законы *судные*, которыми открывается, преслѣдуется и наказывается нарушеніе церковныхъ законовъ положительныхъ. Въ Церкви этого рода законы извѣстны подъ особымъ именемъ *покаянныхъ правилъ* (canones poenitentiales), такъ какъ основу Церковнаго суда составляетъ покаяніе; общій же составъ этого рода законовъ, существующихъ въ Церкви для пресѣченія преступленій, составляетъ такъ называемый *Церковный судъ*, которымъ судятся не только собственно-духовныя преступленія, но и общественныя, требующія, по своему свойству, духовнаго очищенія совѣсти.

По внутреннему значенію своему Церковные законы вообще опредѣляютъ права Церкви и обязанности членовъ ея; но одни изъ нихъ опредѣляютъ это прямо и

непосредственно, другіе служатъ только средствами къ исполненію первыхъ, или установляютъ порядокъ ихъ дѣйствія. Первые — законы основные и коренные, послѣдніе — законы руководственные или распорядительные. Такъ наприм., законъ о совершеніи браковъ не иначе, какъ по благословенію Церкви и не въ родствѣ, плотскомъ или духовномъ, есть законъ коренный; а какой порядокъ соблюдать должно при совершеніи браковъ, какъ считать степени родства и т. д., — это относится къ законамъ руководительнымъ или распорядительнымъ.

По пространству дѣйствія Церковные законы раздѣляются на а) общіе, которые составляютъ общее основаніе Церковнаго управленія и разныхъ его частей, и принадлежатъ всей Церкви, и б) частные, которые относятся къ той или другой части управленія и опредѣляютъ подробности его. Первые имѣютъ видъ учрежденій, когда опредѣляютъ составъ и порядокъ самыхъ властей, лицъ и мѣстъ, дѣйствующихъ въ управленіи Церкви; таково, напр., учрежденіе въ Церкви Вселенской—іерархія, въ Церкви помѣстной—Синодъ. Частные законы существуютъ подъ видомъ уставовъ, которыми установляется порядокъ какой-либо отдѣльной части управленія, или изображается, какъ, на основаніи общихъ законовъ, правительственныя мѣста или служащія Церкви лица должны по извѣстнымъ предметамъ дѣйствовать, каковы напр., уставы Богослужебные, монастырскіе, духовно-училищные и пр.

Въ отношеніи къ формѣ церковные законы различнымъ образомъ составляются и издаются. Законы вѣры изначала издавались въ видѣ *символовъ*. Таковы символы: Апостольскій, Никейскій, дополненный на Собо-

рѣ Константинопольскомъ, Вселенскомъ II, подъ общимъ именемъ Никейско-Цареградскаго, Аѳанасіевъ и проч. Законы Церковнаго управленія, особенно общіе и основные, не всегда были вносимы въ письмена, но многіе сохранялись чрезъ преданіе въ самой практикѣ Церковной, какъ напр., учрежденіе и порядокъ самой церковной іерархіи; отдѣльныя же постановленія, по разнымъ частямъ Церковнаго управленія, изложены подъ именемъ *каноновъ*. Изъ нихъ правила Отцевъ иногда имѣютъ форму *посланій* отъ однихъ епископовъ къ другимъ, или окружныхъ посланій ко всѣмъ Христовымъ Церквамъ; иногда состоятъ изъ *отвѣтовъ* на предложенные вопросы, или *опредѣленій* частныхъ Соборовъ (патріаршихъ) Восточной Церкви (1). Эти посланія, отвѣты, опредѣленія въ Церковномъ правѣ носятъ общее названіе *каноническихъ*, такъ какъ содержатъ въ себѣ Церковныя правила (каноны), хотя не всегда и не всѣ имѣютъ одинаковую важность каноническую, т. е. важность одинаковую съ постановленіями Соборовъ Вселенскихъ или помѣстныхъ, первовѣковыхъ или древнеотеческихъ. Постановленія гражданской власти о предметахъ и дѣлахъ Церковныхъ, исходившія или непосредственно отъ нея, или посредствомъ духовныхъ властей, управляющихъ этими дѣлами, являлись въ древнія времена на Востокѣ въ формѣ и подъ именемъ *эдиктовъ*, *типовъ*, *новеллъ*, *буллъ* (2). Рѣшенія по текущимъ дѣламъ церковнаго управленія, исходящія непосредственно отъ духовнаго правительства, также отъ мѣстъ и лицъ, отдѣльными частями управляющихъ, имѣютъ

(1) Образцы всѣхъ этихъ формъ см. въ Славянской кормчей.
(2) Vide ap. *Leunclavium* lib. I — IV.

также форму *опредѣленій*, *предписаній*, *указовъ*: но всегда не иначе, какъ въ предѣлахъ полномочія, ограниченнаго для нихъ законами церковными и государственными, и въ томъ кругѣ дѣлъ, какой имъ опредѣленъ. Въ такихъ случаяхъ, на которые нѣтъ прямаго указанія въ законахъ, допускаются и *мнѣнія* отдѣльныхъ властей: эти мнѣнія и принимаются въ руководство на данные случаи; а при повтореніи подобныхъ случаевъ обращаются и въ постоянныя правила, послѣ несомнѣнныхъ опытовъ ихъ вѣрности и дѣйствительной пользы (1). При недостаткѣ на какой-либо предметъ положительныхъ Церковныхъ правилъ, церковное правительство нерѣдко обращалось и къ законамъ гражданскимъ, принимая ихъ въ соображеніе съ общими церковными (IV Всел. 17, 18. VI Всел. 34, 38. Карѳ. 115) (2).

Всѣ вообще законы Церкви, какъ основанные на Божественномъ полномочіи Церкви, данномъ ей отъ Іисуса Христа, какъ Божественное право въ себѣ выражающіе и составляющіе положительныя средства и руководства къ спасенію нашему, имѣютъ для насъ неоспоримую, обязательную силу (Марк. 16, 16. Лук. 10, 16).

(1) Въ юридическихъ памятникахъ Восточной Церкви извѣстны многія, такъ называемыя *μελεται κανονικαι*, *meditata canonica*. Vid. ap. Leunclavium. Рѣшеніе частнаго дѣла само по себѣ не имѣетъ еще силы общаго закона: только изъ многихъ случаевъ и рѣшеній извлекается общій законъ. Такимъ образомъ на Соборахъ многія правила составлены по поводу частныхъ случаевъ, такихъ, которые при многократномъ повтореніи въ Церкви требовали общихъ правилъ. *Leonis et Constant*. Eclog. tit. 1 § 2, 4. „Leges constitui oportet ex iis, quae ut plurimum, non quae perraro accidunt, neque ex his, quae in uno aliquo casu accidere possunt; praetereunt enim legislatores, quod semel aut bis tantum existit.—Jura non de rebus singulis, sed generaliter constituuntur“. Cf. Digest. Lib. 1. tit. 3. cap. 12.

(2) *Photii* Nomocan. tit. 1 cap. 28. Schol. Balsamon: „ubi nihil definitur a canonibus, debemus sequi leges et ex similibus decidere“.

Соединенная съ ними духовная, священнотаинственная власть *вязать и рѣшить* (Матѳ. 18, 18) утверждаетъ всѣ наши обязательства по отношенію къ Церкви и вмѣняетъ намъ, судитъ въ насъ всякое нарушеніе ея уставовъ. Посему, кто не хочетъ повиноваться законамъ Церкви, тотъ, *отвергая тѣмъ совѣтъ Божій о своемъ спасеніи* (Лук. 7, 30), не можетъ и принадлежать Церкви, а отлучается отъ нея, *какъ язычникъ и мытарь*. Таково слово самого Спасителя (Матѳ. 18, 17).

Но обязательная сила церковныхъ законовъ имѣетъ свои степени, которыя различаются—смотря а) по предметамъ содержанія и внутреннему значенію ихъ, б) по лицамъ, которыя обязываются законами и в) по мѣрѣ дѣйствія законовъ.

Разсматривая церковные законы по предметамъ ихъ содержанія, находимъ, что 1) законы вѣры или догматы Церкви, основанные на ученіи Христовомъ и Апостольскомъ, раскрытые и утвержденные св. Вселенскими Соборами и св. Отцами, имѣютъ безусловно-обязательную силу для всѣхъ мѣстъ, временъ и членовъ Христовой Церкви; они не могутъ быть ни отмѣнены, ни измѣнены, ни замѣнены другими (II Всел. 1. III Всел. 7. VI Всел. 1. VII Всел. 1). Кто не признаетъ этихъ догматовъ, тотъ не православный и подлежитъ отлученію церковному, какъ еретикъ. (См. тѣ же правила) (1).

2) По управленію церковному законы, какъ мы ви-

(1) См. чинопослѣдованіе православной Церкви при обращеніи къ ней иновѣрцевъ, послѣдованіе въ недѣлю Православія, молитвенное обѣщаніе Архіереевъ при рукоположеніи и другіе Церковные акты, которыми утверждается ненарушимое и безусловное сохраненіе православныхъ догматовъ вѣры.

дѣли, вообще раздѣляются на два рода: законы внутренняго или духовнаго управленія Церкви, куда относятся правила о совершеніи и употребленіи таинствъ и вообще Богослуженія, основанія церковнаго священноначалія, права духовной власти и дѣла совѣсти; — и законы внѣшняго церковнаго управленія или административнаго благочинія. Сообразно этому раздѣленію законовъ, раздѣляется и обязательная сила ихъ: первые изъ нихъ, какъ законы общіе и основные въ Церкви, имѣютъ и силу всеобщую и безусловную (Матѳ. 18, 17 — 19). Послѣдніе, заключая въ себѣ большею частію правила распорядительныя или *формы* управленія, дѣйствуютъ въ предѣлахъ времени и мѣста, и когда не измѣняются законною властію, то имѣютъ свою обязательную силу для всѣхъ членовъ Церкви; нарушеніе ихъ было бы преступленіемъ противъ церковнаго порядка. Но законная власть, измѣняя этотъ порядокъ, измѣняетъ въ отношеніи къ нему и степени обязательства лицъ, ему подчиненныхъ. (См. напр. I Всел. 4, 6. Сард. 6 — съ IV Всел. 28; также Антіох. 14, 15. III Всел. 1. сн. съ IV Всел. 9 и пр.).

3) Такъ какъ въ благоустроеніи Церкви можетъ дѣйствовать и гражданская православная власть съ ея правами и законами, то и гражданскіе законы, Церкви касающіеся и благу ея содѣйствующіе, имѣютъ полную обязательную силу для членовъ Церкви, которые суть вмѣстѣ члены общества и подданные государства, въ которомъ находится Церковь. Нарушеніе этихъ законовъ само по себѣ есть преступленіе противъ общественнаго порядка, вредитъ благосостоянію Церкви и осуждается словомъ Божіимъ. (1 Тим. 2, 1 — 3. VI Всел. 3. Карѳ. 69—74).

4) Что касается до нравственныхъ церковныхъ законовъ, или правилъ благочестія и благоповеденія въ Церкви, то обязательная сила этихъ правилъ заключается въ самой сущности ихъ. Ибо быть, или называться членомъ Церкви, и не жить по правиламъ Церкви, значитъ противорѣчить себѣ и своему званію. „Если кто, говоритъ св. Василій Великій, принявъ имя христіанина, оскорбляетъ Христа, такому нѣтъ никакой пользы отъ наименованія“ (пр. 45). Такихъ недостойныхъ членовъ Церковь имѣетъ право не терпѣть въ себѣ, по крайней мѣрѣ не оставлять безъ своего суда и отлученія (I Всел. пр. 12. VII Всел. пр. 5. Св. Вас. В. пр. 84, 85). Но какъ никто не можетъ быть обязанъ къ тому, чего сдѣлать не имѣетъ возможности, физической или нравственной, то Церковь, полагая общія строгія правила для всѣхъ своихъ членовъ, допускаетъ снисхожденіе къ лицамъ, неспособнымъ исполнять этихъ правилъ и даетъ особенныя правила на чрезвычайные случаи, когда общія правила не могутъ быть соблюдаемы. Такъ для младенцевъ, больныхъ, находящихся въ опасности смерти, Церковь допускаетъ исключеніе въ правилахъ о крещеніи, о покаяніи, о причащеніи Св. Таинъ, о постахъ и пр. (I Всел. 13, Ап. 69. Карѳ. 54 и пр.). Таковы еще правила для самихъ священнослужителей на тѣ случаи, когда настоитъ нужда прерывать священнодѣйствіе (1). Также въ употребленіи своего духовнаго суда и наказаній (эпитимій), Церковь наблюдаетъ то, когда надобно исполнять положенныя правила во всей строгости, когда можно ослабить строгость ихъ, когда можно и совсѣмъ

(1) См. эти правила при Іерейскомъ служебникѣ.

отлагать ихъ. И на это церковная власть уполномочена тѣми самыми Соборами и св. Отцами, которые излагали для христіанъ свои строгія правила. (I Всел. 2, 12. VI Всел. 102. Анкир. 5. Карө. 52. Вас. В. 3, 74. Григ. Нисск. 4, 5, 8).

5) Хотя есть предметы, которые представляются безразличными по своему значенію для нравственности: но Церковь, въ своемъ попеченіи о благоустроеніи всей жизни нашей по идеѣ христіанской чистоты и духовнаго совершенства, для всѣхъ насъ необходимаго, и эти предметы привела въ порядокъ для употребленія христіанъ, давъ для этого постоянныя правила; какъ напр., въ разсужденіи пищи—учредивъ извѣстныя времена поста и самый образъ пощенія. Поэтому и правила Церкви о предметахъ, по видимому, безразличныхъ имѣютъ для православныхъ сыновъ Церкви все свое нравственно-обязательное значеніе, изъ котораго выходитъ и юридическая сила ихъ (Апост. пр. 63, 64, 69. VI Всел. 55, 56, 67, 89).

По отношенію къ членамъ Церкви, обязательная сила Церковныхъ законовъ вообще простирается: а) на всѣхъ вѣрующихъ, всѣхъ званій, состояній и возрастовъ; Церковь даже требуетъ, чтобы надъ самыми младенцами исполненіе правилъ было наблюдаемо родителями и воспитателями ихъ, разумѣется, тѣхъ правилъ, которыя по возрасту ихъ могутъ быть исполнены; а неотмѣнно требуетъ для нихъ исполненія основныхъ правилъ христіанства, какъ-то: крещенія, мѵропомазанія, причащенія (VI Всел. 84. Карө. 124) (1); такъ какъ б) въ Церкви нѣтъ власти, которая была бы вы-

(1) См. номоканонъ при Церковномъ требникѣ: ст. 68,166.

ше законовъ Церкви, то законы ея обязываютъ всею строгостію своихъ требованій самую власть Церковную къ неослабному охраненію и неуклонному исполненію ихъ по всѣмъ частямъ Церковнаго управленія. Такимъ образомъ власть Церковныхъ правителей не можетъ простираться — ни на ученіе Церкви, котораго они не должны ни измѣнять въ чемъ либо, ни замѣнять своимъ произвольнымъ ученіемъ, а проповѣдывать его должны такъ, какъ принято и утверждено оно всею Церковію (III Всел. 7. VI Всел. 1.19. VI Всел. 1.),— ни на правила и постановленія Церкви, особенно общія и основныя, которыхъ также никакая власть не имѣетъ права нарушить, или произвольно измѣнить, или вмѣсто ихъ вводить новыя правила, имъ противныя (IV Всел. 1. VI Всел. 2.) (1), — ни на уставы Богослуженія, которыхъ также никто произвольно измѣнить не можетъ (VI Всел. пр. 29. 32. 81.); в) далѣе, какъ по дѣламъ духовнымъ, законамъ и суду Церкви подлежатъ и свѣтскія лица, принадлежащія къ тому обществу, гдѣ Церковь существуетъ, такъ и начальства гражданскія не только не имѣютъ независимой власти въ Церкви, но и не входятъ непосредственно въ дѣла собственно Церковныя, а дѣйствуютъ, въ случаѣ необходимости, чрезъ начальства духовныя (VII Всел. 3. 6. IV Всел. 9. Карѳ. 15. 59. 117. сн. Антіох. 5. 11. 12. Сардик. 8. 9. Двукр. 9.). г) Пастыри Церкви имѣютъ общую обязанность охранять ея законы, предупреждать и пресѣкать ихъ нарушеніе, и для этого имѣютъ свои права въ отношеніи къ пасомымъ: право ученія, обли-

(1) Сн. клятвенное обѣщаніе Архіереевъ при рукоположеніи ихъ въ епископскій санъ.

ченія, запрещенія; пасомые съ своей стороны обязываются къ послушанію пастырямъ во всемъ, что касается Церкви и жизни Церковной; (1 Петр. 5,5. Евр. 13, 17.); д) Иновѣрцы, хотя остаются внѣ Церкви, и потому, не пользуясь правами членовъ ея, не подлежатъ прямо и законамъ ея (1 Кор. 5, 12. 13.), но принадлежа къ тому обществу, гдѣ Церковь имѣетъ не только свое духовное бытіе, но и свою внѣшнюю жизнь и дѣятельность, должны обязываться и нравственно — по началамъ совѣсти, и юридически—по законамъ этого общества, не дѣлать никакого помѣшательства Церкви, въ ея ученіи, обрядахъ, правилахъ, въ дѣятельности, не нарушать ничѣмъ правъ ея и не возмущать мира ея. (Карө. Соб. пр. 104 и др.).

Предѣлъ дѣйствія Церковныхъ законовъ, или точнѣе— предѣлъ времени, до котораго обязательная сила ихъ простирается и которымъ оканчивается, можетъ зависѣть а) отъ власти законодательной, б) отъ свойства самыхъ законовъ, в) отъ разныхъ обстоятельствъ, дѣйствіе ихъ сопровождающихъ.

Такимъ образомъ законъ теряетъ свою силу, когда 1) высшею властію, или по крайней мѣрѣ равною (но не меньшею) той, которая положила этотъ законъ, онъ отмѣняется по уважительнымъ причинамъ. Такъ Соборы Вселенскіе отмѣняли постановленія прежнихъ Вселенскихъ (напр. VI Всел. 12. сн. Апост. 5. или VI Всел. 8. и VII Всел. 6. сн. 1 Всел. 5. IV Всел. 19 и др.), или помѣстныхъ Соборовъ (VI Всел. пр. 16. сн. Карө. Соборъ 15 или VI Всел. 29. сн. Карө. 48. также VI Всел. пр. 3. 13. и др.).

2) Когда сама законодательная власть въ своемъ постановленіи выражаетъ предѣлъ времени, или условія

для дѣйствія законовъ, и когда эти условія минуютъ (VI Всел. 3. Васил. В. 47. Карѳ. 115. Григор. Неокес. 8).

3) Когда самые предметы, на которые даны были законы, выходятъ, по обстоятельствамъ, изъ подъ власти законодательной, и слѣдовательно изъ подъ вліянія постановленныхъ ею правилъ. Такъ напр. въ первые вѣка, когда Церковь управлялась отдѣльно отъ гражданскаго (языческаго) общества, и управляла не только духовною, религіозною жизнію христіанъ, но и общественною (1 Кор. 6,1 слѣд.): тогда и преступленія не только духовныя, но и общественныя Церковь судила по своимъ правиламъ духовнымъ,—и судъ ея, сопровождаемый духовными наказаніями (отлученіемъ), имѣлъ общественное значеніе (напр. отлученіе отъ Церкви было вмѣстѣ исключеніемъ изъ внѣшняго общества христіанъ (Апост. прав. 12. 13. 66. 67. 84). Но когда Церковь соединилась въ одно общество съ государствомъ, то общественныя дѣла христіанъ всѣ,—даже и нравственныя преступленія большею частію,—перешли къ суду гражданскому, который сталъ судить ихъ по гражданскимъ законамъ; соотвѣтственно сему, правила Церковнаго суда отнесены уже только къ совѣсти людей, а гражданской жизни уже не стали касаться. Поэтому и сама Церковь въ дѣлахъ общественныхъ, касающихся членовъ ея, начала обращаться къ гражданскимъ законамъ, тамъ, гдѣ прежде она дѣйствовала исключительно по своимъ правиламъ (Карѳ. 70. 73. 74. 93. 109. 115).

4) Когда правило, основанное на обычаѣ или практикѣ извѣстнаго времени, не удовлетворяетъ усилившимся потребностямъ другаго времени, которыя по своей важности и неизбѣжности требуютъ новаго правила;

напр. въ первые вѣка Христіанской Церкви допускалось, что предстоятели Церквей (епископы) жили въ супружествѣ, и тогда, сообразно этому обычаю, было положено правило (Ап. пр. 5.); но когда, съ теченіемъ времени, открывшіяся важныя нужды и обстоятельства Церкви потребовали строжайшихъ постановленій и уже усилился противный обычай,—что епископы избирались наибольшею частію изъ безбрачныхъ; то VI Вселенскій Соборъ, утвердивъ этотъ обычай, обратилъ въ постоянное для Церкви правило, чтобы епископы всегда были внѣ супружества. (VI Всел. пр. 12. 48).

5) Когда перемѣняются взаимныя отношенія лицъ, обязанныхъ взаимно извѣстными законами, или когда, съ перемѣною обстоятельствъ, измѣняется кругъ дѣйствій и обязанностей ихъ: тогда сообразно тому измѣняется и обязательная сила прежнихъ законовъ. Такъ при нынѣшнемъ значеніи митрополитовъ въ Россіи, не имѣютъ приложенія древнія правила объ отношеніи къ митрополитамъ епархіальныхъ епископовъ. (Ап. пр. 34. Антіох. 9. 19. 1 Всел. 4. и пр.).

6) Вообще, когда перемѣняются обстоятельства времени, мѣста, и болѣе или менѣе измѣняется все состояніе Церкви, тогда естественно измѣняется болѣе или менѣе обязательная сила тѣхъ законовъ, которые въ своемъ происхожденіи и въ силѣ связаны были съ прежними обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи на одни и тѣ же (частные) предметы могутъ встрѣчаться разныя правила, какъ дѣйствительно и видимъ въ самой древности (напр. Агкир. 6. Петра Ал. 3. сн. Вас. 73; или Агкир. 10. сн. Вас. 13; Ап. 5. сн. VI Всел. 12; также Ап. 37. сн. VI Всел. 8.) (1). Но перемѣна об-

(1) Въ такихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто общее положеніе права и Цер-

стоятельствъ или измѣненіе въ состояніи самой Церкви предполагается здѣсь независимо отъ перемѣнчивыхъ идей и стремленій людскихъ, отъ духа времени и міра, даже отъ одной воли Церковной власти: такія начала были бы слишкомъ недостаточны и неуважительны для перемѣнъ въ церковныхъ законахъ. Церковь не можетъ и не должна быть зависима въ своихъ законахъ отъ такихъ шаткихъ началъ. Требовать перемѣны въ ея правилахъ могутъ только такія обстоятельства и измѣненія въ состояніи ея, которыя не отъ-внѣ, а изъ внутри ея возникаютъ, изъ ея духовныхъ потребностей, изъ ея собственной, развивающейся въ мірѣ жизни, изъ разнообразящихся по разнымъ мѣстамъ и временамъ условій ея внутренняго преспѣянія и внѣшняго благосостоянія.

Само собою разумѣется, что ограниченіе или уничтоженіе обязательной силы закона только тогда можетъ быть дѣйствительно, когда дѣлается на правильныхъ основаніяхъ и законнымъ порядкомъ, т. е. а) когда опредѣляется законною властію, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, дѣйствительно и необходимо требующихъ отмѣны закона; б) когда прежній законъ замѣняется новымъ, лучшимъ и совершеннѣйшимъ закономъ, дѣйствительно удовлетворяющимъ нуждѣ Церкви; в) когда это дѣлается въ предѣлахъ, указуемыхъ общими законами и правомъ Церкви: ибо есть законы Церкви, неизмѣнные ни по какимъ причинамъ и обстоятельствамъ, какъ выше было изъяснено; и г) когда новыя

ковнаго и гражданскаго: „constitutiones tempore posteriores priores sunt his, quae ipsis praecesserunt". Digest. lib. 1 tit. 3. cap. 4. Здѣсь надобно только припомнить, что выше сказано при разсмотрѣніи разныхъ источниковъ Церковнаго законодательства.

постановленія не противорѣчатъ этимъ основнымъ законамъ и истинному духу Церкви. Обычай, противный закону, усилившійся отъ постояннаго неисполненія закона (1), можетъ иногда ограничивать силу закона въ практикѣ, именно: когда а) законъ, по обстоятельствамъ, неудобоисполнимъ, и когда б) невзысканіе по закону допускается изъ уважительнаго снисхожденія къ человѣку (2). Но этимъ обычай еще не уничтожаетъ вполнѣ закона. „Ибо, говорятъ св. Отцы, ничто вкравшееся вопреки закону и порядку, не можетъ восхищать себѣ преимущества дѣлъ, произведенныхъ согласно съ правилами". (Двукрат. Соб. 7.) (3). Обычай и вовсе не освобождаетъ отъ силы закона, когда и законъ самъ по себѣ удобоисполнимъ и не исполняется только по нерадѣнію или своеволію людей. (Вас. 89.) (4).

---

(1) Въ древнемъ правѣ это называлось: ἀχρησις, desuetudo. *Basil.* lib, 2. tit. 1. cap. 41. *Photii* Nomocanon. tit. 1. cap. 3. Schol. Balsamon: „Quemadmodum lex vel scripto, vel sine scripto fertur, ita etiam ejus abrogatio fit vel lege scripta, vel non scripta, id est desuetudine et non utendo».

(2) Это можно приложить напр. къ древнимъ правиламъ покаянія, которыя по времени сдѣлались во многомъ неудобоисполнимы и ограничиваются въ практикѣ, такъ, что это ограниченіе уже обратилось въ обычай. Сами св. Отцы допускали нѣкоторую силу обычая въ употребленіи этихъ правилъ. (VI Всел. 102. Вас. 3. Григор. Нисс. 6. 8).

(3) *Photii* Nomocanon. tit. 1. cap. 3. Schol *Balsamon*: „consuetudo novam legem non inducit, si alicui veteri legi repugnat; fieri enim potest, ut ex desuetudine quidem lege non utamur, non tamen contraria utamur." Item: «leges quidem statui scriptis et sine scriptis possunt; similiter etiam abrogori; et introductam quidem legem, per desuetudinem, ex non scripta consuetudine procedentem, ut quae subjectis gravis esset, propter benignitatem sublatam esse. Per consuetudinem autem, seu legem non scriptam, abrogari legem, non exolevisse, quod benignae legi adversetur."

(4) *Basilic.* 2. tit. 1. cap. 47. 51. „Quod non ratione introductum est, sed errore et consuetudine, obtineri non debet. Consuetudinis ususque auctoritas non in tantum valet, ut et rationem et legem vincat».

НОВѢЙШІЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ЗАЩИТУ ХРИСТІАНСТВА.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(„*Essai Historique sur la Société Civile dans le Monde Romaine et sur sa Transformation par le Christianisme*“; *par C. Schmidt. Strasburg: 1863*).

Французскій матеріялизмъ прошлаго вѣка вновь ожилъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ Германіи и произвелъ демонстрацію противъ христіанства, доказывая, что по изслѣдованіямъ точныхъ наукъ христіанство оказывается миѳомъ. Результатъ демонстраціи былъ тотъ, что людей истинно ученыхъ она побудила обратить вниманіе на дѣло и въ концѣ концовъ оказалось, что предполагаемая враждебность точныхъ наукъ христіанству совершенная басня.

Позже англійскій деизмъ подобнымъ же образомъ вновь ожилъ въ Англіи—на мѣстѣ своего рожденія: стали обнаруживаться проявленія скептицизма и невѣрія и тоже—въ силу будто бы *научныхъ* изслѣдованій. И эти сочиненія на прямой дорогѣ къ тому же концу, какой постигъ скептическія творенія нѣмцевъ. Эссеисты, въ статьяхъ которыхъ можно встрѣтить всѣ оттѣнки невѣрія и всѣ формы софистики, отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ тонкихъ, разбудили англійскій умъ, который слишкомъ долго уже почивалъ на твореніяхъ апологетовъ христіанства прежнихъ поколѣній, и вызвали въ

немъ ту энергію, съ какою онъ трудится теперь за дѣло вѣры. Внезапное пробужденіе скептицизма въ Англіи показало, въ какомъ застоѣ въ послѣднее время находилась тамъ богословская ученость. Что лица, обладающія такими удобствами для глубокихъ изслѣдованій—профессоры англійскихъ университетовъ, получающіе огромное жалованье, и англійскіе прелаты, имѣющіе непомѣрное содержаніе, допустили англійскую Церковь дойти до такой несостоятельности въ богословской учености, — это обстоятельство давно уже составляло предметъ сожалѣнія англичанъ, но особенно оно обратило на себя вниманіе въ послѣднее время. Сожалѣніе это постоянно высказывалось въ многочисленныхъ отвѣтахъ на „*Essays and Reviews*". Еще важнѣе то явленіе, что англійскіе ученые возвращаются къ трудолюбію прежнихъ защитниковъ христіанства и уже явилось нѣсколько серьезныхъ трудовъ въ этомъ родѣ, каковы напр. сочиненія Елликотта и Весткотта.

Сочиненіе, выставленное нами въ заглавіи настоящей статьи, заслуживаетъ особеннаго вниманія;—этотъ глубокій, оригинальный трактатъ историческимъ путемъ изслѣдуетъ то великое вліяніе, какое имѣло на древній Римскій міръ введеніе христіанства.

Голые отвѣты на частныя возраженія противъ христіанства, хотя часто и они необходимы по временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, составляютъ по причинѣ недостатка единства, утомительныхъ подробностей и чисто отрицательнаго характера, самый неудовлетворительный изъ всѣхъ разнообразныхъ видовъ защищенія христіанства. Съ другой стороны систематическія сочиненія объ истинности христіанства страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что они принимаютъ на себя больше, чѣмъ

сколько могутъ сдѣлать, — именно берутъ задачу представить всѣ доказательства, между тѣмъ какъ эти доказательства по самому существу собирательны и неисчерпаемы. Даже если бы была возможность какому нибудь обширному уму обнять всѣ доказательства и дать имъ приличное мѣсто въ цѣлой системѣ, и тогда исполненіе этой задачи оказалось бы безконечнымъ, какъ безконечна всемірная исторія, постоянно требующая новыхъ дополненій.

Неокончаніе Лиліенталемъ своего сочиненія „о доказательствахъ христіанства", прервавшагося на 16-мъ томѣ, составляетъ, поэтому, явленіе совершенно естественное; и если бы продолжатель этого ученаго и прекраснаго труда вздумалъ докончить его, онъ нашелся бы вынужденнымъ или также не окончить его или опустить многое, на что другой послѣ смотрѣлъ бы какъ на существенно относящееся къ предмету. Не унижая другихъ трудовъ, которые также имѣютъ свою цѣнность, мы можемъ безопасно утверждать, что сочиненія объ этомъ предметѣ — тѣ именно имѣютъ постоянную цѣнность, которыя, подобно Analogy Бутлера, Horae Paulinae Палея, Sinlessness of Christ — Ульмана, Introduction to the Study of the Gospels — Весткотта и поименованному въ заглавіи нашей статьи сочиненію Шмидта, берутъ одну извѣстную сторону апологетики христіанской и исчерпываютъ ее до конца. Одинъ ученый не больше способенъ изобразить христіанство во всѣхъ его апологетическихъ сторонахъ, чѣмъ одинъ поэтъ — природу во всѣхъ ея поэтическихъ красотахъ. — Нѣкоторыя изслѣдованія Ульрици въ энциклопедіи Герцога о христіанскомъ искусствѣ даютъ знать, какой прекрасный аргументъ можетъ быть извлеченъ въ пользу хри-

стіанства, если даже разсматривать его единственно съ этой точки зрѣнія. Другой не менѣе сильный аргументъ можетъ быть извлеченъ изъ исторіи плановъ воспитанія безъ христіанства и съ элементомъ христіанскимъ, какъ эти проекты оказались на опытѣ въ различныя времена и въ различныхъ странахъ; изъ этого окажется, что не только общество не можетъ быть безопасно безъ христіанства, но и правительства безъ него не могутъ достигнуть сколько нибудь высокой степени совершенства и благотворности. Можно совершенно историческимъ путемъ изслѣдовать, возможенъ ли непрерывный прогрессъ человѣчества безъ путеводительства Христа, Бога и совершеннѣйшаго человѣка. Легко доказать, что никакая біографія Христа никогда не будетъ психологически правдоподобною, или исторически состоятельною во всѣхъ своихъ частяхъ, если у описываемаго лица будетъ отнятъ характеръ чудесности и исторія полная чудесъ. Громадный недостатокъ всѣхъ скептическихъ сужденій о религіи—въ томъ, что онѣ оказываются не способными сколько нибудь сносно — исторически объяснить происхожденіе и успѣхъ христіанства. Попытки Штрауса и Ренана—замѣчательно неудачны,—въ этомъ сознаются даже люди, сочувствующіе имъ. По разборѣ всѣхъ подробностей дѣла различными учеными, разсматривавшими его съ разныхъ, иногда даже съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, въ концѣ оказывается, что всѣ факты, относящіеся къ христіанству, гораздо больше гармонируютъ съ историческою теоріею христіанства, чѣмъ съ миѳическою или раціоналистическою, и что первая теорія представляетъ болѣе широкія и твердыя основанія, на которыхъ общественный умъ можетъ остановиться относительно своихъ религіозныхъ убѣжденій.

Въ видахъ сообщить что нибудь нашей отечественной литературѣ въ этомъ направленіи, мы намѣрены теперь познакомить читателей съ нѣкоторыми мыслями и выводами Шмидта, не слѣдуя впрочемъ строго тому порядку, въ какомъ они изложены у автора.

Начнемъ съ нравственной стороны язычества. Существенный его недостатокъ въ томъ, что оно не признавало достоинства и значенія человѣческой личности, что оно не смотрѣло на человѣка, какъ на существо, созданное по образу Творца. Слѣдствія этого основнаго заблужденія отразились на всѣхъ учрежденіяхъ языческаго общества. Недѣлимое, какъ недѣлимое, не имѣло никакой особенной важности, никакой особенной цѣны. Оно бралось въ расчетъ только въ качествѣ члена государства. Общество, какъ цѣлое, значило все; его части, въ отдѣльности отъ цѣлаго, были ничто. Государство имѣло всѣ права, отдѣльное лице, какъ лице, ни одного. Обязанностію послѣдняго было повиноваться законамъ государства, какихъ бы жертвъ эти законы ни требовали. Государство захватываетъ и поглощаетъ все. Оно знаетъ индивидума, только какъ гражданина. Оно не знаетъ, оно презираетъ и попираетъ человѣка, если онъ не гражданинъ. Нравственность язычества существенно государственная или политическая. Главныя добродѣтели-добродѣтели государственныя, — такія, какія необходимы гражданину. Такимъ образомъ человѣкъ становился чисто τὸ πολιτικὸν ζῶον—гражданскимъ животнымъ. Эта идея проходитъ чрезъ всю греческую и римскую жизнь, и служила источникомъ добродѣтелей въ самые лучшіе дни процвѣтанія классицизма. Неразрывный и всецѣлый союзъ личности индивидума, какъ граж-

данина, съ государствомъ было основою и источникомъ величія древняго человѣка.

Но каковъ былъ составъ языческаго государства? Обнимало ли оно всѣхъ? Многіе ли обладали преимуществами гражданства? Очень не многіе. Преимущества гражданства принадлежали только туземнымъ обитателямъ и между ними ограничивались извѣстными классами. Мудрѣйшіе люди древности утверждаютъ, что всѣ блага гражданства принадлежатъ только грекамъ, римлянамъ, гражданамъ отечества; всѣ остальные—варвары, иностранцы, ниже ихъ и наравнѣ съ рабами. Они рождены, чтобы повиноваться, а не повелѣвать, и совершенно праведно покорять ихъ и продавать, какъ рабовъ.

Блага гражданства не принадлежали непремѣнно каждому греку и каждому римлянину. Въ Греціи и Римѣ значеніе человѣка опредѣлялось не по его внутренней природѣ и не по общему съ другими людьми происхожденію, а по внѣшнимъ и случайнымъ обстоятельствамъ, именно по случайному положенію его въ государствѣ. Цѣль существованія государства—счастіе лицъ, составляющихъ его. Это счастіе было наградою за гражданскія и общественныя добродѣтели. Но по понятіямъ древнихъ упражнять и воспитывать въ себѣ такія добродѣтели могли только лица, „имѣющія досугъ“. Граждане не должны быть очень заняты; они должны быть свободны отъ заботъ трудиться для пропитанія себя, чтобы могли тѣмъ съ большею свободою служить государству. Это требуетъ необходимо богатства, которое и было необходимымъ условіемъ древняго гражданства. Только богатый есть истинный человѣкъ и гражданинъ и онъ только пользуется благосклонностію государства.

Остальные въ существѣ дѣла не граждане и во всякомъ случаѣ лица не свободныя.

Трудъ, составляя препятствіе для общественной службы, естественно, трактовался, какъ нѣчто унижающее— рабское. Онъ не оставляетъ времени для умственнаго образованія и для заботъ о дѣлахъ государства. Политическая и военная служба принадлежала независимымъ гражданамъ: трудъ падалъ на долю рабовъ. Въ болѣе древнія времена земледѣліе еще уважалось; но и оно впослѣдствіи подпало презрѣнію, одинаково со всякимъ трудомъ, имѣвшимъ цѣлію удовлетвореніе прямымъ потребностямъ жизни. Изъ этого одного уже легко можно составить себѣ понятіе о состояніи тѣхъ, которые, не бывъ рабами, не были однакоже достаточно богаты для того, чтобы жить безъ труда. То вѣрно, что они пользовались нѣкоторыми правами гражданъ, но отъ нихъ многія другія права были отняты. Законы Солона исключали отъ публичной службы торговцевъ и ремесленниковъ. Въ Римѣ только патриціи могли достигать высшихъ государственныхъ должностей.—Сами философы не возвышались въ своихъ умозрѣніяхъ надъ практикою правительствъ. Сократъ считалъ совершенно законнымъ съ презрѣніемъ смотрѣть на тѣхъ, которыхъ занятія не позволяли имъ жить для своихъ друзей и для республики. Платонъ утверждалъ, что правители и воины самыя почетныя касты, долженствующія жить на счетъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, для которыхъ онъ едва отводитъ мѣсто въ своей республикѣ. Купцовъ онъ ставитъ еще ниже. Аристотель говоритъ, что есть занятія, въ которыхъ свободно—рожденный человѣкъ не можетъ участвовать, не унижая себя, именно тѣ занятія, которыя требуютъ физическаго напряженія и для

которыхъ природа предназначила особый классъ людей. Къ этому классу принадлежатъ всѣ, находящіеся у насъ въ подчиненіи, чтобы совершать за насъ трудъ, подъ именемъ рабовъ или наемныхъ работниковъ. Государство собственно составляютъ правители и воины. Земледѣльцы и ремесленники конечно необходимы; но они не должны участвовать въ дѣлахъ государства,—не заслуживаютъ наименованія гражданъ и неспособны на благородныя дѣла, такъ какъ они народъ продажный и потому неспособный къ добродѣтели. Между ними и рабами одно только номинальное различіе.

Съ такимъ же точно презрѣніемъ римлянинъ смотрѣлъ на трудъ. Цицеронъ ничего не находилъ безсмысленнѣе, какъ уважать коллективно тѣхъ, которыхъ мы презираемъ порознь. Рабамъ и вольноотпущеннымъ граждане должны предоставить всѣ выгодныя занятія торговлей и промыслами, потому что тотъ не свободный человѣкъ, который зависитъ отъ жалованья или за свой трудъ получаетъ плату. Граждане должны отказываться отъ жалованья, какъ отъ низкой прибыли, какъ отъ „*цѣны рабовъ*", которая повергаетъ того, кто получаетъ ее, въ зависимость отъ дающаго. Свободный гражданинъ не долженъ ничего дѣлать за плату, не долженъ даже исполнять за плату умственныхъ работъ учителя. Болѣе свободныя искуства, какъ напримѣръ занятіе медициной, философіей, архитектурой и торговлей, — но торговлей оптовой или въ большихъ размѣрахъ, — составляютъ вещи почтенныя и не-недостойны гражданъ.

Въ древности всегда на бѣдность смотрѣли, какъ на одно изъ золъ, котораго всѣми силами слѣдуетъ избѣгать. Она преслѣдовалась такимъ презрѣніемъ, что только умы самаго низшаго разряда считались способными

переносить ее. Бѣдный считался неспособнымъ къ мудрости и добродѣтели. Словамъ и клятвамъ бѣдняка не вѣрили. Жениться бѣдняку считали дѣломъ неразумнымъ; и если женщина выходила за мужъ безъ приданаго, ея дѣти едва считались законными. Поэты и философы, правда, говорятъ о презрѣніи къ богатству; но это ограничивалось міромъ фантазіи или, по крайней мѣрѣ, не многими исключительными случаями. Сообразно съ такими общераспространенными воззрѣніями бѣдняки предоставлялись всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ ихъ жалкой участи. Привыкши смотрѣть на себя, какъ на человѣка добродѣтельнаго,—уже въ силу своего привиллегированнаго положенія въ государствѣ, богатый гражданинъ не чувствовалъ никакой симпатіи къ бѣдняку, отъ котораго отдѣляло его огромное разстояніе. Лактанцій справедливо говоритъ, что философы, не признавая уваженія къ человѣку, какъ къ человѣку, не давали никакихъ нравственныхъ предписаній относительно помощи бѣднымъ. Даже Цицеронъ говоритъ, что хотя человѣкъ самою природою располагается благотворить другимъ, даже иностранцамъ, но онъ не обязанъ уступать этому чувству со вредомъ себѣ самому; въ другихъ словахъ мы обязаны оказывать благорасположеніе тогда только, когда это намъ ничего не стоитъ. „За чѣмъ", спрашиваетъ Плавтъ, „давать бѣдняку? Такая щедрость не только дающаго лишаетъ его стяжаній, но способствуетъ продолженію бѣдственнаго положенія принимающаго. Если вы не можете обогатить бѣднаго, не лучше ли будетъ оставить его, пусть онъ покончитъ и свою безполезную жизнь и вмѣстѣ съ нею свои бѣдствія". Въ тѣхъ же видахъ Платонъ не считалъ необходимымъ заботиться о нуждахъ бѣдняка, если

онъ пораженъ сильною болѣзнію. Когда тѣлосложеніе бѣдняка не довольно сильно, лекарь можетъ совершенно законно покинуть его: потому что какая польза отъ его жизни, если онъ не въ состояніи работать? Такимъ образомъ больные изъ среды бѣдныхъ оставляемы были погибать; безъ сожалѣній и угрызеній совѣсти ихъ покидали тѣ, которымъ они служили.

Съ этимъ презрѣніемъ къ бѣднымъ соединялись самолюбивая привязанность къ жизни и эгоистическій страхъ смерти. Эти самолюбивыя страсти такъ были сильны, что во времена эпидемій богатые люди оставляли свои дома и отсылали своихъ ближнихъ родственниковъ.

Щедрыя раздачи хлѣба и денегъ, такъ часто упоминаемыя въ римской исторіи, происходили вовсе не изъ любви и сочувствія къ несчастнымъ и бѣдствующимъ: это были самыя дѣйствительныя средства достиженія честолюбивыхъ цѣлей.

Мы не намѣрены входить въ подробности относительно рабства въ древнихъ республикахъ Греціи и Рима. Если мы скажемъ, что рабство было краеугольнымъ камнемъ этихъ республикъ, мы только выскажемъ заключеніе, необходимо слѣдующее изъ началъ, нами уже представленныхъ; къ какимъ безмѣрно гибельнымъ результатамъ приводило примѣненіе на практикѣ указанныхъ началъ, всякій можетъ составить себѣ понятіе самъ. Оно было мутнымъ потокомъ, вытекающимъ изъ того источника зла—негуманности, которая характеризуетъ всю языческую цивилизацію.

Сообразно съ тѣмъ, что мы уже сказали, всякій, чтобы быть гражданиномъ, долженъ былъ быть способнымъ служить отечеству, участвуя или въ админи-

страціи правительственной, или въ защищеніи страны. А это участіе въ свою очередь требовало условій, которымъ могли удовлетворить только лица независимыя, имѣющія богатство, досугъ и тѣлесную силу. Другіе не были членами государства и по древнимъ понятіямъ не имѣли правъ гражданства. Такимъ образомъ здѣсь были два класса: классъ людей свободныхъ, и классъ людей несвободныхъ, въ который включались женщины, дѣти, рабы, слабые, бѣдные и рабочіе, составлявшіе всѣ вмѣстѣ огромное большинство. То не составляетъ особенности одной классической цивилизаціи, что женщины принадлежали ко второму презираемому классу. Въ варварскихъ обществахъ они пріурочивались къ этому же классу по причинѣ своей физической слабости, въ цивилизованныхъ—по причинѣ ихъ неспособности къ политической и общественной жизни. Болѣе сильный и болѣе предпріимчивый полъ давалъ болѣе слабому и кроткому низшее мѣсто, назначая ему тѣ труды, которые онъ считалъ ниже себя. Женщина не существовала на свой собственный счетъ; она была только орудіемъ для продолженія племени гражданъ, забавой и рабомъ своего господина. Аристотель, проповѣдывавшій, что азіатскіе народы погрѣшали, трактуя женщину, какъ рабу, утверждалъ однакожъ, что если она имѣетъ волю, то эта воля безъ правъ, и если она имѣетъ добродѣтели, то ея добродѣтели родственны съ добродѣтелями рабовъ. Другіе народы трактовали женщину, какъ *меньшую* во все время ея жизни; она всегда находилась подъ покровительствомъ и могла наслѣдовать собственность только въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ мужескаго пола. Въ Римѣ величіе мущины и слабость и легкомысліе женщины — составляли очень

стереотипную фразу въ разговорахъ. Низкое общественное положеніе женщины, которое, какъ и естественно, больше содѣйствовало развитію женскихъ пороковъ, чѣмъ женскихъ добродѣтелей, объяснялось большею низостію ея природы, и женщина, увѣряли, по природѣ болѣе склонна къ злу, чѣмъ мущина, котораго можетъ удерживать отъ него его умственное развитіе. Бракъ не улучшалъ положенія женщины, а скорѣе ея униженіе дѣлалъ болѣе полнымъ. Это не былъ союзъ сердецъ; въ немъ даже не было нравственныхъ соотношеній. Это было политическое учрежденіе для доставленія гражданъ государству. Платонъ утверждалъ, что лица, вступающія между собою въ супружескія отношенія, должны больше смотрѣть на благо общественное, чѣмъ на свои собственныя наклонности. Хотя Аристотель не одобрилъ общности женъ, отчасти существовавшей въ Спартѣ на дѣлѣ и защищаемой Платономъ въ теоріи, но и онъ не поднялся выше того общаго понятія, что бракъ получаетъ свою важность не отъ нравственныхъ, а единственно отъ политическихъ соображеній. Но нигдѣ сила брачныхъ законовъ не падала съ большею суровостію на замужнюю женщину, какъ въ Римѣ. Почти всѣ обязанности и тяжести брачной жизни падали на одну сторону; между тѣмъ какъ другой предоставлялись самая безграничная вольность и власть. Если въ первыя времена римской исторіи являются примѣры противоположнаго характера, то они были исключеніями изъ общаго правила. Мы минуемъ постоянныя явленія разврата и сожительства не потому впрочемъ, чтобы они только случайно относились къ предмету нашихъ разсужденій, а потому, что изслѣдованіе подобныхъ матерій омерзительно.

Распутство болѣе возрастало, чѣмъ уменьшалось, вслѣдствіе особенной легкости, съ какою совершались разводы. Къ концу республики и во весь періодъ имперіи, когда чистота древнихъ обычаевъ упала и когда бракъ, который и никогда не имѣлъ нравственнаго характера, пересталъ быть политическимъ учрежденіемъ, развѣ только по имени, и когда честолюбіе и удовольствіе были при немъ главными цѣлями, разводы, представляя самое легкое средство противъ разочарованій и отвращеній, неизбѣжныхъ при соединеніяхъ такого рода, умножились почти до невѣроятной степени. Они придаютъ особенный колоритъ соціальной исторіи этого періода. Разводовъ искали иногда мужъ, иногда жена, но вообще оба на основаніяхъ самыхъ маловажныхъ. Плутархъ разсказываетъ объ одномъ римлянинѣ, котораго друзья его спросили: „изъ-за чего онъ развелся съ своей женой, которая была и красива, и богата, и умна?" Въ отвѣтъ имъ онъ взялъ сапогъ свой и сказалъ: „вы видите, что онъ и красивъ и новъ, но никто не знаетъ, въ которомъ мѣстѣ онъ жметъ мою ногу". Меценатъ, извѣстнѣйшій покровитель литературы, былъ также извѣстенъ и своимъ волокитствомъ и Сенека говоритъ о тысячѣ его браковъ и о его ежедневныхъ разводахъ (qui uxorem millies duxit. — Quotidiana repudia). Тертулліанъ говоритъ, что женщины, кажется, надѣваютъ на себя брачныя узы потому только, что посредствомъ развода легко могутъ ихъ сбросить съ себя. Во времена имперіи бракъ утратилъ послѣдніе остатки своего достоинства и важности. Женщины, освободясь отъ древняго рабства, вмѣстѣ съ тѣмъ освободили себя и отъ всѣхъ законовъ нравственности. Не удивительно, что римское государство стояло наканунѣ своего паденія.

Тоже самое крайнее принижение недѣлимаго и крайнее возвышеніе государства давало отцу абсолютную власть надъ дѣтьми. Власть эта давалась для того, чтобы дѣти тѣмъ безпрепятственнѣе могли быть приготовлены отцомъ для служенія государству. Греція и Римъ естественныя привязанности одинаково подчиняли политическимъ соображеніямъ. Въ Римѣ отецъ былъ гражданскимъ судьей или точнѣе деспотомъ своего собственнаго семейства. Онъ могъ самымъ жестокимъ и безжалостнымъ образомъ избавить себя отъ тѣхъ дѣтей, которыя не обѣщали пользы государству. Главною заботою правительства было поддерживать сильное и здоровое народонаселеніе. Оно потому не желало, чтобы лица слабой конструкціи продолжали поколѣніе. За чѣмъ въ такомъ случаѣ было щадить слабое и больное дитя, особенно если оно бѣдно, когда жизнь его не могла служить нисколько государству? Такія дѣти иногда были умерщвляемы безъ жалости: чаще они были „*выставляемы*". Философы, вмѣсто порицаній такого нарушенія законовъ природы, оправдывали это. Платонъ и Аристотель оба выставляли политическія основанія для прекращенія размноженія подобнаго народонаселенія. Обычай „*выставленія*" дѣтей, чтобы ихъ пожрали дикіе звѣри, или чтобы продать ихъ въ рабство, или, если это женскаго пола, помѣстить въ убѣжища разврата, продолжался до времени христіанскихъ императоровъ.

Хотя мы не предполагали подробно разсуждать о древнемъ рабствѣ, но не можемъ не сказать нѣсколько словъ объ извѣстныхъ безнравственныхъ употребленіяхъ, какія дѣлались изъ рабовъ. Они не только исполняли всѣ роды обыкновенной домашней службы, но

были упражняемы и въ тѣхъ родахъ, которые служили къ развлеченію ихъ господъ и въ ущербъ ихъ добродѣтели. Ихъ воспитывали для актерства, учили игрѣ на инструментахъ и танцамъ, чтобы потомъ они могли веселить богатыхъ людей на пиршествахъ, возбуждая сладострастіе неприличными пѣснями и пантомимами. Предъ явленіемъ христіанства греческій театръ потерялъ свое древнее достоинство. Со временъ Августа непотребство стало отличительной чертой римской сцены. Предметы, всего чаще представлявшіеся, были: мужья, обманутые своими женами, волокиты — своими любовницами, и развратныя женщины — въ ихъ вертепахъ. Естественно, нравственность личностей, посвятившихъ себя сценѣ, была погибшая. Постоянное разъигрываніе сценъ порока и безстыдства не могло не оставлять грязи на ихъ душахъ. Добродѣтель осмѣивалась, все святое попиралось. Отъ актеровъ и актрисъ ядъ переходилъ на толпы любопытныхъ зрителей и общее развращеніе было необходимымъ слѣдствіемъ. Но это не все еще. Безнравственныя представленія, сладострастныя пантомимы, нагія женщины, купающіяся въ бассейнахъ амфитеатра, на которыхъ собирались смотрѣть тысячи зрителей обоего пола, еще не удовлетворяли страстей римскаго народа. Они желали сценъ болѣе возбуждающихъ, — сценъ крови. Чтобы занять демократическое населеніе, богатые посылали своихъ рабовъ, государство — своихъ плѣнниковъ на смертоносныя гладіаторскія побоища.

Страсть къ кровавымъ зрѣлищамъ была горяча и всеобща. Никуда не собиралось такъ много народа, Утомлённый отъ праздности и отвращающійся всякаго труда римскій гражданинъ проводилъ дни въ циркѣ,

смотря на бой медвѣдей и львовъ и въ промежутки отводя глаза и вниманіе къ сраженіямъ гладіаторовъ (interim jugulantur homines, ne nihil agatur). Въ минуты тоски и душевной истомы онъ отправлялся въ амфитеатръ, чтобы прогнать темныя думы; въ случаѣ болѣзни онъ искалъ облегченія въ сценахъ человѣкоубійства. Среди толпы видѣлись лица, принадлежавшія къ римской аристократіи, квесторы, сенаторы. Не только тираны, подобные Нерону, Коммоду, Галліену, предавались удовольствіямъ цирка, но императоры умные и добрые, какъ Веспасіанъ, или Титъ, находили удовольствіе въ смертныхъ цирковыхъ поединкахъ. И, что всего характеристичнѣе для эпохи, женщины всѣхъ классовъ смотрѣли на эти зрѣлища жестокости съ жадностію зачерствѣлыхъ старыхъ солдатовъ. Въ огромныхъ толпахъ зрителей напрасно бы мы стали ожидать какихъ-либо знаковъ сожалѣнія къ сражающимся. Малѣйшее проявленіе состраданія вело къ удаленію гуманнаго зрителя. Толпа неистово рукоплескала, когда сражающійся со славою падалъ, и издавала крики мщенія и гнѣва, если кто отъ усталости переставалъ драться. Она считала для себя обидой то, что люди неохотно бросались на смерть для ея развлеченія (injuriam putat, quod non libenter pereunt).

Страсть римлянъ къ гладіаторскимъ побоищамъ продолжалась до самаго паденія имперіи. Когда варвары начали уже тѣснить ихъ со всѣхъ сторонъ, народъ продолжалъ толпами сбираться въ цирки смотрѣть, какъ люди проливаютъ здѣсь кровь другъ друга, и не желалъ пролить ни одной капли своей крови для спасенія отечества. Консулы и квесторы закономъ Тиберія обязывались при самомъ вступленіи въ должности за-

ботиться объ устроеніи гладіаторскихъ зрѣлищъ. Чтобы сдѣлать сцену разнообразнѣе, Домиціанъ однажды заставилъ женщинъ принять участіе въ боѣ. Въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ римляне дѣлали распоряженія, чтобы кончина ихъ была почтена гладіаторскими играми и назначали для этого большія суммы. Эта страсть или болѣзнь дошла до такой степени, что одинъ римскій богачъ завѣщевалъ, чтобы послѣ его смерти всѣ красивые рабы, которые служили ему, приняли участіе въ смертоносныхъ играхъ; а другой выразилъ такое же желаніе относительно красивыхъ мальчиковъ, которые были его deliciae. Какая противоположность послѣднимъ распоряженіямъ умирающихъ христіанъ, которые освобождали своихъ рабовъ и завѣщевали свои имѣнія въ пользу бѣдныхъ и больныхъ! Каково должно быть состояніе общества, гдѣ люди богатые, чтобы сохранить память о себѣ въ почетѣ у народа, орудія своихъ преступныхъ и гнусныхъ удовольствій назначали въ жертвы кровавыхъ побоищъ! Что можно думать о тѣхъ срамныхъ оргіяхъ, столь общихъ въ Римѣ, въ которыхъ кровь рабовъ смѣшивалась съ виномъ ихъ господъ, украшенныхъ цвѣтами, въ которыхъ гости развлекались попеременно гримасами актеровъ, драками гладіаторовъ и лобзаніями развратницъ?

Если отъ этого общаго изображенія ложныхъ началъ, несправедливыхъ дѣйствій и безнравственной практики древняго языческаго міра, обратимся къ римскому міру непосредственно послѣ его обращенія къ христіанству или точнѣе — къ великому обществу христіанъ, жившихъ въ имперіи въ періодъ между апостольскимъ вѣкомъ и вѣкомъ Константина, то мы увидимъ ясные и многочисленные признаки переворота самаго кореннаго

и необыкновеннаго изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи. Вмѣсто господствующаго ученія объ естественномъ неравенствѣ разныхъ классовъ людей, мы находимъ сіяющее небеснымъ свѣтомъ въ этомъ темномъ мірѣ ученіе о первоначальномъ и существенномъ равенствѣ всѣхъ людей. Писатели Церкви, эти представители христіанской мысли вѣка, единодушно провозвѣщаютъ это равенство, доказывая его не только авторитетомъ Писанія, но и законами природы. Громадность перемѣны, такимъ образомъ внесенной въ цѣлый строй человѣческаго общества и въ положеніе всей массы народонаселенія, была необычайна. Въ государствѣ, отличавшемся несправедливымъ притѣсненіемъ однихъ и столь же несправедливымъ возвышеніемъ другихъ классовъ, Отцы Церкви учатъ объ общемъ происхожденіи и назначеніи всѣхъ людей и ихъ природномъ равенствѣ. Происходя отъ одного Творца, они созданы по одному и тому же образу Божію; происходя отъ однихъ и тѣхъ же прародителей, они имѣютъ одинаковую тѣлесную природу, одинаково являются въ міръ слабыми и нагими, одинаково подвержены смерти, какъ общему удѣлу, одинаково безсмертны по своей духовной природѣ, одинаково способны получить благодать Святаго Духа и безъ исключенія всѣ суть чада Отца Небеснаго. Различія, существующія въ мірѣ, основаны не на природѣ, а суть вещи случайныя и происходятъ отъ причинъ, чисто внѣшнихъ. Благородство даетъ не рожденіе, а высокія качества души. „Ты утверждаешь, говоритъ св. Златоустъ, что твой отецъ былъ консулъ, а мать—святая. Что мнѣ до этого? Покажи мнѣ, каково ты живешь; по жизни я сужу о твоихъ правахъ на знатность!“ Древніе христіанскіе учители смотрѣли на

человѣка, какъ на существо высокое (μέγα ἄνθρωπος), такъ что св. Амвросій сказалъ: Magnum opus Dei es, homo. Общее происхожденіе дѣлаетъ изъ людей какъ бы одно семейство и весь міръ становится однимъ великимъ обществомъ (unam omnium rempublicam agnoscimus mundum). Въ этомъ великомъ семействѣ, объемлющемъ все человѣчество, любовь составляла связующую силу. Такъ какъ эта добродѣтель имѣла самый совершенный образецъ во Христѣ, то христіане должны подражать Ему, воспитывая и развивая ее въ себѣ самихъ. Подобно Ему, они должны болѣть болѣзнями своихъ собратій и нести на себѣ ихъ бремена.

Всѣ эти положенія, столь знакомыя каждому изъ насъ, казались новостями и даже парадоксами, когда ихъ въ первый разъ возвѣщали языческому міру. Философы предвидѣли, что подобныя воззрѣнія, если бы они были усвоены, измѣнили бы все; но они не могли понять, какъ такія воззрѣнія могутъ быть проведены въ такой міръ, каковъ былъ тогда. Новая вѣра казалась имъ противною природѣ.

Христіане, по взгляду Августина, представляли изъ себя духовное государство среди языческаго общества, „*градъ Божій*“ на землѣ. Это государство установилось безъ всякой насильственной перемѣны во внѣшнемъ положеніи дѣлъ. Члены его обязывались уважать установившіяся формы правленія. Его цѣлію было преобразовать общество, внѣдривъ въ сердца своихъ членовъ и внесши въ самое общество новый духъ. Одинъ изъ древнихъ писателей говоритъ: „христіане не отличаются отъ другихъ народовъ языкомъ, одеждою и обычаями; они не живутъ въ особыхъ городахъ, а остаются среди грековъ или варваровъ, гдѣ кто родился. Но

между тѣмъ, какъ они не отличаются по внѣшности отъ язычниковъ, ихъ жизнь совершенно отлична". Они повиновались законамъ и платили подати съ ревностію, которая могла бы служить примѣромъ для лицъ, болѣе, чѣмъ они, заинтересованныхъ въ сохраненіи древнихъ общественныхъ формъ. Они чтили власти, потому что считали ихъ поставленными Богомъ для охраненія гражданскаго порядка. Они молились Божественному Міроправителю, чтобы онъ даровалъ императорамъ спокойное царствованіе, храбрыя арміи, вѣрныхъ совѣтниковъ и покорный и тихій народъ. Эти мольбы возсылались, не смотря на преслѣдованія и среди преслѣдованій. Среди жесточайшихъ пытокъ они продолжали высказывать желаніе императорамъ божественнаго покровительства. Въ продолженіи всего этого періода, столь обильнаго бунтами и возстаніями, происходившими большею частію вслѣдствіе самыхъ пустыхъ причинъ, христіане, угнетаемые и преслѣдуемые самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, какъ враги общественные, и какъ бунтовщики противъ императорской власти, на самомъ дѣлѣ никогда не бывали изобличены въ возбужденіи какого нибудь возстанія. Они отказывали въ повиновеніи властямъ только въ томъ случаѣ, когда отъ нихъ требовали нарушенія законовъ Божіихъ. Сперва христіане не занимали общественныхъ должностей, такъ какъ съ ними соединены были языческіе обряды, за что Гиббонъ несправедливо осуждаетъ ихъ. Но въ позднѣйшій періодъ императоры предпочитали окружать себя христіанами по причинѣ высокой ихъ вѣрности. Это—замѣчательная дань уваженія къ высотѣ характера древнихъ христіанъ: монархи избѣгали язычниковъ, людей одной съ собою вѣры, и избирали своими слугами послѣдователей новой вѣры.

Первенствующіе христіане, руководясь и Писаніемъ и разумомъ, смотрѣли на трудъ, какъ на нѣчто почтенное и вовсе не унизительное. Онъ — естественное средство поддержанія жизни и составляетъ обязанность всѣхъ и каждаго. Это, говорили они, видно уже изъ того, что природа ничего не даетъ человѣку безъ труда съ его стороны; это же подтверждается примѣромъ Христа, который былъ въ семьѣ плотника, и — Апостоловъ, которые работали своими собственными руками. Праздность поэтому считалась грѣхомъ. Утверждали также, что рабъ, сознательно и съ доброй воли добросовѣстно трудящійся, гораздо ближе въ этомъ отношеніи ко Христу, чѣмъ его господинъ. Первые уроки Церкви были, что всѣ христіане, какъ христіане, должны быть свободными слугами другихъ и жить для блага всѣхъ, не обращая вниманія на внѣшнее положеніе свое и другихъ. Необходимымъ, хотя и отдаленнымъ, слѣдствіемъ такихъ уроковъ должно было быть уничтоженіе рабства. Писанія св. Отцевъ наполнены предписаніями и заповѣдями касательно этого предмета, котораго мы касаемся только въ общихъ чертахъ. Примѣры первенствующихъ христіанъ вполнѣ согласовались съ подобными наставленіями. Занятія рабовъ, какимъ бы то ни было образомъ вредныя для ихъ нравовъ и чести, были совершенно воспрещены Церковію. И господину и рабу предписывалось оставить цирки, театры и другія мѣста нечистыхъ увеселеній.

Характеристической задачей христіанства было—возвысить бѣднаго, точно также какъ на оборотъ характеристической чертой язычества было — попирать его. Языческій философъ училъ только людей богатыхъ и досужихъ, которыхъ было не много; христіанскій учи-

тель обращался ко всѣмъ, къ бѣднымъ и невѣждамъ, къ женщинамъ и дѣтямъ одинаково, какъ и къ богатымъ, и такимъ образомъ возводилъ зданіе новаго общества, начиная съ оснований. Оригенъ, изобличая язычество въ эгоизмѣ и исключительности его началъ, говоритъ: „мы отдѣлены отъ неразумныхъ животныхъ, но не отдѣлены отъ людей низкаго званія, потому что они суть столько же наши братья, какъ и лица, занимающія высокія общественныя положенія". Отцы Церкви съ особенною настойчивостію повторяли постоянно, что бѣдный носитъ на себѣ столь же ясные слѣды образа Божія, какъ и богатый, и что предъ лицемъ Верховнаго Судіи нищій не ниже вельможи. Самъ Христосъ избралъ жребій смиренной бѣдности и такимъ образомъ облагородилъ ее для своихъ непосредственныхъ учениковъ и для всѣхъ будущихъ послѣдователей. „Бѣдность, писалъ Климентъ Александрійскій, не есть необходимо проклятіе, и богатство не есть неизбѣжно благословеніе; въ обоихъ случаяхъ все зависитъ отъ употребленія, какое мы дѣлаемъ изъ нихъ". Не имѣя цѣлію ниспровергнуть законы и учрежденія общественныя относительно частной собственности или насильственно измѣнить внѣшнія отношенія людей, христіанскіе учители съ жаромъ и краснорѣчіемъ проповѣдывали законъ добровольнаго милосердія, которое, говорили они, сдѣлаетъ общество людей подобнымъ обществу ангеловъ. Они были не противъ права собственности, а противъ самолюбиваго пользованія ею. Церковь, возвысившая бѣдность, не учила, что богатство—преграда ко спасенію, или что бѣдные имѣютъ право на собственность богатыхъ, но учила, что долгъ всѣхъ — жить для всѣхъ и стараться на дѣлѣ уравновѣшивать существенно-необходимыя блага жизни.

Христіанское милосердіе и дѣятельная любовь къ несчастнымъ выставлялись, какъ первый долгъ и отличительная черта послѣдователя Христова. Древніе христіанскіе писатели и проповѣдники употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы напечатлѣть въ вѣрныхъ законъ милосердія, которое не разбираетъ ни времени, ни обстоятельствъ. Во всѣ времена, при самомъ возникновеніи Церкви, во времена ея преслѣдованій и во дни ея торжества, и тогда, когда имперія была могущественна, и тогда, когда она была слаба, и когда пала, милосердіе искреннее и всепобѣждающее было жизнію и характерною чертою христіанина; и если нѣкоторые изъ Отцевъ и Учителей Церкви, какъ наприм. Златоустъ и Августинъ, являлись чаще и болѣе другихъ апостолами милосердія, такъ это было потому лишь, что они чаще другихъ имѣли случаи взывать къ христіанамъ о развитіи этой христіанской добродѣтели.

У язычниковъ мы встрѣчаемъ одно подобіе истиннаго милосердія. Бѣдняка они отталкивали вообще съ холодностію, которая въ свою очередь считалась признакомъ величія души; и если помощь давалась, то давалась съ неохотой и презрѣніемъ и всегда почти по какому либо эгоистическому побужденію. У христіанъ было совершенно иначе. Они простирали помогающую руку несчастливцу съ радостію, находя истинное наслажденіе въ обезпеченіи и утѣшеніи несчастныхъ. Если язычникъ давалъ что нибудь, то никакъ не болѣе того, чѣмъ онъ могъ подѣлиться безъ обиды себѣ, христіанинъ давалъ не только отъ избытковъ своихъ, но и изъ самаго бѣднаго своего имущества. Язычникъ давалъ людямъ съ рангомъ, чтобы поддержать ихъ положеніе, и презиралъ людей низко стоявшихъ въ обществѣ,

особенно если государство или онъ самъ не имѣли въ нихъ нужды. Христіанинъ напротивъ безразлично помогалъ всѣмъ, протягивавшимъ руку за помощію. Язычникъ часто жертвовалъ изъ хвастовства или изъ честолюбія; онъ сыпалъ щедроты не для добра, а чтобы пріобрѣсти благосклонность и расположеніе массъ. Христіанинъ дѣйствовалъ по внутреннему побужденію и оцѣнивалъ свой поступокъ не по внѣшнимъ формамъ, не потому, какъ другіе смотрѣли на него, но по степени той любви къ Богу и людямъ, какая въ ту пору наполняла его сердце.

Между несчастными лицами, составлявшими предметъ попеченій Церкви, мы должны упомянуть плѣнниковъ и лицъ несправедливо притѣсненныхъ. Личная безопасность никогда не имѣла такъ мало гарантій, какъ подъ своенравнымъ правленіемъ языческихъ властей и подъ жестокою властію побѣдоносныхъ варваровъ, и никогда за то христіанская благотворительность не проявлялась съ такою настойчивостію и съ болѣе счастливыми результатами, какъ въ этотъ періодъ тираннiи и неурядицъ. Во времена гоненій христіане, ввергенные въ тюрьмы или сосланные въ каторгу, были посѣщаемы ихъ собратіями, приносившими имъ помощь и утѣшеніе. Собирались для нихъ пожертвованія, и бѣдные готовы были сами голодать, только бы дать что нибудь своимъ несчастнымъ собратіямъ. Если узниковъ присуждали къ общественнымъ работамъ или къ состязаніямъ въ циркѣ, ихъ выкупала на свободу Церковь на свои средства. Тираннъ Ликиній положилъ одинаковыя съ заключенными наказанія посѣщавшимъ ихъ; но это не устрашило даже слабыхъ женщинъ; онѣ мужественно рѣшались на всѣ опасности, чтобы только не оставить безъ ухода больныхъ узниковъ.

Войны имперіи, гражданскія междоусобія соперничествовавшихъ за обладаніе короной и главнымъ образомъ нашествія варваровъ давали обширное поприще христіанскому милосердію. Кромѣ плѣнниковъ, взятыхъ въ сраженіяхъ, иногда народонаселеніе цѣлыхъ округовъ, послѣ опустошенія ихъ домовъ, отводимо было въ плѣнъ. Молодые христіане при этомъ подвергались не только опасности смерти или рабства, но и опасности совращенія въ идолопоклонство. Дѣтей разлучали не только съ ихъ родиной, но и съ родителями. Женщины подвергались скотскому обращенію со стороны варваровъ. Нѣкоторые жертвовали своей свободой, чтобы возвратить семействамъ отца или сына. Церковь Римская послала деньги въ Каппадокію, чтобы выкупить плѣнныхъ, осужденныхъ въ рабство. Когда Нумидійскія орды напали на Сѣверную Африку и забрали множество плѣнныхъ, Кареагенская Церковь сдѣлала огромный сборъ для выкупа ихъ. Когда Готеы опустошили Италію и увели множество плѣнныхъ, Св. Амвросій для выкупа ихъ отдалъ священную утварь Миланской церкви. Августинъ поступилъ точно такъ же; его примѣру въ послѣдствіи послѣдовалъ епископъ Кареагенскій, который, по недостатку комнатъ, помѣстилъ возвращенныхъ плѣнниковъ въ двухъ церквахъ и лично прислуживалъ имъ. Подвиги христіанскаго милосердія не ограничивались плѣнниками изъ христіанъ. Проникнутые состраданіемъ ко всѣмъ несчастнымъ и цѣня свободу всѣхъ, христіане приносили пожертвованія и для возвращенія на родину плѣнныхъ язычниковъ. Епископъ Амидскій Акакій около 420 г. продалъ священные церковные сосуды и купилъ свободу почти 7,000 персовъ, плѣненныхъ римской арміей.

Древніе язычники, какъ мы говорили, были крѣпко привязаны къ настоящей жизни и, не имѣя никакихъ надеждъ на будущій міръ, естественно страшились смерти и боялись болѣзней. Они даже бросали больныхъ безъ всякаго призрѣнія. Беднякамъ, и безъ того донельзя униженнымъ, болѣзнь прибавляла новую бѣду, потому что больной бѣднякъ вдвойнѣ становился неспособнымъ служить государству. Въ христіанскомъ обществѣ все это измѣнилось. На тѣлесную болѣзнь смотрѣли больше, какъ на испытаніе въ вѣрѣ, чѣмъ какъ на несчастіе, смотрѣли какъ на вызовъ для другихъ удвоить подвиги любви и участія. Особенно къ одному классу страдальцевъ христіане питали самую живую симпатію. Это былъ классъ прокаженныхъ, очень многочисленный на востокѣ; они были изгоняемы изъ обитаемыхъ мѣстъ, ихъ оставляли родные, они должны были укрываться въ горахъ или пещерахъ, не смѣя показываться,—иначе ихъ побивали камнями, какъ предметы ужаса и отвращенія, вмѣсто того, чтобы пожалѣть о нихъ, какъ о лицахъ, заслуживающихъ сострадательной любви. Василій Великій говорилъ часто и съ силой въ ихъ пользу, выставляя, что пренебрегать ихъ значитъ оскорблять Христа, котораго они суть члены, и что ихъ должно любить и сожалѣть тѣмъ болѣе, что они оставлены другими. Сильныя эпидеміи, заставлявшія страшливыхъ язычниковъ бѣжать изъ мѣстъ опасности, христіанамъ представляли только случаи для самыхъ блестящихъ проявленій милосердія. „Господь", говоритъ Кипріанъ, „желаетъ испытать людей, чтобы видѣть, будутъ ли здоровые заботиться о больныхъ, члены одной семьи истинно ли любятъ одинъ другаго, господа имѣютъ ли жалость къ своимъ рабамъ, врачи окажутся ли

усердными, видъ смерти не смягчитъ ли сердецъ окаменѣлыхъ и загрубѣвшихъ и не уничтожитъ ли алчности скупыхъ“. Безъ сомнѣнія нужно было мужество, чтобы препобѣдить страхъ заразы и ея отвратительность, но христіанская любовь не дозволяла отвращаться. „Пусть никто не извиняетъ себя, говоритъ одинъ писатель втораго вѣка, тѣмъ, что онъ не умѣетъ служить больнымъ или что онъ не можетъ сносить вида болѣзни. Пусть, кто говоритъ такъ, подумаетъ, что онъ самъ такъ же можетъ сдѣлаться жертвою болѣзни и можетъ нуждаться въ помощи братій“. Ту же самую мысль, два столѣтія спустя, развивали въ трогательныхъ бесѣдахъ своихъ Св. Григорій Назіанзскій и Григорій Нисскій.

Обязанности, съ такою силою проповѣдуемыя, съ такою же ревностію были исполняемы и отдѣльными лицами и Церквами. Вездѣ въ первые вѣка Церкви вѣрные и особенно женщины-христіанки любили посѣщать больныхъ для ихъ облегченія и религіознаго утѣшенія. Фабіолла, Плацилла, Ефремъ и длинный рядъ другихъ лицъ извѣстны своими христіанскими трудами подобнаго рода. Обязанности попеченія о больныхъ спеціально возлагались на діаконовъ и діакониссъ; въ ихъ распоряженіи находились церковныя суммы, назначавшіяся на больныхъ. Когда около 250 года въ Кареагенѣ свирѣпствовала моровая язва, тогда христіане, предводимые своимъ епископомъ Кипріаномъ, съ ревностію предались дѣлу милосердія, — одни ухаживая лично за больными, другіе собирая средства для облегченія и помощи имъ. Такую же самоотверженную любовь обнаружили при подобномъ случаѣ и Александрійскіе христіане. Пресвитеры и діаконы, богатые и сильные изъ мірянъ посѣ-

щали больныхъ и умирающихъ, и хоронили мертвыхъ. Какъ скоро сами прислуживающіе умирали, ихъ мѣста тотчасъ же занимали другіе, не смотря на очевидныя опасности, которымъ они подвергались.

Попечительность Церкви о бѣдныхъ, посѣщаемыхъ болѣзнями и несчастіями, очень рано повела къ основанію благотворительныхъ учрежденій, которыя совершенно были неизвѣстны языческой древности. Первое изъ такихъ учрежденій, плодъ и слава христіанства, основано было въ началѣ IV вѣка. Къ концу столѣтія они сдѣлались многочисленны и на востокѣ и на западѣ. Вездѣ видѣлись пріюты, госпитали для больныхъ и гостинницы для бѣдныхъ путешественниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ основывали частныя лица, другія — Церкви. Самая обширная гостинница построена была Василіемъ Великимъ въ Кесаріи Каппадокійской. Она возвышалась, пишетъ св. Григорій Назіанзинъ, подобно виллѣ, близь городскихъ воротъ, и заключала въ себѣ отдѣленія для усталыхъ путешественниковъ, покои для престарѣлыхъ и больныхъ, о которыхъ заботились врачи и сидѣлки, мастерскія для желавшихъ трудиться и особенное убѣжище для прокаженныхъ. Златоустъ послѣдовалъ примѣру Василія и подобно ему основалъ госпитали въ разныхъ частяхъ своей эпархіи. Во времена Ѳеодосія большая часть церквей въ большихъ городахъ имѣла такія учрежденія.

Возведеніе женщины на подобающее мѣсто въ обществѣ, возвѣщенное Христомъ и апостолами, было новой заботой Церкви. Въ средѣ языческаго міра, гдѣ она была унижена законами и обычаями общества, христіанство простираетъ къ ней покровительственную руку и Отцы Церкви съ энергіей ратуютъ за ея освобож-

деніе отъ униженія. Христосъ пришелъ искупить людей безъ различія пола. Оба пола созданы по образу Божію, оба сотворены изъ персти земной, оба подвержены одинаково искушеніямъ и оба призваны къ святой жизни и безсмертію. Особенности пола, которыя для язычниковъ служили къ униженію женщины, по взгляду христіанства, таковы, что онѣ допускаютъ равныя степени достоинства. Если полъ болѣе нѣжный больше выказываетъ чувства, чѣмъ болѣе крѣпкій, за то онъ выше стоитъ по христіанскому состраданію и не ниже по терпѣнію. „Кто, спрашиваетъ Григорій Нисскій, въ состояніи сравниться съ христіанскою женщиною во времена испытаній? кто сравняется съ нею въ благочестіи, твердости и самоотверженіи?“ Такія воззрѣнія на природу и сферу дѣятельности женщины имѣли неописанное вліяніе на ея характеръ и положеніе. Тѣ женственныя чувства, которыя были попираемы или извращаемы язычествомъ, получили прекрасное развитіе подъ вліяніемъ христіанства. Христіанскія женщины съ самаго начала обнаружили чистую любовь и скромность, неизвѣстныя языческому міру. Во времена гоненій онѣ являлись образцами мужества и милосердія, утѣшая узниковъ, ходя за больными, ободряя огорченныхъ, измученныхъ, исповѣдниковъ и мучениковъ. „Болѣе храбрыя, чѣмъ львы, говоритъ Златоустъ, онѣ выдерживали жесточайшія пытки, доказывая этимъ лучше, чѣмъ другимъ чѣмъ, превосходство христіанской женщины предъ языческою. Въ любви къ своему Спасителю, въ чистотѣ, въ состраданіи къ страдальцамъ онѣ превосходятъ насъ—мущинъ“. Между многими блестящими примѣрами можно указать на Меланію младшую, которая, владѣя огромными помѣстьями во всѣхъ частяхъ имперіи,

посвятила ихъ на помощь несчастнымъ бѣднякамъ и обрекла себя на служеніе бѣдствующимъ, путешествуя для этого изъ провинціи въ провинцію и вездѣ отыскивая предметы для своего сострадація, — на Павлу изъ фамиліи Сципіоновъ и Павла Эмилія, и Фабіолу изъ фамиліи Фабіевъ, которая подражала примѣру Меланіи и придала новый блескъ знаменитому въ римской исторіи прародительскому имени, на царевну Плациллу, которая посѣщала больницы и своими собственными руками служила нуждамъ больныхъ, — на императрицъ Пульхерію и Евдоксію, которыя знамениты столько же христіанскими добродѣтелями, сколько своимъ саномъ.

Совершалась великая перемѣна: бракъ вмѣсто государственнаго учрежденія, предназначеннаго для гражданскихъ цѣлей, сталъ учрежденіемъ царства Божія, нравственнымъ союзомъ, освящающимъ и возвышающимъ жизнь. Христосъ провозвѣстилъ, что бракъ есть учрежденіе Божественное; а богодухновенный апостолъ назвалъ его образомъ союза Христа съ Церковію. Эта великая идея получила практическое примѣненіе еще въ первые вѣка христіанства.

Христіанскіе учители, руководясь священнымъ Писаніемъ, счастливо избѣжали обѣихъ крайностей, и оставленія женщины въ состояніи рабства съ одной стороны, и совершеннаго освобожденія ея отъ всѣхъ семейныхъ узъ, какъ это было во времена имперіи, съ другой. Подчиненіе жены мужу не было подчиненіемъ рабы господину, а союзомъ, образуемымъ любовію, въ которомъ одинъ супругъ для взаимнаго блага предавался другому. Учители Церкви ничего не говорили подобнаго теоріямъ новѣйшаго соціализма. Между тѣмъ, какъ сердце мужа и жены христіанство соединяло

въ преискренній союзъ, оно же строго разграничивало сферы ихъ дѣятельности. Самъ Богъ провелъ, учили Отцы Церкви, разграничивающую линію, которой безнаказанно не можетъ переступать ни одна сторона. Мужу принадлежатъ дѣла внѣшнія, на форумѣ, въ сенатѣ, на полѣ брани; женѣ — домашнія обязанности, управленіе внутреннихъ дѣлъ въ маленькомъ государствѣ—семействѣ. „Женщина, говоритъ св. Златоустъ, не носитъ оружія, не подаетъ голоса въ собраніяхъ публичныхъ, не участвуетъ въ гражданскомъ управленіи; она должна посвящать себя домашнимъ дѣламъ, надзирая надъ хозяйствомъ, сохраняя порядокъ въ домѣ, руководя слугъ и воспитывая своихъ дѣтей. Она не рабъ своего господина, а его другъ и помощница, его необходимый дополнитель; чрезъ нѣжное вліяніе ея онъ становится тѣмъ, чѣмъ ему назначено быть". Древніе христіане выговаривали не больше свободы одному полу, чѣмъ другому; оба равно должны были находиться въ подчиненіи законамъ Христа во всемъ. Мужъ долженъ былъ любить свою жену, какъ Христосъ Церковь. Снисходительность язычниковъ къ распутству мужчинъ строго осуждалась христіанскими писателями. Іеронимъ пишетъ объ этомъ: „законы цезарей очень различны отъ законовъ Христа и требованія язычества— отъ предписаній Павла. Язычники давали большой просторъ распутству мужчинъ, осуждая ихъ только за насиліе или за любодѣяніе съ свободными лицами, и давая поблажку грѣхамъ съ рабынями и развратными женщинами. Какъ будто-бы грѣхъ зависѣлъ не отъ воли преступника, а отъ положенія того лица, съ которымъ онъ совершенъ. У насъ, напротивъ, что недозволительно женщинамъ, то запрещено и мужчинамъ".

Христіанскій духъ, возвысившій и освятившій бракъ, преобразовалъ семейство въ христіанское семейство; онъ измѣнилъ отношенія дѣтей и родителей, не ослабляя власти однихъ и уваженія и послушанія другихъ. Христіане съ самаго начала осуждали варварскій обычай *выставленія* дѣтей, равно какъ частыя выкидыванія, которыми преступныя матери-язычницы старались покрывать свои преступныя связи. Человѣческую жизнь христіане считали священною и даже нерожденные, точно такъ же, какъ слабые и больные, пользовались заботами и защищались отъ жестокости. Церковь взяла судьбу дѣтей подъ свое прямое покровительство, благословляя ихъ при самомъ рожденіи, потому что Спаситель объявилъ, что *таковыхъ есть царствіе небесное*. Противъ обычая выставленія дѣтей, глубоко укоренившагося въ языческомъ обществѣ, Лактанцій вооружается съ особенною силою. Вотъ его слова: „пусть никто не думаетъ, что отцы имѣютъ право умерщвлять своихъ новорожденныхъ дѣтей. Подобное дѣло есть величайшее нечестіе, ибо Богъ чрезъ рожденіе призываетъ человѣческія существа для жизни, а не для смерти. Но есть люди, которые думаютъ, что они не грѣшатъ, когда отнимаютъ у существъ, только что образовавшихся, жизнь, которую не они дали. Не думайте, что такія лица пощадили бы кровь странниковъ, когда они не щадятъ своей собственной крови. Эти люди совершенно извращены въ своихъ понятіяхъ. Что сказать о тѣхъ, которыхъ къ выставленію дѣтей ведетъ ложное чувство? Можно ли тѣхъ считать невинными, которые, какъ какую добычу, даютъ псамъ свою собственную утробу, которые губятъ своихъ дѣтенышей болѣе жестоко, чѣмъ если бы они ихъ задушили? Даже и тогда,

когда случается, что выставленное дитя берутъ и воспитываютъ другіе, отецъ бываетъ виновенъ въ томъ, что онъ отдаетъ свою собственную кровь рабству или разврату. Конечно эти убійцы-отцы указываютъ въ оправданіе свое на бѣдность, на то, что они не въ состояніи поднять на ноги своей семьи, какъ будто блага этого міра въ верховномъ распоряженіи владѣющихъ ими, и какъ будто Богъ постоянно не повергаетъ въ бѣдность богатыхъ и бѣдныхъ не возводитъ къ изобилію. Если бѣдность дѣйствительно препятствуетъ кому-нибудь содержать дѣтей, таковый пусть не будетъ отцомъ. Это во всякомъ случаѣ было бы лучше, чѣмъ нечестивыми руками сокрушать твореніе Божіе".

Родители, по ученію св. Амвросія, отвѣчаютъ за души своихъ дѣтей, ввѣренныхъ ихъ попеченіямъ и предназначенныхъ вмѣстѣ съ ними содѣлаться согражданами царства Божія. Древняя непреклонная суровость римскаго отца уступила мѣсто власти родителей, смягченной любовію. Отецъ долженъ смотрѣть на сына, какъ на равнаго себѣ по природному достоинству и предназначеннаго продолжать на землѣ племя чадъ Божіихъ. Отецъ долженъ учить своего сына повинованію, но повиновенію не рабскому; онъ долженъ внѣдрить въ его умъ, что повиноваться власти родителя — требуетъ законъ Божій и любовь къ Богу. Воспитаніе дѣтей въ духѣ вѣры составляло постоянный предметъ увѣщаній Отцевъ Церкви, и преимущественно св. Златоуста. Этотъ великій учитель, красноречивѣйшій истолкователь способовъ и путей примѣненія христіанскаго духа къ нуждамъ и потребностямъ жизни, въ недостаткѣ христіанскаго воспитанія видѣлъ причину упадка имперіи. „Люди, говоритъ св. учитель, заняты пріоб-

рѣтеніемъ почестей и богатствъ, которыя могутъ дать имъ дѣтямъ почетъ и счастіе внѣшнее, и не заботятся о ихъ душахъ. Они виновны въ великомъ грѣхѣ; потому что обрекаютъ гибели своихъ дѣтей и приготовляютъ распаденіе общества". Спасеніе дѣтей онъ видитъ только въ религіозномъ воспитаніи ихъ и вмѣняетъ въ непремѣнный долгъ родителямъ въ нѣжный періодъ отрочества, когда воля бываетъ особенно воспріимчива къ добрымъ впечатлѣніямъ, насаждать въ дѣтяхъ страхъ Божій и любовь ко Христу, смиреніе и милосердіе. Онъ съ особенною силою настаиваетъ на томъ, что родители сами должны учить своихъ дѣтей великимъ началамъ христіанской жизни, а не возлагать этого высокаго дѣла на рабовъ. Особенно матери должны пещись объ этомъ; онѣ болѣе бываютъ дома, чѣмъ отцы; онѣ кротче и нѣжнѣе по природѣ и болѣе способны дѣйствовать на нѣжное дѣтство и воспріимчивое отрочество, чѣмъ отцы. Языческіе моралисты едва имѣли понятіе о власти матери надъ сердцами дѣтей; они не упоминаютъ о воспитаніи дочерей ихъ матерями,— предметы, о которыхъ часто и красноречиво говорили христіанскіе учители. Св. Златоустъ и бл. Іеронимъ требуютъ, чтобы матери поставили себѣ въ непреложную обязанность вывести своихъ дочерей на такой путь, гдѣ-бы онѣ сдѣлались образцами христіанской добродѣтели и явились достойными царствія Божія. Между тѣмъ, какъ языческія матери, запершись въ своихъ гинекеяхъ или предавшись преступнымъ удовольствіямъ, рѣдко оказывали сколько нибудь продолжительное и прочное вліяніе на своихъ сыновей, христіанскія матери пріобрѣли себѣ почетную извѣстность образованіемъ высокихъ характеровъ въ своихъ сыновьяхъ

какъ наприм., Моника, мать Августина, Нонна, мать Григорія Назіанзина, и Аретуза, мать св. Златоуста.

Мы довольно долго говорили о прямомъ вліяніи христіанства на людей, принявшихъ его. Но мы упустили бы изъ виду важную сторону предмета, если бы не сдѣлали нѣсколько замѣчаній о косвенномъ вліяніи, произведенномъ христіанствомъ на мнѣнія и чувства лицъ, едва сознававшихъ это вліяніе. Въ началѣ христіане, сравнительно не многіе по числу, жили разсѣянные между тѣми, которые не были христіанами. Они постепенно умножались, пока не составили преобладающаго общества; и ихъ противники въ началѣ многочисленные постепенно тоже убавлялись въ числѣ, пока совершенно не исчезли.

Произошла ли, спрашивается, какая нибудь замѣчательная перемѣна въ чувствахъ противниковъ, которая могла бы быть объяснена единственно тѣмъ, что они имѣли понятіе о началахъ христіанскихъ? Шмидтъ говоритъ, что произошла, и представляетъ основанія для этого мнѣнія, которыя имѣютъ силу. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ видоизмѣненіе языческихъ идей очень незначительно, потому что и самое вліяніе христіанства на нихъ могло производиться сторонними путями. Св. книги христіанъ, особенно апологіи, поданныя императорамъ, бесѣды христіанскихъ учителей, споры христіанъ съ язычниками и замѣтныя особенности христіанъ въ жизни и въ ученіи могли быть, болѣе или менѣе точно, извѣстны лицамъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ новой вѣры.

Первый философъ, въ сочиненіяхъ котораго чувствуется вліяніе христіанскихъ идей, есть Сенека. Его система нравственности, подробно разбираемая Шмидтомъ, даетъ достаточно ясныя доказательства этого. Мы укажемъ на одно или на два его философскихъ положенія, которыя выдаютъ свое христіанское происхожденіе. Человѣческое существо, онъ учитъ, „предметъ священный“, который никто не долженъ презирать, и которымъ никто не имѣетъ права злоупотреблять. Люди, имѣя общее происхожденіе, и будучи по природѣ равны, имѣютъ духовное родство и суть сограждане „великаго царства“,—не Римской имперіи, а того всемірнаго общества, гдѣ всѣ люди равны и управляются тѣми естественными началами, которыя выше писанныхъ законовъ.

„Природа создала насъ существами общественными; мы рождены для общаго блага“. Люди предназначены любить другъ друга и помогать взаимно. Природа располагаетъ насъ къ такой любви нашимъ общимъ родствомъ. Любовь не должна быть пустымъ чувствомъ, а началомъ дѣятельнымъ. Слѣдуя такому началу мы подражаемъ Божеству, которое постоянно изливаетъ свои щедроты на насъ, на злыхъ и добрыхъ. Мы должны подражать Богу въ благодѣяніяхъ, не ожидая въ свою очередь благодѣяній отъ другихъ. Въ актѣ благотворительности важная вещь не самое дѣло, а намѣреніе и расположеніе дающаго.

Его взгляды на прощеніе обидъ не менѣе замѣчательны. Онъ говоритъ, что мщеніе дѣло не человѣческое, что лучше терпѣть обиду, чѣмъ наносить ее, что мы должны быть болѣе готовы прощать другихъ, если помыслимъ, какъ часто сами мы нуждаемся въ проще-

нія со стороны другихъ лицъ. Такого рода чувства и многія другія, не встрѣчаемыя въ языческомъ мірѣ до христіанства, остались бы для насъ загадкой необъяснимой при всякомъ другомъ предположеніи, кромѣ предположенія, что они одолжены своимъ происхожденіемъ христіанству. Если такъ рано, уже во времена Нерона, христіанство начало уже производить вліяніе на сужденія мыслящихъ язычниковъ, то мы естественно должны ожидать большихъ доказательствъ этого вліянія въ послѣдующія времена.

Замѣчательная гуманность Плинія, его попеченія о бѣдныхъ, его сочувствіе къ рабамъ, его усилія—самыя раннія изъ извѣстныхъ между язычниками — улучшить воспитаніе, сдѣлавши его менѣе общественнымъ и болѣе домашнимъ, указываютъ, что на его умъ повѣялъ духъ христіанства.

Плутархъ высказываетъ самыя возвышенныя сужденія относительно единства и совершенства Божія, относительно промыслительнаго попеченія Бога о людяхъ, о долгѣ любить Его, любить и прощать собратій. Его идеи о бракѣ и семействѣ даже болѣе близки къ христіанству, чѣмъ идеи Сенеки и Плинія. О соотношеніяхъ мужа и жены, объ ихъ взаимныхъ обязанностяхъ другъ къ другу, о долгѣ воспитывать своихъ дѣтей со тщаніемъ, какъ морально, такъ физически и интеллектуально, языкъ Плутарха звучитъ очень сходно съ языкомъ новыхъ христіанскихъ писателей.

Епиктетъ, современникъ Плутарха, показываетъ, что въ атмосферѣ, окружавшей его, было уже весьма развито вліяніе христіанства. Нѣкоторые утверждали даже, что онъ былъ христіаниномъ, но это не доказано; достаточно вмѣстѣ съ Паскалемъ сказать, что „это былъ

однимъ изъ философовъ міра, весьма хорошо понявшихъ обязанности человѣка". Если то вѣрно, а это дѣйствительно внѣ всякаго сомнѣнія, что его сочиненія поучительны и для христіанъ, и что однако же онъ не былъ христіаниномъ, то трудно придти къ какому-либо другому заключенію, кромѣ того, что кругозоръ его уже расширило христіанство. Со времени Платона не только не замѣтно прогресса въ моральной философіи языческаго міра, а скорѣе происходило вырожденіе ея до самыхъ временъ Христа и Его апостоловъ. И мы напрасно стали бы помимо христіанства искать причинъ возвышенія тона языческихъ моралистовъ, очевиднаго въ сочиненіяхъ указанныхъ нами писателей; объясненіе это тѣмъ болѣе основательно, что возвышеніе морали языческой совершалось именно въ направленіи идей и взглядовъ христіанскихъ.

Императоръ Маркъ Аврелій, религіозный столько же, какъ и Епиктетъ, кажется, еще больше Епиктета былъ проникнутъ любовію. Если послѣдній, бывши рабомъ, проповѣдывалъ теорію внутренней свободы, утверждая, что всѣ люди, какъ чада Божіи, равны, то первый, правившій огромною имперіею, съ настойчивостію проповѣдывалъ, какъ примѣръ, подаваемый Божественнымъ Провидѣніемъ, практическое милосердіе, которое очень близко граничитъ съ христіанскою любовію. Онъ училъ, что Богъ, безконечный по мудрости и благости, управляетъ всѣмъ; что добро и зло, которыя случаются, направляются одинаково къ нашему благу; что мы должны всецѣло покоряться Его волѣ и съ преданностію вступать на пути, указанныя имъ; что человѣческая душа имѣетъ высокую цѣну, независимо отъ общественнаго положенія; что въ этомъ отношеніи всѣ

люди равны и образуютъ огромное общество, котораго только часть составляетъ тотъ или другой народъ; что между тѣмъ, какъ Римъ принадлежитъ ему, какъ императору, весь міръ принадлежитъ ему, какъ человѣку; что каждый имѣетъ свое призваніе въ системѣ, которой глава—Богъ; что въ самомъ темномъ положеніи всякій можетъ быть *божественнымъ* мужемъ; что мы должны всегда помнить, что всѣ люди братья намъ; что мы члены великаго тѣла, которое было бы безъ насъ не полно; что мы должны любить нашихъ ближнихъ и дѣлать имъ добро, мало того мы должны любить и прощать своихъ враговъ. Эти несомнѣнно высокія сужденія свободны отъ утонченнаго самолюбія древнихъ философовъ и отъ гордаго самоуслажденія позднѣйшихъ стоиковъ. Они выражаютъ братское участіе къ человѣку, нѣжное состраданіе къ слабымъ и заблуждающимъ,—чувства, неизвѣстныя ни въ теоріи, ни въ практикѣ до пришествія Христова.

Соображая всѣ эти сужденія позднѣйшихъ философовъ, мы видимъ здѣсь замѣтный прогрессъ въ соціальныхъ отношеніяхъ людей;—гуманность заступаетъ мѣсто національности, личное достоинство—общественнаго ранга, прощеніе обидъ—мести, состраданіе къ несчастнымъ—мѣсто безучастія или жестокости, и нравственная чистота — мѣсто низкихъ экономическихъ взглядовъ, портившихъ древнюю жизнь и разслаблявшихъ политическій организмъ. Наблюдая такую перемѣну въ воззрѣніяхъ моралистовъ того времени, кажется, какъ будто проходишь рубежъ, раздѣляющій *древнее* и *новое* общество. Строго говоря, новая исторія начинается тамъ же, гдѣ начинается и вліяніе христіанское; и очевидная ошиб-

ма—новую исторію начинать съ обращенія Римской имперіи къ христіанству.

Духъ законодательства въ этотъ періодъ измѣнился не менѣе духа философіи. Атмосфера общественной и частной жизни ясно обнаруживаетъ въ себѣ присутствіе христіанскихъ идей. Даже и тогда, когда язычники становились въ оппозицію христіанству, они безсознательно подчинялись вліянію его ученій. Когда мы обратимъ вниманіе на объемъ, въ какомъ императоры и юристы первыхъ вѣковъ старались ввести гуманность въ законы государства, мы принуждены приписать перемѣну причинѣ, указанной нами. Въ этомъ полусвѣтѣ Христовой вѣры жили нѣкоторые замѣчательные тогдашніе юристы. Они часто съ успѣхомъ подстрекали императоровъ смягчать суровость римскихъ законовъ. „Неравномѣрность законовъ, на которую жалуются, не принадлежитъ больше нашему вѣку", говоритъ Траянъ (non nostri saeculi est). Флорентинъ утверждалъ, что „люди въ силу ихъ родства другъ другу должны воздерживаться отъ обидъ. Законы природы, любви и человѣчности теперь начинаютъ занимать мѣсто древнихъ гражданскихъ законовъ". Ульпіанъ, знаменитый преобразователь законовъ въ царствованіе Александра-Севера, часто говаривалъ, что толкователь законовъ долженъ всего больше прислушиваться къ внушеніямъ милосердія и гуманности (pietatis et humanitatis intuitu). Антонинъ также постоянно отдавалъ преимущество гуманнѣйшему толкованію (humanior interpretatio). Между тѣмъ какъ древніе законы говорили только о правахъ, теперь начала входить въ нихъ идея *долга.* Судьи стали въ случаяхъ, касающихся семейной жизни, обращать

вниманіе столько же на законы естественныхъ привязанностей, какъ и на законы гражданскаго кодекса. Это возрастаніе гуманности въ законахъ имперіи и въ примѣненіи ихъ легко объясняется, если мы поставимъ ее въ связь съ благотворительнымъ духомъ христіанства, который чувствовался въ средѣ самаго языческаго общества.

Слишкомъ много мѣста потребовалось бы, если бы мы стали указывать всѣ частные законы или даже классы тѣхъ законовъ, которые подтверждаютъ сдѣланныя нами общія замѣчанія касательно вліянія христіанства на римское законодательство первыхъ трехъ вѣковъ. Положеніе языческой женщины улучшилось. Юристы съ участіемъ къ ней сознавались, что ея легальныя права ниже правъ мужчины. Папиніанъ говоритъ, что in multis juris nostri articulis deterior est conditio feminarum, quam masculorum. Въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ ея положеніе постоянно улучшалось.

Таже самая идея о достоинствѣ человѣческаго существа, которая повела къ уравненію правъ двухъ половъ, споспѣшествовала благосостоянію дѣтей, которымъ нельзя было больше безнаказанно играть. Стали даже заботиться о дѣтяхъ бѣдняковъ. Нерва первый изъ язычниковъ поставилъ обществу въ обязанность заботиться о нихъ. Траянъ слѣдовалъ его примѣру и пять тысячъ дѣтей содержались на его счетъ въ Римѣ, и гораздо больше въ разныхъ частяхъ Италіи и Африки. Не прямое вліяніе христіанства на язычество, можетъ быть, ни въ чемъ другомъ такъ ясно не отразилось, какъ въ этихъ и другихъ подобныхъ же благотворительныхъ учрежденіяхъ. Императоръ Юліанъ прибѣгнулъ къ нимъ

съ прямымъ и точно высказаннымъ намѣреніемъ — дать язычеству тѣже достоинства, какія имѣло христіанство. Можетъ ли быть еще какое нибудь разительное доказательство превосходства того новаго духа, который началъ проникать и возрождать древнее общество?—

ИКОНОБОРСТВО И РИМСКІЕ ПАПЫ.

Восьмой вѣкъ видѣлъ зарожденіе великой религіозной борьбы, совершенно отличной по своему происхожденію, по своему характеру и по своимъ слѣдствіямъ отъ всѣхъ волненій, когда-либо возмущавшихъ христіанскій міръ. Иконоборство, то есть гоненіе на иконы было нововведеніемъ въ религіи, которое Восточный императоръ насильственно навязывалъ своимъ подданнымъ. Какія бы ни были побужденія Льва Исавряпина, побужденія нынѣ неизвѣстныя, потому что сочиненія современныхъ писателей, державшихъ его сторону, уничтожены ихъ противниками, было ли то отвращеніе его къ изящнымъ искуствамъ, или раздраженіе злоупотребленіемъ иконопочитанія, во всякомъ случаѣ онъ показалъ себя столько же неблагоразумнымъ политикомъ въ своемъ предпріятіи, какъ жестокимъ деспотомъ въ своихъ средствахъ. Прошло время, если только оно было когда-либо, чтобы декретъ правителя могъ измѣнить религію государства; тѣмъ болѣе, что въ этотъ разъ дѣло шло не о догматѣ вѣры, или богословскомъ вопросѣ, ускользающемъ отъ вниманія массы народа, но о полной перемѣнѣ въ предметѣ всеобщаго народнаго вѣрованія, въ ежедневныхъ выраженіяхъ утвердившагося богопочтенія. Императорскій эдиктъ изгонялъ изъ каждой церкви предметы, которые освятило всеобщее благоговѣніе

и на которые смотрѣли цѣлые вѣка, какъ на святыню. Не ограничиваясь нападеніемъ на храмы, похищеніемъ ихъ древнихъ украшеній, онъ проникалъ въ святилище семействъ. Никто не могъ спастись отъ этого необыкновеннаго гоненія. Оно касалось самыхъ задушевныхъ привычекъ всѣхъ людей ученыхъ и необразованныхъ, священниковъ и поселянъ, гражданскихъ чиновниковъ и солдатъ, мужчинъ, женщинъ, даже дѣтей. Икона, пользовавшаяся религіознымъ уваженіемъ, икона, къ которой обращена была благочестивая надежда всѣхъ сословій, возрастовъ и половъ, каждую минуту могла быть низвержена, поругана, разбита, попрана ногами; поклоненіе, воздававшееся ей съ такою любовью, становилось преступленіемъ и должно было совершаться тайно.

Ни указы, ни доказательства, ни брань въ пылу жаркихъ споровъ не въ состояніи были утолить ту ненависть, какую возбудила противъ себя власть. Борьба противоположныхъ сторонъ не могла уже ограничиться взаимными отлученіями или взаимными анаѳемами, къ которымъ обѣ стороны относились равнодушно. Одна сторона признавала своею священною обязанностію разрушать, уродовать, разбивать религіозныя эмблеммы; другая считала не менѣе священнымъ долгомъ защищать ихъ. Это былъ не споръ, но открытая война одной стороны въ христіанскомъ обществѣ съ другою. Къ счастію однакожъ силы были неравны и потерпѣвшимъ сначала сильное пораженіе было предназначено со временемъ получить полную побѣду.

До сихъ поръ императоры во всякой своей религіозной борьбѣ—держали-ль они сторону православія или ереси, всегда находили въ клирѣ и народѣ уже напе-

редъ образовавшуюся партію, готовую поддержать ихъ дѣйствія. На этотъ разъ имъ нужно было самимъ составить себѣ такую партію и если позже клиръ представилъ епископовъ—иконоборцевъ въ числѣ достаточномъ для составленія собора, если константинопольское народонаселеніе по временамъ обнаруживало сильный фанатизмъ противъ иконъ, въ обоихъ случаяхъ однакожъ не было ничего добровольнаго. Побужденіе выходило единственно отъ верховной власти, которая заключала въ себѣ автократію религіозную и свѣтскую. Клиръ часто могъ сопротивляться этой власти, могъ фактически не признавать ее, но онъ никогда не позволялъ себѣ отвергать ее публично. Впрочемъ это замѣчательное доказательство искуства первыхъ императоровъ — иконоборцевъ, что они съумѣли единственно своимъ авторитетомъ такъ долго поддерживать столь радикальный религіозный переворотъ.

Кромѣ того дѣло иконоборцевъ было слабо по своему характеру, чисто отрицательному. Это было не вознаграждаемое ничѣмъ гоненіе извѣстныхъ народныхъ чувствъ. Оно не опиралось, какъ напримѣръ послѣдующая протестантская реформа на болѣе или менѣе реальномъ обращеніи къ началамъ Писанія. Оно лишало чувство привычныхъ и почитаемыхъ предметовъ, но отсюда не выходило никакого обновленія въ ревности души къ благочестію. Обнаженныя стѣны, пустыя раки, разбитыя изваянія не внушали болѣе возвышеннаго и чистаго понятія о Богѣ и Спасителѣ. Здѣсь былъ только раціонализмъ, ничѣмъ не подготовленный, только попытка закономъ и эдиктомъ подѣйствовать на современное поколѣніе касательно предмета, освященнаго религіозными обычаями многихъ вѣковъ. Ненависть къ

иконамъ, по мѣрѣ продолженія борьбы, могла превратиться въ жестокій, разрушительный фанатизмъ, но она никогда не могла сдѣлаться составною частью религіи. Она была довольно могущественна, чтобы гнать то, что она считала идолослуженіемъ, но была не въ силахъ создать вѣру болѣе просвѣщенную.

Это новое религіозное потрясеніе имѣло огромныя политическія послѣдствія. На Востокѣ, въ то самое время, когда нужно было соединить и подчинить одной волѣ всѣ силы христіанства, чтобы отразить нападеніе магометанъ, оно ослабило военную энергію, начинавшую возрождаться при Исаврійской династіи; оно лишило популярности искусныхъ императоровъ, которыхъ таланты открываются при самыхъ нападеніяхъ на нихъ враговъ ихъ; и наконецъ еще болѣе возбудивши придворныя интриги, оно новыми преступленіями содѣйствовало тому, чтобы порядокъ престолонаслѣдія сталъ еще неправильнѣе и запутаннѣе прежняго.

На Западѣ раздоръ изъ-за иконъ повелъ въ результатамъ еще болѣе важнымъ, особенно для будущаго времени. Онъ произвелъ полный разрывъ религіозной связи, соединявшей латинскіе народы съ Востокомъ, совершенную эманципацію итальянскихъ провинцій, свѣтскую власть папъ, вмѣшательство франкскихъ королей въ дѣло Италіи и наконецъ появленіе новой Западной имперіи при Карломанѣ.

Между всѣми случайными лицами, въ разныя времена восходившими на константинопольскій престолъ, нельзя указать ни на одного, который бы употребилъ для этого средства менѣе предосудительныя и былъ менѣе обремененъ преступленіями, чѣмъ Левъ Исаврянинъ. Историки, описывавшіе первые годы его жизни, при

всей враждѣ къ нему, не могутъ не высказать своего уваженія къ его военнымъ и политическимъ талантамъ. Завѣтъ, который, съ первыхъ лѣтъ своей карріеры, онъ внушалъ царствовавшему государю, доказываетъ также, что общественный голосъ готовъ былъ признать его достойнымъ власти. Во время войны съ Аланами, оставленный Іустиніаномъ II, въ затруднительномъ положеніи съ малымъ числомъ солдатъ, онъ съумѣлъ выпутаться изъ бѣды столько же своею ловкостію, какъ и мужествомъ. Въ самыхъ щекотливыхъ положеніяхъ онъ умѣлъ показать равно искуство и рѣшительность и если противъ него употребляли иногда коварство, то и онъ не совѣстился дѣйствовать, въ свою очередь, тѣмъ же оружіемъ для собственной защиты.

Опасность, грозившая въ то время государству, призывала на престолъ человѣка дѣятельнаго и предпріимчиваго, воина по призванію. Поэтому вступленіе Льва на престолъ встрѣчено было всеобщимъ удовольствіемъ. Прежде всего онъ принялъ мѣры для безопасности имперіи, существованію которой грозила постоянная опасность отъ нападенія магометанъ, окружавшихъ и тѣснившихъ Константинополь со всѣхъ сторонъ. Никогда еще Восточная имперія не подвергалась большей опасности, какъ въ первую осаду ея столичнаго города. Чтобы спасти Константинополь, нужны были со стороны императора такое непобѣдимое мужество, такая неутомимая дѣятельность и тѣ высокіе таланты, которые онъ обнаружилъ во время защиты столицы.

Левъ объявилъ себя врагомъ иконъ только послѣ десяти лѣтъ царствованія. Но его нетерпимость обнаружилась уже въ томъ, что онъ обязывалъ іудеевъ и монтанистовъ креститься. Результаты этого перваго гоненія

были неутѣшительны. Іудеи тайно смывали съ себя крещеніе, а когда принуждали ихъ пріобщаться, они старались не являться къ священной трапезѣ натощакъ. Что же касается до монтанистовъ, то они рѣшились скорѣе сжигать себя въ своихъ домахъ, чѣмъ подчиняться волѣ Государя. У другаго правителя такія дѣйствія можетъ быть прошли-бы незамѣтно, не навлекши на него укоризнъ со стороны тогдашнихъ историковъ.

Начался десятый годъ царствованія Льва, когда поразилъ вѣрныхъ упавшій на нихъ, подобно неожиданному удару грома, первый эдиктъ, запрещавшій всякое почитаніе иконъ. Императоръ тотчасъ былъ объявленъ враждебнымъ поклоненію Пресвятой Дѣвѣ, святымъ и мощамъ. Распространился слухъ, что въ своемъ семействѣ онъ говоритъ іудейскимъ или магометанскимъ языкомъ. Разсказывали, что во время его дѣтства, когда онъ былъ еще небольшимъ мальчикомъ и назывался Конономъ, два іудея обѣщали ему власть надъ всѣмъ свѣтомъ, если онъ дастъ обязательство истребить иконы во всемъ христіанскомъ мірѣ. Онъ далъ имъ будто-бы торжественную клятву, и теперь у него требовали исполненія этой клятвы. Прибавимъ, что Левъ имѣлъ уже образецъ въ Дамаскѣ въ лицѣ калифа изъ дому Оммiадовъ, Іезида II, которому также какой-то волхвъ обѣщалъ сороколѣтнее царствованіе подъ условіемъ истребленія иконъ; но Богъ поспѣшилъ уничтожить этого мусульманина-осквернителя святыни, совѣтникомъ котораго былъ одинъ отступникъ—христіанинъ. Какія въ самомъ дѣлѣ были побужденія у Льва? Намъ едва возможно догадываться о нихъ. Можетъ быть видъ мусульманъ, отвергающихъ иконы былъ для него примѣромъ; или наконецъ можетъ быть даже частыя обвиненія во-

сточныхъ христіанъ іудеями и магометанами въ идолопоклонствѣ внушили ему желаніе оправдаться блестящимъ образомъ? Также, можетъ быть, онъ замѣтилъ, что его подданные вмѣсто того, чтобы защищаться отъ враговъ мужествомъ и военною дисциплиною, надѣются лишь на чудную помощь иконъ и святыхъ? Достовѣрно одно, что Левъ Исавріянинъ, какъ государственный человѣкъ, какъ полководецъ, съ непреклонною настойчивостію шелъ ко всякой цѣли, которую себѣ предположилъ.

Въ первомъ императорскомъ эдиктѣ видна еще нѣкоторая сдержанность. Не предписывая уничтожать иконы, онъ запрещаетъ только *поклоняться* всѣмъ изваяніямъ и картинамъ, представляющимъ Божію Матерь и святыхъ. Всѣ эти изображенія, если только они не нарисованы на стѣнѣ, должны быть помѣщены на значительной высотѣ, чтобы нельзя было цѣловать ихъ и оказывать имъ другихъ, столь часто употреблявшихся доселѣ, знаковъ благоговѣнія.

Почти въ это самое время случилось сильное вулканическое изверженіе въ Егейскомъ морѣ. Среди яснаго дня небо вдругъ потемнѣло какъ въ глубокую ночь, лава пепла и камней покрыла Архипелагъ и изъ подъ воды вышелъ новый островъ. Въ этомъ грозномъ феноменѣ императоръ видѣлъ знакъ божественнаго гнѣва за то, что онъ такъ долго терпѣлъ идолопоклонство своихъ подданныхъ; но съ другой стороны всѣ ревностные защитники иконъ и враги императора видѣли въ этомъ небесномъ знаменіи осужденіе святотатственнаго эдикта.

Послѣ промежутка, который намъ трудно опредѣлить, послѣдовалъ второй эдиктъ, повелѣвавшій, чтобы всѣ иконы были уничтожены и всѣ стѣны церквей

были покрыты одноцвѣтной краской. Это раздражило не только духовенство, но весь народъ, который пришелъ въ неистовое волненіе. Присутствіе самого императора не могло сдержать жителей Константинополя. Когда данъ былъ приказъ ниспровергнуть стоявшій на одной городской площади рельефный образъ Спасителя, славный своими чудесами, тотчасъ собралась несмѣтная толпа, состоявшая преимущественно изъ женщинъ. И когда исполнитель приказа взошелъ по лѣстницѣ и трижды ударилъ топоромъ почитаемое изображеніе, она подняла ужасающій крикъ. Женщины кинулись на святотатца, сбросили его съ лѣстницы и до смерти заколотили палками. Получивши увѣдомленіе объ этомъ, императоръ послалъ отрядъ солдатъ на мѣсто возмущенія: послѣдовала страшная рѣзня. Убитые чествованы были, какъ мученики. Съ этого событія историки уже постоянно представляютъ Льва фанатикомъ-мусульманиномъ, подвергающимъ православныхъ бичеванію, изуродованію, конфискаціи и ссылкѣ, закрывающимъ школы, сожигающимъ библіотеки. Даже его побѣды не ставятся ему въ заслугу. Если Никея уцѣлѣла во время нападенія Сарацынъ, то это ни мало не зависѣло отъ храбраго сопротивленія тамошняго гарнизона. Народъ съ ужасомъ повторялъ, что императоръ не вѣритъ чудесному покровительству святыхъ, спасшихъ Никею.

Возмущеніе не ограничивалось столицею. Возстаніе обнаружилось въ Греціи и на островахъ Архипелага. Оно вооружаетъ флотъ, провозглашаетъ новаго императора и грозитъ Константинополю. Впрочемъ корабли мятежниковъ разсѣяны и уничтожены императорскимъ флотомъ и возмущеніе оканчивается казнію узурпатора и главныхъ начальниковъ возстанія.

Всѣ православные епископы, съ немногими исключеніями, осудили поведеніе Льва. Въ первый разъ, можетъ быть, папа—въ ту пору Григорій II—и константинопольскій патріархъ явились въ тѣсномъ союзѣ между собою въ одной и той же борьбѣ. Напрасно императоръ старался привлечь на свою сторону престарѣлаго патріарха Германа, которому было тогда восемьдесятъ пять лѣтъ;—доказательства, увѣщанія, угрозы—все было безполезно. Чтожe касается Григорія, то мы должны внимательно разсмотрѣть его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ, потому что онъ произвелъ весьма важные результаты.

Византійскіе историки говорятъ, что какъ только папа узналъ о войнѣ, объявленной императоромъ иконамъ, онъ прямо возсталъ противъ императора. По ихъ словамъ, папа запретилъ Италіянской провинціи платить подати. Это намъ кажется невѣроятнымъ. Все, что мы знаемъ о Григоріѣ, представляетъ намъ его одинаково посредственнымъ какъ по уму, такъ и по характеру. Намъ кажется, онъ неспособенъ былъ видѣть въ ереси Льва будущую судьбу Рима. Онъ писалъ къ императору письмо, сохранившееся до настоящаго времени. Этотъ историческій документъ слишкомъ важенъ, чтобы пройти его безъ вниманія.

Сдѣлавши нѣсколько похвалъ поведенію императора въ первые годы его царствованія, папа выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Въ продолженіе десяти лѣтъ вы не обращали никакого вниманія на иконы, которыя нынѣ называете идолами и повелѣваете истреблять. Даже невѣрные возмущаются вашимъ нечестіемъ. Христосъ осудилъ соблазняющихъ даже одно малое дитя, а вы не боитесь соблазнять цѣлый міръ. Вы говори-

те, что Богъ запретилъ обожать предметы, сдѣланные рукою человѣка; но кто обожаетъ ихъ? Зачѣмъ вы — императоръ и глава всѣхъ христіанъ—не посовѣтовались съ мудрыми? Вы далеки отъ этого, вы одинаково презрѣли Писаніе, святыхъ Отцевъ и шесть вселенскихъ Соборовъ. Можетъ быть эти доказательства жестки и грубы, но они годятся для такого необразованнаго и грубаго ума, каковъ вашъ, и выражаютъ истину". Чрезъ нѣсколько строкъ, которыя мы опускаемъ, папа опровергаетъ мнѣніе, будто вѣрные обожаютъ дерево или камень: „это, говоритъ онъ, простые символы, назначенные возбуждать благочестивое чувство. Затѣмъ онъ прибавляетъ: "Подите въ одну изъ тѣхъ школъ, гдѣ маленькія дѣти учатся читать и объявите себя разрушителемъ иконъ! Они пустятъ вамъ въ голову своими дощечками и вы отъ этихъ молодыхъ душъ научитесь тому, чему не захотѣли научиться у мудрецевъ. По власти, данной мнѣ Св. Петромъ, я могъ-бы назначить вамъ наказаніе, но какъ вы навлекли на себя проклятіе, то пусть оно постигнетъ васъ." Потомъ папа укоряетъ императора за то, что онъ не посовѣтовался съ достопочтеннымъ Германомъ, мудрыя внушенія котораго нѣкогда склонили императора Константина, сына Констанса, созвать шестый вселенскій Соборъ. Этотъ государь объявилъ тогда, что онъ будетъ присутствовать на соборѣ епископовъ въ качествѣ смиреннаго слушателя, чтобы исполнить ихъ опредѣленія и изгнать виновныхъ, которыхъ они осудятъ. Затѣмъ онъ присоединилъ, что еслибы его родной отецъ уклонился отъ чистоты вѣры, то онъ первый произнесъ-бы на него анаѳему. „Догматы Церкви, продолжаетъ Григорій, находятся въ вѣдѣніи епископовъ, а не императоровъ.

Какъ епископы не должны вмѣшиваться въ дѣла государства, такъ императоры не должны вмѣшиваться въ дѣла Церкви. Вы требуете собора: уничтожьте ваши эдикты, перестаньте истреблять иконы, и не нужно будетъ собора... Въ Константинополѣ вы святотатственно извергли изображеніе Спасителя; но въ Италіи варвары отмстили за это на статуяхъ императора, пользовавшихся до тѣхъ поръ уваженіемъ. Отъ этого произошло нападеніе Лонбардовъ, взявшихъ Равенну и грозящихъ Риму. Какъ ваше собственное безразсудство дѣлаетъ васъ неспособнымъ защищать Римъ, и вы думаете испугать насъ? Вы грозите прислать солдатъ ниспровергнуть изображеніе Св. Петра и въ цѣпяхъ отвести папу Григорія въ Константинополь, какъ нѣкогда предшественника нашего, Мартина? Развѣ вы не знаете, что папы всегда были оплотомъ между Востокомъ и Западомъ и что они посредники общаго мира? Мнѣ стоитъ только удалиться въ Кампанью, не болѣе какъ за двадцать четыре мили отсюда, и вы столько же будете въ состояніи преслѣдовать мою особу, сколько облака. Офицеръ, оскорбившій папу Мартина, былъ взятъ отъ этого міра безъ покаянія, а Мартинъ въ самой ссылкѣ своей просіялъ святостію и надъ его могилою въ Херсонесѣ совершаются чудеса. Да сподобитъ небо и меня раздѣлить судьбу Мартина. А что касается до изображенія Св. Петра, на которое всѣ западные народы смотрятъ, какъ на предметъ поклоненія, то, если вы сдѣлаете на него нападеніе, весь Западъ соединится и страшно отмститъ вамъ. Ваши угрозы возбуждаютъ во мнѣ только презрѣніе; но я предупреждаю васъ, что я буду невиненъ въ крови, которая прольется, и что эта кровь падетъ на вашу голову.

Да низведетъ Богъ страхъ въ сердце ваше и о, еслибы я получилъ вскорѣ письма, извѣщающія о вашемъ обращеніи! Да отвратитъ Спаситель ваше сердце отъ людей, побуждающихъ васъ къ этимъ соблазнамъ и да возвратитъ чрезъ то спокойствіе міру"...

Вскорѣ за первымъ послѣдовало второе письмо папы, но имѣло не большій успѣхъ. Патріархъ Германъ, съ своей стороны, нѣсколько разъ обращался къ императору, но съ большею умѣренностію и благоразуміемъ. Наконецъ принялъ участіе въ этомъ спорѣ Іоаннъ Дамаскинъ, обнародовавши въ защиту иконъ, одно за другимъ, три посланія, которыя произвели глубокое впечатлѣніе. Императоръ не уступалъ... Патріархъ настаивалъ на рѣшеніи спора вселенскимъ соборомъ; но Императоръ принудилъ Германа оставить свою каеедру (729 г.). Почтенный, почти столѣтній старецъ скончался въ родовомъ своемъ имѣніи Платаніумѣ, въ 740 году.

Преемникомъ Льва Исавряника, умершаго въ 741 году, былъ сынъ его Константинъ, прозванный Копронимомъ, потому что, по свидѣтельству хронистовъ, которыхъ сочиненія дошли до насъ отъ того времени, онъ уже въ день своего крещенія, во время погруженія, обнаружилъ знакъ своего презрѣнія къ священнымъ предметамъ. Хотя онъ уже двадцать лѣтъ участвовалъ въ правленіи вмѣстѣ съ отцемъ, однако его вступленіе на престолъ встрѣтило страшное сопротивленіе. Обѣ стороны, на которыя раздѣлилась Восточная имперія (*εἰκονολάτραι* и *εἰκονοκλάσται*), оспаривали другъ у друга владѣніе престоломъ. Воспользовавшись отсутствіемъ Константина, занятаго войною съ Сарацинами, враждебная ему партія распространила въ столицѣ молву объ его

смерти и провозгласила императоромъ шурина его Артавазда. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ этотъ переворотъ; но партія Льва, привязанная къ нему и его сыну, оставалась нейтральною и въ бездѣйствіи. Преемникъ Германа, патріархъ Анастасій, ставшій, въ угоду императору Льву, на сторону иконоборцевъ, думалъ теперь искупить свое заблужденіе и недостатокъ характера, поклявшись крестомъ предъ престоломъ, что онъ слышалъ, какъ императоръ отвергалъ Божество Іисуса Христа и произносилъ другія не менѣе страшныя хулы на Бога. Неистовая толпа съ восторгомъ объявила Константина низверженнымъ и вышла изъ церкви, чтобы перебить его совѣтниковъ. Однако Константинъ, вмѣстѣ съ религіозными мнѣніями, наслѣдовалъ мужество своего отца. Ловкій, дѣятельный, любимый войскомъ, онъ, нимало не колеблясь, далъ сраженіе, въ которомъ со всею свирѣпостію развернулись страсти войны междоусобной и религіозной. Побѣдивши въ этомъ сраженіи, Императоръ осадилъ Константинополь, который послѣ упорнаго сопротивленія и вытерпѣвши всѣ ужасы голода, наконецъ сдался. Артабаздъ за свое узурпаторство былъ наказанъ лишеніемъ глазъ. Патріархъ Анастасій подвергся тому же наказанію; послѣ чего для униженія въ лицѣ его всего столичнаго духовенства, его снова помѣстили въ патріаршемъ дворцѣ. Затѣмъ послѣдовали многочисленныя убійства; нѣсколько домовъ отдано было на расхищеніе солдатамъ. Однимъ словомъ Императоръ отмстилъ съ жестокостію, которая была свойственна тогдашнимъ нравамъ, и которую, впрочемъ, враги его ни мало не уменьшили въ своихъ разсказахъ.

Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ Константинъ, казалось, удерживался отъ всякой новой мѣры противъ

иконъ. Его власть прочно утвердилась; строгости его боялись; вѣроятно и враждебная партія не осмѣливалась покуситься на какое либо новое возмущеніе. Она довольствовалась тѣмъ, что указывала народу, какъ на небесное наказаніе, на язву, которая, вышедши изъ Сициліи, т. е. съ запада, чего доселѣ никогда не бывало, произвела во всѣхъ провинціяхъ страшныя опустошенія. Живыхъ недоставало, говорятъ историки, чтобы хоронить умершихъ. Въ этотъ же десятилѣтній періодъ, Константинополь, отразивши Сарацынъ на востокѣ и Болгаровъ на сѣверѣ, окончательно установилъ границы имперіи.

Въ 750 году, въ десятый годъ своего царствованія, Константинъ, водворивши спокойствіе въ имперіи, обезпечивши свои династическіе интересы и подготовивши клиръ къ одобренію его политики, созвалъ въ Константинополѣ большой соборъ, на которомъ присутствовало 348 епископовъ. Эти епископы имѣли притязаніе составить седьмый вселенскій соборъ, но защитники иконъ не признали собраніе ихъ вселенскимъ соборомъ, ссылаясь на отсутствіе папы, не приславшаго на этотъ соборъ своего представителя, и на отсутствіе патріарховъ іерусалимскаго, антіохійскаго и александрійскаго, въ то время подданныхъ калифа, но удержанныхъ, безъ сомнѣнія, несогласіемъ въ своихъ мнѣніяхъ съ иконоборцами. Константинопольскій патріархъ только что умеръ и въ собраніи предсѣдательствовалъ епископъ Ефесскій, одинъ изъ совѣтниковъ императора въ дѣлахъ религіи. Изъ актовъ этого константинопольскаго собора намъ извѣстно только то, что въ послѣдствіи осуждено было на соборѣ Никейскомъ. Изъ постановленій этого послѣдняго собора мы знаемъ, что константинопольскій соборъ

запретилъ живопись, какъ богохульство, объявилъ, что всѣ иконы—такіе же идолы, какъ и идолы язычниковъ, и осудилъ наконецъ почитателей иконъ, какъ еретиковъ, составивши такую изворотливую дилемму: или живописцы представляютъ одну человѣческую природу Христа и такимъ образомъ допускаютъ заблужденіе Несторія, признавшаго въ Спасителѣ два лица; или, если они представляютъ глазамъ вѣрныхъ смѣсь или сліяніе двухъ природъ, они раздѣляютъ ересь Евтихія и Арія. Въ слѣдствіе этого соборъ рѣшилъ, что всѣ иконы какъ рѣзныя, такъ и живописныя, должны быть изгнаны изъ храмовъ, — всякій клирикъ, воздающій какое либо поклоненіе иконѣ, должемъ быть низверженъ, а міранинъ отлученъ. Эти постановленія, кажется, произнесены были единодушно, такъ какъ всѣ собравшіеся епископы объявили, что ихъ одушевляетъ одно чувство, что они исповѣдуютъ одну и ту же вѣру, которая состоитъ въ духовномъ поклоненіи только духовной природѣ Божества. Константинопольскій соборъ окончилъ свои труды молитвою за благочестивыхъ императоровъ, давшихъ миръ Церкви, восторжествовавшихъ надъ приверженцами заблужденія и утвердившихъ навсегда истинное ученіе. Наконецъ главные защитники иконъ торжественно и поимянно преданы были анаѳемѣ.

Постановленія Константинопольскаго собора, строго выполняемыя императорскими чиновниками надъ оставшимися еще иконами, вездѣ встрѣтили живое сопротивленіе, въ главѣ котораго стали иноки. Императоръ былъ суровъ; а постоянная война, которую онъ принужденъ былъ вести съ Сарацынами, не могла смягчить его грубости. Раздраженный сопротивленіемъ и видя, что его авторитетъ падаетъ, онъ прибѣгъ къ гоненію,

которое вскорѣ сдѣлалось свирѣпымъ. Не избѣгали никакихъ насильственныхъ мѣръ. Всякій клирикъ, особенно всякій инокъ, отказывавшійся подписать, какъ членъ вѣры, опредѣленія послѣдняго собора, подвергался ссылкѣ, конфискаціи собственности, казни. Монастыри были ограблены и сожжены; монаховъ и монахинь принуждали къ супружеству. Тысячи лицъ искали убѣжища у варваровъ, другіе удалились въ Римъ. Слѣдующій разсказъ покажетъ, каково было это время испытанія.

Въ 779 году константинопольскій патріархъ Константинъ, занявшій на константинопольской каѳедрѣ мѣсто несчастнаго Анастасія, былъ обвиненъ въ употребленіи непочтительныхъ выраженій о Государѣ. Еще прежде онъ долженъ былъ оправдываться въ томъ, будто онъ приписывалъ императору ересь Несторія. Въ этотъ разъ его обвинители клялись крестомъ, что были свидѣтелями сношеній его съ однимъ изъ начальниковъ недавно открытаго заговора. Патріархъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ несчастный изгнанникъ принужденъ былъ согласиться уступить свое мѣсто евнуху Никитѣ; послѣ того по какому то новому обвиненію его привели въ столицу и подвергли жестокому бичеванію. Такъ какъ послѣ этого наказанія онъ не могъ уже стоять на ногахъ, то его въ носилкахъ принесли на средину соборной церкви, гдѣ собралась, разумѣется, недобровольно многочисленная толпа, чтобы выслушать обвиненія его и присутствовать при его низложеніи.

Послѣ каждаго обвинительнаго пункта, секретарь Никиты плевалъ въ лице этому несчастному архипастырю. Потомъ посадили его на каѳедру и когда его преемникъ читалъ ему приговоръ отлученія, другой епископъ сни-

малъ съ него архипастырскія украшенія, не щадя низкихъ ругательствъ и наконецъ выгналъ его изъ храма. На другой день ему обрили волосы на головѣ, бороду, брови, потомъ, одѣвши въ простую тунику безъ рукавовъ, посадили на осла и провезли по цирку среди криковъ, и насмѣшекъ народа. Наконецъ сбросили его съ неблагороднаго животнаго и попирали ногами. Въ такомъ положеніи онъ оставался предъ глазами народа до конца игръ. Спустя нѣсколько дней ему приказали засвидѣтельствовать о православіи императора и признать авторитетъ послѣдняго собора. Несчастный подписалъ все, чего отъ него хотѣли, и въ награду за это послушаніе ему отрубили голову. Историки заканчиваютъ эти подробности удостовѣреніемъ, что патріархъ Константинъ воспринималъ при крещеніи двоихъ дѣтей Константина.

Уже во второй разъ такъ поступала съ Константинопольскимъ патріархомъ императорская власть, которая, нарушая прямой каноническій законъ, возвела презрѣннаго евнуха въ санъ архипастырскій. Какъ послѣ этого удивляться, что такіе римскіе епископы, какъ Григорій II и Григорій III, захотѣли освободиться отъ подобнаго самоуправства и что они стали искать у сѣверныхъ варваровъ покровительства, въ которомъ отказывалъ имъ правитель Восточной имперіи. Варвары по крайней мѣрѣ уважали священный санъ.

Если византійскіе историки и не слишкомъ преувеличили жестокости своего непримиримаго врага Константина Копронима, однакожъ вѣрно, что они показали себя несправедливыми къ его другимъ, лучшимъ качествамъ. Въ продолженіе своего тридцати-пятилѣтняго царствованія Константинъ своею военною храбростію и поли-

тическимъ искуствомъ съумѣлъ сохранить въ цѣлости оставшуюся территорію падающей имперіи, со всѣхъ сторонъ подвергавшейся нападеніямъ враговъ. Онъ умеръ въ 775 году, во время похода противъ Болгаръ, отъ горячки. Умирая онъ просилъ молиться за него Пресвятой Дѣвѣ, которой, по словамъ его, онъ всегда поклонялся съ глубокимъ благоговѣніемъ.

Левъ, прозванный Козаромъ, по своей матери, которая была татарская княжна, заступилъ мѣсто своего отца Константина, но царствовалъ только пять лѣтъ. Это былъ государь съ характеромъ кроткимъ до слабости. Умирая, онъ оставилъ царство своему малолѣтнему сыну, Константину Порфирогенету, подъ опекою матери его, императрицы Ирины. Послѣдняя—женщина умная и набожная, всегда тайно почитала иконы и, какъ только получила власть, тотчасъ же рѣшилась возстановить иконопочитаніе, преслѣдуемое тремя послѣдними императорами.

Константинопольскимъ патріархомъ былъ тогда кроткій старецъ, по имени Павелъ. Императрица тайно склонила его удалиться въ монастырь, объявить тамъ, что онъ горько сожалѣетъ, что доселѣ держался стороны иконоборцевъ, и торжественно выразить желаніе, чтобы созванъ былъ вселенскій Соборъ для уврачеванія золъ страждущей Церкви. Немного спустя послѣ этого онъ умеръ. Ирина позаботилась, чтобы на его мѣсто былъ избранъ извѣстный Тарасій, лице весьма популярное, благочестіе котораго было достовѣрно ей извѣстно.

Тарасій принялъ санъ патріарха подъ тѣмъ условіемъ, чтобы былъ созванъ соборъ, котораго требовалъ его предшественникъ, и лишь только былъ рукополо-

женъ, онъ посвятилъ всѣ свои усилія торжеству дѣла, котораго онъ сталъ теперь представителемъ.

Онъ отправилъ пословъ въ Римъ просить присутствія папы на скоро имѣющемъ быть соборѣ, или по крайней мѣрѣ посольства легатовъ, уполномоченныхъ быть его представителями. Сверхъ того онъ обезпечилъ для себя содѣйствіе патріарховъ александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. Папа Адріанъ сначала возражалъ противъ избранія мірянина на патріаршій константинопольскій престолъ, потому что Тарасій не принадлежалъ къ клиру; но вынужденный обстоятельствами, онъ наконецъ согласился послать на соборъ своихъ представителей. Три Восточные патріарха также послали своихъ представителей.

Соборъ собрался сначала въ Константинополѣ. Но если поклоненіе иконамъ и не потеряло своей прежней силы въ народѣ и войскѣ, то привязанность къ памяти Константина въ войскѣ была весьма сильна. Солдаты вломились въ залу собора и выгнали собравшихся тамъ епископовъ. Никто не былъ убитъ, но стало очевидно, что собраніе почитателей иконъ небезопасно въ столицѣ.

Мѣстомъ для собора была выбрана Никея безъ сомнѣнія по воспоминанію о первомъ великомъ Соборѣ, соединенному съ этимъ городомъ. Постановленія, отмѣченныя именемъ Никеи, должны были казаться народу запечатлѣнными особенною святостію, а охрана собора могла быть довѣрена какому нибудь надежному отряду войска. Императрица, видя, что солдаты въ Константинополѣ презираютъ ея авторитетъ, поспѣшно распустила старые отряды, преданные памяти ея свекра, жертвуя такимъ образомъ успѣху своихъ религіозныхъ пла-

немъ безопасностію имперіи, границамъ которой постоянно грозили Болгары и Сарацыны.

Соборъ состоялся наконецъ въ 787 г. подъ председательствомъ Тарасія. На соборѣ присутствовало 250 епископовъ и 300 настоятелей монастырей и иноковъ. Первое его дѣйствіе ясно обнаружило его направленіе. Лишь только было прочитано императорское посланіе о созваніи собора, три азіатскіе епископа вышли предъ собраніе, смиренно прося простить заблужденія ихъ и примирить ихъ съ Церковью. Потомъ они прочитали исповѣданіе вѣры, въ которомъ называли соборомъ безумныхъ самозванный константинопольскій соборъ, такъ нечестиво нарушившій ученіе Церкви о святыхъ иконахъ. Они окончили свое исповѣданіе произнесеніемъ анаѳемы на всѣ дѣйствія, слова, всѣ члены этого собора.

Соборъ съ радостью принялъ раскаяніе этихъ трехъ епископовъ и Тарасій торжественно разрѣшилъ ихъ. Затѣмъ послѣдовали другія подобныя заявленія и дѣло кончилось тѣмъ, что иконоборство было отнесено къ числу самыхъ злыхъ ересей, подобныхъ ереси Несторія и Арія. Соборныя разсужденія велись въ неукоризненномъ порядкѣ и съ достоинствомъ. Всѣ рѣшенія были единодушны. Онѣ изложены въ торжественномъ декретѣ, которымъ соборъ, согласно съ правилами предшествующихъ великихъ соборовъ, возстановлялъ почитаніе иконъ.

Ирина выполнила свое намѣреніе, а продолжительность ея власти, кончившейся только въ 802 г. позволила ей упрочить торжество.

Послѣ Ирины менѣе, чѣмъ въ 40 лѣтъ, смѣнилось пять императоровъ и всѣ они были болѣе или менѣе

враждебны иконамъ; войско поддерживало ихъ, но иконоборство было поражено на смерть никейскимъ соборомъ. Въ 842 г. 19 февр., по старанію другой императрицы, по имени Өеодоры, торжественная процессія, въ которой участвовалъ весь константинопольскій клиръ, сопровождаемая всѣмъ народонаселеніемъ столицы, отправилась въ церковь св. Софіи, чтобы возвратить этому знаменитому храму всѣ древнія иконы, которыхъ лишили его иконоборцы. Онъ сохранилъ ихъ до появленія иконоборцевъ болѣе страшныхъ, нежели Левъ Исаврянинъ и Константинъ Копронимъ, то есть до Магомета II и его преемниковъ. Православная Церковь еще и нынѣ празднуетъ годину 19 февр. 842 года въ такъ называемую недѣлю Православія.

Историческимъ результатомъ религіознаго волненія, произведеннаго Львомъ Исавряниномъ, была независимость Рима и начало свѣтской власти папъ. До VIII столѣтія Римъ имѣлъ еще нѣкоторую связь съ Восточною имперіею. Послѣ остготскаго ига, со времени покоренія Италіи Юстиніаномъ, Римъ низведенъ на степень провинціальнаго города. Но съ этихъ поръ онъ начинаетъ разрывать и тѣ узы, которыя тянули его къ Востоку, и становится во главѣ хотя и грубой, но полной молодости и крѣпости цивилизаціи Запада. Византійская имперія, подъ ударами варваровъ, при слабыхъ императорахъ, умираетъ медленной агоніей. Между тѣмъ Западная Европа выдѣляетъ изъ себя и организуетъ свѣжія силы народовъ, выходящихъ изъ варварскаго полудикаго состоянія на поприще исторіи и полагающихъ основаніе величайшихъ государствъ Западной Европы.

Эмансипація Италіи, съ своей стороны, способство-

какъ исламизмъ своими послѣдовательными побѣдами въ Средиземномъ морѣ и въ малой Азіи, мало по малу обрѣзывавшими Восточную имперію, въ то время какъ съ Сѣвера продолжали свои нападенія Болгары. Императоры, принужденные защищать крѣпости, ближайшія къ столицѣ, не имѣли достаточнаго запаса войска, чтобы содержать въ Италіи армію, необходимую для сохраненія въ своей власти экзархата съ его владѣніями. Сверхъ того, мусульманскій флотъ побѣдоносно прошелъ Архипелагъ и связь между Римомъ и Константинополемъ становилась болѣе и болѣе трудною. У папъ, притѣсняемыхъ деспотизмомъ отдаленнаго правителя, постепенно возбуждалось желаніе независимости и стремленіе къ власти верховнаго первосвященника Запада. Декреты иконоборцевъ произвели окончательный разрывъ, подготовленный другими второстепенными причинами. По прекращеніи династіи Юстиніана, въ императорское достоинство облекались одинъ за другимъ случайные искатели приключеній. Эти продолжительныя революціи ослабили привязанность провинціи отдаленной, долженствовавшей признавать наслѣдственное право лучшимъ дипломомъ на ея повиновеніе. Римъ и Италія видѣли себя въ унизительной необходимости признавать авторитетъ перваго солдата, котораго угодно было константинопольской черни, войскамъ или царедворцамъ возвести на престолъ. Равеннские экзархи, намѣстники Восточнаго императора въ Италіи, подобно сатрапамъ восточнымъ, довольно сильные для тиранства въ Италіи, были очень слабы для покровительства ей. Они увеличивали и безъ того огромные налоги, посылая доходъ съ нихъ въ Константинополь, и въ то же время не предпринимали никакихъ дѣйствительныхъ

міръ противъ безпрерывнаго наплыва Лонбардовъ. Въ первосвященство Іоанна VI необходимо было даже посредничество римскаго епископа для спасенія экзарха Өеофилакта отъ ярости его собственныхъ возмутившихся солдатъ. При такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ у епископовъ, даже менѣе честолюбивыхъ, должно было зародиться желаніе отложиться отъ Византійской имперіи, близкой къ своему паденію. Разсматривая прошедшее Рима, они находили, что присоединеніе этого города къ Восточной имперіи есть событіе еще свѣжее, что оно совершено было недавнею побѣдою Юстиніана; обращая же вниманіе на интересъ и достоинство своей каѳедры, они сознавали, что римскій епископъ, сдѣлавшись подданнымъ Константинополя, несравненно менѣе, чѣмъ когда либо, имѣлъ независимости и авторитета. До этого плачевнаго періода никогда не случалось, чтобы папу требовали въ столицу, какъ послѣдняго императорскаго чиновника, отдавать здѣсь отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, никогда не видно было, чтобы римскаго первосвященника арестовали воины императора, какъ это случилось съ Мартиномъ 1-мъ, чтобы таскали его по Константинополю, оскорбляли его жестокимъ и унизительнымъ съ нимъ обращеніемъ и наконецъ осудили на смерть въ ссылкѣ.

Съ другой стороны, какъ бы ни были римляне и ихъ епископъ вѣрны старому управленію имперіи, какое-бы ни питали они отвращеніе къ игу королей—варваровъ, всегда готовыхъ замѣнить собою императорскихъ экзарховъ, — и эти послѣднія связи должны были лопнуть, какъ скоро Императоръ сдѣлался ересеначальникомъ, и ересеначальникомъ тѣмъ болѣе ненавистнымъ, что дѣло на этотъ разъ касалось не ученія созерцательнаго, но

практической стороны религіи, ежедневнаго обряда. Въ глазахъ итальянцевъ императоръ иконоборецъ становился тѣмъ же, чѣмъ былъ любой мусульманскій правитель. На Востокѣ, или въ слѣдствіе робости, или же по другимъ побужденіямъ, многочисленная партія, даже изъ среды клира, примкнула къ императору, который торжествовалъ здѣсь, не встрѣчая слишкомъ сильной оппозиціи себѣ со стороны духовенства. Но на Западѣ было напротивъ. Тамъ враждебное расположеніе къ иконоборцамъ было всеобщее и почитаніе иконъ составляло неотразимую потребность народа. Папы это понимали. Вѣрные представители религіознаго настроенія своего времени, они съ самаго начала подавали собою примѣръ всенароднаго почитанія иконъ. Такъ Іоаннъ VII, управлявшій Церковію отъ 705 года до 707 и подвергавшійся самому унизительному обращенію отъ императора Юстиніана, украсилъ много римскихъ церквей картинами и изваяніями святыхъ, и это напоминаніе должно было многократно представляться его преемнику Григорію II, возведенному на папскій престолъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Іоанна. Характеръ Григорія II не даетъ намъ повода думать, чтобы этотъ первосвященникъ былъ предзанятъ мыслію объ отдѣленіи Италіи отъ имперіи Восточной. Не мечтая о независимости Италіи, онъ повинуется своему религіозному убѣжденію. Кромѣ того, гдѣ бы можно было найти другую политическую или военную власть, которая была-бы способна замѣнить собою авторитетъ императорскій въ случаѣ его паденія? Папство въ то время не помышляло еще о земномъ владычествѣ.

Одно только королевство Ломбардское, занимавшее тогда почти всю Италію, обладало здѣсь управленіемъ,

полныхъ силы и крѣпости. Оно наслаждалось необыкновеннымъ счастіемъ въ продолжительное мирное царствованіе Ротариса. Оно имѣло полный кодексъ законовъ. Льютпрандъ, занимавшій теперь престолъ, былъ принцъ способный и честолюбивый. Еслибы папы, удовольствовавшись своею духовною властію, въ то время столь могущественною, и своими обширными владѣніями поземельными, соединились съ королями Ломбардскими; то Италія точно также, какъ при Теодорикѣ, могла бы во второй разъ сдѣлаться великимъ королевствомъ. Но эту политику, которой Папы, какъ гордые римляне, не захотѣли слѣдовать во времена Готовъ, и которую они отвергли тогда въ слѣдствіе самаго тѣснаго соприкосновенія ихъ власти духовной съ временнымъ могуществомъ монарха Италійскаго, теперь менѣе, чѣмъ когда либо, они должны были принять въ отношеніи къ Ломбардамъ. Съ самаго начала появленія въ Италіи сихъ послѣдниковъ, кажется, непримиримая вражда существовала между ними и римскимъ клиромъ. Религіозная исторія постоянно представляетъ намъ Ломбардовъ народомъ болѣе свирѣпымъ, нежели другіе варвары. Имя ихъ древнюю аріанизма было ненавидимо. Въ церковныхъ лѣтописяхъ нѣтъ выраженія довольно сильнаго для обозначенія той ненависти, какую они возбуждали въ клирѣ.

Первые десять лѣтъ первосвященства Григорія II прошли относительно спокойно. Нашествія Ломбардовъ были предупреждены и предотвращены; начиналось обращеніе Англіи, и Бонифацій, причисленный Западною Церковію къ лику святыхъ, начиналъ уже свою проповѣдь въ Германіи, какъ вдругъ пришелъ роковой эдиктъ Льва Исаврянина. Экзархъ хотѣлъ было обнародовать его въ Равеннѣ; но народъ тотчасъ возсталъ, напалъ

не уйдетъ и настоялъ на своемъ твердомъ рѣшеніи не допускать, чтобы церкви были лишены св. образовъ. Льютпрандъ, воспользовавшись случаемъ, тотъ часъ же явился съ своимъ войскомъ предъ Равенной и объявилъ себя защитникомъ иконъ. Поддерживаемый съ этихъ поръ жителями, онъ восторжествовалъ надъ могущественнымъ сопротивленіемъ гарнизона, овладѣлъ городомъ и занялъ своими войсками весь Пентаполь.

Папа находился въ великомъ затрудненіи; но, страшась честолюбія Льютпранда столько-же если не болѣе, чѣмъ ереси императора, онъ рѣшился противостать успѣху Лонгобардовъ и соединился съ экзархомъ, который имѣлъ еще нѣсколько войска, и съ Венеціанцами, номинально признававшими надъ собою владычество имперіи во всемъ, кромѣ ихъ маленькихъ озеръ, гдѣ они сохранили свою независимость и создали уже значительную морскую силу. У нихъ-то экзархъ нашелъ себѣ убѣжище. Благодаря этому тройному союзу, Равенна вскорѣ снова была возвращена отъ Лонгобардовъ.

Итакъ до сихъ поръ Григорій II былъ вѣрнымъ подданнымъ императора; но по мѣрѣ того, какъ время шло, вражда за почитаніе иконъ разгоралась болѣе и болѣе. Распространилась молва, что императоръ хочетъ убить папу, осмѣливавшагося противиться распоряженіямъ его, и съ этихъ поръ мнѣніе народное приписывало это намѣреніе всякому чиновнику, пріѣзжавшему изъ Константинополя въ Равенну. Самъ Григорій вѣрилъ этой угрозѣ. Два римлянина, обвиненные въ заговорѣ противъ жизни первосвященника, по наущенію императора, были умерщвлены народомъ, а третій спасся только тѣмъ, что скрылся въ монастырѣ и принялъ монашество. Разнесся слухъ, что экзархъ хочетъ идти на Римъ, чтобы

низложить папу; и вотъ часъ же все население Италіи поднялось на защиту Григорія. Лонгбарды, всегда стараюшіеся объ ослабленіи имперіи, соединились съ итальянцами и еще разъ заняли города экзархата. Новый экзархъ, по имени Евтихій, высадился въ Неаполѣ, и завелъ тайные переговоры съ Льютпрандомъ. Онъ обѣщалъ пособить королю Лонгбардовъ возвратить къ покорности герцоговъ Сполетскаго и Беневентскаго, въ то время возмутившихся; а король въ свою очередь долженъ былъ соединиться съ нимъ, для приведенія Рима подъ власть императора. Въ слѣдствіе такого договора, Льютпрандъ двинулъ свои войска, разомъ овладѣлъ герцогствомъ Сполетскимъ и расположился лагеремъ предъ воротами Рима. Папа, чтобы противопоставить святыню города оружію короля варварскаго, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ процессіи вышелъ изъ города. Льютпрандъ, въ половину достигнувъ уже того, къ чему стремился, мало заботился о возстановленіи въ Римѣ императорской власти; а потому при видѣ первосвященника не замедлилъ показать къ нему знаки уваженія и страха. Показывая видъ благочестиваго сына Церкви, онъ бросился къ ногамъ Григорія, потомъ снялъ свою королевскую мантію, свою перевязь, мечь, латныя рукавицы и наконецъ золотую корону, подаренную имъ потомъ гробницѣ Апостола. Потомъ онъ умолялъ папу заключить миръ съ экзархомъ, и до того успѣлъ, что извѣстный Петазій, выдававшій себя за императора подъ именемъ Тиверія III, былъ преданъ римлянами экзарху, отославшему голову его въ Константинополь.

Во всѣхъ этихъ происшествіяхъ хотя папа и сохранялъ оффиціально характеръ подданнаго императора,

но на самомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ со властію независимою. Онъ выказалъ эту независимость въ созваніи собора, бывшаго въ Римѣ въ 730 году и предавшаго анаѳемѣ всѣхъ иконоборцевъ. Въ числѣ подвергшушихся анаѳемѣ могъ находиться и императоръ; хотя, по всей вѣроятности, номинально онъ и не былъ лишенъ папою общенія, то есть, удаленъ изъ общества вѣрныхъ, какъ это случилось со многими императорами во времена послѣдующія; потому что въ эту эпоху Константинополь, патріархъ котораго Анастасій былъ иконоборецъ, не признавалъ за Римомъ власти исключительно представлять Церковь. Дѣйствія Римскаго собора, кромѣ того мало извѣстныя, были рѣшительною протестацією противъ ереси иконоборцевъ. Императоръ отмстилъ за себя, отнявши отъ Римскаго патріархата Иллирійскую провинцію и наложивши конфискацію на обширныя владѣнія Римскихъ епископовъ въ Калабріи и Сициліи. Сверхъ того онъ имѣлъ очень неблаговременное намѣреніе увеличить подати съ провинцій итальянскихъ. Съ этою цѣлію была учреждена новая ревизія, и неудовольствіе населеній удвоилось. Этому, можетъ быть, обстоятельству нужно приписать то, что папа, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, написалъ протестъ противъ платежа налога и адресовалъ его къ подданнымъ Италіи.

Въ слѣдующемъ году Григорій II умеръ. Во время его похоронъ, клиръ и народъ римскій призвали своими добровольными восклицаніями на первосвященническій престолъ Григорія III. Это избраніе далеко не было со стороны римлянъ актомъ независимости, когда для посвященія новаго папы они ожидали утвержденія отъ экзарха. Первымъ дѣломъ Григорія III было препроводить въ Константинополь посланіе, въ которомъ

онъ объявлялъ, что въ отношеніи къ иконопочитанію держится ученія своего предшественника, и въ которомъ протестовалъ въ выраженіяхъ самыхъ энергическихъ противъ ереси, заразившей императора. Человѣкъ, которому повѣрено было передать эту декларацію, будучи остановленъ главнокомандующимъ императорскихъ войскъ въ Сициліи, не могъ исполнить своего порученія.

Тогда Григорій III созвалъ въ Римѣ второй итальянскій соборъ, цѣлію котораго было торжественно объявить вѣрность всей Италіи почитанію иконъ. Архіепископы Градо и Равенны, съ девяносто тремя другими прелатами или духовными сановниками, съ клиромъ, консулами и народомъ римскимъ, постановили, что всякій, кто станетъ попирать, обезображивать, унижать или хулить достойныя почитанія изображенія Христа, Бога нашего и Господа, непорочной и славной Дѣвы, Апостоловъ и Святыхъ, да будетъ лишенъ единенія съ Церковію и всякаго общенія въ тѣлѣ и крови Христовой. Это опредѣленіе собора послано было къ императору; но, подобно предшествующему посланію, а равно и всѣмъ послѣдующимъ, оно не могло идти далѣе Сициліи, гдѣ были останавливаемы и удерживаемы государственными властями всѣ римскіе посланные. Папа занялся украшеніемъ городскихъ церквей статуями и всякаго вида изображеніями святыхъ.

Рѣшившись, во что бы то ни стало, возвратить Римъ, императоръ вооружилъ сильный флотъ, начальство надъ которымъ поручилъ одному изъ лучшихъ военачальниковъ; но буря разрушила этотъ флотъ въ Адріатическомъ морѣ, и остатки кораблей, его составлявшихъ, покрыли берега Италіи. Это усиліе было послѣднее.

Экзархъ Евтихій, лишенный съ этихъ поръ пособій, необходимыхъ ему для защиты Равенны, съ трудомъ держался здѣсь и наконецъ принужденъ былъ искать убѣжища въ Неаполѣ. Съ этого времени, когда Григорій III остался одинъ въ виду Ломбардовъ, начинается періодъ, въ который основывается и утверждается могущество папъ.

Когда Карлъ Мартелъ одержалъ при Пуатье побѣду надъ мусульманами и чрезъ то спасъ Европу; тогда взоры всѣхъ обратились на него. Съ почтительнымъ снисхожденіемъ онъ принялъ желанія папы Григорія II, и всею своею властію способствовалъ ихъ исполненію, помогая Бонифацію въ предпринятомъ имъ обращеніи Германіи. Изъ всѣхъ варварскихъ народовъ одни Франки съ самаго начала показали себя неизмѣнно вѣрными Церкви и ихъ пособія тайно просилъ уже тотъ же самый Григорій II, когда былъ стѣсненъ Ломбардами. Поэтому, когда, послѣ восьми или девяти лѣтняго бурнаго правленія, его преемнику Григорію III грозила новая опасность со стороны честолюбиваго Льютпранда, онъ не замедлилъ обратиться за помощію къ могущественному королю Франковъ, къ которому послалъ таинственные ключи отъ гроба святаго Петра, съ частицами узъ апостола, давая ему выразительныя названія консула и римскаго патриція. Вотъ подлинныя слова его посланія:

„Я плачу ночь и день о безпомощномъ состояніи Церкви. Король Ломбардовъ и его сынъ истребляютъ огнемъ и мечемъ послѣдніе остатки нашихъ достояній, которыхъ недостаточно уже стало на пропитаніе нашихъ бѣдныхъ и на церковныя наши восковыя свѣчи. Они силою завладѣли областями римскими и заняли всѣ

нашей фермы. Наша единственная надежда—это скорая помощь отъ короля Франковъ, о которомъ Ломбарды не перестаютъ говорить съ презрѣніемъ: „пусть, говорятъ они намъ, этотъ Карлъ придетъ съ своими солдатами, пусть онъ попытается изъ нашихъ рукъ вырвать васъ!“. О невыразимая печаль, неужели же такія дѣти, столь сильно оскорбленныя, не сдѣлаютъ никакого усилія для спасенія ихъ святой матери—Церкви! Впрочемъ я прошу объ этомъ не потому, чтобы апостолъ Петръ не имѣлъ силы помочь своему преемнику и наказать злыхъ, его оскорбляющихъ; но потому, что апостолъ хочетъ испытать вѣру тѣхъ, которыхъ онъ любитъ. Не вѣрь королю Ломбардовъ, когда онъ говоритъ, что его единственное намѣреніе наказать своихъ подданныхъ бунтовщиковъ, герцоговъ Сполетскаго и Беневентскаго, которыхъ единственная невѣрность къ нему состояла въ томъ, что они отказались помогать ему при овладѣніи сокровищами римской церкви и при разграбленіи ихъ. О мой христіаннѣйшій сынъ! Пришли сюда какого нибудь вѣрнаго сановника, который бы могъ дать тебѣ отчетъ въ состояніи нашихъ дѣлъ, который-бы своими собственными глазами могъ видѣть преслѣдованія, какія мы терпимъ, униженіе Церкви, разграбленіе нашихъ имуществъ, отчаяніе странниковъ, приходящихъ на поклоненіе мощамъ. Не закрывай своихъ ушей отъ моей просьбы, чтобы и святый Петръ не затворилъ для тебя вратъ райскихъ. Заклинаю тебя истиннымъ Живымъ Богомъ и ключами святаго Петра не предпочитать союзъ съ Ломбардами любви великаго апостола. Поспѣши, поспѣши помочь намъ, чтобы и мы могли сказать съ пророкомъ: „Господь услышалъ насъ въ день нашей скорби, и Богъ Іакова помогъ намъ!“

Это письмо есть вопль печали, а не произведеніе холодной политики, напередъ установленной. Въ самомъ дѣлѣ, Григорій III долженъ былъ находиться въ критическомъ положеніи; тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ страшиться мщенія со стороны короля Ломбардовъ, что нѣкимъ образомъ поддерживалъ возмущеніе герцога Сполетскаго. Этотъ послѣдній первоначально нашелъ себѣ убѣжище въ Римѣ, и отсюда, безъ сомнѣнія, съ помощію папы покушался возвратить свое герцогство. Льютпрандъ-же, въ свою очередь, вступилъ въ Римскую область и овладѣлъ здѣсь четырьмя городами. Кажется даже, что онъ входилъ въ Римъ и ограбилъ церковь святаго Петра; по крайней мѣрѣ нѣкоторыя выраженія во второмъ письмѣ папы къ Карлу Мартелу намекаютъ на это, а въ эпитафіи Льютпранда сѣдалище Римское упоминается между славнѣйшими его подвигами. Видно, что вѣчный городъ въ это время едва не сдѣлался городомъ ломбардскимъ. Какъ бы то ни было, но Карлъ великолѣпно принялъ папскихъ пословъ, только колебался при рѣшеніи,—которую сторону ему нужно принять. Дѣло въ томъ, что тотъ же король Ломбардскій, который требовалъ теперь отъ него нейтралитета, мужественно помогалъ ему въ его борьбѣ съ Сарацынами. Не смотря на то, его отвѣтъ папѣ былъ вѣжливъ, онъ послалъ ему подарки и двухъ французскихъ монаховъ, Гримона аббата Корвійскаго и Сигберта монаха Сентъ-Дени, которые должны были первосвященническихъ легатовъ провожать до самаго Рима.

Григорій III сдѣлалъ рѣшительный шагъ на пути къ независимости, давъ принцу франкскому титло патриція и консула римскаго, но ему не суждено было пользоваться плодами своей политики. Смерть постигла его;

но почти въ тотъ же самый моментъ и Карлъ Мартелъ также сошелъ въ гробъ.

Григорію III наслѣдовалъ Захарій, по происхожденію грекъ, въ концѣ 741 года. На этотъ разъ, и это было навсегда, онъ не прибѣгалъ уже къ экзарху для утвержденія своего избранія. Власть Восточнаго императора пала въ Италіи, и такъ какъ со смертію Карла Мартела власть его была ослаблена въ слѣдствіе раздѣленія ея между двумя его сыновьями, Карломаномъ и Пипиномъ, то новый первосвященникъ находился во власти Льютпранда. Римская область и самый городъ были беззащитны предъ королемъ Ломбардскимъ, чрезвычайно раздраженнымъ тѣмъ, что они обращались за помощію къ Карлу Мартелу. Страхъ, внушаемый этимъ великимъ именемъ, исчезъ со смертію его, и для папы осталась только одна защита—это святость его характера. Къ Льютпранду отправлены были послы, которыхъ онъ принялъ съ уважительною почтительностію, согласился на выгодныя условія мира, обѣщалъ возвращеніе четырехъ городовъ, отнятыхъ имъ отъ Римской области, но настоятельно требовалъ, чтобы папа оставилъ дѣло Тразимунда, герцога Сполетскаго.

Такимъ образомъ Тразимундъ былъ низложенъ и удалился въ монастырь. Король, на мѣсто его, поставилъ своего племянника, давъ такимъ образомъ папѣ сосѣда и страшнаго надзирателя.

Войска Льютпранда заняли всю сѣверную и среднюю часть полуострова, которому угрожала опасность вскорѣ образовать одно королевство Ломбардское. Независимость Рима, а съ ней и будущая судьба Европы висѣли на ниткѣ. Еслибы Италія вся подпала подъ скипетръ Льютпранда, и еслибы епископъ былъ ограни-

чена только властію духовною, то ни Пипинъ, ни Карлъ Великій не перешли бы Альпъ, и будущее было-бы измѣнено.

Твердость папы Захарія задержала успѣхъ ломбардскихъ завоеваній. Послѣ Льва Великаго никогда ни одинъ римскій епископъ не опирался съ такою смѣлостію на могущество своего священническаго достоинства. Захарій, казалось, находилъ еще удовольствіе во встрѣчѣ лицемъ къ лицу съ опаснѣйшими врагами. Онъ былъ самъ своимъ собственнымъ посломъ. Онъ зналъ, безъ сомнѣнія, что Льютпрандъ, какъ и историки ломбардскіе представляютъ его намъ, былъ проникнутъ глубокимъ благочестіемъ, что онъ славился своимъ цѣломудріемъ, горячностію своихъ молитвъ, щедростію подаяній, что, наконецъ, будучи совершенно неученымъ, равнялся въ мудрости съ славнѣйшими философами. Сила и слабость подобнаго характера равно подчиняли его тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя должно было производить первосвященническое величіе такого папы, каковъ былъ Захарій.

Духовный владыка Рима, окруженный сонмомъ епископовъ, отправился изъ города въ лагерь Льютпранда, расположенный близь Тэрни. Королевскій чиновникъ вышелъ къ нему на встрѣчу и, въ сопровожденіи части арміи и знатныхъ Ломбардовъ, провелъ его съ великою пышностію сначала въ Нарни, а потомъ въ Тэрни. Мѣстомъ свиданія была избрана церковь святаго Валентина. Папа употребилъ все свое вліяніе, чтобы подѣйствовать на духъ столь религіозный, каковъ былъ у Льютпранда. Онъ напомнилъ ему съ большою силою о суетности земнаго величія. Принцъ Ломбардскій долженъ былъ выслушать здѣсь съ большою по-

корностію слова, возвѣщающія ему, что онъ скоро долженъ явиться предъ Богомъ, обремененный отвѣтственностію за пролитую имъ кровь, что онъ подвергнется осужденію въ томъ случаѣ, если замедлитъ возвратить Церкви обѣщанные имъ четыре города. Результатъ подобной встрѣчи не могъ быть сомнительнымъ. Напуганный Льютпрандъ уступилъ безъ сопротивленія.

Онъ возвратилъ римской каѳедрѣ четыре обѣщанные города; набожность его не знала предѣловъ; онъ возвратилъ, кромѣ церковныхъ имуществъ въ Сабиніи, находящіеся уже тридцать лѣтъ во владѣніи Ломбардовъ—Нарни, Озимо, Анкону и Сутри; освободилъ безъ выкупа всѣхъ римскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ имъ въ послѣднюю войну и заключилъ съ Римомъ тридцатилѣтній миръ. Договоръ былъ скрѣпленъ торжественнымъ богослуженіемъ, совершеннымъ папою. Потомъ папа сдѣлалъ, въ честь Льютпранда, большой пиръ и наконецъ возвратился въ Римъ, гдѣ былъ съ энтузіазмомъ принятъ населеніемъ, какъ освободитель. Великолѣпная процессія сопровождала его отъ древняго Пантеона, обращеннаго въ церковь Святой Маріи-мучениковъ, до базилики святаго Петра въ Ватиканѣ. Эта религіозная овація была заслужена болѣе, чѣмъ какой либо изъ древнихъ военныхъ тріумфовъ.

Между тѣмъ Льютпрандъ, по удаленіи первосвященника, не могъ воспротивиться искушенію при видѣ безпомощнаго экзархата. Совершенно оставивъ Римскую область, онъ взялъ Сезену и угрожалъ Равеннѣ, гдѣ еще находился экзархъ Евтихій, который, съ согласія архіепископа и всего народа провинціи, просилъ, какъ высшей помощи, благосклоннаго посредничества папы. Захарій не колебался. Онъ тотъ же часъ отпра-

вилъ пословъ въ Павію просить о возвращеніи Сезены и разубѣдить короля во всякомъ новомъ нападеніи. Льютпрандъ не принялъ папскихъ пословъ и папа самъ отправился съ большою пышностію въ Павію. Важность, соединяемую съ этимъ путешествіемъ, подтверждали сопровождавшія его небесныя знаменія. Въ продолженіи дня, по особенному посредничеству святаго Петра, облако такъ укрывало первосвященническій поѣздъ отъ зноя солнечнаго, что какъ будто были поставлены шатры; и когда папа достигъ до Равенны, гдѣ встрѣтило его все населеніе съ экзархомъ во главѣ, то видѣли, что облако спустилось на одну изъ городскихъ церквей. Когда первосвященникъ снова отправился въ путь, то его провожалъ за стѣны города также весь народъ, молящійся за пастыря, который, для спасенія Равенны, оставилъ свое стадо. Получивъ извѣстіе, что Льютпрандъ далъ приказаніе остановить его шествіе, Захарій поспѣшилъ и быстро достигъ береговъ По, гдѣ онъ нашелъ ломбардскихъ вельможъ, посланныхъ на встрѣчу къ нему Льютпрандомъ, разубѣдившимся въ возможности предотвратить его прибытіе. Папа торжественно совершилъ въ Павіи обряды праздника святаго Петра, въ которыхъ, съ привычною ему набожностію, принялъ участіе и Льютпрандъ; потомъ, послѣ настойчивыхъ усилій, онъ получилъ свиданіе, за которымъ такъ далеко шелъ. Этимъ свиданіемъ онъ достигъ того, что оставлено было всякое намѣреніе касательно завоеванія экзархата и возвращены были двѣ трети Сезенской области. Такимъ образомъ прошло только восьмнадцать лѣтъ со времени перваго эдикта иконоборческаго, какъ Восточный императоръ дѣлается уже обязаннымъ папѣ за сохраненіе остатка владѣній своихъ въ Италіи.

Такова была въ эту эпоху власть религіи и клира. Уже мы видимъ, что короли и принцы разныхъ областей Западной Европы отказываются отъ своей власти и своего величія, приходятъ смиренными кающимися въ Римъ, чтобы надѣть здѣсь монашескую одежду, а потомъ искать въ монастырѣ земнаго спокойствія и надежды на небесное блаженство. Намъ нужно упомянуть о двухъ происшествіяхъ подобнаго рода, политическія послѣдствія которыхъ неисчислимы.

Карломанъ, старшій сынъ Карла Мартела, царствовалъ съ способностію, силою и успѣхомъ, какъ вдругъ, повинуясь религіозному побужденію, онъ сдалъ и свою власть и воспитаніе своихъ дѣтей въ руки своего брата Пипина. Потомъ онъ перешелъ Альпы, явился у подножія первосвященническаго трона, чтобы ходатайствовать здѣсь о постриженіи, построилъ монастырь на горѣ Соравтъ, но, находя здѣсь себя очень близко къ Риму, удалился въ аббатство на горѣ Кассинской, надѣясь въ этомъ уединеніи окончить свои дни въ мирѣ. Но эта благочестивая надежда, какъ мы увидимъ далѣе, не исполнилась.

Послѣ кратковременнаго царствованія неспособнаго принца, Льютпранду наслѣдовалъ въ качествѣ короля Ломбардовъ, Рахисъ. Первымъ дѣломъ его было подтвержденіе тридцатилѣтняго мира, заключеннаго между его предшественникомъ и папою; но вскорѣ, безъ всякой видимой причины, онъ вторгнулся въ экзархатъ и окружилъ Перугію. Неутомимый Захарій явился въ Ломбардскій лагерь, и такъ сильно было его краснорѣчіе, что чрезъ нѣсколько дней Рахисъ, въ сопровожденіи своей супруги и дочери, явился предъ вратами Рима, со смиреніемъ прося принять его въ монастырь. Папа

послалъ его на Монте-Кассино, а для жительства королевы и принцессы отдалъ монастырь Піомба-Мола.

Послѣднимъ дѣломъ папы Захарія, признаннаго католическою Церковію въ числѣ святыхъ, была передача французской короны Пипину Короткому (1).

Папу Захарія обвиняютъ въ томъ. что онъ злоупотребилъ властію, ему не принадлежавшею, когда освятилъ восшествіе на престолъ Пипина, разрѣшилъ подданныхъ Хилдерика отъ данной ими клятвы въ вѣрности, нарушилъ достойный уваженія принципъ наслѣдственнаго обладанія престоломъ, помогъ честолюбивому министру свергнуть съ престола своего законнаго монарха и самому овладѣть короною. Нельзя отказать въ справедливости этимъ обвиненіямъ, хотя можно извинить ихъ до нѣкоторой степени обычаями различныхъ вѣковъ. Наслѣдственное преемство у народовъ тевтонскихъ не имѣло еще того религіознаго характера, того вида святости, какой оно получило впослѣдствіи. Если въ Римской имперіи оно и существовало въ теоріи, то продолжительныя революціи въ Константинополѣ уничтожили уваженіе къ его ненарушимости. У Ломбардовъ, какъ и у большей части народовъ Готическихъ, знатные безпрекословно пользовались привиллегіею лишать власти принца недостойнаго, поставляя на мѣсто его начальника болѣе способнаго и болѣе воинственнаго, избираемаго ими обыкновенно изъ поколѣнія королевскаго. Свержeніе наслѣдника Льютпрандова и восшествіе Рахиса на престолъ были для папы Захарія поразительнымъ примѣромъ этого обычая. Король Тевтонскій

(1) Et Zacharias papa mandavit Pepino, ut melius esset illum regem vocari, qui potestatem haberet, quam illum, qui sine potestate manebta, ut non conturbaretur ordo. Annalia francorum.

долженъ былъ прежде всего быть вождемъ арміи, и какъ скоро онъ переставалъ исполнять эту первоначальную обязанность, то нѣкоторымъ образомъ слагалъ уже съ себя власть королевскую. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какъ допустили призраку короля управлять такъ долго бурнымъ и честолюбивымъ народомъ франкскимъ? Этотъ монархъ былъ болѣе похожъ на великаго Ламу какой нибудь дряхлой азіатской націи, чѣмъ на принца націи дѣятельной и воинственной. Молодой или старый, онъ являлся сидящимъ на тронѣ съ видомъ и аттрибутами восточнаго величія Ламы, принималъ чужестранныхъ пословъ и произносилъ отвѣты, которые влагали въ его уста. Весной, при открытіи майскихъ маневровъ, идола вывозили изъ его святилища на показъ народу. Онъ прогуливался медленно на колесницѣ, которую везли волы; и затѣмъ возвращался въ свое уединеніе. Два или три поколѣнія принцевъ Меровинговъ переносили это унизительное состояніе, не дѣлая никакой попытки, чтобы освободиться отъ него.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о подробностяхъ революціи, доставившей Пипину корону. Извѣстно только, что онъ посылалъ Фульдара, своего капеллана, и Бюрхарда, епископа Вюртцбургскаго, чтобы спросить папу; но мы не знаемъ, было ли это сдѣлано для того, чтобы успокоить совѣсть, или для того, чтобы получить разрѣшеніе суда верховнаго? Папа и менѣе рѣшительный, чѣмъ Захарій, могъ понять, что франки правы, желая освободиться отъ слабаго короля, когда на самомъ дѣлѣ королевская власть находилась въ рукахъ придворныхъ. Избраніе Пипина въ Суассонѣ совершено было сообразно съ древними обычаями франковъ; новый король былъ привѣтствованъ восклицаніями своихъ под-

данныхъ, потрясавшихъ при этомъ своимъ оружіемъ, и поднявшихъ его на щитахъ. Возрастающее могущество клира обозначилось двоякимъ нововведеніемъ: вопервыхъ допущеніемъ епископовъ присутствовать вокругъ престола наравнѣ съ военною знатью, во вторыхъ религіознымъ помазаніемъ, какое нѣкогда принимали цари іудейскіе. Чрезъ два года эта церемонія заботливо была возобновлена папою Стефаномъ II.

По всей вѣроятности ни папа, ни новый король не понимали неизмѣримой важности того, что они установили такимъ образомъ. Они не предвидѣли, что будетъ время, когда преемники Стефана и Захарія будутъ претендовать на то, что преемники Пипина обязаны своимъ правомъ единственно власти римскаго епископа, и что съ этихъ поръ эта самая власть можетъ передать это право болѣе покорнымъ сынамъ Церкви.

Папа смотрѣлъ на воцареніе Пипина сколько съ радостію, столько же и съ надеждою. Фамилія Карла Мартела постоянно была предана святому сѣдалищу; а это послѣднее нуждалось въ могущественномъ покровительствѣ противъ Астольфа, новаго короля ломбардовъ, наслѣдовавшаго отъ своихъ предшественниковъ ихъ честолюбіе безъ ихъ религіознаго энтузіазма. Захарій, кромѣ того, имѣлъ и другія побужденія желать твердаго упроченія его власти во Франціи. Сдѣлавшись полуфеодальнымъ, клиръ большей части этого королевства потерялъ свой религіозный характеръ; тогда какъ въ провинціяхъ сѣверныхъ существовалъ новый клиръ, набожный и особенно преданный папѣ. Онъ образовался изъ тѣхъ набожныхъ миссіонеровъ, которые, съ опасностію своей жизни, отправились обращать племена варварскія, и которые, окончивъ свое предпріятіе, сдѣлались епи-

скопами обширныхъ епархій или аббатами могущественныхъ монастырей. Всѣ они приняли свои миссіи изъ Рима и всѣ сохраняли во всей неприкосновенности ученіе римское. Если вѣрить извѣстіямъ этихъ людей, то клиръ французскій, который за сто лѣтъ до этого времени могъ похвалиться вполнѣ своею іерархіею, теперь былъ глубоко испорченъ. Въ самомъ дѣлѣ, вникая вѣрно въ глубоко монашескія идеи святаго Бонифація и его учениковъ о безбрачіи священниковъ, равно какъ и объ остальныхъ правилахъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что древній французскій клиръ разомъ упалъ и въ своихъ нравахъ и въ уваженіи народа. Вотъ почему Бонифацій, совершенно понимавшій состояніе дѣлъ, просилъ у папы власти наказывать лишеніемъ сана церковниковъ за развратъ, распространившійся до неслыханной степени особенно въ низшихъ чинахъ, и запретить этимъ священникамъ—солдатамъ пьянство, игры, ссоры, пролитіе крови, словомъ все употребительное въ лагеряхъ.

Принципы и нравственность христіанства тогда исключительно были сосредоточены у миссіонеровъ и ихъ учениковъ. Болѣе образованный, болѣе чистый и въ тоже время болѣе покорный папѣ, этотъ новый клиръ былъ клиромъ существенно германскаго королевства Пипина, котораго фамилія была Австразійская, и неизмѣримыя владѣнія котораго были расположены по берегамъ Рейна. Карлъ Мартелъ, будучи въ открытой враждѣ съ древнимъ клиромъ Галліи, всегда оказывалъ уваженіе и довѣріе римскимъ миссіонерамъ. Пипинъ подражалъ ему и, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе его желанія Бонифацій въ качествѣ папскаго легата, посвятилъ троихъ новыхъ архіепископовъ въ Руанъ, Сену и Реймсъ. Возведеніе на престолъ Карловингской династіи воз-

вратило франкской имперіи ея древній германскій характеръ.

Папа Захарій не дожилъ до полнаго осуществленія своихъ намѣреній. Онъ умеръ въ 752 году и на мѣсто его, послѣ краткаго промежутка, поступилъ Стефанъ II, съ первыхъ дней своего первосвященства занятый отраженіемъ нашествій ломбардскихъ. Астольфъ напалъ на экзархатъ и занялъ Равенну. Впрочемъ съ почтительностію принялъ папскихъ пословъ, съ жадностію взялъ принесенные ему подарки и заключилъ съ папою перемиріе на сорокъ лѣтъ; но едва прошло четыре мѣсяца, какъ онъ безъ всякой видимой причины двинулъ армію и въ грозныхъ выраженіяхъ потребовалъ отъ Рима непосредственной покорности и уплаты огромной дани. На этотъ разъ онъ съ презрѣніемъ оттолкнулъ папскихъ пословъ и уклончиво отвѣчалъ чиновнику Восточнаго императора, который именемъ своего государя пришелъ протестовать противъ нашествія ломбардовъ и требовать возвращенія владѣній Римской республики. Стефанъ написалъ въ Константинополь, что все будетъ потеряно, если не пришлютъ войска.

Астольфъ, раздраженный этою просьбою, о которой онъ не могъ не знать, сталъ преслѣдовать свои выгоды и приближался къ Риму. Процессіи, повторявшіяся въ городѣ, во время которыхъ папа, босыми ногами, самъ носилъ крестъ, въ то время, какъ народъ съ плачемъ взывалъ къ Богу о помощи противъ богохульныхъ ломбардовъ, ни на одну минуту не остановили варварскаго короля. Напрасно папа прилагалъ ко кресту копію съ договора, нарушеннаго Астольфомъ. Послѣдній, продолжая свою осаду, выкапывалъ тѣла мучениковъ и святыхъ и посылалъ ихъ въ Ломбардію, какъ предохранительные талисманы.

День отъ дня опасность возрастала, и только по ту сторону Альпъ, у Пипина, сдѣлавшагося королемъ при содѣйствіи святаго сѣдалища, папа могъ найти дѣйствительную помощь. Поэтому, желая лично ходатайствовать о помощи, которой онъ просилъ уже чрезъ свои письма, онъ рѣшился, не смотря на свое слабое здоровье, перенести труды и опасности далекаго путешествія. Среди народныхъ воплей онъ отправился въ путь подъ прикрытіемъ двоихъ французскихъ посланниковъ, пришедшихъ въ Римъ за тѣмъ, чтобы пригласить папу ко двору Пипина. Чудеса еще разъ ознаменовали путешествіе первосвященника. Стефанъ смѣло явился въ Павію, былъ принятъ въ этомъ городѣ, но ничего не добился отъ Астольфа, который отвергъ всякую просьбу о возвращеніи, и который, можетъ быть, не уважилъ бы и самой личности папы, если бы при немъ не было французскихъ посланниковъ. Папа поспѣшилъ перейти Альпы и, достигнувъ монастыря святаго Маврикія, нашелъ здѣсь сеніора и прелата, на которыхъ возложена была обязанность проводить его къ Пипину. Въ сорока миляхъ отъ резиденціи короля онъ встрѣтилъ вышедшаго къ нему на встрѣчу принца Карла. Наконецъ въ трехъ миляхъ отъ дворца вышелъ къ нему и самъ король въ сопровожденіи королевы, дѣтей и всего двора. Какъ скоро папа приблизился, Пипинъ сошелъ съ лошади, упалъ къ его ногамъ, потомъ за узду повелъ его лошадь. Папа и члены клира, составлявшіе его свиту, воспѣли гимнъ благодарности, и среди этихъ религіозныхъ пѣсней достигли дворца, гдѣ Стефанъ, не теряя ни минуты, сталъ просить короля о его посредничествѣ въ дѣлахъ Церкви. Французскіе историки эту первую встрѣчу описываютъ иначе. У нихъ папа и его

священники пришли съ головою, покрытою пепломъ, и одѣтые въ грубую одежду кающихся. Они пали къ ногамъ Пипина и не хотѣли встать до тѣхъ поръ, пока онъ не обѣщалъ помощи противъ вѣроломнаго Ломбарда. Пипинъ поклялся немедленно удовлетворить всѣмъ требованіямъ папы; но, такъ какъ зима препятствовала военнымъ дѣйствіямъ, то онъ пригласилъ Стефана посѣтить Парижъ и далъ ему для жительства аббатство святаго Діонисія. Въ это время было совершено новое помазаніе Пипина и его двоихъ сыновей первосвященникомъ, который объявилъ, подъ страхомъ интердикта и отлученія отъ Церкви, вѣчное продолженіе новой династіи.

Между тѣмъ Астольфъ приготовлялся дать отпоръ собиравшейся грозѣ. Онъ убѣдилъ брата Пипина, Карломана, который жилъ въ монастырѣ на Монте-Кассино, оставить свое жилище, перейти Альпы и попытаться разорвать связь короля французскаго съ папою. Но Пипинъ, будучи глухъ къ братскимъ аргументамъ, предалъ Карломана Стефану, который, видя въ немъ непокорнаго монаха, заключилъ его во Вьенскій монастырь, гдѣ онъ жилъ не долго. Войны короля Ломбардскаго не были такъ удачны, какъ его политика. Послѣ того, какъ онъ отвергъ всякія предложенія франкскаго короля и папы, онъ былъ разбитъ, осажденъ въ Павіи и принужденъ купить унизительный миръ, обѣщая возвращеніе всей области Римской. Пипинъ чрезъ Альпы возвратился назадъ; но едва онъ прибылъ во Францію, какъ Астольфъ соединилъ свои войска, подошелъ къ Риму и угрожалъ жителямъ самымъ страшнымъ наказаніемъ, если они не выдадутъ ему папы, возвратившагося уже во дворецъ Латеранскій. Король Ломбардскій

присовокупилъ, что онъ рѣшился не оставлять епископу римскому ни одного дюйма земли. Такъ какъ всѣ сухопутныя мѣста были заняты; то папа моремъ послалъ пословъ съ письмомъ, въ которомъ онъ напоминаетъ королю франкскому о той строгости, съ какою святый Петръ требуетъ исполненія того, что ему обѣщано. „Королю, писалъ Стефанъ, угрожаетъ вѣчное осужденіе, если онъ не исполнитъ своихъ обѣщаній въ отношеніи къ святому Петру; между тѣмъ, какъ наградою за нихъ будетъ вѣчная жизнь. Если король не сохранитъ вѣрности своему слову, то его сигнатура останется въ рукахъ Апостола и будетъ свидѣтельствовать противъ него въ день суда“.

За первымъ посланіемъ послѣдовало второе еще болѣе патетическое и болѣе убѣдительное. „Астольфъ, говорилось въ этомъ посланіи, былъ предъ воротами Рима; онъ грозилъ истребить всѣхъ жителей, если они не выдадутъ ему папы; онъ сжегъ уже всѣ загородныя дачи и всѣ предмѣстья, онъ не пощадилъ и самыхъ церквей. Алтари были осквернены, монахи оскорбляемы, дѣти отрываемы отъ своихъ матерей, матери обезчещены, словомъ всѣ ужасы войны соединились надъ несчастнымъ городомъ, осаждаемымъ уже пятьдесятъ пять дней. Поэтому заклинаемъ короля именемъ Бога и Его святой Матери, именемъ небесныхъ Ангеловъ, именемъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, и наконецъ ожиданіемъ суднаго дня“. Это второе посланіе долженъ былъ доставить Пипину аббатъ Варнерій, который, облекшись въ латы, бодрствовалъ день и ночь надъ защитою города. Этотъ военный аббатъ имѣлъ спутниками одного епископа и одного графа.

Но франки были далеко и не приходили. Опасность

увеличивалась съ минуты на минуту, папа, именемъ Апостола, написалъ третье письмо, содержаніе котораго слѣдующее. „Я, Петръ, Апостолъ, я увѣдомляю васъ и заклинаю васъ, христіаннѣйшіе короли, Пипинъ, Карлъ и Карломанъ, также заклинаю всѣхъ епископовъ, аббатовъ, священниковъ и монаховъ, всѣхъ судей, герцоговъ и графовъ, и весь народъ французскій. Подобнымъ образомъ заклинаетъ васъ, напоминаетъ вамъ, требуетъ отъ васъ и Матерь Божія, а вмѣстѣ съ нею Престолы, Господства и прочее воинство Небесное, чтобы вы избавили возлюбленный городъ Римъ отъ рукъ Ломбардовъ. Если вы поспѣшите, я, Петръ, Апостолъ, обѣщаю вамъ свое благоволеніе въ этой жизни и въ будущей; я приготовлю вамъ вѣчныя райскія наслажденія. Если вы примете сторону моего народа римскаго, то я вамъ дамъ все, чего вы не попросите отъ меня въ своихъ молитвахъ. Я заклинаю васъ не оставлять этого города на истребленіе и раззореніе ломбардами, чтобы ваши души не подверглись мученію и жестокимъ страданіямъ въ адѣ, вмѣстѣ съ сатаной и его падшими аггелами. Изъ всѣхъ народовъ подъ небомъ франки самый лучшій народъ въ глазахъ святаго Петра; ему они одолжены и своими побѣдами. Повинуйтесь же, повинуйтесь немедленно, и, по моему ходатайству, Господь нашъ Іисусъ Христосъ дастъ вамъ въ этой жизни долголѣтіе, безопасность и господство; потомъ въ жизни будущей благословитъ васъ между своими Святыми и Ангелами“.

Между тѣмъ французская армія собралась и быстротою своихъ движеній изумила Астольфа. Онъ едва имѣлъ время убѣжать въ Павію. Здѣсь онъ былъ осажденъ съ тѣмъ же самымъ успѣхомъ, какъ и въ первый разъ,

и тотчасъ же принужденъ былъ возвратить Пипину всю область, завоеванную ломбардами. Посланники Восточнаго, императора, присутствуя при заключеніи договора, требовали, чтобы Равенна съ своею областію была возвращена имперіи; но Пипинъ отвѣчалъ, что онъ предпринялъ эту войну съ единственною цѣлію показать свое почтеніе къ святому Петру; поэтому, по праву побѣдителя, онъ безраздѣльно отдалъ папѣ всѣ области, возвращенныя королемъ Ломбардскимъ. Эту страну, непосредственно подпавшую власти святаго сѣдалища, составляли: Равенна, Комахіо, Форли, Цезена, Римини, Пезаро, Фано, Синигаглія, Іези, Форлимпополи и наконецъ Нарни, оторванная отъ герцогства Сполетскаго.

Вотъ какимъ образомъ, чрезъ подарокъ чужестраннаго владѣтеля, намѣстникъ святаго Петра, викарій Того, который объявилъ, что его царство не отъ міра сего, сдѣлался земнымъ владыкою.

ЦЕРКОВНЫЙ СУДЪ ВНѢШНІЙ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Церковный судъ имѣетъ двоякій видъ. Есть церковный судъ внутренній, таинственный, дѣйствующій въ совѣсти и духовной жизни людей, есть судъ Церкви — внѣшній, или общественный, который выходитъ за предѣлы ея внутренняго управленія и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ касается общественной жизни христіанъ, какъ потому, что и самые предметы духовнаго суда: вѣра, ученіе, богослуженіе, правила нравственности, — раскрываются подъ формами жизни общественной и имѣютъ съ нею существенную связь, такъ и потому, что члены Церкви, не исключая и лицъ, начальствующихъ и служащихъ въ Церкви, бываютъ вмѣстѣ членами общества, и столько же подчинены его законамъ по внѣшней жизни въ обществѣ, сколько церковнымъ — по жизни религіозной, духовной. Такимъ образомъ судъ Церкви, дѣйствуя своими правилами, въ предметахъ ли собственнаго духовнаго вѣдомства, или во внѣшней жизни своихъ членовъ, неизбѣжно касается общества. Поэтому во всѣ времена составлялъ весьма важную часть церковнаго права — судъ Церкви внѣшній.

Въ первые (три) вѣка, когда Церковь, составляя отдѣльное среди языческихъ государствъ общество, вполнѣ самостоятельно въ своей внутренней жизни управлялась, обширность ея внѣшняго суда соотвѣтствовала

пространству суда духовнаго. Предметы и лица, подчиненныя духовному суду Церкви, почти вполнѣ подлежали ей и по внѣшнему. Сами Апостолы подчиняли надзору пастырей Церкви не только церковное служеніе и нравственную жизнь клира, но и состояніе его въ обществѣ, его дѣла судебныя, даже его жизнь частную, семейную. (1 Тим. гл. 3. гл. 5. Тит. 1, 5—10). Апостольскія правила, вообще изображающія церковное управленіе первыхъ вѣковъ, также относятъ къ церковному суду всякаго рода нравственные проступки клириковъ (Ап. 42—44. 54—57 и пр.), ихъ дѣла судныя (55. 56. 74. 75), семейныя (5. 51), преступленія общественныя, даже уголовныя (66. 84). Эти же правила весьма строго отдѣляютъ церковное управленіе отъ гражданскаго, не дозволяя ни духовнымъ лицамъ входить въ гражданскія дѣла, ни свѣтскихъ не допуская въ церковныя (Ап. пр. 6. 20. 30. 81. 83).

Что касается до мірскихъ членовъ Церкви, то сами Апостолы также не дозволяли, по крайней мѣрѣ, не одобряли того, чтобы христіане въ судныхъ дѣлахъ между собою обращались ко *внѣшнимъ*, т. е. гражданскимъ (языческимъ) судамъ (I Кор. 5, 12. 6, 1—7). Поэтому Апостолы епископамъ поручали наблюденіе надъ общественными нравами и дѣлами въ быту христіанъ, и давали власть пастырскаго (увѣщательнаго и обличительнаго), если не формальнаго,—суда въ этихъ дѣлахъ (I Тим. 2, 1—12. 6, 1—3. Тит. 2, 1 слѣд. 3, 1. 2). Въ Апостольскихъ правилахъ также подчиняются церковному суду: дѣла бракоразводныя (пр. 48), дѣла насилія (24. 67), убійство (66), святотатство (72. 73), даже преступленія собственно гражданскія (84). Нельзя думать, чтобы въ этихъ преступленіяхъ судъ Церкви

былъ окончательный, независимо отъ судовъ гражданскихъ. Ибо во времена гоненій, какъ извѣстно, государственныя темницы наполнены были христіанами, по однимъ доносамъ въ разныхъ общественныхъ и гражданскихъ преступленіяхъ. Но видно, что Церковь судила въ этихъ преступленіяхъ христіанъ, какъ *своихъ членовъ*, не терпя въ нихъ никакихъ пороковъ, тѣмъ болѣе открытыхъ и вредныхъ для всего общества ихъ, и что судъ ея дѣйствовалъ главнымъ образомъ на ихъ совѣсть: такъ какъ за вышеуказанныя преступленія правила Апостольскія полагаютъ церковное *отлученіе*,— а не какія нибудь внѣшнія наказанія.

Послѣ Апостоловъ, на ихъ правилахъ основанный церковный судъ поддерживался уже обычаемъ и Церковь долго была судилищемъ для христіанъ въ большей части ихъ личныхъ и общихъ дѣлъ. Предубѣжденіе противъ языческихъ судовъ, которыхъ формы имѣли связь съ гнусною для христіанъ языческою религіею, безчеловѣчная жестокость этихъ судовъ, особенно при ненависти къ христіанамъ: все это отвращало отъ нихъ христіанъ и побуждало искать въ своихъ дѣлахъ суда у своихъ церковныхъ властей (1). Епископы не только судили проступки, но и разбирали тяжебныя дѣла и распри; мирили враждующихъ; судили въ дѣлахъ семейныхъ и дѣлежѣ имѣній; принимали доносы на тѣхъ, которые жили явно не по христіански, или нарушеніемъ общаго порядка возмущали миръ въ христіанскомъ обществѣ. Обыкновенно епископы старались оканчивать дѣла безъ всякаго формальнаго судопроизводства, по-

(1) „Не допускайте, говорятъ апостольскія постановленія, не допускайте, чтобы язычники судили ваши дѣла". *Constit. Ap.* 2, 45.

средствомъ однихъ наставленій, совѣтовъ и увѣщаній. Но, въ случаѣ упорства подсудимыхъ или несогласія тяжущихся, они начинали при помощи пресвитеровъ и діаконовъ изслѣдованія, и потомъ произносили рѣшительный приговоръ, который имѣлъ полную силу судебную. Судъ епископа былъ такъ важенъ, что непокорные ему отлучались, какъ непокорные Церкви (1).

Само собою разумѣется, что такой свободный, безформенный судъ предполагалъ съ одной стороны совершенно свободное довѣріе христіанской паствы къ своимъ пастырямъ, которыхъ судъ силенъ былъ не формою и внѣшнею силою, а своею духовною силою, своимъ дѣйствіемъ на совѣсть,—которое и составляло его сущность; — съ другой — предполагалъ столь же простыя, безформенныя отношенія между христіанами въ ихъ жизни нравственной и общественной. Только тогда уже, когда религія соединила въ одно цѣлое Церковь и государство и государство внесло свои формы и законы въ бытъ церковный, тогда и епископскій судъ принялъ формальный видъ, приведенъ постепенно въ опредѣленныя границы, посредствомъ разграниченія предметовъ, Церкви и государству подлежащихъ, и самыхъ правъ, церковнаго и гражданскаго, въ совокупномъ управленіи об-

(1) *Constit.* Ap. Ibidem cap. 49—51. Cf. *S. Jgnatii* ad Magnes. 6. ad Trall. 3. ad Smyrn. 8. *Cyprian.* Ep. 28. Въ апостольскихъ постановленіяхъ описывается церковный судъ уже съ нѣкоторою формальностію: у христіанъ есть свое мѣсто суда, гдѣ еженедѣльно епископъ засѣдаетъ съ пресвитерами, окруженный діаконами; предъ ними тяжущіеся излагаютъ свои дѣла, выслушиваются свидѣтели. и т. д. Этотъ епископскій судъ могъ быть признанъ и со стороны гражданскаго, языческаго правительства, въ качествѣ суда посредствующаго, (jus arbitrii): ибо по римскимъ законамъ приговоръ судьи, добровольно избраннаго тяжущимися въ посредника, имѣлъ полную силу, такъ что сторона, отступавшая отъ этого приговора, подлежала обвиненію въ неустойкѣ и платила пеню.

ществомъ христіанскимъ. Тогда церковный внѣшній судъ сталъ судомъ оффиціальнымъ.

Императоръ Константинъ, признавъ права Церковнаго суда въ отношеніи къ дѣламъ вѣры и лицамъ, служащимъ Церкви, торжественно отказался судить эти дѣла своимъ судомъ; запретилъ и гражданскимъ судьямъ перемѣнять, даже переизслѣдовать въ этихъ дѣлахъ рѣшенія епископовъ ([1]). Что касается лицъ духовныхъ, то изъ правилъ Никейскаго Собора видно, что судебныя изслѣдованія вообще о нравственныхъ проступкахъ (а не однихъ церковныхъ преступленіяхъ) духовенства (I Всел. 2), распри между духовными лицами и ихъ властями (пр. 5), нѣкоторыя общественныя вины (17), — подлежали суду духовной власти. Впрочемъ со стороны гражданскаго правительства въ это время еще не видно опредѣленныхъ по этимъ предметамъ узаконеній. Преемники Константина, покровители аріанства, увлекаемые столько же нерасположеніемъ къ православной Церкви, сколько и навѣтами хитрыхъ еретиковъ, хотѣли присвоить себѣ право непосредственнаго суда въ дѣлахъ церковныхъ, также какъ и право суда надъ епископами и всѣми лицами духовными. Для еретиковъ это было не безполезно, для православныхъ — тяжко; и потому-то Соборы этого времени (IV и V вѣковъ) рѣшительно возстали противъ этого злоупотребленія и хотя, конечно, не могли прямо дѣйствовать на волю императоровъ, однакожъ хотѣли уничтожить всѣ поводы къ злоупотребленіямъ, — и для этого опредѣлили самое строгое наказаніе всѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя съ своими дѣлами стали бы искать суда у свѣтскаго начальства,

---

([1]) См. рѣчь Константина къ Никейскому Собору — у *Евсевія.*

или даже лично у императоровъ (Антіох. 11. 12. II Всел. 6. IV Всел. 9. Кареа. 15. 117. Сард. 7. 8. 20).

Изъ правилъ тѣхъ же Соборовъ видно, что духовенство судимо было своимъ начальствомъ, — по обвиненіямъ и по доносамъ въ нравственныхъ преступленіяхъ, по жалобамъ въ дѣлахъ личныхъ, напр. въ обидахъ, въ притязаніи на имѣнія, хотя бы эти жалобы и доносы были со стороны свѣтскихъ лицъ (II Всел. 6. IV Всел. 21), въ дѣлахъ тяжебныхъ и распряхъ между собою (Кареа. 15. IV Всел. 9); Соборы не упоминаютъ только о преступленіяхъ гражданскихъ и уголовныхъ. Но изъ гражданскихъ законовъ того времени видно, что Церковная власть разсматривала вообще всякаго рода обвиненія противъ духовенства [1] и хотя уже императоръ Граціанъ (376 г.) отдѣлилъ отъ Церкви суда уголовныя дѣла [2], а Онорій (399 г.) и всѣ гражданскія [3]: но, безъ сомнѣнія, духовныя лица по этимъ дѣламъ тогда только переходили на судъ гражданскій, когда само духовное правительство, по дознанію ихъ виновности, лишало ихъ правъ духовнаго званія и предавало гражданской власти. Такъ показываютъ историческіе факты. Напримѣръ, св. Аѳанасія Александрійскаго Аріане обвиняли въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, даже въ убійствѣ; но ни однажды не видимъ его на судѣ гражданскомъ. Св. Златоуста и Григорія Антіохійскаго обвиняли даже въ измѣнѣ государству, преступленіи, которое уже рѣшительно подлежало суду уголовному: однакожъ эти обвиненія были разбираемы судомъ епископскимъ, на Соборахъ. Даже дѣйствительные преступники, каковы, напримѣръ,

---

[1] *Cod. Theodos.* 16, 2 Const. 12, 41, 47.
[2] *Cod. Theodos.* ibid. Const. 23.
[3] Ibidem. Const. 1.

были Діоскоръ Александрійскій, или Северъ Антіохійскій, были судимы на Соборахъ, а не въ гражданскихъ судилищахъ. Гражданскія наказанія были только слѣдствіемъ Церковнаго суда (1).

Императоръ Валентиніанъ (452) далъ законъ: „дѣла, возникающія между клириками (разумѣется тяжебныя), дозволяется судить мѣстному епископу, если тяжущіяся лица, по взаимному соглашенію, признаютъ дѣло подлежащимъ суду епископскому и будутъ довольствоваться его рѣшеніемъ. Епископы также могутъ судить дѣла свѣтскихъ лицъ, если эти лица сами обратятся къ ихъ суду; въ другихъ случаяхъ епископы не имѣютъ права суда (forum legale): ибо имъ принадлежатъ только дѣла, касающіяся вѣры“. Этотъ законъ могъ стѣснять права суда епископскаго, даже въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ. Но Соборъ Халкидонскій (IV Вселенскій), бывшій въ это самое время, настоялъ, чтобы клирики въ судныхъ дѣлахъ между собою не оставляли своихъ епископовъ и не прибѣгали къ судамъ свѣтскимъ (пр. 9). Что касается дѣлъ между лицами духовными и свѣтскими, по обвиненіямъ или тяжбамъ, то свѣтское лице всегда могло, если хотѣло, требовать на клирика суда отъ епископа, между тѣмъ какъ клирикъ не могъ лице свѣтское привлекать на судъ епископскій, если оно добровольно на это не соглашалось. Въ дѣлахъ уголовныхъ епископы и все духовенство законами Валентиніана подвержено суду свѣтскому.—„Но, прибавляетъ Ва-

(1) Такъ св. Аѳанасій и св. Златоустъ сосланы были въ заточеніе, повелѣніемъ императоровъ, уже по разсмотрѣніи ихъ дѣла на Соборахъ хотя и неправильныхъ. *Сократ.* 1, 35. 6, 15. Поэтому и бывъ возвращены изъ заточенія, они не иначе могли занять свои прежнія мѣста, какъ по оправданіи на новыхъ Соборахъ. *Сократ.* 2, 20; 6, 16.

лентиніанъ, для чести священства мы дозволяемъ, чтобы духовныя лица въ дѣлахъ по обидамъ и тяжбамъ дѣйствовали чрезъ своихъ довѣренныхъ, или уполномоченныхъ (procuror); въ уголовныхъ же дѣлахъ всѣ они, не исключая епископовъ, должны являться на судъ лично и отвѣчать непосредственно". Не вѣроятно однакожъ, чтобы лица духовныя, хотя бы и въ дѣлахъ уголовныхъ, мимо суда Церковнаго прямо увлекаемы были на судъ гражданскій. По крайней мѣрѣ законъ Өеодосія Младшаго, нѣсколькими годами прежде Валентиніана (432), предаетъ уголовныхъ преступниковъ сперва суду Церковному и, уже по низложеніи ихъ этимъ судомъ и по снятіи священнаго сана, подвергаетъ ихъ суду гражданскому [1].

Въ VI вѣкѣ Юстиніанъ дополнилъ эти законы. Сущность его судебныхъ постановленій, относительно духовенства, состоитъ въ слѣдующемъ: 1) всякое дѣло церковное, включая и управленіе церковныхъ имуществъ, должно быть судимо мѣстнымъ епископомъ. Клирикъ можетъ подавать аппелляцію на епископа къ митрополиту, отсюда къ патріарху, но не далѣе [2]; 2) свѣтское лице можетъ судебнымъ порядкомъ искать суда на духовное лице—предъ епископомъ. Если, въ продолженіе десяти дней, обвиненная сторона не перенесетъ дѣла къ суду свѣтскому, то дѣло оканчивается и судъ свѣтскій только выполняетъ приговоръ епископа. Въ случаѣ аппелляціи дѣло переходитъ на судъ гражданскій, — впрочемъ такъ, что если епископъ въ этомъ дѣлѣ былъ уполномоченъ отъ самаго императо-

(1) *Cod. Theod.* L. IX. tit. 45. leg. 15.
(2) Nov. 79. cap. I. Nov. 123. cap. 21. 23.

ра, — то и дѣло переходитъ къ императору; если не было этого полномочія, дѣло изслѣдывается общимъ судомъ гражданскимъ (1); 3) въ дѣлахъ уголовныхъ должны участвовать и судъ духовный и судъ свѣтскій. Если епископъ судитъ и осуждаетъ виновнаго, то онъ сперва извергаетъ его изъ сана и потомъ передаетъ суду гражданскому. Если судитъ гражданскій судъ, то, опредѣливъ мѣру виновности, онъ передаетъ свое мнѣніе на согласіе епископа, и если епископъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, онъ лишаетъ виновнаго священнаго сана и отдаетъ суду гражданскому, для дальнѣйшаго рѣшенія его участи; если же епископъ несогласенъ на мнѣніе гражданскихъ судей, дѣло восходитъ до императора (2); 4) всѣ дѣла между епископами, церковныя ли, или гражданскія, судятся соборами съ областнымъ митрополитомъ; аппелляціи — къ патріарху (3); 5) Наконецъ, епископъ не можетъ быть призываемъ лично на судъ гражданскій для свидѣтельства или для какихъ нибудь показаній. Гражданскій судья, который рѣшился бы на это, теряетъ свою должность и платитъ въ пользу Церкви того епископа, котораго онъ хотѣлъ судить, значительный штрафъ. Тотъ, кто посодѣйствовалъ бы приговору судьи надъ епископомъ, подвергается ссылкѣ (4). — Такъ опредѣлены были отношенія Церковнаго суда къ гражданскому; и эти по-

---

(1) Nov. 83. cap. I. Nov. 123. cap. 21.

(2) (Nov. 123. cap. 8 et 21. Nov. 86 § 2) Имп. Ираклій далъ епископамъ право и непосредственно судить уголовныя дѣла: но съ тѣмъ, чтобы, по рѣшеніи дѣла и по снятіи съ виновныхъ свящ. сана, передавать ихъ гражданскому начальству для наказанія. Nov. Heraclii (630) см. *Leunclav*. lib. 1. pag. 73.

(3) Nov. 123. cap. 42.

(4) Nov. 123. cap. 8.

становленія, съ нѣкоторыми только перемѣнами, имѣли свое дѣйствіе по всему Востоку и Западу,—на Востокѣ до паденія Имперіи, на Западѣ до Реформаціи.

При указанныхъ нами отношеніяхъ Церковнаго суда къ гражданскому, въ греко-римскомъ правѣ дѣйствовало одно общее, постоянное начало судопроизводства: actor forum rei sequitur,—истецъ долженъ обращаться въ вѣдомство отвѣтчика. Такимъ образомъ духовныя лица въ своихъ искахъ на свѣтскія должны были обращаться къ свѣтскимъ начальствамъ, и слѣдовательно по необходимости подлежали ихъ суду (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ, духовенство, освобождаясь законами отъ мірскихъ судовъ, не освобождалось отъ подсудимости, во всякомъ случаѣ, верховной, самодержавной власти. Эта власть своимъ непосредственнымъ повелѣніемъ или по особому представленію свѣтскаго начальства, могла предавать всякое духовное лице (не исключая и высшихъ степеней) гражданскому суду (2).

Что касается Церковнаго суда надъ свѣтскими лицами, то, послѣ соединенія Церкви съ государствомъ, внѣшній Церковный судъ въ обществѣ не могъ быть обширенъ; государство судило само не только всѣ гражданскія преступленія, но и многія такія, которыя, хотя касались Церкви и были преступленіями противъ ея законовъ, но, по связи этихъ законовъ съ гражданскими, были судимы, какъ государственныя преступленія. Тѣмъ не менѣе судъ Церкви простирался на значительное число предметовъ даже собственно гражданскаго вѣдомства, — опять по той же самой причинѣ, т. е. по связи

---

(1) *Photii* Nomocan. tit. 9. cap. I Schol. Balsamon.
(2) *Justin*. Nov. 123. cap. 7.

государства съ Церковію. Только въ этихъ предметахъ надобно различать: 1) тѣ, которые по самому существу своему подлежали суду Церкви, — и 2) тѣ, которые только косвенно, по связи съ этими главными предметами, относились къ Церковному суду, или же были предоставлены ему особенными уставами и обычаями государства.

1) По самому существу своему подлежали Церковному суду дѣла, имѣющія прямое отношеніе къ таинствамъ Церкви. Такъ какъ священство, хотя и составляло особое званіе лицъ, служащихъ Церкви, но не было сословіемъ отдѣльнымъ въ государствѣ, или исключительнымъ въ одномъ какомъ нибудь родѣ лицъ, а могло составляться изъ лицъ разнаго происхожденія и сословія (VI Всел. 33): то при самомъ принятіи въ клиръ, судъ не только о достоинствѣ и способностяхъ людей, ищущихъ духовнаго сана, но и общественномъ ихъ положеніи, о гражданскомъ значеніи, — т. е. о правахъ званія и состоянія ихъ, о разныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни ихъ и пр., долженъ былъ уже принадлежать Церкви. Ибо не всякаго званія и состоянія, не всякой жизни людей Церковь почитала способными къ священному служенію. Такимъ образомъ Церковь въ этомъ отношеніи входила своимъ судомъ въ гражданское общество; дѣла, относящіяся къ избранію духовныхъ лицъ, должны были рѣшаться ея правилами. Правда, что и въ этихъ дѣлахъ многія правила даны отъ гражданскаго правительства [1]: но Церковь предшествовала ему своими правилами, такъ что гражданскія узаконенія представляютъ только развитіе и дополненіе ихъ. Апостольскія правила напр. не допускаютъ въ

---

[1] *Justin.* Nov. 6. 123. al.

клиръ двоебрачныхъ (Ап. пр. 17), имѣющихъ въ супружествѣ вдовъ и пр. (18), обвиняемыхъ въ плотскихъ грѣхахъ (61), рабовъ безъ согласія господъ (82), занятыхъ гражданскою или военною службою (81. 83). Отдѣльность и самостоятельность Церковнаго суда, по этому предмету, выражена въ положительныхъ правилахъ Церкви, которыми она всякій выборъ въ духовное сословіе предоставляла исключительно самой себѣ, не допуская даже посредства власти свѣтской (Ап. 30. VII Всел. 3).

Другое таинство Церкви, имѣющее особенную связь съ гражданскимъ обществомъ, есть бракъ. Какъ таинство, бракъ во многихъ отношеніяхъ, какъ-то въ самыхъ условіяхъ его заключенія, въ порядкѣ совершенія, въ случаяхъ распоряженія, опредѣленъ Церковными правилами (Ап. 48. 51. Вас. 38. 40. 42. 77. IV Всел. 4. VI Всел. 58. 84. 87. 72. Лаодик. 10. 31. и пр.). Поэтому дѣла брачныя должны были подлежать суду Церкви. Законность или незаконность брака, его дѣйствительность, послѣдствія, рѣшались Церковнымъ судомъ (1). Законы гражданскіе только подтверждали и развивали правила Церкви, хотя со стороны нарушенія этихъ законовъ брачныя дѣла могли подлежать и свѣтскому суду.

Въ таинствѣ покаянія, многія дѣла не только по нравственнымъ преступленіямъ, но и по гражданскимъ, переходили на судъ Церкви, когда эти преступленія заключали въ себѣ нарушеніе вмѣстѣ гражданскихъ и церковныхъ законовъ, или когда, какъ дѣла совѣсти,

(1) *Nov Alexii Comneni*: „universa quidem, quae ad animam spectant, ipsaque adeo matrimonia, tam dijudicari, quam executioni subjici ab episcopis debent.“ Apud *Leunclav.* lib. 1 pag. 124. Vid. ibidem pag. 197. 204—217. 230—32. 259—268. etc.

требовали духовнаго, покаяннаго очищенія. Въ послѣднемъ случаѣ многія дѣла могли даже оканчиваться Церковнымъ судомъ, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій: потому что, бывъ открыты только на духовномъ судѣ (на исповѣди), они могли и оставаться извѣстными только этому суду, хотя бы, по свойству своему, и относились къ суду гражданскому. Напримѣръ: въ правилахъ св. Василія Великаго замѣчено: „женъ, прелюбодѣйствующихъ и исповѣдавшихся въ томъ, отцы наши запретили явными творити, да не подадимъ причины къ смерти обличенныхъ, но повелѣли стояти имъ съ вѣрными безъ пріобщенія, доколѣ исполнится время покаянія.“ (Вас. 34). Исповѣдь не признавалась даже юридическимъ доказательствомъ преступленія на открытомъ судѣ, безъ другихъ доказательствъ (Карѳ. 147). Поэтому какъ Церковь сама по себѣ никогда не присуждала гражданскихъ наказаній за грѣхи, чрезъ покаяніе дознанные, такъ и церковныя наказанія, даже открытыя и гласныя, могли вовсе не имѣть гражданскихъ послѣдствій. Самъ собою судъ Церкви не отнималъ у осужденнаго гражданскихъ правъ; лишенный напр. церковнаго общенія отецъ семейства не лишался власти надъ дѣтьми, господинъ надъ своими рабами, гражданскій чиновникъ своей должности. Только въ случаѣ такихъ преступленій, которыми явно возмущался церковный порядокъ и миръ, съ нарушеніемъ ея правъ и непокорствомъ ея власти, преступникъ былъ препровождаемъ къ гражданскому начальству, которое судило его по законамъ объ общественныхъ возмутителяхъ и подвергало своимъ наказаніямъ (Антіох. 5. Карѳ. 59. 78. Двукрат. 9) (1).

(1) Justin. Nov. 123. cap. 21. Cf. Photii Homoc. tit. 9. cap. 25. Schol. Balsamon.

II) Вѣра и христіанская нравственность составляютъ сами по себѣ главные предметы церковныхъ правилъ, и слѣд. духовнаго суда. Но когда преступленія противъ вѣры и нравственности возмущали и общественный порядокъ, а потому признавались и гражданскими преступленіями, тогда Церковный судъ по этимъ предметамъ раздѣлялъ свои дѣйствія съ гражданскимъ. Первому принадлежало: наблюденіе за состояніемъ вѣры и нравовъ въ обществѣ, замѣчаніе всего, что имъ противно, обличеніе преступленій болѣе или менѣе скрытыхъ, опредѣленіе, въ случаѣ формальнаго судопроизводства, мѣры и свойства преступленій, стараніе о пресѣченіи ихъ своими церковными средствами и требованіе для сего гражданскаго содѣйствія. Суду гражданскому принадлежало: преслѣдованіе виновныхъ, наказаніе ихъ гражданскими казнями. Въ этихъ предметахъ гражданскій судъ дѣйствовалъ, большею частію, по указанію церковнаго: ибо правила Церкви относительно вѣры и нравственности христіанской предшествовали законамъ государственнымъ. Поэтому-то правила Церковнаго суда (напр. правила такъ называемыя покаянныя) оставались въ своей силѣ и при полномъ дѣйствіи гражданскихъ законовъ и Церковь дѣйствовала своимъ судомъ во всякое время, не смотря на то, судило или нѣтъ извѣстныя преступленія государство. Апостольскія правила напр. Церковнымъ судомъ поражаютъ слѣдующія общественныя преступленія: убійство (66), произвольный разводъ супруговъ и бракъ съ разведенными (48), насиліе (67), оскорбленіе царскаго величества (84). Правила Соборовъ осуждаютъ: предосудительныя, публичныя игры и зрѣлища (VI Всел. 50 51), предразсудки и обряды народнаго суевѣрія (60. 69.

79), неприличные христіанамъ обычаи и нравы (66. 71. 65. 96. 100), открытыя непотребства (86), похищеніе женъ (92 и IV Всел. 27) и пр. Въ собственно такъ называемыхъ *покаянныхъ* правилахъ Отцевъ находимъ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ свойства и мѣры преступленій, положительный судъ на слѣдующихъ общественныхъ преступниковъ: убійцъ (Вас. В. пр. 7. 8. 11. 43. 54. 56. 57), взаимно невѣрныхъ супруговъ (9. 21. 34. 58), похитителей женъ и дѣвицъ (22. 25. 26. 30. 37), своевольно расторгающихъ супружество (35. 9. 77), внѣ брака сожительствующихъ и вообще развратныхъ (39. 59), преступниковъ противъ родительской или господской власти (38. 40. 42), причиняющихъ насиліе (49), бросающихъ своихъ дѣтей (2. 33. 52), воровъ (61), клятвопреступниковъ (64. 82), волшебниковъ, отравителей и пр. (65. 72. 83), раскапывающихъ гробы (66), кровосмѣсниковъ (67. 68. 75. 76. 78. 79). Эти правила опредѣленно составлены уже въ то время (IV—VI в.), когда Церковь соединилась съ государствомъ и, какъ извѣстно, имѣли весьма обширное употребленіе въ судопроизводствѣ по нравственнымъ, — общественнымъ и частнымъ,—преступленіямъ (1). Дѣйствіе тѣхъ же правилъ продолжалось и въ средніе вѣка, равно и на Востокѣ и на Западѣ (2).

III) Наконецъ, въ исторіи Церковнаго суда замѣчательны его дѣйствія по дѣламъ собственно гражданскимъ,—какъ напр. тяжебнымъ и обвинительнымъ ме-

(1) Это можно замѣтить напр. въ составѣ Фотіева Номоканона, гдѣ помѣщенъ особый обширный отдѣлъ περι λαϊκων (tit. 13) въ отношеніи къ судопроизводству, — церковному и гражданскому вмѣстѣ, — по разнымъ преступленіямъ.

(2) *Binghami* Origin. Eccl. lib. 16 cap. 4—14 cf. *Walter*'s Lehrbuch d. Kirchen-Rechts. § 188. Bonn. 1842.

жду мірянами. Участіе его въ этихъ дѣлахъ, и послѣ первыхъ трехъ вѣковъ, продолжалось обычаемъ: ибо христіане во многихъ тяжбахъ и распряхъ между собою, минуя суды гражданскіе, охотно обращались къ посредствующему суду епископовъ (jus arbitrii), а христіанскіе государи не отказывали епископамъ въ правѣ этого суда, при добровольномъ избраніи его со стороны самихъ тяжущихся, и признавали его законную силу ([1]). Кромѣ того положительными постановленіями государства открыты были участію Церковнаго суда многія гражданскія дѣла, какъ-то: актъ отпущенія рабовъ на свободу (VI Всел. 85 Карө. 74), опека и попечительство надъ малолѣтними (IV Всел. 3), наблюденіе за дѣйствіями гражданскихъ чиновниковъ, дѣла общественной благотворительности и пр. и пр. Священныя права—убѣжища въ Церкви и защиты лицъ угнетаемыхъ, въ какомъ бы то ни было случаѣ, относились также къ важнѣйшимъ предметамъ участія Церкви въ дѣлахъ гражданскихъ.

([1]) Cod. Theod. 16. 11. Const. 1. cod. Justin. 1, 4. Const. 7. 8: „si qui ex consensu apud sacrae legis antistitem litigare voluerint, non vetabuntur"; „Episcopale judicium ratum sit omnibus, qui se audiri a sacerdotibus elegerint; eamque illorum judicationi adhibendam esse reverentiam jubemus, quam referri necesse est potestatibus, a quibus non licet provocare." Бл. Августинъ напр. говоритъ о св. Амвросіѣ Медіоланскомъ: „secludentibus me ab ejus aure et ore catervis negotiosorum hominum, quorum infirmitatibus serviebat". (*August.* Confess. 6. 3). Самъ о себѣ Августинъ писалъ: „multo mallem per singulos dies aliquid manibus operari, et caeteras horas habere ad legendum et orandum, quam tumultuosissimas perplexitates causarum alienarum pati, de negotiis saecularibus vel judicando dirimendis, vel interveniendo praecidendis" (de oper. monach. cap. 37).

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Церковь Христова, хотя *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. 18, 36): но существуетъ *въ мірѣ* (17, 15), и поэтому имѣетъ къ нему свои отношенія. Эти отношенія начались съ первымъ распространеніемъ христіанской вѣры въ мірѣ и съ самаго начала уже опредѣлялись положительными правилами Церкви. Церковь чуждалась духа и нравовъ языческихъ обществъ (1 Кор. 6, 1—6); но уважала государственныя постановленія и внушала своимъ членамъ, какъ имѣющимъ неизбѣжныя отношенія къ обществу, покорность гражданскимъ законамъ и законной власти (Рим. 13, 1—7. 1 Тим. 2, 1. 2). Отношенія гражданскаго (языческаго) общества къ первенствующей Церкви извѣстны. Но и послѣ того, какъ проповѣдь Евангелія обратила ко Христу народы и государства, взаимныя отношенія между ними и Церковію представляются не вездѣ одинаковыми. Именно эти соотношенія бываютъ различны, смотря потому, — а) какая религія признается въ государствѣ господствующею, — б) въ какой мѣрѣ начала государственнаго управленія, духъ, нравы и законы общества согласуются съ духомъ, нравами и законами Церкви. Поэтому даже въ христіанскихъ государствахъ, при различіи вѣроисповѣданій, нѣкоторыя изъ вѣроисповѣданій признаются господствующими, или, по крайней мѣрѣ, принадлежащими націи и большинству, другія—только тер-

пимы, т. е. имѣютъ только свободу вѣры и богослуженія, но не пользуются особенными правами. Среди народовъ не христіанскихъ Церковь, естественно, не можетъ входить въ полный союзъ, въ одно тѣло съ чуждымъ ей обществомъ, а остается обществомъ обособленнымъ, имѣющимъ свою отдѣльную, внутреннюю жизнь, свое особое правленіе, конечно, не свободное, и въ своихъ дѣйствіяхъ болѣе или менѣе стѣсняется вліяніемъ чуждаго ей права. Но если уже неизбѣжно совмѣстное существованіе двухъ царствъ отъ міра и не отъ міра, то наилучшій видъ соотношеній между Церковію и государствомъ есть тотъ, когда они единствомъ вѣры и духа входятъ между собою въ благонамѣренный, общеполезный союзъ; когда государство принимаетъ подъ свою защиту и содѣйствіе права и законы Церкви, безъ посягательства на ихъ цѣлость и независимость, своими средствами помогаетъ ея дѣйствительному благоустроенію и благоденствію; когда Церковь съ своей стороны, не теряя своей свободы и правъ, безъ грѣха и безъ ущерба для себя можетъ сообразоваться въ своихъ дѣлахъ съ постановленіями государственными, освящаетъ, чтитъ и охраняетъ государственную, законную власть, ограждаетъ своимъ ученіемъ и правилами добрый гражданскій порядокъ и содѣйствуетъ ему своею духовною помощію, особенно вліяніемъ на совѣсть и нравственную жизнь народа; когда, не входя въ мірскія дѣла, ея не касающіяся и ей не подлежащія, и не допуская государство далеко заходить въ ея собственныя дѣла, Церковь имѣетъ на столько силы и средствъ, чтобы и въ государствѣ утверждать и отстаивать чистыя, нравственныя христіанскія начала, и народъ воспитывать нравственно, по духу истиннаго христіанства. Этотъ пре-

красный, и вожделѣнный для блага народовъ союзъ Церкви и государства, конечно, есть больше идеалъ, чѣмъ фактъ: по крайней мѣрѣ исторія ни въ древнихъ, ни въ новыхъ временахъ не указала еще дѣйствительнаго въ полной мѣрѣ осуществленія такого союза: однакожъ это не то, что новѣйшій раціонализмъ въ политикѣ провозглашаетъ подъ фирмою: „свободная Церковь въ свободномъ государствѣ“. Если это не пустыя слова, чтобы только морочить людей съ заранѣе предвзятою мыслію, то — это ошибка. Никакая политика не скроетъ мысли, которая заключается *въ заду* этой великолѣпной фразы; тутъ мысль—предоставить Церковь *самой себѣ*, такъ, чтобы ни государство не имѣло и не признавало надобности принимать участіе въ Церкви, ни Церковь не считала бы себя въ правѣ требовать участія со стороны государства, а тѣмъ менѣе—имѣла бы какое-нибудь основаніе и право входить такъ или иначе въ дѣла государства. Это, говоримъ, ошибка. По законамъ природы, свободная сила не можетъ безусловно существовать въ другой свободной силѣ: между ними должна быть или *связь*, слѣдовательно взаимодѣйствіе и поэтому одна сила будетъ сдерживать, ограничивать такъ или иначе другую; или будетъ между ними *борьба* и одна сила будетъ стремиться подавить другую, чтобы быть вполнѣ и дѣйствительно свободною. Свободная Церковь можетъ еще существовать *внѣ* свободнаго государства, даже возлѣ него и на ряду съ нимъ; но свободная Церковь *въ* свободномъ государствѣ существовать не можетъ; тутъ будетъ въ составѣ цѣлаго внутреннее противорѣчіе: свобода одной силы будетъ стѣснять другую и по законамъ естественнымъ будетъ, такъ сказать, прорывать другую; обѣ свободныя силы неиз-

бѣжно должны будутъ или войти въ союзъ между собою, или въ борьбу, и только тогда, когда одна сила преодолѣетъ другую и другая потеряетъ свою свободу, первая будетъ вполнѣ свободна. Но вѣрнѣе всего то, что если Церковь, какъ сила духовная, самодѣйствующая, имѣющая жизнь въ самой себѣ, можетъ еще существовать внѣ государства, какъ тѣла вещественнаго, можетъ дѣйствовать своими духовными средствами по своимъ духовнымъ цѣлямъ безъ пособія силъ вещественныхъ, хотя въ такомъ случаѣ не легко представить себѣ внѣшнее благоденствіе Церкви: то государство, какъ сила вещественная, не можетъ существовать безъ силы духовной, т. е. нравственной, если не хочетъ обратиться въ скопище безнравственныхъ людей, живущихъ одною физическою силою. Сила духовная, сила нравственная заключается въ религіи, какъ своемъ первѣйшемъ и высшемъ и никогда не изсякающемъ источникѣ, и чѣмъ чище сама религія, чѣмъ правильнѣе ея исповѣданіе, чѣмъ тверже и вѣрнѣе ея соблюденіе, тѣмъ совершеннѣе, возвышеннѣе, дѣйственнѣе и благотворнѣе ея духовная сила и ея нравственное дѣйствіе въ народахъ и въ цѣломъ человѣчествѣ. Никакой раціонализмъ, никакая политика, никакой государственный либерализмъ не опровергнетъ этого. А гдѣ религія, (разумѣется — христіанская: о другой религіи не можетъ быть и рѣчи), тамъ и Церковь: сила Церкви есть сила религіи; Церковь есть ея тѣло, ея образъ, ея органъ. Слѣдствіе ясно: христіанское государство не можетъ существовать безъ Церкви, какъ силы нравственной. Оно могло бы жить и дѣйствовать безъ Церкви только тогда, когда отказалось бы отъ нравственнаго своего характера, отъ своего высшаго нравственнаго значенія

и—отъ религіи. Но неужели можно серіозно думать, что государство можетъ обойтись безъ характера строго нравственнаго и оставаться государствомъ въ достойномъ новѣйшей цивилизаціи смыслѣ? Нѣтъ. Уничтожая въ себѣ или отрицая Церковь, государство отрицало бы само себя; оно рушится, какъ рушится тѣло безъ души, какъ общество безъ нравственныхъ началъ; другихъ послѣдствій быть не можетъ.

Признавая началомъ взаимныхъ отношеній Церкви и государства — союзъ ихъ между собою, мы, сообразно ученію слова Божія, духу и правиламъ Церкви, представимъ какъ отношенія Церкви къ государству, такъ и отношенія государства къ Церкви. При этомъ замѣтимъ однажды навсегда, что мы имѣемъ въ виду Церковь одну — православную.

Отношенія Церкви къ государству можно разсматривать съ двухъ сторонъ: 1) со внутренней, или собственно духовной стороны Церкви, какъ царства религіи или духовно-нравственнаго союза христіанъ между собою по ученію и духу Евангелія и во 2) со внѣшней стороны ея, какъ видимаго общества вѣрующихъ.

Внутреннюю сторону Церкви составляютъ: вѣроученіе, богослуженіе и священноначальственное пастырство, соединенное съ духовнымъ вліяніемъ на совѣсть и нравственную жизнь вѣрующихъ. Если разсмотримъ отношеніе этихъ предметовъ къ обществу, къ его жизни умственной, нравственной и гражданской: то увидимъ, что въ этомъ отношеніи по духу Церкви всегда можетъ образоваться самый мирный и взаимно благотворный союзъ Церкви и общества. Такъ 1) отношенія Церкви къ обществу, по этимъ предметамъ, всегда чисты въ своемъ источникѣ и въ своихъ цѣляхъ: ибо вѣра, бо-

ɪослуженіе и церковное пастырство какъ происхожденіе имѣютъ не земное, мірское, а высшее, такъ и цѣли имѣютъ у себя не земныя и временныя, а духовныя, евангельскія: просвѣщеніе людей свѣтомъ богооткровенной истины, нравственное очищеніе совѣсти, соблюденіе въ жизни христіанъ духа Христова. Такъ какъ эти цѣли и по существу своему не могутъ смѣшиваться ни съ какими государственными или политическими видами гражданскихъ обществъ и въ силѣ дѣйствія своего не подлежатъ условіямъ времени, мѣста, народности и пр., то Церковь, въ осуществленіи этихъ цѣлей не имѣетъ нужды касаться гражданскихъ порядковъ или національныхъ интересовъ: она имѣетъ въ виду человѣка, христіанина, его сердце, совѣсть, его вѣчность, кто бы, гдѣ бы и въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни былъ. Поэтому-то въ Церкви христіанской, какъ говоритъ Ап. Павелъ, *нѣсть Іудей, ни Еллинъ: обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и Скиѳъ: рабъ и свободь: но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11). 2) Дѣйствія Церкви, по этимъ предметамъ, не только не противорѣчатъ, но всегда содѣйствуютъ правильному, умственному и нравственному,—развитію обществъ. Такъ ученіе Церкви, или вѣра, не только не препятствуетъ умственному или гражданскому просвѣщенію обществъ, но, по своему духу, по своимъ началамъ, благопріятствуетъ его твердости и основательности, его чистотѣ въ идеяхъ, его доброму и полезному для обществъ направленію. Вѣра Церкви охраняетъ общество отъ вольномыслія и заблужденій въ высшихъ предметахъ знанія, заблужденій, ведущихъ къ низпроверженію всякаго истиннаго просвѣщенія. Даже вѣра сама *для себя* требуетъ умственнаго образованія, чтобы быть вѣрою ра-

зумною, сознательною, съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ ея ученія. (Іоан. 3, 10. 11. 5, 39. Рим. 12, 2. 1 Кор. 14, 20). Таинства и вообще всѣ церковныя священнодѣйствія, имѣютъ прямую цѣль — содѣйствовать духовному, т. е. нравственному обновленію человѣка,— и чрезъ то имѣютъ самое благотворное вліяніе на нравственную жизнь обществъ, къ очищенію нравовъ ихъ, къ возвышенію духа ихъ, даже прямо къ ихъ общественному благоустройству: ибо, они соединяютъ членовъ христіанскаго общества между собою твердѣйшими, духовными узами,—единеніемъ вѣры, союзомъ христіанскаго духа, — узами совѣсти и нравственной жизни, узами болѣе крѣпкими и прочными, нежели всѣ внѣшніе, общественные союзы. Таковы именно таинства: крещенія, причащенія, священства, брака, и все общенародное, церковное богослуженіе. Духовное пастырство въ Церкви, или священноначаліе, своимъ вліяніемъ на духовную жизнь и совѣсть вѣрующихъ, не только не стѣсняетъ общественной жизни, но содѣйствуетъ, напротивъ, сохраненію одной изъ твердѣйшихъ опоръ нравственно-общественной жизни,—именно силы совѣсти. Ничто не можетъ столько ручаться за цѣлость обществъ, за чистоту нравовъ ихъ, за твердость общественныхъ законовъ, какъ огражденіе ихъ нравственною силою и убѣжденіемъ совѣсти (Рим. 13, 5). Притомъ церковное пастырство, по прямому своему назначенію и въ истинномъ своемъ духѣ, только и касается дѣлъ совѣсти,—не касаясь прямо дѣлъ народныхъ, или касаясь не болѣе того, сколько они имѣютъ отношенія къ совѣсти и нравственности христіанской. 3) Нельзя не замѣтить, что наилучшія отношенія Церкви къ государству всегда были въ предѣлахъ Церкви Пра-

[illegible], и тамъ, гдѣ сама Церковь никогда не измѣняла своему истинному духу и своему духовному назначенію, даже тогда, когда отъ государства болѣе или менѣе страдала въ самыхъ существенныхъ и важныхъ своихъ интересахъ. Но гдѣ Церковная власть отступала отъ началъ истинной Церкви, гдѣ и государства отступали отъ Церкви: тамъ, при извращеніи взаимныхъ отношеній Церкви и государства, послѣдствія были для нихъ взаимно неблагопріятны. Въ Византіи не происходило ничего, кромѣ смутъ и безпорядковъ общественныхъ въ тѣ времена, когда правительства измѣняли Церкви, покровительствовали ересямъ, гнали Православіе, своими неправильными дѣйствіями нарушали церковныя права и приводили въ разстройство церковную іерархію. Римская каѳедра, на ложныхъ основаніяхъ усвоивъ себѣ ложныя права, въ отношеніи къ другимъ Церквамъ и гражданскимъ обществамъ, воцаряя въ себѣ самой мірской духъ, открывала входъ, и къ себѣ, и къ нимъ, всякимъ безпорядкамъ, раздорамъ и бѣдствіямъ. Новѣйшія вольнодумныя сборища, враждебныя Церкви и всему церковному, отступивъ въ слѣдствіе этой враждебности и отъ истинныхъ началъ христіанства, постоянно разстроены и въ себѣ самихъ, и постоянно волнуются противуобщественными страстями и движеніями. Не говоримъ уже объ ослабленіи вѣры и нравственности въ обществѣ, неизбѣжномъ послѣдствіи вражды и раздѣленія между Церковію и государствомъ.

Если будемъ смотрѣть на Церковь, какъ своего рода общество, то и здѣсь увидимъ не менѣе благопріятныя отношенія Церкви къ обществу гражданскому. Церковь, принося ученіе вѣры, богослуженіе и свое пастырство въ гражданскія общества, обращаетъ ихъ ко Христу,

желаетъ посѣять въ нихъ духъ Христовъ и утвердить ихъ на пути истины и добра христіанскаго;—но и только. Дѣлая членовъ ихъ своими членами, она не отторгаетъ ихъ отъ общества; возлагая на нихъ духовныя обязанности, она не отрѣшаетъ ихъ отъ обязанностей гражданскихъ и сама не нарушаетъ этихъ обязанностей; подчиняя ихъ своей духовной власти, она не касается правъ гражданскихъ, не смѣшиваетъ своей власти съ политическою и не стѣсняетъ ничѣмъ ея законныхъ дѣйствій въ обществѣ. Даже, во избѣжаніе разногласія и раздѣленій, Церковь готова соображать свои права и узаконенія съ гражданскими, не противными духу ея и христіанства, и взаимно принимаетъ соучастіе въ своихъ дѣлахъ законовъ общественныхъ. Если оказывается это соучастіе, благонамѣренно и на правильныхъ основаніяхъ: то Церковь, совершенно соединяясь съ государствомъ, составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, одно тѣло. Если не оказывается добраго содѣйствія, со стороны гражданской, Церковь, и не сливаясь съ государствомъ, существуетъ самобытно, но не враждуетъ противъ государства и общества и охотнѣе терпитъ лишенія, даже страданія, нежели дозволяетъ своимъ членамъ идти противъ общественнаго порядка. Таково было состояніе христіанъ среди обществъ языческихъ. Таковъ и всегда духъ истинной Христовой Церкви. И во-первыхъ, этотъ духъ открывается уже въ самомъ первоначальномъ устроеніи Церкви. Самъ Спаситель міра, пришедшій въ міръ основать Свою Церковь, показалъ этотъ духъ и въ собственномъ примѣрѣ жизни, и въ ученіи Своемъ. Самъ Онъ, хотя жилъ и училъ открыто въ обществѣ, но не только не присвоялъ себѣ никакого государственнаго или политическаго

значенія, даже не терпѣлъ, и своимъ ученикамъ не дозволялъ частнаго, преднамѣреннаго вмѣшательства въ чисто гражданскія, народныя даже семейныя дѣла іудеевъ. Такъ напримѣръ, на просьбу о судѣ по раздѣлу наслѣдія между братьями,—что было дѣломъ гражданскаго суда,—Спаситель отвѣчалъ: *кто Мя постави судію и дѣлителя надъ вами?* и только далъ наставленіе: *блюдитеся отъ лихоимства* (Лук. 12, 13—15). Вотъ разграниченіе дѣлъ духовныхъ и гражданскихъ! Что относилось къ послѣднимъ — раздѣлить имѣніе, — то Іисусъ Христосъ отклонилъ отъ себя; а что касалось церкви—дать наставленіе,—онъ тотчасъ исполнилъ. Потомъ на судѣ Пилатовомъ, на вопросъ: *ты ли Царь Іудейскій?* Іисусъ Христосъ даетъ отвѣтъ прямой и рѣшительный: *царство мое не отъ міра сего; если бы отъ міра сего было царство мое, слуги мои подвизались бы, чтобы я не былъ преданъ Іудеямъ: но царство мое не отсюда* (Іоан. 18, 36);—т. е. какъ царство Христово не отъ міра, по своему духу и по своимъ цѣлямъ, то и не касается мірскихъ, народныхъ дѣлъ, и само держится не вещественными силами, и власть его дѣйствуетъ не мірскимъ оружіемъ. Въ тоже время Іисусъ Христосъ положительно изображаетъ свое царство, или Церковь, какъ *царство истины*, т. е. Царство духовное, котораго управленіе и сила состоятъ только въ распространеніи, сохраненіи и защищеніи истины (ст. 37). Тоже внушалъ Іисусъ Христосъ и ученикамъ своимъ, когда говорилъ имъ о своемъ царствѣ и училъ, какъ въ немъ дѣйствовать (Матѳ. 20, 24—28. Лук. 22, 28—30). Въ бесѣдахъ съ іудеями, которые воображали себѣ царство Мессіи царствомъ свободы, Іисусъ Христосъ вразумлялъ ихъ, что эта свобода не есть политиче-

частная, а духовная, нравственная, свобода истины и добра, свобода отъ грѣховъ и заблужденій (Іоан. 8, 31—34). Что касается собственно до отношеній Церкви къ государству: то извѣстно рѣшеніе Іисуса Христа по вопросу о подчиненіи іудеевъ власти Кесаревой, хотя эта власть была для нихъ чуждая и тяжкая. Самыя слова Спасителя: *воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови*,—даютъ видѣть, что въ общей совокупной жизни Церкви и государства могутъ быть неприкосновенными права той и другаго и что, исполняя законы одной, можно не нарушать законовъ другаго и на оборотъ. Самъ Спаситель, хотя осуждалъ духъ языческихъ царствъ, однакожъ исполнялъ и ученикамъ своимъ внушалъ исполнять общественныя обязанности и повинности (Матѳ. 6, 25 слѣд.). Во-вторыхъ, ученики Христовы, сообразно ученію и примѣру своего Учителя, раскрыли въ самыхъ возвышенныхъ по духу чертахъ отношенія Церкви къ государству. Не смотря на то, что современныя имъ государства были всѣ равно чужды и враждебны возникающему христіанству, Апостолы положительно учили христіанъ: а) почитая Бога истиннаго,—чтить и *царя* (1 Петр. 2, 17). Если подъ именемъ *царя* разумѣть (какъ безъ сомнѣнія и должно) лице опредѣленное, Апостоламъ современное; то этотъ царь—былъ Иродъ, который гналъ Апостоловъ и всѣхъ христіанъ (Дѣян. 12, 1—4); б) быть покорными всякому законному человѣческому учрежденію,—*ради Господа*: власти царской, какъ верховной въ государствѣ, правителямъ, какъ ея представителямъ, и это дѣлать по чистой совѣсти, а не по принужденію только, чтобы выполнить долгъ правды и оградить себя отъ подозрѣній во враждѣ противъ общественнаго порядка

(ст. 12—16); в) признавать всякую законную власть, какъ *учрежденную отъ Бога*, и противленіе ей — почитать противленіемъ самому Богу; исполнять безпрекословно всѣ общественныя обязанности; отдавать всякому, что должно, — *чести*, *дань* и проч. (Рим. 13, 1 слѣд.); г) *приносить молитвы Богу за царя и за всѣхъ начальствующихъ*: ибо *такъ угодно Богу*, и такъ нужно для того, чтобы христіане въ обществѣ могли проводить *жизнь тихую и безмятежную, во благочестіи и чистотѣ нравовъ* (1 Тим. 2, 1—2). И всѣ эти правила Апостолы излагаютъ вообще, безотносительно, для всякаго мѣста и времени, а не исключительно только для своего времени; излагаютъ ихъ не по какому-либо принужденію, или по побужденіямъ своеличнымъ, но по убѣжденію истины, по совѣсти, *Господа ради*. Если такъ они учили христіанъ среди обществъ, враждебныхъ христіанской Церкви, то можетъ ли это ученіе быть инаково въ Церкви, когда христіанство уже господствуетъ повсюду въ просвѣщенныхъ государствахъ?

Послѣ Апостоловъ Церковь, болѣе и болѣе входя въ необходимыя отношенія къ государствамъ, озаботилась опредѣлить для себя эти отношенія положительными правилами.

Такъ для того, чтобы не вмѣшиваться въ дѣла, ей не принадлежащія и отъ ея собственнаго назначенія далекія, и чрезъ это съ одной стороны не утратить своего духовнаго, евангельскаго характера, а съ другой не приходить въ столкновеніе съ властію гражданскою, Церковь положительно запретила своимъ служителямъ брать на себя мірскія должности, или гражданское (или военное) какое либо управленіе,—Апостольское правило 81: „не подобаетъ епископу, или пресви-

теру вдаватися въ народныя управленія, но неупустительно быти при дѣлахъ церковныхъ. Или убо да будетъ убѣжденъ сего не творити, или да будетъ изверженъ. Ибо никтоже можетъ двумъ господамъ работати, по Господней заповѣди". 83: „епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержать обое, то есть, римское начальство и священническую должность: да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. Ибо Кесарева—Кесареви, и Божія—Богови". VII Вселенскаго Собора правило 10: „не надлежитъ (клирикамъ) пріимати на себя мірскихъ и житейскихъ попеченій, якоже Божественными правилами возбранено сіе творити. Аще же кто обрящется, занимающій мірскую должность, или да оставитъ оную, или да будетъ изверженъ". Церковь дозволяетъ своимъ служителямъ исправленіе только такихъ дѣлъ гражданскаго круга, которыя по свойству своему могутъ имѣть связь съ ихъ пастырскимъ званіемъ и служеніемъ, каковы напр., попеченіе о сиротахъ, вдовыхъ, болящихъ, воспитаніе дѣтей, и т. п. Тотъ же VII Вселенскій Соборъ, вслѣдъ за приведенными теперь словами, прибавляетъ: „лучше же да идетъ (клирикъ) учити дѣтей и домочадцевъ, преподавая имъ Священное Писаніе: ибо для того и священство получилъ". (см. IV Всел. 3. 7. Двукрати. 11) (1).

Но Церковь всегда обязывала священнослужителей,

(1) Если въ исторіи Православной Церкви, именно на Востокѣ, мы видимъ, что духовныя лица принимали прямое оффиціальное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ, иногда довольно обширное; то это было по особымъ правамъ, даннымъ имъ отъ самой гражданской власти, а отнюдь не по притязанію Церкви Vid. *Cod. Theodos.* et *Justin.* lib. 1. tit. de episcopali audientia.

равно и начальствующихъ въ Церкви, самыми строгими правилами какъ въ личныхъ отношеніяхъ къ государственной власти, такъ и въ исполненіи общественныхъ обязанностей. Преступающіе эти правила подвергаются духовнымъ наказаніямъ, независимо отъ суда гражданскаго. Апостольское правило 84: „аще кто досадитъ царю, или князю, не по правдѣ, да понесетъ наказаніе. И аще таковый будетъ изъ клира, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина“.

Церковь и вообще положила для себя правиломъ, въ союзѣ съ государствомъ, не признавать своими членами тѣхъ, которые измѣняютъ отечеству и законной, предержащей власти и поэтому подвергаетъ ихъ церковному отлученію (1).

Согласно ученію слова Божія, Церковь изначала признавала законныхъ царей помазанниками Божіими и, сообразно тому, особу и власть ихъ почитала священною и неприкосновенною. Такъ Церковь разумѣетъ царское достоинство не въ одномъ кругу только гражданскаго общества, а и внутри самой Церкви. Таково напр., правило VI Вселенскаго Собора: „никому изъ мірянъ да не будетъ позволено входити внутрь священнаго алтаря; но по древнѣйшему преданію, отнюдь не возбраняется сіе достоинству царскому, когда восхощетъ принести дары Творцу“. (VI всел. 69).

Принимая на себя духовное служеніе обществу, Церковь выражаетъ это служеніе во многихъ особенныхъ дѣйствіяхъ, выражающихъ ея чистую преданность общественному порядку и благу, какъ-то въ постоянныхъ моленіяхъ *о царствующемъ домѣ, всей палатѣ и вои-*

(1) См. послѣдованіе въ недѣлю Православія.

самое имя; при каждомъ общественномъ и даже частномъ богослуженіи, въ приношеніи за нихъ особыхъ частей въ безкровной жертвѣ при священнодѣйствіи Литургіи (1), въ установленіи особыхъ моленій къ Богу, по разнымъ случаямъ въ общественной жизни, радостнымъ и печальнымъ, напримѣръ, по случаю внутреннихъ бѣдствій, нашествія враговъ и пр. (2), въ дѣйствіяхъ своего духовнаго суда, — тамъ, гдѣ судъ внѣшній оказывается недостаточнымъ, или не можетъ своею силою дѣйствовать, какъ-то въ судѣ совѣсти, въ очищеніи гражданскихъ преступленій церковнымъ покаяніемъ и такъ далѣе.

Церковь, съ другой стороны имѣетъ правила—просить себѣ самой содѣйствія и помощи гражданской власти, для сохраненія своего мира, благоустройства и благочинія, особенно тамъ, гдѣ собственныя мѣры ея оказываются недостаточными (Карѳ. Соб. пр. 59. 69. 74. 79. 86. Антіох. 5. Двукрат. 9).

Наконецъ, заботясь о благоустройствѣ жизни общественной, Церковь даетъ отъ себя многія положительныя правила для нравовъ народныхъ, для поведенія христіанъ въ обществѣ, въ семействѣ, въ разныхъ состояніяхъ и случаяхъ жизни, внушаетъ и охраняетъ своимъ ученіемъ и правилами въ народахъ чистую пре-

---

(1) Въ литургіи особая часть изъ просфоръ на дискосѣ полагается о здравіи и спасеніи царствующаго Государя и его фамиліи; по освященіи даровъ особо упоминаются имена царскаго Дома и приносится нарочитая молитва о Государѣ (см. литургіи св. Златоуста и Василія Великаго). О древности церковныхъ молитвъ за царя свидѣтельствуютъ уже христіанскіе писатели первыхъ вѣковъ. Тертулліанъ, напримѣръ, говоритъ: „мы приносимъ жертву (Евхаристіи) за императора Богу нашему и приносимъ такъ, какъ заповѣдалъ намъ Богъ: съ чистою молитвою". (Lib. ad Scap. cap. 2).

(2) См. особенныя этого рода моленія въ большомъ требникѣ.

данность престолу, покорность законамъ, любовь къ отечеству, освящаетъ своими молитвами и благословеніемъ добрыя общественныя и частныя предпріятія, и т. д.

Для рѣшенія вопросовъ объ отношеніи государства или общества къ Церкви, за основаніе должны быть приняты: 1) слово Божіе, которое еще въ ветхомъ завѣтѣ изображало царей *питателями Церкви* (Ис. 49, 23), и вмѣняло имъ въ обязанность соблюдать всѣ священные законы вѣры, преданные отъ самого Бога, охранять чистоту, цѣлость, благосостояніе Церкви и не нарушать правъ ея, Богомъ освященныхъ (Втор. 17, 18 — 20. 2 Цар. 5, 3. 4 Цар. 11, 12. 14. 17. 2 Пар. 23, 11. 13); 2) собственныя правила христіанской Церкви, которыя говорятъ не только о покровительствѣ церковнымъ правамъ и законамъ со стороны державной власти, но и о правахъ этой власти въ Церкви, законодательныхъ, правительственныхъ, судныхъ (см. ниже); 3) примѣры древнихъ отношеній государства къ Церкви, представляемые Восточною, Греческою имперіею, такихъ именно, при которыхъ Церковь сохраняла чистоту своего ученія, святость своихъ законовъ и права своего управленія (1); наконецъ 4) при-

---

(1) Въ основаніи взаимныхъ отношеній между государствомъ и Церковію на Востокѣ находимъ идею, (хотя не всегда выдержанную въ практикѣ)—идею не только внѣшняго, общественнаго, но и внутренняго, нравственнаго единенія ихъ, въ единствѣ духа и стремленіи къ общему благу. Такъ говорилъ императоръ Юстиніанъ: „maxima quidem in hominibus sunt dona Dei a suprema collata clementia, sacerdotium et imperium; et illud quidem divinis ministrans, hoc autem humanis praesidens; ex uno eodemque principio utraque procedentia, humanam exornant vitam. Si hoc (sacerdotium) inculpabile sit undique, imperium autem recte exornet traditam rempublicam, erit consonantia quaedam bona, omne, quidquid utile est, humano conferens generi". *Justin.* Nov. 6. Praef.

ствующіе законы нашего православнаго отечества, которые такъ изображаютъ эти отношенія: „императоръ есть верховный защитникъ и хранитель господствующей вѣры, блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія“; и далѣе: „въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Синода“ (1).

Общіе гражданскіе законы, опредѣляющіе порядокъ общественный, права и обязанности гражданъ, естественно, простираются и на всѣхъ членовъ Церкви, тамъ, гдѣ ея члены суть вмѣстѣ члены гражданскаго общества. Сама Церковь съ своей стороны побуждаетъ къ послушанію этимъ законамъ всѣхъ своихъ членовъ, признавая ихъ — и не исключая правительствующихъ въ ней лицъ — подданными государства. Но кромѣ этихъ общихъ законовъ, отъ законодательной власти государства могутъ исходить законы въ прямомъ отношеніи къ Церкви, ея устройству, управленію, жизни; какъ-то: а) относительно исповѣданія вѣры, которое эта власть своими постановленіями охраняетъ, распространяетъ и утверждаетъ, какъ неприкосновенное въ государствѣ, — которому она даетъ права и способы для развитія въ обществѣ, защиту и безопасность отъ враждебныхъ противъ него дѣйствій иновѣрія, лжеученій, фанатизма и пр. Сама Церковь нерѣдко испрашивала отъ православныхъ государей такихъ постановленій (Карѳ. 69. 71. 78. 104. 105) (2); б) относительно бо-

---

(1) Свод. Закон. Т. 1. Зак. Основн. ст. 42, 43 (1857).

(2) Таковы равно эдикты древнихъ императоровъ: Константина В. Феодосія Великаго и Младшаго, Маркіана, Юстиніана и др. Сводъ постановленій о исповѣданіи вѣры—см. въ кодексѣ Феодосіевомъ и Юстиніановомъ (repetitae praelectionis), въ Фотіевомъ номоканонѣ: Tit 1. de fide et XII de Haereticis.

гослуженія, куда относятся гражданскія постановленія о священныхъ мѣстахъ, ихъ благоустройствѣ, правахъ собственности, способахъ содержанія и пр. (1), о священныхъ лицахъ,—правахъ ихъ званія и состоянія, обязанностяхъ по отношенію къ обществу, обезпеченіи въ содержаніи (2) о священныхъ дѣйствіяхъ, ихъ благочиніи, свободѣ, безопасности, также неуклонномъ исполненіи обязанностей, по отношеніи къ нимъ со стороны граждан, о предупрежденіи и пресѣченіи всякихъ злоупотребленій въ нихъ, и т. д. (3); о священныхъ временахъ Церкви,—ихъ почитаніи и соблюденіи въ христіанскомъ обществѣ (4),—в) далѣе—относительно церковныхъ законовъ, которые государственная власть можетъ развивать и распространять посредствомъ своихъ государственныхъ постановленій, прилагать къ жизни гражданскаго общества, ограждать своими законами охранительными, дополнять законами распорядительными, усиливать законами судебными (Карѳ. 70. 72. 73. 74. 109. 115).

Но самая сущность этихъ предметовъ указываетъ и границы, въ которыхъ, по этимъ предметамъ, дѣйствуетъ въ Церкви законодательная власть государства. Такъ эта власть, дѣйствуя своими правами относительно *исповѣданія* вѣры въ обществѣ, содержимаго Церковію, не простирается на самое *ученіе* вѣры, которое съ одной стороны основывается на неизмѣнныхъ нача-

(1) *Cod.* tit. II. *Photii* Nomocan. tit. II. X. XI.

(2) *Cod.* tit. III. *Photii* tit. VIII, IX. IV Всел. Собора правила: 3. 4. 20. VI Всел. 3. 50 и др. содержатъ въ себѣ узаконенія, по этимъ предметамъ, предложенныя императорами Вселенскимъ Соборамъ. Concil. IV. act. VI. Concil. VI. act. XVIII. ap. Labbeum.

(3) *Photii* tit. III. IV. V. VI.

(4) Ibid. tit. VII.

какъ Божественнаго Откровенія, съ другой сохраняется непрерывнымъ и неизмѣннымъ преданіемъ Каѳолической, Апостольской Церкви: и потому какъ предметъ этого ученія, такъ и образъ и правила его опредѣляются не гражданскими, а церковными постановленіями, и изъясняются церковною, а не гражданскою властію; первая опредѣляетъ, излагаетъ и преподаетъ догматы вѣрующимъ для исповѣданія; послѣдняя утверждаетъ принятіе ихъ своимъ исповѣданіемъ, охраняетъ и защищаетъ въ государствѣ. Такъ издревле разграничивались права Церкви и государства въ дѣлѣ вѣры, и лучшіе государи признавали въ этомъ отношеніи святость и неприкосновенность правъ Церкви (1). Въ отношеніи къ священнодѣйствіямъ, законодательная власть государства не простирается на внутреннюю сторону ихъ, т. е. на самыя права священнодѣйствія, исключительно принадлежащія лицамъ, чрезъ преемство даровъ Святаго Духа и рукоположеніе нарочито на то освященнымъ (2 Пар. 16, 26 слѣд. Евр. 5, 4),—также на самыя основанія священнодѣйствій, ихъ составъ и правила: все это неизмѣнно въ Церкви и принадлежитъ къ основнымъ правамъ ея. Вообще гражданское законодатель-

(1) См. рѣчь Константина В. къ Никейскому Собору у Евсевія въ Церк. Исторіи; также постановленія о вѣрѣ имп. Ѳеодосія В. и Юстиніана. Особенно это видно изъ дѣйствій царской власти при составленіи Вселенскихъ Соборовъ, для опредѣленія догматовъ вѣры. Сами государи, вполнѣ предоставляя это дѣло Соборамъ Отцевъ, не присвояли себѣ догматическихъ рѣшеній, а только принимали ихъ отъ Соборовъ, и своимъ согласіемъ утверждали къ неизмѣнному храненію въ государствѣ. О томъ же напоминали неправославнымъ государямъ и Отцы Церкви. *S. Athanas.* ad solitar. vitam agentes. *S. Hilar.* ad Constantium. *S. Gregor. Nasianz.* Orat. 17. *S. Ambros.* ad Valent. 21, 2. in Concil. contr. Aux. *S. Damascen.* Orat. I. de imag. et II § 17. *Gregor.* M. ad Leon. Isaur.

ство не касается основныхъ законовъ Церкви, которые и происхожденіе имѣютъ не человѣческое и, какъ законы божественные, неизмѣнны и не подлежатъ никакому человѣческому произволу, которыхъ и сама Церковь для себя ограничивать, или измѣнять, или нарушать не можетъ.

Что касается внѣшняго порядка Церковнаго управленія (администраціи), то Церковь не отрицаетъ въ верховной власти государства правъ: 1) надзора за благоустройствомъ Церкви, по законамъ церковнымъ и гражданскимъ, за цѣлостію ея священныхъ постановленій, за личными дѣйствіями ея властей, и т. д. Такъ VI Вселенскій Соборъ принялъ отъ императора Юстиніана II предложеніе о исправленіи безпорядочной жизни духовенства и его неправильныхъ супружествахъ; IV Вселенскій Соборъ принялъ замѣчаніе императора Маркіана о неблагоустроенномъ поведеніи монашествующихъ, вопреки ихъ правиламъ и пр. (VI Всел. 3. IV Всел. 4). 2) утвержденія церковныхъ законовъ внѣ Церкви, т. е. для дѣйствованія въ государствѣ, и сообщенія имъ силы законовъ государственныхъ, какъ въ первые вѣка православные государи утверждали постановленія Вселенскихъ Соборовъ; 3) признанія церковныхъ властей въ ихъ званіи и должностяхъ (1) 4) благо-

---

(1) Это право государей издревле допущено Церковію. *Balsamon* ad can. 4. Concil. Chalced. „*ἡ βασιλικη ἐξυσια ἡ προβαλλομενη καὶ ἐπισκοπυς.*“ ad can. 16. „*ἐπ’ ἀδειας ἐχει ἐπισκοπην ἐις μητροπολιν ἀγειν καὶ ἀποξενυν ἐκ τῶν οἰκειων μητροπολεων, ὡσαυτως ἐνοριας ἀρχιερεων διαρεῖν καὶ ἐκ νεu. ἐπισκοπας καὶ μητροπολιτας καθιςαν...*“ Ibidem: „*ὁ βασιλευς πατριαρχας καὶ ἐπισκοπυς προβαλλομενος*“. Cf. Balsamon. ad can. 12. 17. Порядокъ утвержденія начальственныхъ церковныхъ званій и степеней изображенъ въ слѣдующей буллѣ императора Алексія Комнина: „imperium meum, quod ei a divinis canonibus datum est privilegium, statuit, episcopatum non aliter in sublimiorem thronum erigendum, archiepiscopatus scilicet, vel mit-

устроенія Церкви, въ самомъ порядкѣ ея управленія, усовершенствованіемъ разныхъ его частей, дѣлопроизводства, формъ; 5) опредѣленія гражданскихъ правъ Церкви, въ лицѣ ея правителей и служителей; 6) направленія церковныхъ дѣлъ къ пользамъ государственнымъ,—куда относится напр. наблюденіе, чтобы въ этихъ дѣлахъ не были нарушаемы государственные законы, чтобы общій (внѣшній) порядокъ церковнаго управленія сообразовался съ гражданскимъ, какъ постановлено и Вселенскими Соборами (IV Всел. 12. VI Всел. 38), чтобы права Церкви и ея духовное вліяніе на жизнь общества и на совѣсть людей клонились къ истинному благу общественному, къ поддержанію общественнаго порядка, силы законовъ, добраго духа въ народѣ, къ нравственному, въ духѣ отечественномъ, воспитанію народа, и т. д.; 7) защищенія Церкви, ея благочинія и благоденствія внѣшнею силою,—право, котораго Церковь не можетъ сама себѣ присвоять, дѣйствуя въ свою пользу только духовными средствами. Такъ древніе Соборы нерѣдко полагали правиломъ просить государей о защищеніи Церкви гражданскою силою противъ еретиковъ, непокорныхъ и буйныхъ клириковъ и т. п., когда собственныя мѣры Церкви, духовныя, оказывались безуспѣшными. (Карѳ. 59. 64. 78. 104. Антіох. 5. Двукрат. 9.); наконецъ 8) вообще предупрежденія и пре-

ropolis, quam si imperator, nulla humana indecore gratia intercedente, voluerit superiorem ei dignitatem probere, vel propter civitatis honorem, vel propter eius fidem in sanctam Ecclesiam, vel eius, qui ei praeest, virtutem honorans; permittit autem et sanctissimo temporis patriarchae, ne aliter de cuiuscunque ecclesiae primatu chartam confirmet, nec ejus praesulem inter metropolitanos, aut archiepiscopos recipiat, quam postquam de ea re ad imperialem potestatem retulerit, et quid sacris cautum sit canonibus, docuerit et intellexerit, quod imperator justa de causa ecclesiae hunc honorem largitus est." (ap. Balsamon. ad can. 38. Trul.)

сѣченія въ Церкви всякихъ безпорядковъ и преступленій. Во всякомъ случаѣ, по дѣламъ церковнаго управленія государственная власть дѣйствуетъ чрезъ церковное правительство и на основаніи общихъ церковныхъ законовъ (1).

Есть еще отношенія къ Церкви власти гражданской — судебной. Взаимныя отношенія судовъ церковнаго и гражданскаго, по дѣламъ о разныхъ преступленіяхъ мы обозрѣли въ другой статьѣ (2). Теперь, разсуждая въ частности объ отношеніи къ Церкви гражданской судебной власти, мы можемъ замѣтить, что хотя эта власть непосредственно не входитъ въ судъ собственно церковный, внутренній, какъ напр. въ изслѣдованіе церковныхъ преступленій духовныхъ лицъ, въ опредѣленіе духовныхъ наказаній; но верховной власти государства, какъ наблюдающей всякое благочиніе въ Церкви, можетъ принадлежать право надзора за дѣйствіями этого суда, за его правильностію, порядкомъ, сообразно собственнымъ законамъ Церкви. Поэтому и правила Церкви не возбраняютъ лицамъ подсудимымъ Церковному суду, въ случаѣ его несправедливости, искать покровительства и защиты верховной власти, съ тѣмъ только, чтобы у нея было испрашиваемо новое изслѣдованіе дѣла не въ свѣтскомъ, а въ духовномъ же судѣ, — томъ же, или съ новыми судьями. Соборомъ Карѳагенскимъ постановлено: «аще кто изъ клириковъ будетъ просити отъ царя разсмотрѣнія о себѣ, въ свѣтскихъ судилищахъ,

---

(1) Такимъ образомъ еще имп. Константинъ сдѣлалъ попытку разграничить въ церковномъ управленіи государственную и церковную власть, — назвавъ себя *επισκοπον των εξω της εκκλησιας, υπο Θεου καθισταμενον*, — а пастырей Церкви — *επισκοπους των εσω της εκκλησιας*. *Euseb*, vita Const. 1, 44. 4, 24. *Socrat*.

(2) См. о внѣшнемъ церковномъ судѣ статью въ этой же книжкѣ.

лишенъ будетъ своея чести. Аще же будетъ отъ царя просити суда епископскаго: отнюдь да не возбранится ему сіе". (Карѳ. 117.) (¹). Не дозволялось только древними законами, равно церковными и гражданскими, утруждать царскую власть напрасною аппелляціею, послѣ общаго согласнаго суда соединенныхъ церковныхъ властей, постановленнаго на основаніи положительныхъ церковныхъ законовъ, или, мимо этого суда, прямо обращаться къ царю (II Всел. 6. Антіох. 12). Также государству принадлежитъ наблюденіе, чтобы въ Церковномъ судѣ не были нарушаемы государственные законы (²), также примѣненіе его порядковъ къ мѣстному гражданскому управленію. Карѳагенскій Соборъ положилъ: „не пріимати доносовъ отъ всѣхъ рабовъ, отъ отпущенниковъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ доносити хотятъ, и отъ всѣхъ, которыхъ гражданскіе законы не допускаютъ къ доносамъ о преступленіяхъ" (³) (Карѳ. 144). Тотъ же Соборъ примѣнилъ къ церковнымъ дѣламъ гражданскіе законы о свидѣтеляхъ: „свидѣтелей къ свидѣтельству не пріимати тѣхъ, отъ которыхъ положено не пріимати доносовъ, такожде и тѣхъ, которыхъ самъ доноситель представитъ изъ своего дома. Свидѣтельство имѣющаго менѣе четыренадесяти лѣтъ возраста да не пріемлется" (Карѳ. 146); наконецъ гражданской власти по праву принадлежитъ распоряженіе гражданскими послѣдствіями Церковнаго

(¹) Cf. *Photii* Nomocan. tit. 9. cap. 1. 6. 9.

(²) На Востокѣ, при императорахъ, общимъ постановленіемъ для Церковнаго суда всегда было то, чтобы онъ производимъ „*Secundum canones* (ecclesiasticos) *et leges* (civiles)". *Ibidem* et *Iustin*. Nov. 123, cap. 22.

(³) Cf. *Photii* titulus 9. totus. cf. *Cod. Iustin*. lib. 1. tit. 3 de Episcopis et clericis.

суда; ибо Церковный судъ, по своимъ священнымъ правиламъ осуждая члена Церкви и общества, можетъ подвергать его только духовнымъ наказаніямъ (напр. епитиміямъ); но какъ этотъ судъ не простирается на внѣшнюю жизнь членовъ общества, въ ихъ быту общественномъ и гражданскомъ, то вопросъ: какія слѣдствія, въ этомъ отношеніи, должны имѣть рѣшенія духовнаго суда, (напр. относительно правъ званія и состоянія осужденныхъ Церковію лицъ), подлежитъ уже рѣшенію гражданскаго права. Такъ это постановлено и Соборами древними (Двукр. 9. Карѳ. 78. Антіох. 5) (1). Въ прямомъ же отношеніи къ обществу и гражданскому порядку, Церковный судъ необходимо ограничивается правомъ государственнымъ: ибо и онъ, по своему свойству, не можетъ себѣ приписывать, и государство, какъ организмъ самобытный, не можетъ предавать ему правъ надъ гражданскимъ порядкомъ, чтобы подчинять его духовной власти, которая бы произвольно дѣйствовала въ немъ своею силою. *Кто мя постави судію надъ вами?* говорилъ самъ Спаситель людямъ, требовавшимъ у него суда въ своихъ гражданскихъ дѣлахъ (Лук. 12, 14). *Что ми внѣшнихъ судити?* говорилъ ап. Павелъ о гражданскомъ обществѣ своего времени (1 Кор. 5, 12.) (2).

(1) По греко-римскому праву церковный судъ не всегда сопровождался гражданскими послѣдствіями. Осужденные Церковію въ преступленіяхъ противъ вѣры, какъ-то: еретики, чародѣи, идолопоклонники и пр., лишались всѣхъ правъ званія и состоянія (*Cod. Iustin.* lib. 1. de haereticis et al. *Photii* Nomoc. tit. 12); клирики, изверженные изъ своего сана за преступленія, обращались въ податное состояніе. Но Церковный судъ надъ мірянами за нравственныя преступленія и его духовныя наказанія (напр. отлученіе) гражданскихъ послѣдствій не имѣли.

(2) Власть, нѣкогда присвоенная себѣ римскими папами, — своимъ судомъ лишать государей престоловъ и отрѣшать подданныхъ отъ присяги имъ, — совершенно противна духу Церкви. Православная Церковь

Поэтому и самое разграниченіе внѣшнихъ дѣлъ, долженствующихъ въ обществѣ подлежать суду Церковному и суду гражданскому, принадлежитъ большею частію государственному праву; собственная, независимая область Церковнаго суда есть совѣсть человѣческая. Гражданскому также суду всегда подлежали и духовныя лица, въ дѣлахъ и преступленіяхъ гражданскихъ, хотя рѣшенія этого суда не могли быть приводимы въ исполненіе безъ соотвѣтственнаго рѣшенія Церковнаго суда (1). Къ суду гражданскому сама Церковь изначала отсылала и тѣхъ изъ своихъ членовъ и служителей, которые были непокорны своимъ духовнымъ властямъ и духовному суду (Антіох. 5. Карѳ. 59).

Наконецъ, отношенія къ Церкви цѣлаго общества гражданскаго, котораго члены суть вмѣстѣ и члены Церкви, заключаются въ слѣдующемъ: 1) общество и каждый членъ его обязываются ненарушимо соблюдать единеніе съ Церковію сохраненіемъ православной вѣры и общенія таинствъ, преподаваемыхъ Церковію (III Всел. 1. 7. VI Всел. 1. Карѳ. 68); 2) обязываются свято исполнять церковныя правила и постановленія въ жизни частной и общественной, и не допускать ничего, имъ противнаго въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, поведеніи (VI. Всел. 2. 60. 67. 71 и пр.); 3) не уклоняться отъ церковныхъ богослужебныхъ собраній, въ мѣстахъ для нихъ освященныхъ, и не составлять для богослуженія никакихъ самочинныхъ сборищъ, безъ правильнаго освя-

---

не позволяла такъ поступать даже съ царями — неправославными и гонителями христіанства, хотя и обличала ихъ. Мечь ея суда всегда былъ духовный (*S. Cyprian* ep. 62 ad Pomp.), сильный не на разрушеніе, а на созиданіе блага какъ духовнаго, такъ и общественнаго.

(1) См. выше указанную статью о церковномъ судѣ.

щенія и законнаго священства, — что почитается ересію и расколомъ и подвергается церковной клятвѣ (Апост. 31. II Всел. 6. Гангр. 5. 6. Антіох. 2. Карѳ. 11. Двукрат. 13.); 4) повиноваться духовнымъ пастырямъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся вѣры и спасенія, и почитать законную Церковную власть, какъ священную и Богоучрежденную (1 Петр. 5, 5. 1 Сол. 5, 12. 13. Апост. пр. 36); 5) покоряться Церковному суду въ дѣлахъ, подлежащихъ его рѣшеніямъ, какъ внѣшнихъ, открытыхъ, такъ и духовныхъ, т. е. дѣлахъ совѣсти, и исполнять его опредѣленія, напр. епитиміи (Карѳ. 78. Двукр. 9); 6) сообразно правиламъ слова Божія, древней церковной практикѣ и самому положенію въ обществѣ лицъ, Церкви служащихъ, обществу принадлежитъ долгъ содѣйствовать ихъ безбѣдному и благоприличному содержанію и т. д. (1 Кор. 9, 10—13). Хотя гражданскія права служителей Церкви не могутъ быть опредѣлены постоянною мѣрою для всѣхъ мѣстъ и временъ Христовой Церкви, ибо они обыкновенно зависятъ отъ условій мѣста и времени и устройства самаго общества гражданскаго; но нельзя не почитать священнымъ того права Церкви, чтобы значеніе лицъ, ей служащихъ, права ихъ званія и состоянія въ обществѣ, были утверждены и обезпечены государствомъ, сообразно достоинству ихъ сана, важности и пользѣ служенія. Объ этомъ заботились древніе Соборы, обращаясь для этой цѣли съ своими представленіями къ гражданскому правительству. (Карѳ. 73. 78. 109. 117. сн. Карѳ. 8. 15. 28. 143—145. IV Всел. 21).

Что касается до иновѣрныхъ членовъ гражданскаго общества, то, хотя Церковь, по Евангельскому праву всемірнаго распространенія вѣры Христовой и по свой-

ственному ей самой стремленію—обращать заблуждающихъ на путь истины, не можетъ не желать, чтобы иновѣрцы присоединялись къ ея обществу: но она, по духу Христову и Апостольскому, никого не принуждаетъ къ обращенію (2 Тим. 2, 24—26.), а терпѣливо ожидаетъ обращенія и принимаетъ только добровольно обращающихся (Карѳ. 77. 80. 103. 122). Соотвѣтственно этому духу православной Церкви, и гражданское общество можетъ имѣть свою вѣротерпимость, обращая ее въ право для себя и въ законъ для своихъ членовъ, чтобы въ составѣ его имѣли свои неприкосновенныя гражданскія и религіозныя права иновѣрцы разныхъ, болѣе или менѣе отдаляющихся отъ Церкви, исповѣданій; въ такомъ случаѣ иновѣрцы пользуются свободою своего вѣроисповѣданія. Но священныя права Церкви православной, первенствующей въ обществѣ, требуютъ, 1) чтобы иновѣрныя религіи не имѣли права распространенія между православными въ обществѣ, гдѣ эта Церковь должна господствовать, и гдѣ слѣдовательно это право для нея одной должно быть сохранено (Карѳ. 104. 105. 112); — 2) чтобы иновѣрцы своими открытыми обрядами не производили соблазна и вреда для сыновъ Церкви, особенно, чтобы своимъ вмѣшательствомъ или насиліемъ не дѣлали никакого замѣшательства въ православной Церкви, въ ея собраніяхъ, обрядахъ, управленіи (Лаодик. 6. Тим. 9. Ап. 75. II Всел. 6); 3) чтобы намѣренно не препятствовали распространенію православной вѣры въ своихъ обществахъ и свободному обращенію къ ней желающихъ изъ своихъ членовъ; 4) чтобы, не подлежа прямо внутреннимъ законамъ православной Церкви, касающимся только ея членовъ, не нарушали внѣшнихъ, къ ней относящихся постановле-

ній, какъ-то: относительно ея мира, благочинія, правъ гражданскихъ (Карө. 104); наконецъ — 5) чтобы со стороны государства употреблены были надлежащія мѣры къ предупрежденію и пресѣченію всякихъ совращеній въ иновѣріе отъ вѣры православной (Карө. 69. 71. 95. 104, 120). Мѣра вѣротерпимости и сообразно тому степень свободы и правъ, даруемыхъ иновѣрцамъ въ отношеніи къ ихъ исповѣданію, зависитъ отъ государственныхъ постановленій, — впрочемъ не безъ соображенія съ церковными, чтобы свобода иновѣрія не была стѣсненіемъ для православія, чтобы усиленіе правъ перваго не было противорѣчіемъ господствующимъ правамъ послѣдняго, не могло бы вести общество и къ равнодушію или безразличію въ вѣрѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ИЗДАНІЯ

ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ

въ 1865 году.

Изданіе Душеполезнаго Чтенія съ Божіею помощію будетъ продолжаемо и въ наступившемъ 1865 году. Цѣлію его будетъ, какъ и прежде, сообщать читателямъ духовныя сочиненія по содержанію — назидательныя, по изложенію — простыя и общепонятныя.

Душеполезное Чтеніе по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 8-ю долю листа, отъ 7 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой, такъ что въ теченіи года изъ 12 книжекъ составится три части отъ 28 до 36 листовъ въ каждой.

Цѣна всему годовому изданію Душеполезнаго Чтенія назначается прежняя: въ Москвѣ безъ доставки на домъ *3 руб. сер.*, а съ доставкою и съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи *3 р. 50 к. сер.* По той же цѣнѣ можно будетъ получать изданіе за 1864 годъ, а за предшествовавшіе годы 1860, 1861, 1862 и 1863 по *2 руб.*, и съ пересылкою.

Подписка на Душеполезное Чтеніе принимается: *въ Москвѣ*: въ конторѣ Редакціи, въ домѣ протоіерея Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви, Алексѣя Ключарева; у книгопродавцевъ: Базунова, Свѣшникова, Ѳерапонтова, Салаева, Глазунова и Улитиной. *Въ С., Петербургѣ*, у книгопродавцевъ: Овсянникова, Базунова, Глазунова-Кораблева и Сирякова.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки *исключительно* къ контору Редакціи Душеполезнаго Чтенія и въ своихъ адресахъ четко и обстоятельно прописывать уѣздъ и губернію, въ которыхъ находятся мѣста ихъ жительства. Редакція отвѣчаетъ за аккуратную доставку только тѣхъ экземпляровъ, которые выписаны изъ конторы Редакціи.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ:

Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви

ПРОТОІЕРЕЙ Алексѣй Ключаревъ.

Николаевской, въ Толмачахъ, церкви

СВЯЩЕННИКЪ Василій Нечаевъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

САРАТОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

По утвержденной Святѣйшимъ Сунодомъ программѣ, съ 1 іюля текущаго года, при Саратовской Духовной Семинаріи будутъ издаваться Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости.

Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ имѣть два главные отдѣла: I-й отдѣлъ—оффиціальный, или собственно Епархіальныя Вѣдомости, и II-й отдѣлъ—неоффиціальный, или прибавленія къ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

I. Въ оффиціальномъ отдѣлѣ будутъ сообщаемы: 1) Высочайшіе манифесты и повелѣнія, по духовному вѣдомству; указы и распоряженія Святѣйшаго Сунода, какъ общіе, касающіеся всего русскаго духовенства, такъ и частные, относящіеся собственно къ духовенству Саратовской епархіи.

2) Распоряженія епархіальнаго и училищнаго начальства.

3) Извлеченія изъ годовыхъ отчетовъ того и другаго начальства.

4) Извѣстія о новыхъ духовныхъ учрежденіяхъ; о перемѣнѣ высшихъ правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства; о награ-

лахъ Высочайшихъ и Святѣйшаго Сѵнода, получаемыхъ лицами Саратовской епархіи; назначеніе и увольненіе должностныхъ лицъ по епархіальному и духовно-учебному вѣдомствамъ Саратовской епархіи.

5) Объявленія о праздныхъ священно-церковнослужительскихъ мѣстахъ; вызовы просителей и подсудимыхъ въ консисторію.

6) Епархіальная хроника.

II. Въ отдѣлѣ неоффиціальномъ будутъ помѣщаемы: 1) Выписки изъ свято-отеческихъ твореній и писателей духовныхъ, имѣющія отношеніе къ духовнымъ нуждамъ пастырей и пасомыхъ.

2) Лучшія проповѣди, произнесенныя въ разныхъ мѣстахъ епархіи, и особенно простыя и назидательныя поученія для поселянъ. Здѣсь же, по временамъ, будутъ предлагаться наставленія — о чемъ особенно и какъ благоуспѣшнѣе преподавать народныя поученія.

3) Примѣры благочестія въ различныхъ состояніяхъ и обстоятельствахъ жизни, и замѣчательные въ религіозномъ отношеніи случаи смерти.

4) Разсказы по Библейской и Церковной Исторіи и назидательныя размышленія и разсужденія по всѣмъ отраслямъ Богословскихъ наукъ, преимущественно же о такихъ предметахъ, о коихъ въ настоящее время могутъ возникать между прихожанами разныхъ сословій и образованія различныя недоумѣнія.

5) Объясненія воскресныхъ и праздничныхъ Апостоловъ, Евангелій и паремій, переводы синаксарей, содержаніе церковныхъ службъ и замѣчательныхъ молитвъ.

6) Свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ бытѣ народа, о сельскихъ народныхъ школахъ, завѣдуемыхъ духовенствомъ, о способахъ преподаванія и успѣхахъ въ этихъ школахъ.

7) Историко-статистическія свѣдѣнія о мѣстныхъ церквахъ почему либо замѣчательныхъ, монастыряхъ, особенно чтимыхъ иконахъ и проч.

8) Біографіи и некрологи замѣчательныхъ дѣятелей въ Саратовской епархіи.

9) Извлеченія изъ газетъ и журналовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, о всемъ замѣчательномъ для вѣры и Церкви вообще и для Саратовской епархіи въ частности.

10) Краткія библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ

книгахъ, относящихся къ духовной литературѣ, особенно замѣчательныхъ и полезныхъ для духовенства, и извѣстія о духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить еженедѣльно.

Цѣна годовому изданію пять рублей съ пересылкою и доставкою.

Желающіе получать Епархіальныя Вѣдомости за настоящій годъ высылаютъ за 7 мѣсяцевъ, къ 1 іюня, три руб. сер. Требованія свои благоволятъ адресовать: *въ редакцію Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей при Саратовской Духовной Семинаріи, въ Саратовъ*, ясно и обстоятельно обозначая свои адресы: званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства. Но такъ-какъ жительство въ селахъ и деревняхъ, отдаленныхъ отъ почтоваго тракта, бываетъ сопряжено со многими неудобствами относительно полученія посылокъ чрезъ почту: то подписчики этихъ селъ и деревень въ своихъ адресахъ благоволятъ опредѣленно и точно обозначать то мѣсто, гдѣ и то лицо, чрезъ которое они найдутъ удобнымъ получать Епархіальныя Вѣдомости. Подписка принимается также въ Саратовской Духовной Консисторіи.

Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ и сочувствующихъ духовному просвѣщенію лицъ содѣйствовать ей своими трудами; въ особенности она приглашаетъ духовенство Саратовской епархіи сообщать ей свѣдѣнія, относящіяся къ 6 и 7 параграфамъ неоффиціальнаго отдѣла программы Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Редакторъ, Архимандритъ *Александръ*.

Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ 1865 году по той же программѣ, по которой издавались въ предшествовавшіе пять лѣтъ.

Оффиціальною частію будетъ завѣдывать нынѣшній редакторъ Вѣдомостей Секретарь Консисторіи Аполлинарій Крыловъ; редакція же неоффиціальной части передается съ 1865 года Учителю Семинаріи Алексѣю Яновскому.

Цѣна за годовое изданіе Вѣдомостей остается прежняя—*четыре рубля серебромъ*.

Подписка принимается въ редакціи, при Духовной Консисторіи, въ г. Ярославлѣ.

Сюда же могутъ быть адресованы и статьи для напечатанія въ Вѣдомостяхъ;—и редакція надѣется найти въ этомъ отношеніи то же содѣйствіе, особенно со стороны Епархіальнаго духовенства, какимъ имѣла счастіе пользоваться доселѣ.

Редакторы: *А. Крыловъ. А. Яковскій.*

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
499	15	отъ Церква суда	отъ Церковнаго суда
505	15	въ случаяхъ распоряженія,	въ случаяхъ расторженія,
510	21	правачи	правами

комъ нашей вѣры, который, не смотря на то, что имѣетъ власть надъ духомъ и плотію, не прибѣгаетъ къ насилію, чтобы распространить ее на того или другаго; такъ какъ безбожная дерзость законодателей и правителей, людей заблуждавшихся и не признанныхъ, простиралась до владычества надъ вѣрою другихъ, и они свои только мнѣнія считали единственно истинными и непогрѣшимыми, чрезъ что ложныя религіи распространились въ большей части міра: то генеральное собраніе симъ опредѣляетъ, чтобы никто не былъ принуждаемъ

выбирать себѣ и поддерживать какое бы то ни было богослуженіе, церковь, или духовенство, и чтобы никто не терпѣлъ ничего за свою вѣру ни своимъ тѣломъ, ни имѣніемъ; но чтобы всѣ люди пользовались свободою имѣть свои мнѣнія въ религіозныхъ дѣлахъ и защищать ихъ на своихъ основаніяхъ, и чтобы это никакимъ образомъ ни уменьшало, ни увеличивало ихъ политическихъ правъ, и вообще нисколько ихъ не касалось". Чтобы понять истинный смыслъ этого закона, необходимо взять въ соображеніе нѣкоторыя побочныя обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія обнародованіе его. Прежде всего ему предшествовала упорная борьба Штатовъ съ Англіею за политическую свободу; въ этой борьбѣ господствовавшая тогда въ Америкѣ Англиканская Епископальная церковь стояла на сторонѣ Англіи; наконецъ передовые люди, управлявшіе всѣми дѣйствіями конгресса 1787 г. и редактировавшіе приведенный нами законъ были отъявленные деисты (1). Эти три факта звучатъ въ каждомъ словѣ знаменитаго закона о религіозной свободѣ, закона, похожаго больше на страстную декларацію, чѣмъ на холодное, спокойное, логическое опредѣленіе. Задача за-

(1) Франклинъ, Пеннъ, Джефферсонъ и др., раздѣлявшіе воззрѣнія (тогда модныя) Вольтера и Энциклопедистовъ на христіанство и церковь. Что означенное узаконеніе направлено было противъ христіанства и церкви, это доказывается во 1-хъ тѣмъ, что Джефферсонъ съ своими „просвѣщенными товарищами" настоялъ на исключеніи имени Христа изъ текста закона, которое хотѣли удержать въ немъ менѣе „просвѣщенные" члены конгресса и замѣнить фразой: „Божественный Виновникъ нашей вѣры"; во 2-хъ тѣмъ, что не смотря на полную религіозную свободу, которая провозглашалась этимъ закономъ, либеральное правительство приняло нѣсколько репрессивныхъ мѣръ противъ Англиканской Епископальной Церкви и не устыдилось даже прибѣгнуть къ легальному ограбленію ея.

конодателей, смотрѣвшихъ на религію глазами XVIII вѣка, а на церковь глазами непріятелей, состояла не въ томъ, чтобы установить свободу совѣсти для всѣхъ подданныхъ соединенной республики, а въ томъ, чтобы установленіемъ этой свободы уронить господствующую церковь и ослабить вліяніе религіи на народныя массы. Свобода совѣсти была лишь средствомъ для этой послѣдней цѣли. Вотъ почему они напираютъ главнымъ образомъ на то, чтобы „никто не былъ принуждаемъ выбирать себѣ и поддерживать какое бы то ни было богослуженіе, церковь, или духовенство". Они думали, что если государство предоставитъ церковь ея собственнымъ силамъ и средствамъ и однажды навсегда откажетъ ей во всякомъ матеріальномъ и нравственномъ содѣйствіи; то она распадется сама собою, какъ ветхое зданіе, лишенное искуственныхъ внѣшнихъ подпоръ и погребетъ подъ своими развалинами и своихъ служителей и свое ученіе. Между тѣмъ результаты такого отношенія къ религіи и церкви со стороны государства вышли совершенно противные ожиданіямъ „отцевъ американской свободы". Оставленная самой себѣ, религія обнаружила въ себѣ такую внутреннюю жизненность, такую силу и энергію, какой и не подозрѣвали въ ней эти „просвѣщенные законодатели". Она не только проникла въ самые отдаленные уголки республики, въ непроходимые лѣса и пустыни, не только превратила и превращаетъ въ честныхъ, трудолюбивыхъ и христіански настроенныхъ гражданъ цѣлыя сотни тысячъ переселенцевъ изъ всѣхъ странъ свѣта, большею частію буйныхъ, грубыхъ, или вовсе не знакомыхъ съ религіею, или относящихся къ ней положительно—враждебно, не только ограничивала и ограничиваетъ разруши-

тельное вліяніе огромной массы европейскихъ изгнанниковъ, бѣглецовъ и выходцевъ, приносящихъ съ собой въ свое новое отечество непримиримую ненависть къ церковнымъ, политическимъ и соціальнымъ порядкамъ, но и до сихъ поръ служитъ единственною связію разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается политическій и соціальный строй Соединенныхъ Штатовъ. Этими поразительными фактами она блистательно доказала, что ея сила и значеніе покоятся не на случайныхъ узаконеніяхъ, а на глубокой неотразимой потребности человѣческаго духа. Церковь тоже не погибла. И она обнаружила въ себѣ много жизни. Но, къ сожалѣнію, она основана была на протестантскомъ принципѣ свободнаго отношенія къ историческому христіанству. Законъ безусловной религіозной свободы поставилъ этотъ принципъ въ условія, чрезвычайно благопріятствовавшія его развитію. И дѣйствительно его гибкость и эластичность сказалась при этихъ условіяхъ со всею силою; но сказалась не столько въ энергіи внутренней жизни церкви, сколько въ разнообразіи ея формъ. На крайнее развитіе этихъ формъ имѣло вліяніе еще слѣдующее обстоятельство. Законъ абсолютной религіозной свободы открылъ широкія ворота всѣмъ сектамъ и заблужденіямъ стараго свѣта, которыя быстро устремились въ новый свѣтъ, чтобы имѣть возможность развернуться на полномъ просторѣ. Всѣ эти секты основаны были на томъ же протестантскомъ принципѣ. Оторванныя отъ исторической почвы христіанства, не признавая обязательности для себя его священныхъ преданій, Богоучрежденности внѣшняго вселенскаго устройства Единой, Апостольской, Каѳолической Церкви, Божественнаго происхожденія ея законодательства и управленія, непосред-

ственнаго и постояннаго участія Духа Божія въ поддерживаніи, раскрытіи и созиданіи этого устройства, законодательства и управленія чрезъ установленные Имъ Самимъ органы, эти секты явились живымъ perpetuum mobile субъективнаго принципа протестанства. Столкновеніе ихъ съ существовавшими уже въ Америкѣ протестантскими церквами внесло въ процессъ выдѣленія церковныхъ формъ и безъ того дѣлавшій большіе успѣхи элементъ соперничества и соревнованія. Все это было причиною того, что и туземныя и наносныя церковныя партіи и секты начали безконечную работу ломки старыхъ формъ и созиданія новыхъ. Передѣлывая и измѣняя свои формы, онѣ выдѣляли изъ себя одну комбинацію за другой и этой игрѣ въ формы и комбинаціи конца не предвидится. Эта игра была естественнымъ продуктомъ сочетанія протестантской церковной свободы съ гражданскою свободою Соединенныхъ Штатовъ. Протестанты видятъ въ ней доказательство жизненности своего принципа, а мы видимъ симптомъ разложенія американской церковности. Это разложеніе стало ложиться наконецъ тяжелымъ, давящимъ бременемъ на душу тѣхъ избранныхъ натуръ, которыя чувствуютъ шаткость субъективной почвы, на которой покоится все зданіе ихъ церковнаго устройства, и которыя хотѣли бы возвратить ему ту объективность, которую оно должно имѣть по мысли своего Божественнаго Виновника. Отсюда попытки нѣкоторыхъ представителей реформатской американской церкви связать, какъ можно, тѣснѣе ученіе, управленіе и порядки своей церкви съ историческимъ христіанствомъ; эта же тенденція проглядываетъ и въ недавней попыткѣ нѣкоторыхъ членовъ англо-американской церкви къ сближенію съ Православною Греко-россійскою

Церковію, которая одна сохранила вполнѣ ненарушимою древнюю вселенскую форму церковнаго устройства. Это послѣднее обстоятельство въ соединеніи съ общимъ интересомъ, возбуждаемымъ своеобразнымъ устройствомъ американскихъ церквей и отношеніемъ ихъ къ государству, было причиною того, что мы взялись за перо въ намѣреніи представить полную—по возможности—картину церковнаго строя и религіозной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ ([1]).

I.

Соединенные Штаты занимаютъ широкую полосу американскаго материка, простирающуюся отъ Атлантическаго до Тихаго океана. Въ эпоху войнъ за независимость Соединенные Штаты занимали немного больше четверти этого пространства. Пріобрѣтеніе Луизіаны въ 1803, Флориды въ 1819, Техсаса и Орегона въ 1846 и Калифорніи въ 1848 г. увеличило территорію Соединенныхъ Штатовъ почти на 3,000,000 кв. англійскихъ миль. Это составляетъ болѣе четверти всей Сѣверной Америки.

Соединенные Штаты граничатъ къ востоку съ Атлантическимъ океаномъ, къ западу съ Тихимъ океаномъ, къ югу съ Мексиканскимъ заливомъ, къ сѣверу съ долиною св. Лаврентія. Въ центрѣ находится обширная равнина, тянущаяся по Миссисипи и огромнымъ развѣтвленіямъ этой рѣки.

([1]) Католическая Церковь не войдетъ въ нашъ очеркъ а) потому что она составляетъ здѣсь явленіе, стоящее одиноко, составляющее диссонансъ въ общемъ строѣ церковной американской жизни и обнаруживающее очень слабое воздѣйствіе на эту жизнь; б) потому что устройство и характеръ ея болѣе или менѣе извѣстны большинству нашихъ читателей.

Населеніе этого обширнаго пространства въ началѣ американской революціи т. е. до 1775 г. простиралось до 3,000,000, въ 1850 г. до 23,191,876 ([1]), въ 1861 г. доходило до 27,800,000 ([2]).

Эта цифра состоитъ изъ 21,000,000 протестантовъ, изъ 3,000,000 католиковъ, 200,000 евреевъ и 60,000 мормоновъ; остальные 3,000,000 состоятъ изъ политическихъ изгнанниковъ, бѣглецовъ и нѣмецкихъ переселенцевъ, не принадлежащихъ ни къ какой Церкви.

По вычисленію доктора Бэра въ теченіи первой половины текущаго столѣтія, протестантскія церкви въ Америкѣ относительно численности сдѣлали вдвое больше успѣховъ, чѣмъ нація: съ 1800 по 1850 г. число пасторовъ и членовъ этихъ церквей увеличилось почти въ десять разъ, тогда какъ народонаселеніе увеличилось не больше какъ въ четыре раза ([3]).

Общая цифра протестантскаго населенія страны (21,000,000) распадается по отдѣльнымъ сектамъ и религіознымъ партіямъ слѣдующимъ образомъ:

Конгрегаціоналистовъ	257,634
Регулярныхъ баптистовъ	994,620
Пресвитеріанъ	419,620
Епископаловъ	135,769
Регулярныхъ методистовъ	1,668,681
Лютеранъ	220,862
Нѣмецкихъ реформатовъ	73,410

([1]) Conference des Chretiens Evangeliques de toute nation à Paris. 1855 г. Донесеніе о религіозномъ состояніи Америки доктора Бэра, стр. 118.

([2]) Amarican Ecclesiastical Year Book. 1861 г. издав. докторомъ Шеномъ.

([3]) Conference des Chretiens Evangeliques de toute nation à Paris. 1855. p. 121.

Голландскихъ реформатовъ	50,304
Нѣмецкихъ уніатовъ	10,000
Квакеровъ	100,000
Уэкеровъ	4,500
Унитаріевъ	30,000
Универсалистовъ	80,000
„Христіанъ"	200,000
„Братьевъ"	10,000
Шведенборгіанъ	4,000
Меннонитовъ и тункеровъ	44,000
Методистовъ боковыхъ отраслей . . .	259,216
Пресвитеріанъ боковыхъ отраслей . .	160,000
Баптистовъ боковыхъ отраслей . . .	480,000
Мелкихъ сектантовъ	7,000
Всего	5,817,614 (1)

Здѣсь разумѣются одни только коммуниканты (2). Если присоединить къ нимъ 100,000 спиритуаловъ, претендующихъ на званіе христіанъ; то получимъ $5^1/_2$ милліоновъ. Эти пять милліоновъ составляютъ ядро 21,000,000 протестантовъ.

На внутреннюю организацію и относительную силу американскихъ церквей проливаютъ довольно яркій свѣтъ слѣдующія цифры.

(1) Deutsche Briefe aus Nord-America 1864. Письмо 6.

(2) Члены всѣхъ американскихъ церквей, за исключеніемъ католической, подраздѣляются на коммуникантовъ и слушателей. Различіе между ними въ томъ, что первые регулярно причащаются по обычаю своей церкви, а вторые или вовсе не приступаютъ къ причастію, или только въ исключительныхъ случаяхъ, хотя исполняютъ аккуратно всѣ другія обязанности въ отношеніи къ своей церкви.

	Членовъ	Церквей	Пропов.	Сколько членовъ на 1 церк.	на 1 пропов.
У Методистовъ Сѣвер. Штат.	971,528	9,305	14,724	104	66
Регулярн. баптистовъ . . .	994,620	12,186	7,609	81	134
Голланд. реформатовъ . . .	50,304	409	410	122	122
Нѣмецк. реформатовъ . . .	73,410	1,013	360	72	204
Лютеранъ	220,862	2,017	1,134	109	200
Регул. пресвитеріанъ . . .	417,620	5,029	4,122	83	101
Конгрегаціоналистовъ . . .	257,634	2,676	2,531	96	102
Епископаловъ.	135,767	2,073	2,110	66	61
Универсалистовъ.	80,000	932	693	86	116

Въ цифру членовъ здѣсь входятъ опять одни коммуниканты.

Сличая эти цифры мы видимъ, какъ далеко расходятся другъ съ другомъ среднія числа во всѣхъ этихъ общинахъ. Такъ среднее число церквей въ одной общинѣ 9, въ другой 91 (разумѣются крайнія по численности). Далѣе отсюда видно, что за исключеніемъ методистовъ, у которыхъ въ число 14,724 проповѣдниковъ входитъ 888 такъ называемыхъ Local Preachers (мѣстныхъ проповѣдниковъ), (1), и англійскихъ епископаловъ, число церквей по крайней мѣрѣ не слишкомъ превышаетъ число проповѣдниковъ, которое и при большинствѣ церквей (какъ напр. у регул. баптистовъ) остается еще очень значительнымъ. Менѣе всѣхъ пропорціонально число проповѣдниковъ относительно церквей въ двухъ коренныхъ нѣмецкихъ общинахъ (регул. баптистовъ и нѣмецк. реформатовъ).

До 1787 г. въ Соединенныхъ Штатахъ было пять церковныхъ общинъ, отличныхъ другъ отъ друга по устройству, управленію и ученію; въ настоящее время

(1) Отличіе ихъ отъ обыкновенныхъ проповѣдниковъ указано будетъ ниже.

ихъ больше пятидесяти. Изъ нихъ главнѣйшими по образованности, богатству и вліянію на страну считаются слѣдующія одиннадцать. Мы размѣщаемъ ихъ по степени ихъ значенія, опредѣляемаго тремя указанными нами отношеніями:

1. Конгрегаціоналисты.
2. Баптисты.
3. Пресвитеріане.
4. Епископалы (Англійскіе).
5. Методисты.
6. Лютеране.
7. Нѣмецкіе реформаты.
8. Голландскіе реформаты.
9. Квакеры.
10. Унитаріи.
11. Универсалисты.

Нѣкоторыя изъ этихъ церковныхъ общинъ подраздѣляются на двѣ оппозиціонныя партіи; какъ напр. квакеры; другія, какъ напр. баптисты и лютеране, распадаютъ на нѣсколько боковыхъ отраслей, расходящихся другъ съ другомъ во взглядахъ на какіе нибудь догматическіе или дисциплинарные вопросы. А нѣкоторыя раздѣляются и на партіи и на отрасли, наприм. пресвитеріане и методисты. Всѣ эти партіи и отрасли считаются въ числѣ пятидесяти.

Поименованныя нами главныя церкви прежде всего раздѣляются на (мнимо) православныя и инославныя. Православныя принимаютъ символъ св. Аѳанасія за основаніе своего ученія; инославныя отвергаютъ его. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ: унитаріи, универсалисты и гикзиты (раціоналистическая вѣтвь квакеровъ). Всѣ остальныя считаются православными.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ прослѣдить исторически постепенное развитіе и обособленіе всѣхъ церковныхъ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и потому мы ограничимся указаніемъ современнаго географическаго размѣщенія 11 главнѣйшихъ изъ нихъ и описаніемъ главныхъ формъ церковной организаціи, которыя болѣе или менѣе прилагаются въ качествѣ типовъ ко всѣмъ пятидесяти общинамъ.

По географическому размѣщенію единнадцать главныхъ церквей относятся другъ къ другу такимъ образомъ. Епископальная церковь довольно равномѣрно размѣстилась по всей странѣ. Точно также и баптисты, которыхъ впрочемъ гораздо больше на Югѣ, чѣмъ на Сѣверѣ. Конгрегаціоналистовъ почти нѣтъ въ южныхъ штатахъ, между тѣмъ какъ гораздо больше половины ихъ общинъ находится въ Новой Англіи, этой родинѣ американскаго пуританства. Пресвитеріане во всей Новой Англіи не имѣютъ ни одного собственнаго синода. Въ остальныхъ частяхъ страны расположенная къ невольничеству отрасль пресвитеріанъ довольно пропорціонально распространена, какъ въ свободныхъ, такъ и въ невольничьихъ штатахъ: между тѣмъ какъ New School (пресвитеріане новой школы, враждебной невольничеству) почти вовсе исключена изъ южныхъ штатовъ.

Сѣверная отрасль методистовъ довольно равномѣрно распредѣлилась по „свободнымъ штатамъ". Кромѣ того она довольно многочисленна въ пограничныхъ штатахъ (Border States, лежащихъ между сѣверными и южными и считающихся „дополненіемъ" къ первымъ). Южная отрасль ограничивается южными штатами.

Квакеры всего многочисленнѣе на своей родинѣ Пенсильваніи (23.000),—что, конечно, очень естественно.

Въ Индіанѣ ихъ до 20,000, въ Огіо 14,000, въ Нью-іоркѣ 10,000, въ Родъ-Исландѣ 800.

Пенсильванія служитъ также родиной американско-лютеранской и реформатской церкви. Та и другая изъ этихъ церквей еще въ прошломъ столѣтіи распространились отсюда вмѣстѣ съ нѣмецкими переселенцами по штату Нью-іоркъ, равно какъ по примыкающимъ къ Пенсильваніи съ юга и юго-запада штатамъ Виргиніи, Сѣверной и Южной Каролинѣ, Кентуки, Теннессѣ и въ послѣднее время по западнымъ штатамъ.

Голландско-реформатская церковь почти совершенно мѣстная, т. е. исключительно ограничивается штатами Нью-юркомъ и Нью-Джерсеемъ — областью старинной Голландской колоніи Новый-Амстердамъ. Впрочемъ въ послѣднее время, благодаря основанію большой Голландской колоніи въ одномъ изъ западныхъ штатовъ, именно въ Мичиганѣ,—она нашла себѣ доступъ и сюда.

Раціоналистическая община универсалистовъ большею частію распространена въ Новой Англіи и въ Нью-іоркѣ т. е. въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ больше распространено школьное образованіе. Изъ 932 молитвенныхъ зданій, принадлежащихъ этой сектѣ, 648 находится въ этихъ штатахъ. Въ южныхъ штатахъ, гдѣ гораздо лучше сохранились преданія стариннаго протестантскаго вѣроученія, эта секта очень слаба (72 церкви на 13 штатовъ). Унитаріи еще тѣснѣе ограничиваются Новой Англіей и въ ней—почти исключительно—Бостономъ, этими американскими Аѳинами, на которыя можно смотрѣть какъ на head quarters (главную квартиру) этой секты (1).

(1) Deutsche Briefe aus Nord-America. Письмо 6-е.

Во всѣхъ поименованныхъ нами общинахъ господствуютъ три главныя формы церковнаго устройства: епископальная, пресвитеріальная и индепендентская. Епископальная форма господствуетъ въ англиканско-епископальной и епископально-методистской церкви; пресвитеріальная у пресвитеріанъ, нѣмецкихъ и голландскихъ реформатовъ и во многихъ отрасляхъ лютеранской церкви; индепендентская у конгрегаціоналистовъ, баптистовъ, унитаріевъ, универсалистовъ и квакеровъ. Всѣ же остальныя мелкія партіи, отрасли и секты примыкаютъ въ своемъ церковномъ устройствѣ къ той или другой изъ этихъ главныхъ формъ. Но ни большія, ни малыя церковныя общины не ставятъ для себя непремѣнною задачею выдерживать строго одну какую нибудь изъ упомянутыхъ формъ, а позволяютъ себѣ измѣнять и слагать ихъ, какъ найдутъ для себя лучше по мѣстнымъ обстоятельствамъ.—Благодаря этой свободѣ въ примѣненіи основныхъ формъ на практикѣ довольно трудно уловить общую физіономію церковныхъ общинъ Америки. Но наши читатели могутъ приблизительно возсоздать для себя эту физіономію по очерку трехъ упомянутыхъ нами формъ церковнаго устройства. Для облегченія этого нелегкаго дѣла мы попробуемъ составить этотъ очеркъ съ возможною точностію и обстоятельностію.

Вотъ организація епископальной методистской церкви ab ovo (1). Если число приверженцевъ ея въ извѣстной

(1) Епископальную методистскую церковь нужно отличать отъ англиканско-епископальной церкви. Общаго между ними одно только іерархическое устройство. Вмѣсто сложной сунодальной системы, примѣненной къ епископальной формѣ методистской церкви у англійскихъ епископаловъ существуютъ мѣстные съѣзды (разъ въ годъ), состоящіе изъ епископовъ и пасторовъ, для обсужденія общихъ церковныхъ вопросовъ.

мѣстности возвысится отъ 10 до 12; то они образуютъ общину, называемую здѣсь классомъ, и выбираютъ себѣ представителя (leader). Община должна собираться разъ въ недѣлю для общихъ молитвъ и представитель общины обязанъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю посѣтить каждаго члена своей общины для укрѣпленія его въ вѣрѣ. Число членовъ общины никогда не должно восходить выше 20. Если число ихъ переходитъ за эту цифру; то община дѣлится на двѣ половины. Когда нѣсколько такихъ общинъ образуется неподалеку другъ отъ друга на извѣстной мѣстности; то онѣ обыкновенно составляютъ приходъ и стараются общими силами пріобрѣсти себѣ храмъ (постройкою или покупкою), гдѣ бы они могли по обычаямъ методистской Церкви собираться для празднованія воскреснаго дня. Совершеніе службы и проповѣдь поручается—почти всегда gratis—кому нибудь изъ наличныхъ проповѣдниковъ, избираемому представителями общинъ. За недостаткомъ регулярнаго проповѣдника, вступаетъ въ его права тотъ изъ вѣрующихъ, кто чувствуетъ въ себѣ призваніе и способность говорить. Этотъ импровизованный проповѣдникъ называется увѣщателемъ (exhorter). Характеристическую особенность американскаго методизма составляетъ то, что мѣстные, или вѣрнѣе, осѣдлые (hocal Preachers) проповѣдники не считаются при-

При этомъ епископы открываютъ засѣданія въ одномъ домѣ, пасторы въ другомъ. И такимъ образомъ выходитъ нѣкоторое подобіе англійской верхней и нижней палатъ парламента. Для довершенія сходства въ засѣданіяхъ участвуютъ и мірскіе представители общинъ, чего не допускаетъ методистская епископальная церковь. У нихъ существуетъ также англійское раздѣленіе Церкви на High Church и Low-Church. Toughts on the Religions State of the Country; with Reasons for prefering Episcopacy. By the Rev. Calvin Colton. New-York 1836. p. 48.

надлежащими въ церковной іерархіи въ строгомъ смыслѣ этого слова. На нихъ смотрятъ, какъ на придаточныхъ помощниковъ миссіонеровъ и, такъ называемыхъ окружныхъ (circuits) или странствующихъ (errants) проповѣдниковъ. Должности этихъ послѣднихъ считаются священными, а сами они занимающими классныя іерархическія мѣста. Окружной проповѣдникъ утверждаетъ въ должности представителей общинъ и даетъ увѣщателямъ позволеніе проповѣдывать; онъ распоряжается всѣми обрядами и ходомъ Богослуженія вездѣ, гдѣ только есть методистская церковь, въ которой ему случается бывать, и присвояетъ вѣрующимъ, обращеніе которыхъ въ методизмъ засвидѣтельствовано христіанскою жизнію, титулъ членовъ церкви. Тѣ же права имѣютъ и миссіонеры. Окружной проповѣдникъ всецѣло посвящаетъ себя своему служенію и его содержаніе вполнѣ лежитъ на вѣрующихъ его округа. При всемъ томъ онъ можетъ быть міряниномъ (1). Нужно два года проповѣдническихъ трудовъ, засвидѣтельствованныхъ успѣхомъ, чтобы заслужить санъ діакона. Затѣмъ нужно еще два года проповѣдничества и нѣсколько опытовъ способности и ревности къ своему служенію, чтобы пріобрѣсть высшій санъ старѣйшины (elder) или пресвитера. Діаконъ, дипломъ, или грамота котораго должна быть подписана епископомъ, имѣетъ право не только проповѣдывать, но и крестить дѣтей, благословлять брачные союзы и присутствовать вмѣстѣ со старѣйшинами при совершеніи таинства евхаристіи; но сподоблять этого таинства вѣрующихъ могутъ только старѣйшины.

---

(1) Pierre Cartwright et la predication dans l'ouest. Revue des deux mondes. 1859. p. 875.

Нѣсколько округовъ составляютъ президентуру. Во главѣ ея стоитъ президентъ (presiding elder). Обязанность президента состоитъ въ томъ, чтобы обозрѣвать каждый округъ по крайней мѣрѣ разъ въ три мѣсяца. Во время этихъ обозрѣній онъ обыкновенно служитъ по церквамъ, говоритъ проповѣди, совершаетъ таинства. При этомъ онъ приглашаетъ къ себѣ окружныхъ и мѣстныхъ проповѣдниковъ, разсуждаетъ вмѣстѣ съ ними о духовныхъ нуждахъ разныхъ округовъ, даетъ лиценціи новымъ проповѣдникамъ, которыхъ представляютъ ему для этой цѣли общины, и выслушиваетъ жалобы на провинившихся въ чемъ нибудь проповѣдниковъ. Нѣсколько президентуръ составляютъ конференцію, во главѣ которой стоитъ епископъ. Онъ разсылаетъ отъ своего имени окружныя посланія и предсѣдательствуетъ на собраніи, составляющемся каждые два года изъ всѣхъ президентовъ и старѣйшинъ его конференціи и кромѣ того двухъ конференціонныхъ проповѣдниковъ. Это собраніе имѣетъ дисциплинарную власть надъ всѣми членами конференціи. Оно назначаетъ президентовъ въ округи, распредѣляетъ участки между проповѣдниками [1]. Епископы и делегаты, избираемые ежегодно конференціальными собраніями, составляютъ генеральный соборъ, который собирается разъ въ четыре года и представляетъ собою высшую духовную власть: онъ избираетъ и контролируетъ епископовъ, ему принадлежитъ окончательное рѣшеніе по вопросамъ, относящимся къ церковной дисциплинѣ, и

(1) По законамъ методистской церкви ни одинъ проповѣдникъ не можетъ проповѣдывать болѣе двухъ лѣтъ однимъ и тѣмъ же слушателямъ. Вотъ почему конференціямъ приходится часто заниматься дѣлами по перемѣщенію проповѣдниковъ изъ одного участка въ другой.

онъ можетъ, съ извѣстными ограниченіями, опредѣлять ученіе, правила и дѣлать измѣненія въ устройствѣ Церкви.

Таково дисциплинарное развитіе епископальной формы въ американскомъ методизмѣ. Въ историческомъ ея развитіи на американской почвѣ мы должны отмѣтить слѣдующіе моменты. Прежде всего эта форма есть снимокъ съ устройства епископально-англиканской церкви. Этотъ снимокъ сдѣланъ былъ Веслеемъ въ первые годы послѣ паденія англиканско-епископальной церкви въ Америкѣ. Будучи священникомъ этой церкви, Веслей сначала не хотѣлъ ничего измѣнять въ ея организаціи, управленіи и ученіи; но американская революція и послѣдовавшее за нею паденіе англиканской епископальной церкви съ одной стороны, съ другой общественное недовольство ею за поведеніе ея во время войнъ за независимость и наконецъ церковная анархія, бывшая слѣдствіемъ разрушенія стараго порядка вещей, между тѣмъ, какъ новый еще не установился, заставили Веслея выступить въ качествѣ реформатора. Принужденный всѣми этими обстоятельствами, онъ начерталъ въ 1784 году планъ церковнаго устройства и управленія и назначилъ двухъ своихъ друзей и сподвижниковъ Асбури и Кокке епископами для Америки, усвоивъ имъ право посвящать другихъ въ церковный санъ, подписываться и прикладывать свою печать на дипломахъ, выдаваемыхъ вновь посвященнымъ пресвитерамъ, діаконамъ и другимъ церковнослужителямъ, равно какъ печатать и разсылать по всей Америкѣ свои пастырскія посланія. Эта мѣра, въ которой Веслей усвоялъ себѣ званіе dictator perpetuus, совершенно раздѣлила методистовъ съ епископалами. Епископы методистскіе, равно

какъ и ихъ ординація не признаются англійскою епископальною церковію. Но къ чисто епископальной формѣ церковнаго устройства, начертаннаго Веслеемъ, была присовокуплена имъ же сvнодальная черта въ томъ, что онъ установилъ въ ней упомянутыя выше генеральныя собранія. Этою чертою епископская методистская церковь существенно отличается отъ англиканско-епископской церкви въ Америкѣ. Эта черта въ соединеніи съ другими чертами епископальной формы, заимствованной у англиканской церкви, развита была въ ту стройную организацію, которую мы описали выше, продолжателями дѣла, начатаго Веслеемъ, именно Асбури, Кокке, Лее, Кендре и др.

Пресвитеріальная форма церковнаго устройства ведетъ свое начало отъ Кальвина. Реформаторъ женевскій примѣнилъ ее сначала къ Женевѣ, оттуда она чрезъ Голландію и Англію перенесена была пуританами въ Америку и здѣсь привилась легко и прочно къ дѣвственной американской почвѣ. По внѣшности пресвитеріальная форма церковнаго устройства представляется сокращенною епископальною. Она допускаетъ также общины, соотвѣтствующія епископальнымъ приходамъ. Каждая община имѣетъ свою Church-Session (приходскую церковь). Нѣсколько Church-Session составляютъ Presbytery (пресвитерію), соотвѣтствующую методистскому округу. Нѣсколько пресвитерій составляютъ сvнодъ, соотвѣтствующій методистской президентурѣ. Нѣсколько сvнодовъ образуютъ General-Assembly (генеральное собраніе), соотвѣтствующее генеральному собранію методистовъ. Но за этимъ наружнымъ сходствомъ скрывается глубокое, существенное различіе между обѣими формами. Та и другая основана на одномъ протестантскомъ

догматѣ всеобщаго священства. Та и другая изъ этого догмата дѣлаетъ одни и тѣ же выводы, — именно, что церковное общество есть источникъ и церковной организаціи и церковнаго управленія. Но въ той и другой эта протестантская идея приложена съ особымъ оттѣнкомъ. Въ епископальной церкви идея всеобщаго священства заключается въ лица, носящія церковныя должности, и поэтому вся церковная администрація лежитъ на этихъ лицахъ. Считая себя источникомъ церковной власти, методистское общество передаетъ эту власть избраннымъ изъ среды его лицамъ и предоставляетъ имъ право пользоваться этою властью во всемъ объемѣ, сохраняя за собою право контроля за ихъ дѣйствіями чрезъ органы, выбранные изъ среды самыхъ этихъ лицъ, и затѣмъ свое участіе въ дѣлахъ своей іерархіи ограничиваетъ только принятіемъ на себя ея приготовительныхъ должностей—главы общины и проповѣдника. Въ пресвитеріанской церкви эта идея воплощается во всю церковную общину. Церковная община, какъ собраніе святыхъ, управляется всѣми своими членами, которые всѣ имѣютъ равныя права. И потому въ пресвитеріанской церкви лица, носящія церковныя должности не больше, какъ довѣренные общества, которое имѣетъ полное право завтра же замѣнитъ ихъ другими, и которое во всякомъ случаѣ имѣетъ право непосредственнаго, высшаго контроля за ихъ дѣйствіями. Такимъ образомъ мірской элементъ здѣсь выступаетъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ надъ духовнымъ, тогда какъ въ епископальной церкви преобладающее вліяніе остается за оффиціальными представителями Церкви.

Индепендентская форма церковнаго устройства выро-

дилась изъ пресвитеріальной. Она опирается на одномъ съ нею основаніи. Особенности ея состоятъ въ слѣдующемъ: пресвитеріане, признавая церковное общество источникомъ церковной власти, въ тоже время концентрируютъ эту власть на случай ея фактическаго примѣненія въ церковныхъ собраніяхъ (синодахъ) и уполномочиваютъ ихъ въ данныхъ обстоятельствахъ распоряжаться отдѣльными обществами (пресвитеріями) отъ имени всей Церкви и ея властію; такимъ образомъ ставятъ отдѣльныя общины въ зависимость отъ общихъ собраній. Индепенденты не признаютъ за общими собраніями этой власти и отстаиваютъ абсолютную независимость (independentia) каждой общины. Каждая община, по ихъ мнѣнію, должна сама установлять порядокъ и чинъ богослуженія и вводить такую дисциплину, какую найдетъ для себя удобнѣе. Отдѣльныя общины должны находиться въ дружескихъ отношеніяхъ одна съ другой и поддерживать одна другую, но не должны давать никакой власти общему собранію надъ отдѣльными общинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ индепенденты отвергаютъ униформу обрядовъ и провозглашаютъ полную свободу совѣсти основнымъ принципомъ своихъ общинъ. Но эта свобода совѣсти ограничивается у нихъ только независимостію отдѣльныхъ общинъ и отрицаніемъ униформы обрядовъ и церковной организаціи. Далѣе они отвергаютъ богоучрежденность сословія церковныхъ пастырей даже и въ томъ относительномъ смыслѣ, въ какомъ допускаютъ ее протестанты вообще. Хотя у нихъ есть проповѣдники, но они не придаютъ имъ характера церковныхъ должностныхъ лицъ. Духовенство во вселенской Церкви есть священное сословіе (κλῆρος); въ глазахъ протестантовъ это вообще есть *должность*;

у индепендентовъ *отправленіе*. Поэтому у нихъ нѣтъ должностныхъ лицъ (пресвитеровъ), а каждый членъ общины имѣетъ право на участіе во всѣхъ дѣлахъ общины.

Очевидно, въ основныхъ положеніяхъ индепендентовъ раскрыта только до послѣднихъ выводовъ та же общая протестантская идея всеобщаго священства, которая примѣнена и къ двумъ описаннымъ выше формамъ церковнаго устройства—епископальной и пресвитеріальной; равно какъ съ полною свободою примѣнено къ дѣлу основное положеніе, выведенное всѣми этими церквами изъ этой идеи,—именно, что общество церковное есть источникъ церковной власти. Вмѣсто церковныхъ организацій, удержанныхъ первыми, индепенденты выдвинули впередъ право внутренняго освященія, а вмѣстѣ съ нимъ равенство и независимость отдѣльныхъ личностей. Въ сущности не есть ли эта мысль отпрыскъ общей пуританской мысли, что церковная власть принадлежитъ всему обществу святыхъ? Въ самомъ дѣлѣ если эта власть опирается не на *должность*, а на внутреннее *освященіе*; то почему *святые* должны подчиняться сvнодамъ, стоящимъ *внѣ* ихъ общины, почему они должны подчиняться должностнымъ лицамъ, находящимся *въ* самомъ ихъ обществѣ?

Вотъ три главныхъ формы церковнаго устройства, примѣненныя въ разныхъ степеняхъ и комбинаціяхъ ко всѣмъ протестантскимъ церквамъ Соединенныхъ Штатовъ.

Если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія положительнаго догмата, то онѣ не могутъ выдержать никакой критики. Всѣ онѣ опираются на одну идею, именно — что общество вѣрующихъ есть источникъ церковной

организаціи, дисциплины и управленія и слѣдовательно имѣетъ право устроять для себя такую организацію, дисциплину и управленіе, какія найдетъ для себя болѣе удобными и полезными въ данныхъ обстоятельствахъ. Очевидно, этимъ положеніемъ всё, что есть догматическаго, объективнаго, положительнаго въ христіанствѣ, переводится на субъективную почву, ставится въ зависимость отъ пониманія и благоусмотрѣнія самихъ членовъ общества. При такомъ отношеніи положительнаго христіанства къ обществу, не общество должно приспособляться къ положительному христіанству и преобразовываться по его началамъ, а наоборотъ христіанство должно примѣняться къ обществу и преобразовываться по его началамъ. Вмѣсто разбора и опроверженія этого положенія, по нашему мнѣнію, не стóящаго ни того, ни другаго, мы позволяемъ себѣ только спросить: что̀ сталось бы съ высокими задачами христіанства, если бы языческое и іудейское общества, среди которыхъ оно при своемъ началѣ пріобрѣтало своихъ прозелитовъ, взглянуло на него глазами субъективистовъ нашего времени и вмѣсто того, чтобы принимать отъ него предложенную имъ форму церковнаго устройства, сочло себя въ правѣ предложить ему свою форму, болѣе приспособленную къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ и обстоятельствамъ?

Но американскіе протестанты смотрятъ на вопросъ о церковныхъ формахъ и отношеніи къ этимъ формамъ со стороны разныхъ церковныхъ общинъ не съ *догматической*, а *практической*, или, вѣрнѣе, *утилитарной* стороны. На ихъ взглядъ самая лучшая форма (о правильности ея здѣсь не можетъ быть рѣчи) есть та, которая болѣе удобна и болѣе выгодна. Съ этой же точ-

ки зрѣнія первая изъ описанныхъ нами формъ имѣетъ рѣшительное преимущество предъ двумя послѣдними. Она лучше всѣхъ приспособлена къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ и обстоятельствамъ американской жизни. Утилитарная идея методизма состоитъ въ томъ, чтобы установить гармонію между усиліями индивидуальной ревности и правильной дѣятельностью хорошо организованнаго духовенства, поставивши то и другое подъ перекрестный огонь наблюденій со стороны епископовъ и синодовъ. Гибкая организація его даетъ ему возможность идти вслѣдъ за самыми быстрыми успѣхами общества и развиваться параллельно съ его развитіемъ. По мѣрѣ того, какъ цивилизація распространяется въ глубь лѣсовъ и пустынь, распространяется вмѣстѣ съ нею и методизмъ; его община превращается въ приходъ, приходъ въ округъ и такимъ образомъ его проповѣдники никогда не бываютъ обременены сверхъ силъ, но съ другой стороны имъ не даютъ и задремать подъ неусыпнымъ надзоромъ. Учрежденіе общинъ даетъ ему возможность углубиться въ самыя отдаленныя лѣсныя мѣстности. Но особенность методизма, придающая ему необыкновенную жизненность, состоитъ въ томъ, что онъ никогда не оставляетъ вѣрующаго на произволъ судьбы безъ всякой духовной помощи. За неимѣніемъ ординарнаго духовнаго, вѣрующій всегда можетъ найти совѣтъ, нравственную поддержку, или утѣшеніе у увѣщателя, или главы общины. Методистская іерархія высшими своими слоями, которые состоятъ изъ людей высоко-образованныхъ, соприкасается съ высшими классами общества и удовлетворяетъ ихъ духовнымъ нуждамъ, а нисшими своими слоями она охватываетъ общество на самыхъ низшихъ его ступеняхъ,—чего не

дѣлаетъ ни одна Американская церковь, — методизмъ не пренебрегаетъ и неграми и индѣйцевъ принимаетъ въ число своихъ миссіонеровъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ методистскую церковь самою многочисленною и вліятельною изъ всѣхъ американскихъ церквей.

Пресвитеріальная форма также имѣетъ для себя твердую почву въ Америкѣ. Это по существу своему форма республиканская, основанная на республиканской идеѣ всеобщаго представительства и очень хорошо прилаживающаяся къ республиканскимъ формамъ государственнаго строя. Но въ ней лежитъ внутреннее противорѣчіе, мѣшающее ея стройному развитію и плодотворному примѣненію. Ядро ея есть *автономія* церковной общины, между тѣмъ при многочисленности этихъ общинъ является необходимость *субординаціи* между ними. Чтобы примирить эти двѣ противоположныя идеи, пресвитеріанство ввело у себя нѣсколько административныхъ инстанцій и опредѣлило соотношенія ихъ такимъ образомъ: всѣ инстанціи состоятъ изъ представителей клира и народа, избираемыхъ въ извѣстныхъ пропорціяхъ; всѣ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ независимы одна отъ другой; но въ дѣлахъ, касающихся общихъ интересовъ, низшая инстанція переноситъ дѣла въ высшую, гдѣ они обсуживаются и рѣшаются при участіи представителей низшей инстанціи. Дѣла, касающіяся всей пресвитеріанской церкви, обсуживаются на генеральномъ собраніи, состоящемъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ представителей всѣхъ низшихъ инстанцій. Этимъ путемъ пресвитеріанство хотѣло примирить автономію отдѣльныхъ общинъ съ субординаціею ихъ цѣлому, представляемому ихъ совокупностію. Но стройная на бумагѣ система оказывается не очень стройною на дѣ-

лѣ. Чтобы съ одной стороны обезопасить права отдѣльныхъ общинъ, съ другой выдержать фактически власть цѣлаго, должны были прибѣгнуть къ сложнымъ и искуственнымъ формамъ бюрократизма, опутать всѣ инстанціи разными формальностями, которыя въ идеѣ имѣли цѣлію оградить права отдѣльныхъ личностей отъ злоупотребленія разныхъ церковныхъ инстанцій и права и привиллегіи низшихъ инстанцій отъ злоупотребленія высшихъ, а на дѣлѣ только парализовали всѣ инстанціи и затрудняли для нихъ производство самыхъ простыхъ дѣлъ. Въ доказательство приведемъ отзывъ о пресвитеріанской церковной администраціи одного изъ ея членовъ, который изъ за непрактичности ея оставилъ самую церковь и перешелъ къ епископаламъ. Вотъ что говоритъ докторъ Колтонъ: „я изучилъ пресвитеріанство во всѣхъ его формахъ и въ практическомъ примѣненіи всѣхъ его основныхъ положеній въ цѣломъ и въ подробностяхъ, въ теченіе своей десятилѣтней службы въ должности пастора, съ самыхъ низшихъ административныхъ инстанцій до самыхъ высшихъ отъ Church-Session, Presbytery и Synod до General-Assembly. Какъ членъ послѣдняго я участвовалъ въ ревизіи статутовъ пресвитеріанской церкви; какъ модераторъ я въ теченіи цѣлыхъ недѣль, а иногда и цѣлаго мѣсяца вмѣстѣ съ другими публично производилъ слѣдствія по разнымъ дѣламъ въ разныхъ инстанціяхъ, и смѣло могу сослаться на опытъ всякаго пресвитеріанскаго духовнаго лица, что дѣла въ этихъ инстанціяхъ идутъ вовсе не утѣшительно и особенно на General-Assembly. Въ оправданіе этого грустнаго явленія нельзя даже сослаться на случайныя обстоятельства, зависящія отъ времени; напротивъ тоже самое совершает-

ся въ каждый годъ и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Буква закона до такой степени стѣсняетъ всякое нравственное вліяніе, что можно подумать, будто церковь есть гражданское, а не духовное общество. У насъ не существуетъ должности адвоката, а между тѣмъ при производствѣ дѣлъ во всѣхъ нашихъ инстанціяхъ помощь адвоката столь же необходима, какъ и при криминальныхъ процессахъ въ гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Мы выиграли бы и во времени и результатахъ, еслибы адвокаты дѣйствительно были допущены къ нашему судопроизводству. У меня былъ одинъ случай, относящійся къ нарушенію церковнаго порядка; надъ изслѣдованіемъ этого случая я провелъ въ качествѣ модератора три недѣли въ двухъ низшихъ инстанціяхъ и потомъ долженъ былъ три раза дѣлать представленія генеральному собранію, чтобы пополнить нѣкоторыя недостававшія формальности. Благодаря этому пополненію формальностей дѣло разросталось въ огромную кипу бумагъ и отнимало у всѣхъ насъ слишкомъ много драгоцѣннаго времени на одно чтеніе. И въ добавокъ ко всему этому оно было до такой степени просто, что и производить его не стоило: оно сводилось къ тому, что меня, какъ модератора, послали туда, гдѣ жилъ преступникъ, съ извиненіемъ, что мы не можемъ изгнать его изъ церкви, потому что некуда:—міръ боится его принять. Объ этомъ я упоминаю для того только, чтобы показать, какимъ страшнымъ зломъ сдѣлалась буква закона въ пресвитеріанской церкви (1). Притомъ мір-

(1) Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія распространился въ американскихъ церквахъ, удерживающихъ пресвитеріальную форму, обычай визитацій со стороны свѣтскихъ членовъ церкви къ духовнымъ съ цѣлію испытанія ихъ въ вѣрѣ и поведеніи. Эти визитаціи подавали поводъ къ полу-смѣшнымъ, полу-печальнымъ столкно-

ской элементъ, такъ тяжело перевѣшивающій вліяніе духовнаго, сказывается иногда такими полу-смѣшными, полу-печальными аномаліями въ общемъ ходѣ церковной жизни, что заставляетъ желать серьезныхъ реформъ въ пресвитеріанской церкви для ея блага (1).

Индепендентская форма, выдѣлившаяся изъ пресвитеріанской на пунктѣ ея противорѣчія самой себѣ, устраняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что совершенно отвергаетъ всякую субординацію частнаго общему. Представляя въ этомъ отношеніи дальнѣйшій моментъ развитія пресвитеріанства, какъ церковной формы, она вмѣстѣ съ тѣмъ есть шагъ впередъ и въ развитіи идеи республиканскаго представительства. Въ пресвитеріанскомъ республиканствѣ отдѣльныя личности представляютъ себя своими общинами, въ индепендентскомъ каждый членъ общества представляетъ себя самъ. Вмѣсто цѣлаго выступаетъ здѣсь индивидуумъ. Такимъ образомъ характеръ индивидуальности есть отличительный характеръ индепендентства. Въ немъ его сила и его слабость. Все держится здѣсь на личныхъ убѣжденіяхъ индивидуума; и потому какъ церковная форма, индепенденство стоитъ неизмѣримо ниже двухъ первыхъ формъ. Собственно говоря, сущность этой формы состоитъ въ отрицаніи всякой формы. Слѣдовательно она не можетъ разсчитывать на поддержку искусно задуманной и прочно утвердившейся церковной организаціи, а единствен-

веніямъ между визитаторами и ихъ *жертвами*. Иначе мы затрудняемся назвать бѣдныхъ пресвитеріанскихъ духовныхъ лицъ, которыхъ самый послѣдній человѣкъ ихъ церкви могъ подвергать допросу относительно вѣрованій и ревизовать ихъ поведеніе. См. Thoughts ou the Religions state of the Coutry with Reasons for prefering Episcopacy. By the Rer Calvin Colton. New. York 1836 p. 40.

(1) Ibid. p. 28.

но и исключительно должна опираться на энергію отдѣльныхъ личностей. Такая постановка дѣла есть послѣдній выводъ изъ протестантской идеи всеобщаго священства и практически ведетъ къ совершенному разложенію церковнаго строя.

Эти субъективныя особенности въ организаціи американскихъ церквей были причиною единственнаго въ своемъ родѣ явленія въ древней и новой церковной исторіи, — довольно правильной группировки американскихъ церквей по сословіямъ. Есть здѣсь церкви по преимуществу аристократическія. Это тѣ, въ которыхъ или господствуетъ епископальная форма, или крайній либерализмъ (епископалы, голландскіе реформаты и унитаріи). Есть и такія, которыя обнимаютъ собою средній классъ. Это церкви съ формой индепендентской (конгрегаціоналисты, баптисты, универсалисты). Пресвитеріане имѣютъ большею частію своихъ адептовъ между зажиточными классами. Методизмъ въ большей части своихъ боковыхъ отраслей есть церковь народной массы; но какъ церковь удерживающая епископальную форму, онъ имѣетъ много поклонниковъ и въ высшемъ классѣ. Эта группировка американскихъ церквей по сословіямъ находитъ свое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что каждая церковь, считая себя источникомъ своего устройства и управленія и преслѣдуя утилитарную цѣль, въ своихъ основныхъ положеніяхъ и богослужебной практикѣ приспособляется ко вкусу или особенностямъ того, или другаго сословія. Такимъ образомъ на членовъ той или другой церкви можно смотрѣть какъ на религіозныхъ экспонентовъ сословнаго различія, и такъ какъ сословное положеніе разныхъ фамилій съ теченіемъ времени измѣнялось, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣ-

нялось и ихъ церковное вѣроисповѣданіе. Нѣкоторые потомки старыхъ строгихъ пуританъ въ настоящее время засѣдаютъ на бархатныхъ подушкахъ въ Trinity Church, между тѣмъ какъ нѣкоторыя обѣднѣвшія отрасли аристократическихъ приверженцевъ англиканской церкви удовлетворяютъ своимъ религіознымъ чувствамъ на методистскихъ Camp-Meeting. Это обстоятельство проливаетъ новый свѣтъ на американскія церкви.

(*Продолженіе будетъ*)

ОБОЗРѢНІЕ УНІЯТСКИХЪ БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ.

Въ историческихъ судьбахъ внутренней жизни уніятской церкви богослуженіе занимаетъ первое и важнѣйшее мѣсто. Извѣстно, чѣмъ начала свое существованіе наша западнорусская унія. Она выхлопотала себѣ у папы утвержденіе и сохраненіе не только „всѣхъ обрядовъ и церемоній, по установленіямъ св. отцевъ греческихъ,“ но и всѣхъ догматическихъ своихъ убѣжденій, съ правомъ даже сvмволъ вѣры читать безъ прибавленія *партикулы*: и отъ Сына. И потомъ долго буллы за буллами сыпались изъ Рима въ подтвержденіе неприкосновенности древнихъ обрядовъ и догматическихъ убѣжденій западноруссовъ (¹). При такомъ положеніи дѣла уніяты дожны были бы навсегда остаться православными людьми, съ тѣмъ только важнымъ впрочемъ различіемъ, что вмѣсто патріарха и сvнода почитали бы папу своимъ главнымъ пастыремъ и начальникомъ.

Между тѣмъ довольно одного бѣглаго взгляда, дабы

(¹) Выдержки изъ этихъ буллъ можно читать въ „Сынѣ Отечества,“ 1864 г. № 273, подъ рубрикой: Извѣстія изъ Польши (стр. 2153), также въ уніятскомъ катихизисѣ: Народовѣщаніе или слово къ народу каѳолическому чрезъ монаховъ чина св. Василія Великаго въ провѣнціи польской званію катихистичному прилежащихъ въ повѣтѣ Кременецкомъ 1756 года проповѣданное, подъ вопросомъ: „Россіяномъ лѣть ли приходити отъ греческихъ обрядовъ на латинскіе? (стр. 263).“

убѣдиться, что въ настоящее время западнорусскіе уніяты не только не походятъ на православныхъ, напротивъ представляютъ совершеннѣйшее подобіе католикамъ во всѣхъ завѣтныхъ ихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ. Мы не скажемъ нелѣпости, если причиной всему этому поставимъ уніятское богослуженіе. Богослуженіе—это единственная среда, гдѣ народъ, особенно простой, не только выражаетъ свои религіозныя убѣжденія, но и учится имъ, усвояетъ ихъ; богослуженіе есть представитель, или точнѣе, выразитель догмата въ его основныхъ чертахъ и понятіяхъ. А народъ главнымъ образомъ по внѣшнимъ чертамъ и учится внутреннему содержанію. Въ слѣдствіе этого доколѣ уніяты въ чистотѣ блюли свое древнее богослуженіе, они дѣйствительно въ этомъ отношеніи не отличались отъ православныхъ,— и православные также могли молиться въ церквахъ уніятскихъ, какъ и уніяты въ церквахъ православныхъ, тѣмъ болѣе, что самое поминовеніе папы на ектеніяхъ и въ молитвахъ началось у уніятовъ очень поздно, только къ послѣдней половинѣ XVII вѣка (¹). Когда же уніяты начали простирать святотатственную руку на чистоту своего древняго богослуженія, когда дѣйствіемъ іезуитовъ они начали вносить въ него разнаго рода обрядовыя и догматическія заблужденія католиковъ, тогда и народъ мало-по-малу началъ окатоличиваться. Такія нововведенія, какъ прибавленія къ символу: „и отъ Сына,“ введеніе индульгенцій (одпустовъ), запрещеніе погружательнаго крещенія и введеніе на его мѣ-

(¹) Начало этому положено было на конгрегаціи Жировицкой 1661 г., которая на первый разъ постановила поминать папу на великомъ входѣ. Congreg. 14 Zyrowicka, sess. 7.

сто обливательнаго и т. п. (1) не могли не поколебать религіозныхъ убѣжденій народа, и, вошедши въ его жизнь посредствомъ богослуженія, по необходимости должны были навязать ему и католическія убѣжденія въ собственномъ смыслѣ этого слова. — Никто не станетъ спорить, что окончательное окатоличеніе западнорусскихъ уніятовъ, особенно въ средѣ простаго народа, начинается главнымъ образомъ съ первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка. А къ этому-то времени и относится Замойскій соборъ (1720 г.), которому, какъ увидимъ ниже, принадлежитъ окончательное искаженіе уніатскаго богослуженія по началамъ католицизма.

Понятно само собою, какое важное и непосредственное значеніе должно имѣть послѣ этого изученіе уніятскаго богослуженія въ исторіи уніи. Но для насъ православныхъ есть и свои родныя намъ основанія посвятить нѣсколько труда на изученіе этого богослуженія и уніятскихъ богослужебныхъ книгъ. Говоримъ это преимущественно по отношенію къ православной Церкви западнорусской. Наслѣдовавъ, по уничтоженіи и возсоединеніи уніятовъ, церкви и приходы отъ уніятскихъ пароховъ, западноруссы вмѣстѣ съ симъ наслѣдовали отъ нихъ и уніятскія богослужебныя книги. И по этимъ книгамъ служили и теперь еще служатъ не десятки и сотни, а цѣлыя тысячи православныхъ священниковъ западнаго края Россіи, — большею частію не обладая средствами пріобрѣсти книги православныя, а иногда и прямо по одному простому непониманію уніятскихъ книгъ, ихъ антиправославнаго характера и направле-

---

(1) См. Synod prowyncialny Zamoysky... o wierze katolickiey, o Chrzcie. o pokucie et cet.

нія. Не говоримъ уже о тѣхъ трудностяхъ, какія нерѣдко испытываетъ православное западнорусское духовенство, поставленное въ необходимость служить по уніятскимъ книгамъ, въ такіе напримѣръ дни, какъ день памяти св. Александра Невскаго, 30 августа; во вторую недѣлю великаго поста, въ память св. Григорія Паламы и т. п., которымъ службы не только не полагаются въ уніятскихъ богослужебныхъ книгахъ (1), но даже выброшены изъ нихъ по формальнымъ предписаніямъ высшихъ уніятскихъ властей (2).

Если бы уніяты были люди добросовѣстные, и не такъ проникнуты духомъ іезуитизма, какъ проникнуты они имъ въ настоящее время, то могли бы отъ нихъ ожидать разъясненія ихъ богослуженія во всѣхъ его чертахъ и подробностяхъ,—тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, они имѣютъ на это даже особенное порученіе оффиціальнымъ путемъ (3). Но уже отвѣтъ, данный грекоунитскимъ Холмскимъ епископомъ (Калинскимъ) на имя директора правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго (князя Черкасскаго), обращавшагося къ нему съ помянутымъ порученіемъ, даетъ знать ясно, что отъ уніятовъ многаго ожидать нельзя. Да имъ и никогда не дозволятъ этого шляхетскій гоноръ и іезуитская хитрость. Въ слѣдствіе этого, долгъ изученія уніятскихъ богослужебныхъ книгъ лежитъ на насъ самихъ, безъ всякой надежды на постороннюю помощь.

(1) Подробнѣе объ этомъ см. Воскр. Чт. 1863—1864 годовъ: Объ употребленіи уніятскихъ богослужебныхъ книгъ въ православныхъ церквахъ западнаго края Россіи."

(2) См. Окружное посланіе уніятскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго 1738 года, Тріодь Постная, Триѳолой и др.

(3) „Сынъ Отечества" 1864 г. № 273.

Въ этихъ-то видахъ главнымъ образомъ мы предприняли настоящее „обозрѣніе уніятскихъ богослужебныхъ книгъ,“ которое и предлагаемъ на благоусмотрѣніе читателей.

1. Краткій историческій очеркъ уніятскаго богослуженія и уніятскихъ богослужебныхъ книгъ.

Исторія уніятскихъ богослужебныхъ книгъ начинается главнымъ образомъ со времени уніятскаго Замойскаго собора 1720 года. — До этого времени уніяты употребляли при своемъ богослуженіи тѣ же самыя богослужебныя книги, какія наслѣдовали отъ православія и какими вообще пользовалась тогда вся православная Церковь западнорусская. И это было не только въ началѣ уніи, когда уніяты не имѣли времени запастись богослужебными книгами собственнаго изданія, но и во все продолженіе уніи отъ учрежденія ея (1596 года) до Замойскаго собора, когда уніяты не только имѣли возможность издавать, но и издавали свои собственныя богослужебныя книги въ Львовѣ, Супраслю, Уніевѣ и др. У насъ подъ руками есть уніятскій требникъ 1719 года, изданный въ Львовѣ, какъ самъ говоритъ онъ, въ „предмовѣ до чительника саномъ священства почтеннаго,“ за благословеніемъ „Святѣйшаго Ѳрону Апостольскаго, и боголюбиваго Аѳанасія Шептицкаго (унитскаго) епископа Львовскаго и Галицкаго.“ Мы перебирали этотъ требникъ изъ конца въ конецъ, и не нашли въ немъ ни одной черты, напоминающей латинство, если не включить сюда общаго всѣмъ *западнорусскимъ* требникамъ того времени (особенно изъ редакціи Петра Могилы) ученія о пресуществленіи Даровъ во

время произнесенія словъ Христовыхъ (а не словами: и сотвори убо хлѣбъ сей и т. д.) А этотъ требникъ былъ изданъ только за годъ до Замойскаго собора и одобренъ тѣмъ же самымъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ, который, какъ увидимъ ниже, въ послѣдствіи играетъ такую важную роль въ искаженіи уніятскихъ богослужебныхъ книгъ. Такова же точно находящаяся у насъ цвѣтная тріодь Львовскаго изданія 1701 года и др. (¹).

Впрочемъ начало поврежденія уніятскаго богослуженія было положено за долго до Замойскаго собора въ богослужебной практикѣ уніятской церкви. Причиною этому прежде всего было то простое обстоятельство, что западно-русская унія наша была унія съ римскою Церковію. А это одно, естественно, вызывало ее дѣлать хоть какія нибудь уступки Церкви господствующей какъ въ вѣроученіи, такъ и въ обрядахъ. Кромѣ этого не надо забывать, что унія была любимое дѣтище іезуитовъ, на которомъ почили всѣ лучшія надежды ихъ истребить православіе и водворить латинство въ Россіи. Не даромъ же они называли ее *мостомъ*, который отъ православія долженъ былъ вести уніатовъ къ католицизму. Для достиженія этой цѣли іезуиты не щадили ни хитростей, ни жестокаго насилія,—старались окато-

(¹) И вообще всѣ уніятскія богослужебныя книги этого времени носили на себѣ несомнѣнную печать древле-православнаго происхожденія. Такъ многія изъ нихъ прямо говорили, что они напечатаны за благословеніемъ святѣйшихъ четверопрестольныхъ патріарховъ, какъ напримѣръ, Октоихъ 1700 г. и Трифолой 1694 г. (на заглавномъ листѣ). Другія полагали поминать на ектеніяхъ и молитвахъ «святѣйшихъ православныхъ Патріарховъ», какъ Акаѳисты 1691 года (стр. 127), служебникъ 1712 г. (стр. 98) и др. Также точно ни въ одномъ изъ нихъ сѵмволъ вѣры не былъ напечатанъ съ „и отъ Сына,„ какъ это видно напр. изъ уніятскаго молитвослова 1726 г. (стр. 21), служебника 1712 г. (стр. 98) и др.

лачивать уніатовъ въ своихъ коллегіяхъ, для чего захватывали въ свои руки всѣ наставническія каѳедры, въ уніатскихъ училищахъ, возбуждали своихъ питомцевъ къ открытымъ демонстраціямъ противъ древлеправославнаго богослуженія у православныхъ и уніатовъ и т. п. Но особенное вниманіе обратили іезуиты на базиліанъ, изъ которыхъ выходили тогда всѣ духовныя власти уніатской церкви. Разными происками они успѣли наконецъ сдѣлать то, что воспитаніе базиліанъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ и папскихъ аллюминатахъ (которые тоже находились въ вѣдѣніи іезуитовъ) было возведено почти въ оффиціальный законъ для послѣднихъ, особенно когда кто изъ нихъ думалъ о высшемъ чиноначаліи въ уніатской церкви. А извѣстно, что значило учиться у іезуитовъ и безъ такихъ предзанятыхъ цѣлей..... Когда же находились противники, которые сразу не хотѣли проникаться іезуитскимъ направленіемъ, іезуиты умѣли дѣйствовать на таковыхъ болѣе рѣшительными мѣрами; осмѣивали уніатское богослуженіе въ его древле-православномъ видѣ на зрѣлищахъ; запрещали уніатскимъ воспитанникамъ ходить въ уніатскія церкви; принуждали принимать исповѣдь и пріобщеніе отъ латинскихъ ксендзовъ и т. п. (¹). Когда и это не помогало, одѣвали непокорныхъ въ лохмотья, давали имъ самую скудную пищу, а иногда и совсѣмъ морили голодомъ, отводили для нихъ самыя худшія помѣщенія, а болѣе упорныхъ и рѣшительныхъ заставляли чистить отхожія мѣста, прислуживать католическимъ воспитанникамъ изъ лучшихъ польскихъ фамилій и т. п. И это дѣлали іезуиты не только съ свѣтскими базиліанскими

(¹) Congreg. 14 Zyrowicka. 1661 г. sess. 2.

воспитанниками, но и съ монахами, имѣвшими священный санъ ([1]). Наконецъ къ довершенію совращенія іезуиты присовѣтывали принимать въ базиліанскій орденъ латинцевъ, которые, считаясь базиліанами, рукополагаемы были латинскими епископами и всѣ церковныя богослуженія совершали по обряду своей Церкви, служили Евхаристію на облаткахъ по римскому чиновнику, совершали латинскія требы и т. п. При такихъ обстоятельствахъ базиліане не только измѣняли своей вѣрѣ, но и забывали свой родной языкъ; изученіе языка славянскаго въ уніятскихъ монастыряхъ было оставлено, многіе изъ базиліанъ, даже русскіе по происхожденію, не умѣя читать по славянски, служили по тетрадкамъ, написаннымъ польскими буквами, и то только одну литургію св. Іоанна Златоустаго ([2]), и т. д.

Не меньшую долю участія принимало здѣсь также и бѣлое уніятское духовенство. Вообще о духовенствѣ уніятскомъ извѣстно, что оно почти никогда не отличалось большими достатками, напротивъ почти всегда было погружено въ бѣдность самую страшную. Въ слѣдствіе этого въ уніятскіе священники поступали люди, большею частію, полуграмотные, ничѣмъ не отличающіеся отъ своихъ прихожанъ. Нечего и говорить, какъ мало такіе священники могли заниматься вопросами своей вѣры и богослуженія. Загнанные, запуганные, и въ то же время видя благоденствіе духовенства католическаго, они поневолѣ начинали тяготѣть къ послѣднему, а ксендзы естественно болѣе благоволили и покровительствовали тѣмъ, которые, какъ можно болѣе, дѣлали имъ уступокъ изъ своей вѣры и богослуженія. Кро-

---

([1]) Congreg. 16 Brzeska. 1666 г. sess. 2.

([2]) Руководство для сельскихъ пастырей 1865 года № 7-й.

мѣ этого, занимая приходы большею частію бѣдные, лишенные своихъ привиллегій и фундушей, уніаты не разъ старались искать пособія въ костелахъ, куда принимали ихъ для содѣйствія въ исповѣди и совершеніи другихъ требъ, разумѣется, за приличное вознагражденіе. Въ свою очередь и ксендзы не отказывались помогать уніатскимъ священникамъ, особенно во время такъ называемыхъ одпустовъ. По такому же побужденію многіе изъ уніатскихъ священниковъ поступали въ викаріи къ настоятелямъ костеловъ, гдѣ за условленную плату обязывались совершать въ приходѣ требы, служить ежедневно обѣдню и т. п. Въ слѣдствіе этого между уніятскими священниками и ксендзами волей — неволей завязывались самыя интимныя отношенія, такъ что наконецъ уніатъ спокойно служилъ въ костелѣ и на оборотъ ксендзъ въ уніатской церкви безъ всякаго различія, тѣмъ болѣе, что это было признано самими папами и возведено въ законъ оффиціальный (¹). Нечего и говорить, какъ все это должно было влiять на чистоту и неприкосновенность древняго богослуженія. Довольно было для уніата разъ послужить въ костелѣ,

(¹) „Лѣть ли іерею грекорусскому въ ризахъ римскаго обряду, и паки римскому въ ризахъ греческаго обряду литургисати?„ спрашиваетъ *Народовѣщаніе*,—и отвѣчаетъ: „лѣть есть, (т. е. возможно и позволительно) соизволяющимъ на тое Клименту VIII и Венедикту XIV въ конституціи, ей же начало: импозито нобѣсъ (imposito nobis) стр. 95. См. также Bullar. brewe i listy pap. ogóln. стр. 24. Также точно, по ученію того же Народовѣщанія,“ греческаго обученія людемъ отъ римскихъ іереевъ, тайну покаянія всегда лѣть есть пріимати, въ нуждѣ же лѣть есть и крещеніе“.„ Обаче въ отвѣтѣ святой памяти Велямину Ружскому всея Россіи митрополиту, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Народовѣщаніе, на вопросъ его зъ Риму обрѣтается сицевое писаніе (1626 г. октоврія, дня 3) въ крайной нуждѣ, си есть належащей смертной бѣдѣ, не обрѣтающуся римскому іерею.... святый синодъ увѣщаваетъ (россіанъ) о Господѣ, да обычаю римскому на время подобящеся Евхаристію даютъ (римляномъ) подъ видомъ хлѣба“ (стр. 263, 264) и т. д.

гдѣ нѣтъ ни жертвенника, ни царскихъ вратъ, дабы отступить отъ древняго чина своей церкви; а о нарочитомъ приспособленіи и подражаніи ксендзамъ и говорить нечего.....

Наконецъ присоединимъ къ этому тѣ открытыя гоненія, которыя польскіе паны и духовенство, а нерѣдко и самые уніаты поднимали противъ послѣдователей православнаго греческаго обряда, припомнимъ ту глубокую ненависть, которая къ концу этого періода возгарается между уніятами и православными,—и мы по неволѣ должны будемъ согласиться, что уніяты ничего и не могли сдѣлать, какъ по немногу склоняться на сторону латинства, проникаться его духомъ и направленіемъ какъ въ догматикѣ, такъ и въ обрядахъ. Иначе они должны были бы перестать быть уніятами, еслибы захотѣли сохранить во всей чистотѣ свое древнее богослуженіе и обряды.—И дѣйствительно олатинизированіе православнаго богослуженія въ уніятской церкви началось почти съ самыхъ первыхъ временъ уніи ([1]). Но

([1]) Начало этому положили еще первые ренегаты православія Терлѣцкій и Поцѣй, когда были въ Римѣ съ предложеніемъ уніи. — Тогда они первые изъ западнорусскихъ уніятовъ исповѣдали символъ вѣры съ „и отъ сына“, признали чистилище, индульгенціи и др. нововведенія римской Церкви по смыслу и образцу флорентинскаго исповѣданія вѣры. (См. письмо Кирилла и Поцѣя къ польск. примасу, объ отнош. римск. Церкви къ др. Церкв. часть II стр. 335). Вслѣдъ затѣмъ были приняты уніятами индульгенціи подъ именемъ одпустовъ. Съ теченіемъ времени была введена въ уніятской церкви такъ называемая литургія чтемая (cicha msza), а съ нею вмѣстѣ перешли и другіе обряды (см. Congr. Wilenska 1650 г.). О поминовеніи папы на уніятской литургіи мы уже говорили. Такимъ же образомъ постоянныя сношенія съ латинянами и въ особенности низкое желаніе подражать имъ волей—неволей должны были вытѣснить изъ уніятской церкви такіе обычаи, какъ приготовленіе запасныхъ даровъ въ великій четвертокъ, вліяніе теплоты въ освященные дары, совершеніе елеосвященія надъ больными вообще, а не надъ умирающими и т. под. обычаи, которыхъ нѣтъ у католиковъ.

все это пока были злоупотребленія частныя, допускаемыя въ частныхъ церквахъ и монастыряхъ, не рѣдко даже вопреки формальнымъ запрещеніямъ уніятскихъ властей. Уніятскіе священники все еще служили по древле-православнымъ книгамъ,—и, безъ сомнѣнія, имѣя ихъ постоянно предъ глазами, не могли окончательно измѣнить ихъ духу и направленію.... Но путь уже былъ приготовленъ. Оставалось только эти частныя злоупотребленія возвести въ законъ оффиціальный, дабы сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ уніатской церкви. Эту миссію взялъ на себя соборъ Замойскій 1720 г., съ котораго начинается новая эпоха для уніятскаго богослуженія и уніятскихъ богослужебныхъ книгъ.

Въ титулѣ первомъ de fide catholica, непосредственно послѣ повелѣнія внести въ символъ вѣры: *и отъ Сына* и поминать папу при богослуженіи, Замойскій соборъ переходитъ къ обозрѣнію уніятскихъ богослужебныхъ книгъ и касательно ихъ даетъ слѣдующія постановленія:

„Повелѣваетъ соборъ, дабы никто не смѣлъ печатать никакихъ (богослужебныхъ) книгъ безъ дозволенія мѣстнаго ординаріуса, ни пріобрѣтать таковыя изъ за схизматической границы (т. е. Россіи), равно какъ и доселѣ пріобрѣтенныя держать у себя.“

„Для предотвращенія подобныхъ безпорядковъ (соборъ) повелѣваетъ, чтобы тѣ изъ книгъ уже напечатанныхъ, которыя требуютъ исправленія и могутъ быть исправлены, были исправлены непремѣнно и чтеніе таковыхъ до тѣхъ поръ было возбранено вѣрнымъ, пока онѣ не будутъ исправлены; въ противномъ случаѣ онѣ должны быть подвергнуты совершенному запрещенію, подъ казнію осужденія какъ тѣхъ, которые будутъ читать ихъ, такъ и тѣхъ, кои станутъ вносить ихъ *до*

государства (т. е. Польши) безъ дозволенія мѣстнаго ординаріуса".

„Кромѣ того, тотъ же св. соборъ запрещаетъ продавать и покупать тѣ книги, которыя напечатаны безъ аппробаціи ординаріуса, пока они не будутъ пересмотрѣны и аппробованы. Изданіе же тѣхъ книгъ, которыя уже въ печати, соборъ приказываетъ остановить".

„При этомъ тотъ же св. соборъ разсудилъ, дабы мшалы (служебники, отъ missale), ритуалы или требники (rituale), полуставы (часословы), молитвенники и понтификалы (архіерейскіе чиновники) не были утверждаемы ординаріусомъ, если они не будутъ согласны съ изданіемъ, которое для нихъ прикажетъ сдѣлать соборъ и св. апостольскій престолъ утвердитъ" (1).

Какого же рода изданіе затѣвалъ соборъ Замойскій для уніятскихъ богослужебныхъ книгъ? Отвѣтомъ на это служатъ всѣ дальнѣйшія постановленія его касательно совершенія таинствъ, отправленія литургіи, утрени, вечерни и т. п., которыя всѣ дѣлаются во исполненіе правилъ и постановленій Тридентинскаго собора и папскихъ буллъ для окончательнаго олатинизированія уніятскаго богослуженія. А для того, чтобы всѣ эти нововведенія и постановленія сдѣлать не только обязательными, но и неизбѣжными для всей уніатской церкви,—соборъ даетъ повелѣніе: внести ихъ въ новые служебники, требники и другія богослужебныя книги, которыя съ этихъ поръ должны быть печатаны съ благословенія собора и папы и разосланы по всѣмъ уніятскимъ епархіямъ (2).

Первый, какъ и слѣдовало, воспользовался этими рас-

---

(1) Sinod prowincialny, стр. 41—42.

(2) Тамъ же, стр. 52, 49, 83 и др.

поряженіями уніатскій митрополитъ Левъ Кишка, по затѣямъ котораго былъ составленъ соборъ Замойскій. 1727 года онъ приступилъ въ Супраслю къ изданію уніатскаго служебника, и въ силу постановленій Замойскаго собора, обработалъ его по всѣмъ правиламъ латинскихъ миссаловъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Но ему не суждено было дождаться выхода въ свѣтъ этого служебника; онъ оконченъ былъ уже только 1732 г. при преемникѣ его Аѳанасіѣ Шептицкомъ, возведенномъ въ званіе уніатскаго митрополита изъ епископовъ Львовскихъ.

Между тѣмъ не дремали и другія уніатскія власти. Руководимые постановленіями Замойскаго собора уніатскіе епископы и прелаты то и дѣло брались за передѣлку своихъ старыхъ богослужебныхъ книгъ. Въ 1730—31 годахъ, по присоединеніи къ уніи Галицкой Руси, былъ составленъ даже особенный комитетъ для исправленія книгъ церковныхъ. Но и этотъ комитетъ, какъ и другія подобныя затѣи уніатовъ, не сдѣлалъ ничего особенно замѣчательнаго. Вслѣдствіе этого богослужебныя книги уніатской церкви при разныхъ епископахъ и въ разныхъ типографіяхъ печатались различно съ большими или меньшими прибавками или опущеніями, но почти всегда въ ущербъ православію и въ пользу латинства. Большая же часть уніатскаго духовенства и теперь продолжала служить по тѣмъ же православнымъ богослужебнымъ книгамъ, какія были изданы до Замойскаго собора, т. е. по книгамъ православнымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

При такихъ обстоятельствахъ на уніатскій митрополичій престолъ вступилъ Аѳанасій Шептицкій. Воспитанный въ правилахъ чистаго іезуитизма, онъ рѣшился

положить конецъ неопредѣленному положенію дѣлъ и 3 мая 1738 г. издалъ въ Львовѣ окружное (печатное) посланіе, въ которомъ подъ угрозою низложенія повелѣваетъ всѣмъ „пречестнымъ отцемъ игуменомъ и протопресвитеромъ въ діецезіяхъ его обрѣтающимся, да всякія церковныя книги въ монастыряхъ или протопресвитеріяхъ его обрѣтающіяся въ часѣ осминедѣльномъ увѣденію сего посланія по слѣдующемъ исправити не замедлѣютъ“. Вмѣстѣ съ симъ Шептицкій указываетъ въ какихъ именно книгахъ, какія мѣста и какимъ образомъ исправить, повелѣвая въ однихъ „тое слово или мѣсто вымазати, другое выняти и выкинути“, въ другихъ „такія или другія мѣста, — вырванныя или вымазанныя, замѣнить другими (цитуемыми въ посланіяхъ)“ и т. д. (¹). Какъ видно изъ посланія, Шептицкій главнымъ образомъ останавливается на тѣхъ же требованіяхъ и узаконеніяхъ, какія были приняты Замойскимъ соборомъ, и потому преимущественно настаиваетъ на прибавленіе въ символъ вѣры — „и отъ Сына“, на поминовеніе папы на ектеніяхъ и въ молитвахъ. Затѣмъ слѣдуютъ частныя распоряженія объ исключеніи изъ святцевъ нѣкоторыхъ православныхъ русскихъ угодниковъ (напр. Петра, митрополита Кіевскаго; Алексія, Ѳеодора и Василія печерскихъ, Антонія Римлянина, —

(¹) Для примѣра приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого въ высшей степени занимательнаго посланія: „Акаѳісти маліе, року 1788 изданіе. Въ сей книжицѣ на листѣ 138 и листѣ 130 по двѣ молитвѣ до преподобнихъ печерскихъ виняти потреба. Зъ соборника дванадесяти мѣсяцей вимазати треба: Во святыхъ отца нашего Алексія архіепископа кіевскаго, дня 12 февруарія и дня 20 тогожде мѣсяца. Тріодь постная, року 1717 изданная, на листѣ 18 въ тропарѣ 1-мъ вмѣсто тихъ словъ: да вѣчнаго огня избавитъ, положи тіе: да милостивно мукъ чистительныхъ избавитъ“ и т. п.

ужъ не знаемъ на какомъ основаніи этого, и др.), объ исключеніи погружательнаго крещенія и введеніи на его мѣсто обливательнаго и т. п. Для большаго распространенія этихъ постановленій Шептицкій съ самаго вступленія въ должность митрополита началъ прилагать особенное стараніе объ изданіи богослужебныхъ книгъ и еще въ 1733 г. издалъ въ Львовѣ служебникъ, почти во всѣхъ отношеніяхъ схожій съ служебникомъ своего предшественника. Но видно, уніяты не очень спѣшили пріобрѣтать этотъ служебникъ и служили еще по старымъ своимъ служебникамъ; почему Шептицкій былъ вынужденъ въ окружномъ своемъ посланіи подвергнуть исправленію Львовскій служебникъ 1712 г., вѣроятно, болѣе другихъ распространенный въ это время между уніатами. Впрочемъ къ половинѣ XVIII вѣка постановленія Шептицкаго начали пріобрѣтать все больше и больше силы, такъ что къ концу 1739 г. понадобилось новое изданіе служебника, выполненное въ Уніевѣ за благословеніемъ самого же Шептицкаго.

Та же судьба постигла и другія уніатскія книги. Мы не знаемъ издавалъ ли Шептицкій для уніатовъ кромѣ служебника какія либо другія книги. Но то несомнѣнно, что постановленія его о вымазаніи и вырываніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ древнихъ богослужебныхъ книгъ не осталось безъ дѣйствія. Между книгами, по которымъ мы лично могли убѣдиться въ этомъ, эту судьбу испыталъ уже помянутый нами Львовскій требникъ 1719 г., изданный самимъ же Шептицкимъ въ бытность его епископомъ Львовскимъ и потомъ исправленный по всѣмъ правиламъ его собственнаго посланія [1]; также одна

[1] Занимательно, что не могши вездѣ помѣстить поправокъ въ текстѣ или на поляхъ, исправитель бралъ лоскутки бумаги, написывалъ на нихъ поправки и потомъ наклеивалъ на исправляемыхъ мѣстахъ.

постная тріодь (безъ заглавнаго листа, кажется, черниговскаго изданія), въ которой зачеркнута служба Григорію Паломѣ и др. Наконецъ посланіе Шептицкаго легло въ основу всѣхъ послѣдующихъ изданій, предпринимаемыхъ уніатами для своихъ богослужебныхъ книгъ въ послѣдующія времена.

Съ этихъ поръ уніатскія богослужебныя книги потеряли свой первобытный характеръ древней чистоты и неприкосновенности и замѣтно начали приближаться къ книгамъ латинскимъ, проникаться ихъ духомъ и направленіемъ. Особенно много сдѣлали по этому вопросу базиліане Почаевскаго монастыря (нынѣшней Почаевской лавры), которые съ 1740 г. (1) приняли на себя почти исключительную редакцію всѣхъ богослужебныхъ книгъ для всей уніатской церкви.

Впрочемъ въ исторіи уніатскихъ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ въ Почаевской лаврѣ, нельзя не различать двѣ эпохи или точнѣе два направленія, разграничиваемыя главнымъ образомъ послѣдними десятилѣтіями XVIII в. Съ этого времени почаевскіе уніаты, доселѣ почти рабски подражавшіе въ своихъ изданіяхъ изданіямъ Кишки и Шептицкаго, теперь начинаютъ дѣлать значительный поворотъ въ пользу древняго православія. Особенно это заявили они на своихъ служебникахъ, изданныхъ благословеніемъ епископовъ Луцкихъ и Острожскихъ (разумѣется уніатскихъ) изъ фамиліи Лубинецкихъ—Рудницкихъ (Ѳеодосія и Сильвестра).

Сравнивая эти книги съ книгами Кишки и Шептицкаго, нельзя не замѣтить въ нихъ даже такъ сказать формальнаго, нарочитаго удаленія отъ латинства и при-

(1) Когда купили печатные снаряды уніевскаго братства.

ра.—Нашему обозрѣнію будутъ подлежать только книги, напечатанныя послѣ этого собора, и по важности предмета мы прежде разсмотримъ уніатскіе служебники, потомъ будемъ говорить объ уніатскихъ архіерейскихъ чиновникахъ (понтификалахъ), затѣмъ займемся требниками, тріодями, часословами, октоихами и т. д.

2) Уніатскіе служебники, ихъ внѣшній видъ и содержаніе сравнительно съ служебниками православными и римско-католическими.

Первое, чѣмъ останавливаютъ на себѣ вниманіе уніатскіе служебники,—это внѣшній видъ ихъ. И съ этой стороны уніатскіе служебники представляютъ совершеннѣйшее подобіе служебникамъ Церкви римской какъ по формѣ, такъ и по изложенію.—Извѣстно, что въ римской Церкви нѣтъ обычая полагать на престолѣ *св. Евангеліе* въ видѣ особенной, особеннымъ образомъ украшенной книги и читать очередныя мѣста изъ этой книги, какъ это дѣлается въ нашей Церкви православной. Такимъ же образомъ у латинянъ нѣтъ особенной богослужебной книги, извѣстной у насъ подъ именемъ *Апостола*. Какъ Апостольскія, такъ и Евангельскія чтенія помѣщаются у нихъ обыкновенно въ самыхъ служебникахъ наряду съ другими молитвами и пѣснопѣніями, усвояемыми тѣмъ или другимъ Святымъ и праздникамъ, по порядку недѣль года и дней мѣсяцевъ. Подобно этому и уніаты въ своихъ служебникахъ помѣщаютъ Апостолы и Евангелія на всѣ недѣли и дни года, начиная отъ Апостоловъ и Евангелій на день св. Пасхи и кончая Апостолами и Евангеліями общими Святымъ и на разные случаи церковной жизни. Кромѣ этого имѣя въ виду сдѣлать изъ своихъ служебниковъ такую под-

ручную книгу, которою бы священникъ могъ пользоваться при совершеніи литургіи безъ всякаго пособія со стороны другихъ богослужебныхъ книгъ, латиняне наряду съ очередными Апостолами и Евангеліями помѣщають въ своихъ служебникахъ разнаго рода входные (introitu), степенные (graduale), причастные (communio), послѣпричастные (postcommunio) и т. п., словомъ все, что только необходимо для совершенія Литургіи. Для достиженія этой цѣли, уніаты, кромѣ помѣщаемыхъ у насъ въ служебникахъ прокимновъ, причастныхъ и отпустовъ, присоединяютъ еще у себя тропари и кондаки по входѣ и антифоны и девятыя пѣсни вмѣсто *достойна* на большія праздники ([1]). И все это называется у нихъ общимъ именемъ „служба", въ соотвѣтствіе такому же латинскому: missa ([2]), усвояемому католиками сборнику разныхъ молитвословій, принадлежащихъ литургіи. Какъ и католическіе, большая часть уніатскихъ служебниковъ содержатъ въ себѣ въ началѣ краткій календарь (сборникъ дванадесятымъ мѣсяцомъ—tabella festorum immobilium), показывающій когда и какую службу служить тѣмъ или другимъ Святымъ, на тѣ или другіе праздники, и гдѣ искать ее ([3]), (означаются и страницы, какъ и въ римскихъ миссалахъ). Единственное, чѣмъ уніатскіе

([1]) Не полагаются въ уніатскихъ служебникахъ наши *блажены*; потому что вмѣсто ихъ уніаты завели у себя читать такъ называемые ежедневные Антифоны. (Подробнѣе объ этомъ скажемъ, когда будемъ говорить объ уніатской Литургіи).

([2]) *Службою*, (служеніе, *служба Божа*) и теперь называется литургія между малороссами и западноруссами.

([3]) Позднѣйшія редакціи Почаевской печати отступили отчасти отъ этого порядка,—но за то онѣ помѣщаютъ полный календарь наряду съ тропарями, кондаками, апостолами и евангеліями, тамъ, гдѣ въ прежнихъ изданіяхъ, по примѣру служебниковъ римскихъ, помѣщаются только важнѣйшія службы на важнѣйшіе дни и праздники.

служебники приближаются по формѣ къ служебникамъ Церкви православной, это—содержащіяся въ нихъ послѣдованія вечерни, полунощницы и утрени, чего нѣтъ въ служебникахъ латинскихъ. Но напрасно стали бы вы искать этихъ послѣдованій въ началѣ служебниковъ, какъ это дѣлается въ нашей Церкви. Они помѣщаются здѣсь обыкновенно въ концѣ съ приложеніемъ Евангелій воскресныхъ утреннихъ и другихъ утреннихъ Евангелій на разные праздники.—Какъ и латинскіе, большая часть служебниковъ уніатскихъ содержатъ въ себѣ такъ называемый „*чинъ служенія божественной литургіи чтемой*", показывающій, какимъ образомъ уніатскіе священники должны совершать литургію *шопотомъ* въ соотвѣтствіе латинской: missa secreta, и отчасти приближающій уніатскіе служебники по формѣ къ общему всѣмъ служебникамъ латинскимъ обычаю помѣщать у себя такъ называемый: ritus celebrandi missam (чинъ совершенія литургіи).—Только этотъ чинъ полагается въ началѣ миссаловъ, а уніатскій чинъ служенія литургіи чтемой обыкновенно помѣщается въ концѣ.

Мы уже говорили о томъ различіи, какое находится между уніатскими богослужебными книгами первыхъ редакцій и книгами редакцій послѣднихъ, особенно Почаевской. Главная доля этого различія падаетъ на уніатскіе служебники. Первое, чѣмъ отличаются Почаевскіе служебники отъ служебниковъ Кишки и Шептицкаго,—это выборъ и расположеніе Апостольскихъ чтеній, особенно на такъ называемые разные случаи церковной практики. Въ слѣпой ревности—какъ можно болѣе уподобить уніатское богослуженіе богослуженію римскому Кишка и Шептицкій забыли, что православная Церковь наша никогда не читаетъ на обѣдни вмѣсто Апостола

другія какія либо священныя книги, особенно изъ Ветхаго Завѣта. Это обычай исключительно свойственный римской Церкви, которая избираетъ для этой цѣли чтенія изъ Ветхозавѣтныхъ книгъ не только каноническихъ, но и неканоническихъ. Этотъ же обычай перенесли въ свои служебники и Кишка и Шептицкій. Такъ въ службѣ за путешествующаго они поставили вмѣсто Апостола: „отъ Бытія чтеніе" (гл. 28 ст. 10—17), въ службѣ за всяко прошеніе чтеніе: „отъ пророчества Іереміина" (гл. 14, ст. 7—9), въ службѣ за покой или о мирѣ,—чтеніе „отъ книгъ вторыхъ Маккавейскихъ" (гл. 1. ст. 1—5) и т. п. Если сравнимъ эти чтенія съ чтеніями, полагаемыми на соотвѣтствующія обстоятельства въ римскихъ миссалахъ, то увидимъ, что всѣ они буквально заимствованы изъ послѣднихъ; такъ чтеніе *изъ Бытія* за путешествующаго взято изъ латинской службы: pro peregrinantibus vel iter agentibus, (lectio libri genesis), чтеніе за покой или о мирѣ изъ подобной же латинской службы: pro pace (lectio libri machabeorum), чтеніе за всяко прошеніе изъ службы: pro quacumque necessitate (lectio Hieremiae Prophetae) и т. д. Въ Почаевскихъ служебникахъ эти чтенія оставлены и на мѣсто ихъ поставлены чтенія изъ посланій Апостольскихъ, по уставу Церкви православной. Впрочемъ и тамъ можно найти слѣды беззаконнаго подражанія Риму въ извѣстной уніятской службѣ *на сострадание Пресвятыя Богородицы.* Что это за праздникъ и по какому поводу онъ установленъ, скажемъ въ своемъ мѣстѣ, когда будемъ говорить о цвѣтной тріоди, въ которой помѣщена у уніятовъ служба на этотъ праздникъ; подражая римской Церкви уніяты избрали для этого праздника чте-

ніе изъ книги Іудиѳъ,—(гл. 13. ст. 20) (1). Это чтеніе перешло во всѣ служебники уніятскіе, не исключая и служебниковъ Почаевскихъ (2).

Другую характеристическую черту уніятскихъ служебниковъ,—во многихъ отношеніяхъ тоже заимствованную изъ служебниковъ Римскихъ и отличающую ихъ отъ нашихъ служебниковъ православныхъ, составляетъ помѣщеніе нѣкоторыхъ особенныхъ службъ, молитвъ и уставовъ, изъ которыхъ одни обыкновенно помѣщаются у насъ въ другихъ книгахъ,—а другія и вовсе не существуютъ.—Прежде всего это надобно сказать о службѣ въ день святыя Пасхи и молитвахъ, въ этотъ день употребляемыхъ:—на благословеніе брашенъ, агнца пасхальнаго, иныхъ мясъ, млечнаго и иныхъ снѣдей. И у насъ эта служба помѣщается въ разныхъ богослужебныхъ книгахъ, по своей великой важности и назидательности для вѣрующихъ;—но нигдѣ вы не найдете ея ни въ одномъ православномъ служебникѣ. Что же касается молитвъ на освященіе пасхальныхъ снѣдей, то онѣ помѣщаются у насъ главнымъ образомъ только въ тріодѣ и требникѣ,—и помѣщеніе ихъ въ служебникѣ уніятскомъ сдѣлано въ подражаніе римскимъ миссаламъ, въ которыхъ эти молитвы помѣщаются исключительно (benedictio agni paschalis, benedictio ovorum,—panis et cet...) Также точно въ подражаніе католикамъ, печатая Евангельское чтеніе въ день святыя Пасхи, уніаты предъ словами: *и слово плоть бысть*, поставляютъ примѣчаніе, „покланяются глаголюще;“—

---

(1) См. Missale Romanum. служба in compassionem Beatae Mariae Virginis, въ пятницу на пятой недѣлѣ Великаго поста.

(2) Впрочемъ этой службы мы не нашли въ Почаевскомъ служебникѣ 1735 г.

примѣчаніе это буквально заимствуется изъ латинскихъ миссаловъ, въ которыхъ вездѣ, гдѣ только приводится Евангельское чтеніе изъ первой главы Іоанна ([1]), предъ словами: *caro factum est*, замѣчается: genu flectitur (колѣнопреклоняется,—подразумѣвается sacerdos—священникъ). Такимъ же образомъ по примѣру латинянъ уніяты помѣщаютъ въ своихъ служебникахъ: чинъ освященія воды святыхъ богоявленій, послѣдованіе колѣнопреклонныхъ молитвъ, совершаемыхъ въ день святыя Пятидесятницы; въ другихъ къ этому прилагаются еще молитвы о *новомъ лѣтѣ* (1-го сентября), молитва предъ Рождествомъ Христовымъ, благословеніе свѣчей на Срѣтеніе Господне, благословеніе вѣтвей въ недѣлю цвѣтоносія, молитва въ путь грядущимъ, молитвы освященія воды, благословеніе артоса, молитвы на раздробленіе артоса, молитвы на благословеніе священническихъ одеждъ, благословеніе свѣчей на каждый день, благословеніе зелія на успеніе Пресвятыя Богородицы и т. п. Многія изъ этихъ молитвъ и послѣдованій заимствованы изъ богослужебныхъ книгъ православной Церкви, какъ напримѣръ чинъ освященія воды святыхъ богоявленій, послѣдованіе колѣнопреклонныхъ молитвъ въ день Пятидесятницы и въ частности изъ требника Петра Могилы, каковы молитвы на освященіе священническихъ одеждъ и др. Но между ними нельзя не насчитать и нѣсколько молитвъ, передѣланныхъ по образцу молитвъ католическихъ и даже буквально переведенныхъ изъ служебника Римскаго. Какъ на примѣръ перваго рода достаточно указать на молитву ко Пресвятому Духу, которая въ уніятскихъ служебникахъ Кишки и Шеп-

([1]) А оно читается у католиковъ каждый разъ на концѣ обѣдни, на третьей миссѣ въ день Р. Х., въ праздникъ Евхаристіи и т. п.

тицкаго и Почаевскомъ 1765 г. присоединяется къ обыкновеннымъ молитвамъ, читаемымъ у насъ въ день Пятидесятницы. Молитва эта отличается тѣмъ, что въ ней буквально приводится католическое ученіе объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына ([1]). Что касается молитвъ втораго рода, т. е. молитвъ, буквально заимствованныхъ изъ служебниковъ латинскихъ, то между ними особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ прежде такъ называемая общая молитва *на благословеніе свѣщъ*: „Владыко Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, благослови свѣщи сія моленьми нашими и возлей на ня" и проч. (служебникъ Кишки 1727 г. стр. 470). Молитва эта—буквальный переводъ латинской молитвы: *in benedictionem candelarum*: „Domine Iesu Christe, Fili Dei vivi, benedic candelas istas supplicationibus nostris: infunde eis Domine et cet." Также точно изъ латинскаго миссала взято послѣдованіе на освященіе свѣчей въ день Срѣтенія: (in festo purificationis beatae Mariae virginis),—и молитвы, вошедшія въ составъ этого освященія (Владыко Господи Іисусе Христе Боже нашъ Свѣте истинный просвѣщаяй всякаго человѣка, градущаго въ міръ, излей благословеніе Твое на свѣщи сія и освяти я свѣтомъ благодати Твоея.... Господи Святый Отче Вседержителю предвѣчный Боже, вся отъ небытія сотворивый

([1]) Вотъ начало этой молитвы. „Царю небесный утѣшителю Владыко, собезначальный и присносущный и единочестный Душе Отцу и Сыну, Душе Истины Сущій благій Святый господствуяй и животворяй неизреченно и нераздѣльно *отъ Отца и Сына исходяй*".... Этой молитвы нѣтъ у Гоара (см. Ἀκολουθία τῆς ἁγίας πεντηκοστῆς, pag. 597—606, Venetiis, 1730. editio secunda). Она помѣщается въ уніятской цвѣтной тріоди 1701 г., съ такимъ замѣчаніемъ: „молитва прилагаемая по сихъ молитвахъ, особна св. Духу, твореніе святѣйшаго патріарха Константина града, Киръ Филоѳеа". Но въ ней слова: „нераздѣльно отъ Отца исходяй" читаются безъ прибавленія: *и Сына*.—(стр. 391).

и повелѣніемъ Твоимъ по дѣланію пчелъ сему току произойти изволивый къ дѣланію свѣчей.... Вседержителю Предвѣчный Боже, иже Моvсею рабу Твоему отъ всечистаго елея составленныя свѣтильники предъ Лицемъ Твоимъ всегда устрояти повелѣлъ еси.., и др. (служеб. 1724—32 г. стр. 169 и слѣд.) слово въ слово переведены изъ латинскихъ: Domine Iesu Christe, lux vera, qui illuminas omnem hominem, venientem in hunc mundum, effunde benedictionem tuam super hos cereos, et sanctifica eos lumine gratiae tuae.... et cet. Domine sancte Pater Omnipotens, aeterne Deus, qui omnia ex nihilo creasti, et jussu tuo per opera apum hunc liquorem ad perfectionem cerei venire fecisti.... Omnipotens sempiterne Deus, qui Mosem, famulum tuum purissimum olei liquorem ad luminaria ante conspectum tuum concinanda praeparari jussisti.... et cet.

Сюда также надобно отнести находящіяся въ нѣкоторыхъ уніатскихъ служебникахъ службы о пресладкомъ имени Іисусовомъ; также во всѣхъ почти уніатскихъ служебникахъ находящіяся службы: „о пресвятомъ Духу“ на второй день Пятидесятницы „Святѣй и Живоначальнѣй Троицѣ“ на тотъ же день—о пресвятѣй тайнѣ Евхаристіи или Божьяго тѣла (Bozego ciata), въ девятый четвертокъ по Пасхѣ, Іосифу Обручнику 26 декабря, Августину Иппонійскому 28 августа и др. Кромѣ этого уніаты издали въ „лаврѣ общежительнаго монастыря Супрасльскаго“ 1758 г. служебникъ, въ которомъ послѣ литургіи св. Іоанна Златоустаго (¹), наряду съ службами праздникамъ и Святымъ, воспоминаемымъ пра-

(¹) Которая одна тамъ и находится *во удобнѣйшее употребленіе іереемъ; изряднѣе же на единѣ, безъ пѣнія литургисающимъ и въ путешествіямъ сущимъ* (заглавн. листъ).

вославною Церковію, они положили службы праздникамъ и Святымъ католическимъ, которыхъ наша Церковь никогда не знала. Таковы подъ рубрикою „службы праздникомъ Господскимъ“ кромѣ поминутой службы, о пресладкомъ имени Іисусовѣ,—„служба о страсти Христовѣй, служба честному кресту;—подъ рубрикой: „службы праздникомъ Богородичнымъ“: служба посѣщенію Пресвятыя Богородицы, Пресвятѣй Богородицѣ Рожанцовой и др. Еще болѣе искуства показали Супрасльскіе уніаты въ выборѣ службы „Нарочитымъ Святымъ и нѣкоторымъ польскимъ и Великаго Княжества Литовскаго предстателемъ“. Здѣсь найдете вы и службу „преподобному отцу Францѣшку Серафимскому, іерарсѣ всѣхъ францѣшканъ и службу преподобному отцу Доминику, іерарсѣ чину проповѣдниковъ,—также службы: св. Антонію съ Падвы (Падуанскому), преподобному отцу Игнатію Лаіолли, святому священномученику, исповѣднику Іоанну Непомуцену, и святому Казиміру, исповѣднику, извѣстному польскаго царствія и княэства Литовскаго предстателю и заступнику“. Для всѣхъ этихъ службъ уніаты сочиняли особые тропари и кондаки, и пріобщивъ ихъ къ Апостоламъ и Евангеліямъ, полагаемымъ на нихъ въ католическихъ миссалахъ, расположили въ своихъ служебникахъ наряду съ службами праздникамъ и Святымъ, воспоминаемымъ православною Церковію ([1]). Такъ въ службѣ о пресвятѣй Евхаристіи они

([1]) Для примѣра вотъ тропарь и кондакъ Игнатію Лаіоллѣ Тропарь гласъ 1-й. Труба велегласная евангелія Христова, различныхъ языкъ ушеса звукомъ ревностныхъ ти ученій исполняющая и отъ мрачныя глубины идолослуженія, всѣхъ къ свѣту невечернему былъ еси преподобне отче Игнатіе: ихже множество отъ бѣсовскія работы свободилъ еси и діавола въ видѣ зміинѣ, яко прелестника жезломъ отгналъ еси, и инокующимъ наставникъ былъ еси и отъ земныхъ пресельшися, поче-

полагаютъ Апостолъ къ Коринѳ. зач. 149 и Евангеліе отъ Іоанна зач. 43, тѣ самые, которые у католиковъ полагаются in solimnitate corporis Christi. Подобно сему въ праздникъ имени Іисусова читаются Апостолъ Филип. зач. 240 и Евангеліе Луки зач. 6-е, тѣ же, которые читаются у католиковъ въ праздникъ Sanctissimi Nominis Iesu Christi, (во вторую недѣлю по Богоявленію). Въ нѣкоторыхъ уніатскихъ служебникахъ особенно временъ Кишки и Шептицкаго служба „о пресвятомъ Духу" отличается отъ службы „въ понедѣлокъ Св. Животворящаго Духа", во всемъ схожей по уставу съ службою на этотъ день, полагаемою нашею Церковію. И тогда какъ въ послѣдней помѣщаются Апостолы и Евангелія тѣ же, что и у насъ,—въ службѣ о пресвятомъ Духу стоятъ: Апостолъ изъ Дѣяній зачало 18 и Евангеліе отъ Іоанна 52", тѣ самые, которые въ латинскихъ миссалахъ читаются на общей службѣ (Missa) de Spiritu Sancto. Также точно въ нѣкоторыхъ уніатскихъ служебникахъ можно найти двѣ службы Пресвятой Троицѣ; въ одной изъ нихъ обыкновенно полагается Апостолъ Коринѳ. зачало 197 и Евангеліе Матѳ. зач. 116; въ другой Апостолъ

сти вѣнецъ трудовъ своихъ отъ Христа пріялъ еси, дарующаго намъ тобою велію милость".

Кондакъ гласъ 4.

„Небесный царь крѣпка тя предзрѣвше противу ополченіи врагъ душевныхъ борца изимаетъ тя отъ полаты царя Фердинанда и утверждаетъ въ храненіе винограда своего, отъ еретическаго душетлѣннаго разզоренія: еже вѣрно и великодушно исправляя очистилъ еси его вельми отъ тернія зловѣрія и насадилъ еси благоцвѣтущими и плодоносящими словесными си древесы, яже лѣствице къ небеси возводящею быша языкомъ, научающаго ихъ единаго въ Тройцѣ славити Бога, его же моли даровати намъ велію милость".

Прокименъ гласъ 4. Праведникъ яко финиксъ процвѣтетъ. Апостолъ Тимоѳею зач. 292. Евангеліе Луки зач. 50. Причастникъ: въ память вѣчную...

къ Римлянамъ зачало 107 и Евангеліе Іоанна—48. По снесеніи съ служебниками латинскими оказывается, что первый Апостолъ взятъ изъ общей латинской службы Пресвятой Троицѣ: missa de sancta trinitate, второй изъ службы на праздникъ Святыя Троицы: in festo sanctae trinitatis (въ субботу по Пятидесятницѣ); изъ этой же послѣдней взято первое Евангеліе; второе Евангеліе то самое, которое латиняне читаютъ въ день Пятидесятницы (in dominica pentecostes). Что касается далѣе службъ Августину Иппонійскому и въ особенности службъ католическимъ праздникамъ и святымъ, помѣщеннымъ въ Супрасльскомъ служебникѣ 1758 г., то всѣ они буквально переведены изъ миссаловъ латинскихъ. Такъ служба Іосифу та самая, что въ латинскомъ служебникѣ подъ 19 марта, in festo sancti Iöseph confessoris; служба о страсти Христовой—общая латинская служба: de passione domini nostri Iesu Christi, равно какъ служба кресту—общая латинская служба: de sancta cruce. Служба посѣщенія Пресвятой Дѣвы переведена изъ латинской службы 2 іюля—in festo visitationis beatae Mariae virginis; такимъ же образомъ служба Пресвятѣй Богородицѣ *рожанцовой* — переводъ латинскій in festo Rosarii въ первое воскресеніе октября мѣсяца, почему даже вмѣсто Апостола здѣсь полагается „отъ пѣсней Соломоновыхъ чтеніе", (гл. 2 ст. 2; гл. 4 ст. 11—13. Далѣе сборъ стиховъ изъ Притчей, Премудрости Соломоновой и др.) Евангеліе Луки зач. 34. Апостолы и Евангеліе въ день Франциска, Доминика, Антонія Падуанскаго, Лаіоллы и Непомуцека, хотя и взяты изъ латинскихъ миссаловъ, по крайнѣй мѣрѣ Апостольскія чтенія на нихъ положены изъ посланій Апостольскихъ по обычаю Церкви православной; за то въ службѣ Казиміру удержано чте-

ніе „отъ книги Іисуса Сына Сирахова“ (глава 31, ст. 8—13), совершенно по обычаю Церкви католической. Евангеліе то же, что и на Доминика—Луки зач. 66.

Какъ на особенную черту, отличающую уніатскіе служебники отъ служебниковъ православныхъ и приближающую ихъ къ латинскимъ, мы должны указать также на особенный, находящійся въ нихъ указъ о службѣ на вечерни великаго пятка. Какъ и у насъ, въ этотъ день запрещается совершать литургію „аще бы и праздникъ Благовѣщенія случился (1)“, но чтобы не отстать и отъ латинянъ, уніаты ввели обычай „сооружати“ въ этотъ день въ церквахъ такъ называемый „гробъ Христовъ (2), и въ немъ кивотъ съ божественными тайны поставляти и даже до пресвѣтлаго дня Воскресенія Христова тамо хранити“. Для этого, по указу уніатскихъ служебниковъ, священникъ въ великій четвертокъ долженъ освящать два агнца и одинъ изъ нихъ хранить до пятка. Въ великую пятницу, на вечерни, когда пѣвцы начнутъ пѣть стихиры на стиховнахъ, настоятель и сослужащіе священники и діаконы облача-

---

(1) Въ нѣкоторыхъ служебникахъ впрочемъ къ этому прилагается „развѣ аще на се будетъ благословеніе архіерейское,—и се точію въ храмѣхъ Благовѣщенія Богородицы. Сего ради прилично есть прелагати сей праздникъ на понедѣлокъ или на второкъ свѣтлый, да не будетъ празднованъ безъ литургисанія“. Совершенно по католически.—(Сравн. Марковы гл. въ нашихъ богослужебныхъ книг. на Благовѣщ. Богородицы.

(2) Образцы этого гроба можно видѣть и теперь во многихъ православныхъ храмахъ западнаго края Россіи. Тѣ, которые намъ случалось видѣть, большею частію имѣютъ видъ не большаго храма о пяти куполахъ, утверждаемыхъ на доскѣ, которая полагается на четырехъ столбахъ, опирающихся въ землю. Стѣны между столбами открыты; въ нижней части прикрѣпляется къ нимъ доска, образующая родъ стола. Теперь у православныхъ въ этомъ гробѣ полагается плащаница, а со дня Пасхи до Вознесенія Христова поставляются рѣзныя изображенія воскресшаго Спасителя, мироносицъ и ангела, имъ явившагося.

ются во всѣ священныя одежды, и на „слава и нынѣ“ совершаютъ, какъ говорится въ указѣ,“ исхожденіе изъ церкви, предыдущу единому отъ клирикъ съ крестомъ, послѣдующимъ же братіямъ со свѣщами, таже іереемъ съ плащаницею, послѣди же настоятелю подъ осѣненіемъ сирѣчь балдахиномъ кивотъ держащу со святыми дарами, двумъ діакономъ непрестанно кадящимъ я“. По возвращеніи въ церковь діаконъ ставитъ кивотъ на престолѣ, настоятель кадитъ Св. Тайны и діаконъ относитъ ихъ въ гробъ и поставляетъ на уреченномъ мѣстѣ, „яко сице всѣмъ возможно бы ихъ видѣти“. Между тѣмъ пѣвцы поютъ „нынѣ отпущаеши“. Настоятель возглашаетъ: „яко твое есть царство“, и вмѣстѣ съ другими священнослужителями начинаетъ, какъ и у насъ, тропарь: „благообразный Іосифъ“. Послѣ этого тотъ же тропарь поютъ пѣвчіе. Въ это время іереи и за тѣмъ весь народъ лобызаютъ „предположенную на тетраноде плащаницу, и бываетъ отпустъ и повечеріе по уставу“. Въ древнихъ уніатскихъ служебникахъ исхожденіе изъ церкви съ Дарами полагается не прежде „нынѣ отпущаеши“, а послѣ, при чемъ настоятель во время этой пѣсни „полагаетъ“, какъ говорится въ указѣ (1), въ двѣ кадильницы ѳиміамъ, замѣтимъ, *ничтоже глаголя*. По семъ, преклонь колѣна, единою ихъ (т. е. кадильницъ) кадитъ Св. Тайны“,—и потомъ, взявъ отъ діакона въ руки кивотъ, возглашаетъ: „яко твое есть царство“, и, начавши пѣть: „благообразный Іосифъ“, исходитъ вмѣстѣ съ народомъ изъ церкви въ порядкѣ, означенномъ выше. По возвращеніи въ церковь настоятель кадитъ предъ Тайнами и діаконъ поставляетъ ихъ

(1) См. для примѣра служеб. Шептиц. 1739 г. Почаевскій 1765 и др.

на своемъ мѣстѣ. За тѣмъ отпустъ и повечеріе, по окончаніи котораго всѣ лобызаютъ плащаницу, — „и тако состраждуще Христу распятому, отходятъ во свояси“.

Мы никогда не объяснили бы себѣ происхожденія этого обряда, еслибы за этимъ не обратились къ чинопослѣдованіямъ римской Церкви въ Великую пятницу (Feria VI in parasceve), какъ излагаются онѣ въ римскихъ служебникахъ. Извѣстно, что въ этотъ день у латинянъ совершается нѣчто, въ родѣ нашей преждеосвященной литургіи. При отправленіи этой службы въ латинскихъ миссалахъ между прочимъ полагаются слѣдующіе обряды: „подъ конецъ поклоненія кресту (1), говорится въ латинскомъ служебникѣ (2), зажигаются свѣчи, и діаконъ, взявши влагалище, въ которое вкладывается антиминсъ (bursam corporalium), распростираетъ антиминсъ по обычаю, и на немъ полагаетъ платъ, которымъ отираютъ чашу (purificatorium). По окончаніи поклоненія беретъ благоговѣйно крестъ и поставляетъ на престолѣ. Послѣ этого совершается процессія къ мѣсту, гдѣ вчера (т. е. въ четвергъ) были положены Тайны. Въ этой процессіи предшествуетъ субдіаконъ съ крестомъ между двумя аколуѳами, несущими подсвѣчники съ зажженными свѣчами, за тѣмъ клиръ по порядку и наконецъ священникъ съ министрантами. Дошедши до мѣста Тайнъ, зажигаютъ кадильницы, между тѣмъ священникъ колѣнопреклоняется и молится нѣсколько времени. Въ это время діаконъ открываетъ хранилище (capsulam), въ которомъ было сокры-

(1) Которое по обычаю Латинянъ совершается въ Великую пятницу.

(2) Заимствуемъ эти обряды изъ Антверпенскаго (въ 8 долю) missale 1614 г. стр. 233 и 234.

то тѣло Господне.... Вставши на ноги, священникъ *безъ благословенія* влагаетъ ѳиміамъ въ двѣ кадильницы и преклонившись кадитъ передъ Тайнами. Тогда діаконъ беретъ чашу съ Гостіей изъ хранилища, даетъ въ руки священнику.... и возвращаются въ порядкѣ, въ какомъ пришли (къ главному престолу), держа балдахинъ надъ Тайнами, между тѣмъ какъ два аколуѳа съ вожженными кадильницами постоянно кадятъ оныя. Когда священникъ достигнетъ престола, ставитъ на немъ чашу съ Гостіей и, колѣнопреклонившись, опять кадитъ предъ нею. За тѣмъ слѣдуетъ причащеніе по особенному уставу. Эти-то обряды уніаты заимствовали у католиковъ, и соединили ихъ съ православнымъ обычаемъ ношенія плащаницы въ Великую пятницу,—обычаемъ такъ трогательнымъ и знаменательнымъ, и въ то же время совершенно исчезающимъ у уніатовъ подъ вліяніемъ ничѣмъ не объясняемаго соединенія его съ латинскимъ перенесеніемъ тѣла Христова.

Наконецъ, дабы и по духу стать въ уровень съ латинскимъ богослуженіемъ, уніаты полагаютъ у себя, въ нѣкоторыхъ своихъ служебникахъ, подъ рубрикой: *ектеній молебныхъ*, ектенію „о вселенскомъ архіереѣ папѣ римскомъ, во время Ювилея, и когда хощеши". Въ этой ектеніи между прочимъ уніаты молятся „подати въ здравіи вселенскому архіерею (имя рекъ) папѣ римскому — мирное Церквій правленіе, разореніе же злохульныя ереси и истребленіе раздоровъ, и всякаго отступничества, злобнаго и непріязненнаго каѳолическому исповѣданію умышленія и ученія искорененія" (¹). Если бы только одна эта ектенія была въ уніатскихъ служебникахъ, — и ея одной было бы достаточно для

(¹) Служебникъ Кишки стр. 453.

того, дабы составить понятіе о томъ, что успѣлъ сдѣлать изъ уніи Римъ съ своими клевретами. Ибо надобно быть истымъ католикомъ, въ собственномъ іезуитскомъ смыслѣ этого слова, дабы такъ неразумно молиться не о соединеніи всѣхъ, какъ ежедневно молится наша Церковь православная, а объ искорененіи всякаго ученія, непрізненнаго римско-католическому исповѣданію (1). И бѣдные уніаты, молясь такимъ образомъ, сами не замѣчаютъ того, что этою своею молитвою они призываютъ карающую руку Божію не только на единовѣрную имъ нѣкогда Церковь Восточную, но и на самихъ себя, — не всегда и не во всемъ, по крайней мѣрѣ, de jure, единомысленныхъ съ Церковію римскою, какъ на это они имѣютъ неопровержимыя доказательства въ папскихъ буллахъ и другихъ памятникахъ, утверждавшихъ унію, особенно въ ея первоначальномъ видѣ (2).

Но верхъ заблужденій составляетъ въ уніатскихъ служебникахъ — литургія, на которой уніяты сосредоточили все свое латинизирующее вліяніе. — Но объ ней послѣ.

А. Хойнацкій.

---

(1) Въ своемъ канонѣ на обѣдни латиняне ежедневно молятся: „да Господь католическую церковь умиротворитъ, сохранитъ, объединитъ и удостоитъ сдѣлать правительницею цѣлаго міра (regere toto orbe terrarum) вмѣстѣ съ папою“ и т. д.

(2) И теперь уніаты по собственному сознанію, разнствуютъ съ Церковію римской „въ обхожденіи святъ, въ пощеніи, въ причастіи святымъ Тайнамъ Евхаристіи, въ священническихъ ризахъ и проч. Ибо римляне святи и пости подлучъ новоисправленнаго календаря обходятъ и на прѣсномъ хлѣбѣ Евхаристію совершаютъ и причащаются: *Грецы* же (т. е. уніаты) подлучъ древняго календаря святи и пости обходятъ, Евхаристію священнодѣйствуютъ на квасномъ хлѣбѣ и причащаются и т. д. (Народовѣщаніе стр. 259). И сколько разъ за все это римляне предавали *грековъ* анаѳемѣ!!...

РАЗБОРЪ ОСНОВАНІЙ,

на которыхъ раскольники-безпоповцы утверждаютъ свой обычай перекрещивать православныхъ при переходѣ ихъ въ расколъ.

По ученію безпоповцевъ, крещеніе, совершаемое нынѣ въ нашей православной Церкви, есть крещеніе не истинное, но еретическое, которое не очищаетъ крещающагося отъ грѣховъ, но еще болѣе оскверняетъ. Въ силу такого взгляда на православное крещеніе, безпоповцы всѣхъ, переходящихъ къ нимъ отъ Церкви, перекрещиваютъ или, какъ они выражаются, „паки крестятъ". Не безъ намѣренія сдѣлали мы это поясненіе, но чтобы показать всю важность заблужденія, въ которое впадаютъ безпоповцы, перекрещивая православныхъ, и всю несправедливость такого обычая. Въ самомъ дѣлѣ, не входя даже въ подробное изслѣдованіе предмета, изъ того уже одного, что безпоповцы, по ихъ собственнымъ словамъ, „паки крестятъ" переходящихъ къ нимъ православныхъ, видно, что они грѣшатъ и очень тяжко. Всякій знаетъ, знаютъ и сами безпоповцы, что крещеніе *едино*. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ,—читаемъ мы, читаютъ и безпоповцы въ символѣ вѣры. Что же значитъ послѣ этого „паки крестить", какъ дѣлаютъ безпоповцы съ переходящими къ нимъ въ расколъ изъ православія?

значитъ поступать противно исповѣданію вѣры, во свидѣтельство которой и совершается крещеніе, потому что, какъ извѣстно, по чину крещенія, символъ вѣры читается при самомъ его совершеніи, — значитъ т. е. говорить одно и въ тоже время дѣлать другое. Если подобное двоедушіе мало цѣнится и въ обыкновенномъ быту—въ приложеніи къ вещамъ будничной жизни, то что же сказать о людяхъ, которые позволяютъ себѣ двоедушіе въ отношеніи къ такимъ важнымъ предметамъ, каково таинство крещенія? А чтобы не подумалъ кто либо, что единое крещеніе, исповѣдуемое въ символѣ вѣры, можетъ почему-либо быть и не единымъ, другими словами: чтобы показать безпопоповцамъ, что крещеніе можетъ и должно быть одно въ строжайшемъ смыслѣ этого слова, мы представимъ еще нѣсколько основаній въ пользу этой мысли — сколько важныхъ, столько же и ясныхъ. Еще прежде замѣчали мы, что Господу угодно было назвать крещеніе инымъ рожденіемъ. *Подобаетъ вамъ родитися свыше*, сказалъ Онъ Никодиму, и въ поясненіе, какъ надобно родиться, присовокупилъ: *водою и Духомъ* (Іоан. III, 3 и 5). Рожденіе это Господь поставилъ въ совершенное сравненіе съ рожденіемъ плотскимъ, обыкновеннымъ, сказавъ здѣсь же, что *рожденное отъ плоти плоть есть: и рожденное отъ Духа духъ есть* (ст. 6). Впрочемъ мы допустили неточность, сказавъ, что рожденіе въ крещеніи водою и Духомъ — тоже, что рожденіе по плоти; нѣтъ, оно выше плотскаго рожденія, и именно—на столько, на сколько духовная природа человѣка выше тѣлесной, на сколько жизнь вѣчная превосходитъ жизнь временную: такъ какъ плотское рожденіе вводитъ человѣка только въ жизнь временную, а рожденіе духовное въ креще-

нія—въ жизнь вѣчную, какъ сказалъ объ этомъ Самъ Господь: *аминь, аминь глаголю тебѣ: аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе.* Если же, какъ всякому извѣстно, Никодимъ, князь жидовскій, не понявъ только—что приведенныхъ словъ Господа, или точнѣе: понявъ ихъ въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, не нашелъ страннымъ предложить Господу вопросъ: *како можетъ человѣкъ родитися старъ сый; еда можетъ второе внити во утробу матери своея и родитися*; то еще менѣе страненъ и еще болѣе естественъ вопросъ: ужели можно второй разъ родиться духомъ, потому что перекрещиванье должно быть признано ничѣмъ другимъ, какъ перерожденіемъ? Родиться другой разъ по плоти, какъ всякій знаетъ, нельзя; а вотъ нашлись люди, которые хотятъ сдѣлать это по духу!?

Другое свидѣтельство въ пользу крещенія *единаго* еще болѣе рѣшительное находится у Апостола Павла. *Едино тѣло*, говоритъ онъ, *единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ* (Еф. IV. 4 и 5). Всякій видитъ, въ какомъ смыслѣ, по Апостолу, крещеніе *едино*, — въ томъ же, въ какомъ смыслѣ единъ—Господь, единъ Богъ. А это значитъ, что другаго или *втораго* крещенія нѣтъ и быть не можетъ, что перекрещиватъ или „паки крестить“ уже крещеннаго значитъ впадать въ заблужденіе, почти равное, по Апостолу, многобожію. Если кому покажется страшнымъ подобное сравненіе, тотъ пусть вникнетъ въ сущность дѣла, и онъ увидитъ, что перекрещиванье дѣйствительно близко къ многобожію, хотя на первый

взглядъ оно и не представляется такъ страшнымъ. Въ чемъ состоитъ таинство крещенія? въ томъ, что вѣрующій погружается въ освященной молитвами водѣ съ произношеніемъ отъ служителя Христова словъ: *крещается рабъ Божій* такой-то *во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. При этихъ-то словахъ, какъ преданныхъ Христомъ служителямъ Его, и совершается тайна духовнаго рожденія. Такимъ образомъ во имя Трiипостаснаго Бога крещенный становится, по разуму нареченнаго на немъ имени святой Троицы, *Божіимъ*, и это право утверждается потомъ св. Мѵропомазаніемъ, *печатію дара Духа Святаго*. Теперь представимъ перекрещиванье. Человѣка крещеннаго и мѵропомазаннаго перекрещиваютъ! Спрашивается: въ какое имя? въ то ли имя Отца и Сына и Святаго Духа, которое уже наречено въ *единомъ* крещеніи, или въ иное? Говорятъ: въ тоже. Для чего же, когда крещенный уже нареченъ этимъ именемъ? Не значитъ ли это сокрушать божественную печать, и человѣка, уже нареченнаго Божіимъ, запечатлѣннаго именемъ Пресвятыя Троицы, отнимать у Бога! Въ первомъ, или лучше въ единомъ крещеніи, крещающійся говорилъ: „отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его и всея гордыни его“. Въ перекрещиваніи опять требуютъ отъ перекрещиваемыхъ того же отрицанія!? Что этимъ дѣлаютъ? страшно сказать! Отъ кого отрицаться заставляютъ теперь человѣка Божія, крещеннаго раба Божія, перешедшаго изъ области сатанины въ свободу славы чадъ Божіихъ? Чье было дѣло, что человѣкъ возродился уже *единымъ* крещеніемъ во имя святой Троицы? Не дѣло ли Святой Троицы, во имя которой и крещаемся? Отъ какого же служенія надобно отрицаться при перекрещи-

ваньи? Не отъ служенія ли Святой Троицѣ, не отъ служенія ли, предназначеннаго Святою Троицею крестившемуся, — не отъ того ли, что рабъ Божій обрекъ себя на служеніе единому истинному Богу?? Страшно произносить подобныя слова, а между тѣмъ, такъ на самомъ дѣлѣ. И грѣхъ, какой берутъ на свою душу перекрещивающіе, дѣйствительно, ужасный грѣхъ, подобный грѣху, совершенному назадъ тому восемнадцать съ половиною вѣковъ Іудеями. *Елицы во Христа крестистеся*, говоритъ апостолъ Павелъ, *во Христа облекостеся* (Гал. III, 27). *Или не разумѣете*, замѣчаетъ тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ, *яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся; спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. VI, 3 и 4). Послѣ этихъ словъ что такое будетъ перекрещиваніе, какъ не требованіе вновь смерти Сына Божія? У Апостола упоминаются люди, которые *второе распинаютъ Сына Божія себѣ* (Евр. VI, 6). По ученію святыхъ Отцевъ (¹), въ чемъ согласны и безпоповцы (²), это именно тѣ, которые крестятъ другой разъ уже крещенныхъ однажды во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Да у Апостола впрочемъ прямо замѣчено, что подъ второе распинающими Сына Божія онъ разумѣетъ *просвѣщенныхъ единою, и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго* и—не смотря на то—

(¹) „Мы исповѣдуемъ, говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Какъ однажды умеръ Господь, такъ однажды должно и креститься. Всѣ, кои, бывъ крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, снова перекрещиваются, тѣ снова распинаютъ Христа“ (Точн. излож. прав. вѣр. кн. 4, гл. 9).

(²) Отв. на вопр. л. 432. Здѣсь же указаны и свидѣтельства св. Отцевъ.

отпадшихъ. А таковы и есть переходящіе изъ православія въ расколъ и въ немъ перекрещиваемые (1).

Все это мы говорили не для того, чтобы осуждать безпоповцевъ за ихъ тяжкую вину перекрещиванія православныхъ, — *едины рекшаго*, скажемъ словами Апостола, *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь* (Евр. X. 30), — но чтобы показать, что, судя по отвѣтственности, съ какою соединено перекрещиваніе, требуется величайшая осторожность въ сужденіи о томъ, какое крещеніе — истинно, и какое ложно. Къ сожалѣнію, безпоповцы посмотрѣли на этотъ предметъ безъ надлежащаго вниманія, хотя было не мало примѣровъ глубокопоучительныхъ. Послѣ мы увидимъ, что Соборы вселенскіе не повторяли крещенія даже надъ такими еретиками, каковы: аріане, македоніане, — изъ коихъ одни не исповѣдывали Божества Сына Божія, другіе — Божества Святаго Духа; хотя тѣ и другіе знали эти божественныя имена и произносили ихъ въ крещеніи вмѣстѣ съ именемъ Бога Отца, понимая ихъ по своему. Соборы благоговѣли предъ тѣмъ однимъ, что надъ крещаемыми и по-аріански и по-македоніански произносимы были всѣ имена Пресвятой Троицы, хотя и не въ томъ полномъ понятіи, какъ учитъ исповѣдывать ихъ православная вѣра. Довольно было, — судили св. Отцы Соборовъ, — когда обращающійся къ православію дастъ письменное удостовѣреніе, что онъ будетъ разумѣть отселѣ тѣ божественныя имена по-православному. Безпоповцы не обратили вниманія на такой, стоющій вниманія, примѣръ, и, въ жару ненависти къ Церкви православной, сдѣлавшейся будто бы еретическою, стали

(1) Бес. о мним. старообр. стр. 104—112.

проповѣдывать, что крещеніе еретическое вообще всякое „нѣсть крещеніе, но паче скверненіе", и поэтому крещенныхъ еретиками, какими считаютъ и нашихъ пастырей, нужно перекрещивать при переходѣ ихъ въ старую, истинную вѣру, т. е. въ расколъ. Не хотятъ обратить вниманія безпоповцы и на то обстоятельство, что ихъ—раскольниковъ, если которые изъ нихъ обращаются къ православію, Церковь наша не перекрещиваетъ, хотя имѣла бы на это сравнительно больше права. При этомъ припоминается намъ тотъ историческій фактъ, что и въ древности, не смотря на то, что Отцы вселенскихъ Соборовъ не отвергали крещенія неправославныхъ, даже аріанъ и подобныхъ имъ, сами аріане не принимали съ крещеніемъ православной Церкви тѣхъ, кто вступалъ въ ихъ общество, а непремѣнно перекрещивали ихъ по-своему. Объясняютъ это явленіе тѣмъ, что св. Отцы, которымъ, казалось бы, по увѣренности въ своей правдѣ, можно было быть менѣе снисходительными къ еретикамъ, при разсужденіи о крещеніи судили о *крещеніи*, а еретики о *людяхъ*. Св. Отцы судили о крещеніи и когда видѣли въ немъ исповѣданіе Святой Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа; то, благоговѣя къ этому пресвятому имени, не касались крещенія, совершеннаго въ это великое имя, хотя бы оно совершено было руками и неправославныхъ. А еретикамъ нѣтъ нужды до Божества; они смѣло терзаютъ и имя Самого Бога, когда имѣютъ случай оказать чрезъ то свою вражду людямъ, для нихъ ненавистнымъ, каковы для нихъ всѣ православные. Они стараются глубже, шире рыть пропасть между собою и православными, болѣе искать преградъ къ возсоединенію съ ними — для того, чтобы отторженіе отъ свя-

той Церкви чадъ ея дѣлать разительнѣйшимъ, рѣшительнымъ и невозвратнымъ. Съ такою точно цѣлію учреждено и безпоповщинское перекрещиваніе. Это всего болѣе видно изъ тѣхъ намѣренныхъ клеветъ, какія взводятъ безпоповцы на Церковь православную при разсужденіи о необходимости „паки крестить" переходящихъ отъ нея въ расколъ. Эти клеветы мы увидимъ послѣ, а теперь обратимся къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ безпоповцы утверждаютъ свой незаконный обычай—перекрещивать православныхъ.

Принимая за несомнѣнно вѣрное положеніе, будто Церковь наша со времени П. Никона сдѣлалась еретическою, безпоповцы говорятъ, что поэтому-то всѣхъ, переходящихъ отъ нынѣшней великороссійской Церкви въ расколъ, а по мнѣнію безпоповцевъ, въ истинную вѣру, нужно перекрещивать, какъ еретиковъ: такъ какъ „еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но паче скверненіе." Въ этомъ случаѣ безпоповцы ссылаются прежде всего на соборное изложеніе патріарха Филарета Никитича, гдѣ сказано, что „еретики различныхъ еретическихъ вѣръ не имутъ праваго святаго крещенія, еже водою и духомъ святымъ, и того ради отъ всѣхъ вѣръ еретическихъ различныхъ приходящихъ къ православію христіанскаго закона подобаетъ совершенно крестити святымъ крещеніемъ" (¹). Не споримъ, что въ указанныхъ словахъ—прямая мысль та, что еретиковъ вообще, къ какой бы ереси они ни принадлежали, нужно вновь крестить, при переходѣ ихъ въ Церковь. Но, чтобы на основаніи этихъ словъ можно было перекрещивать и православныхъ, при переходѣ ихъ въ расколъ, для это-

(¹) Отв. на вопр. л. 279—282.

го нужно доказать, что чада нынѣшней русской Церкви суть дѣйствительно еретики, что расколъ безпоповщинскій есть единая, истинная церковь, и кромѣ того еще нужно оставить безъ вниманія то обстоятельство, что Соборы вселенскіе и помѣстные смотрѣли на разсматриваемый предметъ совсѣмъ иначе, повелѣвали перекрещивать обращающихся къ Церкви *не всѣхъ* еретиковъ, а только *нѣкоторыхъ*, и что слѣдовательно соборное изложеніе Филарета Никитича, заповѣдуя перекрещивать всѣхъ, *вообще еретиковъ*, противорѣчитъ правиламъ Соборовъ. Первыя двѣ мысли, т. е. будтобы нынѣшняя великороссійская церковь — церковь еретическая, а расколъ истинная, православная церковь, безпоповцы считаютъ не требующими доказательствъ, тогда какъ можно, и даже безъ особеннаго труда, доказать совершенно противное. Но оставляя рѣшеніе этого вопроса въ сторонѣ до другаго времени, мы замѣтимъ только, что и въ томъ случаѣ, еслибы мы согласились со взглядомъ безпоповцевъ на нашу Церковь, какъ еретическую, и въ тоже время признали расколъ истинною вѣрою, это еще не доказательство того, что православныхъ, при переходѣ ихъ въ расколъ, нужно перекрещивать. Соборное изложеніе П. Филарета не судья въ этомъ дѣлѣ и потому, что, разсуждая о еретикахъ, оно не имѣло въ виду сыновъ нынѣшней великороссійской Церкви, переходящихъ въ расколъ, — раскола тогда еще не было, и особенно потому, что общая его мысль о перекрещиваніи всѣхъ вообще еретиковъ — несправедлива и потому самому не обязательна, — тѣмъ болѣе, что Соборъ Московскій 1667 года отмѣнилъ это соборное изложеніе, признавъ его незаконнымъ. Безпоповцы говорятъ, что это сдѣлано несправедливо; го-

вѣрить можно все, только не все, что говорится, правда.

Что Соборъ 1667 года имѣлъ полное право отмѣнить постановленіе Собора, бывшаго при П. Филаретѣ, это выше всякаго сомнѣнія. Въ православной Церкви, какъ греческой, такъ и русской, обыкновенно бывало такъ, что одинъ Соборъ, если оказывалось нужнымъ, исправлялъ или дополнялъ другой соборъ, до него бывшій. На это указываетъ и самый Соборъ 1667 года. „Аще кто негодовати начнетъ за соборное изложеніе то, еже бысть при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ Московскомъ, ревность имѣя еже бы не разрушити его, о семъ таковый да не негодуетъ и да не сумнится, но да вѣсть, яко и во древняя времена Соборъ Собора исправляше, не негодующе о первомъ, но на лучшее Церкве смотряюще исправиша послѣди.“ Потомъ указываетъ въ примѣръ на то, что нѣкоторыя постановленія Соборовъ Неокесарійскаго и Карфагенскаго были отмѣнены Отцами 6-го вселенскаго Собора, присовокупляя: „многа ина таковая обрѣсти имать, что отъ прежнихъ убо святыхъ Соборовъ изложенная, отъ послѣднихъ безъ зазора исправленная, а не зазираху и не поношаху прежнихъ въ неисправленіи“ (1). Соборъ 1667 года тѣмъ болѣе могъ отмѣнить постановленіе Собора Филаретова, что на послѣднемъ кромѣ патріарха присутствовали только 6-ть епископовъ русской Церкви, слѣдовательно Соборъ имѣлъ характеръ малаго помѣстнаго; на Соборѣ же въ 1667 г. присутствовали 3 патріарха, 14 митрополитовъ, 8 архіепископовъ, 5 епископовъ и 56 лицъ съ саномъ священства, слѣдовательно этотъ Соборъ

(1) Дополн. къ акт. Истор. т. V. стр. 498.

имѣлъ характеръ хотя помѣстнаго, но великаго, или почти вселенскаго.

Имѣя такимъ образомъ каноническое право отмѣнить постановленіе Собора Филаретова, Соборъ 1667 года воспользовался, впрочемъ, своимъ правомъ не произвольно, а съ разсужденіемъ, по достаточномъ разсмотрѣніи самаго соборнаго изложенія, когда оказалось, что *„во ономъ соборномъ дѣяніи обрѣтаются правила правиломъ неличны, указанія же ихъ, сирѣчь приводы, лимало из правиломъ согласны.“* На нѣкоторыя изъ этихъ несообразностей въ соборномъ изложеніи П. Филарета Соборъ тогда же кратко указалъ. Теперь можно яснѣе и полнѣе выразить мысль Собора. Вотъ между прочимъ какія несообразности усматриваются въ изложеніи: латинянамъ приписываются такія ереси, какихъ у нихъ нѣтъ и не бывало. Напримѣръ, они обвиняются въ непоминовеніи умершихъ (л. 249 об.), въ томъ, что не совершаютъ таинства мvропомазанія (л. 253), боготворятъ свѣтила и планетъ движенія волхвованіемъ разсуждаютъ (л. 247 об.). Далѣе: примѣненіе латинскихъ заблужденій къ другимъ ересямъ или дѣлается совершенно неправильно, или только на основаніи видимаго, кажущагося, а не дѣйствительнаго сходства. Напримѣръ, въ изложеніи говорится, что латины наравнѣ съ жидами и армянами въ субботу постятся, между тѣмъ какъ жиды субботу празднуютъ, а не постятся, армяне же, какъ показано на л. 242, по вся субботы сыръ и яица ядятъ, слѣдовательно не постятся же. Или: въ запрещеніи латинскомъ жениться священникамъ изложеніе видитъ монтанистское разореніе брака (л. 243), тогда какъ извѣстно, что латиняне запрещаютъ своимъ священникамъ бракъ не потому, что считаютъ его гнуснымъ, а

изъ желанія возвысить дѣвствомъ священный санъ до ангелоподобія ([1]). Нашедши случайное сходство латинства съ какою либо ересію, соборное изложеніе несправедливо дѣлаетъ заключеніе, что и всѣ прочія ученія этой ереси содержатъ латины. Такъ уподобивъ латинъ въ нѣкоторомъ только отношеніи евноміанамъ, соборное изложеніе прибавляетъ: *и такие во всемъ, якоже евноміане еретичествуютъ* (л. 249). Изъ числа поименованныхъ въ изложеніи еретиковъ повелѣвается крестить только манихеевъ, монтанистовъ, маркіонитовъ, павликіанъ съ ихъ отраслями ([2]); за отступленія отъ Церкви другихъ еретиковъ соборными правилами, представленными въ изложеніи, повелѣвается только отлучать отъ Церкви, или извергать изъ священнаго сана, а изверженныхъ и отлученныхъ, какъ извѣстно, принимали въ Церковь не всѣхъ посредствомъ крещенія, а иныхъ чрезъ мѵропомазаніе, другихъ чрезъ покаяніе. Соборное же изложеніе узаконяетъ принимать, вопреки правиламъ вселенской Церкви, посредствомъ крещенія *всѣхъ* отъ разныхъ еретическихъ сектъ обращающихся въ православіе. А послѣ этого не вполнѣ ли справедливъ отзывъ Собора 1667 года объ изложеніи, что въ немъ „обрѣтаются правила правиломъ не сличны, указанія же ихъ, сирѣчь приводы, ни мало къ правиломъ согласны“? А нашедши соборное изложеніе такимъ, не долженъ ли былъ великій Соборъ совершенно отмѣнить его, какъ несообразное съ правилами вселенской Церкви? И раскольники напрасно жалуются на несправедливость этого отмѣненія ([3]); еще болѣе несправедливо

([1]) См. въ разговор. Панаг. съ Азим. л. 233 об.

([2]) Кн. Кириллов. л. 243, 251 об.

([3]) Подробнѣе объ этомъ см. въ сочин. „о такъ называемой Кирилло-

поступаютъ они, когда незаконный обычай свой — перекрещивать православныхъ — стараются подтвердить вышеприведенными словами изложенія, — словами, прямо противорѣчащими правиламъ Соборовъ вселенскихъ.

Желая доказать, что П. Филаретъ поступилъ справедливо, опредѣливъ перекрещивать всѣхъ вообще еретиковъ, обращающихся къ св. Церкви, безпоповцы ссылаются еще на 46 и 47 Апостольскія правила (¹). Посмотримъ, что говорятъ эти правила: „Крещеніе и жертву еретическую пріемъ святитель, не священъ“, гласитъ 46 правило. „Второе крещаяй крещеннаго истиннымъ крещеніемъ и не покрещеваяй оскверненнаго отъ зловѣрныхъ, таковый святитель не освященъ“, говорится въ 47 правилѣ (²). Нельзя не сознаться, что и въ этихъ правилахъ прямо, безъ всякаго ограниченія, высказывается мысль, что еретическое крещеніе не истинно и что крещенныхъ еретиками нужно перекрещивать. Но нужно взять во вниманіе то обстоятельство, противъ какихъ собственно еретиковъ направлены эти правила. Каждому извѣстно, какіе еретики существовали при Апостолахъ. Симонъ, Менандръ, Керинѳъ, Евіонъ и др., вотъ какихъ еретиковъ указываетъ намъ исторія въ вѣкъ апостольскій. А если такъ, то не удивительно, что Апостолы вопросъ о пріемѣ еретиковъ въ Церковь

вой книгѣ», А. Лилова. Казань. стр. 203—9, а также въ „Трудахъ кіевской дух. академіи“, 1864 г. іюль, стр. 356—362.

(¹) Отв. на вопр. л. 156 об. и 157.

(²) Имѣя въ виду вразумленіе раскольниковъ, которые вѣрятъ только старымъ книгамъ, мы будемъ приводить церковныя правила преимущественно по славянской Кормчей 1653 г., особенно уважаемой раскольниками, и только въ томъ случаѣ, когда потребуется болѣе правильное чтеніе какого либо правила, будемъ обращаться къ книгѣ правилъ позднѣйшаго изданія.

рещали такъ, что ихъ нужно перекрещивать. Иначе они и не могли разсуждать объ этомъ предметѣ, зная съ одной стороны, каковы были еретики ихъ времени, съ другой требуя для истинности крещенія извѣстныхъ условій, которыя не соблюдались тогдашними еретиками. Какія же это условія, какихъ требовали Апостолы для истинности крещенія, или другими словами: какое крещеніе, по разуму Апостоловъ, должно быть признаваемо дѣйствительнымъ, истиннымъ, и какое — ложнымъ? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ 49 и 50 Апостольскихъ правилахъ. Вотъ что говорится въ нихъ: „аще который епископъ, или пресвитеръ, по Господню завѣщанію, не креститъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, но въ три безначальны, или въ три сыны, или въ три утѣшители крещаетъ, да будетъ изверженъ. Аще который епископъ или пресвитеръ не крещаетъ въ три погруженія единѣмъ глашеніемъ, но во едино погруженіе, въ смерть Господню даемо, да извержется таковый: не рече бо Господь въ смерть мою крестите: но шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.“ — Всякій можетъ видѣть, что, по прямому смыслу приведенныхъ правилъ, истиннымъ крещеніемъ должно быть признано то, которое совершено во имя Св. Троицы — Отца и Сына и Св. Духа, и притомъ чрезъ троекратное погруженіе крещаемаго въ воду (1). Кре-

(1) Такой взглядъ на дѣло находится и въ уважаемомъ раскольниками Б. Катихизисѣ. На вопросъ: «кій есть видъ, или видотвореніе сея тайныя», дается такой отвѣтъ: «якоже словесы своими Господь повелѣ крестити, сирѣчь, во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, вкупѣ со тремя погруженіями. Сими бо глаголы божественными и силою ихъ крещеніе кончается и совершено бываетъ. Аще и прочая глаголы, при крещеніи глаголемія отъ священника, въ благолѣпное украшеніе и наказаніе бываютъ, сія же три въ видотвореніе и содѣяніе крещенія суть, да сими всездравственно и благосовершенно крещеніе бываетъ» (л. 364 об. и 365).

щеніе же, совершенное не во имя Св. Троицы и не чрезъ троекратное погруженіе, но какъ либо иначе, или во имя трехъ отцевъ (безначальныхъ), или во имя трехъ сыновъ, или во имя трехъ утѣшителей, хотя бы и чрезъ троекратное погруженіе, или наконецъ—въ память смерти Христовой и чрезъ одно погруженіе, такое крещеніе, хотя бы оно совершено было православнымъ святителемъ, „зловѣрно есть", т. е. неправильно, неистинно. Послѣднее замѣчаніе, т. е. что крещеніе, совершенное не по Господню завѣщанію, хотя бы и православнымъ священникомъ, не истинно, даетъ справедливое основаніе думать, что наоборотъ крещеніе, совершенное хотя бы и еретическимъ священникомъ, но только по Господню завѣщанію, т. е. во имя Отца и Сына и Св. Духа — съ троекратнымъ погруженіемъ крещаемаго въ водѣ,—истинно, правильно, дѣйствительно. А что такъ именно нужно понимать 49 и 50 Апостольскія правила, лучшимъ доказательствомъ этого служатъ правила Соборовъ вселенскихъ, которые такъ именно и поступали съ крещенными отъ еретиковъ, т. е. крещенныхъ во имя Св. Троицы и чрезъ троекратное погруженіе они принимали въ Церковь безъ повторенія крещенія, очевидно, признавая правильнымъ первое, крещенныхъ же иначе перекрещивали, при переходѣ ихъ въ Церковь. Такъ поступать опредѣлилъ напр. 2-й вселенскій Соборъ 7 и 8 своими правилами. Вотъ какъ читаются эти правила. „Четыринадесятницы, иже и срединицы глаголются, и аріане, и наватіане, и македоніане, и саватіане, и аполинарите, писаніе вдавше, пріятни, помазующе токмо вся чувства. Иже единѣмъ погруженіемъ крещающеся, евноміане, и савеліане и фруги, яко еллини пріяти будутъ", т. е. чрезъ креще-

ніе, какъ объясняетъ это толкованіе 8 правила. Такимъ образомъ, по силѣ этихъ правилъ, равно и приведенныхъ прежде 49 и 50 правилъ Апостольскихъ, при вопросѣ о дѣйствительности или истинности крещенія православіе или еретичество лицъ, совершающихъ крещеніе,—вещь второстепенная. Все дѣло въ томъ, какъ т. е. правильно ли совершено крещеніе, а то, кѣмъ оно совершено, православнымъ пастыремъ, или еретикомъ,—вопросъ второй важности, не имѣющій прямаго значенія при разсужденіи объ истинности того или другаго крещенія (1) А если такъ, то понятно теперь, почему

(1). Въ подтвержденіе нашей мысли, что крещеніе, какъ учрежденіе Божественное, не теряетъ характера таинства, когда правильно совершается и внѣ Церкви, лицемъ неправославнымъ, только не доставляетъ спасенія пріемлющему его, — ссылаемся на блаж. Августина, который говоритъ, что какъ не уничтожаются дѣйствительность и истинность таинства грѣхами совершающаго оное, такъ не уничтожаются оныя и грѣхами пріемлющаго; еретики суть тѣже грѣшники, не сохранившіе закона вѣры и заповѣдей Господнихъ, или любви, которая есть исполненіе закона; а если святость таинства не оскверняется грѣхами вообще, то она не можетъ оскверниться и грѣхомъ еретика, когда онъ совершаетъ таинство по Господню учрежденію. Если молитва грѣшнаго священника слышится Богомъ, то услышится и молитва еретика; если первый не своею заслугою, но силою таинства можетъ прощать грѣхи; то также можетъ и послѣдній (въ крещеніи). Посему крещеніе, совершенное еретикомъ по Господню учрежденію, съ призываніемъ именъ Св. Троицы, несправедливо называть aqua adulteria et profana, какъ называлъ его св. Кипріанъ,—оно есть крещеніе Христа, которое свято, а не еретика. Какъ Божественное учрежденіе, или Господня собственность, таинство крещенія—таинство возрожденія всегда, гдѣ бы ни было совершено, въ Церкви, или внѣ ея, кладетъ на человѣка неизгладимую печать или знакъ, который не можетъ быть истребленъ и не требуетъ возобновленія, подобно тому воинскому знаку, который выжигается на рукѣ римскаго воина для напоминанія ему о его обязанностяхъ, который дѣлаетъ извѣстными бѣглецовъ и подвергаетъ ихъ наказанію, и который, будучи разъ отпечатлѣнъ законнымъ ли полководцемъ или бунтовщикомъ, не измѣняется и не возобновляется у пойманнаго бѣглеца. Изъ всего этого слѣдуетъ, что крещеніе, собственность Церкви, или Господа, можетъ быть и внѣ Церкви, какъ и въ самой Церкви мо-

Апостольскія правила 46 и 47 считаютъ недѣйствительнымъ еретическое крещеніе вообще *всякое*, между тѣмъ какъ Соборы помѣстные и вселенскіе учатъ объ этомъ иначе,—однихъ изъ еретиковъ повелѣваютъ принимать въ Церковь чрезъ крещеніе, другихъ чрезъ мѵропомазаніе, а иныхъ только чрезъ отреченіе отъ ереси. Это—потому, что правила Апостольскія, какъ мы сказали, составлены были противъ еретиковъ, существовавшихъ во времена Апостоловъ; а эти еретики всѣ до одного

гутъ быть грѣшники, скрытые еретики, или собственность дьявола, и потому ошибочно противное мнѣніе св. Кипріана, т. е. что внѣ Церкви нѣтъ крещенія, что крещеніе не отдѣлимо отъ Церкви (Труд. Кiев. Дух. Акад. 1864 г. Іюль, стр. 317—318). Согласно съ мнѣніемъ блаж. Августина говорятъ въ своемъ исповѣданіи вѣры (чл. 12) и Восточные патріархи: «мы почитаемъ крайне ложнымъ и нечистымъ то ученіе, будто бы несовершенствомъ вѣры нарушается цѣлость и совершенство таинства. Ибо еретики, которыхъ принимаетъ Церковь, когда они отрекаются отъ своей ереси и присоединяются ко вселенской Церкви, получили крещеніе совершенное, хотя имѣли вѣру несовершенную. И когда они напослѣдокъ пріобрѣтаютъ вѣру совершенную, то никъ не перекрещиваютъ». Но признавая дѣйствительность крещенія, совершеннаго правильно, хотя бы и лицемъ неправославнымъ, древняя Церковь не допускала спасительности таинства для еретика, пока онъ находится внѣ Церкви. Хотя бы еретикъ, говоритъ бл. Августинъ, и былъ крещенъ крещеніемъ Церкви или крещеніемъ Господнимъ, онъ не получаетъ отъ крещенія никакой пользы для своего спасенія, пока находится внѣ Церкви; благодать крещенія остается въ немъ какъ бы связанною и связываетъ его самого, т. е. дѣлаетъ его безотвѣтнымъ преступникомъ, какъ и всякаго грѣшника, находящагося въ общеніи съ Церковію, или точно также, какъ дѣлаетъ безотвѣтными и усиливаетъ осужденіе язычниковъ познаніе ихъ объ истинномъ Богѣ,—оставаясь безплодною благодать таинства для еретика и служитъ лишь къ его погибели именно по причинѣ извращенія образа мыслей его и противленія Церкви и Господу (Труд. Кіев. дух. Акад. тамъ же стр. 318—19). Эти послѣднія мысли блаж. Августина мы привели для того, чтобы показать безпоповцамъ, что прежде, чѣмъ рѣшать вопросъ о дѣйствительности крещенія, совершаемаго въ православной Церкви, они должны разсудить о томъ, надежно ли ко спасенію ихъ собственное крещеніе, хотя и совершаемое правильно и потому признаваемое православною церковію, но внѣ союза съ Церковію.

совершали крещеніе не по Господню завѣщанію, т. е. не во имя Св. Троицы, такъ какъ и не признавали этого догмата вѣры. Извѣстно напр., что Симонъ волхвъ о тайнѣ Пресвятыя Троицы училъ въ приложеніи къ самому себѣ такимъ образомъ, что онъ—Симонъ самъ и есть безконечная сила—Богъ, — Отецъ въ Самаріи, Сынъ между іудеями, Духъ Св. между другими народами; какъ Отецъ, онъ будто бы далъ Моисею законъ на Синаѣ, какъ Сынъ, былъ видимъ во дни Тиверія, какъ Духъ Св. сошелъ послѣ на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ (1). Менандръ утверждалъ, что онъ есть Спаситель, посланный отъ верховной недовѣдомой силы, что *крещеніе въ него* дѣлаетъ людей безсмертными; Керинѳъ училъ, что отъ Іосифа и Маріи родился Іисусъ, а Христосъ сошелъ на Іисуса по крещеніи въ видѣ голубя, возвѣстилъ недовѣдомаго Отца, сотворилъ чудеса и опять отлетѣлъ предъ страданіемъ (2). Евіонеи почитали Іисуса Христа простымъ человѣкомъ (3). Само собой понятно, что при такомъ ученіи о таинствѣ Пресв. Троицы не могло быть у еретиковъ вѣка апостольскаго и рѣчи о крещеніи во имя Отца и Сына и Св. Духа; по всей вѣроятности, какъ послѣдователи Менандра крестили во имя своего учителя, который называлъ себя Спасителемъ міра, такъ и другіе указанные еретики, если хотѣли быть вѣрны себѣ, по самой сущности своей вѣры, крестили во имя своихъ лжеучителей—лжеспасителей. По свидѣтельству Бингама, всѣ вообще гностики искажали форму крещенія (4). А если такъ, то крещеніе указанныхъ

(1) Ѳеатронъ историческій л. 126. На эту книгу ссылаются сами раскольники (Пешех. отв. л. 59 об.).

(2) Iren. lib. 1, 25.

(3) Церк. Ист. Евсев. кн. III, гл. 27.

(4) Пам. Хр. древн. кн. X. стр. 359.

еретиковъ немогло быть и признано Апостолами правильнымъ, истиннымъ. Послѣ же Апостоловъ, во времена Соборовъ, стали появляться еретики, которые хотя и заблуждали въ нѣкоторыхъ догматахъ, и даже нерѣдко въ ученіи о лицахъ Св. Троицы, не смотря однакожъ на это совершали крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа, о послѣднихъ двухъ лицахъ Божества умствуя по своему. Крещеніе такихъ еретиковъ, какъ совершенное *по формѣ* правильно, Отцы Соборовъ признавали дѣйствительнымъ. А если такъ, то очевидно, что крещеніе, совершаемое нынѣ въ нашей православной Церкви, какъ совершаемое во имя Св. Троицы и чрезъ троекратное погруженіе крещаемаго въ водѣ, должно быть признано правильнымъ, истиннымъ, хотя бы даже справедливы были клеветы безпоповцевъ на нашу Церковь, какъ еретическую.

Такимъ образомъ общая мысль безпоповцевъ, будто *всякое* вообще еретическое крещеніе „нѣсть крещеніе, но паче скверненіе,“—несправедлива, и на основаніи одной этой мысли и правилъ, въ которыхъ она высказывается, перекрещивать православныхъ, при переходѣ ихъ въ расколъ, незаконно. Не ограничиваясь, поэтому только указанными правилами, безпоповцы въ доказательство справедливости своего обычая перекрещивать православныхъ ссылаются еще на другія, въ которыхъ говорится о разнаго рода еретикахъ и повелѣвается ихъ перекрещивать.

Такъ, безпоповцы указываютъ на перекрещиваніе древнею Церковію Павликіанъ (1). Дѣйствительно правила Соборовъ: I-го вселенскаго 19-е, VI-го вселенска-

(1) Отв. на вопр. л. 160 об.; Меч. дух. ч. I, пред. 3, гл. 2, л. 115 об. и 116.

го 95-е и Тимоѳей пресвитеръ (1) повелѣваютъ перекрещивать этихъ еретиковъ. Но, чтобы законно утверждать, на основаніи этихъ правилъ, что и православныхъ нужно перекрещивать, при переходѣ ихъ въ расколъ, для этого, очевидно, прежде надобно доказать, что православные суть такіе же еретики, какъ и Павликіане. Безпоповцы и доказываютъ это. Чѣмъ же? Тѣмъ, что будто бы и мы, подобно Павлу Самосатскому, 1) не исповѣдуемъ Сына Божія Богомъ, но простымъ человѣкомъ, и 2) произносимъ на Сына Божія хулы, равныя хуламъ Павла Самосатскаго (2). Первую мысль, будто бы т. е. мы не исповѣдуемъ Сына Божія Богомъ, но простымъ человѣкомъ, безпоповцы доказываютъ тѣмъ, что а) въ нашей библіи и въ другихъ книгахъ находится такое стихораздѣленіе словъ евангельскихъ: *и область даде ему и судъ творити, яко сынъ человѣчь есть. Не дивитеся сему: яко грядетъ часъ*.... (Іоан. V, 27), между тѣмъ какъ нужно бы читать такъ: *и область даде Ему и судъ творити. Яко сынъ человѣчь есть, не дивитеся сему*...; б) что въ Жезлѣ Правленія напечатано: „литера *і* образуетъ Божество, а литера *и* образуетъ человѣчество, а гдѣ *Іс*, тутъ будетъ простый человѣкъ“ (3). Касательно первой клеветы мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что чтеніе 27 стиха 5 главы Евангелія Іоанна, какого требуютъ раскольники, имѣя на своей сторонѣ нѣкоторыхъ Отцевъ и учителей Церкви (Св. Златоуста, Ѳеофилакта и преп. Максима Грека), не было *единственнымъ* въ древности. Другіе Отцы и учители Церкви (Кириллъ

(1) Кормч. ч. II, л. 312—13.
(2) Объ ученіи Павла Самосатскаго см. у Евсевія: кн. 7, гл. 27 и 30.
(3) Отв. на вопр. л. 80; Пешех. отв. 31 вопр.

Александрійскій, Іеронимъ, Августинъ, Св. Григорій Двоесловъ) читали это мѣсто такъ, какъ теперь читаемъ его мы. Какому чтенію отдать послѣ этого предпочтеніе,—трудно сказать ([1]). Безъ особеннаго только труда можно видѣть, что на подобную частность раскольникамъ совѣстно было бы и указывать, когда они знаютъ и должны знать, что во 2-мъ членѣ нашего исправленнаго Символа вѣры мы читаемъ: „(вѣрую) и во Единаго Господа Іисуса Христа Сына Божія... Бога истинна отъ Бога истинна". Больно, очень больно послѣ этого читать клевету, будто мы не исповѣдуемъ Сына Божія Богомъ, но простымъ человѣкомъ,—больно не за себя, а за тѣхъ людей, которые, по невѣдѣнію, изъ за такихъ клеветъ, взводимыхъ на Церковь лицами злонамѣренными, удаляются отъ истины и гибнутъ. Что же касается словъ Жезла, приводимыхъ раскольниками, въ которыхъ имя Спасителя, написанное сокращенно (по раскольнически), названо простымъ человѣкомъ, то на это мы должны замѣтить только то, что такихъ словъ нѣтъ въ Жезлѣ, а они составлены самими безпоповцами. Опять—злонамѣренность—самая недобросовѣстная. Въ Жезлѣ же касательно разсматриваемаго предмета есть только замѣчаніе такого рода: „симъ именемъ (Іисусъ) двѣ изображаются тайны, по свидѣтельству нѣкоего мужа премудра. Чрезъ два слога первая, еже есть чрезъ *і* и *и* душа и тѣло знаменуются Божія Сына воплощенна, чрезъ третій паки слогъ треписьменный *сус* является Святая Троица. Аще убо единъ слогъ оставится, сіе таинства знаменованіе разорится. Убо весьма тресложно писати подобаетъ" ([2]).

([1]) См. объ этомъ въ „Обличеніи" Пр. Θеофилакта л. 131.

([2]) Жезл. Пр. ч. II, л. 99 об.

Вторую мысль, т. е. будто бы въ разныхъ книгахъ нашихъ произносятся хулы на Сына Божія, равныя хуламъ Павла Самосатскаго, безпоповцы доказываютъ тѣмъ, что а) въ Скрыжали, изданной п. Никономъ, напечатано объ Іисусѣ Христѣ, что онъ распятъ за нѣкое прегрѣшеніе (1); б) въ Розыскѣ *Іс* названъ равноухимъ и наконецъ в) въ Розыскѣ же двуперстіе, изображающее, по ученію раскольниковъ, Божество и человѣчество І. Христа, названо демонскимъ, а въ Обличеніи пр. Ѳеофилакта оно производится отъ чорта (2). Касательно первой мнимой хулы мы замѣтимъ, что только умъ, способный „утопать на брезѣ грамматическаго разума", можетъ видѣть въ словахъ Скрыжали хулу на Сына Божія, а всякій другой пойметъ безъ труда, что тамъ рѣчь идетъ не о Христѣ, а о всякомъ простомъ человѣкѣ, который имѣетъ быть распятымъ за какое либо преступленіе (3). Притомъ развѣ неизвѣстно безпоповцамъ, что въ Сѵмволѣ вѣры мы читаемъ: вѣрую... въ Сына Божія... распятаго за ны, т. е. за наши грѣхи? Или развѣ не знаютъ безпоповцы, что въ нашихъ библіяхъ тѣ мѣста, гдѣ говорится объ Іисусѣ Христѣ, что Онъ *грѣха не сотворилъ* и под., существуютъ безъ всякой перемѣны?? Что же касается другихъ указаній безпоповцевъ на мнимыя хулы нашей Церкви относительно имени Спасителя и двуперстія,—то это ошибки частныхъ лицъ, которыя несправедливо ставить въ вину всей Церкви, хотя нельзя не пожалѣть, что эти ошибки, положимъ, вызванныя самими же раскольниками,

(1) Отв. на вопр. л. 67 об.

(2) Отв. на вопр. л. 80; Пешех. отв. и вопр. 32—35.

(3) Подробнѣе см. въ Жезлѣ ч. І. л. 23.

допущены, и притомъ лицами, уважаемыми по справедливости. Нельзя еще не замѣтить и того, что имени *Іс* дано св. Димитріемъ Ростовскимъ значеніе *равноухаго* безъ отношенія къ лицу Спасителя: Святитель только перевелъ съ греческаго неправильное имя: Ἰσους, желая показать этимъ, что писать имя Спасителя такъ, какъ хотятъ раскольники, нельзя, потому что тогда не будетъ въ немъ смысла, или лучше: будетъ смыслъ, оскорбительный для Господа. Равнымъ образомъ и пр. Ѳеофилактъ, сказавъ, что двуперстіе, можетъ быть, произошло отъ какого либо чорта, не имѣлъ въ этомъ случаѣ въ виду значенія двуперстія, изображающаго, по ученію раскольниковъ, Божество и человѣчество Іисуса Христа, потому что пр. Ѳеофилактъ не признавалъ двуперстія правильнымъ перстосложеніемъ,—не признавалъ поэтому и того значенія, какое приписываютъ двуперстію раскольники; онъ разсуждалъ собственно о перстахъ, и видѣть поэтому въ словахъ его хулу на Сына Божія можетъ только раскольникъ, усвоившій себѣ извѣстный взглядъ на свое двуперстіе.

Впрочемъ согласимся на время, что все, что ни говорятъ безпоповцы относительно сходства нашего ученія съ ученіемъ Павликіанъ, справедливо; слѣдуетъ ли изъ этого, что насъ—православныхъ нужно перекрещивать, какъ перекрещивали въ древности Павликіанъ? Нимало. Сходства въ нѣкоторыхъ только пунктахъ ученія въ этомъ случаѣ недостаточно, а нужно еще обратить вниманіе на то, какъ исповѣдывали Павликіане догматъ о Святой Троицѣ, имѣющій главное значеніе въ вопросѣ о крещеніи, и какъ исповѣдуется онъ у насъ. Касательно Павликіанскаго ученія о Троицѣ мы находимъ свидѣтельство у препод. Іосифа Волоколам-

скаго такого рода: „еретицы не едино мудрствують, но овъ убо тако, овъ же инако. Павликіане убо и монтанисты... и иніи таковіи, сіи убо не вѣруютъ во Святую единосущную Троицу, Господа нашего Іисуса Христа Богомъ не нарицаютъ, и плотскаго смотрѣнія Его не пріемлютъ, но овіи убо пророка нарицаютъ, овіи же проста человѣка" (1). Не вѣруя же во Святую Троицу, Павликіане, очевидно, и не могли совершать крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа, какъ заповѣдалъ совершать его Спаситель и какъ требуютъ этого правила Апостольскія. А послѣ этого понятно, почему крещеніе Павликіанское не признавалось истиннымъ; — потому, что оно совершалось не во имя Святой Троицы (2), а такое крещеніе, по правиламъ св. Апостолъ, зловѣрно, и лицъ, получившихъ такое крещеніе, нужно снова крестить, при переходѣ ихъ въ православіе. Нельзя сказать того же самаго о православныхъ. Догматъ Святыя Троицы исповѣдуется нашею Церковію правильно и крещеніе совершается надъ православными во имя трехъ лицъ: Отца и Сына и Святаго Духа. А такое крещеніе, по тѣмъ же Апостольскимъ правиламъ, правильно, законно.

Далѣе—безпоповцы указываютъ на перекрещиваніе древнею Церковію Монтанистовъ (3). Правда по 8 правилу II вселенскаго Собора (Фруги или вѣрнѣе: Фриги — отъ Фригіи, гдѣ Монтанисты особенно распространились), по 8 правилу Лаодикійскаго Собора, по 95 правилу VI вселенскаго Собора, по толкованію на 1 правило св. Василія

(1) Просвѣтит. слов. 15; снес. Epiphan. haer. 65; Augustin. Haer. 44; Опытъ курса Церк. законов. арх. Іоанна т. I стр. 319.

(2) Өеатронъ Историч. л. 161; Пешех. отв. 30, л. 59 об; опытъ Церковн. законов. т. I. стр. 320.

(3) Отв. на вопр. л. 161; меч. дух. л. 100 об. и 121.

Великаго и по словамъ Тимоѳея пресвитера (1), Монтанистовъ перекрещивали. Но могутъ ли доказать безпоповцы, что мы—православные—тоже, что древніе Монтанисты? Раскольники доказываютъ это тѣмъ, что и мы будто бы, подобно Монтанистамъ и другимъ еретикамъ, *сливаемъ* божественныя упостаси или лица Святыя Троицы (2). Это, говорятъ безпоповцы, видно 1) изъ того, что Церковь великороссійская, содержа четвероконечный крестъ, исповѣдуетъ въ немъ трисоставную Троицу—такимъ образомъ: прямымъ деревомъ знаменуетъ Отца, косвеннымъ—Сына и Святаго Духа; и въ этомъ случаѣ безпоповцы ссылаются на Скрыжаль Никона, гдѣ дѣйствительно есть такое толкованіе. „Такое мудрованіе, продолжаютъ безпоповцы, согдашается монтаніанскому о Святой Троицѣ сліянію, потому что въ немъ (толкованіи) Сынъ и Святый Духъ означаются *однимъ и тѣмъ же* деревомъ“ (3). 2) Другой образчикъ монтаніанскаго сліянія лицъ Пресвятыя Троицы въ нашей Церкви безпоповцы указываютъ въ томъ, что въ такъ называемомъ Ѳеогностовомъ требникѣ (4) сказано, что тремя первыми перстами правой руки, которыми творится крестное знаменіе, изображается несмѣсно и *нераздѣльно* единица въ Троицѣ, когда персты не соединены, и *Троица въ единицѣ*, когда они соединены въ одно. 3) Далѣе, по словамъ безпоповцевъ, наша Церковь сливаетъ лица Святыя Троицы—тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ возгласахъ, обращенныхъ къ одному лицу Сына Божія,

(1) Кормч. ч. II, л. 313.

(2) Объ ученіи Монтанистовъ см. въ Кормчей въ толкованіи на 1 правило св. Василія Великаго ч. I, л. 224 об.

(3) Отв. на вопр. л. 71.

(4) Отрывки изъ него напечатаны въ Пращицѣ Питирима.

оканчиваетъ молитву обращеніемъ ко всѣмъ тремъ лицамъ Пресвятыя Троицы, напр. такъ: Господи Іисусе Христе Сыне Бога живаго... И тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу. И хотя безпоповцы сознаются, что подобные возгласы существовали и въ древней нашей Церкви, напр. во времена преподобнаго Діонисія, Троицкаго архимандрита, какъ извѣстно, не одобрявшаго ихъ; тѣмъ не менѣе, считая древнюю Церковь чуждою всякой „новинни и зазору", нынѣшнюю Церковь за эти самые возгласы называютъ заразившеюся монтанизмомъ,—послѣдовательность, заслуживающая вниманія. 4) Наконецъ наша Церковь, по словамъ безпоповцевъ, очевидно, сливаетъ божественныя ѵпостаси, подобно Монтанистамъ и другимъ еретикамъ, когда напр. на утрени въ 8 пѣсни говоритъ: благословимъ Отца, Сына... а не Отца *и* Сына, или на вечерни въ пѣсни: Свѣте тихій... поетъ также: Отца, Сына, а не: *и* Сына (1). Это, какъ извѣстно, давняя ложь, высказанная еще Лазаремъ и тогда же обличенная въ Жезлѣ Правленія (2). Останавливаться на разборѣ всѣхъ этихъ клеветъ мы не будемъ. Укажемъ только опять на сѵмволъ вѣры, содержимый нашею Церковію,—а по этому образцу вѣры и нужно главнымъ образомъ судить о православіи, или неправославіи той или другой Церкви,—въ которомъ раздѣльно исповѣдуются всѣ три лица Святыя Троицы: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, и каждому лицу усвояются и божественныя имена, и божественныя свойства, какъ общія, такъ и ѵпостасныя.

Но безпоповцы не ограничиваются только указанными клеветами на нашу Церковь, заразившуюся будтобы

(1) Отв. на вопр. л. 71 об. и 72.

(2) Жезл. Пр. ч. II, облич. 10.

монтанизмомъ. Они еще находятъ сходство между нами и Монтанистами въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія, и именно: Монтанисты, по словамъ Кормчей и по свидѣтельству исторіи, крестилисъ не во имя Божіе, но въ начальника своего—Монтана. Точно также поступаетъ, говорятъ безпоповцы, и Церковь великороссійская. Какимъ образомъ? Очень просто. По соборному изложенію патріарха Филарета, латинскіе священники, произносящіе при крещеніи вмѣсто: крещается рабъ... азъ крещаю тя „творятся чрезъ это Богомъ, а Божія имени не вмѣняютъ. Такое развращенное призываніе, по словамъ безпоповцевъ, подобно монтанскому крещенію, которые крестятъ во имя Монтана“ (¹). Никонъ же патріархъ въ Скрыжали, изданной имъ, имѣлъ неосторожность сказать, что форма словъ, произносимыхъ при крещеніи, какъ та, которую употребляютъ римляне, такъ и употребляющаяся у насъ, одинаково дѣйственны. На этомъ основаній, не смотря даже на то, что у насъ произносятся совершительныя слова крещенія такъ, какъ желаютъ того раскольники (и они признаютъ это), безпоповцы уподобляютъ насъ Монтанистамъ. Много ли правды и въ этомъ обвиненіи, можетъ видѣть всякій.

Но все это—частности, а главный вопросъ въ томъ, можно ли по правиламъ церковнымъ перекрещивать православныхъ, при переходѣ ихъ въ расколъ, если бы даже они—православные—въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія своего дѣйствительно сходились съ древними Монтанистами, которыхъ перекрещивали, при обращеніи ихъ къ Церкви? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть отрицательный. Монтанистовъ перекрещивали потому, что

(¹) Отв. на вопр. л. 72 об.

они, смѣшивая три лица Святыя Троицы въ одно (1); и крестили, вопреки Господню завѣщанію и Апостольскимъ правиламъ, не во имя: Отца и Сына и Святаго Духа, но во имя Монтана, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Кормчая (2), Просвѣтитель преп. Іосифа Волоколамскаго (3) и Ѳеатронъ историческій (4),—книги, уважаемыя раскольниками, и притомъ, какъ и естественно ожидать, крестили не въ три погруженія, а въ одно, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ таже Кормчая (5). Между тѣмъ православные крещаются и во имя Святыя Троицы, и въ три погруженія. А такое крещеніе, по правиламъ церковнымъ, дѣйствительно, истинно, хотябы оно совершено было даже еретическимъ священникомъ.

Указываютъ еще безпоповцы на перекрещиваніе древнею Церковію Фотиніанъ (6). Правда, въ толкованіи на 7-е правило Лаодикійскаго Собора (по славянской Кормчей) говорится, что „фотиніане святаго и спасеннаго крещенія требуютъ, рекше, да крестятся" (7). Но толкователь, опредѣляя перекрещивать Фотиніанъ, противорѣчитъ и прямымъ словамъ правила и обычаю древней Церкви, въ которой крещеніе не повторялось надъ Фотиніанами—потому, что, хотя они были и злые еретики, повреждавшіе основный догматъ христіанской вѣры о Божествѣ Сына Божія (8), но совершали креще-

(1) Толков. на 1 прав. св. Василія Великаго Кормч. л. 224 об.
(2) Кормч. ч. I, л. 224.
(3) Слов. 15.
(4) Л. 143 об., снес. опыт. церк. закон. т. I, стр. 430 и 513.
(5) 8-е прав. II всел. Собора, снес. 95 прав. VI всел. Собор. Кормч. л. 205 об. и Тим. пресв. Кормч. ч. II, л. 313.
(6) Отв. на вопр. л. 161 об.; Пешех. отв. л. 251.
(7) Кормч. л. 73.
(8) Epiphan. haer. 71.

ніе правильно по формѣ, т. е. въ три погруженія и во имя Святыя Троицы (1).

Безпоповцы указываютъ еще на перекрещиваніе древнею Церковію Манихеевъ (2) и въ этомъ примѣрѣ думаютъ найти опору для своего обычая перекрещивать православныхъ. Но тщетно. Правда, по правиламъ соборнымъ (3), Манихеевъ нужно перекрещивать. Но развѣ есть какое либо сходство въ ученіи нашемъ съ ученіемъ манихейскимъ? Есть, отвѣчаютъ безпоповцы, и даже большое. Манихеи, по словамъ безпоповцевъ, „солнце и луну боги творятъ“ (4). Такъ „и въ россіянехъ подобно симъ исполняется: яко настоящаго сего вѣка любомудрецовъ новоизданные ихъ календари повсюду въ Велицѣй Россіи обрѣтаются, въ нихъ же по планитомъ мудрствуется о предбудущихъ лѣтѣхъ и временѣхъ, что и каковое збытіе хощетъ быти, благополучіе, или неблагополучіе. Вся же сія по планитомъ мудрствующе мнятся познавать и сему вѣровати не стыдятся. И сицевое ихъ по планитомъ новомудрствованное вѣроятіе согласно манихеяномъ“ (5). Такимъ образомъ не одни литераторы возстаютъ противъ ученаго сословія академиковъ, занимающихся составленіемъ календарей, иногда не вполнѣ удачнымъ, но и безпоповцы. Больше на это малосмысліе раскольниковъ мы ничего и не скажемъ. „Но въ велицѣй Россіи, продолжаютъ безпоповцы, отыскивая сходство между нами и Манихеями, не точію что внѣ Церкви по планитомъ мудр-

(1) Опыт. церк. закон. т. I, стр. 431.

(2) Меч. дух. л. 123.

(3) 95 прав. VI всел. соб., толк. на 1 прав. св. Василія В., Тим. Пресв. Корм. ч. II, л. 313.

(4) Такъ сказано объ нихъ и въ Кормчей л. 224 об.

(5) Отв. на вопр. л. 77.

свуется и вѣруется, но и внутрь Церкве, въ самѣхъ дѣйствахъ церковныхъ согласное сему, сирѣчь, господственное звѣздъ является предпочитаніе, якоже самое глаголемыхъ молитвъ іерейскихъ заключаемое разумѣніе достовѣрство показуетъ", именно: „въ требникѣ—въ чинѣ крещенія, въ молитвѣ: велій еси Господи... вмѣсто: тебѣ молятся звѣзды—написано и глаголется: Тебѣ присутствуютъ звѣзды, а въ первыхъ выходахъ (требника) написано: тебѣ собесѣдуютъ звѣзды. И обоя сія реченія богопротивна". Такимъ выраженіемъ, по мнѣнію безпоповцевъ, „звѣздное почтеніе и обоженіе быти является. Понеже бо аще собесѣдовати и присутствовати звѣсдамъ Богови, то убо господственное звѣздъ является". Старая пѣсня, слышавшаяся еще изъ устъ Никиты пустосвята и тогда же объясненная весьма удовлетворительно (1). „Еще же въ новоизданныхъ великихъ требникахъ въ молитвѣ подъ именемъ мученика Трифона, глаголемой на заклинаніе мушицъ, червей, гусельницъ, мышей и прочихъ вредящихъ", послѣ словъ: „заклинаю васъ Святою Троицею, таже вочеловѣченіемъ Господнимъ",—и проч. „написано сице: еще заклинаю васъ великимъ именемъ, на камени написаннымъ и не носившимъ, но разсѣдшимся аки воскъ отъ лица огня... И таковое молитвословіе богопротивно есть, показуется нѣкоей твари кромѣ Божества тріѵпостаснаго обоженіе". Такое выраженіе, по мнѣнію безпоповцевъ, „согосподственно быти является афродитѣ звѣздѣ" и есть манихейство (2). И эта клевета также довольно удовлетворительно опровергнута въ книгѣ: Жезлъ Правленія (3).

(1) Жезл. Прав. ч. I, л. 55.
(2) Отв. на вопр. л. 77 об.
(3) Ч. II, л. 110—115.

Такимъ образомъ всѣ обвиненія, взводимыя безпоповцами на православныхъ, будтобы впадшихъ въ манихейство, или касаются мелочей, которыми можетъ смущаться только недалекій умъ раскольника, или рѣшительно несправедливы. А послѣ этого безпоповцы несправедливо думаютъ обычай свой перекрещивать православныхъ, при переходѣ ихъ въ расколъ, защитить примѣромъ древней Церкви, перекрещивавшей Манихеевъ, при переходѣ ихъ въ православіе; тѣмъ болѣе примѣръ древней Церкви не примѣръ для безпоповцевъ, что крещеніе, совершаемое въ нашей Церкви, рѣшительно не похоже на крещеніе манихейское, а это весьма важное различіе. Манихеи, поелику не вѣровали во Святую Троицу (1), и не крестили во имя Отца и Сына и Святаго Духа—съ троекратнымъ погруженіемъ крещаемаго въ водѣ (2), а такое крещеніе, по правиламъ Апостольскимъ, не истинно. Нельзя сказать тоже о крещеніи православномъ, совершаемомъ во имя трехъ лицъ Святыя Троицы, какъ заповѣдалъ Самъ Христосъ Спаситель.

Въ подтвержденіе своего незаконнаго обычая—перекрещивать православныхъ безпоповцы указываютъ еще на перекрещиваніе древнею Церковію Маркіонитовъ (3). Дѣйствительно — толкованіе на 1 правило св. Василія Великаго, 95 правило VI вселенскаго Собора и Тимоѳей пресвитеръ (4) повелѣваютъ Маркіонитовъ перекрещи-

---

(1) Манихейская секта имѣла происхожденіе языческое и совершенно отвергала самыя основанія христіанства (Опыт. церк. закон. т. II, стр. 496); объ ученіи ея см. въ Кормчей л. 224 об.

(2) Сами раскольники не рѣшаются утверждать, что Манихеи крестились въ три погруженія (отв. на вопр. л. 229 об.).

(3) Отв. на вопр. л. 167 об.

(4) Кормч. ч. II, л. 313.

вать. Но развѣ мы—православные — тоже, что древніе еретики—Марціониты? На этотъ вопросъ безпоповцы отвѣчаютъ утвердительно—съ прибавленіемъ такого рода, что въ нынѣшней великороссійской Церкви есть ереси даже *нечестивѣйшія* маркіонитской. Маркіониты, говорятъ безпоповцы, проповѣдывали три начала въ Божествѣ и крещеніе совершали не одно, а два и три. Подобно сему и россійская Церковь, *трегубя* аллилуія съ прибавленіемъ въ *четвертый разъ* словъ: слава Тебѣ, Боже, вводитъ тѣмъ *второе* начало Божеству, проповѣдуя (?), что Духъ Св. исходитъ не только отъ Отца, но и отъ Сына. А употребляя въ другихъ случаяхъ аллилуіа до 7 и до 10 разъ, тѣмъ самымъ проповѣдуетъ *многоначаліе* въ Божествѣ, что нечестивѣе самаго маркіонитскаго триначальнаго раздѣленія. Равнымъ образомъ, подобно Маркіонитамъ, великороссійская Церковь принимаетъ не одно крещеніе, но два и три: трипогружательное, единопогружательное и поливательное (¹). О первой ереси мнимо-маркіонитской, находящейся въ нашей Церкви, т. е. о трегубой аллилуіа уже много было писано православными пастырями и —не въ пользу безпоповцевъ. Касательно же второй клеветы замѣтимъ, что дѣйствительно Церковь наша, совершая крещеніе трипогружательное, не отвергаетъ и поливательнаго, имѣя на это совершенно законныя основанія, которыя мы увидимъ ниже. Но чтобы Церковь принимала и крещеніе единопогружательное, этого не могутъ безпоповцы доказать ничѣмъ, потому что это—чистѣйшая ложь.

Другое сходство въ ученіи нашей Церкви съ ученіемъ

(¹) Отв. на вопр. л. 78 об.

Марніонитовъ состоитъ, по сказанію безпоповцевъ, въ томъ, что, подобно Марніонитамъ, у насъ разрѣшаются самые тяжкіе грѣхи—безъ эпитимій (1). Въ этомъ случаѣ безпоповцы имѣютъ въ виду не столько практику нашихъ пастырей, сколько одно мѣсто регламента, гдѣ сказано: „въ древнемъ обычаѣ оную бывшую эпитимію, еже на долгое время лишати причастія Таинъ святыхъ, понеже она древле была врачество, яко показующая грѣховъ мерзость и востягающая злыя похоти, нынѣже не токмо не страшна многимъ, но и желаемая лѣнивымъ стала, тайнымъ же раскольникамъ и весьма любимая и притворнымъ грѣховъ исповѣданіемъ нарочито поискуема, отсель оставити, и оной къ тому не употребляти подобаетъ" (2). Всякій, конечно, знаетъ, что регламентъ имѣлъ въ виду по преимуществу раскольниковъ, которые иногда намѣренно взводятъ на себя тяжкіе грѣхи, чтобы чрезъ то не пріобщаться въ Церкви православной. Въ этомъ случаѣ мы не находимъ ничего сказать въ защиту указаннаго распоряженія Петра В., кромѣ того, что уже сказали однажды, именно, что оно основано на мѣстныхъ соображеніяхъ и потому, еслибы потребовали обстоятельства, не должно связывать рукъ духовнику. А такія обстоятельства могутъ быть напр. при исповѣди недавно обратившихся къ Церкви раскольниковъ, или при исповѣди лицъ, сочувствующихъ расколу, хотя и не отдѣлившихся совершенно отъ Церкви (3).

Впрочемъ, если бы даже и не безупречна была Церковь наша, или справедливѣе—нѣкоторые изъ ея пастырей—

(1) Отв. на вопр. л. 79 об.

(2) Дух. реглам. о пресвит. ст. 14; сн. Собр. зак. т. VI, № 4009 и 10.

(3) Христ. Чтен. 1863 г. Янв. стр. 51.

въ своихъ дѣйствіяхъ, во всякомъ случаѣ мало похожихъ на дѣйствія древнихъ Маркіонитовъ,—этого еще недостаточно для того, чтобы считать одинаково недѣйствительными и маркіонитское и православное крещеніе. Маркіониты, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ преп. Іосифъ Волоколамскій (1), не вѣровали во Св. Троицу и совершали крещеніе не во имя Отца и Сына и Св. Духа, какъ требуютъ того правила, чтобы крещеніе было истиннымъ, но—въ три троицы, такъ какъ допускали въ мірѣ три начала и требожіе (2); о православныхъ сказать этого нельзя; они крещаются, по заповѣди Спасителя, во имя Св. Троицы. Это-то различіе и составляетъ существенную причину, по которой православныхъ нельзя перекрещивать, подобно Маркіонитамъ, хотя бы они и не были истинно православными.

Въ древности, говорятъ еще безпоповцы, перекрещивали Евноміанъ (3). Правда 8 правило II вселенскаго Собора, 95 правило VI вселенскаго Собора и др. (4) повелѣваютъ Евноміанъ перекрещивать. Но во всѣхъ указанныхъ правилахъ высказана и причина, почему Евноміане перекрещивались, при обращеніи ихъ къ Церкви,—причина, рѣшительно не приложимая къ православнымъ. Это именно то, что Евноміане крестились „во едино погруженіе,“ и притомъ не во имя Св. Троицы (5), такъ какъ и не признавали этого догмата, но въ смерть

(1) Просвѣтит. слов. 15.

(2) Опыт. Церк. Законов. Т. II, стр. 496, примѣч.

(3) Меч. духовн. л. 117.

(4) Кормч. ч. I, л. 293 об. ч. II, л. 313.

(5) Св. Григорій Нисскій говоритъ, что Евноміане крестили такъ: „во имя Творца и Вседержителя, и не только Отца единороднаго (Сына), но и Бога.» Въ этой запутанной формѣ крещенія скрывается отрицаніе Божества Сына Божія. Gregor. Nyss. contra Eunom. lib. 2 opp. t. 2.

Христову, давая т. е. крещенію не таинственное значеніе духовнаго возрожденія, а одно нравственное значеніе спогребенія Христу ради умерщвленія въ себѣ грѣха (1). Не такъ совершается крещеніе въ Церкви православной... А послѣ этого всѣ разглагольствія безпоповцевъ о томъ, будто наша Церковь содержитъ заблужденія, подобныя евноміанскимъ, напр. подобно Евноміанамъ, которые „вмѣсто крещенія воду возливаютъ на главы своя до пояса“ (2), и у насъ считается одинаково действительнымъ крещеніе и погружательное и обливательное,—какъ Евноміане, не имѣя храмовъ, совершали молитвы въ тайныхъ мѣстахъ, такъ и у насъ позволяется Церковію совершать даже литургію въ неосвященномъ мѣстѣ, только на освященномъ антиминсѣ, и проч.,—всѣ подобныя разглагольствія безпоповцевъ ничего не говорятъ въ пользу той мысли, ради которой онѣ придуманы, т. е. будто бы православныхъ нужно перекрещивать также, какъ въ древности перекрещивали Евноміанъ.

По той же причинѣ, по которой перекрещивали въ древней Церкви Евноміанъ, перекрещивались и Савелліане, т. е. потому, что они, не вѣруя во Св. Троицу, или точнѣе: сливая лица Божества въ одну ѵпостась, крестили не во имя трехъ лицъ: Отца и Сына и Св. Духа, какъ заповѣдано правилами, но „единымъ погруженіемъ“—съ призываніемъ одного имени Божія. На эту причину указываютъ тѣ самыя правила, которыя повелѣваютъ перекрещивать Савелліанъ. Такъ 8 правило II вселенскаго Собора говоритъ: „иже единѣмъ по-

(1) Опыт. Церк. законов. т. I, стр. 512.

(2) А въ Кормчей въ 8-мъ правилѣ II-го всел. Собора прямо сказано, что Евноміане *погружаются* при крещеніи, только единожды.

груженіемъ крещающеся, евноміане, савелліане и фруги, яко еллини пріяти будутъ" (1). А если такъ, то, очевидно, примѣръ древней Церкви, перекрещивавшей Савелліанъ, опять не примѣръ для безпоповцевъ (2), перекрещивающихъ православныхъ, крещаемыхъ въ три погруженія—во имя Отца и Сына и Св. Духа, не примѣръ даже и въ томъ случаѣ, еслибы Церковь наша дѣйствительно заражена была савелліанизмомъ, какъ напрасно стараются доказать это безпоповцы (3).

Изъ сказаннаго доселѣ уже можно видѣть, что главнымъ основаніемъ, по которому примѣры древней Церкви, перекрещивавшей *нѣкоторыхъ* еретиковъ, не могутъ служить въ оправданіе безпоповщинскаго обычая—перекрещивать православныхъ, мы выставляли то, что еретики, которые, по правиламъ древней Церкви, перекрещивались, не были крещены въ ереси во имя трехъ лицъ Пресвятой Троицы и чрезъ троекратное погруженіе въ водѣ, какъ требуютъ того каноны, чтобы крещеніе было правильнымъ, между тѣмъ какъ православные крещаются и во имя Отца и Сына и Св. Духа, и въ три погруженія. Безпоповцы, желая отстоять свое заблужденіе, говорятъ, что подобное основаніе, указанное нами, ложно и, чтобы доказать это фактически, утверждаютъ, что древняя Церковь перекрещивала и такихъ еретиковъ, которые были крещены во имя Св. Троицы (4). Въ этомъ случаѣ безпоповцы прежде всего ссылаются на Соборы африканскіе, бывшіе подъ пред-

(1) Снес. 95 прав. VI всел. Собора, — Тимоѳ. пресвит. (Кормч. ч. II, л. 313) и Іосиф. Волоколамск (слов. 15).

(2) Меч. дух. л. 123.

(3) Клеветы тѣже, какія приводятъ безпоповцы при обличеніи нашей Церкви въ монтанизмѣ.

(4) Пешехонов. отв. л. 210.

сѣдательствомъ Агрипина и св. Кипріана, которыми было постановлено крестить всѣхъ вообще еретиковъ безъ отношенія къ тому, какъ они были крещены въ ереси ([1]). Мы не считаемъ себя обязанными входить въ особенныя подробности при разсмотрѣніи этого предмета. Споры о принятіи въ Церковь еретиковъ, продолжавшіеся не мало времени, составляютъ предметъ церковной исторіи. Для нашей цѣли довольно будетъ сдѣлать только нѣсколько краткихъ замѣчаній. И во-первыхъ—совершенная правда, что Агрипинъ, епископъ Кареагенскій, опредѣлилъ на Соборѣ всѣхъ вообще еретиковъ принимать въ Церковь чрезъ перекрещиваніе. Но такая же правда и то, что, скажемъ словами Баронія, „папы со иными епископы, древній обычай и апостольское преданіе вѣдяще, сему противустаху и показоваху, яко то не бѣ исправленіе, но поврежденіе истины и обычая отъ Апостоловъ преданнаго." Да и самъ Агрипинъ, по свидѣтельству Баронія, сознавалъ, что онъ поступалъ въ этомъ случаѣ вопреки церковному обычаю ([2]). Во вторыхъ: и св. Кипріанъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ же Бароній ([3]), вызванъ былъ на такую рѣшительную мѣру въ отношеніи къ еретикамъ больше случайною несправедливостію еретиковъ, чѣмъ сознаніемъ безусловной справедливости своего опредѣленія. Современные ему еретики—Катафраги или Монтанисты, ослѣпленные ненавистію къ Церкви православной, всѣхъ, переходившихъ къ нимъ изъ пра-

([1]) Отв. на вопр. л. 158 и 182 об.; Меч. дух. л. 153 об.; Пешех. отв. л. 251.

([2]) Барон. въ слав. перев. 1719 г. ч. 1, л. 134, подъ 217 год.

([3]) И за это раскольники, ссылающіеся на Баронія в. часто, поносять его безпощадно (Отв. на вопр. л. 201).

вославія, опредѣлили перекрещивать. Справедливо огорченный такимъ неразуміемъ Монтанистовъ, св. Кипріанъ и самъ постановилъ перекрещивать *всѣхъ* вообще еретиковъ, слѣдуя при этомъ больше примѣру своего предшественника Агрипина, чѣмъ прежней практикѣ всей Церкви. И хотя, по замѣчанію Баронія, многіе изъ епископовъ африканскихъ согласились съ св. Кипріаномъ въ рѣшеніи вопроса о принятіи въ Церковь всѣхъ вообще еретиковъ чрезъ крещеніе, но были и такіе, которые, по свидѣтельству Августина (1), не одобряли постановленія Кипріанова; особенно же возставалъ противъ опредѣленія Кипріанова епископъ Римскій, Стефанъ, преемникъ его Сикстъ и Діонисій, епископъ Александрійскій (2). Притомъ, по свидѣтельству Іеронима (3) и по свидѣтельству Баронія, основанному на письмѣ Діонисія Александрійскаго, помѣщенномъ у Евсевія (4), даже тѣ епископы, которые опредѣлили вмѣстѣ съ Кипріаномъ перекрещивать всѣхъ вообще еретиковъ, послѣ сознали неправоту своего опредѣленія и согласились съ прежде существовавшимъ обычаемъ — однихъ еретиковъ перекрещивать, при переходѣ ихъ въ Церковь, а другихъ принимать безъ перекрещиванія. Бароній думаетъ даже, что самъ Кипріанъ понялъ въ послѣдствіи свою ошибку и раскаялся въ ней, только, по причинѣ скоро послѣдовавшей за тѣмъ мученической кончины, не успѣлъ засвидѣтельствовать объ этомъ въ какомъ либо сочиненіи (5). Наконецъ, и что всего важнѣе, Агрипинъ и св. Кипріанъ жили прежде II

(1) О крещ. против. донатист. кн. 2, гл. 4.

(2) Церк. ист. Евсев. кн. 7, гл. III и IX.

(3) Dialog advers. Lucifer, Oper. Hieronym. t. IV, p. 303 ed. 1703 an. Paris.

(4) Кн. 7, гл. 5, по издан. 1858 г.

(5) Барон. ч. 1, л. 160—1, подъ 258—9 годами.

вселенскаго Собора. Ихъ правила слѣдовательно были разсмотрѣны на этомъ Соборѣ и — однакоже Соборъ—цѣлый Соборъ архипастырей не призналъ ихъ справедливыми, потому что, вопреки постановленіямъ указанныхъ учетелей Церкви—перекрещивать всѣхъ вообще еретиковъ, Соборъ опредѣлилъ однихъ принимать чрезъ крещеніе, другихъ чрезъ мѵропомазаніе. Не думаемъ, чтобы безпоповцы стали доказывать, что рѣшенію Соборовъ Агрипина и Кипріана нужно слѣдовать больше, чѣмъ опредѣленію Собора вселенскаго.

Далѣе—безпоповцы указываютъ на 1 правило св. Василія Великаго, въ которомъ говорится, что крещеніе отъ еретиковъ „непріятно", т. е. недѣйствительно, и на 47 правило тогоже святителя, которымъ повелѣвается крестить даже раскольниковъ, напр. Воздержниковъ или Енкратитовъ, Апотактитовъ и др., не смотря на то, что всѣ эти раскольники крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа (1). Что касается 1 правила св. Василія Великаго, то, какъ показываетъ его толкованіе (2), въ немъ имѣлъ въ виду св. Отецъ такихъ еретиковъ, которыхъ, по правиламъ, дѣйствительно нужно было перекрещивать, именно: Монтанистовъ, Манихеевъ, Маркіонитовъ и др.; всѣ эти еретики, какъ мы уже говорили, совершали крещеніе не во имя Святыя Троицы; неудивительно поэтому, если Василій Великій повелѣвалъ ихъ перекрещивать. Касательно же раскольниковъ и подцерковниковъ св. Отецъ говоритъ, что первыхъ нужно принимать чрезъ мѵропомазаніе, а послѣнихъ чрезъ одно покаяніе. Что же касается 47-го правила, въ которомъ

(1) Отв. на вопр. л. 160 и 162.

(2) По Кормчей, или точнѣе: самое правило въ полномъ его чтеніи (Курс. Церк. законов. т. II, стр. 13).

повелѣвается перекрещивать разнаго рода раскольниковъ, крестившихся, какъ извѣстно, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то въ этомъ самомъ правилѣ указана и причина, почему св. Отецъ, назвавшій въ 1 правилѣ крещеніе раскольниковъ „пріятнымъ", въ 47-мъ правилѣ заповѣдуетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ перекрещивать. И причина эта не только не противорѣчитъ нашей основной мысли, т. е. что нужно перекрещивать только тѣхъ еретиковъ, которые крещены не во имя Св. Троицы, напротивъ подтверждаетъ эту мысль. Вотъ какъ читается самое правило: „воздержники, вретещники и апотактиты да крестяши. Аще бо и *глаголютъ*, яко во имя Отца и Сына и Святаго Духа крестихомся, но понеже злу Творца Бога нарицающе, хулятъ по Маркіонову ученію, некрещени же, не пріятни". Изъ этихъ словъ ясно видно, что св. Отецъ заповѣдуетъ крестить Енкратитовъ, Апотактитовъ и др. раскольниковъ единственно потому, что они усвоили себѣ заблужденія маркіонитскія; а Маркіониты, какъ уже было сказано, не вѣровали во Святую Троицу. „Хотя раскольники (указанные), какъ бы такъ разсуждалъ св. Отецъ, и говорятъ, что крещаются во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и поэтому по правиламъ (напр. по 1 прав. самого Василія Великаго), ихъ не слѣдовалобы перекрещивать, но такъ какъ они заразились заблужденіемъ еретиковъ Маркіонитовъ, которые, не вѣруя во Святую Троицу, и не крестились во имя трехъ лицъ Божества, то очень можно сомнѣваться и въ дѣйствительности крещенія указанныхъ раскольниковъ. Можетъ быть, они только на словахъ крещаются во имя Святыя Троицы, а на дѣлѣ поступаютъ по маркіонитски. Въ такомъ случаѣ лучше крестить и ихъ". Вотъ истинный смыслъ 47 правила св. Василія

Великаго, и онъ рѣшительно не въ пользу безпоповцевъ. Наконецъ нельзя не замѣтить и того, что св. Отецъ, какъ видно изъ полнаго чтенія правила ([1]), не считалъ своего мнѣнія за положительное правило, но предоставлялъ рѣшеніе вопроса Соборамъ. Соборы же, какъ вселенскіе, такъ и помѣстные, опредѣлили и Енкратитовъ, и подобныхъ имъ раскольниковъ не перекрещивать, а только помазывать св. мvромъ (II-го всел. 7 пр., VI всел. 95-е, Лаод. 7-е и др.). Притомъ, по замѣчанію самого же св. Василія, перекрещивать указанныхъ еретиковъ не вездѣ было принято въ обычай. Что же касается Новатіанъ, которыхъ св. Отецъ также повелѣваетъ перекрещивать, хотя они, какъ несомнѣнно извѣстно, совершали крещеніе правильно, то нѣкоторые, во избѣжаніе противорѣчія 47 правила 1 правилу того же Отца, въ которомъ онъ повелѣваетъ принимать Новатіанъ (подъ именемъ каѳаровъ) чрезъ мvропомазаніе, утверждаютъ, что вмѣсто словъ: *подлежатъ тому же сужденію, какъ и Новатіане*, нужно читать: не тому же подлежать сужденію (ϗκ τω αυτω υποκεινται λογω), думая, что отрицательная частица: ϗκ опущена по ошибкѣ писца ([2]). Допустить подобное предположеніе ничто не препятствуетъ; напротивъ только въ такомъ случаѣ и устранится противорѣчіе между правилами св. Отца 47 и 1, и понятны будутъ дальнѣйшія слова 47 правила: *ибо о сихъ* (οτι περὶ μεν εκεινων), т. е. Новатіанахъ, *издано правило, хотя и не единообразное, о тѣхъ же* (τα δε κατα τϗτϗς) т. е. Енкратитахъ и Саккофорахъ, *умолчано*. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что св. Отецъ

([1]) См. полное правило въ Курс. Церк. Законов. Т. II, стр. 65 и 66.
([2]) Труд. Кіев. Дух. Акад. тамъ же стр. 305.

не выдавалъ своего 47 правила за непреложный законъ, но смотрѣлъ на него, какъ на частное свое мнѣніе, и окончательное рѣшеніе вопроса о принятіи неправославныхъ предоставлялъ Соборамъ. А Соборы (II-го всел. прав. 7-е, IV-го всел. пр. 95 и др.) опредѣлили принимать Новатіанъ только чрезъ мνропомазаніе.

За тѣмъ безпоповцы указываютъ еще на перекрещиваніе древнею Церковію Аріанъ, которые совершали крещеніе во имя Святыя Троицы. Что Аріане крестились во имя Отца и Сына и Святаго Духа (умствуя о второмъ лицѣ по своему), это правда. Но несправедливо, будто древняя Церковь перекрещивала Аріанъ, при переходѣ ихъ въ православіе. Безпоповцы говорятъ: „мнози святіи паки второе крестиша аріанъ" и при этомъ указываютъ на епископовъ: Павлина антіохійскаго и Порфирія газскаго (¹). Дѣйствительно, въ житіи Порфирія (²) говорится, что онъ крестилъ Навклνра, бывшаго тайнымъ аріаниномъ. Но если это извѣстіе и справедливо, оно указываетъ только на частный случай, котораго никакъ нельзя возводить въ общее правило особенно потому, что указанный случай находится въ прямомъ противорѣчіи правиламъ Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, которыми повелѣвается принимать Аріанъ въ Церковь только чрезъ мνропомазаніе (³). Что же касается до указанія раскольниковъ на Павлина, епископа антіохійскаго, то сказаніе объ немъ, находящееся въ житіи Мелетія антіохійскаго (⁴), рѣшительно не говоритъ,

(¹) Отв. на вопр. л. 166.

(²) Ч.—Мин. подъ 26 феврал., изд. 1714 г. Кіев., и также у Баронія подъ 301 г.

(³) Таковы правила 7-е II-го всел. Соб., 95-е пр. VI всел. Соб. соб. прив. къ Мартирію (Кормч. Ч. I, л. 293).

(⁴) Ч. Мин. подъ 12 ч. февраля.

чтобы Павлинъ перекрещивалъ Аріанъ. Тамъ сказано только, что когда Мелетій возвратился изъ заточенія въ Антіохію, онъ нашелъ православныхъ раздѣлившимися на двѣ части; одна часть состояла изъ христіанъ, которые, во время отсутствія Мелетіева, избрали себѣ во епископа Павлина, —другую составляли приверженцы Мелетія, большею частію обращенные имъ въ православіе изъ аріанства. Первые назывались павлиніанами, вторые — мелетіанами. Этихъ послѣднихъ, по замѣчанію житія, павлиніане „въ общеніе свое не пріемляху"— между прочимъ потому, что они „отъ аріанъ крещени быша". Какъ всякій можетъ видѣть, въ этомъ повѣствованіи говорится только, что павлиніане не хотѣли имѣть общенія съ мелетіанами изъ аріанъ, бывшими въ это время уже православными, но нѣтъ и намека на то, чтобы Павлинъ перекрещивалъ Аріанъ, что хотятъ доказать безпоповцы. Что же касается того, какъ древняя Церковь принимала Аріанъ, то отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ 7 правилѣ II-го вселенскаго Собора, въ 95 правилѣ VI вселенскаго Собора и у Тимоѳея пресвитера (1). По всѣмъ этимъ правиламъ Аріане принимались чрезъ мѵропомазаніе. А какъ видно изъ каноническаго посланія св. Аѳанасія Великаго къ Руфиніану (2), до II вселенскаго Собора Аріане принимались въ Церковь только чрезъ покаяніе съ отреченіемъ отъ заблужденій.

Еще указываютъ безпоповцы на перекрещиваніе древнею Церковію Несторіанъ, Евтихіанъ и Северіанъ (3), у которыхъ крещеніе совершалось во имя Св. Троицы. Правда, Тимоѳей пресвитеръ говоритъ: „несторіаны, и ев-

(1) Отв. на вопр. л. 168 и 169; Меч. дух. л. 97—8.
(2) Корич. ч. II, л. 312 об.
(3) См. кн. правилъ стр. 334 об.—336.

тихіанисты, и северіяны, и иже отъ подобныхъ имъ ересей: подобаетъ имъ творити записаніе, и проклинати свою ересь, и Несторія и Евтихія и Діоскора и Севира и прочія начальники таковымъ ересемъ, иже тѣхъ мудрствующыя... и тако восприимати имъ святое крещеніе" (1). Но другія правила Соборовъ говорятъ объ этомъ предметѣ иначе. Такъ по 95 правилу VI вселенскаго Собора указанныхъ еретиковъ нужно принимать только чрезъ отреченіе отъ ереси (2). Думаемъ, что голосъ цѣлаго Собора важнѣе мнѣнія одного лица, и раскольники напрасно, опустивъ изъ вниманія указанное правило Собора, остановились на однихъ словахъ Тимоѳея пресвитера. Впрочемъ только недобросовѣстность безпоповцевъ рѣшилась поставить Тимоѳея пресвитера въ противорѣчіе вселенскому Собору; на самомъ же дѣлѣ онъ училъ о принятіи въ Церковь Несторіанъ, Евтихіанъ и Северіанъ точно также, какъ учили объ этомъ и Отцы VI Собора. Свидѣтель этому — Никонъ черногорецъ,—лице, уважаемое самими раскольниками. Передавая разсматриваемое правило Тимоѳея пресвитера, онъ вмѣсто словъ: „и тако восприимати имъ святое *крещеніе*, читаетъ: „и тако восприимати имъ святое *причащеніе*" (3). Такимъ образомъ опечатка въ Кормчей, которую безпоповцы, знающіе книгу Никона черногорца, должны бы примѣтить, вмѣсто того, чтобы вразумить раскольниковъ, дала имъ только случай взвести клевету на Тимоѳея пресвитера и ошибкою книги ненамѣренною злонамѣренно воспользоваться къ обольщенію простодуш-

(1) Кормч. Ч. II, л. 313 об.

(2) Курс. Церк. законов. т. II, стр. 495—7. По Кормчей 95-е правило VI всел. Собора требуетъ принимать указанныхъ еретиковъ чрезъ муропомазаніе; но въ Кормчей правило это изложено невѣрно, какъ показываетъ самое толкованіе его.

(3) Ник. черног. слов. 63, л. 561 об.

ныхъ и малосвѣдущихъ людей. А что именно въ Кормчей, а не у Никона черногорца, по ошибкѣ стоитъ слово: *крещеніе* вмѣсто: *причащеніе*, это видно изъ слѣдующихъ словъ самого Тимоѳея пресвитера, находящихся въ томъ же самомъ правилѣ: „ни помазуеміи, ни крещаеміи, но точію проклинающіи своя ереси суть сіи: мелетіане... несторіане, евтихіане и тѣхъ общникъ Діоскоръ, и прочіи, Севиръ и Іаковъ" ([1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Тимоѳея пресвитера, Несторіанъ, Евтихіанъ и Северіанъ нужно принимать въ Церковь не только не чрезъ крещеніе, но даже не чрезъ мѵропомазаніе, а только чрезъ проклятіе ереси, съ чѣмъ согласно и 95 правило VI вселенскаго Собора.

Безпоповцы указываютъ еще на перекрещиваніе древнею Церковію Армянъ, которые, какъ извѣстно, совершаютъ крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа ([2]). Дѣйствительно, по славянской Кормчей ([3]) Тимоѳей пресвитеръ говоритъ, что *нѣкоторые*, на основаніи слова Іоанна, митрополита Никейскаго, перекрещивали Армянъ, при обращеніи ихъ къ Церкви. Но, по свидѣтельству того же Тимоѳея пресвитера, въ великихъ и соборныхъ Церквахъ, т. е. въ патріархіяхъ и митрополіяхъ принимали Армянъ чрезъ мѵропомазаніе по причинамъ „благословнымъ и нужнымъ". Такъ принимать Армянъ считалъ законнымъ и самъ Тимоѳей пресвитеръ ([4]). Тоже заповѣдуетъ и Никонъ черногорецъ ([5]).

([1]) Кормч. Ч. II, л. 312 об. Опечатку въ Кормчей замѣтили и раскольники болѣе другихъ добросовѣстные (Пешех. отв. л. 210 об.).

([2]) Отв. на вопр. л. 133 и 169; Меч. дух. л. 96 об.

([3]) Какъ въ посланіи Тимоѳея пресвитера, жившаго въ V вѣкѣ, явилась (по Кормчей) рѣчь объ армянахъ, равно о 95 правилѣ IV вселенскаго Собора; см. объ этомъ въ Труд. Кіев. дух. Акад. томъ же стр. 322, примѣч. 2-е.

([4]) Кормч. ч. II, л. 314 и 315.

([5]) Ник. черног. кн. л. 562.

Наконецъ безпоповцы указываютъ на перекрещиваніе древнею Церковію Латинъ, крещающихся во имя Св. Троицы (1). Безпоповцы съ особенною любовію останавливаются на этомъ последнемъ примѣрѣ и съ поднымъ торжествомъ проповѣдуютъ, что тутъ возраженій противъ нихъ уже быть не можетъ. Латинствованіе нашей Церкви, по мнѣнію раскольниковъ, ясно для всякаго, какъ день,—принятіе Латинъ древнею Церковію чрезъ крещеніе также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; все—въ пользу безпоповцевъ, и ничего—въ пользу православной Церкви,—только, разумѣется, по небезпристрастному взгляду на дѣло раскольниковъ. Для человѣка же, который обращается къ историческимъ фактамъ не для того, чтобы ихъ подводить подъ заранѣе составленную мѣрку и ими подтверждать предзанятыя мысли, но для повѣрки своихъ понятій исторіею, какъ судіею болѣе спокойнымъ и потому менѣе пристрастнымъ,—для такого человѣка и латинствованіе нашей Церкви становится дѣломъ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, и мысль, будто Латинъ въ древности принимали въ Церковь чрезъ крещеніе, оказывается рѣшительно несправедливою. Постараемся доказать справедливость нашихъ словъ.

Во первыхъ безпоповцы считаютъ не требующею особенныхъ доказательствъ мысль, что Церковь наша заразилась латинствомъ, такъ сказать, *олатинилась*. Однако это не такъ справедливо, какъ кажется безпоповцамъ. Мы не будемъ входить въ разборъ всѣхъ клеветъ, какія высказываютъ въ этомъ случаѣ раскольники—съ одной стороны потому, что о многихъ изъ мнимыхъ ересей латинскихъ, существующихъ будто бы въ нашей

(1) Отв. на вопр. л. 170—1; Меч. дух. л. 102—117.

Церкви, (напр. о четвероконечномъ крестѣ, о трегубой аллилуіа и др.) уже писано не мало и—доказано, что раскольники ошибаются, считая указанные обычаи православной Церкви латинскими ересями,—частію потому, что безпоповцы, въ слѣдствіе сильнаго желанія представить нашу Церковь латинствующею, вдались въ мелочи, не стоющія серьезнаго вниманія, указываютъ частности, въ которыхъ погрѣшаютъ только *нѣкоторыя* православныя лица и которыя не смотря на это безпоповцы ставятъ въ вину *всей Церкви*. Такъ напр. безпоповцы упрекаютъ нашу Церковь даже въ томъ, что у насъ—въ Россіи „подобно латынамъ, комѣди строятъ", что, подобно латинамъ, „россіяне мнози, а наипаче дворяне, изъ единыхъ сосудовъ со псы ядятъ", что какъ латины, такъ и „россіяне нынѣ, паче же высокія лица, птицъ давленыхъ и ястребами пораженныхъ, и заяцевъ давленыхъ псами и въ петляхъ, и скверныя жабы и устрицы ядятъ", что „нынѣшніе россіяне, подобно латинамъ, аптеки и гофшпитали имѣютъ, и въ нихъ всякія мерзости употребляютъ и людей мертвыхъ на уды, аки звѣріи дивіи терзаютъ," что „мнози изъ нынѣшнихъ монаховъ, какъ простыхъ, такъ и освященныхъ, птицъ ядятъ и всякое хмѣльное питіе пьютъ, подобно монахомъ латинскимъ", и проч. и проч. (1). Все это—такія явленія жизни обыденной, не имѣющія никакого отношенія къ чистотѣ вѣры, что останавливаться на нихъ было бы довольно странно (2).

(Продолженіе впредь.)

(1) Отв. на вопр. л. 90—2.

(2) Краткія замѣтки объ этихъ обвиненіяхъ см. въ Хр. Чт. 1863 г. янв.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ЗА 1865 ГОДЪ.

I.

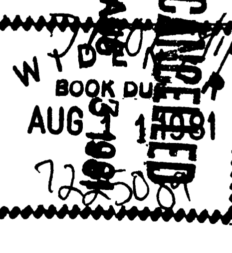
Христіанская жизнь и дѣятельность.

II.

III.

Современное обозрѣніе церковныхъ дѣлъ и богословской литературы.

Цесаревны


WIDENER
BOOK DUE
AUG 1 1981
CANCELLED